Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Материалы XI Международной научно-практической интернет-конференции –

региональной площадки Московского академического экономического форума

(г. Вологда, 18–21 мая 2026 г.)

Вологда
2026

УДК 330.341
ББК 65.9-962
П78

Публикуется по решению
Объединенного ученого совета
ВолНЦ РАН

П78 **Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий**: материалы XI Международной научно-практической интернет-конференции – региональной площадки Московского академического экономического форума (г. Вологда, 18–21 мая 2026 г.). – Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2026. – 370 с.: ил., табл. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Текст: электронный.

ISBN 978-5-93299-677-5

Редакционная коллегия:

Т.В. Ускова
д.э.н., профессор, зам. директора по научной работе ФГБУН ВолНЦ РАН

Е.В. Лукин
к.э.н., ведущий научный сотрудник, зав. центром ФГБУН ВолНЦ РАН

С.А. Кожевников
д.э.н., ведущий научный сотрудник, зав. центром ФГБУН ВолНЦ РАН

Е.Д. Копытова
к.э.н., старший научный сотрудник, и. о. зав. центром ФГБУН ВолНЦ РАН

В сборнике представлены материалы XI Международной научно-практической интернет-конференции «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий», проходившей 18–21 мая 2026 года в ФГБУН ВолНЦ РАН. Конференция является одной из региональных площадок проведения VIII Международного Московского академического экономического форума «Приоритеты экономического развития и технологический суверенитет России» (МАЭФ 2026).

Участие в конференции приняли исследователи из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья. В представленных работах обсуждаются проблемы повышения устойчивости развития регионов, возможности обеспечения промышленного роста, особенности отраслевого развития в условиях структурно-технологической перестройки экономики. Затрагиваются вопросы социального-экономического и пространственного развития территорий, развития крупных, малых и средних городов, а также городских агломераций Российской Федерации. Обсуждаются проблемы формирования и резервы повышения финансового потенциала и его структурных элементов, перспективы развития бюджетной системы, тенденции и факторы формирования финансовых результатов хозяйствующих субъектов. Освещаются вопросы научно-технологического развития территорий, инновационной деятельности в реальном секторе экономики, технологического и социального предпринимательства, инновационной активности населения и др.

Сборник предназначен для научных работников, экономистов, преподавателей, студентов и аспирантов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности и всех интересующихся проблемами экономического роста России и ее регионов.

Тексты докладов приводятся в авторской редакции. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов докладов. Ответственность за содержание докладов несут авторы.

УДК 330.341
ББК 65.9-962

ISBN 978-5-93299-677-5

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2026

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ **7**

СЕКЦИЯ № 1

Александров А.О., Мосин В.И., Юдачева А.А. Экологичное строительство на основе керамзита и продуктов его переработки как фактор структурно-технологической трансформации региональной экономики 11

Аллагулов Р.Х. Технологический суверенитет как фактор обеспечения устойчивости территорий: механизмы адаптации производственных систем и ии-оркестрация 15

Алонцо А.А. Инструменты брендинга на основе национальной идентичности: кейс бразильской массовой культуры и его потенциал для развития территориальных брендов в России 18

Бикмаева А.Д. Технологический суверенитет России: роль формирования диверсифицированной специализации экономики и повышения ее сложности 22

Богачева Е.Е., Феоктистова Е.И. Влияние государственной поддержки на внедрение искусственного интеллекта в малом бизнесе: сравнительный анализ России, Китая и США .. 27

Верниковская О.В. Требования к «зеленым» государственным закупкам в Республике Беларусь: опыт и перспективы 30

Галимова Л.Р., Варламова Ю.А. Малый розничный бизнес в современной России: динамика закрытий, проблема цифровой нестабильности и меры государственной поддержки 34

Горин Е.А. Трансформация социально-экономического пространства: воздействия и результаты 38

Гусева Е.П. Современное состояние и тенденции развития сельского хозяйства Оренбургской области 43

Ефимова Е.Г., Маклякова М.И. Развитие малого предпринимательства в России за период 2014–2024 гг: тенденции, барьеры, перспективы 48

Колечков Д.В. Развитие строительной отрасли Республики Коми за 2005–2025 годы 53

Леонидова Е.Г. Внутренний туризм СЗФО: анализ трендов турпотока в контексте трансформации цепочек создания добавленной стоимости 57

Лисенков Д.М. Структурные факторы резильентности региональных экономик в условиях внешних шоков 61

Макарова Л.Н., Голубцова А.В. Краудфандинг как инструмент развития субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях цифровой экономики в Республике Беларусь 66

Мальцева Е.С. Развитие креативных кластеров как фактор экономического роста российской экономики 71

Михайлов В.С. Диверсификация экономики Республики Башкортостан: эконометрические подходы к выявлению драйверов роста 75

Муртазина Э.З., Вильданова Л.В. Цифровой маркетинг и привлечение клиентов 80

Низамутдинов И.К. Особенности реализации промышленного развития территории в современной российской экономике 83

Оборин М.С., Воротов М.Д. Цифровизация бизнес-процессов металлургического производства как инструмент достижения технологического суверенитета и устойчивого развития промышленных территорий 87

Попова Е.А., Комарова О.В. Влияние национальных проектов России на развитие человеческого капитала 92

Попова Н.И., Стеценко В.А. Бизнес-процессы в оптовой торговле, их особенности, проблемы информационного сопровождения в контексте потребительского спроса и принятия управленческих решений 97

Седых А.С., Бурденко Е.В. Анализ отраслевых сдвигов Иркутской области в условиях структурно-технологической трансформации 102

Степанов В.С. Приложение модели панельной регрессии к оценке индекса благосостояния населения: пять регионов из центра России 106

Сухочева Н.А., Грудкина Т.И. Экономическое значение производства масличных культур для Орловской области 112

Терешкина Н.Е. Автомобилестроительная отрасль: роль и состояние в России 116

Третьякова Л.А. Особенности управления сельскими территориями в условиях трансформационной экономики 120

Трифонова Е.Н. Влияние денежно-кредитной политики государства на темпы роста пищевой промышленности России 125

Шавкун Г.А., Биденко Т.В. Формирование промышленной экосистемы Донецкой народной республики на основе научно-технологических приоритетов 129

Шатунова Т. Е., Боболев М.А. Пути устойчивого развития молодежного предпринимательства в России 134

Широкова Е.Ю. Анализ динамики промышленности регионов Северо-Запада России 137

Якимишина Л. С. Потребительский спрос как триггер внедрения инновационных систем управленческого учета 142

Янкевич Е.М. Туристическая индустрия как инструмент повышения качества жизни населения 147

СЕКЦИЯ № 2

Белкин А.Н., Секушина И.А. Отрасль жилищного строительства Вологодской области: состояние, проблемы и факторы развития 152

Бельский А. М. Безопасность дорожного движения в оценках населения Республики Беларусь (по материалам социологического исследования) 155

Воробьева Ю.С. Теоретический базис пространственной организации региональных социально-экономических систем 160

Гаврилец Ю.Н., Кудров А. В., Тараканова И. В. Социально-бытовая неудовлетворенность населения России: анализ, динамика и региональная дифференциация (2022–2024 гг.) 165

Губанова Е.С. Пространственная асимметрия инвестиционных процессов в регионе 170

Зырянова М.А. Институт нянь: предпосылки развития и рынок предложений на Российском Севере 174

Иванов В.А. Сельская экономика как основа устойчивого развития сельских территорий 179

Котов Е.В. Концепции регионального развития в условиях ресурсных ограничений: опыт применимости к ДНР 184

Краснопольский Б.Х. Пространственные процессы в развитии высокоширотных территорий Дальнего Востока: эмерджентные эффекты 189

Лебедева М.А. Картографический метод в оценке качества городской среды малых городов..... 194

Маричев С.Г. Эволюция целей промышленной политики: международный опыт и реализация в российских условиях 197

Мухаметова А.Д. Факторы межрегиональной вариативности производительности труда в субъектах Российской Федерации 201

Одинцова А.В. Опорные населенные пункты как новый приоритет пространственного развития Российской Федерации 205

Патракова С.С. Глобальные тренды и вызовы развития сельского хозяйства..... 209

Поляков Р.К. Диверсификация экономики Калининградской области: портфельный анализ и оценка вклада отраслевых компонентов роста 214

Склярова А.Н. Противодействие коррупции в системе экономической безопасности..... 219

Смирнова Е.В. Российско-казахстанское приграничье Уральского экономического района: потенциал устойчивого развития и сотрудничество..... 223

Соловьева Т.С. Привлекательность локальных территорий в оценках населения 228

Спирягин В.И. Роль прибрежных земель в разнообразии питания морской авиафауны..... 233

Трофимова Я.В. Опыт интеграции (на примере региона Рур)..... 236

Шарапова Е.Р., Шинкарева О.В. Сравнительный анализ организации функционирования речного транспорта в Москве и зарубежных мегаполисах..... 240

СЕКЦИЯ № 3

Борисов Е.В. Расходы региональных бюджетов Северо-Западного федерального округа в период 2006–2025 гг. 245

Гончарук Д.С. К вопросу об инвестиционной политике крупных металлургических корпораций в условиях текущего денежно-кредитного регулирования..... 250

Гоцко Т.В. Проблемы нормирования в финансовых органах муниципальных образований 254

Грачева П.Р. Влияние производительности труда на капитал организации..... 259

Зильберт Г.А. Налоговые инструменты стимулирования жилищного строительства Ярославской области: потенциал и ограничения 263

Карелина С.А. Банкротство иностранных юридических лиц на территории Российской Федерации: общие положения..... 267

Копытова Е.Д. Развитие финансовой системы: исторические закономерности и современные тенденции..... 270

Лежнева Е.В. Учет ипотечной нагрузки при назначении единого пособия как фактор повышения уровня жизни населения Вологодской области 273

Мятникова И.В. Социальная справедливость в общественном мнении: по результатам социологического исследования 276

Осмоловец С.С. Информационное неравенство на финансовом рынке в условиях цифровизации..... 281

Пугачев А.А. Эффекты преференциального налогообложения резидентов территорий опережающего развития в Ярославской области 285

Сибирякова Н.В. Проблемы формирования и развития рынка финансовых услуг 290

Тимушев Е.Н. Основные тенденции в предоставлении межбюджетных трансфертов на реализацию нацпроектов 295

Шевченко О. В., Шестопалова Ю.Ю., Шелевер В.Р. Социально-демографическое факторы формирования финансовых результатов хозяйствующих субъектов региона 298

СЕКЦИЯ № 4

Абдульманов Р.А. Платформенная трансформация стоимости в цифровой экономике: вызовы и возможности развития золотых цифровых активов 303

Верещагин В.С. Инновационное предпринимательство как драйвер достижения технологического суверенитета: барьеры прогресса в Вологодской области 307

Горячевская Е.С. Инновационная среда российской арктики: состояние и ограничения..... 312

Гарипова З.Ф. Региональный дисбаланс научно-технологического развития России: институциональный и кадровый аспекты 317

Захарян А.Г. Проблемы финансирования научно-исследовательской деятельности 323

Иванов С.Л. Научно-технологический потенциал региона: практика оценки в рамках новых подходов..... 329

Коровина А.А. Цифровая экономика России: современные вызовы и стратегические возможности развития территорий 335

Козлов А.Н. Императивы научно-технологического предпринимательства как вектор территориального переустройства 338

Кириллова С.А. Барьеры обеспечения устойчивости развития экономики регионов на основе реализации научно-технологического потенциала 342

Латыпова Р.Р., Гамаюнова О.С. HBIM-модели для сохранения объектов культурного наследия и развития территорий..... 347

Ободец Р.В., Рахматуллина Д.Г. Электронное и дистанционное обучение в системе школьного образования Республики Башкортостан: состояние, проблемы и перспективы развития..... 352

Столь А.В. Примеры лучших практик интеграции образования и науки с промышленностью 357

Шимановская М.В. Зарубежный опыт решения проблем монопрофильных территорий: стратегии, инструменты и результаты 361

Яковченко А.А. Концептуальный подход к построению механизма государственного регулирования научно-технологического развития Донецкой Народной Республики 366

Предисловие

Обеспечение долгосрочного экономического роста и устойчивого развития регионов на протяжении долгого времени является приоритетной задачей для научного и экспертного сообщества. На современном этапе стратегическим вектором достижения этой устойчивости выступает реализация национальных проектов и государственных программ социально-экономического развития, утвержденных президентом России.

Активное участие в данном научно-управленческом дискурсе принимает Вологодский научный центр РАН. Регулярное проведение научно-практических конференций позволяет центру объединять на своей площадке авторитетных российских исследователей, делегатов от властных структур и руководителей предприятий для выработки научно обоснованных рекомендаций.

С 18 по 21 мая 2026 года на базе Вологодского научного центра РАН состоялась XI Международная научно-практическая интернет-конференция «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий». Организаторами конференции выступили Вологодский научный центр РАН, Отделение социальных наук и международных отношений РАН (Отделение общественных наук РАН), Вольное экономическое общество России. С 2019 года мероприятие выступает в качестве одной из региональных площадок Московского академического экономического форума (МАЭФ), в этом году в рамках VIII Международного Московского академического экономического форума «Приоритеты экономического развития и технологический суверенитет России» (МАЭФ 2026).

Конференция объединила почти 300 исследователей – ученых, студентов и аспирантов из России, Беларуси, и Армении, среди которых 10 докторов и 41 кандидат наук (48,6% участников с ученой степенью). В рамках работы конференции прошло коллективное обсуждение современных тенденций развития национальной и региональной экономики, актуальных проблем экономического роста и устойчивого развития территорий, а также путей их решения.

Конференция проходила в течение четырех дней. Во второй день ее работы (19 мая 2026 года) состоялось пленарное заседание в онлайн-формате на платформе «Контур.Толк». С приветственным словом к участникам мероприятия обратился заведующий центром структурных исследований и прогнозирования территориального развития, ведущий научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН, кандидат экономических наук Евгений Владимирович Лукин, который отметил важность и актуальность проблем, поднимаемых на конференции, осветил географию участников, перечень обсуждаемых вопросов и количество докладов. Первым на пленарном заседании выступил профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственного службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук Юрий Владимирович Савельев с докладом «Межрегиональные экономические и инфраструктурные диспропорции на Северо-Западе России». Далее представили свои доклады ведущий научный сотрудник центра социально-демографических исследований ФГБУН ВолНЦ РАН, кандидат экономических наук Андрей Васильевич Попов («Современные трансформации в занятости и их значение для устойчивого развития территорий»); старший научный сотрудник лаборатории прогнозирования производства и использования конструкционных материалов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, кандидат экономических наук Василий Сергеевич Устинов («Социальные аспекты роботизации российской металлургии»); научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования воспроизводственных процессов центра структурных исследований и прогнозирования территориального развития ФГБУН ВолНЦ РАН Никита Михайлович Румянцев («Структурная трансформация региональной экономики: мониторинг, регулирование, прогноз»). Завершил работу пленарного заседания инженер-исследователь центра финансовых исследований ФГБУН ВолНЦ РАН Данила Сергеевич Гончарук, представив исследование на тему «Готовы ли регионы к научно-технологическому лидерству России? Результаты эмпирической оценки 2025 года».

В следующие дни Конференция продолжила свою работу в традиционном формате онлайн-дискуссии на интернет-форуме, где участники ознакомились с представленными работами и адресовали вопросы авторам докладов, которые были представлены в четырех тематических секциях:

• проблемы и перспективы социально-экономического развития территорий в условиях структурно-технологической трансформации российской экономики;

• проблемы и перспективы пространственного развития территорий;

• проблемы и актуальные вопросы развития финансовой системы;

• научно-технологическое развитие территорий: проблемы и перспективы.

На форуме конференции было опубликовано 98 докладов, в рамках развернувшейся дискуссии количество сообщений на интернет-площадке превысило 860.

В рамках секции 1 «Проблемы и перспективы социально-экономического развития территорий в условиях структурно-технологической трансформации российской экономики» (модераторы – заведующий центром структурных исследований и прогнозирования территориального развития, ведущий научный сотрудник кандидат экономических наук Е.В. Лукин; заведующий лабораторией отраслевых исследований, старший научный сотрудник, кандидат экономических наук Е.Г. Леонидова, заведующий лабораторией исследования воспроизводственных процессов, научный сотрудник Н.М. Румянцев) обсуждались проблемы повышения устойчивости развития регионов, возможности обеспечения промышленного роста, особенности отраслевого развития в условиях структурно-технологической перестройки экономики и другие актуальные вопросы.

В ходе работы секции 2 «Проблемы и перспективы пространственного развития территорий» (модераторы – заведующий центром исследования пространственного развития социально-экономических систем, ведущий научный сотрудник, кандидат экономических наук С.А. Кожевников; заведующий лабораторией исследования проблем управления пространственными социально-экономическими системами, старший научный сотрудник, кандидат экономических наук Н.В. Ворошилов) обсуждались тенденции социально-экономического и пространственного развития территорий, проблемы и пути развития крупных, малых и средних городов, а также городских агломераций Российской Федерации.

В секции 3 «Проблемы и актуальные вопросы развития финансовой системы» (модераторы – научный сотрудник лаборатории исследования проблем управления пространственными социально-экономическими системами центра исследования пространственного развития социально-экономических систем, кандидат экономических наук Е.Д. Копытова; инженер-исследователь центра финансовых исследований Д.С. Гончарук) были представлены доклады, затрагивающие проблемы формирования и резервы повышения финансового потенциала и его структурных элементов, перспективы развития бюджетной системы, тенденции и факторы формирования финансовых результатов хозяйствующих субъектов и др.

В секции 4 «Научно-технологическое развитие территорий: проблемы и перспективы» (модераторы – научный сотрудник лаборатории инновационной экономики, кандидат экономических наук С.Л. Иванов; лаборант-исследователь лаборатории инновационной экономики В.С. Верещагин) были представлены доклады по следующим направлениям: научно-технологическое развитие территорий, инновационная деятельность в реальном секторе экономики, технологическое и социальное предпринимательство, инновационная активность населения и др.

Наибольший интерес вызвали следующие доклады:

• «Бизнес-процессы в оптовой торговле, их особенности, проблемы информационного сопровождения в контексте потребительского спроса и принятия управленческих решений» – Наталья Ивановна Попова, Виктория Александровна Стеценко (Донецкий государственный университет, г. Донецк);

• «Технологический суверенитет России: роль формирования диверсифицированной специализации экономики и повышения ее сложности» – Алия Динмухаматовна Бикмаева (Уфимский университет науки и технологии, г. Уфа);

• «Пути устойчивого развития молодежного предпринимательства в России» – Татьяна Евгеньевна Шатунова, Михаил Андреевич Боболев (Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск);

• «Туристическая индустрия как инструмент повышения качества жизни населения» – Елена Михайловна Янкевич (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Республика Беларусь, г. Витебск);

• «Автомобилестроительная отрасль: роль и состояние в России» – Наталия Евгеньевна Терешкина (Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск).

Традиционно по итогам проведения интернет-конференции участникам были отправлены именные сертификаты.

Благодарим участников конференции за плодотворную работу и ждем на следующих мероприятиях, организованных Вологодским научным центром РАН.

Т.В. Ускова
научный руководитель конференции
зам. директора по научной работе ФГБУН ВолНЦ РАН, доктор экономических наук, профессор.

СЕКЦИЯ № 1. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ СТРУКТУРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

УДК 691.4 / ББК 38.3

Александров А.О., Мосин В.И., Юдачева А.А.

ЭКОЛОГИЧНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА ОСНОВЕ КЕРАМЗИТА И ПРОДУКТОВ ЕГО ПЕРЕРАБОТКИ КАК ФАКТОР СТРУКТУРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *Обоснование потенциала применения керамзита, керамзитобетонных изделий и вторичных ресурсов (зола уноса, керамзитовый бой) для сокращения выбросов CO_2, энергопотребления, затрат на отопление, а также для развития замкнутого цикла в строительной отрасли для повышения эффективности экономики территорий.*

Ключевые слова: *керамзит и керамзитобетонные блоки, экономический и экологический эффект.*

Структурная трансформация и вызовы строительной отрасли

Глобальная повестка устойчивого развития и внутренние задачи России по снижению углеродоемкости ВВП формируют запрос на структурное изменение строительного комплекса. Отрасль, традиционно ориентированная на высокоуглеродные бетон и сталь, стоит перед необходимостью смены технологической парадигмы. Одним из наиболее доступных и масштабируемых решений является переход на экологичные, энергоэффективные материалы, среди которых ключевое место занимает керамзит как в виде заполнителя для легких бетонов, так и в качестве сырья для повторного использования после демонтажа зданий.

1. Керамзит и керамзитобетонные блоки: технические и экологические преимущества

1.1. Снижение «мостиков холода» за счет мелких фракций.

При производстве керамзитобетона добавление мелкого керамзита (фракция 0–5 мм) в цементное тесто позволяет равномерно распределить пористые частицы по всему объему. Это значительно снижает пропускную способность холода через конструкцию – материал работает как непрерывный теплоизолятор, минимизируя локальные зоны повышенной теплопередачи («мостики холода»), которые характерны для обычного тяжелого бетона.

1.2. Типы блоков: стеновые и перегородочные.

Керамзитобетонные блоки выпускаются в двух основных категориях: стеновые (для несущих и самонесущих наружных и внутренних стен) и перегородочные (для внутренних ненесущих перегородок, меньшей толщины).

1.3. Самый теплый блок для северных регионов.

Для регионов с холодным климатом, к которому относится и Тульская область, оптимальным является 15-щелевой пазогребневый блок размерами 390×390×188 мм. Высокая пустотность (15 щелей) в сочетании с керамзитовым заполнителем обеспечивает исключительно низкую теплопроводность. Система паз-гребень упрощает кладку и уменьшает теплопотери через швы.

1.4. Микроклимат и особенности эксплуатации.

Керамзитобетонные блоки «дышат»: показатель паропроницаемости составляет 0,09–0,14 мг/(м·ч·Па). Это способствует естественному влагообмену и созданию комфортного микроклимата в помещении. Однако в зимние месяцы, при активном отоплении, относительная влажность воздуха может падать ниже нормы. В холодную зиму необходимо подключать увлажнители воздуха – это особенность, связанная с высокой воздухопроницаемостью материала и интенсивным воздухообменом. Степень «дыхания» также зависит от внутренней отделки (например, паронепроницаемые обои или краски могут снижать эффект).

1.5. Долговечность без фасадной отделки.

Керамзитобетонный блок даже без отделки фасадным материалом демонстрирует достаточно медленное разрушение под воздействием атмосферных факторов. Это обусловлено стойкостью обожженной глины к циклам замерзания–оттаивания и низкой капиллярной впитываемостью. Тем не менее, для увеличения срока службы рекомендуется защитная отделка.

2. Практический пример: дом в г. Алексин, Тульская область (реальные затраты на отопление за 2025 и 2026 гг.)

В качестве верификации энергоэффективности приведем данные по двухэтажному жилому дому из керамзитобетонных блоков (блок 390×190×188) в городе Алексин (Тульская область). Отопление газовое, отапливаемая площадь ~200 м².

2025 год	**Расходы на отопление, руб.**	**Среднемесячная температура, °С**
Май	3400	13,2
Июнь	2600	16,9
Июль	1200	21,7
Август	800	17,1
Сентябрь	700	13,8
2026 год	**Расходы на отопление, руб.**	**Среднемесячная температура, °С**
Январь	5200	около -8,2
Февраль	7800	-9,3 (холодная зима)
Март	8200	около +3
Источник: платежные документы ЖКХ.		

Анализ: зима 2026 года была холодной (февраль –9,3°С), тем не менее максимальный платеж не превысил 8200 руб./мес. Для сравнения: в аналогичном доме из кирпича или обычного бетона при том же отоплении счета были бы в 1,5–2 раза выше. Экономия достигается за счет высокой термостойкости керамзитобетона и низкой теплопроводности (0,25–0,32 Вт/(м·°С)).

3. Зола уноса как добавка в цемент: экономия, улучшение свойств и экология

3.1. Технологическая роль.

Переработанная зола уноса (улавливаемая электрофильтрами на ТЭС) может добавляться в цемент как при производстве портландцемента, так и непосредственно на бетонном узле. Ее средний размер зерен – около 80 микрон. Зола имеет различные фракции (в зависимости от размера зерен) и практически весь содержащийся кремнезем (45–50% массы золы) является активным, т. е. вступает в реакцию с известью, образуя дополнительные гидросиликаты кальция.

3.2. Эффекты:

– удешевление цемента на 10–20% без потери прочности (частичная замена клинкера);

– улучшение технических характеристик бетона: повышение удобоукладываемости, снижение тепловыделения при твердении, увеличение конечной прочности и долговечности;

– снижение углеродного следа: на каждую тонну замещенного клинкера сокращается около 0,9 тонн выбросов CO_2.

3.3. Экологический аспект мирового масштаба.

Использование золы уноса в строительстве решает острейшую проблему золоотвалов – крупнейших техногенных загрязнителей (воды, почвы, воздуха). В РФ накоплены сотни миллионов тонн золы и вовлечение ее в оборот (вместо захоронения) является значительным вкладом в снижение экологической нагрузки.

4. Переработка керамзита после демонтажа и реконструкции: замкнутый цикл

4.1. Масштаб проблемы.

При сносе и реконструкции зданий керамзитобетонные конструкции становятся крупнейшим источником керамзитсодержащего строительного мусора. Текущие методы обращения с ним: захоронение на полигонах (занимает площади, загрязняет грунт), использование в качестве технической засыпки (грунтов, дорожных насыпей) – низкая добавленная стоимость, и переработка – наиболее перспективный путь.

4.2. Инновационные направления глубокой переработки.

Керамзитовый бой (дробленый керамзит из разобранных блоков) может быть измельчен до пыли (удельная поверхность > 3000 см²/г). Эта пыль пригодна для:

– производства геополимерных вяжущих – альтернативы портландцементу. Геополимеры образуются при щелочной активации алюмосиликатов (керамзитовая пыль их содержит). Выбросы CO_2 при производстве геополимеров в 5–10 раз ниже, чем у цемента. Это ресурсосберегающая технология, использующая отходы вместо добычи сырья;

– инновационных композитных панелей (конструкционно-теплоизоляционных) с использованием вторичного керамзита;

– сухих строительных смесей (ССС) – теплоизоляционных штукатурок, кладочных растворов, наливных полов с повышенными тепло- и звукоизоляционными свойствами.

4.3. Экономический и экологический эффект для территорий:

– снижение нагрузки на полигоны ТКО и золоотвалы;

– создание новых производственных кластеров по переработке строительных отходов;

– замещение импортных вяжущих (цемента) местным вторсырьем;

– дополнительные рабочие места и сокращение транспортных выбросов (переработка на месте демонтажа).

5. Выводы и рекомендации для региональной политики

1. Керамзит и керамзитобетон являются проверенными, доступными и экологичными материалами, обеспечивающими снижение углеродного следа на этапах производства (за счет легкости, замены цемента золой) и эксплуатации (экономия отопления до 30–40%).

2. Добавление мелких фракций керамзита (0–5 мм) в бетонную смесь эффективно борется с мостиками холода, а использование 15-щелевых пазогребневых блоков перспективно для северных и холодных регионов.

3. Реальная эксплуатация (дом в г. Алексине, Тульская область, зима 2026 года) подтверждает платежи за отопление в пределах 5000–8200 руб./мес. при отапливаемой площади ~200 м² и средней температуре февраля –9,3°С.

4. Зола уноса – ценный компонент для удешевления и улучшения свойств цемента, а также для решения проблемы золоотвалов. Ее активный кремнезем (45–50%) позволяет снизить выбросы CO_2.

5. Переработка керамзитового боя (демонтаж, реконструкция) в пыль для геополимерных вяжущих, композитных панелей и сухих смесей создает замкнутый цикл и превращает строительные отходы в ресурс.

Региональные меры поддержки:

– включить в нормативы по энергоэффективности обязательный учет «эксплуатационного» углеродного следа;

– субсидировать строительство с применением керамзитобетонных блоков и золы уноса;

– стимулировать создание мощностей по переработке керамзит содержащего боя в геополимеры и ССС.

– включить керамзит в категорию «А» – материалы обязательные к применению при строительстве и капитальном ремонте объектов социальной инфраструктуры (детские сады, школы, больницы, объекты культуры, спорта, жилье по государственным и муниципальным программам), а также при возведении жилых домов с привлечением бюджетных средств или субсидируемых ипотечных программ.

Предлагаемый механизм реализации:

1. Внести дополнение в региональный перечень обязательных при применении строительных материалов для объектов, финансируемых из регионального бюджета (или с господдержкой).

2. Установить для застройщиков, применяющих керамзитсодержащие материалы, приоритетное получение компенсации процентной ставки по кредитам или дополнительный балл при отборе проектов на получение субсидий.

3. Включить в технические задания на проектирование муниципального жилья и социальных объектов требование об обязательном использовании керамзитобетонных блоков для наружных стен (для блоков типа 390×380×188) и/или мелкого керамзита 0–5 мм в составе стяжек, перегородок и теплоизоляционных слоев.

Ожидаемый эффект для региона:

– сокращение расходов на отопление социальных объектов и жилья (до 40%);

– снижение бюджетных субсидий на ЖКУ населению;

– уменьшение выбросов CO_2 в строительном секторе;

– стимулирование местных производителей керамзита и золопереработки;

– создание рабочих мест в сфере переработки строительных отходов.

Выбирая экологичные решения сегодня, мы закладываем прочный фундамент для завтрашнего дня.

Информация об авторах

Андрей Олегович Александров – директор компании ООО «Керамзит» (Российская Федерация, 301364, г. Алексин, ул. Арматурная, д. 34; e-mail: a897@yandex.ru)

Василий Иванович Мосин – кандидат философских наук, доцент; генеральный директор Тульского социологического центра (Российская Федерация, 300001, г. Алексин, ул. Гармонная, д. 28; e-mail: mosin55@bk.ru)

Анна Андреевна Юдачева – директор маркетингового агентства «Оранжевый Дождь» ИП Юдачева А.А. (Российская Федерация, 300041, г. Алексин, ул. Пионерская, д. 1; e-mail: aaa_71@inbox.ru)

Alexandrov A.O., Mosin V.I., Iudacheva A.A.

ENVIRONMENTALLY CONSTRUCTION BASED ON EXPANDED DIRECTION AND ITS PROCESSED PRODUCTS AS A FACTOR OF STRUCTURAL AND TECHNOLOGICAL TRANSFORMATION OF THE REGIONAL ECONOMY

Abstract. *Justification of the potential of using expanded clay, expanded clay concrete products and secondary resources (fly ash, expanded clay waste) to reduce CO_2 emissions, energy consumption, heating costs, as well as for the development of a closed cycle in the construction industry to improve the efficiency of the territorial economy*.

Keywords: *expanded clay and expanded clay concrete blocks, economic and environmental effect*.

About the authors

Andrey O. Alexandrov – Director of the Company KERAMZIT LLC (34, Armaturnaya Street, Aleksin, 301364, Russian Federation; e-mail: a897@yandex.ru)

Vasily I. Mosin – Candidate of Sciences (Philosophical), Associate Professor, General Director of the Tula Sociological Center (28, Garmonnaya Street, Tula, 300001, Russian Federation; e-mail: mosin55@bk.ru)

Anna A. Iudacheva – Director of the Marketing Agency "Orange Rain" IP Iudacheva A.A. (1, Pionerskaya Street, Tula, 300041, Russian Federation; e-mail: aaa_71@inbox.ru)

УДК 332.14 / ББК 65.04

Аллагулов Р.Х.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ТЕРРИТОРИЙ: МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИСТЕМ И ИИ-ОРКЕСТРАЦИЯ

Аннотация. *В статье исследуются механизмы обеспечения устойчивости территорий через достижение технологического суверенитета. Автор обосновывает роль автономных ИИ-агентов как инструмента «цифровой оркестрации» производственных цепочек. Сделан вывод, что синергия автоматизации и цифровых решений на уровне регионов формирует новые цепочки создания добавленной стоимости.*

Ключевые слова: *технологический суверенитет, устойчивость территорий, ИИ-агенты, производственные инновации, адаптация экономики.*

Современный этап структурно-технологической трансформации российской экономики диктует необходимость перехода от политики классического импортозамещения к стратегии системного технологического суверенитета. В условиях нарастающей макроэкономической волатильности устойчивость территорий определяется не столько наличием ресурсной базы, сколько способностью производственных систем к быстрой адаптации. Как отмечалось нами ранее, в данной парадигме происходит фундаментальная эволюция концепций: от простого замещения иностранных аналогов к созданию суверенной технологической среды, в которой территория способна самостоятельно генерировать уникальные технологические смыслы [5, с. 79]. Ключевым вызовом для регионального управления становится поиск инструментов, способных «сшивать» разорванные производственные связи и минимизировать трансакционные издержки внутри территориальных кластеров, превращая внешние шоки в триггеры развития.

Исследование проведем в соответствии с логикой: 1. Эволюция концепции автономности и ИИ-оркестрация производственных систем => 2. «Умная специализация» и роль технологического предпринимательства => 3. Синергия автоматизации и цифровых решений как базис суверенитета.

1. Трансформация территориальных цепочек создания добавленной стоимости сегодня невозможна без внедрения принципиально новых акторов управления. Мы склонны полагать, что в основе современной эффективности территорий лежит качественный переход от традиционных цифровых сервисов к автономным интеллектуальным системам. В наших работах обосновано, что внедрение ИИ-агентов радикально трансформирует роль управленца в сторону стратегической синхронизации множества цифровых субъектов. Фактически мы наблюдаем появление модели «человека-оркестратора» [4, с. 14], способного управлять каскадами сложных данных в режиме реального времени.

Внедрение автономных ИИ-агентов позволяет реализовать алгоритм «цифровой оркестрации». В отличие от классической автоматизации, оркестрация подразумевает предиктивное управление потоками данных и ресурсов между предприятиями региона. При этом цифровизация выступает не только как технологический, но и как важнейший фактор устойчивого развития современных компаний в условиях неопределенности [9]. Как ранее подчеркивалось в материалах ВолНЦ РАН, цифровой ландшафт территории формируется не совокупностью отдельных сервисов, а глубиной их интеграции в реальный сектор, где предприятия выступают первичными заказчиками интеллектуальной плотности среды [3, с. 9]. Именно такая интеграция позволяет территории сохранять субъектность в условиях глобальной неопределенности.

2. Важнейшим механизмом эффективного развития территорий в современных условиях становится концепция «умной специализации» региональной экономики [7, с. 79]. Она позволяет выявить и активизировать уникальные компетенции территории, обеспечивая их технологическую независимость. В этой связи критическую значимость приобретает технологическое предпринимательство, выступающее как фундаментальный фактор регионального роста [2, с. 19]. Малый бизнес, обладая высокой лабильностью, способен быстрее встраиваться в трансформирующиеся цепочки создания стоимости, выполняя роль «технологических адаптеров».

Развитие самозанятости и малого предпринимательства в регионах сегодня следует рассматривать как драйвер адаптации рынка труда к внешним шокам [6, с. 428]. Мы полагаем, что интеграция субъектов МСП в экосистемы крупных предприятий через платформенные решения позволяет формировать гибкие производственные сети. Такая модель взаимодействия, основанная на принципах гиг-экономики, обеспечивает не только устойчивость занятости, но и приток инноваций в консервативные отрасли [8, с. 177], создавая условия для органического обновления экономики территорий.

3. Технологический суверенитет территорий базируется на глубокой модернизации материально-технической базы. Однако современная специфика заключается в том, что «жесткая» автоматизация более не эффективна без «мягкой» цифровой надстройки. Производственные инновации сегодня – это объединение автоматизированных мощностей и интеллектуальных цифровых решений [1, с. 6]. Мы убеждены, что именно такая конвергенция позволяет достичь кратного роста эффективности и сформировать продукт с высокой интеллектуальной рентой, уходя от модели экстенсивного потребления ресурсов.

На уровне региональных социально-экономических систем это означает переход к предиктивному управлению. Автономные ИИ-агенты, интегрированные в производственные циклы малых и средних предприятий, способны осуществлять мониторинг дефицита ресурсов и предлагать оптимальные сценарии кооперации в режиме реального времени. Таким образом, цифровизация перестает быть имитационным процессом и превращается в реальный механизм обеспечения экономической безопасности территории, формируя своего рода «технологический иммунитет» регионального бизнеса.

Подводя итог, следует констатировать, что достижение технологического суверенитета является необходимым условием обеспечения устойчивости российских территорий. Предложенная нами концепция «ИИ-оркестрации» позволяет «сшить» разорванные межотраслевые связи и активизировать потенциал технологического предпринимательства. Синергия малого бизнеса, производственных инноваций и автономных интеллектуальных систем формирует новый тип территориальной экономики – адаптивной и независимой от внешних технологических платформ. Дальнейшая рационализация этого процесса позволит территориям не просто выживать в условиях трансформации, но и становиться точками генерации глобальных инновационных смыслов.

Библиографический список

1. Аллагулов Р.Х. (2026). Производственные инновации: объединение автоматизации и цифровых решений для роста эффективности // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. Т. 22. № 1 (84). С. 5–8.
2. Аллагулов Р.Х. (2026). Технологическое предпринимательство как фактор экономического роста // Развитие малого предпринимательства в Байкальском регионе. С. 18–22.
3. Аллагулов Р.Х. (2023). Цифровизация территорий и предприятий как взаимообусловленный процесс // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий. С. 7–11.
4. Аллагулов Р.Х. (2025). Эволюция понятия «автономность» в экономике: от фирм к ИИ-агентам // Журнал У. № 4 (42). С. 11–15.
5. Аллагулов Р.Х. (2026). Эволюция концепций: от классического импортозамещения к современному технологическому суверенитету // Актуальные проблемы экономики в цифровой индустрии. С. 78–81.
6. Аллагулов Р.Х. (2025). Самозанятость и малое предпринимательство как драйверы адаптации рынка труда // Актуальные вопросы современной науки и образования. С. 427–430.
7. Бикмаева А.Д., Мухаметова А.Д. (2025). «Умная специализация» региональной экономики как механизм эффективного развития в современных условиях // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. Т. 23. № 2. С. 77–86.
8. Сафиуллина Л.И., Аллагулов Р.Х. (2025). Гиг-экономика и платформенная занятость // Журнал У. № 4 (42). С. 176–180.
9. Тудейкин П.А., Апокина К.В. (2025). Цифровизация как фактор устойчивого развития компании // Вектор экономики. № 11 (113).

Информация об авторе

Ринат Хасанович Аллагулов – кандидат экономических наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий (Российская Федерация, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: allagulov@mail.ru)

Allagulov R.K.

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY AS A FACTOR FOR ENSURING TERRITORIAL SUSTAINABILITY: MECHANISMS FOR PRODUCTION SYSTEMS ADAPTATION AND AI-ORCHESTRATION

Abstract. *The article examines the mechanisms for ensuring the sustainability of territories through achieving technological sovereignty. The author substantiates the role of autonomous AI agents as a tool for "digital orchestration" of production chains. It is concluded that the synergy of automation and digital solutions at the regional level forms new value-added chains.*

Keywords: *technological sovereignty, territorial sustainability, AI agents, production innovations, economic adaptation.*

About the author

Rinat Kh. Allagulov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: allagulov@mail.ru)

References

1. Allagulov R.Kh. (2026). Production Innovations: Combining Automation and Digital Solutions for Efficiency Growth. *Bulletin of Volga Region State University of Service. Series: Economics*, 22, 1(84), 5–8.
2. Allagulov R.Kh. (2026). Technological Entrepreneurship as a Factor of Economic Growth. *Development of Small Entrepreneurship in the Baikal Region*, 18–22.
3. Allagulov R.Kh. (2023). Digitalization of Territories and Enterprises as a Mutually Beneficial Process. *Problems of Economic Growth and Sustainable Development of Territories*, 7–11.
4. Allagulov R.Kh. (2025). Evolution of the Concept of "Autonomy" in Economics: From Firms to AI Agents. *Journal U. Economics. Management. Finance*, 4(42), 11–15.
5. Allagulov R.Kh. (2026). Evolution of Concepts: From Classical Import Substitution to Modern Technological Sovereignty. *Actual Problems of Economics in the Digital Industry*, 78–81.
6. Allagulov R.Kh. (2025). Self-Employment and Small Entrepreneurship as Drivers of Labor Market Adaptation. *Current Issues of Modern Science and Education*, 427–430.
7. Bikmaeva A.D., Mukhametova, A.D. (2025). "Smart Specialization" of the Regional Economy as a Mechanism for Effective Development in Modern Conditions. *Herald of Omsk University. Series: Economics*, 23(2), 77–86.
8. Safiullina L.I., Allagulov R.Kh. (2025). Gig Economy and Platform Employment. *Journal U. Economics. Management. Finance*, 4(42), 176–180.
9. Tudeykin P.A., Apokina K.V. (2025). Digitalization as a Factor of Sustainable Company Development. *Vector of Economy*, 11(113).

УДК 332.1 / ББК 65.290-2

Алонцо А.А.

ИНСТРУМЕНТЫ БРЕНДИНГА НА ОСНОВЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: КЕЙС БРАЗИЛЬСКОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕГО ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ БРЕНДОВ В РОССИИ

Аннотация. *В статье исследуется, как бразильская массовая культура влияет на поведение российских потребителей в условиях изменений глобальных культурных потоков. В рамках исследования были проведены опросы, которые помогли выявить основные ассоциации россиян с Бразилией. Рассматривается, каким образом культурные продукты из Бразилии (от сериалов и музыки до кухни) проникают на российский потребительский рынок. Анализируются статистические данные по росту интереса к бразильским товарам и услугам населения России. Особое внимание уделено роли цифровых платформ в распространении бразильского культурного контента и формировании новых моделей потребления. Выделены ключевые факторы, влияющие на восприятие бразильской культуры в России, и показана значимость этих тенденций для маркетинговых стратегий.*

Ключевые слова: *культурный обмен, потребительские предпочтения, медиапотребление, бразильская культура, российский рынок, визуальный код.*

Изменения в нашей культуре произошли с развитием цифровых медиа. Если раньше основные тренды диктовал Запад, транслируя их на Восток, то сегодня эта схема уже не актуальна. Яркий пример – бразильская поп-культура. То, что еще вчера казалось российскому зрителю чем-то необычным и непостижимым, сегодня уверенно захватывает отечественный медиарынок.

Статистика показывает значительный рост интереса к бразильскому контенту среди россиян. На стриминговых платформах с 2023 по 2025 год взлетело количество просмотров сериалов бразильского кинематографа. Особенно активно это проявляется среди молодежи 18–35 лет, которая больше воспринимает иноязычный контент [1]. Стриминговые платформы начали активно закупать бразильские сериалы[1], такие как «Все дозволено», «Одержимость тобой», «Падшие», «Паспорт свободы» и т. д.

Такие изменения произошли из-за перемены медиапотребления. Традиционное ТВ стремительно теряет позиции, уступая место гибким цифровым сервисам с их алгоритмами рекомендаций. Именно эта свобода выбора позволила бразильским проектам найти путь к массовому сознанию российского зрителя [2].

Глубокий анализ и опрос российских зрителей показали интересную особенность: бразильскую культуру часто воспринимают как альтернативу североамериканскому влиянию. Ее яркость, эмоциональность и праздничность выглядят контрастно на фоне более сдержанной и рациональной англосаксонской традиции. Именно этот контраст менталитетов и притягивает аудиторию.

Также опрос среди русской аудитории, а именно 119 респондентов, показывает, что для россиян Бразилия ассоциируется с яркими, праздничными цветами – желтым, зеленым, красным, синим и другими насыщенными оттенками. Эти цвета не просто радуют глаз, но и вызывают положительные эмоции, ассоциируются с природой, праздником и свободой (так ответило 70% опрошенных) и активно используются в маркетинге, кино, сериалах и музыкальных клипах.

Влияние бразильской культуры выходит за рамки развлечений. За последние три года в России открыли более 450 заведений бразильской кухни – рост оказался колоссальным по сравнению с 2022 годом[2]. Если раньше такие заведения были лишь в Москве и Петербурге, то к 2025 году их можно найти в 47 городах с населением более 500 тысяч человек.

Музыка показывает похожие тенденции. Бразильские жанры – самба, босса-нова, фанка, сертанежу – вошли в плейлисты российских пользователей цифровых сервисов. Прослушивание бразильских артистов на популярных платформах в 2024 году выросло по сравнению с 2023 годом.

[1] Бразильские фильмы и сериалы // Кинопоиск. URL: https://www.kinopoisk.ru/lists/movies/country--10/ (дата обращения: 27.04.2026).

[2] Российский рынок общественного питания: аналитический обзор 2024 // РБК Исследования рынков.

Влияние массовой культуры на поведение потребителей проявляется через формирование устойчивых ассоциаций и эмоциональных реакций, которые со временем могут отражаться на реальном выборе товаров и услуг. Бразильские сериалы, фильмы, которые стали глобальным явлением благодаря стриминговым платформам, не только развлекают, но и показывают образ жизни Бразилии. Упоминание образа Бразилии в культовых фильмах не осталось незамеченным. Яркий пример тому – «Форсаж 5», где ключевые действия происходили в Рио-Де-Жанейро. Это создало для российского потребителя яркий образ страны и культуры.

Исследования показали связь между просмотром бразильских сериалов и покупательским поведением. Те, кто регулярно смотрит эти сериалы намного чаще покупают товары, связанные с Бразилией: одежду, косметику, еду, предметы интерьера [3].

Механизм этого влияния описывается через концепцию «культурной близости через медиа». Зритель, погружаясь в сюжетный мир бразильского сериала, формирует эмоциональную связь с визуальными образами, звуками, вкусами, представленными в контенте. Эта связь трансформируется в потребность воспроизведения элементов, увиденных в жизни. К тому же стоит отметить существенное разделение в восприятии бразильской культуры различными социально-демографическими группами российского общества. Молодежная аудитория (18–30 лет) демонстрирует наиболее высокую восприимчивость к бразильской культуре. Причиной является большая открытость к иноязычному контенту и активное использование цифровых платформ. Средняя возрастная группа (31–50 лет) характеризуется более избирательным подходом, фокусируясь преимущественно на гастрономических и туристических аспектах бразильской культуры.

Роль инфлюенсеров и блогеров в продвижении бразильской культуры сложно переоценить. Российские тревел-блогеры, которые приезжают в Бразилию и рассказывают о жизни там, создают новые способы передачи культуры. Их видео и посты собирают миллионы просмотров, что помогает вызвать у российских зрителей интерес к бразильским товарам и услугам.

Экономические аспекты тоже важны. Рост интереса к бразильской культуре стимулирует рынок. Импортеры в России фиксируют ежегодный рост продаж бразильских товаров на 8,2%, в зависимости от типа товара. Особенно активно развивается сегмент продуктов питания: кофе, кешью, фрукты, косметика на натуральных компонентах и текстиль[3].

Российские ритейлеры все чаще включают в ассортимент товары бразильского происхождения. Если мы возьмем во внимание индустрию кофе, то 35,9% зернового кофе на российских маркетплейсах приходится на Бразилию. Данная тенденция свидетельствует о закреплении устойчивого спроса на бразильские товары и способствует дальнейшему распространению бразильской культуры в потребительской среде[4].

Понимание того, как бразильская культура влияет на потребительские предпочтения россиян, открывает новые возможности для бизнеса. Но важно не просто использовать «бразильский стиль» в рекламе, а реально понимать культурные коды. Успешный кейс – российский брэнд уходовой косметики SOLZÃO со стратегией превратить бренд из «еще одной линейки гелей» в бренд, который пахнет солнцем, теплом и свободой. Авторы создали атмосферу, вдохновленную бразильской эстетикой, и с помощью правильной стратегии использования UGC-контента, единого визуала и стилистики смогли создать продукты бренда повседневного использования[5].

Изучение успешных бизнес-концепций выявило моменты, которые определяют успех внедрения бразильского кода: продукт должен быть аутентичным и избегать стереотипных образов. Элементы бразильской культуры лучше работают в визуальной составляющей бренда. Такое сочетание позволит полноценно раскрыть потенциал Бразилии и закрепить бренд в мышлении потребителей.

---

[3] Поставки бразильских товаров в Россию выросли // Фонтанка. URL: https://www.fontanka.ru/2025/01/08/74965673/ (дата обращения: 24.03.2026).

[4] Рынок зернового кофе на маркетплейсах: результаты исследования ассортимента и стран происхождения // Сфера Медиа. URL: https://sfera.fm/news/fud-reteil/rynok-zernovogo-kofe-na-marketpleisakh-rezultaty-issledovaniya-assortimenta-i-stran-proiskhozhdeniya (дата обращения: 27.04.2026).

[5] Бразильская культура в рекламе и маркетинге // SBlogs. URL: https://www.sostav.ru/blogs/284281/68242 (дата обращения: 14.04.2026).

Туризм – особая зона интереса. Несмотря на географическую удаленность и высокую стоимость поездок, количество российских туристов, посещающих Бразилию, демонстрировало устойчивый рост вплоть до 2022 года. После временного спада, связанного с геополитическими изменениями, в 2024–2025 гг. наблюдается восстановление интереса к бразильскому направлению.

Фитнес-сфера тоже подхватывает бразильские элементы. Танцы зумба, самба, форро стали очень популярны в российских фитнес-клубах. Бразильские методы ухода за телом находят применение в спа- и велнес-центрах. Занятия бразильскими видами танцев обладают чудесным влиянием на людей. Как правило, они проводятся в группе, с партнерами под веселую, зажигательную музыку. Когда люди энергично двигаются, у них вырабатываются гормоны счастья – эндорфины, и это хороший способ сбросить вес с легкостью, выровнять осанку и приятно провести время[6].

Бразильская массовая культура является набором конкретных инструментов брендинга (музыка, кино, мода, спорт), которые можно адаптировать под коллаборации, продвижение брендов, создание уникального предложения, а также быть идейным вдохновителем для брендов и компаний. Как пример, обувной брэнд Rio Fiore сочетает в себе яркий дизайн, который вдохновлен Рафаэллой Ферронато. Марка Rio Fiore была создана в 2012 году, чтобы реализовать творческий потенциал Ферронато, отличающейся прогрессивными взглядами на моду. Благодаря ее бразильскому происхождению коллекции наполнены яркостью, тропическими мотивами и смелыми сочетаниями цветов.

В дальнейшем важно учитывать несколько моментов. Во-первых, интерес к бразильской культуре сохранится при условии появления качественного контента и его доступности в России. Во-вторых, экономическая ситуация будет влиять на уровень потребления. В-третьих, геополитика может создавать и возможности, и ограничения для культурного обмена.

Но базовые условия, разнообразие культурного контента, поиск альтернатив западной культуре, стремление к эмоциональности и аутентичности являются подтверждением того, что тренд на рост интереса к бразильской культуре имеет долгосрочный характер. Она заняла свою нишу в российском культурном пространстве и, скорее всего, будет ее расширять.

Подводя итог, можно сказать, что бразильская массовая культура оказывает все больше влияние на предпочтения россиян. Российские бренды начинают использовать бразильскую культуру в своем продвижении все чаще. Бразилия предлагает альтернативные культурные коды, ценности и эстетические ориентиры, для компаний и брендов это открывает новые горизонты и вариации интерпретации бразильской культуры в российском обществе.

Практическая ценность исследования заключается в том, что выявленные закономерности можно использовать для создания маркетинговых стратегий, ориентированных на аудиторию, чувствительную к бразильской культуре. В дальнейшем стоит более подробно изучать региональные особенности восприятия, длительные эффекты культурного влияния на российскую идентичность, а также сравнивать влияние разных латиноамериканских культур на российский рынок.

Есть возможность заимствования успешных практик для создания и продвижения территориальных брендов российских регионов, например развитие фестивальной культуры, тематических маршрутов, локальных продуктов с узнаваемой идентичностью.

Библиографический список

1. Колчин Е.Ю. (2025). Трансформация потребительской культуры в условиях цифровизации: социокультурный аспект // Манускрипт. Т. 18. № 1. С. 253–258.
2. Ильин В.И. (2023). Потребление в эпоху глобализации: социологический анализ. Санкт-Петербург: Питер. 352 с.
3. Карпова С.В., Захарова И.В. (2024). Культурная глобализация и потребительское поведение. Москва: Юрайт. 287 с.

[6] Латиноамериканские танцы – лучший вид фитнеса // MedAboutMe. URL: https://medaboutme.ru/articles/latinoamerikanskie_tantsy_luchshiy_vid_fitnesa/ (дата обращения: 27.04.2026).

Информация об авторе

Александра Андреевна Алонцо – студент, Институт бизнеса и дизайна (Российская Федерация, 129090, г. Москва, Протопоповский пер., д. 9; e-mail: alontso@list.ru)

Alontso A.A.

BRANDING TOOLS BASED ON NATIONAL IDENTITY: THE CASE OF BRAZILIAN POPULAR CULTURE AND ITS POTENTIAL FOR THE DEVELOPMENT OF REGIONAL BRANDS IN RUSSIA

Abstract. *This article examines how Brazilian popular culture influences Russian consumer behavior amid shifting global cultural flows. The study included surveys that helped identify Russians' key associations with Brazil. It examines how Brazilian cultural products–from TV series and music to cuisine–are penetrating the Russian consumer market. Statistical data on the growing interest in Brazilian goods and services among Russians is analyzed. Particular attention is paid to the role of digital platforms in disseminating Brazilian cultural content and shaping new consumption patterns. Key factors influencing the perception of Brazilian culture in Russia are identified, and the significance of these trends for marketing strategies is demonstrated*.

Keywords: *cultural exchange, consumer preferences, media consumption, Brazilian culture, the Russian market, visual code*.

About the author

Aleksandra A. Alontso – Student, Institute of Business and Design (9, Protopopovsky Lane, Moscow, 129090, Russian Federation; e-mail: alontso@list.ru)

References

1. Kolchin E.Y. (2025). Transformation of Consumer Culture in the Context of Digitalization: A Sociocultural Aspect. *Manuscript*, 18(1), 253–258.
2. Ilyin V.I. (2023). Consumption in the Era of Globalization: A Sociological Analysis. St. Petersburg: Piter.
3. Karpova S.V., Zakharova I.V. (2024). Cultural Globalization and Consumer Behavior. Moscow: Yurait.

УДК 332, 338 / ББК 65.04

Бикмаева А.Д.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ: РОЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ДИВЕРСИФИЦИРОВАННОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ СЛОЖНОСТИ

Аннотация. *Технологический суверенитет страны, на наш взгляд, может обеспечиваться за счет текущей специализации регионов. С этой целью в работе анализируется текущая специализация регионов, оценивается уровень множественной (диверсифицированной) специализации и предлагаются варианты дальнейшего развития регионов в рамках усложнения экономики.*

Ключевые слова: *регион, структура экономики, технологический суверенитет, сложность экономики, диверсифицированная (множественная) специализация.*

События последних лет отчетливо показали необходимость обеспечения технологического суверенитета нашей страны. Зависимость от зарубежных технологий и оборудования, отсутствие возможности производить необходимые товары на внутреннем рынке, санкции и ограничения, вводимые в отношении России, обусловливают необходимость развития собственных производств, исследований и разработок. В рамках Концепции технологического развития на период до 2030 года[1] под технологическим суверенитетом понимается наличие критических технологий, обеспеченных собственными линиями разработки и условиями производства, которые представлены в двух формах: исследования, разработка и внедрение технологий, а также производство высокотехнологичной продукции. Очевидно, что достижение технологического суверенитета необходимо для обеспечения экономической независимости страны, ее национальной безопасности и повышения конкурентоспособности производимых отечественных товаров.

В числе приоритетных направлений в рамках укрепления технологического суверенитета представлены такие сферы, как авиационная, медицинская, станкостроительная, фармацевтическая, химическая, электронная, энергетическая промышленности, автомобилестроение, судостроение, железнодорожное, сельскохозяйственное, тяжелое и нефтегазовое машиностроение[2]. В свою очередь, к производству высокотехнологичной продукции относится создание таких товаров как измерительные инструменты, компьютерная техника, летательные аппараты, вооружение, машины и оборудование, электроника, лекарства и медицинское оборудование, химические продукты и материалы. Анализируя товары, относящиеся к высокотехнологичным, можно отметить, что укрупненно они входят в состав машиностроительной, химической отраслей и информационных технологий.

Мы считаем, что для изучения возможностей регионов с целью развития отраслей, содействующих укреплению технологического суверенитета, необходимо понимание текущей специализации субъектов. Регионы, в структуре экономики которых присутствует несколько отраслей специализации, имеют диверсифицированную специализацию, что позволяет избежать рисков узкой специализации и снижать уязвимость экономической системы субъекта, при этом иметь преимущества от концентрации производства в виде эффекта масштаба, пула квалифицированных работников, перетоков знаний между отраслями и фирмами, агломерационных эффектов и развитой инфраструктуры [3, 4, 7].

---

[1] Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р.

[2] Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 15.04.2023 № 603.

Анализируя технологический суверенитет нельзя оставить в стороне такое понятие, как «сложность экономики», под которым понимается совокупность знаний и технологий, применяемых для производства разнообразных передовых товаров и услуг в стране. Как известно, усложнение экономики способствует экономическому росту [1]. На наш взгляд, дальнейшим направлением развития должно стать формирование модели экономической системы с умеренно-диверсифицированной специализацией в рамках усложнения экономики [2].

Целью исследования является выявление регионов, имеющих текущую специализацию, способную обеспечить развитие видов деятельности для достижения технологического суверенитета страны.

В рамках исследования по 85 регионам России были рассчитаны коэффициенты специализации за 2024 год и определен уровень множественной специализации, характеризующий степень ее диверсификации [2; 5]. Коэффициент специализации определяется как отношение доли отрасли в регионе к отрасли в стране к ВРП региона к суммарному ВРП регионов страны. Коэффициент множественной специализации определяется как отношение количества отраслей специализации в субъекте к общему количеству рассматриваемых отраслей.

Эмпирической базой послужили официальные данные Федеральной службы государственной статистики по структуре и объемам отгруженной продукции обрабатывающих производств, сельского хозяйства и добыче полезных ископаемых, валового регионального продукта (ВРП).

Согласно полученным результатам? в 2024 году машиностроение являлось отраслью специализации в следующих регионах: Брянская, Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская, Ярославская, Архангельская, Калининградская, Ленинградская, Псковская, Ростовская, Нижегородская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Курганская, Свердловская, Челябинская, Омская области, г. Санкт-Петербург, республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия, Бурятия, Пермский, Алтайский, Хабаровский края[3].

Химическая промышленность – отрасль специализации в следующих субъектах: Владимирская, Воронежская, Калужская, Курская, Липецкая, Московская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тульская, Ярославская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Новгородская, Волгоградская, Кировская, Нижегородская, Самарская, Саратовская, Курганская, Тюменская, Кемеровская, Омская, Амурская области, Ставропольский и Пермский края, республики Башкортостан, Мордовия, Татарстан, Чувашия.

Данные отрасли являются важными элементами технологического суверенитета. Следовательно, их дальнейшее развитие в направлении усложнения технологических процессов и создания более сложных товаров будет способствовать укреплению технологического суверенитета.

Рассмотрим множественную специализацию регионов. Оценка уровня диверсификации специализации представлена на *рис. 1*. Регионы распределены на 3 группы по показателю множественной специализации:

1) 0–0,3 – субъекты с низким уровнем диверсификации специализации;

2) 0,3–0,6 – регионы, имеющие оптимальный уровень диверсификации специализации;

3) 0,6–0,86 – регионы с гипердиверсифицированной специализацией.

[3] Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/ storage/mediabank/Region_Subekt_2024.pdf; Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf.

Рис. 1. **Уровень множественной специализации в регионах России в 2024 году**

Наибольшее количество специализаций характерно для регионов Центрального и Приволжского федеральных округов, наименьшее – для субъектов Северо-Кавказского, Южного, Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов.

Диверсифицированная специализация свидетельствует о наличии в регионе нескольких отраслей специализации, что позволяет субъекту получать выгоду как от специализации (эффект масштаба, снижение издержек, концентрация ресурсов в наиболее конкурентоспособных отраслях, сосредоточение высококвалифицированных кадров на определенной территории), так и от диверсификации (распределение рисков между отраслями в периоды спада и внешних шоков). Исходя из полученных результатов, можно заметить, что большая часть регионов имеет низкий уровень диверсификации специализации, что приводит к уязвимости экономической системы в период спадов и внешних шоков. Нет сомнения в том, что регионам, входящим в третью группу, необходимо дополнительно развивать некоторые виды деятельности, чтобы разнообразить структуру промышленного портфеля региона. Диверсификация отраслевой структуры должна проводиться в направлении усложнения технологических процессов и производимых товаров и услуг на базе имеющихся сравнительных преимуществ. Субъекты первой группы, в свою очередь, имеют чрезмерно диверсифицированную специализацию, что может привести к снижению эффективности ключевых отраслей специализации в силу распыления ресурсов.

Как известно, машиностроительный и химический комплексы играют важную роль в обеспечении технологического суверенитета. Регионы, специализирующиеся в машиностроительном и химическом комплексах, обладают конкурентными преимуществами в данных сферах: наличием высококвалифицированных кадров, технологической базой, развитой инфраструктурой. Следовательно, субъекты, специализирующиеся в данных направлениях, способны развивать текущую специализацию в направлении усложнения технологического процесса и расширения ассортимента сложных товаров и услуг.

Таким образом, для обеспечения технологического суверенитета страны в регионах имеются необходимые трудовые ресурсы, научная и технологическая базы. Достижение положительного результата может быть обеспечено за счет развития новых отраслей специализации в регионах Дальневосточного, Сибирского, Уральского, Северо-Кавказского и Южного федеральных округов. Сокращение отраслей специализации в гиперспециализированных регионах для аккумуляции имеющихся ресурсов в наиболее конкурентоспособных и сложных отраслях также может оказать положительное влияние при формировании технологического суверенитета. В субъектах с умеренно-диверсифицированной специализацией можно говорить о необходимости усложнения текущих отраслей специализации.

Библиографический список

1. Афанасьев М.Ю., Гусев А.А. (2025). Оценка структурной сложности региональных экономик и ее влияния на ВРП // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 2 (82).
2. Бикмаева А.Д. (2025). Множественная специализация экономики региона: «компромисс» между диверсификацией и специализацией // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 3 (183). С. 8–14. DOI: 10.34773/EU.2025.3.2
3. Chen J. (2018). Interpreting Economic Diversity as the Presence of Multiple Specializations. Working Paper, Regional Research Institute. West Virginia University.
4. Dissart J.C. (2003). Regional Economic Diversity and Regional Economic Stability: Research Results and Agenda. *International Regional Science Review*, 26, 423-446.
5. Hong S., Xiao Y. (2016). The Influence of Multiple Specializations on Economic Performance in U.S. Metropolitan Areas. *Sustainability*, 8(9). DOI: 10.3390/su8090963
6. Krugman P.R. (1991). Geography and trade. MIT Press.
7. Malizia E., Ke. S. (1993). The Influence of Economic Diversity on Unemployment and Stability. *Journal of regional science*, 33, 2, 221–235.

Информация об авторе

Алия Динмухаматовна Бикмаева – кандидат экономических наук, доцент, Уфимский университет науки и технологии (Российская Федерация, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: RakhmatullinaAD@gmail.com)

Bikmayeva A.D.

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA: THE ROLE OF FORMING A DIVERSIFIED SPECIALIZATION OF THE ECONOMY AND INCREASING ITS COMPLEXITY

Abstract. *In our opinion, the technological sovereignty of the country can be ensured due to the current specialization of the regions. To this end, the current specialization of the regions is analyzed, the level of multiple (diversified) specialization is assessed, and options for further development of the regions within the framework of economic complexity are proposed.*

Keywords: *region, economic structure, technological sovereignty, complexity of the economy, diversified (multiple) specialization.*

About the author

Aliya D. Bikmaeva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of the Department of Economics and Regional Development, Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: RakhmatullinaAD@gmail.com)

References

1. Afanasyev M.Y., Gusev A.A. (2025). Assessment of the structural complexity of regional economies and its impact on GRP. *Regional Economics and Management: electronic scientific journal*, 2(82).
2. Bikmaeva A.D. (2025). Multiple specialization of the region's economy: a "compromise" between diversification and specialization. *Economics and Management: a scientific and practical journal*, 3(183), 8–14. DOI: 10.34773/EU.2025.3.2
3. Chen J. (2018). Interpreting Economic Diversity as the Presence of Multiple Specializations. Working Paper, Regional Research Institute. West Virginia University.
4. Dissart J.C. (2003). Regional Economic Diversity and Regional Economic Stability: Research Results and Agenda. *International Regional Science Review*, 26, 423-446.
5. Hong S., Xiao Y. (2016). The Influence of Multiple Specializations on Economic Performance in U.S. Metropolitan Areas. *Sustainability*, 8(9). DOI: 10.3390/su8090963
6. Krugman P.R. (1991). Geography and trade. MIT Press.
7. Malizia E., Ke. S. (1993). The Influence of Economic Diversity on Unemployment and Stability. *Journal of regional science*, 33, 2, 221–235.

УДК 330.341 / ББК 65.290.31

Богачева Е.Е., Феоктистова Е.И.

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ НА ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МАЛОМ БИЗНЕСЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ, КИТАЯ И США

Аннотация. *В работе исследуется влияние государственной поддержки на внедрение ИИ в малом бизнесе России, Китая и США. Разработана модель, подтверждающая прямую корреляцию между уровнем господдержки и внедрением ИИ. Определены особенности каждой страны и перспективы совершенствования российских мер поддержки*.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, малый бизнес, государственная поддержка, цифровая трансформация, сравнительный анализ, Россия, Китай, США*.

По оценкам Всемирного банка, на МСП приходится до 90% всех предприятий и более половины общей занятости в мире[1]. Именно этот сектор обеспечивает гибкость рынка труда, формирует конкурентную среду, стимулирует создание новых предприятий и нередко становится источником технологических решений, впоследствии масштабируемых крупным бизнесом.

Несмотря на значительный вклад, малый бизнес сталкивается с системными ограничениями: дефицитом финансов, высокой конкуренцией, ограниченным доступом к новым технологиям. В этих условиях цифровая трансформация, в частности внедрение искусственного интеллекта (ИИ), становится критическим фактором повышения конкурентоспособности.

По данным McKinsey, около 78% компаний используют ИИ хотя бы в одной бизнес-функции, чаще всего в ИТ, маркетинге и продажах[2]. Это свидетельствует о переходе ИИ от экспериментальных разработок к активному применению в реальном секторе. Для малого бизнеса ИИ представляет особую ценность, поскольку позволяет компенсировать недостаток трудовых, временных и финансовых ресурсов. Компании, в том числе малые, интегрирующие ИИ в свои бизнес-процессы, демонстрируют более высокую производительность, качество клиентского сервиса и устойчивость к рыночным изменениям.

Роль государственной поддержки в России, Китае и США выступает ключевым двигателем цифровой трансформации, позволяя снижать барьеры для внедрения инноваций в малом бизнесе.

В России, по данным ФНС на июль 2024 года, насчитывается около 6,2 млн субъектов МСП (более 80% всех юрлиц и ИП), на долю которых приходится 20–25% ВВП[3]. Российская политика в области ИИ вынуждена развиваться в условиях внешних ограничений и отсутствия доступа к глобальным ресурсам и технологиям. Для государства приоритетом становится обеспечение технологического суверенитета – перехода от импортозависимости к созданию собственных стандартов и технологий ИИ[4]. Основным инструментом поддержки бизнеса выступает национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», стартовавший в 2025 году.

---

[1] World Bank. Small and Medium Enterprises (SMEs) Finance // World Bank. URL: https://www.worldbank.org/en/topic/smefinance (дата обращения: 17.03.2026).

[2] McKinsey & Company. The state of AI: How organizations are rewiring to capture value // McKinsey.de. URL: https://www.mckinsey.de/capabilities/quantumblack/our-insights/the-state-of-ai-how-organizations-are-rewiring-to-capture-value (дата обращения: 17.03.2026).

[3] Федеральная налоговая служба России. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // ФНС России. URL: https://rmsp.nalog.ru/statistics.html (дата обращения: 17.03.2026); Статистика малого бизнеса в России в 2025 году // SK Groups. URL: https://blog.skgroups.ru/statistika-malogo-biznesa-v-rossii-v-2025-godu/ (дата обращения: 17.03.2026).

[4] Технологический суверенитет России в условиях внешних ограничений // Молодой ученый. URL: https://moluch.ru/conf/stud/archive/550/19265/ (дата обращения: 17.03.2026).

Проект включает два ключевых направления: в его рамках действует федеральный проект «Искусственный интеллект», предусматривающий внедрение ИИ в экономику, образование, социальную сферу и государственное управление, а также поддержку компаний, разрабатывающих и внедряющих ИИ-решения и развитие импортозамещения через поддержку отечественных решений и подготовку IT-специалистов для укрепления технологической независимости страны[5]. Поддержка малых предприятий в сфере цифровых технологий строится по трем направлениям: инфраструктура, образование и финансирование. Среди малого бизнеса около 15% фирм используют ИИ для анализа данных клиентов и персонализации предложений. Несмотря на наличие мер государственной поддержки, их влияние на малый бизнес проявляется постепенно.

Соединенные Штаты являются одним из главных лидером в области искусственного интеллекта. Политика включает три направления. Первое – централизация регулирования, при котором федеральные власти могут оспаривать законы отдельных штатов, препятствующие развитиям технологиям и доминированию США[6]. Второе – государство ориентируется на закупку ИИ-решений, обеспечивающих максимальную точность, прозрачность, приоритет проверенных данных и отсутствие встроенных «ценностных фильтров», идеологических искажений для соответствия «американским ценностям»[7]. Третьим направлением стали меры внутренней поддержки развития – предоставление земли для фабрик и дата-центров, гранты, кредиты и налоговые льготы для ИИ-проектов, а также федеральные программы подготовки кадров. Установлен запрет на использование иностранных ИИ-решений в инфраструктуре[8]. Среди малого бизнеса от 20 до 30% компаний применяют разные ИИ-инструменты, например автоматизацию маркетинга, чат-боты и аналитику.

Госсовет КНР опубликовал «План развития искусственного интеллекта нового поколения» с целью достижения глобального лидерства к 2030 году. Малые предприятия рассматриваются государством как драйвер инноваций. Это подтверждается статистикой: с 2018 по 2024 год число МСП выросло с 18 млн до более чем 52 млн[9]. Поддержка МСП осуществляется по трем направлениям: финансовые инструменты и инфраструктура, цифровизация бизнеса и цепочек поставок, развитие цифрового потребления. В Китае ИИ развивается очень быстро, чему помогает государственная поддержка и рост цифровых платформ. Инновации стимулируются не только со стороны предложения (производство), но и со стороны спроса (формирование рынка конечного потребления), что создает устойчивую экономическую модель, где развитие ИИ поддерживается внутренним рыночным спросом.

Анализ трех стран показывает, что уровень внедрения ИИ в малом бизнесе напрямую зависит от объема и качества государственной поддержки, а также от степени развития цифровой экономики и доступных мер стимулирования. Для наглядности взаимосвязи между поддержкой, преодолеваемыми барьерами и достигнутыми результатами представлены в *табл. 1*.

---

[5] Цифровая трансформация государства: итоги нацпроекта «Экономика данных» // Национальные проекты России. URL: https://национальныепроекты.рф/news/tsifrovaya-transformatsiya-gosudarstva-itogi-natsproekta-ekonomika-dannykh/ (дата обращения: 17.03.2026).

[6] Unpacking the December 11, 2025 Executive Order // Sidley. URL: https://www.sidley.com/en/insights/newsupdates/2025/12/unpacking-the-december-11-2025-executive-order (дата обращения: 17.03.2026).

[7] Без барьеров и ограничений: план развития ИИ в США // Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/analytics/bez-barerov-i-ogranicheniy-plan-razvitiya-ii-v-ssha/ (дата обращения: 17.03.2026).

[8] Eliminating State-Law Obstruction of National Artificial Intelligence Policy // The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/12/eliminating-state-law-obstruction-of-national-artificial-intelligence-policy/ (дата обращения: 17.03.2026).

[9] Развитие малого бизнеса в Китае: современное состояние и перспективы // Молодой ученый. URL: https://moluch.ru/archive/567/124338/ (дата обращения: 17.03.2026).

Таблица 1. **Сравнительная таблица влияния государственной поддержки на внедрение ИИ в малом бизнесе**

Страна	Государственная поддержка	Какой барьер преодолевает	Результат для малого бизнеса
Россия	Нацпроект «Экономика данных», федеральный проект «Искусственный интеллект», фонды (ФСИ, РФРИТ, ФРИИ), порталы «Мой бизнес», «МСП.РФ», поддержка по трем направлениям: инфраструктура, образование, финансирование[10]	Нехватка компетенций, низкая цифровая готовность, ограниченный бюджет	МСП получают гранты и обучение, но барьеры сохраняются → около 15% компаний внедряют ИИ[11]
США	Национальная стратегия ИИ, гранты, налоговые льготы, централизация регулирования, запрет на иностранные ИИ-решения в инфраструктуре	Высокая стоимость технологий, неопределенность стандартов, нехватка кадров	МСП получают льготы и доступ к обучению → 20–30% компаний внедряют ИИ[12]
Китай	Национальный план развития ИИ, фонды > 200 млрд юаней, льготное кредитование, цифровизация цепочек поставок, стимулирование потребления	Отсутствие спроса на ИИ, слабая интеграция в отрасли, нехватка финансирования	Масштаб индустрии 578 млрд юаней, 15% внедрения ген ИИ[13]
Источник: составлено авторами.			

Таблица 1 систематизирует меры поддержки, барьеры и результаты внедрения ИИ по трем странам. Российская модель является догоняющей по сравнению с рыночной моделью США и двухконтурной моделью Китая. В США реализуется рыночно-ориентированная модель. Результат – 20–30% компаний внедряют ИИ. В Китае используется двухконтурная модель. Малый бизнес встроен в отраслевые цепочки, что обеспечивает масштабное развитие ИИ-индустрии.

Таким образом, чем масштабнее и системнее государственная поддержка, тем активнее малый бизнес внедряет ИИ. Сравнительный анализ позволяет увидеть возможности по усовершенствованию российской системы поддержки. Китай показывает, что финансирование строится через привязку к конкретным отраслевым приоритетам, что позволит направлять ресурсы в те секторы, где внедрение ИИ дает наибольший экономический эффект. Американский подход ориентирован на упрощение регуляторной среды: снижение бюрократических барьеров и предоставление бизнесу большей свободы в выборе технологических решений способствует ускорению цифровой трансформации.

Информация об авторах

Екатерина Евгеньевна Богачева – студент, Институт бизнеса и дизайна (Российская Федерация, 129090, г. Москва, Протопоповский пер., д. 9; e-mail: business@obe.ru)

Екатерина Ивановна Феоктистова – студент, Институт бизнеса и дизайна (Российская Федерация, 129090, г. Москва, Протопоповский пер., д. 9; e-mail: business@obe.ru)

Bogacheva E.E., Feoktistova E.I.

THE IMPACT OF GOVERNMENT SUPPORT ON THE ADOPTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN SMALL BUSINESS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIA, CHINA, AND THE USA

Abstract. *The impact of government support on AI adoption by small businesses in Russia, China, and the United States is examined. A model is developed that confirms a direct correlation between the level of government support and AI adoption. The specific characteristics of each country and prospects for improving Russian support measures are identified*.

Keywords: *artificial intelligence, small business, government support, digital transformation, Russia, China, USA*.

About the authors

Ekaterina E. Bogacheva – Student, Faculty of Business Management, Institute of Business and Design (9, Protopopovsky Lane, Moscow, 129090, Russian Federation; e-mail: business@obe.ru)

Ekaterina I. Feoktistova – Student, Faculty of Business Management, Institute of Business and Design (9, Protopopovsky Lane, Moscow, 129090, Russian Federation; e-mail: business@obe.ru)

[10] Цифровая платформа для бизнеса // МСП.рф. URL: https://мсп.рф/ (дата обращения: 17.03.2026).

[11] Цифровизация малого бизнеса в России // Soware. URL: https://soware.ru/soware-small-business-digitalization-in-russia-2025.pdf (дата обращения: 17.03.2026).

[12] Small Business AI Adoption Statistics // USM Systems. URL: https://usmsystems.com/small-business-ai-adoption-statistics/ (дата обращения: 17.03.2026).

[13] China's SMEs contribute over 60% of GDP // People's Daily. URL: http://en.people.cn/n3/2025/0701/c90000-20334629.html (дата обращения: 17.03.2026); China's AI industry scale exceeds 578 billion yuan // China Daily. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202406/20/WS6673ee9ba31095c51c509f 89.html (дата обращения: 17.03.2026).

УДК 339.186(476) / ББК 65.41

Верниковская О.В.

ТРЕБОВАНИЯ К «ЗЕЛЕНЫМ» ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЗАКУПКАМ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *В статье анализируются возможности реализации принципа экологизации в государственных закупках. Особо уделено внимание правовым средствам, обеспечивающим закупку «зеленых» товаров, работ, услуг. Предложены перспективные направления развития «зеленых» государственных закупок в Республике Беларусь*.

Ключевые слова: *«зеленые» закупки, государственный заказ, принцип экологизации, требования*.

Экологизации закупочных процессов уделяется немалое внимание, как за рубежом, так и в отечественной практике. Отдельно законодательства стран регулируют отношения, возникающие по поводу обеспечения государственного заказа в рамках государственных закупок. Зарубежный опыт позволяет выделить основные направления в отношении развития «зеленых» государственных закупок. В Республике Беларусь с 1 июля 2019 г. в Закон Республики Беларусь от 13.07.2012 № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (далее – Закон) включен принцип экологизации государственных закупок (ст. 4 Закона), а также иные нормы, демонстрирующие не только интерес к категории «зеленые» закупки», но и предлагающие конкретные меры, обеспечивающие их[1].

Под «зелеными» государственными закупками понимают «процесс, посредством которого государственные органы стремятся приобрести товары, услуги и работы с наименьшим воздействием на окружающую среду в течение всего их жизненного цикла по сравнению с товарами, услугами и работами с такими же основными функциями, которые могли быть приобретены» [1].

Выделим особенности реализации принципа экологичности госзакупок. Во-первых, в организации процедур госзакупок имеет значение соотношение цены и качества на протяжении всего их жизненного цикла. Это означает, что учитывается не только цена, но и качество предмета закупки и требования к поставщикам. Примечательно, что подобный подход согласуется с другим принципом государственных закупок – эффективное расходование бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов. Эффективность проведения процедур госзакупок предусматривает реализацию принципа стимулирования инноваций.

Во-вторых, потребность в товарах, работах, услугах удовлетворяется с учетом влияния на окружающую среду самих приобретаемых товаров (работ, услуг) и их последующего использования и иных факторов. «Зеленые» государственные закупки предполагают включение экологических требований в технические характеристики продукции; использование экологической маркировки; включение в контракты экологических и социальных условий; предоставление предприятиями доказательств выполнения своих экологических обязательств; применение критериев оценки, основанных на экологических характеристиках.

Данные подходы позволяют ограничить закупки товаров, бывших в эксплуатации, употреблении, функционирующих на устаревших, неэффективных, неэкологичных технологиях[2].

Согласно Методическим рекомендациям по организации и проведению закупок товаров (работ, услуг) с использованием принципов «зеленых» закупок (государственных закупок, закупок за счет собственных средств и закупок товаров (работ, услуг) при строительстве объектов) при реализации принципа экологичности закупок возможно установление требований к предмету, участникам процедур закупок, оценке и сравнению предложений участников, условиям исполнения договоров, заключаемых по результатам проведения процедур закупок. Основные требования должны подчиняться правовым нормам действующего законодательства. Действующий Закон содержит правовые средства для включения всех четырех групп требований.

---

[1] О государственных закупках товаров (работ, услуг): Закон Республики Беларусь. № 136-З // Консультант Плюс: Беларусь; Об изменении Закона Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)»: Закон Республики. Беларусь. № 354-З // Консультант Плюс: Беларусь.

[2] О Национальном плане действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 10.12.2021 № 710.

Анализ законодательства о государственных закупках свидетельствует, что в отношении предмета государственной закупки в числе требований к предмету на основании ст. 21 Закона могут быть установлены показатели, позволяющие учитывать влияние свойств, характеристик предмета государственной закупки на окружающую среду, а также учитывать качество приобретаемых товаров (работ, услуг) на протяжении всего их жизненного цикла. Такие требования к предмету не должны нарушать иные требования Закона и Закона Республики Беларусь от 12.12.2013 № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (ст. 24), а также не создавать коррупционные риски. Действующим законодательством сформирован закрытый перечень требований, который можно выставлять поставщику. Расширить его может только правительство, если посчитает, что действительно в каких-то сферах нужны дополнительные требования. В отношении поставщиков, выполняющих требования к «зеленым» закупкам, могут быть введены дополнительные требования, которые одновременно могут являться стимулирующими факторами к внедрению инноваций. На сегодняшний день в законодательстве в прямой форме не закреплены требования, отвечающие сути «зеленых» закупок.

Такие дополнительные требования к товарам (работам, услугам) могут касаться их экологичности, на что также указывает Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10.12.2021 № 710. В нем закреплена необходимость установления дополнительных требований (критериев экологичности) к обороту товаров и услуг, которые являются предметом государственной «зеленой» закупки (подп. 56.1 п. 56 Мероприятий Национального плана действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 годы) [4].

На сегодняшний день Советом Министров Республики Беларусь реализовано названное полномочие только в части дополнительных требований к участникам. Тем не менее, ни среди таких дополнительных требований (подп. 1.7 п. 1 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 15.06.2019 № 395 «О реализации Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)», приложение 11 к названному постановлению), ни в числе закрепленных в ст. 16 Закона требований к участникам не предусмотрены такие, которые бы отвечали сути «зеленых» закупок [1; 2].

Принцип экологизации государственных закупок реализуется в рамках оценки и сравнения предложений участников (для открытого конкурса и закрытого конкурса). Действующее законодательство предусматривает возможность установления критериев оценки и сравнения предложений, которые бы отвечали требованиям «зеленых» закупок. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 02.07.2019 № 449 «Об установлении критериев, способа оценки и сравнения предложений участников открытого и закрытого конкурсов» для открытого и закрытого конкурсов предусмотрены две группы критериев оценки и сравнения предложений – стоимостная и нестоимостная. В составе последней группы содержится критерий – характеристики предмета государственной закупки, для которых могут быть оценены экологические, эксплуатационные характеристики (подп. 2 п. 1.1 названного постановления).

При необходимости заказчик (организатор) вправе установить в качестве критериев оценки и сравнения предложений участников открытого конкурса и закрытого конкурса нестоимостной критерий за счет экологических, эксплуатационных характеристик, которые бы учитывали влияние на окружающую среду использования приобретаемых товаров (работ, услуг), равно как и стоимость жизненного цикла товаров (работ, услуг).

В части исполнения договора государственной закупки также в его содержание могут включаться условия, отвечающие сути «зеленых» закупок.

Действующим законодательством введено понятие договора жизненного цикла – договор, предметом которого являются приобретение товара или работы, последующее обслуживание, ремонт и (или) эксплуатация в течение срока службы и (или) утилизация приобретенного товара или созданного в результате выполнения работы объекта. Ввиду данного комплексного содержания, включающего различные виды объектов гражданских прав (товары, работы, услуги, в том числе сопутствующие), существуют правовые основания формировать предмет государственной закупки, учитывая не только стоимость товара (цена приобретения), но и стоимость всего его жизненного цикла (цена владения). Данный подход реализует положение для обеспечения «зеленых» закупок, касаемое «соотношения цены и качества на протяжении всего их жизненного цикла». Следует заметить, что «зеленые» товары, работы и услуги, как правило, стоят дороже, чем их менее экологичные аналоги, хотя в долгосрочной перспективе они оказываются более выгодными. Чтобы сэкономить на экологичной продукции в будущем, нужно потратить чуть больше на ее приобретение, а к такому готовы не все. Сегодня даже в развитых странах потенциал «зеленых» закупок раскрыт далеко не полностью. Самыми удачными примерами можно назвать достижения отдельных населенных пунктов и крайне редко – целых государств.

На основании проанализированных положений законодательства Республики Беларусь в области развития «зеленой экономики и с учетом социально-экономических условий, целесообразности, международных обязательств перспективными направлениями в среднесрочной перспективе остаются: развитие электротранспорта (инфраструктуры) и городской мобильности, реализация концепции «умных» городов; развитие строительства энергоэффективных жилых домов и повышение энергоэффективности жилищного фонда; снижение энергоемкости валового внутреннего продукта, повышение энергоэффективности, в том числе за счет внедрения энергоэффективных технологий и материалов; повышение потенциала использования возобновляемых источников энергии; создание условий для производства органической продукции; устойчивое потребление и производство; развитие экологического туризма и финансово-экономических инструментов регулирования.

В области управления государственными «зелеными» закупками приоритетными направлениями могут быть выделены следующие: энергетика (безопасность и эффективность); продовольственная безопасность; переработка отходов (и «циркулярная» экономика); адаптация к изменениям климата; экологические проблемы, связанные со здоровьем человека (воздух, вода, отходы, химикаты, радиоактивное загрязнение). Развитию «зеленых» государственных закупок в Республике Беларусь способствует закрепление расширенных норм законодательства по реализации принципов экологизации госзакупок и стимулирования инноваций в национальной экономике страны. Это ведет к переходу к «зеленой» экономике, основанной на устойчивом развитии и учету экологического воздействия на протяжении всего жизненного цикла товаров и услуг [2]. Дальнейшее развитие «зеленых» закупок в Беларуси предполагает расширение применения экологических требований, стандартов и маркировки, а также активное внедрение инновационных технологий и оборудования, способствующих снижению вредного воздействия на окружающую среду.

Библиографический список

1. Kunzlik P. (2013). Green Public Procurement – European Law, Environmental Standards and «What to Buy» Decisions. *Journal of Environmental Law*.

2. Верниковская О.В. (2016). Устойчивые государственные закупки как инструмент «зеленой» экономики в Беларуси // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы XVII Междунар. науч. конф., г. Минск, 20–21 окт. 2016 г. В 3 т. Т. 2 / редкол.: А.В. Червяков [и др.]. Минск: НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. С. 215–216.

Информация об авторе

Оксана Васильевна Верниковская – кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет (Республика Беларусь, 220070, Партизанский пр-т, д. 26; e-mail: red_ok@tut.by)

Vernikovskaya O.V.

REQUIREMENTS FOR «GREEN» PUBLIC PROCUREMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS: EXPERIENCE AND PROSPECTS

Abstract. *The article analyzes the possibilities of implementing the principle of greening in public procurement. Particular attention is paid to legal means that ensure the purchase of «green» goods, works, services. Promising directions for the development of «green» public procurement in the Republic of Belarus have been proposed.*

Keywords: *«green» procurement, government order, greening principle, requirements*.

About the author

Oksana V. Vernikovskaya – Candidate in Sciences (Economics), Assistant Professor of the Department of Logistics and Price Policy, Belarusian State Economic University (26, Partizansky Avenue, Minsk, 220070; e-mail: red_ok@tut.by)

References

1. Kunzlik P. (2013). Green Public Procurement – European Law, Environmental Standards and «What to Buy» Decisions. *Journal of Environmental Law*.
2. Vernikovskaya O.V. (2016). Sustainable public procurement as a tool of the «green» economy in Belarus // Problems of forecasting and state regulation of socio-economic development: materials of the XVII International. scientific conference. Minsk: Research Institute of Economics Rep. Belarus, 215–216.

УДК 334.722 / ББК 65.290.31

Галимова Л.Р., Варламова Ю.А.

МАЛЫЙ РОЗНИЧНЫЙ БИЗНЕС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ДИНАМИКА ЗАКРЫТИЙ, ПРОБЛЕМА ЦИФРОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

Аннотация. *В статье исследуется динамика малого предпринимательства России в 2020–2026 гг. на основе данных Единого реестра субъектов МСП ФНС. Выявлены ключевые причины массовых закрытий малых торговых предприятий: высокая ключевая ставка, рост налоговой нагрузки, конкуренция маркетплейсов. Исследовано влияние нестабильности интернета на операционную деятельность (онлайн-кассы, эквайринг, маркировку). Предложен комплекс мер господдержки для повышения выживаемости сектора*.

Ключевые слова: *малый бизнес, МСП, розничная торговля, закрытие предприятий, ключевая ставка, маркетплейсы, интернет-ограничения, онлайн-касса, государственная поддержка, импортозамещение*.

К 2026 году малый розничный бизнес в России столкнулся с сочетанием ряда неблагоприятных факторов, среди которых можно выделить рост налоговой нагрузки, снижение потребительского спроса, нестабильность цифровых сервисов и усиление конкуренции со стороны крупных онлайн-площадок. По данным лонгитюдного исследования ФОМ и НИУ ВШЭ (январь–февраль 2026 г.), 31% предпринимателей рассматривают возможность закрытия или продажи бизнеса – что на 8 п. п. выше показателя предыдущего года[1]. Цель настоящей работы – на основе официальных статистических данных проанализировать динамику регистраций и ликвидаций субъектов малого предпринимательства в сфере торговли и оценить возможное влияние на нее налоговых изменений, состояния цифровой инфраструктуры и мер государственной поддержки.

Динамика малого бизнеса в России: данные реестра ФНС

Численность субъектов МСП в России на протяжении 2020–2025 годов демонстрировала неоднородную динамику (*табл. 1*). После сдержанного роста в 2021–2023 годах сектор ускорился: по данным Единого реестра МСП, обновленного ФНС на основе сведений за 2024 год, по состоянию на 10 июля 2025 года в реестре насчитывалось 6,4 млн субъектов, что на 203 тыс., или на 3,2%, больше, чем годом ранее. К декабрю 2025 года число субъектов МСП достигло 6,76 млн – исторического максимума за весь период ведения реестра.

Таблица 1. **Динамика числа субъектов МСП в России, 2020–2025 гг.**

Год	Число субъектов МСП (млн)	Прирост за год (тыс. субъектов)	Темп прироста, %
2020	5,60	–	–
2021	5,84	+240	+4,3
2022	5,90	+60	+1,0
2023	5,95	+50	+0,8
2024	6,20	+254	+4,3
2025 (июль)	6,40	+203	+3,2
2025 (декабрь)	6,76	+560	+9,0
Источник: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства: статистический бюллетень (данные на 10 июля 2025 г.) и ежемесячные сведения о количестве субъектов МСП // Федеральная налоговая служба России. URL: https://rmsp.nalog.ru/ (дата обращения: 11.05.2026).			

[1] Почти треть малого бизнеса думает о закрытии или продаже // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2026/03/10/1181642-pochti-tret-malogo-biznesa-dumaet-o-zakritii-ili-prodazhe (дата обращения: 11.05.2026).

Общий рост числа субъектов МСП обеспечивался преимущественно за счет индивидуальными предпринимателями и микропредприятиями. По данным Минэкономразвития РФ, в 2025 году количество юридических лиц – субъектов МСП сократилось на 4,4%, тогда как число ИП увеличилось на 5,3%[2]. В первом полугодии 2025 года, согласно официальной статистике регистрации юридических лиц, закрылось 141 тыс. компаний при 95 тыс. вновь открытых. Как показано в *табл. 2*, в 2024 году наблюдалось положительное сальдо (+12 тыс.), однако в 2025 году разрыв в пользу закрытий составил 60 тыс., а количество ликвидаций превысило число регистраций на 26%.

Таблица 2. **Открытие и ликвидация юридических лиц в России, 2023–2025 гг.**

Показатель	2023 г.	2024 г.	I пол. 2025 г.
Открыто новых юрлиц, тыс.	215	215	173
Ликвидировано юрлиц, тыс.	254	203	233
Сальдо (открытые – закрытые), тыс.	-39	+12	-60
Число новых регистраций юрлиц, % к пред. году	–	–	-20%
Число ликвидаций юрлиц, % к пред. году	-9%	-20%	+15%
Источник: данные ФНС России.			

Из данных таблицы 2 можно сделать вывод о том, что во втором полугодии 2024 года – первом полугодии 2025 года произошла смена тенденции: если 2024 год дал положительное сальдо (возможно, связанное с «зачисткой» реестра от недействующих лиц), то в 2025 году число ликвидаций выросло на 15% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, а число новых регистраций снизилось до минимума. Однако прямой связи этих показателей с общим состоянием бизнес-климата без дополнительных данных (опросов, финансовой отчетности) делать не следует.

Возможные причины убыли юридических лиц: кредитные условия, налоговая нагрузка и конкуренция. Среди факторов, которые могут объяснять отрицательную динамику числа действующих юридических лиц в 2024–2026 гг., авторы публикаций и отраслевые опросы выделяют несколько основных.

Во-первых, уровень ключевой ставки Банка России (21% в 2024 году) сделал заемное финансирование для многих малых предприятий труднодоступным. Ряд экспертов указывает, что кредиты под 25–30% годовых трудно оправдать при типичной рентабельности розничной торговли[3]. Согласно статистике Банка России, просроченная задолженность МСП по кредитам достигла 767 млрд руб., увеличившись за год на 14%[4].

Во-вторых, с 1 января 2026 года вступили в силу изменения налогового законодательства: основная ставка НДС повышена с 20 до 22% (льготная ставка 10% сохранена для социально значимых товаров). Одновременно снижен порог выручки для обязанности уплаты НДС для плательщиков УСН и ПСН: с 60 млн руб. в 2025 году до 20 млн руб. в 2026 году (с последующим снижением до 15 и 10 млн руб.). В результате тысячи малых предприятий стали плательщиками НДС. Кроме того, с 2026 года для большинства субъектов МСП отменен пониженный тариф страховых взносов 15% и применяется общий тариф 30%. По данным опроса «Опоры России» (март 2026 года), 95% компаний МСП отметили ухудшение условий ведения бизнеса, при этом только 23,7% полностью уверены в продолжении деятельности[5]. Однако эти данные отражают субъективные оценки предпринимателей, а не объективный причинно-следственный анализ.

[2] На 200 тысяч увеличилось число МСП по сравнению с прошлым годом: сообщение // Минэкономразвития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_na_200_tysyach_uvelichilos_chislo_msp_po_sravneniyu_s_proshlym_godom.html?ysclid=mp74vopn6n890590686 (дата обращения: 15.05.2026).

[3] Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов // Банк России. URL: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2025_2027 (дата обращения: 15.05.2026).

[4] Информационный материал о просроченной задолженности по кредитам, предоставленным субъектам МСП: 2025 год // Банк России. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/59472/inf_material_msp_2025_1.pdf (дата обращения: 15.05.2026).

[5] Результаты опроса предпринимателей (март 2026). URL: https://opora.ru/news/media-about-us/tri-chetverti-predprinimateley-zayavili-ob-uslozhnenii-vedeniya-biznesa/ (дата обращения: 11.05.2026).

В-третьих, как отмечается в аналитических обзорах, давление со стороны маркетплейсов (Wildberries, Ozon, Яндекс Маркет) может способствовать закрытию части офлайн-магазинов. Согласно публикациям, основанным на данных ФНС, в 2025 году 18% ликвидаций среди ИП пришлось на сферу интернет-торговли[6]. При этом сложно однозначно разделить вклад конкуренции маркетплейсов и других факторов.

В-четвертых, снижение реальных располагаемых доходов населения, фиксируемое Росстатом, могло ограничить потребительский спрос. В 2024 году 30% опрошенных МСП называли снижение продаж ключевой проблемой; в 2025 году, по данным отраслевых опросов, эта тенденция сохранилась. Чаще всего закрытия наблюдаются в торговле, строительстве, операциях с недвижимостью и сервисах[7].

Цифровая зависимость малой торговли и возможные риски ограничения интернета

Сбои в работе интернета представляют собой самостоятельный операционный риск для малого розничного бизнеса, поскольку современные требования к торговле предполагают передачу фискальных данных онлайн-касс в ФНС (Федеральный закон № 54-ФЗ), безналичные платежи через эквайринг и использование системы маркировки «Честный ЗНАК».

В 2025 году в ряде регионов России имели место систематические отключения мобильного интернета: по данным независимого проекта «На связи», за первые 11 дней июля 2025 года было зафиксировано 744 отключения, а всего к концу года проблемы с доступом отмечались в 73 из 83 регионов, включая Приморье, Сахалин и Камчатку. По оценке «Опоры России», малый бизнес оказывается наиболее уязвимым к таким сбоям, поскольку не имеет резервных каналов связи.

Для конкретной малой торговой точки последствия сбоя могут быть следующими (на основании действующего законодательства):

– при отсутствии связи онлайн-касса может работать в автономном режиме не более 30 календарных дней (ст. 4.1 Федерального закона № 54-ФЗ); если по истечении этого срока связь не восстановлена, фискальный накопитель блокируется;

– терминал эквайринга без интернета не проводит безналичные платежи;

– продажа товаров, подлежащих обязательной маркировке, в автономном режиме затруднена, однако данные о выбытии кода маркировки необходимо передать в систему после восстановления связи.

Крупные ретейлеры, как правило, имеют резервные каналы связи, тогда как индивидуальный предприниматель несет убытки без механизма их компенсации.

Меры государственной поддержки (на основе официальных программ)

На основе анализа проблем, выделяемых в официальных документах и отраслевых исследованиях, можно перечислить следующие меры поддержки, уже реализуемые или предлагаемые компетентными органами.

В сфере кредитования и налогообложения. Банк России реализует Программу стимулирования кредитования МСП совместно с Корпорацией «МСП» с совокупным лимитом 320 млрд рублей. Кредиты в рамках этой программы предоставляются по ставке «ключевая ставка минус 1,5 процентного пункта». В качестве возможного направления развития предлагается расширить лимит программы и распространить ее на микробизнес с оборотом до 5 млн руб. в год. Кроме того, для смягчения последствий введения НДС для малых предприятий целесообразно предусмотреть переходный период 2–3 года, в течение которого технические ошибки первого года не будут вести к административным санкциям.

В части цифровой инфраструктуры. Для стабильной работы малых торговых точек необходимо обеспечение бесперебойного доступа в интернет на всей территории страны, а также доступных тарифов на услуги связи для предпринимателей. Решение этих задач относится к компетенции Министерства цифрового развития и может быть реализовано в рамках национальной программы «Цифровая экономика».

---

[6] Данные о регистрации и ликвидации индивидуальных предпринимателей по видам экономической деятельности (ОКВЭД): выборочная статистика за 2025 год // Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/ (дата обращения: 14.05.2026).

[7] О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации (с изм. от 01.01.2026). Ст. 4.1: Федеральный закон от 22.05.2003 № 54-Ф. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42359/12a6477d0e22968564d9416e594a80202a7024db/ (дата обращения: 15.05.2026).

В области конкурентной среды. С целью выравнивания условий для офлайн-торговли и маркетплейсов в качестве предложения можно рассматривать меры по ограничению демпинга и недобросовестных практик ценообразования, которые искусственно занижают стоимость товаров. Такие меры должны основываться на нормах Федерального закона «О защите конкуренции».

В части арендной политики. Расширение программ льготной аренды муниципальных нежилых помещений для торговых точек шаговой доступности, особенно в малых городах с населением до 50 тыс. человек, может способствовать снижению издержек предпринимателей. Такие программы уже реализуются в ряде регионов, например, предоставление льготы в размере 50% по арендной плате за муниципальное имущество для социально ориентированных субъектов МСП на 2025 год, однако их масштаб может быть увеличен.

Информация об авторах

Лилия Радиковна Галимова – студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Российская Федерация, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; e-mail: liliyagalimova888@mail.ru)

Юлия Андреевна Варламова – кандидат экономических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Российская Федерация, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; e-mail: Julia.Varlamova@kpfu.ru)

Galimova L.R., Varlamova Yu.A.

SMALL RETAIL BUSINESS IN MODERN RUSSIA: CLOSURE DYNAMICS, DIGITAL INSTABILITY AND STATE SUPPORT MEASURES

Abstract. *The article examines the dynamics of small business in Russia in 2020–2026 based on the Unified Register of SMEs of the Federal Tax Service. Key reasons for mass closures of small retail enterprises are identified: high key rate, increased tax burden, competition from marketplaces. The impact of Internet instability on operations (online cash registers, acquiring, marking systems) is studied. A set of state support measures is proposed to increase the survival rate of the sector*.

Keywords: *small business, SME, retail trade, business closures, key interest rate, online marketplaces, internet restrictions, online cash register, state support, import substitution*.

About the authors

Lilia R. Galimova – student, Kazan (Volga Region) Federal University (18, Kremlevskaya Street, Kazan, 420008, Russian Federation; e-mail: liliyagalimova888@mail.ru)

Yulia A. Varlamova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of the Department of Business Economics, Kazan (Volga Region) Federal University (18, Kremlevskaya Street, Kazan, 420008, Russian Federation; e-mail: Julia.Varlamova@kpfu.ru)

УДК 37.032:330.34 / ББК 65.9(2Рос)-94

Горин Е.А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ВОЗДЕЙСТВИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Аннотация. *Обсуждаются проблемы, ограничивающие хозяйственную деятельность отечественного бизнеса и эффективное функционирование петербургских промышленных предприятий. Рассматривается социальная составляющая промышленной политики и трансформация образовательного процесса в последние десятилетия, дополненная ускоряющимся технологическим развитием и политической нестабильностью. Обсуждается роль воспитания молодежи и место системы образования для устойчивости национальной экономики, включая профессиональную ориентацию и творческую компоненту, реализуемые в трудовом коллективе. Приводятся оценки со стороны работодателей качества подготовки выпускников петербургских высших и средних профессиональных учебных заведений*.

Ключевые слова: *проблемы хозяйственной деятельности, устойчивое развитие, негативные факторы, отклик на воздействия, профессиональное образование, кадровое восполнение*.

Благодарность

Используются результаты фундаментальных научных исследований, проводимых в рамках государственного задания ФГБУН «Институт проблем региональной экономики РАН» по теме «Разработка теоретико-методологических положений научно-технологического развития экономики на основе инновационной динамики и формирования механизмов ее реализации в регионах» (№ Г.Р. 124011600045-8).

В современном быстро меняющемся мире перед российским обществом поставлена сложная актуальная задача – сохранение национальной идентичности на основе социальной стабильности и технологической независимости, где важнейшим условием выживания является позитивная общественная атмосфера, сбережение исторических традиций и воссоздание патриотического самосознания, наряду с восстановлением утраченного опыта эффективного взаимодействия образования, науки и производства. Это позволит сблизить ожидания и реальность в предъявляемых профессиональных и нравственных требованиях к приходящей в экономику молодежи, одновременно учесть особенности молодежной среды, которая всегда характеризуется активностью и противоречивостью, дополненной сегодня предоставляемыми возможностями и нарастающими угрозами.

Российское экономическое пространство за последние четыре десятилетия подвергается серьезным испытаниям. Противоречивость в интерпретации исторического пути нашей страны как в прошлые века, так и в современный период позволяет как внешним, так и внутренним деструктивным силам вносить диссонанс в общественный климат, что объективно отражается и на хозяйственной деятельности. Особенно опасным становится снижение воспитательной составляющей и вольная трактовка нравственных ориентиров среди молодежи, которая в близкой перспективе станет основной производительной силой и, более того, возьмет на себя ответственность за судьбу страны, определит реальную реализацию задачи по переходу от рецепции к суверенитету [1].

Именно в указанном контексте в течение последних лет нас интересует ситуация с качеством подготовки новых работников для экономики Санкт-Петербурга и, в первую очередь, для промышленного сектора [3].

Исследования проводились в рамках деятельности Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, основными целями которого являются всемерное развитие региональной промышленности, поддержка деловой активности, высокого социального и правового статуса предпринимателей, внедрение в бизнес-сообщество принципов добросовестной конкуренции, социальной ответственности, свободы предпринимательства, деловой этики, рост влияния промышленников и предпринимателей на создание благоприятных условий труда и обеспечение достойной жизни граждан.

Прежде чем, рассмотреть уровень профессиональной подготовки и коммуникационных компетенций выпускников высших и средних специальных учебных заведений, принятых на работу в петербургские предприятия и организации, укажем на специфическую ситуацию, сложившуюся в последние годы в российском экономическом пространстве и в социальной сфере.

Стоит напомнить, что наша страна в 1990-е гг. под флагом доброжелательной кооперации и расширяющейся глобализации значительно утратила свой промышленный потенциал. К сожалению, постколониальная идеология превалировала и в активно навязываемых России либеральных ценностях и квазиравноправных отношениях, хотя очень быстро выявилось, что «…экономика не может существовать «автономно» от политики, а такого явления, как реально существующий «свободный рынок», не бывает…» [5, с. 71].

В дифференцированном по интересам мире ориентация на международную кооперацию и иностранные инвестиции чревато ростом не только экономической, но и политической зависимости, а для национальной безопасности возрастают негативные последствия от неуправляемого перетока финансовых средств и «бегства» отечественного капитала за рубеж. Возрастает роль региональных факторов с максимальной ориентацией на внутренние ресурсы и модернизацию собственной промышленности и инфраструктуры.

Теперь, в условиях агрессивного политического противостояния и наращивания санкционного давления национальной экономике приходится находить новые партнерские связи, формировать альтернативную структуру взаимодействия, максимально нейтрализуя недружественные действия, и принимать адекватные меры, чтобы оставаться частью глобального мира.

Как результат происходящих процессов, совокупность негативных воздействий на национальное социально-экономическое пространство, часть которых указана на *рис. 1*. Согласно законам диалектики [4] отражается в позитивных реакциях, практическая реализация которых – государственная задача.

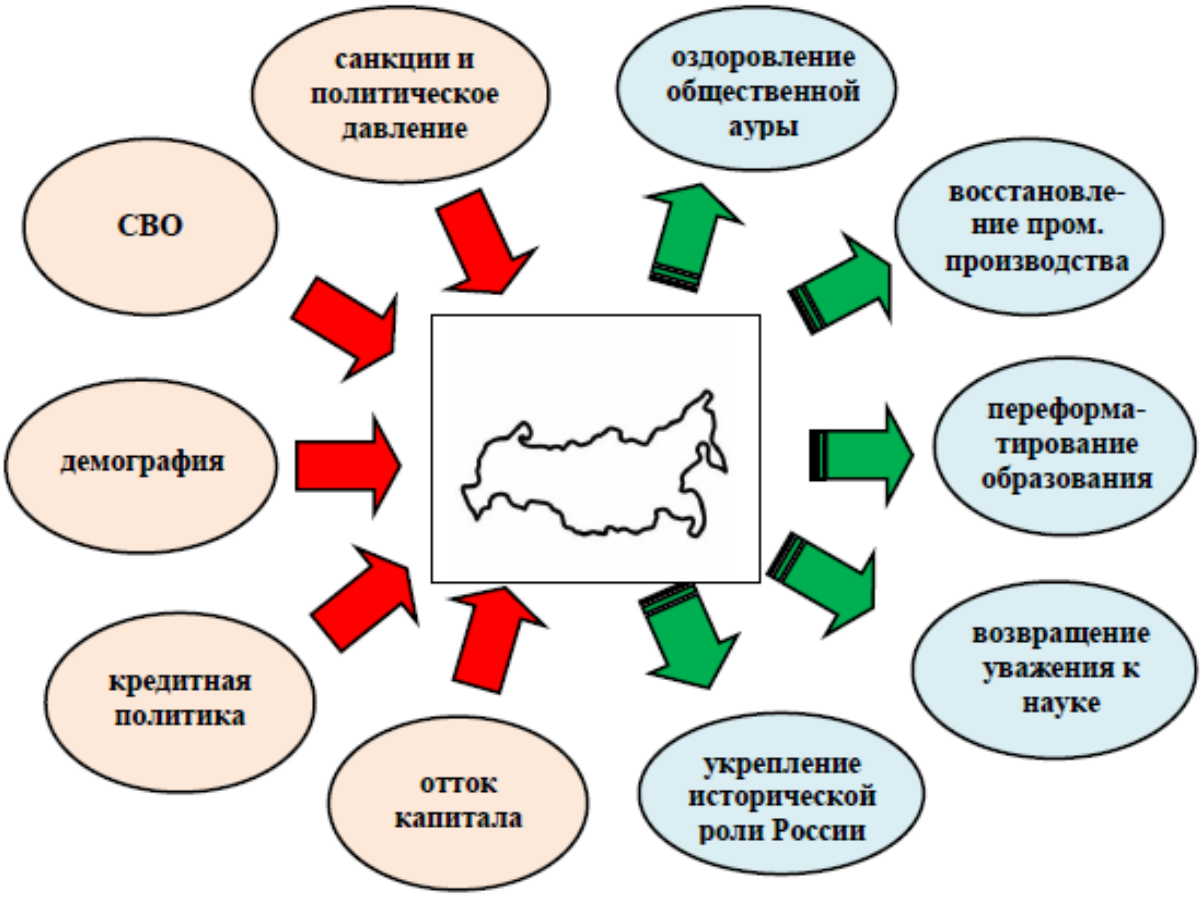

Рис. 1. **Совокупность негативных воздействий на национальное социально-экономическое пространство и проявляющиеся позитивные реакции**

В нашем случае ограничимся рассмотрением процессов трансформации в системе «образование–производство», общие результаты изменений которых во временной динамике последних тридцати лет приведены в *табл. 1*.

Таблица 1. **Трансформация российского образования в последние десятилетия**

Период	Конец 1990-х гг.	Начало 2000-х гг.	После 2022 года
Форма восприятия и использования знаний	Критическое отношение к отечественной практике	Заимствования зарубежных учебных и научных школ	Ориентация на практическую потребность
Место обучаемого	Объект педагогической деятельности	Коммерциализация и формализация	Член команды в процессе обучения
Воспитательная компонента	Уменьшена	Исключается	Восстанавливается
Место учителя	Не престижно и низко оплачиваемо	Формализовано и неуважаемо	Общественное внимание
Практическое применение знаний и умений	Разрыв связи с реальной экономикой	Эксплуатация западной техники	Активизация собственных разработок
Место инженерных профессий	Не престижно и не востребовано	Падение качества подготовки	Нарастание дефицита

Динамика изменений вселяет определенный оптимизм и позволяет надеяться, что негативное воздействие нужно и можно нейтрализовать системной и последовательной совместной работой государства и общества в их же интересах.

В данном случае весьма ярко демонстрируется результат восстановительной реакции на агрессивные внешние воздействия и деструктивные внутренние «инициативы». Общественное сознание и государственные институты вынуждены предпринимать адекватные защитные действия, поскольку продолжение принятого в 1990-е гг. колониального пути неизбежно привело бы полному разрушению самостоятельности и независимости. Вопрос суверенитета стал синонимом национального выживания [1].

Интерес к указанной тематике подтверждается важностью кадровой компоненты в экономике, что подтверждается данными на *рис. 2*, где указаны наиболее существенные проблемы, ограничивающие предпринимательскую деятельность как на российском пространстве, так и в промышленном комплексе Санкт-Петербурга. В данном случае использовались данные Российского союза промышленников и предпринимателей и петербургского регионального объединения работодателей.

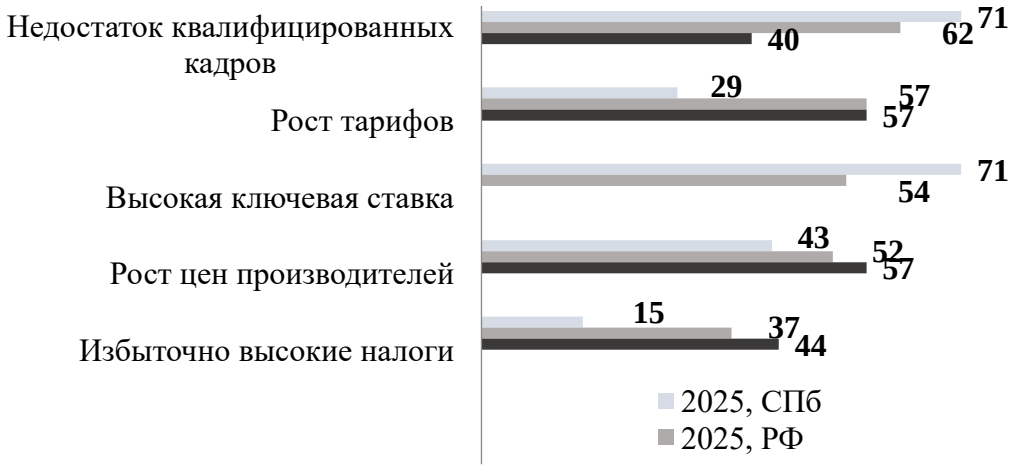

Рис. 2. **Проблемы, ограничивающие предпринимательскую деятельность,**
% от опрошенных предприятий и организаций

Источник: Состояние российской экономики и деятельность компаний: результаты мониторинга РСПП в 2025 году. URL: https://rspp.ru/activity/analytics/sostoyanie-rossiyskoy-ekonomiki-i-deyatelnost-kompaniy-rezultaty-monit oringa-rspp-v-2025-godu/ (дата обращения: 20.04.2026).

В рамках данного рассмотрения отдельный интерес представляет уровень коммуникационных компетенций выпускников высших и средних специальных учебных заведений, приходящих на работу в петербургские предприятия и, в продолжение наших исследований [2], на *рис. 3* приведены такие данные в динамике за десять лет.

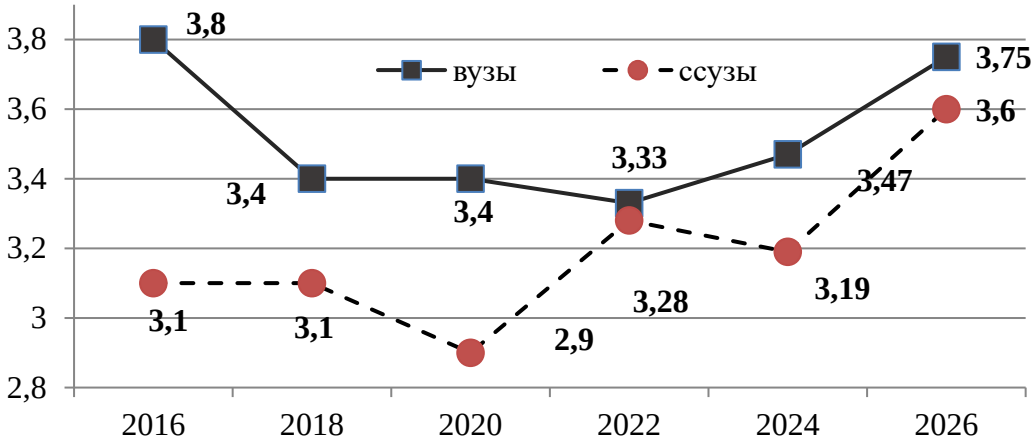

Рис. 3. **Оценка уровня коммуникационных компетенций выпускников высших и средних специальных учебных заведений, принятых на работу в 2016–2026 гг. на предприятия и в организации – члены Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга**

Коммуникационные компетенции представляют собой средневзвешенные значения социальных качеств и универсальных потенций, фактически отражая адаптированность новых сотрудников к работе в сложном коллективе при непредсказуемых меняющихся требованиях и задачах.

Исключительно важным становится обеспечение баланса между адаптацией молодежи, к современным реалиям и сохранением традиционных ценностей, поскольку социальные сети и цифровые технологии совершенно иными способами устанавливают связи «человек–человек» и «человек–социум»[1], а общественные взаимоотношения подвергаются переосмыслению.

Динамика, представленная на рисунке 3, позволяет надеяться на положительный эффект от предпринимаемых государством и обществом мер по нейтрализации разрушительных последствий от агрессивных внешних воздействий и необдуманных внутренних мероприятий.

Библиографический список

1. Горин Е.А. (2024). Технологический суверенитет: от рецепции к идентичности // Экономическое возрождение России. № 3 (81). С. 24–42. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-3-81-24-42
2. Горин Е.А. (2025). Социальная составляющая национальной промышленной политики. Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы X Международной научно-практической интернет-конференции. (г. Вологда, 19–21 мая 2025 г.). Вологда: ВолНЦ РАН. С. 41–47.
3. Горин Е.А., Золотарев А.А., Кузнецов С.В. (2025). Современное промышленное производство: кадровый фактор // Экономическое возрождение России. № 3 (85). С. 95–107. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-3-85-95-107
4. Жилин В.И. (2017). Диалектический закон отрицания отрицания: «снятие» по Гегелю // Гуманитарный вектор. Т. 12. № 1. С. 100–105. DOI: 10/21209/1996-7853-2017-12-1-100-105
5. Лэйн Д. (2022). Капиталистическая трансформация государственного социализма. Создание и развал государственного социализма и что произошло дальше. Москва: ИНИР имени С.Ю. Витте: Центркаталог. 320 с.

[1] Лескин Д.Ю. Человек в постиндустриальную эпоху: новая парадигма или последний акт? URL: https://www.pravmir.ru/chelovek-v-postindustrialnuyu-epoxu-novaya-paradigma-ili-poslednij-akt/ (дата обращения: 17.11.2023).

Информация об авторе

Евгений Анатольевич Горин – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (Российская Федерация, 190013, Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; e-mail: info@iresras.ru)

Gorin E.A.

TRANSFORMATION OF SOCIO-ECONOMIC SPACE: IMPACTS AND RESULTS

Abstract. *The article discusses the problems that limit the economic activity of national businesses and the effective functioning of St. Petersburg's industrial enterprises. It examines the social component of industrial policy and the transformation of the educational process in recent decades, which has been accompanied by accelerating technological development and political instability. The article discusses the role of youth education and the importance of the education system for the sustainability of the national economy, including professional orientation and the creative component that is implemented in the workplace. The article also provides employer assessments of the quality of education provided by St. Petersburg's higher and secondary vocational educational institutions*.

Keywords: *economic problems, sustainable development, negative factors, response to exposure, vocational education, staff replenishment*.

About the author

Evgeniy A. Gorin – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Scientific Officer, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (38, Serpukhovskaya Street, Saint-Petersburg, 190013, Russian Federation; e-mail: info@iresras.ru)

References

1. Gorin E.A. (2024). Technological sovereignty: from reception to identity. *The Economic Revival of Russia*, 3(81), 24-42. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-3-81-24-42
2. Gorin E.A. (2025). The social component of national industrial policy. Problems of economic growth and sustainable development of territories: proceedings of the X International Scientific and Practical Internet Conference» (Vologda, May 19-21, 2025). Vologda: VolSC RAS, 41-47.
3. Gorin E.A., Zolotarev A.A., Kuznetsov S.V. (2025). Modern industrial production: the personnel factor. *The Economic Revival of Russia*, 3(85), 95–107. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-3-85-95-107
4. Zhilin V.I. (2017). Dialectical law of negation of negation: «withdrawal» according to Hegel. *Humanitarian Vector*, 12, 1, 100–105. DOI: 10/21209/1996-7853-2017-12-1-100-105
5. Lane D. (2022). Capitalist transformation of State Socialism. The creation and collapse of state socialism and what happened next. Moscow: INIR named after S.Y. Witte: Tsentrkatalog.

УДК 330.341 / ББК 65.9-962

Гусева Е.П.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *В статье проведен анализ динамики и структуры сельскохозяйственного производства Оренбургской области за 2019–2023 гг. Выявлены основные тенденции: рост доли КФХ, снижение роли хозяйств населения, высокие колебания растениеводства. Оценен уровень продовольственной самообеспеченности региона, определены проблемные зоны.*

Ключевые слова: *аграрный сектор, сельскохозяйственное производство, тенденции развития, продовольственная самообеспеченность.*

Проблемы и направления развития аграрного сектора зависят от конкретного региона, учитывая климат, специализацию, доступ к ресурсам, инфраструктуру и многие другие факторы. Уникальность Оренбургской области в сельском хозяйстве заключается в адаптации к сложным климатическим условиям, разнообразии почв и развитии как растениеводства, так и животноводства, с использованием традиций и опыта. Кроме того, отдельные уникальные продукты (например, твердые сорта яровой пшеницы, Соль-Илецкие арбузы, конина и кумыс) делают область узнаваемой на рынке сельскохозяйственной продукции [1].

Оренбуржье считается одним из основных поставщиков высококачественного зерна твердой пшеницы из России. На его долю приходится около 40% производимой в России твердой пшеницы. Выращивание требует особых технологий, направленных на сохранение влаги и борьбу с засухой, определяя структуру посевов и способы обработки почвы, а также необходимость использования засухоустойчивых сортов не только зерновых, но и масляничных и кормовых культур. В области встречаются как плодородные черноземы, так и менее благоприятные каштановые и солонцеватые почвы, что требует дифференцированного подхода к земледелию в разных районах. Разнообразие почв позволяет развивать как растениеводство, так и животноводство. Большие площади пастбищ создают благоприятные условия для развития животноводства, а выгодное географическое местоположение и логистика Оренбургской области как транспортного узла позволяет экспортировать сельскохозяйственную продукцию в разные регионы и страны [2].

Оренбургская область – один из регионов Приволжского федерального округа, который расположен на стыке двух частей света – Европы и Азии. Приволжский федеральный округ (ПФО) находится в тройке регионов, вносящих основной вклад в экономику страны. Среди 14 регионов, входящих в состав ПФО, в качестве основных производителей сельскохозяйственной продукции можно назвать республики Татарстан и Башкортостан, Саратовскую и Оренбургскую области [3; 4].

Чтобы оценить эффективность сельскохозяйственного производства, необходимо учесть объемы производства продукции. Темпы роста валового производства продукции сельского хозяйства показаны к 2018 году, так как в России начали внедряться национальные проекты (*рис. 1*).

Во всех регионах наблюдается значительный рост валового сбора продукции сельского хозяйства на период с 2019 по 2023 гг. по сравнению с базовым 2018 годом, это говорит об общем позитивном развитии отрасли в стране. Наибольший темп роста наблюдается в 2022 году. В целом по России темпы роста валового сбора показывают устойчивую динамику. Следует учитывать, что высокие темпы роста относительно 2018 года отчасти связаны с низкой базой, о чем свидетельствует показатель 2022 года – 183,98%. Практически за весь анализируемый период, кроме 2019 года, темпы роста в Оренбургской области превышают средние показатели по РФ все годы. Сельское хозяйство в России в целом демонстрирует положительную динамику развития.

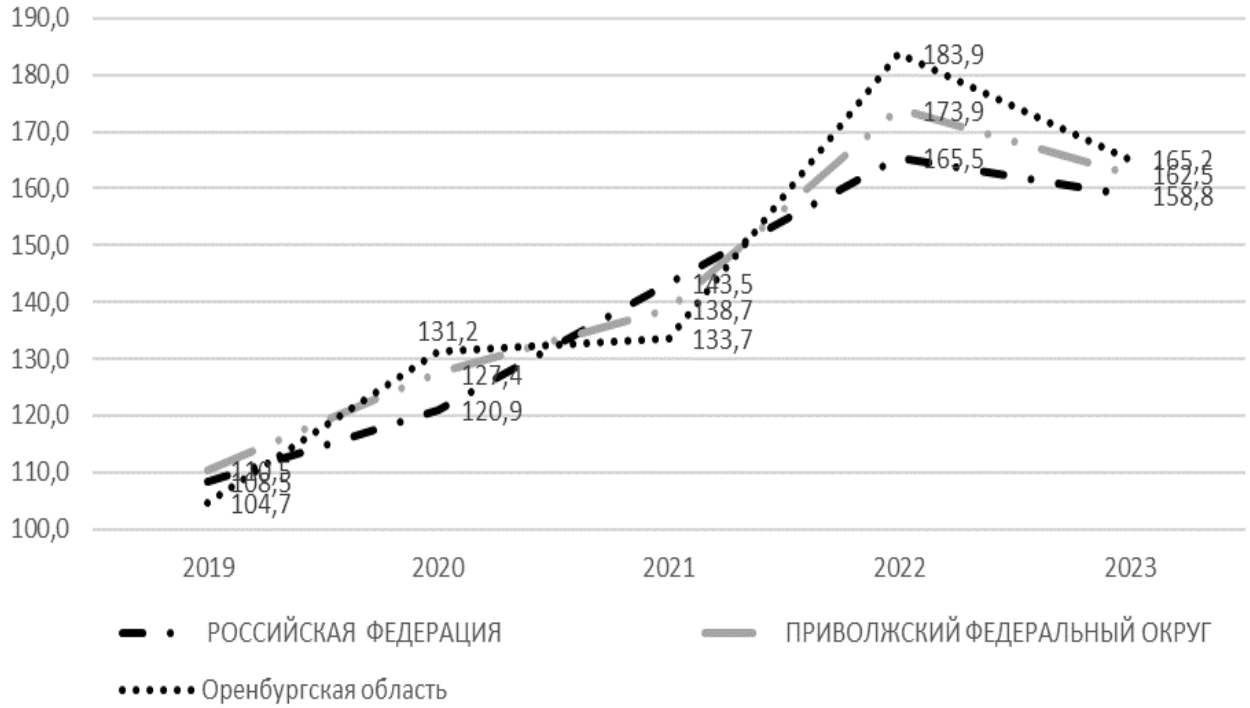

Рис. 1. **Темпы роста валового производства продукции сельского хозяйства к 2018 году**

Данные изменения являются результатом сложного взаимодействия множества факторов, одним из которых является государственная политика, реализуемая в рамках национальных проектов, которые включают в себя мероприятия, направленные на поддержку и развитие агропромышленного комплекса.

Среди наиболее значимых можно выделить: национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (с акцентом на поддержку фермеров и малых хозяйств). Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», а также другие важные направления господдержки. Мероприятия, реализуемые в рамках национальных проектов, направлены на создание благоприятных условий для развития сельского хозяйства, повышение его эффективности и конкурентоспособности [5].

В структуре производства сельскохозяйственной продукции важное место занимает распределение объемов производства между различными категориями хозяйств. Понимание структуры производства по категориям хозяйств необходимо для эффективного планирования, прогнозирования и разработки мер по повышению конкурентоспособности сельского хозяйства.

За рассматриваемый период наблюдается значительное изменение в структуре производства между категориями хозяйств. Рост доли сельскохозяйственных организаций и КФХ наблюдается в общем объеме сельскохозяйственной продукции. Доля хозяйств населения демонстрирует тенденцию к снижению. Доля сельскохозяйственных организаций в период с 2018 по 2020 год в Оренбургской области увеличилась, затем в 2021 году наблюдается небольшое снижение доли (35,2%), а в 2023 году доля снова снизилась до 33,6%. В целом данная категория хозяйств стабильно высокая.

Доля хозяйств населения снизилась с 51,4% в 2018 году до 38,9% в 2023 году. К началу периода хозяйства населения была самая крупная категория, но к концу периода – сократилась (*рис. 2*). Последовательное уменьшение доли говорит о снижении роли частных подсобных хозяйств в сельскохозяйственном производстве области.

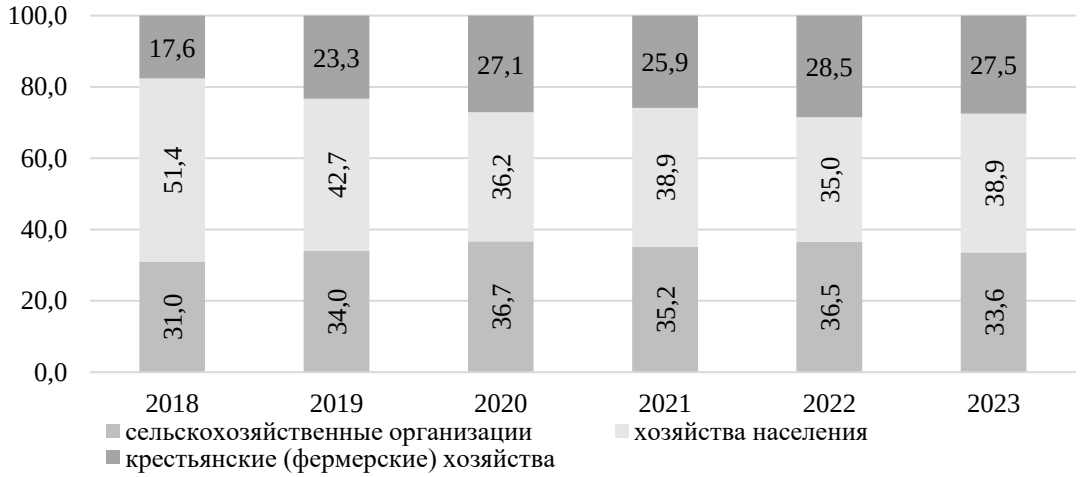

Рис. 2. **Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств Оренбургской области, в фактически действовавших ценах;** % к итогу

Доля КФХ увеличилась с 17,6 до 27,5% в 2023 году – это свидетельствует об укреплении позиций КФХ и их растущем вкладе в сельскохозяйственное производство. Происходит концентрация сельскохозяйственного производства в более крупных и профессиональных структурных – сельскохозяйственных организациях и КФХ. Увеличение доли сельскохозяйственных организаций и КФХ связано с государственной поддержкой этих форм хозяйствования, привлечения инвестиций, более эффективным использованием технологий и более высокой производительностью. Снижение доли хозяйств населения обусловлено миграцией населения из сельской местности, старением сельского населения, снижением заинтересованности в ведении личного подсобного хозяйства из-за трудоемкости и не всегда высокой доходностью. Развитие агробизнеса и современных технологий способствует росту крупных и средних сельскохозяйственных предприятий (сельскохозяйственные организации и КФХ). Хозяйства населения больше ориентированы на производство овощей и фруктов для личного подсобного хозяйства, а сельскохозяйственные организации – на производство зерновых и технических культур. Данные отражают тенденцию перераспределения структуры сельскохозяйственного производства Оренбургской области в сторону более крупных и профессиональных форм хозяйствования [6].

Зерновые и зернобобовые, а также технические культуры доминируют в структуре производства продукции растениеводства. Технические культуры показывают пик производства в 2021 году, а затем наблюдается тенденция к снижению урожайности после 2021 года. Наибольший урожай картофеля был собран в 2021 году, в остальные годы производство оставалось относительно стабильным. Устойчивый рост производства скота и птицы с 47,2% в 2019 году до 52,5% в 2022 и 2023 гг. Также за этот период снижается производство молока с 43,2% в 2019 году до 37,4% в 2022 и 2023 гг. Стабильность наблюдается в производстве яиц и шерсти.

Комплексная задача, требующая развития сельского хозяйства, пищевой промышленности и логистики – это самообеспечение продуктами питания региона. Способность региона самостоятельно обеспечивать население основными продуктами питания собственного производства, минимизируя зависимость от поставок из других регионов или стран, снижает риски, связанные с колебаниями мировых цен, политической нестабильностью и другими факторами, которые могут нарушить поставки продуктов, поддерживает местное сельское хозяйство, создает рабочие места, стимулирует развитие смежных отраслей и увеличивает налоговые поступления в региональный бюджет, обеспечивает доступ к свежим и качественным продуктам, что способствует снижению заболеваемости. Оренбургская область обладает значительным аграрным потенциалом. В регионе развито как растениеводство, так и животноводство, являясь крупным производителем зерна, подсолнечника, мяса и молока. Несмотря на это, регион не по всем видам продукции достигает 100% самообеспечения (*рис. 3*). Зависимость от импорта сохраняется, особенно по некоторым видам фруктов, овощей в межсезонье, а также по некоторым видам переработанной продукции [7; 8].

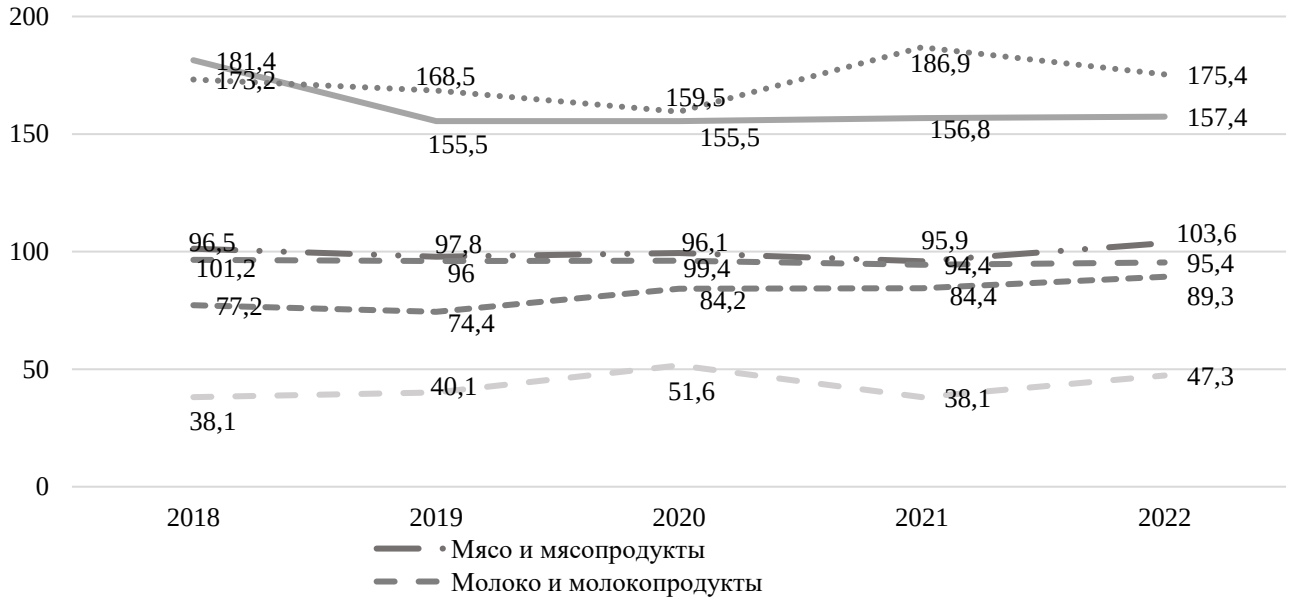

Рис. 3. **Уровень самообеспечения основными продуктами питания в Оренбургской области,** %

Оренбургская область в целом демонстрирует хороший уровень самообеспечения основными продуктами питания, особенно по мясу, молоку, яйцам, овощами и бахчевым культурами. Наиболее проблемной зоной является обеспечение фруктами и ягодами, где необходимы меры по развитию местного производства для снижения зависимости от импорта или поставок из других регионов. Несмотря на положительную динамику в производстве картофеля, необходимо продолжать работу по увеличению объемов производства для достижения полного самообеспечения. Необходимо продолжать поддерживать и развивать существующее производство по категориям, где уже достигнут высокий уровень самообеспечения, чтобы сохранить текущие позиции и наращивать объемы производства.

Библиографический список

1. Гусева Е.П. (2021). Методика оценки использования потенциальных возможностей производства сельскохозяйственных районов // Друкеровский вестник. № 2 (40). С. 129–142. DOI: 10.17213/2312-6469-2021-2-129-142
2. Жиляков Д.И., Фомин О.С., Соловьева Т.Н. (2022). Обеспечение продовольственной безопасности Российской Федерации на основе развития АПК // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. № 9. С. 153–159.
3. Закшевский В.Г., Богомолова И.П., Василенко И.М., Шайкин Д.В. (2023). Продовольственная независимость России: современное состояние, риски безопасности, перспективные тренды // Продовольственная политика и безопасность. Т. 10. №. 1. С. 9.
4. Семин А.Н. (2020). Организационно-экономические механизмы адаптации сельского населения в условиях перехода АПК к динамичному развитию // Экономика сельского хозяйства России. № 8. С. 2–10. DOI: 10.32651/208-2
5. Суслов С.А., Норенков И.Н., Скрипкина Е.В. (2024). Оценка современных достижений агропроизводства в контексте исторических рекордов // Вестник НГИЭИ. № 12 (163). С. 101–112. DOI: 10.24412/2227-9407-2024-12-101-112
6. Тихутова А.Н. (2023). Роль национальных проектов в решении проблем социально-экономического развития страны. Международная научно-техническая конференция молодых ученых БГТУ, посвященная 170-летию со дня рождения В.Г. Шухова. 1010 с.
7. Шибзухов З.Г.С., Дышехова А.А., Циканова Л.М., Ханцев М.М. (2023). Агропромышленный комплекс России: вопросы комплексного развития и импортозамещения в условиях санкционного давления // Индустриальная экономика. №. 3. С. 76–84.
8. Ermakova Z., Speshilova N., Guseva E. (2024). Assessment of the influence of technical equipment factors on the volume of production in organizations of the regional economic system. *BIO Web of Conferences*, 139, 14009, 1–13. DOI: 10.1051/bioconf/202413914009

Информация об авторе

Елена Петровна Гусева – научный сотрудник, Оренбургский филиал Института экономики Уральского отделения РАН (Российская Федерация, 460000, г. Оренбург, ул. Пионерская, д. 11; e-mail: epguseva@mail.ru)

Guseva E.P.

CURRENT STATE AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE IN THE ORENBURG REGION

Abstract. *The article analyzes the dynamics and structure of agricultural production in the Orenburg Region for 2019–2023. The main trends are identified: an increase in the share of peasant (farm) enterprises, a decrease in the role of household plots, and high volatility of crop production. The level of food self-sufficiency of the region is assessed, and problem areas are identified.*

Keywords: *agricultural sector, agricultural production, development trends, food self-sufficiency*.

About the author

Elena P. Guseva – Researcher, Orenburg Branch of the Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (11, Pionerskaya Street, Orenburg, 460000, Russian Federation; e-mail: epguseva@mail.ru).

References

1. Guseva E.P. (2021). Methodology for assessing the use of potential production opportunities in agricultural areas, *Drukerovsky bulletin*, 2(40), 29–142. DOI: 10.17213/2312-6469-2021-2-129-142.
2. Zhilyakov D.I., Fomin O.S., Solovyova T.N. (2022). Ensuring food security of the Russian Federation based on the development of agriculture. *Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*, 9, 153–159.
3. Zakshevsky V.G., Bogomolova I.P., Vasilenko I.M., Shaykin D.V. (2023). Russia's Food Independence: current state, security risks, promising trends. *Food policy and security*, 10(1), 9.
4. Semin A.N. (2020). Organizational and economic mechanisms of adaptation of the rural population in the context of the transition of agriculture to dynamic development. *The economics of agriculture in Russia*, 8, 2–10. DOI: 10.32651/208-2
5. Suslov S.A., Norenkov I.N., Skripkina E.V. (2024). Assessment of modern achievements of agricultural production in the context of historical records. *Bulletin of the NGIEI*, 12(163), 101–112. DOI: 10.24412/2227-9407-2024-12-101-112
6. Tikhutova A.N. (2023). The role of national projects in solving the problems of socio-economic development of the country // International Scientific and Technical Conference of Young Scientists of BSTU, dedicated to the 170th anniversary of V.G. Shukhov's birth.
7. Shibzukhov Z.G.S., Dyshehova A.A., Tsikanova L.M., Khatsev M.M. (2023). Russia's agro-industrial complex: issues of integrated development and import substitution under sanctions pressure. *Industrial economy*, 3, 76–84.
8. Ermakova Z., Speshilova N., Guseva E. (2024). Assessment of the influence of technical equipment factors on the volume of production in organizations of the regional economic system. *BIO Web of Conferences*, 139, 14009, 1–13. DOI: 10.1051/bioconf/202413914009

УДК 334.722.24 / ББК 65.9

Ефимова Е.Г., Маклякова М.И.

РАЗВИТИЕ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ ЗА ПЕРИОД 2014–2024 ГГ: ТЕНДЕНЦИИ, БАРЬЕРЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *В статье проанализированы динамика и причины закрытия ИП за период 2014–2024 гг. Проведены межстрановые сравнения доли вклада малого бизнеса в ВВП. Выделены перспективы роста доли малого бизнеса в структуре ВВП России в контексте реализации новых национальных целей развития*.

Ключевые слова: *индивидуальное предпринимательство, причины закрытия бизнеса, кредитование, государственная поддержка, институциональные ограничения, самозанятость*.

Малое предпринимательство в экономике страны обеспечивает занятость населения, конкуренцию и инновационное развитие. Проанализируем динамику числа индивидуальных предпринимателей (ИП) в *табл. 1* по данным источника [8] и определим тенденции.

Таблица 1. **Динамика развития индивидуальных предпринимателей в России**

Год	Общее число ИП	Число регистраций ИП	Число закрытий ИП	Сальдо открытых и закрытых ИП
2014	3 500 700	450 200	517 800	-67 600
2015	3 420 600	653 400	564 500	+88 900
2016	3 500 000	581 700	517 800	+63 900
2017	3 996 000	496 000	400 000	+96 000
2018	4 000 000	504 000	500 000	+4 000
2019	4 014 000	518 000	508 000	+10 000
2020	2 300 000	621 000	964 000	-343 000
2021	3 560 000	824 680	799 860	+24 820
2022	3 590 000	809 000	799 000	+10 000
2023	4 300 000	986 000	599 000	+387 000
2024	4 550 000	983 311	685 521	+297 790

За исследуемый период можно выделить два этапа изменения динамики числа ИП – 2014–2019 и 2020–2024 гг., где тенденции следующие:

– в 2014–2019 гг. наблюдался умеренный рост числа ИП при относительном сохранении баланса между открытыми и закрытыми: в среднем ежегодно открывалось 500–600 тыс. новых предприятий и примерно столько же прекращали свою деятельность. Такой высокий уровень обновляемости говорит о низкой устойчивости функционирования малого бизнеса;

– в 2020 году произошло самое значительное сокращение числа ИП из-за влияния пандемии COVID-19 и сопутствующих ограничений, когда закрылись 964 тыс. предпринимателей – максимальный показатель за период исследования (снижение общего числа ИП почти на 42%);

– начиная с 2021 года можно отметить восстановительную динамику: количество новых регистраций стабильно превышает число закрытых, т. е. происходит постепенное восстановление деловой активности, в том числе рост доверия к предпринимательской среде, что подтверждается исследованиями[1];

– в 2023 году число зарегистрированных ИП и положительное сальдо (разница между открытыми и закрытыми) является максимальным за весь анализируемый период. Данная тенденция обусловлена мерами государственной поддержки, а также адаптацией малого бизнеса к новым экономическим условиям[2].

[1] Анализ ключевых показателей развития сферы МСП в 2022 г. // Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара. Москва: Изд-во ин-та Гайдара. 2023. URL: https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/wpaper/wpaper–2023–1262.pdf

[2] Малый бизнес России // TAdviser: государство, бизнес, ИТ. URL: https://tadviser.ru (дата обращения: 30.04.2026); Сколько ИП в России // Мое Дело. URL: https://www.moedelo.org/club/article–knowledge/skolko–ip–v–rossii (дата обращения: 25.02.2025).

Следует также отметить, что рост общего числа ИП происходит на фоне сокращения количества юридических лиц (ООО), что свидетельствует о предпочтении предпринимателями более простых и гибких форм ведения бизнеса. Отметим, что ключевым вызовом остается обеспечение долгосрочной жизнеспособности новых бизнес-проектов и снижение уровня их преждевременного выбытия. Основные причины проблем функционирования МСП в России носят системный характер и укоренены в структуре национальной экономики. Ключевым фактором остается ограниченный доступ к кредитным ресурсам и субсидиям, что существенно снижает инвестиционные возможности малых предприятий. Несмотря на то, что к декабрю 2024 года общий портфель кредитов субъектов МСП достиг 14,5 трлн руб. (рост на 19% в сравнение с 2023 годом), доля льготных кредитов составила лишь 10,7% от совокупной задолженности сектора, что говорит об ограниченном доступе к финансовым ресурсам на приемлемых условиях[3].

В исследованиях отмечают, что финансовые институты по-прежнему ориентированы преимущественно на крупный бизнес, тогда как государственные механизмы микрофинансирования и региональные гарантийные фонды обладают ограниченной емкостью и не способны покрыть реальный спрос [1]. Вследствие чего значительная часть кредитов предоставляется лишь при поддержке поручительств гарантийных организаций. При этом уровень просроченной задолженности МСП по состоянию на декабрь 2023 года достиг 5,1% портфеля, увеличившись почти на 40% за год [2]. Очевиден сохраняющийся дисбаланс между формальным ростом объемов кредитования и фактической доступностью финансовых инструментов для малого бизнеса, что ведет к низкой капитализации сектора ИП, замедлению оборачиваемости капитала и снижению рентабельности бизнес-процессов – одной из причин закрытия ИП.

Статистика закрытий с 2021 года позволяет выделить влияние кризисов, налоговых реформ и санкционного давления, определяющих устойчивость малого бизнеса. В *табл. 2* приведены основные причины закрытия малых предприятий.

Таблица 2. **Основные причины закрытия индивидуальных предпринимателей**

Год	Кол-во закрытий	Основные причины закрытия ИП
2014	517 800	Экономический кризис 2014 года привел к нестабильности (рост курса валют), снижение реальных доходов населения; рост ключевой ставки (до 17%)
2015	564 500	Усиление влияния кризиса ввиду обесценения рубля (девальвация), продолжения снижения реальных доходов населения и доступности кредитов для ИП
2016	517 800	Ухудшение условий рынка и финансовых условий (сохранение высокой ставки, усиление банковского контроля согласно 115-ФЗ,) и рост налоговой нагрузки на малый бизнес (увеличение фиксированных страховых взносов)
2017	400 000	Усиление налогового администрирования (внедрение онлайн-касс ввиду чего появились доп. затраты на покупку техники и обслуживание, цифровой контроль ФНС); рост фиксированных страховых взносов;
2018	500 000	Усиление конкуренции (рост влияния федеральных продуктовых сетей, стремительный рост маркетплейсов) и рост арендных ставок (30–50% выручки направлялось на оплату аренды), что делало бизнес нерентабельным; Введение обязательной электронной сертификации животноводческой продукции
2019	508 000	Закрытия происходили в основном среди тех ИП, которые не смогли адаптироваться к изменяющимся рыночным условиям
2020	964 000	Пандемия COVID-19; введение ограничений (локдаун), снижение покупательской способности населения
2021	799 860	Постпандемийные трудности и необходимость адаптации к новым условиям
2022	799 000	Последствия санкций и изменения в законодательстве; сложности ведения бизнеса привели к росту числа закрытий ИП
2023	599 000	Переход в статус самозанятых (ИП без наемных рабочих) ввиду более простой отчетности и снижения налоговой нагрузки; санкционное давление и изменения логистики (удорожание импортных материалов и т. п.; уход зарубежных брендов, нарушение цепочек логистики) Сложность конкуренции с крупными маркетплейсами и федеральными сетями
2024	685 521	Резкий рост ключевой ставки и стоимости кредитов; сложность конкуренции с крупными маркетплейсами и федеральными сетями; усиление контроля ФНС (контроль за «дроблением бизнеса», исключение из ЕГРИП тех ИП, кто не сдавал отчетность и имеет задолженность по налогам более 15 месяцев)

[3] Обзор рынка кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства // Центральный банк Российской Федерации. URL: https://www.fskmb.ru/about/news/Analytics/Overview–of–the–SME–lending–market–on–01.12.2024/ (дата обращения: 12.10.2025).

Кроме того, рост числа закрытых ИП в 2023 году обусловлен новым трендом – переходом предпринимателей в статус самозанятых с применением режима «налог на профессиональный доход» (НПД). Важно различать закрытие ИП и смену налогового режима без ликвидации статуса предпринимателя: многие предпочитают сохранить статус юридического лица для продолжения работы с контрагентами. В начале 2024 года число таких ИП было несколько сотен тысяч, к марту 2025 года выросло до 646 430 человек, а к августу – до 702 000[4] чел. В источнике отмечается, что число самозанятых в России выросло с 6,6 млн до 9,3 млн человек (на 39%), и примерно половина из них ранее не декларировали свои доходы, что говорит о выходе из «теневого» бизнеса. Ключевые причины перехода ИП в статус самозанятых, согласно тому же источнику – освобождение от обязательных фиксированных страховых взносов, низкие ставки налогов (налог 4% при работе с физическими лицами; 6% – с организациями), отсутствие отчетности (чеки формируются в приложении банка).

Но не все ИП могут перейти в статус самозанятых ввиду следующих ограничений: годовой доход превышает 2,4 млн рублей, если есть наемные сотрудники по трудовым договорам, деятельность связана с перепродажей товаров.

Вопрос о доле совокупного вклада малого бизнеса в экономику России, по мнению экспертов, должен быть более масштабным. Так, современные исследования российских экономистов и экспертов Минэкономразвития сходятся во мнении, что оптимальная доля МСП в ВВП России должна составлять 25–30%, что близко к средним значениям государств ОЭСР (доля 60–70%) [3]. По данным Росстата, доля малого бизнеса в ВВП России на 2024 год составляла около 21%, что значительно ниже целевого показателя, зафиксированного в национальном проекте «Малое и среднее предпринимательство»[5]. Очевидно, что российская экономика сохраняет перевес в пользу крупных предприятий и сырьевых отраслей, что ограничивает предпринимательскую инициативу и снижает диверсификацию экономического роста за счет деятельности данного сектора.

Причины низкой доли малого бизнеса во многом носят структурный характер: в России исторически преобладают крупные корпорации и государственные компании, аккумулирующие основные финансовые ресурсы, а доступ к кредитам и долгосрочному финансированию для МСП остается ограниченным[6]. Еще одним сдерживающим фактором является непредсказуемость налогово-регуляторной среды: частые изменения налоговых ставок, страховых взносов и административных требований подрывают долгосрочное планирование. Данные факторы создают институциональную уязвимость сектора МСП, не позволяя ему выйти на устойчивую траекторию роста[7].

Межстрановые сравнения позволяют определить, что в экономиках с более активным предпринимательским климатом (например, в Китае) доля МСП в ВВП может достигать 60%. Напротив, в странах с институциональными и инфраструктурными ограничениями, похожими на российские условия (Бразилия, Индия) их доля составляет в среднем 20–30% по экономике, при том отдельные сектора МСП могут иметь значения гораздо выше[8].

---

[4] Более 12 млн самозанятых зарегистрировались в России // Федеральная налоговая служба. 06.12.2024. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15487019/

[5] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204.

[6] Обзор рынка кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства // Центральный банк Российской Федерации. Москва: Банк России, 2024. URL: https://www.fskmb.ru/about/news/Analytics/Overview–of–the–SME–lending–market–on–01.12.2024/ (дата обращения: 12.10.2025).

[7] Развитие сектора МСП // Министерство экономического развития Российской Федерации. Москва: Минэкономразвития России, 2024. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d13/razvitie_sektora_msp/ (дата обращения: 12.04.2026).

[8] MSME sector in BRICS: trends and cooperation opportunities // BRICS SME Working Group. URL: https://www.gov.br/memp/pt–br/assuntos/brics–sme–working–group–1/documents–on–smes/2024–russia/review_msme_ in_brics_2024.pdf (дата обращения: 14.10.2025).

Аналогичные различия наблюдаются и в развитых рыночных экономиках: в США малый и средний бизнес обеспечивает около 50% ВВП и до 70% занятости в частном секторе, что отражает высокую степень вовлеченности предпринимателей в экономику[9]. В то же время в странах с переходной экономикой, близкой по структуре к российской (например, в Польше), доля МСП достигает около 50% ВВП и сопоставима уровню занятости[10].

В заключение можно резюмировать: в России малый бизнес высоко зависим от устойчивости институциональной среды и степени государственной поддержки. Преодоление институциональных ограничений и создание условий для долгосрочного выживания малых предприятий – необходимые условия для реализации национальных целей. В новой стратегии[11] достижение роста доли МСП в ВВП России до 30% станет возможным при реализации качественной поддержки сектора малого бизнеса.

Библиографический список

1. Фетисов Я.О. (2024). Роль региональных организаций национальной гарантийной системы как механизма финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Экономика и бизнес: теория и практика. № 4–3(110).
2. Самиев П., Купринов А. (2024). Кредитование МСП: рекорд за рекордом // Банковское обозрение. URL: https://bosfera.ru/bo/kreditovanie–msp–rekord–za–rekordom
3. Рожкова Е., Гальчева А., Лозовая М. (2024). Как доля малого и среднего бизнеса подросла в 2022 году. Инфографика // РБК. URL: https://www.rbc.ru/economics/12/10/2024/6707da919a 794781e34b198b
4. Mancini L. (2024). Micro and small enterprises are the backbone of the BRICS economy. *BRICS Russia 2024*. URL: https://www.brics-russia2024.ru.

Информация об авторах

Елена Георгиевна Ефимова – кандидат экономических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62; e-mail: levstrelkov@mail.ru)

Мария Ивановна Маклякова – студент, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62; e-mail: maklyakova.mari@inbox.ru)

Efimova E.G., Maklyakova M.I.

DEVELOPMENT OF SMALL ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA FOR THE PERIOD 2014–2024: TRENDS, BARRIERS, AND PROSPECTS

Abstract. *This article analyzes the dynamics and reasons for the closure of individual entrepreneurs over the period 2014–2024. Cross-country comparisons of the small business contribution to GDP are provided. Prospects for increasing the share of small businesses in Russia's GDP are highlighted in the context of implementing new national development goals.*

Keywords: *individual entrepreneurship, reasons for business exit, lending, government support, institutional constraints, self-employment.*

[9] SME indicators benchmarking and monitoring. // OECD iLibrary. URL: https://www.oecd.org/en/topics/sub–issues/sme–indicators–benchmarking–and–monitoring.html (дата обращения: 03.05.2026).
[10] Podsumowanie badania dotyczącego świadomości i gotowości na wdrażanie polityk zrównoważonego rozwoju w sektorze MŚP // Fundacja Instytut Przedsiębiorczości Społecznej. // Fundacja IPS. URL: https://fips.pl/podsumowanie–raportu–parp–o–stanie–sektora–msp–w–polsce–w–2024/ (дата обращения: 03.05.2026).
[11] Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

About the authors

Elena G. Efimova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Ural State University of Economics (62, 8 Marta Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: levstrelkov@mail.ru).

Maria I. Maklyakova – Student, Ural State University of Economics (62, 8 Marta Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: maklyakova.mari@inbox.ru)

References

1. Fetisov Ya.O. (2024). The role of regional organizations of the national guarantee system as a mechanism for financial support of small and medium-sized businesses. *Economy and business: theory and practice*, 4–3(110).
2. Samiev P., Kuprinov A. (2024). SME Lending: Record After Record. *Banking Review*. URL: https://bosfera.ru/bo/kreditovanie–msp–rekord–za–rekordom
3. Rozhkova E., Galcheva A., Lozovaya M. (2024). How the share of small and medium businesses grew in 2022. Infographics. *RBC: online publication*. URL: https://www.rbc.ru/economics/12/10/2024/6707da919a 794781e34b198b
4. Mancini L. (2024). Micro and small enterprises are the backbone of the BRICS economy. *BRICS Russia 2024*. URL: https://www.brics-russia2024.ru.

УДК 332.14 / ББК 65.05

Колечков Д.В.

РАЗВИТИЕ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ ЗА 2005–2025 ГОДЫ

Аннотация. *В работе проведен краткий анализ развития строительной отрасли Республики Коми за период 2005–2025 гг. Выделено три периода динамики: период активного роста, экономический кризис и последствия, посткризисный период. Дана краткая характеристика современного состояния отрасли. Обозначены перспективы развития*.

Ключевые слова: *строительная отрасль, динамика развития, господдержка, объекты строительства, инновационные технологии, экологическая ответственность*.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках плановой темы НИР «Проблемы роста экономики северных регионов в современной России» (№ 125013001114-9).

Удовлетворение потребностей населения, государства и бизнеса в своевременном, безопасном и высоком качестве продуктов и услуг является основным приоритетом развития современного строительного комплекса регионов. Одним из ключевых элементов в социально-экономической системе страны является строительный комплекс, вопросы успешного функционирования которого сегодня находят место среди главных позиций стратегического планирования, в том числе и на региональном уровне. Стратегия социально-экономического развития Республики Коми реализуется с 2006 года с периодической актуализацией и продлением периода планирования. В 2015–2017 гг. разработана новая редакция Стратегии с продлением периода планирования до 2035 года[1].

Строительная отрасль является системообразующей и неразрывной частью экономики, которая имеет ключевое значение в формировании базовых параметров социально-экономического развития территорий. Именно в строительстве создаются основные фонды, которые служат основой для создания добавленной стоимости в остальных видах экономической деятельности [1]. Наибольшая степень взаимосвязи обеспечивается с промышленностью, особенно в производстве строительных материалов, с жилищно-коммунальным хозяйством, транспортом, тем самым формируются такие качества как системность и комплексность. Благополучное состояние строительной отрасли каждого региона служит главным ориентиром успешности социально-экономического развития. Безусловно, имеется тесная, а в некоторых случаях и прямая, зависимость между темпами развития в строительстве и экономикой в целом [2].

Особый интерес вызывают вопросы и проблемы функционирования строительной отрасли в условиях Севера, где сложные климатические условия и логистические связи накладывают свои специфические особенности на данный вид экономической деятельности.

Динамика развития

Начало XXI века ознаменовалось активным развитием строительной отрасли в Республике Коми. После распада СССР рынок постепенно восстанавливался, адаптируясь к новым экономическим условиям. Однако вплоть до середины нулевых годов строительный сектор оставался относительно стабильным, без значительного увеличения объемов ввода жилья и коммерческих помещений.

Период активного роста (2005–2014 гг.). Начиная примерно с 2005 года, наблюдается устойчивое повышение интереса инвесторов к региону. Появляются крупные строительные компании, активно осваивающие рынки коммерческого и частного жилья. Важную роль играет государственное финансирование, направленное на модернизацию инфраструктуры и создание комфортных условий для бизнеса. Например, согласно официальной статистике, в 2005 году было введено около 300 тыс. м^2 жилья, что значительно превышало предыдущие показатели. Однако, несмотря на положительную динамику, Республика продолжала отставать от лидеров российского рынка, таких как Московская область и Краснодарский край.

[1] О Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года: постановление Правительства Республики Коми от 11 апреля 2019 г. № 185.

Экономический кризис и последствия (2014–2019 гг.). Экономический кризис 2014 года негативно отразился на всей экономике страны, включая Республику Коми. Строительство замедлилось, объемы ввода жилья сократились. Многие проекты оказались заморожены из-за недостатка финансирования и снижения спроса на недвижимость. Кроме того, ужесточившиеся санкции и нестабильность валютного курса усложняли привлечение иностранных инвестиций и закупку импортных материалов. Тем не менее, даже в эти сложные времена отдельные сегменты продолжали развиваться. Так, индивидуальный жилищный сектор продемонстрировал устойчивость, поскольку многие жители предпочитали самостоятельно заниматься строительством собственного жилья.

Посткризисный период (2019–2025 гг.). После кризиса начался процесс восстановления. Правительством Республики Коми была разработана серия программ поддержки строительства, направленных на стимулирование спроса и предложение доступных решений. Эти меры позволили стабилизировать рынок и создать основу для дальнейшего роста. В частности, в 2025 году общий объем введенного жилья составил 227 тыс. $м^2$, что свидетельствует о постепенной нормализации ситуации.

Современное состояние строительной отрасли Республики Коми

Одним из ключевых факторов успеха стало активное развитие индивидуального жилищного строительства. Население все чаще выбирает самостоятельное возведение жилья, особенно в сельских районах. Это позволяет снизить затраты и адаптироваться к местным условиям. В первом квартале 2025 года частные лица обеспечили половину общего объема введенных квартир, что говорит о высоком уровне доверия к этому сегменту.

Несмотря на положительные сдвиги, инфраструктура продолжает оставаться серьезным препятствием для полноценного развития отрасли. Недостаточная развитость сетей электроснабжения, водопровода и канализации затрудняет подключение новых объектов. Особенно остро эта проблема ощущается в удаленных населенных пунктах, где строительство осложняется сложными природными условиями и высокими затратами на доставку материалов.

Высокая стоимость доставки строительных материалов существенно повышает расходы на строительство. Для многих застройщиков доставка становится критическим фактором, влияющим на рентабельность проекта. В результате большинство проектов реализуется вблизи транспортных магистралей, что снижает возможности расширения застройки в отдаленные регионы.

Ключевые направления и объекты

Дорожная инфраструктура.

• В 2025 году отремонтировано 220 км дорог, что составляет 60% от всех работ за предыдущие годы нацпроекта «Безопасные качественные дороги».

• Ведется ремонт и реконструкция ключевых трасс: Сыктывкар–Ухта–Печора–Усинск–Нарьян–Мар, Ухта–Троицко-Печорск, Сыктывкар–Кудымкар, Ираель–Ижма–Усть-Цильма–Нарьян-Мар и др.

• Завершается реконструкция путепровода через железнодорожные пути на подъезде к поселку Верхний Чов.

• Ведутся работы по освещению и благоустройству дорог, ремонту школьных маршрутов.

• В Воркуте к 2026 году планируется ремонт 16 км кольцевой автодороги.

Социальная инфраструктура.

• Построены и строятся новые объекты здравоохранения: лечебный корпус в селе Визинга, поликлиника в Каджероме, детский сад в деревне Бакур, школа на 600 мест в селе Ижма, лечебный корпус в селе Визинга, республиканская инфекционная больница в Сыктывкаре.

• Продолжается строительство и реконструкция школ, поликлиник, отделений социальной реабилитации, объектов для детей-сирот.

Жилищно-коммунальное хозяйство.

• Введена в эксплуатацию станция водоочистки в местечке Пожня-Ель (Ухта), обеспечивающая водой несколько микрорайонов.

• Ведется реконструкция сетей водоотведения и строительство канализационных коллекторов в Печоре и Краснозатонском.

• Реализуется программа капитального ремонта многоквартирных домов: за год отремонтировано 215 домов, заменено 111 лифтов, обновлены крыши и инженерные системы.

Благоустройство и городская среда.

• В 2025 году благоустроено 41 общественных и 44 дворовых территории в 39 муниципалитетах.

• В микрорайоне «Северный» (Усть-Куломский район) создаются условия для строительства 253 индивидуальных домов.

• В селе Выльгорт (Пичипашня) строятся инженерные коммуникации для 84 новых домов.

Цифровизация и связь.

• В 2025 году современные базовые станции сотовой связи появились еще в 12 населенных пунктах.

• Ведется строительство новых станций и распределительных сетей для обеспечения широкополосного интернета и цифрового ТВ.

• Республика входит в топ-5 регионов России по активности на портале Госуслуг (81% пользователей).

Инновационные проекты.

• Внедрена система автоматического распознавания гарей и вырубок с помощью нейросетей для мониторинга лесных пожаров.

Важным направлением развития строительной отрасли является жилищное строительство. За последние десять лет в жилищном строительстве Коми произошли заметные структурные изменения, связанные с экономическими, социальными и демографическими факторами. В 2015 году основная часть нового жилья приходилась на многоквартирные дома. Однако к 2025 году доля ИЖС значительно увеличилась: в январе 2025 года из 13,8 тыс. $м^2$ введенного жилья 13,6 тыс. кв. м (98,5%) пришлось на индивидуальное строительство. Всего за этот период построено 126 домов, из них 124 – частными лицами. Это связано с доступностью земельных участков, развитием программ поддержки ИЖС и изменением предпочтений населения.

Ввод жилья в многоквартирных домах в последние годы сокращается, что связано с уменьшением числа крупных девелоперских проектов и сложностями финансирования. Основная часть жилищного строительства сосредоточена в Сыктывкаре и его пригородах. В 2025 году на столицу республики приходится почти половина всего нового жилья, что отражает миграционные потоки и экономическую активность региона.

В последние годы усилилась поддержка строительства жилья для отдельных категорий граждан (молодые семьи, бюджетники, сельские территории), что также повлияло на структуру ввода: больше жилья строится в сельской местности и малых городах, преимущественно по программам ИЖС.

Перспективы и прогнозы

Поддержка государства. Важную роль в дальнейшем развитии отрасли играют государственные инициативы. Программа переселения из аварийного жилья, субсидии на ипотеку и налоговые льготы способствуют росту числа желающих приобрести новое жилье. Благодаря таким программам, в будущем можно ожидать повышения привлекательности региона для потенциальных покупателей и инвесторов.

Инновационные технологии. Использование современных технологий строительства, таких как модульные конструкции и энергоэффективные решения, способно повысить эффективность отрасли. Такие подходы позволяют сократить сроки строительства и уменьшить затраты на обслуживание зданий. Уже сейчас некоторые компании начинают внедрять подобные инновации, что дает надежду на дальнейшую оптимизацию процессов.

Экологическая ответственность. Экологическое сознание среди населения растет, что стимулирует внедрение зеленых стандартов строительства. Применение экологически чистых материалов и энергосберегающих технологий станет важным направлением развития отрасли в ближайшем будущем. Это поможет улучшить качество жизни и привлечь дополнительные инвестиции.

Анализ состояния строительной отрасли Республики Коми за последние двадцать лет выявляет ряд важных тенденций. Хотя регион столкнулся с рядом вызовов, связанных с экономическими потрясениями и инфраструктурными проблемами, он сумел сохранить потенциал для дальнейшего роста. Современные стратегии включают акцент на индивидуальном жилищном строительстве, использование инновационных технологий и экологическую ориентацию. Все это создает хорошие перспективы для устойчивого развития отрасли в ближайшей перспективе.

Библиографический список

1. Лукин Е.В. (2019). Отраслевая и территориальная специфика цепочек добавленной стоимости в России: межотраслевой подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 6. С. 129–149.
2. Силка Д.Н., Ермолаев Е.Е. (2014). Методологические аспекты новой модели развития строительного комплекса // Вестник евразийской науки. № 1 (20). С. 30–34.

Информация об авторе

Дмитрий Васильевич Колечков – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра Коми научный центр УрО РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: Kdb1970@mail.ru)

Kolechkov D.V.

DEVELOPMENT OF THE CONSTRUCTION INDUSTRY OF THE KOMI REPUBLIC IN 2005–2025

Abstract. *The paper provides a brief analysis of the development of the construction industry in the Komi Republic for the period 2005–2025. There are three periods of dynamics: the period of active growth, the economic crisis and consequences, and the post-crisis period. A brief description of the current state of the industry is given. Development prospects are outlined*.

Keywords: *construction industry, development dynamics, government support, construction facilities, innovative technologies, environmental responsibility*.

About the author

Dmitriy V. Kolechkov – Candidate of Sciences (Economic), Senior Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North of the Komi Federal Research Center, Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: Kdb1970@mail.ru)

References

1. Lukin E.V. (2019). Industry and territorial specifics of value chains in Russia: a cross-industry approach. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 12(6), 129–149.
2. Silka D.N., Ermolaev E.E. (2014). Methodological aspects of the new model of development of the construction complex. *Bulletin of Eurasian Science*, 1(20), 30–34.

УДК 338.48 / ББК 65.433

Леонидова Е.Г.

ВНУТРЕННИЙ ТУРИЗМ СЗФО: АНАЛИЗ ТРЕНДОВ ТУРПОТОКА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕПОЧЕК СОЗДАНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ

Аннотация. *Проанализирована динамика численности российских граждан, размещенных в коллективных средствах размещения СЗФО. Выявлены значительные региональные контрасты в динамике и интенсивности турпотока. Полученные результаты могут служить эмпирической основой для последующих исследований связности и разрывов в региональных цепочках создания добавленной стоимости туристических услуг.*

Ключевые слова: *внутренний туризм, цепочки создания добавленной стоимости, СЗФО, турпоток.*

Благодарность

Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР FMGZ-2025-0012 «Структурно-технологическая трансформация региональной экономики в условиях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: мониторинг, регулирование и прогноз».

В современных условиях переориентации туристического спроса на внутренние направления перед российскими регионами встает вопрос не только о привлечении туристов, но и о том, как удерживать добавленную стоимость внутри территории. Одним из ключевых понятий для анализа этого процесса является цепочка создания стоимости (value chain) – последовательность видов деятельности, каждый из которых добавляет ценность для конечного потребителя. В туризме классическая цепочка включает ресурсную базу, поставщиков услуг (отели, транспорт, гидов), туроператоров, каналы продаж и самого туриста [3]. За последние годы в России под влиянием комплекса факторов она претерпела глубокие изменения, что потребовало проведения их анализа, выполненного на основе синтеза работ российских авторов по экономике туризма, отраслевых обзоров экспертов Ассоциации туроператоров России, аналитических материалов ВЭБ.РФ по туристическим схемам и т. д. На основе этого выделены факторы трансформации цепочек создания добавленной стоимости в российском туризме.

1. Геополитические факторы. Санкционные ограничения привели к потере европейского рынка (в Санкт-Петербурге доля иностранных туристов не превышает 6% в структуре турпотока и в этом сегменте пока не удалось достичь допандемийных показателей)[1], усложнению международных платежей и переориентации на внутренний спрос. Ответом государства стало увеличение финансирования отрасли в рамках обновленного нацпроекта «Туризм и гостеприимство».

2. Экономические факторы: рост стоимости авиаперевозки в пакетных турах на 64%, размещения – на 35%[2], повышение НДС для малого бизнеса с 2026 года прямо увеличивают себестоимость каждого звена. При этом масштабные инвестиции в инфраструктуру требуют окупаемости, что также закладывается в конечную цену.

3. Поведенческие факторы: туристы все чаще отказываются от готовых пакетов в пользу самостоятельной сборки поездок (доля организованных туров составляет около 8,5% от всех поездок[3]). Растет спрос на экотуризм, гастрономические и событийные программы, на уникальные впечатления[4].

[1] Иностранный турпоток в Санкт-Петербурге не вернулся к допандемийным показателям // Интерфакс. URL: https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/inostrannyy-turpotok-v-sankt-peterburge-ne-vernulsya-k-dopandemiynym-pokazatelyam

[2] Почему в России дорогой отдых, и как сделать пакетные туры по стране дешевле // Ассоциация туроператоров. URL: https://www.atorus.ru/article/pochemu-v-rossii-dorogoy-otdykh-i-kak-sdelat-paketnye-tury-po-strane-deshevle-62664

[3] Во внутреннем туризме самостоятельные поездки будут расти быстрее организованных // Интерфакс. URL: https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/vo-vnutrennem-turizme-samostoyatelnye-poezdki-budut-rasti-bystree-organizovannyh

[4] Федеральная туристическая межрегиональная схема территориально-пространственного планирования Российской Федерации. URL: https://arch.lenobl.ru/media/uploads/userfiles/2023/08/24/Этап_2_f7qgTvd.pdf

4. Технологические факторы: дефицит кадров (20–25% по отрасли[5]) стимулирует автоматизацию (онлайн-бронирование, чат-боты). Онлайн-агрегаторы («Островок», «Яндекс Путешествия» и т. п.) оттягивают на себя часть маржи, меняя традиционную модель «туроператор–турагент».

Эти факторы порождают несколько проявлений трансформации цепочек создания добавленной стоимости в российском туризме, а именно:

• дезинтермедиация (укорочение цепочек) – вымывание посредников, переход на прямые бронирования;

• платформизация – банковские экосистемы и IT-гиганты становятся новыми агрегаторами туристических услуг;

• переход от пакетов к модульным конструкторам – гибкая сборка услуг самим туристом.

Таким образом, трансформация цепочек может приводить к разрывам в кооперации между участниками. Эмпирическое изучение этих процессов требует, в частности, анализа того, как региональные туристические потоки распределяются и изменяются во времени. Объектом исследования выступают регионы Северо-Западного федерального округа, в котором сконцентрированы разнотипные туристические направления: мегаполис с мировым культурным наследием (Санкт-Петербург), приграничные территории с развитой инфраструктурой (Калининградская область), регионы с высокой долей природного и экологического туризма (Республики Карелия и Коми, Архангельская и Мурманская области, Ненецкий АО), культурно-познавательного туризма (Вологодская, Новгородская, Псковская области), промышленного туризма (Ленинградская область) [2]. Такое разнообразие позволяет наблюдать разные модели организации туристической деятельности и, как следствие, предполагать разную степень связности региональных цепочек стоимости. Эмпирической базой для анализа выступают данные Росстата о численности российских граждан, размещенных в коллективных средствах размещения (КСР).

В настоящей работе на материалах СЗФО за 2023–2025 гг. проанализированы динамика численности размещенных и интенсивность туристических прибытий. Полученные результаты не позволяют напрямую судить о состоянии цепочек стоимости, однако они дают возможность выделить регионы с разной динамикой, что в дальнейшем может быть сопоставлено с гипотезами о наличии или отсутствии кооперационных разрывов.

Согласно данным Росстата, в 2025 году рост числа россиян, размещенных в КСР СЗФО, составил 104,9% к предыдущему году, что обеспечило округу четвертое место среди всех федеральных округов. Абсолютный прирост составил 548,1 тыс. человек. Однако внутри округа наблюдаются разнонаправленные тренды (*табл. 1*).

Наибольший рост демонстрируют Калининградская область (+11,0%), которая приняла в 2025 году рекордное число туристов – 2,5 млн человек, Ненецкий АО (+10,6%, или + 1 тыс. чел.) и Санкт-Петербург (+9,5%). В то же время четыре региона показывают снижение: Республика Карелия (–1,1%), Ленинградская область (–6,8%), Республика Коми (–7,1%) и Архангельская область (–9,0%). Примечательно, что в Ленинградской области снижению предшествовал аномально высокий рост в 2023 году (+130,1%). Такая разнонаправленная картина создает основу для последующего анализа того, насколько в этих регионах сложились устойчивые межотраслевые связи, характерные для эффективной цепочки стоимости туристических услуг.

Дополнительную информацию дает показатель интенсивности – отношение числа размещенных в КСР к численности постоянного населения. СЗФО в целом занимает второе место в России по этому показателю (0,9 туриста на жителя при среднероссийском 0,6), что свидетельствует о высокой туристической нагрузке на инфраструктуру округа. При этом различия между регионами очень велики.

[5] «Работай и путешествуй»: как туротрасль пытается справиться с критическим дефицитом кадров // Российская газета. URL: https://rg.ru/2025/11/27/esh-rabotaj-i-tancuj.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

Таблица 1. **Динамика численности россиян, размещенных в коллективных средствах размещения в СЗФО в 2023–2025 гг.**

Территория	% к предыдущему году			Ранг 2025 г*.	Территория	Число туристов на одного жителя, 2025 г., чел.	Ранг**		
	2023	2024	2025				2023	2024	2025
РФ	105,3	109,9	103,6	–	РФ	0,6	–	–	–
СЗФО	105,5	110,6	104,9	4	СЗФО	0,9	2	2	2
1. Калининградская обл.	98,8	106,5	111,0	27	1. Республика Карелия	1,2	3	4	5
2. Ненецкий авт. округ	81,5	86,4	110,6	28	2. Санкт-Петербург	1,1	7	6	6
3. Санкт-Петербург	98,8	119,7	109,5	29	3. Псковская область	0,8	9	8	10
4. Новгородская обл.	96,3	98,3	108,4	32	4. Калининградская обл.	0,8	11	10	11
5. Псковская область	99,6	102,9	107,0	38	5. Ленинградская обл.	0,7	8	9	17
6. Мурманская обл.	105,4	114,9	103,6	49	6. Новгородская обл.	0,7	12	15	18
7. Вологодская обл.	130,8	109,0	101,3	56	7. Мурманская обл.	0,7	21	16	21
8. Республика Карелия	103,9	99,1	98,9	61	8. Вологодская область	0,6	25	23	29
9. Ленинградская обл.	130,1	97,1	93,2	74	9. Архангельская обл.	0,3	43	47	59
10. Республика Коми	126,6	105,7	92,9	75	10. Республика Коми	0,3	56	57	65
11. Архангельская обл.	99,7	105,4	91,0	77	11. Ненецкий авт. округ	0,2	67	79	76

* Ранг соответствующего региона и федерального округа по динамике показателя в 2025 году среди 85 субъектов федерации (без учета Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей) и 8 федеральных округов.
** Ранг соответствующего региона и федерального округа по объему показателя на 1 жителя среди 85 субъектов федерации и 8 федеральных округов.
Источник: данные Росстата.

Республика Карелия и Санкт-Петербург испытывают критическую нагрузку (более одного туриста на одного жителя). Регионы второй группы (Псковская, Калининградская, Ленинградская, Новгородская, Мурманская, Вологодская области) имеют устойчивый, но менее напряженный поток (0,6–0,8). Архангельская область, Коми и Ненецкий АО обладают значительным потенциалом для увеличения турпотока (показатель 0,2–0,3).

Проведенный анализ статистики размещения туристов в регионах СЗФО выявил выраженную дифференциацию: наряду с регионами-лидерами (Калининградская область, Санкт-Петербург) есть территории, где численность размещенных снижается (Карелия, Ленинградская область, Коми, Архангельская область). Эти данные не позволяют сделать вывод о причинах такой динамики, однако они задают контекст для постановки гипотез о состоянии цепочек создания стоимости. Например, сочетание высокой интенсивности потока и падения числа размещенных в Карелии может указывать на возможные инфраструктурные и кооперационные ограничения (дефицит мест размещения, кадров, вечерних программ), которые разрывают цепочку «прибытие–пребывание–расходы». Для проверки таких гипотез необходимы дополнительные качественные исследования (интервью с бизнесом для анализа барьеров кооперации), либо разработка инструментария на основе альтернативных источников информации. В качестве таковых перспективно рассмотреть использование данных цифрового следа потребителей (агрегированные поисковые запросы), которые отражают неудовлетворенный и формирующийся спрос туристов. Их анализ позволяет перейти от констатации сложившихся межотраслевых связей к проактивному выявлению потенциально новых цепочек, когда они начинают формироваться в цифровом пространстве, до их фиксации в официальной статистике. Это позволяет решать научную задачу развития инструментария для анализа межрегиональных цепочек, предлагая метод, который не только описывает существующие потоки добавленной стоимости, но и прогнозирует области их потенциального возникновения и роста. Данный инструментарий использования цифрового следа туристов апробирован для оценки потенциального туристического спроса на внутренний туризм среди жителей Вологодской области [3].

Таким образом, представленный анализ служит важной отправной точкой: он показывает, где именно региональные туристические системы испытывают наибольшие контрасты, и, следовательно, какие территории требуют углубленной диагностики с точки зрения организации цепочек стоимости. Перспективы исследования связаны с апробацией методического инструментария для идентификации и формирования новых цепочек создания стоимости туризма на основе данных цифрового следа туристов.

Библиографический список

1. Рубцова Н.В. (2012). Цепочка создания ценности туристского продукта // Региональная экономика: теория и практика. № 40 (271). С. 46–53.
2. Леонидова Е.Г. [и др.]. (2023). Туризм как фактор социально-экономического развития территорий: монография. Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 149 с.
3. Баландина А.Ю. (2025). Анализ сезонности потенциального туристического спроса в регионе на основе поисковых запросов // Проблемы развития территории. Т. 29. № 4. С. 85–105. DOI: 10.15838/ptd.2025.4.138.6

Информация об авторе

Екатерина Георгиевна Леонидова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Leonidova E.G.

INTERNAL TOURISM IN THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT: ANALYSIS OF TOURIST FLOW TRENDS IN THE CONTEXT OF VALUE-ADDED CHAIN TRANSFORMATION

Abstract. *The dynamics of the number of Russian citizens staying in collective accommodation facilities in the Northwestern Federal District have been analyzed. Significant regional contrasts in the dynamics and intensity of tourist flow have been identified. The results obtained can serve as an empirical basis for subsequent studies of the connectivity and gaps in regional value chains of tourism services.*

Keywords: *domestic tourism, value chains, Northwestern Federal District, tourist flow*.

About the author

Ekaterina G. Leonidova – Candidate in Sciences (Economics), Senior Researcher, Head of Laboratory, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

References

1. Rubtsova N.V. (2012). The value chain of a tourist product. *Regional economics: Theory and practice*, 40(271), 46–53.
2. Leonidova E.G. [et al.]. (2023). Tourism as a factor of socio-economic development of territories: monography. Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.
3. Balandina A.Yu. (2025). Seasonality analysis of potential tourist demand in the region based on search queries. *Problems of Territory's Development*, 29(4), 85–105. DOI: 10.15838/ptd.2025.4.138.6

УДК 332.1 / ББК 65.04

Лисенков Д.М.

СТРУКТУРНЫЕ ФАКТОРЫ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ШОКОВ

Аннотация. *В работе анализируется асимметричная реакция регионов России на внешние шоки 2022–2024 гг. Обосновывается гипотеза о том, что ключевым фактором, определяющим способность территории противостоять кризисным явлениям, выступает ее позиция в национальных цепочках создания добавленной стоимости. На материалах регионов Северо-Западного федерального округа показано, что закрепление на нижних переделах цепочек (сырьевая специализация, производство полуфабрикатов) повышает уязвимость к санкционным и логистическим ограничениям, тогда как диверсифицированная обрабатывающая промышленность и ориентация на внутренний спрос формируют адаптационный потенциал.*

Ключевые слова: *экономическая резильентность, цепочки создания добавленной стоимости, внешние шоки, региональная экономика, Северо-Западный федеральный округ.*

Последнее десятилетие экономика России функционирует в условиях нарастающего внешнего давления. Финансовые кризисы, пандемия, а главное – санкционные ограничения, резко усилившиеся после 2022 года, изменили условия работы как народного хозяйства в рамках страны, так и его регионов. Разрыв сложившихся логистических и кооперационных связей, ограничение доступа к технологиям и финансовым рынкам ударили не по абстрактным макропоказателям, а по конкретным территориям с их специализацией, бюджетом и занятостью.

При этом реакция регионов оказалась далеко не одинаковой. Одни территории столкнулись с глубоким спадом производства и потерей экономического потенциала, другие, напротив, продемонстрировали удивительную адаптивность и даже нарастили выпуск производимой продукции. По оценкам С.П. Земцова и А.А. Волошинской, из 85 регионов России 55 оказались устойчивы к шокам 2022 года, однако северо-западные регионы, тесно связанные с европейскими рынками, не восстановились в полном объеме [3, с. 62]. Н.В. Зубаревич также подтверждает, что регионы с высокой долей экспорта в ЕС и зависимостью от иностранного капитала понесли наиболее существенные потери [4, с. 200].

Чем обусловлена эта асимметрия? В поиске ответа на этот вопрос мы исходим из того, что ключевым фактором, определяющим как уязвимость региона, так и его адаптационный потенциал, выступает глубина его интеграции в системы разделения труда, а именно в национальные и глобальные цепочки создания добавленной стоимости.

Под экономической резильентностью в современной науке понимается способность территориальной системы противостоять внешним и внутренним воздействиям, восстанавливать свои ключевые параметры после шока, адаптироваться к новым условиям и трансформировать свою структуру для выхода на траекторию долгосрочного роста [11].

В российской науке значительный вклад в развитие концепции внесли С.Н. Леонов, обосновавший необходимость выделения факторов устойчивости («сопротивляемости») и восстановления («упругости») [6, с. 12], а также И.В. Данилова с соавторами, предложившие типологию реакций промышленности на внешние ограничения: упругая (возврат к дошоковому уровню), сверхупругая (компенсационный рост) и пластичная (негативные последствия при нормализации условий) [2, с. 6].

Под внешним экономическим шоком мы понимаем резкое, трудно прогнозируемое отклонение ключевых параметров функционирования экономической системы от сложившегося тренда под воздействием внешних факторов [1, с. 42]. Стоит отметить, что в реальности регионы редко сталкиваются с «чистыми» шоками: как правило, имеет место их комбинирование, например санкционные ограничения 2022 года сочетали в себе финансовые, технологические и логистические ограничения.

Ключевая гипотеза данной работы состоит в том, что экономическая резильентность региона не является врожденным свойством, а производна от его позиции в цепочке добавленной стоимости. Эмпирические наблюдения показывают: регионы, закрепленные на начальных, сырьевых переделах (так называемое «участие вперед»), демонстрируют высокую зависимость от внешней конъюнктуры и оказываются крайне уязвимыми к ценовым и логистическим шокам [12]. Напротив, регионы, сумевшие занять ниши в сегментах с высокой добавленной стоимостью или диверсифицировать экономическую базу, обладают большим адаптационным потенциалом.

Этот тезис находит подтверждение в российских исследованиях. Как отмечает Н.В. Зубаревич, в условиях санкционного давления 2022 года драйверами роста в регионах оставались сектор услуг и обрабатывающая промышленность, тогда как сырьевые регионы понесли основные потери [4, с. 202]. Регионы с высокой долей отраслей, ориентированных на внутренний спрос (пищевая промышленность, розничная торговля, платные услуги), прошли кризис с наименьшими потерями.

Особую значимость эта закономерность приобретает в условиях, когда глобальные цепочки создания стоимости фрагментируются, а санкционные ограничения делают внешние рынки недоступными. В этих условиях национальные цепочки, межрегиональные кооперационные связи внутри страны становятся главным резервом устойчивости. Как подчеркивал Б.В. Мелентьев, комплексное рассмотрение хозяйств регионов в их взаимосвязи позволяет выявить резервы устойчивости, заложенные во внутристрановой кооперации [8, с. 40].

Апробация гипотезы проведена на материалах регионов Северо-Западного федерального округа. Выбор СЗФО обусловлен тем, что именно этот округ оказался в эпицентре санкционных шоков 2022 года. Как отмечает О.В. Кузнецова: «Впервые за последние годы зависимость экономики регионов от иностранного капитала привела к наибольшей проблемности Северо-Западного федерального округа»: среди 10 регионов с наибольшим спадом промышленного производства в 2022 году пять представляли СЗФО [5, с. 28].

Анализ показывает устойчивую дифференциацию регионов по глубине спада и скорости восстановления. Наиболее уязвимыми оказались регионы сырьевой специализации, ориентированные на европейские рынки. Республика Карелия и Архангельская область, специализирующиеся на лесопереработке и целлюлозно-бумажной промышленности, понесли тяжелые потери после закрытия европейского рынка; производство обработанной древесины в России снизилось на 20%, фанеры на 37%; заготовка древесины в отдельных многолесных регионах упала до 30%[1]. Вологодская область с крупным металлургическим центром в Череповце столкнулась с падением индекса промышленного производства до 95,6% в первом полугодии 2022 года из-за запрета ЕС на импорт металлургической продукции. Эксперты АКРА относят Вологодскую область к числу регионов с высокой концентрацией экспортно-ориентированных производств, в наибольшей степени подверженных санкционным рискам[2]. Калининградская область продемонстрировала наиболее глубокий спад, индекс промышленного производства в обрабатывающих отраслях в 2022 году составил 84,1% к предыдущему году, при этом в производстве автотранспортных средств спад достиг 59%[3]. Остановка заводов «Автотор» и «Хендэ Мотор Мануфактуринг Рус» привела к тому, что к концу 2022 года производство легковых автомобилей в России сократилось на 67%, и Северо-Западный округ понес основные потери в этом секторе[4].

[1] Западные санкции ударили по лесопромышленникам Северо-Запада // Комиинформ. 2022.
[2] Анисимова Е. Регионы под санкциями: кто в зоне риска? // Аналитическое кредитное рейтинговое агентство (АКРА).
[3] Социально-экономическое положение Калининградской области в 2022 году: доклад // Калининградстат, 2023.
[4] Информация о социально-экономическом положении России // Росстат. 2023.

Напротив, регионы с диверсифицированной обрабатывающей промышленностью и развитым сектором услуг продемонстрировали заметно большую устойчивость. Санкт-Петербург, несмотря на спад в автомобилестроении, завершил 2022 год с индексом промышленного производства 96,7%, а оборот розничной торговли снизился лишь на 3,5% при общероссийском падении на 6,7%. Ленинградская область, благодаря диверсифицированной структуре обрабатывающих производств (химия, нефтепереработка, пищевая промышленность), показала индекс промпроизводства 101,3%. Новгородская область, где развита химическая промышленность, продемонстрировала рост промпроизводства на 7% в 2022 году, в том числе благодаря сохранению экспортных поставок[5].

Для понимания причин выявленной дифференциации необходимо обратиться к анализу того, какое место занимают регионы СЗФО в цепочках добавленной стоимости. Как показывают исследования Е.В. Лукина, посвященные оценке фрагментации производства и длины цепочек создания стоимости в России, регионы СЗФО существенно различаются по своей роли в межрегиональной кооперации [7, с. 22].

Согласно данным, основанным на анализе межотраслевых потоков, Республика Карелия и Архангельская область локализованы на начальных стадиях производственных цепочек, а именно на добыче и первичной переработке древесины, а не на производстве целлюлозы и бумаги. Эти регионы выступают поставщиками промежуточной продукции для предприятий в других субъектах РФ и на экспорт. Их участие в цепочках характеризуется высоким показателем «участия вперед» (поставки сырья и полуфабрикатов) и низкой долей конечной продукции в структуре вывоза. Такая конфигурация делает их крайне чувствительными к изменениям спроса на внешних рынках и к логистическим ограничениям [9, с. 25]. Вологодская область, специализирующаяся на металлургии, также находится на относительно низких переделах: регион поставляет сталь и прокат в машиностроительные центры, но доля продукции с высокой добавленной стоимостью в его экспорте невелика. Это определяет высокую зависимость от ценовой конъюнктуры и от решений крупных корпоративных центров, находящихся за пределами региона. Калининградская область представляет собой особый случай, ее экономика исторически интегрирована в глобальные цепочки автомобилестроения через сборочные производства. Высокий показатель «участия назад» (зависимость от импортных компонентов) в сочетании со сборочной специализацией делает регион крайне уязвимым к разрыву внешних цепочек поставок, что подтвердилось в 2022 году при уходе иностранных автопроизводителей.

Напротив, Санкт-Петербург и Ленинградская область отличаются более диверсифицированной структурой участия в цепочках. Наряду с традиционными отраслями (машиностроение, судостроение) здесь развиты химическая и нефтеперерабатывающая промышленность, пищевая промышленность, сектор услуг. Это обеспечивает сбалансированность потоков и снижает зависимость от какого-либо одного канала. Новгородская область, специализирующаяся на производстве удобрений, занимает нишу в сегменте с высокой добавленной стоимостью и востребованной на мировых рынках продукцией, что позволяет ей сохранять экспортный потенциал даже в условиях санкционных ограничений.

Сопоставление данных о реакции регионов СЗФО на шоки 2022–2024 гг. с информацией об их позиции в национальных цепочках создания добавленной стоимости позволяет сделать обоснованный вывод: между этими параметрами существует устойчивая и явно выраженная корреляция. Регионы, закрепленные на нижних переделах цепочек, продемонстрировали наибольшую глубину спада и низкую скорость восстановления, их специализация на поставках сырья и полуфабрикатов на внешние рынки сделала их крайне уязвимыми к санкционным и логистическим ограничениям. Регионы со сборочной специализацией и высокой зависимостью от импортных компонентов также оказались в зоне повышенного риска, поскольку разрыв внешних цепочек поставок привел к коллапсу локальных производств.

Напротив, регионы с диверсифицированной обрабатывающей промышленностью и ориентацией на внутренний спрос, а также регионы, сохранившие экспортный потенциал в сегментах с высокой добавленной стоимостью, продемонстрировали значительно более высокую устойчивость, их способность компенсировать спад в одних отраслях ростом в других оказалась решающим фактором адаптации.

[5] Социально-экономическое положение Новгородской области в 2022 году: доклад // Новгородстат. 2023.

Таким образом, проведенный анализ подтверждает гипотезу о том, что экономическая резильентность региона определяется не столько отраслевой специализацией как таковой, сколько местом, которое регион занимает как в глобальных, так и в национальных цепочках создания добавленной стоимости. Закрепление на нижних переделах закономерно воспроизводит уязвимость, тогда как диверсификация и движение вверх по цепочке формируют адаптационный потенциал. В условиях фрагментации глобальных рынков укрепление национальных цепочек и развитие межрегиональной кооперации становятся стратегическим приоритетом региональной политики. Как отмечает И.И. Сечин: «Мировым рынкам еще предстоит значительно трансформироваться, чтобы отвечать интересам формирующегося полицентричного мира» [10, с. 22]. В этих условиях внутрироссийские кооперационные связи становятся не просто инструментом повышения эффективности, но фактором «выживания» территорий, попавших в зону турбулентности.

Библиографический список

1. Алешина О.Г. (2022). Внешние и внутренние шоки в экономике: методология // Экономика и управление инновациями. № 2 (21). С. 39–60.
2. Данилова И.В., Правдина Н.В., Резепин А.В. (2024). Динамика промышленного производства регионов: оценка резилиентности реакции на внешние ограничения // Economy of Regions. Т. 20. № 3. С. 1–18.
3. Земцов С.П., Волошинская А.А. (2024). Устойчивость к шокам экономик регионов России в условиях санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (64). С. 54–83.
4. Зубаревич Н.В. (2024). Регионы России в новых условиях: влияние санкций и адаптация // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4 (64). С. 198–205.
5. Кузнецова О.В. (2023). Новые закономерности в современной динамике социально-экономического развития регионов России // Региональные исследования. № 1 (79). С. 23–35.
6. Леонов С.Н. (2025). Адаптивность регионов к шоковым воздействиям: теоретические аспекты // Регионалистика. № 1. С. 10–18.
7. Лукин Е.В. (2022). Регулирование межрегиональных цепочек добавленной стоимости: проблемы анализа и моделирования // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 19–33.
8. Мелентьев Б.В. (2010). Положительные компромиссы в построении межотраслевых межрегиональных инструментов прогнозирования развития экономики // Регион: экономика и социология. № 3. С. 38–54.
9. Михеева Н.Н. (2023). Устойчивость экономики российских регионов к внешним шокам: оценка на основе оперативной информации // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 1. С. 42–55.
10. Сечин И.И. (2026). Мировой рынок нефти и стратегия России на рынках энергоресурсов в условиях санкционных ограничений // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 1. С. 133–155.
11. Holling C.S. (1973). Resilience and Stability of Ecological Systems. *Annual Review of Ecology, Evolution, and Systematics*, 4, 1, 1–23.
12. Humphrey J., Schmitz H. (2002). How does insertion in global value chains affect upgrading in industrial clusters? *Regional Studies*, 36, 9, 1017–1027.
13. Martin R. (2012). Regional Economic Resilience, Hysteresis and Recessionary Shocks, *Journal of Economic Geography*, 12, 1, 1–32.

Информация об авторе

Лисенков Дмитрий Михайлович – инженер-исследователь, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: dima.lisenkoff@mail.ru)

Lisenkov D.M.

STRUCTURAL FACTORS OF REGIONAL ECONOMIC RESILIENCE UNDER EXTERNAL SHOCKS

Abstract. *The paper examines the asymmetric response of Russian regions to external shocks in 2022–2024. The study substantiates the hypothesis that the key factor determining a territory's ability to withstand crisis phenomena is its position in national value chains. Using the regions of the North-Western Federal District as a case study, it is shown that entrenchment in downstream segments of value chains (resource specialization, semi-finished goods production) increases vulnerability to sanctions and logistical constraints, whereas diversified manufacturing and orientation toward domestic demand form adaptive capacity*.

Keywords: *economic resilience, value chains, external shocks, regional economy, North-Western Federal District*.

About the author

Dmitry M. Lisenkov – Research Engineer, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: dima.lisenkoff@mail.ru)

References

1. Aleshina O.G. (2022). External and internal shocks in the economy: methodology. *Economics and Innovation Management*, 2(21), 39–60.
2. Danilova I.V., Pravdina N.V., Rezepin A.V. (2024). Dynamics of industrial production in regions: assessment of resilience of response to external constraints. *Economy of Regions*, 20(3), 1–18.
3. Zemtsov S.P., Voloshinskaya A.A. (2024). Shock resilience of regional economies in Russia under sanctions, *Journal of the New Economic Association*, 3(64), 54–83.
4. Zubarevich N.V. (2024). Russian regions in new conditions: the impact of sanctions and adaptation, *Journal of the New Economic Association*, 4(64), 198–205.
5. Kuznetsova O.V. (2023). New patterns in the current dynamics of socio-economic development of Russian regions. *Regional Studies*, 1(79), 23–35.
6. Leonov S.N. (2025). Adaptability of regions to shock impacts: theoretical aspects. *Regionalistics*, 1, 10–18.
7. Lukin E.V. (2022). Regulation of interregional value chains: problems of analysis and modeling. *Problems of Forecasting*, 1, 19–33.
8. Melentyev B.V. (2010). Positive compromises in the construction of intersectoral interregional tools for forecasting economic development. *Region: Economics and Sociology*, 3, 38–54.
9. Mikheeva N.N. (2023). Resilience of Russian regional economies to external shocks: assessment based on operational information. *Scientific Works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*, 1, 42–55.
10. Sechin I.I. (2026). The global oil market and Russia's strategy in energy markets under sanctions. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 1, 133–155.
11. Holling C.S. (1973). Resilience and Stability of Ecological Systems. *Annual Review of Ecology, Evolution, and Systematics*, 4, 1, 1–23.
12. Humphrey J., Schmitz H. (2002). How does insertion in global value chains affect upgrading in industrial clusters? *Regional Studies*, 36, 9, 1017–1027.
13. Martin R. (2012). Regional Economic Resilience, Hysteresis and Recessionary Shocks, *Journal of Economic Geography*, 12, 1, 1–32.

УДК 330(476) / ББК 65.290.31(4Беи)

Макарова Л.Н., Голубцова А.В.

КРАУДФАНДИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. *Краудфандинг – не просто альтернативный способ сбора денежных средств, а сложная социально-экономическая модель, основанная на принципах демократизации капитала и цифровой кооперации. Выделение таких видов, как вознаграждающий, долговой и долевой краудфандинг, позволило определить, что каждая модель отвечает потребностям бизнеса на разных этапах его жизненного цикла. Определены критерии выбора оптимальной краудфандинговой платформы, что особенно актуально для белорусского бизнес-контекста*.

Ключевые слова: *цифровая экономика, краудфандинг, онлайн-платформы, блокчейн*.

В условиях стремительной цифровизации мировой экономики, оказывающей значительное влияние на национальные рынки, субъекты малого и среднего предпринимательства (МСП) Республики Беларусь сталкиваются с необходимостью поиска инновационных инструментов для привлечения инвестиций, финансирования проектов и расширения своего присутствия. Традиционные методы получения кредитов в банках и привлечения венчурного капитала зачастую оказываются труднодоступными или чрезмерно обременительными для небольших компаний, что может ограничивать их развитие и снижать конкурентоспособность. Краудфандинг – модель коллективного финансирования, основанная на привлечении денежных средств от широкого круга лиц (толпы) через специализированные онлайн-платформы – демонстрирует свой значительный потенциал как альтернативный и дополняющий источник капитала для МСП.

Цифровая экономика, обеспечивающая низкую транзакционную стоимость, глобальный охват и развитые инструменты онлайн-коммуникаций, создает идеальные условия для краудфандинга. Эти платформы трансформируют процесс привлечения инвестиций, делая его более демократичным, прозрачным и доступным, что особенно важно для стартапов и небольших компаний, не имеющих полного доступа к традиционным финансовым институтам. Краудфандинг позволяет не только получить необходимое финансирование, но и одновременно протестировать рыночную востребованность продукта или услуги, сформировать лояльное сообщество потенциальных клиентов и даже получить ценную обратную связь на ранних стадиях разработки проекта.

Актуальность данной работы для Республики Беларусь обусловлена несколькими факторами. Во-первых, стремительный рост интереса к поиску альтернативных источников финансирования для национального малого и среднего бизнеса, обусловленный потребностью в диверсификации финансовых потоков. Во-вторых, стратегическая значимость МСП как ключевого драйвера инноваций, экономического роста и создания новых рабочих мест в условиях модернизации белорусской экономики. В-третьих, активная интеграция Республики Беларусь в цифровую экономику и необходимость адаптации финансовых инструментов к новым реалиям, где краудфандинг выступает одним из ярких примеров таких трансформаций.

В Республике Беларусь наблюдается растущий интерес к краудфандингу как источнику финансирования для МСП. Несмотря на появление и постепенное формирование законодательной базы, регулирующей деятельность краудфандинговых платформ, и развитие национального рынка коллективного финансирования, данное направление остается относительно новым для многих предпринимателей. Оно сталкивается с необходимостью дальнейшей адаптации к изменяющимся рыночным условиям и особенностям национального предпринимательского ландшафта, что требует глубокого анализа и выработки практических рекомендаций.

Целью данной работы является комплексное исследование краудфандинга как эффективного инструмента развития субъектов МСП РБ в условиях цифровой экономики.

В основе функционирования краудфандинга лежит сложный механизм, реализуемый через специализированные онлайн-платформы. Эти платформы выступают в роли цифровых посредников, агрегаторов спроса и предложения, соединяя инициаторов проектов (прежде всего субъектов МСП) с широким кругом потенциальных сторонников или инвесторов. Их роль в современной цифровой экономике, особенно для развития МСП в Республике Беларусь, важна, поскольку они демократизируют доступ к капиталу и предоставляют нефинансовые преимущества. В Республике Беларусь краудфандинг пока не слишком распространен. Причина заключается не только в вопросах его регулирования и стандартизации, но и в отсутствии информационной поддержки такого альтернативного финансирования – многие предприятия, особенно малые и средние, даже не знают о его существовании.

Для развития МСП краудфандинговые платформы обеспечивают: во-первых, доступ к капиталу, что является, безусловно, ключевым преимуществом. Для многих белорусских МСП, особенно на ранних стадиях развития или в нетрадиционных отраслях, получение финансирования через банки связано с высокими требованиями к залогу, длительными процедурами рассмотрения заявок и консервативным подходом к оценке рисков. Краудфандинг позволяет аккумулировать средства от широкого круга лиц, снижая зависимость от ограниченного числа крупных инвесторов и диверсифицируя источники финансирования. Это особенно критично для инновационных проектов, не имеющих кредитной истории или материального обеспечения.

Во-вторых, бесценный инструмент валидации рыночного спроса и тестирования концепции. Запуская кампанию, МСП не просто собирает деньги, но и одновременно проверяет, насколько их продукт или услуга интересны широкой аудитории. Этот механизм минимизирует риски выхода на рынок с невостребованным продуктом, что особенно важно для стартапов с ограниченными ресурсами.

В-третьих, мощный инструмент маркетинга. Кампания по сбору средств по своей сути является масштабной маркетинговой акцией, привлекающей внимание к проекту. Успешная кампания может генерировать значительное медийное освещение, обеспечивая бесплатную рекламу и повышая узнаваемость бренда. Процесс коммуникации с «толпой» позволяет сформировать лояльное сообщество ранних последователей и клиентов, которые не только финансируют проект, но и становятся его активными промоутерами. Эта синергия финансирования и маркетинга особенно ценна для МСП с ограниченными маркетинговыми бюджетами, позволяя им эффективно конкурировать с более крупными игроками рынка.

В-четвертых, получение ценной обратной связи и вовлечение аудитории. Сторонники проекта часто выступают не просто как пассивные спонсоры, но и как активные участники дискуссий, предлагая идеи, указывая на недостатки или выражая пожелания относительно будущего продукта. Эта прямая коммуникация позволяет МСП оперативно корректировать свои планы, улучшать продукт и глубже понимать потребности своей целевой аудитории.

В-пятых, доступ к диверсифицированному пулу инвесторов, расширяя географические границы привлечения капитала. Белорусские предприниматели могут привлекать средства не только от отечественных граждан и организаций, но и от инвесторов со всего мира, что особенно актуально для проектов, ориентированных на экспорт или глобальный рынок. Это снижает зависимость от локального финансового рынка и способствует международной интеграции белорусских МСП. Более того, успешная краудфандинговая кампания может служить весомым доказательством потенциала для более крупных институциональных инвесторов или банков, открывая двери к последующим раундам финансирования.

Таким образом, краудфандинговые платформы не просто предоставляют деньги, но и формируют благоприятную экосистему для роста, инноваций и повышения устойчивости МСП в Республике Беларусь в условиях динамично развивающейся цифровой экономики.

При выборе платформы первостепенным критерием выступает тематическая специализация платформы, поскольку именно она определяет качество и релевантность доступной аудитории. Краудфандинговые ресурсы в современном мире редко бывают абсолютно универсальными; чаще они формируют вокруг себя специфические экосистемы. Для малого бизнеса в Республике Беларусь крайне важно найти ту платформу, чье «сообщество» уже имеет опыт поддержки аналогичных продуктов.

Не менее значимым фактором является выбор конкретной модели коллективного финансирования, которую поддерживает данная цифровая площадка. Различные механизмы краудфандинга (вознаграждения, займов или долевого участия) требуют принципиально разных юридических и организационных подходов. Предприниматель должен четко осознавать, готов ли он делиться прибылью и частью управления компанией в рамках краудинвестинга или же его целью является предпродажа первой партии товара через механизм вознаграждений. Кроме того, критически важно изучить используемую на платформе модель сбора средств: все или ничего либо все, что собрано. В первом случае деньги переводятся инициатору только при достижении стопроцентной финансовой цели, что гарантирует инвесторам исполнение обязательств, а предпринимателю – наличие полного бюджета. Вторая модель позволяет забрать любую сумму, но несет в себе репутационные риски, так как проект может остаться недофинансированным и нереализованным.

Третий блок критериев касается географической ориентации платформы и ее соответствия национальному законодательству. Для белорусских субъектов МСП этот вопрос стоит особенно остро. Использование глобальных международных площадок открывает доступ к огромному количеству мировых инвесторов, однако создает существенные сложности в области валютного регулирования, трансграничных платежей и налогообложения. Локальные белорусские платформы, напротив, функционируют в правовом поле Республики, обеспечивая прозрачность взаимодействия с государственными органами, включая Национальный банк. Предпринимателю необходимо убедиться, что платформа имеет все необходимые разрешения для работы с белорусскими резидентами, что особенно важно для легального ведения бухучета и исполнения налоговых обязательств.

Четвертый аспект выбора затрагивает финансовую политику платформы и структуру ее комиссионных вознаграждений. Стоимость услуг площадки не ограничивается только процентом от собранной суммы. Необходимо учитывать комиссии платежных систем за обработку каждой транзакции, возможные сборы за перевод средств на расчетный счет компании, а также затраты на конвертацию валют. Суммарно эти издержки могут составлять от 5 до 15% от бюджета кампании, что должно быть заранее заложено в финансовую модель проекта. Тщательное изучение тарифных планов позволяет избежать скрытых расходов, которые могут сделать проект убыточным еще на стадии привлечения капитала.

Пятым критерием выбора выступает технологический функционал и маркетинговый инструментарий, который площадка предоставляет автору проекта. В эпоху цифровизации краудфандинговая платформа – это не просто кошелек, а сложная система управления маркетинговыми коммуникациями. Качественный ресурс должен предлагать интуитивно понятные инструменты для верстки страницы проекта, интеграцию с социальными сетями, встроенные системы аналитики для отслеживания поведения посетителей. Для малого бизнеса, часто не имеющего в штате маркетологов, наличие таких инструментов «под ключ» существенно снижает порог входа и повышает эффективность продвижения. Возможность общения с аудиторией в режиме реального времени позволяет оперативно корректировать предложение и снимать возражения потенциальных сторонников.

Шестой критерий связан с уровнем экспертной поддержки и репутацией платформы. Площадки, которые дорожат своим имиджем, проводят тщательную модерацию и верификацию проектов, что повышает уровень доверия инвесторов к размещенным кампаниям. Наличие в штате платформы персональных менеджеров или консультантов является огромным преимуществом.

Таким образом, для предпринимателей, которые собираются использовать краудфандинг в качестве источника финансирования, есть несколько простых выводов. Во-первых, важно качество подачи проекта на конкурс. Социальные сети играют важную роль в формировании успеха бизнеса. Во-вторых, к расчету объемов средств, необходимых для проекта и времени его реализации необходимо подходить тщательно [1].

Также следует учитывать размер и активность внутреннего сообщества платформы. Наличие большой базы активных доноров и инвесторов, которые регулярно посещают ресурс в поисках новых идей, создает эффект социального доказательства. Если проект получает первые взносы от постоянных пользователей платформы, это служит мощным сигналом для внешней аудитории о надежности и привлекательности бизнеса.

Критически важным критерием выбора платформы в условиях цифровой трансформации становится качество аналитического сопровождения и инструментов обработки данных, которые предоставляет площадка. Современный предприниматель рассматривает краудфандинг не только как источник ликвидности, но и как масштабное маркетинговое исследование. Поэтому при выборе платформы субъектам МСП следует обращать внимание на глубину предоставляемой статистики и аналитики. Такая аналитика становится фундаментом для оптимизации рекламных расходов и позволяет более точно настраивать коммуникацию с целевой аудиторией в будущих периодах развития бизнеса.

Особое значение имеет также уровень технологической безопасности и надежность платежной инфраструктуры. В Республике Беларусь доверие населения к цифровым финансовым инструментам находится в стадии активного формирования, поэтому любая техническая ошибка при совершении транзакции может фатально сказаться на репутации проекта. Выбирая платформу, необходимо убедиться в ее интеграции с надежными банковскими шлюзами и поддержке национальных платежных инструментов, таких как система ЕРИП или карты платежной системы Белкарт. Платформа, обеспечивающая бесшовный и безопасный процесс оплаты, значительно повышает конверсию посетителей в инвесторов.

Не менее важным фактором является пост-кампанийное обслуживание и наличие встроенной системы управления обязательствами. После успешного завершения сбора средств работа предпринимателя только начинается, и площадка должна предоставлять удобные инструменты для отчетности и обратной связи. Для проектов в сфере краудинвестинга это механизмы регулярного информирования акционеров, для вознаграждающей модели – системы управления логистикой и рассылкой призов. Если платформа прекращает поддержку проекта сразу после перевода средств, МСП рискует столкнуться с организационным хаосом.

Также следует учитывать долгосрочную стратегию развития самой платформы и ее место в национальной инновационной экосистеме. Для белорусских малых предприятий выгодно выбирать те площадки, которые имеют партнерские отношения с бизнес-инкубаторами, технопарками или государственными фондами поддержки предпринимательства. Такое сотрудничество создает дополнительные возможности для кросс-продвижения и может стать «социальным лифтом», когда успешная краудфандинговая кампания открывает двери к более крупным институциональным инвестициям или льготному кредитованию.

Наконец, субъектам МСП стоит оценивать пользовательский интерфейс платформы с точки зрения потенциального инвестора. В эпоху доминирования мобильного трафика критически важно, чтобы страница проекта корректно и привлекательно отображалась на смартфонах, а процесс регистрации и внесения средств занимал минимальное количество времени. Если интерфейс площадки перегружен, сложен или морально устарел, это неизбежно приведет к оттоку потенциальных сторонников, независимо от гениальности самой бизнес-идеи.

Оценка преимуществ и рисков позволила констатировать, что краудфандинг является высокоэффективным, но в то же время рискованным инструментом. К безусловным плюсам относятся доступ к беззалоговому капиталу, бесплатный PR и возможность предпродаж. Однако сопутствующие угрозы, такие как репутационные издержки при срыве обязательств, риски кражи интеллектуальной собственности и сложности операционного менеджмента при избыточном спросе, требуют от предпринимателей высокого уровня организационной дисциплины. Рекомендации по повышению эффективности краудфандинга для белорусских МСП сводятся к необходимости тщательной предварительной подготовки контента, ведению открытого диалога с сообществом, детальному финансовому планированию и защите интеллектуальных прав до момента публичного размещения проекта.

Подводя итог, можно утверждать, что для Республики Беларусь развитие краудфандинга является стратегически важным направлением цифровизации финансового сектора. Также внедрение блокчейн-краудфандинга становится реальным в Беларуси, так как в начале 2026 года в Беларуси Президентом РБ подписан указ о легализации криптобанков, которые смогут предоставлять услуги в цифровых знаках (токенах). Данный инструмент способен стать катализатором инновационной активности малого бизнеса, обеспечивая его необходимыми ресурсами в условиях ограниченного доступа к традиционному кредитованию. Дальнейшее укрепление законодательной базы и популяризация культуры коллективного инвестирования позволят краудфандингу занять достойное место в системе поддержки предпринимательства, способствуя устойчивому экономическому росту и повышению конкурентоспособности национальной экономики в глобальной цифровой среде.

Библиографический список

1. Гусева Д.Е. (2014). Краудфандинг: сущность, преимущества и риски // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. № 9–10. С. 30–34.

Информация об авторах

Людмила Николаевна Макарова – кандидат физико-математических наук, доцент, Академия управления при Президенте (Республика Беларусь, 220007, г. Минск, ул. Московская, д. 17; e-mail: makarova_ln@pac.by)

Арина Викторовна Голубцова – магистрант, Белорусский национальный технический университет (Республика Беларусь, 220013, г. Минск, пр-т Независимости, д. 65; e-mail: arina.golubtsova.03@bk.ru)

Makarava L.M, Galubtsova A.V.

CROWDFUNDING AS A DEVELOPMENT TOOL FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTREPRENEURS IN THE DIGITAL ECONOMY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. *Crowdfunding is not just an alternative way of raising money, but a complex socio-economic model based on the principles of capital democratization and digital cooperation. The classification of crowdfunding into reward-based, debt-based, and equity-based crowdfunding has revealed that each model meets the needs of businesses at different stages of their life cycle. It has identified the criteria for choosing the optimal crowdfunding platform, which is particularly relevant for the Belarusian business context.*

Keywords: *digital economy, crowdfunding, online platforms, blockchain.*

About the authors

Liudmila M. Makarava – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus (17, Moskovskaya Street, Minsk, 220007, Republic of Belarus; e-mail: makarova_ln@pac.by)

Arina V. Galubtsova – Master Degree student, Belarusian National Technical University (70, Nezalezhnasti Avenue, Minsk, 220013, Republic of Belarus: e-mail: arina.golubtsova.03@bk.ru)

References

1. Guseva D.E. (2014). Crowdfunding: Essence, Advantages, and Risks. *Modern Science: Current Issues of Theory and Practice. Series: Economics and Law*, 9–10, 30–34.

УДК 332.1 / ББК 65.05

Мальцева Е.С.

РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНЫХ КЛАСТЕРОВ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *В статье рассматривается роль креативных кластеров как фактора экономического роста российской экономики. Автор анализирует понятие креативной экономики, ее структуру и место в ВВП России. Особое внимание уделяется механизмам государственно-частного партнерства (ГЧП) как наиболее эффективной модели управления креативными кластерами. В статье показаны текущие результаты и перспективы развития креативных кластеров в России. Автором предложены направления дальнейшего совершенствования государственной политики в сфере креативных индустрий.*

Ключевые слова: *креативная экономика, креативные индустрии, креативные кластеры, государственно-частное партнерство (ГЧП), экономический рост, региональное развитие.*

Современный этап развития российской экономики, как и большинства развитых экономик мира, получает новый фактор развития за счет роста доли креативных индустрий в ВВП страны. В мировой экономике этот показатель в 2023 году составлял более 3% валового мирового продукта. Единого определения креативной экономики в мире в настоящее время не существует, нет и понимания того, какие именно виды деятельности к ней относятся. Одни государства делают акцент на секторах экономики, способствующих росту благосостояния и занятости через творчество. Другие определяют ее как совокупность компаний, производящих товары и услуги, зависящие от эстетики и интеллектуальной собственности. Третьи фокусируются на интеграции культурного наследия и современного творчества для экономического роста и повышения международного влияния.

Однако, несмотря на различия, суть понятия у всех одна. Креативная экономика – это экономика, ориентированная на творчество, новые идеи и новаторство с высокой долей добавленной стоимости, очень быстрой масштабируемостью и возможностью получения большего дохода за счет низких затрат на сырье, энергию, логистику и др. Креативная экономика – это не синоним «всего цифрового», так как она включает как цифровые, так и аналоговые виды деятельности, а ее границы определяются природой творческого труда. Значение креативной экономики состоит в том, что она создает рабочие места и доходы в секторах, основанных на человеческом таланте и культурном капитале, тем самым обеспечивая диверсификацию национальных экономик, особенно в развивающихся странах.

Согласно обновленной классификации ЮНКТАД, к креативным индустриям относятся реклама, архитектура, дизайн, кино, музыка, издательское дело, программное обеспечение, видеоигры[1]. В Федеральном законе РФ, принятом Государственной Думой 30 июля 2024 г. ст. 6, определяются следующие виды креативных индустрий в зависимости от осуществляемой деятельности:

1) индустрии, основанные на историко-культурном наследии (народные художественные промыслы, ремесла, деятельность галерей, музеев и иных объектов культуры и культурного достояния);

2) индустрии, основанные на произведениях литературы и искусства (литературные произведения, драматические, хореографические, музыкальные аудиовизуальные произведения, изобразительное искусство, фотографические произведения и другие произведения), результатах издательской и исполнительской деятельности;

3) индустрии, основанные на информационно-телекоммуникационных технологиях, деятельность средств массовой информации, а также в сфере связей с общественностью; индустрии, основанные на прикладном творчестве (включая создание и производство одежды, аксессуаров, декоративно-прикладное и сценографическое искусство, дизайн, архитектуру, гастрономию)[2].

[1] Creative Economy Outlook 2024: доклад // UNCTAD. Geneva: United Nations. 2024. 148 с.

[2] О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации: Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ.

Креативные индустрии занимают устойчивые позиции в экономике страны, являясь одним из условий диверсификации экономики и повышения ее устойчивости к внешним шокам. По данным Росстата за 2025 год, вклад креативного сектора в ВВП достиг 8,26 трлн рублей, что составляет 4,2% ВВП. Наибольший вклад в валовую добавленную стоимость вносят разработка программного обеспечения (39,29%), реклама и PR (15,08%), исполнительские искусства (11,31%), архитектура и урбанистика (6,97%), гастрономия (6,22%). Амбициозная цель, заложенная в проекте Стратегии развития креативной экономики до 2036 года, – увеличить эту долю до 6% к 2030 году и до 7,7% к 2036 году[3].

Анализ развития отдельных сфер творческих индустрий показывает, что наиболее динамично развиваются сегменты, связанные с интеграцией креативных компетенций и передовых технологий: разработка игр и иммерсивные технологии (VR/AR), платформы для креаторов, ИИ-сервисы для генерации контента. В период 2020–2025 гг. количество стартапов в этих сегментах выросло более чем в два раза относительно среднего показателя по экономике в целом. Наблюдался значительный прирост предпринимательской активности в сегментах, близких к креативным индустриям. В частности, количество предпринимателей в сфере отдыха и развлечений, по данным СберАналитики, в 2025 году выросло на 20,1%.

Развитию креативных индустрий способствуют различные меры поддержки со стороны государственного сектора, в том числе, оформленные законодательно. В их числе меры правовой, информационной и финансовой поддержки. В частности, в России принят Федеральный закон № 330-ФЗ (08.08.2024), закрепивший понятие креативных индустрий. Целью закона является:

1) создание условий для самореализации граждан на основе использования творческого и интеллектуального потенциала, повышение уровня занятости граждан в сфере креативных (творческих) индустрий;

2) развитие в Российской Федерации креативной экономики как разновидности организации хозяйственных отношений между субъектами гражданского оборота, основанной на широком использовании результатов интеллектуальной деятельности при создании, использовании, продвижении на внутреннем и внешнем рынках, распространении и (или) реализации продукции (выполнении работ, оказании услуг), а также ускоренное внедрение инноваций во всех областях деятельности;

3) стимулирование развития креативных индустрий и предпринимательской деятельности в этой сфере;

4) обеспечение равных возможностей доступа субъектов креативных (творческих) индустрий к мерам государственной поддержки;

5) стимулирование создания креативных продуктов, увеличения объема нематериальных активов и обеспечение охраны и защиты прав на креативные продукты;

6) поддержка образовательной деятельности и развития компетенций в сфере креативных индустрий.

В апреле 2025 года утвержден перечень видов деятельности по ОКВЭД (приказ Минэкономразвития № 266 от 23.04.2025). А министерство экономического развития приступило к выработке системной государственной политики для развития этого сектора экономики.

Большую роль в развитии креативной экономики играют креативные кластеры – географически локализованные точки концентрации творческих специалистов, создающие эффект агломерации и ускоряющие обмен знаниями, снижая при этом, барьеры входа для стартапов.

Создание креативных кластеров началось в России в начале 2000-х годов. На эти них приходится зарождение первых пространств: в Москве – «Винзавод» (2007), «Артплей» (2008); в Санкт-Петербурге – «Ткачи» (2010) и «Новая Голландия» (2011). Это были преимущественно частные инициативы, объединявшие галереи, мастерские и креативный бизнес. В 2010-х гг. появляются первые кластеры, основанные на частно-государственном партнерстве.

[3] Вклад креативной экономики в ВВП в 2025 году составил 8,26 трлн рублей: по данным Росстата // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2026/02/06/1174722-vklad-kreativnoi-ekonomiki (дата обращения: 30.04.2026).

В 2025 году в столице открылся Московский кластер видеоигр и анимации (первая очередь креативного кластера Сколково) площадью 55 тыс. м^2, резидентами которого стали 44 видеоигровые и 8 анимационных компаний[4]. Появился арт-центр «Московские мастерские», открылись креативные кластеры в Нижнем Новгороде («Креативная лаборатория»), Тюмени («809»), Жигулевске и других городах. По прогнозам министра развития Дальнего Востока и Арктики России Алексея Чекункова: «К 2030 году общее число резидентов креативных кластеров (на Дальнем Востоке) должно превысить 1000 человек, а выручка должна вырасти в десять раз до 25 млрд рублей». Министр отметил, что креативные кластеры создаются в Благовещенске и Владивостоке, в Улан-Уде строится крупный центр, а в Петропавловске-Камчатском развивается кластер «Икра». Все эти проекты реализуются в рамках генеральных планов развития городов Дальнего Востока[5]. По экспертным оценкам к 2030 году сеть креативных кластеров должна покрыть большинство областей России.

Развитие креативных кластеров имеет большое значение для регионального развития, где креативные индустрии могут выступать драйвером диверсификации локальных экономик, так как они решают несколько задач одновременно:

– обеспечение экономического роста региона и создания новых рабочих мест;

– фактор притока частных и государственных инвестиций;

– формирование среды для стартапов и развития креативного бизнеса (кластеры собирают на одной площадке разработчиков, дизайнеров, производителей, инвесторов и покупателей);

– снижение издержек у производителей (ремесло, народное художественное творчество, дизайн и др. сферы снижают издержки производства за счет льготной или бесплатной аренды);

– обеспечение доступа к ресурсам (студии виртуального производства, выставочные залы, лектории, оборудование, затратные для малого бизнеса и в обычных условиях не используются);

– кадровое обеспечение, подготовка специалистов с «гибридными» компетенциями под запрос конкретных работодателей;

– повышение интереса к культурному наследию, возрождение интереса к территориям, что способствует развитию туризма, притоку средств в регионы;

– ревитализация заброшенных пространств (кластеры часто размещаются в бывших промзонах или военных казармах, что дает новый вектор развития депрессивным районам.

Исследователи активно изучают механизмы управления кластерами, включая государственно-частное партнерство (ГЧП) как наиболее эффективную модель. Эксперты считают модель ГЧП не только перспективной с точки зрения поддержки творческих компаний в сфере малого и среднего предпринимательства, но и взаимовыгодной с позиций каждой из сторон. Ключевое преимущество ГЧП – разделение рисков и ресурсов между участниками, что позволяет реализовывать масштабные проекты, очень сложные для каждой из сторон по отдельности. Модели взаимоотношений всегда имеют под собой правовую основу.

Государство, как правило, предоставляет помещение (бывшую промзону, казарму или какой-либо заброшенный объект) на льготных условиях, как правило сроком на 25–50 лет. Бизнес получает заброшенное место в хорошей локации, которое может стать центом притяжения производителя и потребителя творческого продукта. Ремонт и благоустройство ложатся на бизнес через «управляющую компанию», которая, в свою очередь, получает право сдавать помещения субарендаторам (резидентам кластера) по рыночным или льготным ставкам и окупать свои вложения. При этом государство может участвовать в софинансировании капитального ремонта инженерных сетей и фасадов, если здание находится в аварийном состоянии, а кластер имеет стратегическое значение для региона (например, «Квартал Труда» в Якутске).

Кроме практически бесплатной аренды государство предоставляет налоговые льготы резидентам кластера в обмен на инвестиции и создание рабочих мест. Примером может стать Челябинская область, оказывающая льготы для креативного бизнеса, работающего по упрощенной системе налогообложения с 2026 года. Созданием инфраструктуры также занимается государство, прокладывая дороги, коммуникации в то время, как частный сектор, строит объекты кластера.

---

[4] В Москве открыли кластер видеоигр и анимации на 55 тысяч «квадратов» // Столица Медиа. URL: https://stolicamedia.ru/news/2449889/ (дата обращения: 30.04.2026).

[5] Revenue of creative cluster residents in Russian Far East to grow to $319.65 mln by 2030 // TACC. URL: https://tass.com/economy/1966035 (дата обращения: 30.04.2026).

Креативные кластеры, созданные на основе ГЧП, выступают драйверами территориального развития: они создают рабочие места, привлекают инвестиции, формируют новые бренды территорий и дают «вторую жизнь» историческим зданиям. Кластеры служат «полигонами» для отработки новых инструментов поддержки, которые затем тиражируются на регионы.

Креативные кластеры являются важнейшей частью общей экосистемы развития креативных индустрий, объединяющий представителей различных творческих профессий в разных сферах деятельности. Кластер создает синергетический эффект, позволяя компаниям обмениваться заказами, клиентами и экспертизой, что ускоряет их рост. Кластер выполняет функцию «мягкой инфраструктуры», предоставляя резидентам не только помещения, но и доступ к оборудованию, переговорным, выставочным залам и коворкингам. Он служит мостом между государством и творческим бизнесом: через кластер удобно оказывать налоговые льготы, субсидии и гранты, а также собирать обратную связь для корректировки государственной политики стимулирования МСП. Креативные кластеры являются точками входа для стартапов: молодые команды получают льготную аренду, менторство и возможность тестировать продукты на площадках друг друга. Они играют кадровую роль, сотрудничая с профильными вузами и колледжами (как в проекте «Профессионалитет»), чтобы готовить специалистов под реальные запросы резидентов. Объединяя усилия, малые творческие компании легче выходят на зарубежные рынки, участвуют в международных выставках и дистрибуции контента.

При этом кластер является лишь одним из элементов экосистемы наряду с акселераторами, венчурными фондами, образовательными программами и цифровыми платформами.

Успешное развитие креативных кластеров в России требует дальнейшего совершенствования государственной поддержки творческих индустрий и реализации системной политики в этой области по следующим основным направлениям:

– стимулирование экспортного потенциала креативных индустрий путем предоставления финансовой поддержки и разработки системы вывода конкурентоспособной креативной продукции на внешние рынки;

– интеграция университетов в кластерную экосистему для подготовки кадров под реальные задачи бизнеса;

– законодательное закрепление механизмов долгосрочного управления госимуществом некоммерческими управляющими компаниями;

– введение инвестиционного налогового вычета для частных инвесторов в творческие стартапы;

– создание вертикальных венчурных фондов под конкретные секторы креативных индустрий.

В настоящее время существуют все условия для системного осмысления опыта, накопленного в ряде стран, где креативный сектор занимает большое место в экономике и выходит на мировой рынок, для использования эффективных мер развития креативных кластеров и реализации Стратегии развития креативной экономики до 2036 года, принятой в России.

Информация об авторе

Елена Сергеевна Мальцева – кандидат экономических наук, доцент, Институт бизнеса и дизайна (Российская Федерация, 129090, г. Москва, Протопоповский пер., д. 9; e-mail: Maltsevs1@mail.ru)

Maltseva E.S.

THE DEVELOPMENT OF CREATIVE CLUSTERS AS A FACTOR OF ECONOMIC GROWTH IN THE RUSSIAN ECONOMY

Abstract. *This article examines the role of creative clusters as a driver of economic growth within the Russian economy. The author analyzes the concept of the creative economy–its structure and its contribution to Russia's GDP. Particular attention is devoted to public-private partnership (PPP) mechanisms, identified as the most effective model for managing creative clusters. The article highlights current achievements and future prospects for the development of creative clusters in Russia. Furthermore, the author proposes specific directions for the further improvement of state policy in the creative industries sector.*

Keywords: *creative economy, creative industries, creative clusters, public-private partnership (PPP), economic growth, regional development.*

About the author

Elena S. Maltseva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Institute of Business and Design (9, Protopopovsky Lane, Moscow, 129090, Russian Federation; e-mail: Maltsevs1@mail.ru)

УДК 332.146.2 / 65.04 (2Рос.Баш)

Михайлов В.С.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ВЫЯВЛЕНИЮ ДРАЙВЕРОВ РОСТА

Аннотация. *Статья посвящена исследованию возможностей анализа особенности развития экономики Республики Башкортостан посредством нескольких методов эконометрического анализа включая метод наименьших квадратов. Проанализированы различные возможности применения методов эконометрического анализа в тех или иных отраслях Республики. Разработаны рекомендации относительно того какие методы анализа могут быть применены в различных случаях*.

Ключевые слова: *метод наименьших квадратов, малое и среднее предпринимательство, Республика Башкортостан, предпринимательская экосистема, региональная экономика, институциональная среда*.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках Госзадания УФИЦ РАН № 075-00576-26-00 на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов.

Современная Россия сталкивается с целым рядом серьезных внешних вызовов, которые ставят под угрозу дальнейшее экономическое развитие страны. Санкции, введенные против России, приводят к замедлению или прекращению поставок комплектующих для оборудования зарубежного производства. Выходом из сложившейся ситуации, является развитие собственного производства продукции с высоким уровнем добавленной стоимости на территории России, осуществление диверсификации российской экономики [2; 7].

Диверсификация экономики зависит от того, насколько эффективно предприятие переходит к внедрению более эффективных технологий и оборудования. Насущной задачей является определение того, какие предприятия успешно внедряют передовые технологии, а какие сталкиваются с проблемами. Это даст возможность определить, какие предприятия развиваются более динамично, а какие необходимо поддерживать, проанализировать, с какими проблемами они сталкиваются. Существуют различные методы определения эффективности функционирования предприятий[1] [8].

Так, в работе Н.А. Галимуллиной исследуются процессы того, как система сбалансированных показателей дает возможность проанализировать различные аспекты стратегии развития предприятия, такие как финансовые ресурсы, отношения с клиентами, организацию бизнес-проектов, обучение персонала и укрупнение масштаба предприятия. Оценка финансового состояния компании даст возможность понять, каким образом предприятие выглядит с точки зрения потенциальных акционеров, какая может быть прибыль.

В исследованиях И.У. Зулькарная, С.Г. Маричева, Г.Р. Ислакаевой, Л.Р. Колонских применяется эконометрический анализ, основанный на выявлении закономерностей протекционистской политики и обосновании необходимости селективной (выборочной) промышленной политики для регионов России, а также агент-ориентированное моделирования, разрабатываются экономические модели управления регионами, ориентированными на нефтехимию, для адаптации к технологическим, экологическим и экономическим вызовам [8; 18]. Насколько быстро будет происходить рост выручки, и будет ли он происходить, также данная система даст возможность установить, насколько клиенты лояльны, довольны теми товарами, работами и услугами, которые предоставляет компания. Еще одно преимущество этой системы – она дает возможность отследить, каким образом происходят внутренние процессы, насколько они эффективны, каким образом можно их улучшить [6; 9; 10; 14].

Кроме того, это дает возможность понять, какую роль предприятие может играть на рынке, и что может быть улучшено: повышено качество производства продукции, увеличено время жизненного цикла продукции, внедрены более инновационные технологии. Очередным преимуществом этой системы будет возможность изучить, как происходят процессы обучения персонала и рост компании, таким образом, появляется возможность оценить темпы развития корпоративной культуры и установить, насколько предприятие эффективно в плане производства продукции, работ и услуг.

[1] Государственная программа «Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан»: утв. Постановлением Правительства РБ от 14.11.2018 № 548 // СПС «Консультант Плюс».

В российском бизнесе также применяется другой метод анализа эффективности функционирования предприятия – это анализ ключевых показателей эффективности KPI. Данный метод позволяет отследить следующие характеристики (количественные) – трафик, то есть, насколько интенсивно просматривают объявления об этой компании в интернете, и иные характеристики, связанные с передачей данных, а также средний чек – сколько в среднем платят за тот или иной товар или услугу[2] [13].

Количество продаж – насколько массовой является реализация той или иной продукции или услуг. Конверсия – насколько эффективно предприятие переходит на производство других видов продукции, работ или услуг. Большую роль в этом методе также играет анализ денежных характеристик объем продаж и маржинальный доход – это дает возможность установить, насколько значительную рыночную нишу занимает данное предприятие, сколько оно приносит дохода.

Метод наименьших квадратов играет большую роль при реализации вышеописанных способов исследования, так как он дает возможность построить модель, которая будет отражать реальные характеристики предприятия. МНК является широко распространенным статистическим методом в экономике используется для подбора коэффициентов линейной регрессии, он дает возможность минимизировать сумму квадратов (разности ошибок между исследуемыми реальными данными и прогнозными значениями создаваемой модели). Он дает возможность выявлять оптимальные взаимодействия между переменными, например, зависимость спроса от цены. Ключевые аспекты и преимущества метода наименьших квадратов в экономике таковы: 1) метод дает возможность оценить параметры модели; 2) установить такие коэффициенты, при которых линии регрессии проходят максимально близко ко всем точкам данных то есть установить такие коэффициенты при которых модель будет максимально реалистичной[3] [1; 3; 5; 11; 15; 16].

Метод дает возможность построить линейную регрессию – это широко распространенный метод, где достигается минимальное значение сумма квадратов отклонений (то есть ошибок) фактических значений от модельных. Кроме того, данный метод дает возможность установить, насколько велика ошибка при анализе реальных данных.

Таким образом, есть возможность установить, насколько эффективны методы сбора данных, какую необходимо заложить погрешность, каким образом эти методы сбора данных можно улучшить, и есть ли такая возможность. МНК дает возможность проводить анализ зависимости выпуска продукции от различных факторов, например, в данном случае, как в Республике Башкортостан – это производство малотоннажной нефтехимии и зависимость от инвестиций – и это дает возможность проверить, насколько реалистичны применяемые экономические гипотезы [17].

Для применения метода наименьших квадратов при прогнозировании развития производства малотоннажной нефтехимии в Республике Башкортостан, необходимо провести сбор данных об объектах промышленности, которые участвуют в производстве малотоннажной нефтехимии, об их различных характеристиках. Большую роль может играть такой показатель, как процент загруженности производственных мощностей. Его следует собрать за несколько лет, он даст возможность получить более объективную картину видения того, как развивается производство малотоннажной нефтехимии в Республике Башкортостан, это даст возможность создать условия для формирования реалистичной модели.

Одна из моделей который может быть выбрана для расчета – это линейная модель. Она может хорошо себя показать в том случае, если производство развивается предсказуемо, например по мере того, как вводятся новые производственные мощности. Но если производственные мощности будут развиваться неравномерно, такая модель не будет подходить, так как она будет чрезмерно прямолинейной и не отразит неожиданных пиков повышения и понижения характеристик [4; 18].

---

[2] Инвестиционный паспорт Республики Башкортостан // Министерство экономического развития и инвестиционной политики РБ. URL: https://economy.bashkortostan.ru (дата обращения: 15.03.2026).

[3] Как развивается малое и среднее предпринимательство в Республике Башкортостан // Центр стратегических разработок РБ. URL: https://csr-rb.ru (дата обращения: 18.03.2026); Развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан // НТА-Приволжье. URL: https://nta-pfo.ru/news/economy/2026/news_735030/ (дата обращения: 20.03.2026).

Линейная модель может быть уязвима к такому явлению, как выбросы данных, то есть резкое повышение или понижение определенных характеристик на некоторых коротких участках графика. Выбросы данных возможны в определенных отраслях промышленности при условии, если была введена кардинально новая технология, или, наоборот, произошли некие негативные события, например резкое исчерпание крупного месторождения нефти [19].

Одним из методов, который позволяет бороться с выбросами данных, является визуализация данных – метод, дающий возможность построить график, который помогает визуально определить, в каком месте он значительно отходит от основной линии. Это даст возможность установить, в каких местах данные значительно завышены или занижены. Это помогает лучше определить удобные для вычисления данные и отбросить участки с аномальным завышением или занижением.

Таким образом, можно сделать вывод, что для анализа текущей экономической ситуации в Республике Башкортостан можно применить несколько методов моделирования, в зависимости от ситуации в конкретной отрасли. При условии, если отрасль развивается относительно предсказуемо, может быть применен линейный метод.

Основные преимущества. Простота реализации: Метод легко реализуем в Excel или языках программирования (Python, R) для анализа временных рядов нефтехимии. Объективность результатов: метод полностью исключает личную предвзятость аналитика; при одинаковых данных результат всегда одинаков. Поиск линии тренда: эффективно находит наиболее близкую к фактическим данным линию (линейную, степенную), описывающую рост производства. Универсальность: применим для моделирования разных показателей от выпуска этилена до экспорта удобрений. Скорость вычислений: оценка коэффициентов регрессии происходит мгновенно, что важно для оперативных расчетов. Статистическая обоснованность: позволяет строить доверительные интервалы для прогноза, определяя надежность расчетов. Прогнозирование: эффективен для краткосрочного планирования производства на основе данных прошлых лет.

Информация об авторе

Вячеслав Сергеевич Михайлов – младший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, проспект Октября, д. 71; e-mail: mikhailov.vyacheslav555@yandex.ru)

Библиографический список

1. Зулькурнай И.У., Ислакаева Г.Р., Маричев С.Г. [и др.]. (2025). Актуальные проблемы нефтегазохимических регионов в условиях трансформации мировой экономики. Уфа: УФИЦ РАН. 196 с.
2. Верховская О.Р., Александрова Е.А. (2018). Индекс мотивации предпринимательской активности и институциональная среда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Т. 34. № 4. С. 511–533.
3. Галимуллина Н.А. (2022). Цифровая инфраструктура поддержки малого бизнеса в Республике Башкортостан // Экономика, предпринимательство и право. Т. 12. № 12. С. 3261–3274.
4. Елина О.А., Дедусенко Е.А. (2024). Предпринимательская культура как фактор развития бизнес-систем // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. Т. 34. № 5. С. 818–825.
5. Земцов С.П., Чепуренко А.Ю., Баринова В.А., Красносельских А.Н. (2020). Новая предпринимательская политика для России после кризиса 2020 года // Вопросы экономики. № 10. С. 44–67.
6. Зулькарнай И.У. (2014). Государство и ограниченная рациональность населения: формализованные модели: монография. Москва: Наука. 230 с.
7. Зулькарнай И.У. (2021). Этапы трансфера научных результатов в экономику страны и взаимосвязь институциональных, экономических и организационных условий, определяющих его эффективность // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 2 (158). С. 20–24.

8. Зулькарнай И.У., Маричев С.Г. (2026). Селективная промышленная политика в Российской Федерации: критерии выбора регионов для реализации // Экономическая наука современной России. Т. 29. № 1. С. 89–106.
9. Зулькурнай И.У. (2021). Институты эффективного трансфера инноваций в экономику. Уфа: Принт+.
10. Лапчик М.П. (2007). Численные методы. Москва: Издательский центр «Академия». 384 с.
11. Лапшина Д.А., Самигулина А.Ф. (2023). Экономика и социальная сфера в республике Башкортостан в условиях антироссийских санкций: тенденции, проблемы и перспективы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 9–2(84). С. 216–220. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-9-2-216-220
12. Маричев С. Институты привлечения капитала как стимул создания инноваций // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021 № 4 (160). С. 51-58.
13. Ахунов Р.Р., Зулькурнай И.У. (2021). Нефтехимическая зависимость Республики Башкортостан: Pro et contra диверсификации экономики. Уфа: Принт+.
14. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Афанасьев М.Ю. [и др.]. (2023). Основные направления социально-экономического развития России: обоснование и оценка последствий (по итогам модельных исследований ЦЭМИ РАН). Москва: Центральный экономико-математический институт РАН. 116 с.
15. Печаткин В.В., Вильданова Л.М. (2023). Оценка уровня цифровизации предприятий промышленного сектора экономики Республики Башкортостан // Информатизация в цифровой экономике. Т. 4. № 4. С. 367–380.
16. Раменская Л.А. (2020). Применение концепции экосистем в экономико-управленческих исследованиях // Управленец. Т. 11. № 4. С. 16–28.
17. Солодилова Н.З., Маликов Р.И., Гришин К.Е. (2018). Конфигурационный подход к исследованию региональной экосистемы предпринимательства // Экономическая политика. Т. 13. № 5. С. 134–155.
18. Зулькурнай И.У., Ислакаева Г.Р., Колонских Л.Р. [и др.]. (2024). Управление экономикой нефтехимического региона в условиях глобальных вызовов. Уфа: УФИЦ. 320 с.
19. Шевченко О.П., Шевченко А.И. (2023). Философский аспект предпринимательской культуры в условиях цифровой трансформации российского общества // Экономика и предпринимательство. № 5 (154). С. 758–761.

Mikhailov V.S.

DIVERSIFICATION OF THE ECONOMY OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: ECONOMETRIC APPROACHES TO IDENTIFYING GROWTH DRIVERS

Abstract. *This article explores the potential for analyzing the economic development of the Republic of Bashkortostan using several econometric methods, including the ordinary least squares method. Various applications of econometric analysis methods in various sectors of the Republic are analyzed. Recommendations are developed regarding which analytical methods can be applied in various cases.*

Keywords: *least squares method, small and medium-sized enterprises, Republic of Bashkortostan, entrepreneurial ecosystem, regional economy, institutional environment.*

About the author

Vyacheslav S. Mikhailov – Junior Researcher, Institute of Socio-Economic Research of the Ufa Federal Research Center RAS (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: mikhailov.vyacheslav555@yandex.ru)

References

1. Zulkarnay I.U., Islamayeva G.R., Matichev S.G. [et al.]. (2025). Current problems of oil and gas chemical regions in the context of the transformation of the global economy. Ufa: UFRC RAS.
2. Verkhovskaya O.R., Alexandrova E.A. (2018). The index of motivation for entrepreneurial activity and the institutional environment. *Vestnik of St. Petersburg University. Economy*, 34(4). 511–533.
3. Galimullina N.A. (2022). Digital infrastructure for supporting small businesses in the Republic of Bashkortostan. *Economics, Entrepreneurship and Law*, 12(12), 3261–3274.
4. Elina O.A., Dedusenko E.A. (2024). Entrepreneurial culture as a factor in the development of business systems. *Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*, 34(5), 818–825.
5. Zemtsov S.P., Chepurenko A.Yu., Barinova V.A., Krasnoselskikh A.N. (2020). New Entrepreneurial Policy for Russia after the 2020 Crisis. *Voprosy Ekonomiki*, 10, 44–67.
6. Zulkarnay I.U. (2014), The State and the Limited Rationality of the Population: Formalized Models: monography. Moscow: Nauka.
7. Zulkarnay I.U. (2021). Stages of Transfer of Scientific Results into the Country's Economy and the Interrelation of Institutional, Economic, and Organizational Conditions Determining Its Effectiveness. *Economics and Management: a scientific and practical journal*, 2(158), 20–24.
8. Zulkarnay I.U., Marichev S.G. (2026). Selective Industrial Policy in the Russian Federation: Criteria for Selecting Regions for Implementation. *Economic Science of Modern Russia*, 29(1), 89–106.
9. Zulkurnay I.U. (2021). Institutions for Effective Transfer of Innovations into the Economy. Ufa: Print+.
10. Lapchik M.P. (2007). Numerical Methods. Moscow: Publishing Center "Academy".
11. Lapshina D.A., Samifigullina A.F. (2023). Economy and the social sphere in the Republic of Bashkortostan under anti-Russian sanctions: trends, problems and prospects. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 9–2(84), 216–220. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-9-2-216-220.
12. Marichev S.G. (2021). Institutions for attracting capital as a stimulus for innovation. *Economics and Management: a scientific and practical journal*, 4(160), 51–58.
13. Akhunov R.R., Zulkurnay I.U. (2021). Petrochemical dependence of the Republic of Bashkortostan: Pro et contra of economic diversification. Ufa: Print+.
14. Makarov V.L., Bakhtuzun A.R., Afanasyev M.Yu. [et al.]. (2023). Main directions of Russia's socio-economic development: Justification and assessment of the consequences (based on the results of model studies by the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences). Moscow: Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences.
15. Pechatkin V.V., Vildanova L.M. (2023). Assessment of the level of digitalization of enterprises in the industrial sector of the economy of the Republic of Bashkortostan. *Informatization in the digital economy*, 4(4), 367–380.
16. Ramenskaya L.A. (2020). Application of the ecosystem concept in economic and managerial research. *Manager*, 11(4), 16–28.
17. Solodilova N.Z., Malikov R.I., Grishin K.E. (2018). A configuration approach to research of the regional ecosystem of entrepreneurship. *Economic Policy*, 13(5), 134–155.
18. Zulkarnay I.U., Islamayeva G.R., Kolonskikh L.R. [et al.]. (2024). Managing the economy of a petrochemical region in the context of global challenges. Ufa: UFIC.
19. Shevchenko O.P., Shevchenko A.I. (2023). The philosophical aspect of entrepreneurial culture in the context of the digital transformation of Russian society. *Economics and Entrepreneurship*, 5(154), 758–761.

УДК 339.138 / ББК 65.291.3

Муртазина Э.З., Вильданова Л.В.

ЦИФРОВОЙ МАРКЕТИНГ И ПРИВЛЕЧЕНИЕ КЛИЕНТОВ

Аннотация. *Статья раскрывает цифровой маркетинг через кейсы: рост заказов на 40%, ROI на 36% и 74 лида, при котором инструменты и данные дают ощутимый эффект.*

Ключевые слова: *цифровой маркетинг, клиенты, аналитика, персонализация, CRM, эффективность*.

Цифровой маркетинг формируется как результат глубокой трансформации традиционных подходов к продвижению, и это видно уже на уровне определений. С.Д. Суворова и О.М. Куликова пишут, что «цифровой маркетинг – это направление маркетинга, подразумевающее продвижение товаров и услуг посредством цифровых технологий на всех этапах взаимодействия с потребителями» [1, с. 32]. И здесь важно не только наличие технологий, но и охват всего клиентского пути. В другом исследовании отмечается, что цифровой маркетинг постепенно выходит за рамки отдельных инструментов и превращается в систему взаимодействия, ориентированную на персонализацию [1, с. 34]. Проще говоря, речь идет о полном пересмотре логики работы с клиентом.

Но подходы авторов различаются. Например, Н.Н. Давидчук и Е.В. Биба определяют его шире: цифровой маркетинг – это интерактивный маркетинг, использующий опыт традиционного маркетинга и потенциал цифровых технологий, в котором цифровые маркетинговые инструменты направлены на продвижение товаров и услуг через трансформацию опыта продаж [5, с. 63]. Это определение включает не только коммуникации, но и изменение бизнес-процессов, и, если упростить, акцент переносится с каналов на логику работы компании. При этом К.М. Меджидов и соавторы отмечают, что «digital-маркетинг представляет собой комплексный подход к продвижению» [4, с. 155], что добавляет еще один уровень − стратегический.

Интересно, что развитие термина можно проследить количественно. В базе ScienceDirect его упоминание выросло с 447 в 1998 году до 4575 в 2020 году [5, с. 61]. Рост более чем в 10 раз. А прогноз до 2030 года показывает увеличение до 19571,8 публикаций при коэффициенте R^2 = 0,9797 [5, с. 61]. И это не просто статистика. Она отражает смещение интереса науки и бизнеса. Причем, как отмечают исследователи, «цифровая экономика… привела к смене парадигмы маркетингового инструментария» [5, с. 63]. Однако стоит оговориться, что такие прогнозы основаны на моделях, и они не всегда учитывают кризисные факторы.

Дальше появляется тема данных. А.В. Хомутовская вводит понятие цифрового следа как совокупности информации о пользователе [2, с. 2]. Это важный момент, потому что именно данные становятся основой решений. В том же источнике указано: Big Data охватывает объемы в терабайтах, петабайтах и даже эксабайтах. Грубо говоря, маркетинг впервые получил доступ к практически неограниченному массиву информации. И каждый человек оставляет после себя «цифровой след», хотя это не бесспорно с точки зрения этики.

И все же часть авторов делает акцент не на данных. С.Д. Суворова и О.М. Куликова подробно описывают инструменты: SEO, SMM, e-mail-маркетинг, чат-боты [1, с. 32–33]. В их логике цифровой маркетинг – это совокупность каналов и технологий, в то время как Н.Н. Давидчук рассматривает его как этап развития бизнес-процессов. Получается расхождение: одни говорят о средствах, другие − о системе. И это различие важно для понимания темы.

Цифровые технологии снизили издержки работы с информацией. Это отмечают и другие исследователи [5, с. 61]. Информация стала быстро доступным ресурсом. В результате изменились методы маркетинговых исследований и сама структура конкуренции. Появилась прозрачность рынка и, как отмечается, потребители «отдают предпочтение тем брендам, которые быстрее осваивают цифровые каналы» [5, с. 62]. Это уже прямое следствие цифровизации.

Персонализация усилилась. К.М. Меджидов указывает на адаптацию рекламы под поведение пользователя [4, с. 156]. В свою очередь, С.Д. Суворова подчеркивает необходимость настройки предложений под каждого клиента [1, с. 35]. Тут наблюдается совпадение позиций. Хотя методы разные. Один автор говорит о технологиях, другой − о коммуникациях.

Здесь возникает интересный вывод. Цифровой маркетинг развивается неравномерно. Где-то через технологии, где-то через инструменты. Это создает неоднородность подходов. Но именно эта неоднородность и определяет его практическое применение, к которому далее и следует перейти.

Практика показывает, что цифровой маркетинг дает измеримый результат. И это видно по цифрам. В исследовании Д.И. Ожгихиной и М.В. Красностановой приводится кейс, где количество заказов выросло на 40% в месяц [3, с. 60]. Причем рост сопровождался увеличением стоимости заказа на 55 000 дирхам. ROI при этом вырос на 36%, а показатель CPO снизился до 62 дирхам [3, с. 60]. Проще говоря, эффективность повысилась сразу по нескольким метрикам.

Цифровой маркетинг постепенно становится основным инструментом продвижения и воздействия на поведение потребителей [3, с. 51]. Это утверждение подтверждается и другими результатами. В одном из кейсов получено 74 лида за месяц при конверсии 47% [3, с. 58]. И доля квалифицированных лидов выросла с 37 до 84%. Такой скачок сложно объяснить случайностью. Но стоит оговориться, эти данные касаются отдельных компаний.

Еще пример: привлечено более 32 000 подписчиков. Стоимость клика составила 4,4 рубля. CTR достиг 1,22% [3, с. 60]. Это конкретные показатели. Они демонстрируют управляемость цифровых каналов. Как отмечают исследователи, цифровой маркетинг позволяет быстро анализировать поведение пользователей и корректировать стратегии [3, с. 51]. Грубо говоря, маркетинг стал более точным.

Однако эффективность объясняется не только цифрами. К.М. Меджидов подчеркивает роль персонализации рекламных кампаний [4, с. 156]. Речь идет о настройке сообщений под интересы пользователя. «Персонализация рекламных кампаний… позволяет адаптировать рекламные сообщения под интересы» [4, с. 156]. И это усиливает вовлеченность. В то же время авторы отмечают использование технологий искусственного интеллекта и виртуальной реальности [4, с. 156]. Это уже следующий уровень развития.

Digital-маркетинг представляет собой комплексный подход к продвижению с применением цифровых технологий, которые позволяют привлечь и удержать клиента [4, с. 155]. В этой формулировке акцент смещается. Не только привлечение, но и удержание. И это важное уточнение, потому что стоимость удержания клиента ниже. Но не все авторы делают на этом акцент.

Данные становятся ключевым ресурсом. А.В. Хомутовская указывает, что CRM-системы автоматизируют работу с клиентами [2, с. 3]. Они позволяют собирать информацию и сегментировать аудиторию. При этом цифровой след формируется как результат активности пользователя, при этом каждый человек оставляет после себя «цифровой след» [2, с. 2]. Если упростить, маркетинг начинает опираться на поведение, а не на предположения.

Такой подход меняет структуру взаимодействия. С.Д. Суворова подчеркивает необходимость адаптации предложений под каждого клиента [1, с. 35]. Это усиливает персонализацию и одновременно усложняет управление. Впрочем, не все компании готовы к этому. Некоторые продолжают использовать массовые стратегии.

Цифровой маркетинг позволяет легко получать информацию о потребителях, быстро ее анализировать и реагировать [3, с. 51]. Это усиливает гибкость бизнеса. Но возникает и проблема: большие объемы данных требуют ресурсов и навыков. Как отмечает А.В. Хомутовская, работа с Big Data требует значительных вложений [2, с. 2]. Хотя это не бесспорно для малого бизнеса.

Есть и ограничения. Н.Н. Давидчук указывает, что эффективность зависит от правильного выбора инструментов [5, с. 63]. Если стратегия выбрана неверно, результаты снижаются. При этом цифровые технологии требуют постоянного обновления. И компании вынуждены адаптироваться. Иначе теряют позиции. Потребители отдают предпочтение тем брендам, которые быстрее осваивают цифровые каналы [5, с. 62]. Это прямая связь между технологиями и спросом. Упомянутая выше закономерность проявляется в разных отраслях, но скорость адаптации различается и это создает конкурентное неравенство.

При этом подходы авторов не совпадают полностью. Д.И. Ожгихина делает акцент на количественных результатах [3]; К.М. Меджидов − на технологиях взаимодействия [4]; А.В. Хомутовская − на данных и аналитике [2]; С.Д. Суворова − на коммуникациях [1]. Разные фокусы. И это, если честно, немного запутывает.

Однако вывод очевиден заранее. Цифровой маркетинг дает эффект, но его результат зависит от сочетания инструментов, данных и стратегии.

Библиографический список

1. Суворова С.Д., Куликова О.М. (2023). Преимущества использования цифрового маркетинга при установлении коммуникаций с потребителями // Актуальные проблемы экономики и управления. № 4 (40). С. 31–36.
2. Хомутовская А.В. (2025). Цифровой маркетинг: актуальные направления и перспективы развития // Современные парадигмы устойчивого развития региональных социально-экономических систем: материалы Международной научно-практической конференции. Гатчина: Гатчинский государственный университет. С. 678–683.
3. Ожгихина Д.И., Красностанова М.В. (2024). Практика применения цифрового маркетинга в компаниях различных отраслей // Инновационная деятельность. № 2 (69). С. 50–65.
4. Меджидов К.М., Закиев Р.А., Айвазов С.Ю., Аракелян Г.А. (2025). Роль digital-маркетинга в привлечении клиентов // Социальное управление. Т. 7. № 51. С. 153–159.
5. Давидчук Н.Н., Биба Е.В. (2021). Цифровизация экономики: смена парадигмы маркетингового инструментария // Вести Автомобильно-дорожного института. № 4 (39). С. 60–65.

Информация об авторах

Элина Зарифовна Муртазина – студент, Уфимский Университет науки и технологий Российская Федерация, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: Eb-nowa@mail.ru)

Ляйсан Валерьевна Вильданова – кандидат экономических наук, доцент, Уфимский Университет науки и технологий Российская Федерация, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: Vildanovalv@gmail.com)

Murtazina E.Z., Vildanova L.V.

DIGITAL MARKETING AND CUSTOMER ACQUISITION

Abstract. *The paper explores digital marketing using real cases: 40% order growth, 36% ROI increase, and 74 leads. Simply put, data-driven tools deliver measurable outcomes*.

Keywords: *digital marketing, customers, analytics, personalization, CRM, efficiency*.

About the authors

Elina Z. Murtazina – Student, Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: Eb-nowa@mail.ru)

Laysan V. Vildanova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: Vildanovalv@gmail.com)

References

1. Suvorova S.D., Kulikova O.M. (2023). Advantages of Using Digital Marketing in Establishing Communication with Consumers. *Current Problems of Economics and Management*, 4(40), 31–36.
2. Khomutovskaya A.V. (2025). Digital Marketing: Current Trends and Development Prospects // Modern Paradigms of Sustainable Development of Regional Socio-Economic Systems: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Gatchina: Gatchina State University, 678–683.
3. Ozhgikhina D.I., Krasnostanova M.V. (2024). Practice of Applying Digital Marketing in Companies Across Various Industries. *Innovation Activity*, 2(69), 50–65.
4. Medzhidov K.M., Zakiev R.A., Aivazov S.Yu., Arakelyan G.A. (2025). The Role of Digital Marketing in Customer Acquisition. *Social Management*, 7, 153–159.
5. Davidchuk N.N., Biba E.V. (2021). Digitalization of the Economy: A Paradigm Shift in Marketing Tools. *Bulletin of the Automobile and Road Institute*, 4(39), 60–65.

УДК 332.1 / ББК 65.305.01

Низамутдинов И.К.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. *Целью исследование является выявление особенностей в формировании процессов промышленного развития в российской экономике. Результаты исследования выявляют возможные сценарии промышленного развития территории при выборе соответствующего инструментария оценки изменчивости санкционного давления.*

Ключевые слова: *промышленное развитие, промышленная политика, инновации, экономическое развитие, эффективность.*

В современной экономической системе, сформированной в условиях трансформации геополитических реалий и обострения межстрановых противоречий, большое значение приобретает умение прогнозировать развитие экономической ситуации, оценивать перспективы и возможности экономического, промышленного и инновационного развития. В российской экономике необходимость опережающего развития импортозамещения сочетается с важностью решения задачи интенсификации инновационного процесса. Анализ влияния инновационного процесса на особенности экономического развития требует выявления параметров, определяющих эффективность инновационного процесса, построения на данной основе алгоритма оценки эффективности промышленного развития как в рамках отдельного региона, так и в рамках всей экономической системы в целом. Важность оценки промышленного развития территории и выявление возможных путей интенсификации промышленного развития требуют рассмотрения также теоретических подходов к формированию и совершенствованию политики импортозамещения и выбора направлений и приоритетов ее реализации.

В рамках анализа промышленного развития территории в российской экономике необходимо обратить внимание на следующие возможные сценарии, реализуемые в рамках развития мировой экономической системы в целом.

Первый сценарий основан на нежелании изменять правила развития мировой экономики и на существующих в настоящее время возможностях промышленного развития. Данный сценарий фактически замораживает развитие и трансформацию текущих геополитических условий. Поэтому существующие проблемы развития мировой экономики (истощения природных ресурсов и их ограниченность для использования в развитии промышленности) останутся нерешенными. Возможная потеря рычагов влияния на мировую экономику вследствие усиления позиций новых промышленных и финансовых центров потребует в будущем от западных стран проведения жесткой экономической политики (в том числе усиления санкционного давления) в отношении других игроков мирового рынка. Потеря влияния со стороны США и Западных стран на процессы развития мировой экономики в пользу новых игроков будет негативно восприниматься традиционными центрами силы и будет происходить накапливание противоречий, которые будут закрываться войнами (в том числе экономическими).

Второй сценарий развития и трансформации процессов модернизации промышленности в мире будет предполагать допущение со стороны Западных стран усиления регионализации в мировой экономике. В то же время усиление перераспределения инвестиционных потоков в сторону новых промышленно и финансово развитых стран потребует усиления роли государства в развивающихся экономических системах. Усиление межстрановых противоречий в данном случае может привести к распаду новых интеграционных объединений, играющих важную роль в мировой экономике сейчас. Еще большее усиление конфликтов приведет к замедлению промышленного и инновационного развития и к уменьшению общей экономической безопасности.

Третий сценарий характеризует более позитивную ситуацию для Западных государств. Он означает сохранение возможностей традиционных центров силы по-прежнему перераспределять финансовые, материальные и ресурсные потоки в сторону своих экономических систем, что, в свою очередь, будет встречать противодействие со стороны новых усиливающихся игроков на мировом рынке и будет приводить к возможным конфликтам и войнам.

Фактически все перечисленные и анализируемые в настоящее время сценарии мирового экономического и промышленного развития связываются с возможностью усиление и крайнего обострения противоречий между странами. Таким образом, сценариев налаживания сотрудничества и мирного взаимодействия мало, а процесс санкционного давления в будущем практически по всем сценариям будет усиливаться, что требует построения алгоритма проведения эффективной промышленной политики в современных геополитических условиях.

В зависимости от того, какой именно сценарий трансформации мировой экономической системы будет реализован, можно говорить о возможном усилении или ослаблении санкционного давления на российскую экономику. В российской экономике еще недавно было обозначено три возможных сценария развития промышленности.

Первый сценарий определяется возможностью фиксации существующих позиций. Отказ России от участия в мировых глобализационных процессах фактически будет ограничивать существующие возможности инновационного обновления экономики и промышленности. При этом возможно усиление сырьевой направленности в развитии российской экономики с условием обмена доходов от продажи сырья на новые технологии. Данный сценарий фактически может быть назван тупиковым в случае реализации практически любого из трех возможных вышеназванных вариантов развития мировой экономики (обозначенных выше). В условиях доминирования западной экономической модели и западных стран (третий сценарий из вышеназванных) Россия будет сталкиваться с большим усилением санкционного давления. В условиях реализации сценария доминирования в мире новых финансовых и промышленных центров (более и менее сильно формируемым доминированием либо с обострением межстрановых противоречий, либо без подобного обострения в рамках первого или второго сценариев развития мировой экономики) необходимо будет учитывать, что основными инновационными центрами в мировой экономической системе по-прежнему являются именно западные страны, что потребует либо приостановки роста российской экономики (вынужденный процесс), либо более активного развития процессов импортозамещения и развития экономических отношений в рамках дружественных экономик.

Данный сценарий промышленного развития в России в настоящее время уже практически невозможен, так как Россия, прогнозируя при его реализации падение темпов экономического развития, уже приступила к интенсификации развития процессов импортозамещения.

Второй сценарий развития промышленности в российской экономике фактически предполагает полное разделение Россией в настоящее время тенденций и основ глобализационной политики в мире. Данный сценарий может реализовываться в рамках третьего сценария развития мировой экономической системы (рассмотренного выше при возможном сохранении роли и значения именно западных стран в финансовом и инновационном развитии мировой экономики). Фактически данный сценарий уже не может быть реализован в настоящее время. Движение по нему российской экономики фактически опровергает возможность реализации первого и второго сценариев развития мировой экономики с усилением роли и значения новых финансовых и промышленных центров в мире, а именно эти сценарии в настоящее время и реализуются с участием России все с большей вероятностью.

Третий сценарий развития экономики и промышленности в России предполагает включение в глобализационные процессы на стороне новых игроков (новых центров финансового и промышленного развития). При этом сохраняется и усиливается санкционное давление на российскую экономику, интенсифицируются процессы развития импортозамещения, но включенность России в мировые процессы трансформации усиливает роль новых мировых промышленных и финансовых центров (включая формирование также новых центров инновационного развития). Процесс перераспределения ресурсов в сторону новых игроков мирового рынка усиливает противоречия с традиционными центрами промышленного, инновационного и финансового развития в мире. Однако участие России в качестве игрока на мировом рынке останавливает возможное разрастание войн вследствие военной роли России и нежелании западных стран обострять подобное развитие событий.

В любом из трех возможных сценариев развития событий санкционное давление усиливается, что будет требовать налаживания работы с дружественными экономическими системами и формирования собственных импортозамещающих производств.

При усилении санкционного давления (практически при любом сценарии экономического развития) будет требоваться включение в инструментарий реализации промышленной политики, инструментов и методов, направленных на задействование и перераспределение значимости таких источников роста в российской экономике.

1. Источники роста связанные с поддержанием стабильности функционирования хозяйственной деятельности промышленных предприятий (возможностью адаптации и поддержания существующих стратегических преимуществ в российской промышленности). Данный инструментарий может быть задействован уже на первом этапе алгоритма реализации промышленной политики. Данные инструменты укладываются в налогово-бюджетный блок инструментария промышленной политики.

2. Источники роста, связанные с опережающим развитием стратегических преимуществ российских предприятий в новых экономических условиях. Эти инструменты могут быть задействованы на третьем и четвертом этапах реализации алгоритма проведения промышленной политики государства. Данные инструменты укладываются в инвестиционный и инновационный блоки реализации промышленной политики.

В рамках опережающего развития стратегических конкурентных преимуществ в свою очередь можно задействовать также следующие источники роста.

1) Инновационные источники. Проведение и коммерциализация научно-исследовательских разработок в рамках бизнеса и государства, направленных на новые технологические решения. Внедрение новых технологических инноваций, проведение сравнительного анализа инновационного развития предприятия по сравнению с конкурентами, отбор параметров для проведения данного сравнительного анализа.

2) Ресурсные источники. В условиях изменения направлений санкционного давления и его постоянной трансформации необходим постоянный мониторинг текущих изменений санкционного давления и санкционных рисков, а также подбор возможных потенциальных направлений для приобретения нового высокотехнологичного оборудования и необходимых ресурсов. В данном случае должен быть задействован инфраструктурный блок в рамках реализации промышленной политики государства, построение новых и перестраивание традиционных по возможности логистических цепочек (привлечение новых технологий либо в рамках развития импортозамещения, либо в рамках налаживания связей с дружественными экономическими системами). Ресурсные источники во многом определяются созданием и перестройкой существующей системы связей промышленных предприятий с внешней средой организации.

3) Информационные источники. Формирование стратегических конкурентных преимуществ российской промышленности в рамках умения работать с информацией. Необходимость налаживания системы работы с информацией в направлении ее сбора, хранения, обработки, использования и архивирования становится одной из базовых основ эффективного развития промышленного предприятия.

4) Финансовые источники. Данные источники предполагают внутренние возможности в рамках работы промышленных предприятий направленные на возможности изменения себестоимости продукции компании, что позволит при уменьшении цены и поддержке качества произведенного продукта увеличить конкурентоспособность организации и расширить рынки сбыта.

Таким образом, можно говорить о множестве сценариев развития мировой экономики и развития промышленности в российской экономической системе. Практически все они в различных комбинациях связаны с усилением санкционного давления на российскую экономику. Тем не менее прогнозирование и отслеживание изменений и динамики санкционных рисков с использованием карты и реестра рисков помогут формировать по каждой отдельной стране (имеющей возможность введения дополнительных санкций в отношении российских промышленных предприятий) соответствующих прогнозов. Данные прогнозы могут формироваться также по каждому отдельному поставщику или группам поставщиков в рамках технологических цепочек производства продукции. Главной целью реализуемой промышленной политики в настоящее время в российской экономике по-прежнему остается формирование долгосрочных трендов в развитии экономики путем развития импортозамещающих производств, активизации инновационного процесса и задействования внутренних источников промышленного развития.

Библиографический список

1. Балашов М.М. (2020). Импортозамещение в отрасли энергетического машиностроения // Стратегические решения и риск-менеджмент. № 11 (2). С. 182–195. DOI: 10.17747/2618–947X2020–2–182–195.
2. Сорокина А.И., Можарова Е.И., Бордова А.А. (2022). Импортозамещение в современных условиях: сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета. № 19. С. 360–367.
3. Safiullin M.R., Gataullina A.A., Elshin L.A. (2023). Regional import substitution policy amid economic sanctions: The case of the Republic of Tatarstan. *The Manager*, 14(5), 59–82.

Информация об авторе

Ирек Камилевич Низамутдинов – кандидат экономических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Российская Федерация, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; e-mail: public.mail@kpfu.ru)

Nizamutdinov I.K.

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE TERRITORY IN THE MODERN RUSSIAN ECONOMY

Abstract. *The aim of this study is to identify the specific characteristics of industrial development processes in the Russian economy. The results of the study identify possible scenarios for regional industrial development when selecting appropriate tools for assessing the variability of sanctions pressure*.

Keywords: *industrial development, industrial policy, innovation, economic development, efficiency*.

About the author

Irek K. Nizamutdinov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University (18, Kremlevskaya Street, 420008, Kazan, Russian Federation; e-mail: public.mail@kpfu.ru)

References

1. Balashov M.M. (2020). Import Substitution in the Power Engineering Industry. *Strategic Decisions and Risk Management*, 11(2), 182–195. DOI: 10.17747/2618–947X2020–2–182–195
2. Sorokina A.I., Mozharova E.I., Bordova A.A. (2022). Import Substitution in Modern Conditions. *Collection of Scientific Papers of Angarsk State Technical University*, 19, 360–367.
3. Safiullin M.R., Gataullina A.A., Elshin L.A. (2023). Regional import substitution policy amid eco-nomic sanctions: The case of the Republic of Tatarstan. The Manager, 14(5), 59–82.

УДК 338.45 / ББК 669

Оборин М.С., Воротов М.Д.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ДОСТИЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. *В данной работе изучается влияние цифровизации бизнес-процессов на укрепление технологического суверенитета и достижение устойчивого развития предприятий металлургического производства. Обозначена важность цифровизации как ключевого инструмента для снижения зависимости от иностранных IT-решений, повышения операционной эффективности и обеспечения экономической безопасности промышленных территорий. Выявлены основные барьеры цифровизации, предложены пути наиболее оптимального внедрения отечественных цифровых платформ. На примере Вологодской области рассмотрен пример внедрения цифровизации и ее влияния на развитие моногородов. Сделан вывод о необходимости синхронизации внедрения цифровизации и региональных программ развития.*

Ключевые слова: *цифровизация, бизнес-процессы, металлургическое производство, технологический суверенитет, устойчивое развитие, промышленные территории, импортозамещение ПО.*

Отечественная экономика сегодня существует в непростых условиях. Геополитическая турбулентность и санкционное давление вынуждают двигаться в сторону импортозамещения и усиления технологического суверенитета. Особенно это актуально для такой системообразующей отрасли промышленности как металлургия. По заявлениям премьер-министра РФ, доля отечественного ПО в критических информационных системах крупнейших металлургических предприятий до 2022 года составляла лишь 23%[1]. Уход с российского рынка иностранных разработчиков создал угрозу непрерывности производственных процессов и экономической безопасности промышленных территорий.

Поэтому в современных условиях цифровизация рассматривается не только как фактор повышения эффективности, но и как инструмент обеспечения технологической независимости. В этом смысле уязвимыми являются регионы с большим количеством моногородов и с высокой концентрацией металлургических производств. Целью настоящей статьи является обоснование роли цифровизации в процессе наращивания технологического суверенитета и устойчивого развития промышленных регионов.

В научной литературе цифровизация бизнес-процессов определяется как процесс интеграции цифровых технологий во все производственные и управленческие функции предприятия, ведущий к трансформации бизнес-моделей и появлению новых источников конкурентных преимуществ [1]. Однако цифровизация не одинакова для всех отраслей экономики, так для металлургии будут актуальны специфические черты из-за непрерывного производственного цикла, высокой капиталоемкости, привязкой к сырьевым базам и источникам энергии.

Основными бизнес-процессами в металлургии являются: управление цепочками поставок сырья и материалов, планирование производственных мощностей и загрузки агрегатов, контроль технологических параметров, логистики готовой продукции управление качеством [2].

В рамках усиления технологического суверенитета цифровизация способна решить острые вопросы: проведение импортозамещения без остановки производства, обеспечение цифровой безопасности данных при их передаче или копировании на отечественное ПО, создание условий для дальнейшего инновационного развития.

[1] Выступление М. Мишустина на конференции «Цифровая индустрия промышленной России» // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2022/06/05/925218-bankam-175-mlrd-promishlennosti?from=copy_text

Отечественная экономика движется в правильном направлении, но находится еще на начальных этапах пути цифровизации. По данным реестра отечественного ПО Минцифры РФ, на начало 2026 года насчитываются тысячи отечественного ПО, многие из них применимых в металлургии. Наиболее значимыми являются[2]:

• ERP-системы: «1С: ERP Управление холдингом», «Галактика ERP», «Компас»;
• MES-решения: «MES2», «Полигон Профессионал», «Торнадо»;
• APS-системы: «ОР-Максимум», «PSI: APS»;
• PLM-платформы: «ЛОЦМАН: PLM», «ПАРУС», «АСКЛОН».

Цифровизация и внедрение отечественных программ способны дать предприятию положительные эффекты, однако этот процесс неравномерный и сталкивается с рядом барьеров, которые способны замедлить его [3]. Сюда относятся зависимость от зарубежных ERP-систем управления ресурсами, отсутствие полноценных отечественных аналогов (существующие еще ненадежные), высокие затраты на перенос данных, несовместимость иностранного и отечественного ПО, дефицит кадров. Более подробно риски раскрыты в *табл. 1*.

Таблица 1. **Основные барьеры цифровизации в металлургии и их влияние на технологический суверенитет**

Барьер	Характеристика	Риск для суверенитета	Путь преодоления
Импортозависимость ERP	Преобладание SAP, Oracle на крупных заводах	Отказ в обновлениях, блокировка лицензий	Поэтапный переход на 1С: ERP, параллельный контур учета
Отсутствие отечественных MES	Рыночная ниша занята Siemens, ABB, PSI	Невозможность оперативного управления цехом, потеря качества	Разработка отраслевых модулей силами консорциумов (ММК, НЛМК, Северсталь)
Слабая совместимость оборудования	Разные протоколы передачи данных (OPC, Modbus, Profinet)	Затрудненная интеграция в цифровую среду, «островная автоматизация»	Унификация протоколов, установка промышленных шлюзов, API-адаптация
Дефицит IT-кадров в моногородах	Отток специалистов в Москву, Санкт-Петербург, IT-кластеры	Снижение темпов цифровой трансформации, зависимость от внешних интеграторов	Создание корпоративных IT-кафедр, программ переподготовки, удаленные центры разработки
Источник: [4].			

Особый интерес в контексте устойчивого развития промышленных территорий представляют регионы, в которых металлургическое производство является градообразующим. К числу таких относится Вологодская область и ее крупнейший моногород Череповец. Опыт «Северстали» в укреплении технологического суверенитета крайне важен и показателен: компания начала программу импортозамещения ПО задолго до 2022 года, разработав собственные MES-модули для прокатного производства и внедрив элементы цифрового двойника на основе российских платформ[3].

В рамках Вологодской области цифровой мониторинг становится частью региональной стратегии устойчивого развития из-за высокой степени загрязнения, а кейс модернизации «Северстали» говорит об образовании синергии и взаимозависимости между цифровизацией предприятия и его устойчивым развитием. Они проявляются в экономическом, социальном и экологическом аспектах (*табл. 2*).

[2] Минпромторг сформирует матрицу российского ПО и доверенных ПАК на основании более 400 отечественных ИТ-решений // RUБЕЖ. URL: https://ru-bezh.ru/gossektor/news/25/08/12/minpromtorg-sformiruet-matritsu-rossiyskogo-po-i-doverennyh-pak

[3] Северсталь» и SAP Consulting раскрыли некоторые результаты внедрения мобильных ремонтов // Северсталь. URL: https://severstal.com/rus/media/archive/2014-12-12-vyyavlenie-neispravnostey-na-ranney-stadii-v-16-raz-chashche-severstal-i-sap-consulting-raskryli-nekotorye-rezultaty-vnedreniya-mobilnykh-remontov/

Таблица 2. **Взаимное влияние цифровизации и аспектов устойчивого развития**

Аспект устойчивого развития	Влияние
Экономический	Цифровизации производства, снижение издержек, что повышает конкурентоспособность предприятия и налоговые поступления в бюджет
Экологический	Цифровые системы учета выбросов (CO2, диоксины) и энергопотребления соответствуют ESG-стандартам и требованиям лучших доступных технологий (НДТ)
Социальный	Возможность дистанционного мониторинга опасных участков снижает риски для здоровья работников, а внедрение цифровых тренажеров повышает квалификацию
Источник: [3].	

Экономический эффект достигается за счет сокращения простоев, оптимизации запасов сырья и складских запасов, снижения уровня брака, улучшения планирования. Социальный эффект – через повышение безопасности труда, улучшение его условий и рост компетенций персонала. Экологический эффект становится возможным благодаря учету выбросов, отходов, внедрению «зеленых технологий».

Практическими инструментами цифровизации, обеспечивающими технологический суверенитет промышленных территорий, могут выступать [5]:

• внедрение отечественных PLM-систем для управления жизненным циклом продукции (от геологоразведки до утилизации);

• разработка отраслевых цифровых двойников металлургического производства (технологические агрегаты + логистика + энергосети);

• создание региональных центров компетенций по промышленному ПО на базе ведущих вузов;

• формирование кластеров поставщиков цифровых решений непосредственно в индустриальных регионах.

После понимания сути влияния цифровизации на достижение технологического суверенитета для системного решения задачи по цифровизации металлургического производства лучше всего применять поэтапный подход, учитывающий специфику отрасли и имеющий возможность подстраиваться под нужный регион и конкретное предприятие.

В основе цифровизации, на первом этапе, должен проводиться аудит всех базовых процессов, текущего уровня цифровизации и слабых мест производства. Сюда можно отнести составление реестра используемого ПО, лицензий, аппаратных зависимостей, оценку критичности для непрерывности процессов; ранжирование по срочности замещения.

На следующем этапе главной задачей должно стоять создание дорожной карты перехода на отечественное ПО. Приоритезация должна быть отдана системам оперативно-производственного планирования (APS) и управления ресурсами (ERP). Также на этом этапе определяются процессы, которые станут пилотными и первыми подвергнутся цифровизации. Планируется и проводится миграция данных с созданием резервных копий.

На третьем этапе уже должны создаться первые очертания кластерно-сетевых объединений. Подразумевается, что они смогут поддерживать инфраструктуру по поддержке цифровизации предприятий участников и повышению квалификации их сотрудников, а также полигоны для тестирования совместных решений. Также важным аспектом является синхронизация с региональными и государственными программами цифровизации и устойчивого развития, включая меры поддержки малых инновационных предприятий – разработчиков промышленного софта в форме грантов, льготных займов, региональных налоговых преференций.

Цифровизацию бизнес-процессов металлургического производства можно считать стратегическим инструментом достижения технологического суверенитета и устойчивого развития промышленных территорий. Для реализации этих инноваций необходимо преодолеть барьеры в виде импортозависимости, дефицита кадров, слабой совместимости оборудования и небольшой развитости отечественного софта. Этому может способствовать трехуровневая система внедрения цифровых технологий.

Практическая значимость исследования заключается в предложенном поэтапном переходе к цифровизации металлургического предприятия. Показана взаимосвязь между цифровизацией и устойчивым развитиям на примере Вологодской области. Также предложенный подход способен развивать моногорода через цифровизацию их градообразующих предприятий.

Дальнейшие исследования планируется на разработку методики количественной оценки вклада цифровизации отдельных бизнес-процессов в показатели устойчивости территорий, а также на сравнительный анализ эффективности внедрения различных отечественных цифровых платформ в металлургии.

Библиографический список

1. Schwab K. (2016). The Fourth Industrial Revolution. New York: Crown Business.
2. Кельчевская Н.Р., Сироткин С.А., Пелымская И.С. [и др.]. (2016). Бизнес-процессы промышленного предприятия: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. 340 с.
3. Гилева Т.А. (2025). Цифровая трансформация промышленных предприятий: тренды и стратегии // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 16. № 2. С. 225–241. DOI: 10.18184/2079-4665.2025.16.2.225-241
4. Налбандян Г.Г., Ховалова Т.В. (2022). Анализ барьеров перехода к широкомасштабному внедрению цифровых технологий в российских промышленных компаниях // Экономические науки. № 206. С. 155–160. DOI: 10.1445V1.206.155
5. Лепеш Г.В. (2022). Цифровая трансформация промышленного сектора экономики // Технико-технологические проблемы сервиса. № 2 (60). С. 3–15.
6. Оборин М.С. (2020). Формирование механизма антикризисного управления промышленностью региона в условиях цифровизации производства // Государственное управление. Электронный вестник. № 81. С. 144–162.
7. Оборин М.С., Цветкова И.И., Бекетова О.Н. (2020). Направления повышения безопасности промышленного производства в условиях цифровой экономики // Сервис plus. Т. 14. № 3. С. 50–58.

Информация об авторах

Матвей Сергеевич Оборин – доктор экономических наук, профессор, Пермский институт (филиал) РЭУ имени Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 614070, г. Пермь, бульвар Гагарина, д. 57); Пермский государственный национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15); Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д.Н. Прянишникова (Российская Федерация, 614045, г. Пермь, ул. Петропавловская, д. 23; e-mail: recreachin@rambler.ru)

Максим Дмитриевич Воротов – аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; e-mail: maxvorotov@bk.ru)

Oborin M.S., Vorotov M.D.

DIGITALIZATION OF BUSINESS PROCESSES OF METALLURGICAL PRODUCTION AS A TOOL FOR ACHIEVING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL TERRITORIES

Abstract. *This paper examines the impact of digitalization of business processes on strengthening technological sovereignty and achieving sustainable development of metallurgical enterprises. The importance of digitalization as a key tool for reducing dependence on foreign IT solutions, increasing operational efficiency and ensuring the economic security of industrial areas is indicated domestic digital platforms. Using the example of the Vologda Oblast, an example of the introduction of digitalization and its impact on the development of single-industry towns is considered. The conclusion is made about the need to synchronize the implementation of digitalization and regional development programs.*

Keywords: *digitalization, business processes, metallurgical production, technological sovereignty, sustainable development, industrial territories, import substitution of software.*

About the authors

Matvey S. Oborin – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Perm Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics (57, Gagarina Boulevard, Perm, 614070, Russian Federation); Perm State National Research University (15, Bukireva Street, Perm, 614068, Russian Federation); Perm State Agro-Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov (23, Petropavlovskaya Street, Perm, 614045, Russian Federation; e-mail: recreachin@rambler.ru)

Maksim D. Vorotov – Postgraduate Student, Perm State National Research University (15, Bukireva Street, Perm, 614068, Russian Federation; e-mail: maxvorotov@bk.ru)

References

1. Schwab K. (2016). The Fourth Industrial Revolution. New York: Crown Business.
2. Kelchevskaya N.R., Sirotkin S.A., Pelymskaya I.S., [et al.]. (2016). Business Processes of Industrial Enterprise: textbook. Yekaterinburg: Ural University Publishing House.
3. Gileva T.A. (2025). Digital Transformation of Industrial Enterprises: Trends and Strategies. *MIR (Modernization. Innovations. Development)*, 16(2), 225–241. DOI: 10.18184/2079-4665.2025.16.2.225-241
4. Nalbandyan G.G., Khovalova T.V. (2022). Analysis of barriers of transition to large-scale implementation of digital technologies in Russian industrial companies. *Economic Sciences*, 206, 155–160. DOI: 10.1445V1.206.155
5. Lepesh G.V. (2022). Digital Transformation of the Industrial Sector of the Economy. *Technical and technological problems of service*, 2(60), 3–15.
6. Oborin M.S. (2020). Formation of the mechanism of anti-crisis management of the region's industry in the context of digitalization of production. *Public administration. Electronic Bulletin*, 81, 144–162.
7. Oborin M.S., Tsvetkova I.I., Beketova O.N. (2020). Directions for improving the safety of industrial production in the digital economy. *Service plus*, 14(3), 50–58.

УДК 338.242 / ББК 65.01

Попова Е.А., Комарова О.В.

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация. *В статье исследуется влияние реализации национальных проектов на развитие человеческого капитала в контексте его структурных составляющих, что сопряжено с ключевыми национальными проектами. На основе анализа соответствия целевых установок, задач и результирующих показателей выявлены проблемы реализации национальных проектов и обоснованы направления улучшения использования данного инструмента с целью развития человеческого капитала.*

Ключевые слова: *национальный проект, демография, образование, здравоохранение, человеческий капитал.*

В современном мире ключевым фактором развития экономики является человеческий капитал. В экономической теории человеческий капитал часто определяют как совокупность знаний, умений, навыков, которые способствуют повышению производительности труда [1, с. 4436]. Следует отметить научную дискуссию по вопросам структуры и факторов, определяющих уровень развития человеческого капитала в современных российских исследованиях. Е.В. Красова отмечает, что лишь способность к труду и профессиональные компетенции могут рассматриваться как структурные, сущностные характеристики человеческого капитала [1, с. 4440]. В исследовании Л.Э. Цатурян и Л.К. Чеснюковой отмечается, что образование и здравоохранение важны как форма накопления человеческого капитала и социальных возможностей (образовательных и медицинских услуг), так как это способствует развитию населения [7, с. 90]. Изучая подходы к анализу и структурированию человеческого капитала, можно сделать вывод, что в современном мире политика развития человеческого капитала не может ограничиваться инвестициями в образование и профессиональную подготовку: в условиях цифрового общества актуализируется необходимость учета здоровья, доверия, психологической устойчивости и культурных установок как структурных элементов человеческого капитала и ведущих факторов развития экономики. Таким образом, развитие человеческого капитала – это процесс, требующий комплексного подхода и учета как индивидуальных, так и общественных интересов, а потому может рассматриваться как одна из ключевых целей государства, инструментом которого выступают национальные проекты – программы по достижению национальных целей, а также их целевых показателей, направленные на улучшение жизни граждан и развития их человеческого капитала. Цель исследования – выявить влияние национальных проектов на формирование человеческого капитала России.

Для оценки уровня жизни, образования и долголетия населения в различных странах используется индекс человеческого развития (ИЧР). Повышение уровня ИЧР является необходимым условием экономической конкурентоспособности, социальной устойчивости и технологического суверенитета современного государства. По данным рейтинга стран по индексу человеческого развития, Россия включена в группу стран с «очень высоким» уровнем, однако не входит даже в 50 стран с самым высоким ИЧР, при этом отставание от стран-лидеров составляет около 15% [5, с. 444], что подтверждает необходимость развития человеческого капитала, в том числе используя национальные проекты.

Национальные проекты России, направленные на развитие человеческого капитала, условно можно разделить на два периода:

Первый период (2018–2024 гг.) – национальные проекты «Образование», «Здравоохранение», «Демография», «Наука и университеты» и другие.

Второй период (с 2025 года) – национальные проекты «Семья», «Кадры», «Продолжительная и активная жизнь», «Молодежь и дети» и др.

Национальные проекты первого периода были направлены на создание материально-технической базы, достижение формальных показателей оснащения спортивных, образовательных и здравоохранительных учреждений. Большинство национальных проектов второго периода являются расширенным продолжением предыдущих проектов, но имеют иной фокус развития. Вместо акцента на инфраструктурные показатели, новые проекты являются человеко-ориентированными, т. е. в контексте оценки ориентированы на достижение не количественных, а качественных показателей.

В соответствии с общепринятой структурой человеческого капитала национальные проекты охватывают следующие основные направления его развития: здоровье, образование, содействие занятости. Рассмотрим итоги их реализации на первом этапе подробнее.

Формирование и поддержание здоровья населения как структурного элемента человеческого капитала рассматривается в национальных проектах «Здравоохранение», «Демография», «Продолжительная и активная жизнь»[1]. За время их реализации были достигнуты следующие показатели: построено более 5000 фельдшерско-акушерских пунктов и врачебных амбулаторий в селах, младенческая смертность снизилась до исторического минимума, общая продолжительность жизни увеличилась, но продолжительность здоровой жизни снизилась. Таким образом, национальные проекты изменили инфраструктуру, но не достигли изменения поведенческих факторов, влияющих на здоровье населения, что позволяет утверждать, что физический человеческий капитал вырос количественно, но не качественно.

На развитие человеческого капитала в части образования были направлены национальные проекты «Наука и университеты», «Образование», «Молодежь и дети». За время их реализации было построено больше тысячи школ, но не решена проблема нехватки учителей; решена задача доступности, но не достигнута цель повышения уровня образования. Кроме того, на данный период среди безработных в России каждый пятый человек имеет высшее образование, что говорит о несоответствии подготовки специалистов и реальных запросов бизнеса.

Для содействия занятости были созданы национальные проекты «Кадры» и «Эффективная и конкурентная экономика». За время реализации было создано более двух миллионов рабочих мест в малом и среднем бизнесе, на многих предприятиях были внедрены бережливые технологии. В 2025 году был зарегистрирован исторический минимум безработицы, но при этом реальная заработная плата специалистов с высшим образованием растет медленнее, чем инфляция. Таким образом, национальные проекты не способствовали включению рыночных механизмов оценки человеческого капитала, что приводит к сдвигам в поведенческих и трудовых стимулах населения.

Проекты второго периода основаны на предшествующих инициативах и являются их логическими продолжениями. Данные о них на текущем этапе не обладают достаточной репрезентативностью для полноценного анализа. При реализации проектов первого периода (2018–2024 гг.) был выявлен ряд проблем.

Во-первых, наблюдается разрыв между задачами и целями национальных проектов: были зафиксированы случаи выполнения большинства задач проекта при достижении национальных целей меньше, чем наполовину [8, с. 56]. Так, например, в национальном проекте «Демография» при достижении большей части задач наблюдается естественная убыль населения, снижение продолжительности жизни и суммарного коэффициента рождаемости[2]. Также, в результате национального проекта «Здравоохранение» на 25,2% снизилась больничная летальность от инфаркта миокарда, более 68 млн человек прошли профилактические медицинские осмотры и диспансеризацию[3], однако ключевая цель национального проекта – снижение смертности населения – так и не была достигнута. В исследовании Г.В. Леонидовой и М.А. Головчина отмечаются такие проблемы реализации национального проекта «Образование», как: направленность на создание инфраструктуры образования, а не его содержания и педагогического сопровождения, размытость показателей оценки эффективности, отсутствие единой институциональной системы развития образования [2, с. 21–22].

[1] Национальные проекты РФ. URL: https://национальныепроекты.рф/ (дата обращения: 15.05.2026).

[2] Федеральная служба государственной статистики // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 15.04.2026).

[3] Результаты реализации национальных проектов 2019–2024 гг. // Министерство здравоохранения Российской Федерации (Минздрав). URL: https://minzdrav.gov.ru/ministry/natsproektzdravoohranenie (дата обращения: 13.05.2026).

Во-вторых, при разработке национальных проектов не была учтена специфика регионов: субъекты Российской Федерации имеют разные стартовые условия и разные возможности в процессе реализации национальных проектов, что обусловлено географическими, природно-климатическими, транспортно-логистическими и институциональными условиями [4, с. 8]. Как отмечается в докладе В.В. Климанова, регионы в процессе реализации национальных проектов получаются различный объем финансирования. Так, к регионам, имеющим высокий уровень поддержки, относятся г. Москва, Самарская область, Ивановская область, Костромская область, Новгородская область, Томская область, Республика Дагестан, Смоленская область, Астраханская область, Чеченская Республика, а к регионам с минимальной долей расходов на национальные проекты в субсидиях: Калининградская область, Республика Крым, ХМАО, Сахалинская область, Чукотский АО, ЯНАО, г. Севастополь, Московская область, Хабаровский край, Камчатский край[4].

В-третьих, важнейшей проблемой реализации национальных проектов является финансирование: выполнение национальных проектов составляет около 97%, что обусловлено проблемами государственного управления, нецелевого и неэффективного использования бюджетных средств, рост абсолютного финансирования сочетается с относительным недофинансированием национальных проектов – на первом этапе реализации национальных проектов недофинансирование составило в среднем 6% [6].

В-четвертых, исследователи отмечают наличие проблемы организационно-управленческого характера, в частности вопросы однозначности планирования, мониторинга и оценки результативности национальных проектов. В разных государственных программах, различными государственными структурами показатели считаются по разным методикам, что усложняет исследование данных и делает невозможным объективный анализ. Кроме того, исследователи отмечают отсутствие единой методики оценки реализации национальных проектов, несовершенство статистических показателей.

Подводя итог, можно сказать, что результаты первого периода реализации национальных проектов носят противоречивый характер. С одной стороны, была создана значительная социальная инфраструктура развития человеческого капитала, что определило материальную базу для дальнейшего его развития. С другой стороны, целевые показатели по ключевым направлениям не были достигнуты, что оказывает существенное влияние на эффективность национальных проектов. Проекты второго периода ориентированы в большей степени на качество человеческого капитала, однако вопросы оценки их эффективности в данном случае являются еще менее однозначными. Ключевыми условиями эффективности данных проектов будут выступать их способность минимизировать экономические риски и уровень соответствия реальным запросам населения, эффективным инструментом оценки которой может стать социальная экспертиза, проводимая на основе массового опроса населения и направленная на оценку социальных эффектов [3, с. 70]. Вторым ключевым направлением повышения эффективности национальных проектов в формировании человеческого капитала является корректирование методики финансирования регионов с учетом реальной бюджетной обеспеченности, внедрение механизмов, гарантирующих не только строительство, но и последующее содержание инфраструктуры также представляются необходимыми для эффективности государственной политики в сфере национальных проектов.

[4] Климанов В.В. (2019). Финансовые аспекты реализации национальных проектов. Москва: Институт реформирования общественных финансов. 14 с. URL: https://conf-expert.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15655/2019/presentations/KlimanovV.V.-Finansovye_aspekty_realizacii_nacionalnykh_proektov.pdf (дата обращения: 13.05.2026).

Библиографический список

1. Красова Е.В. (2023). Вопросы методологии популярной теории: понятие человеческого капитала // Креативная экономика. Т. 17. № 12. С. 4431–4450. DOI: 10.18334/ce.17.12.119765
2. Леонидова Г.В., Головчин М.А. (2019). Национальный проект «Образование» и возможность его влияния на развитие человеческого капитала // Проблемы развития территории. № 4 (102). С. 7–25. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.1
3. Мерзляков А.А., Богданов В.С. (2026). Оценка эффективности реализации национальных проектов в России: результаты экспертного опроса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 2. С. 56–73. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.3
4. Кривова В.Д. [и др.]. (2019). Обеспечение реализации национальных проектов на региональном уровне: материалы семинара-совещания руководителей аналитических служб аппаратов законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, 2 апреля 2019 года // Аналитический вестник. № 14 (728). Часть 1. Москва: Управление информационных технологий и документооборота Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 98 с.
5. Руденко Л.Г. (2024). Оценка национального потенциала России на основе международных рейтингов // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 8–3. С. 440–447. DOI: 10.17513/vaael.3679
6. Силова Е.С. (2022). Актуальные проблемы реализации национальных проектов в России // Вестник Челябинского государственного университета. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 137–144. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11114
7. Цатурян Л.Э., Чеснюкова Л.К. (2022). Человеческий капитал, теории и методы: значение системы здравоохранения в формировании человеческого капитала региона // Вестник УГМУ. № 2 (57). С. 86–98.
8. Шахова К.Е. (2025). Проблемы реализации приоритетных национальных проектов в России // Трансформация государственного и муниципального управления в цифровом обществе: сборник тр. Всерос. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. С. 55–58.

Информация об авторах

Екатерина Алексеевна Попова – студент, Уральский государственный экономический университет» (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной воли, д. 62/45; e-mail: ekat2007@list.ru)

Оксана Викторовна Комарова – кандидат экономических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной воли, д. 62/45; e-mail: okkomarova@yandex.ru)

Popova E.A., Komarova O.V.

THE IMPACT OF RUSSIA'S NATIONAL PROJECTS ON HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT

Abstract. *The article examines the impact of the implementation of national projects on the development of human capital in the context of its structural components, which is associated with key national projects. Based on the analysis of the correspondence between the goals, objectives, and results, the article identifies the problems of implementing national projects and provides recommendations for improving the use of this tool for the development of human capital.*

Keywords: *national project, demography, education, healthcare, human capital.*

About the authors

Ekaterina A. Popova – Student, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: ekat2007@list.ru)

Oxana V. Komarova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor at the Department of Economic Theory and Applied Sociology, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: okkomarova@yandex.ru)

References

1. Krasova E.V. (2023). The concept of human capital: methodological issues of popular theory. *Creative Economic*, 17(12), 4431–4450. DOI: 10.18334/ce.17.12.119765
2. Leonidova G.V., Golovchin M.A. (2019). National project “Education” and its possible impact on the development of human capital. *Problems of Territory’s Development*, 4(102), 7–25. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.1
3. Merzlyakov A.A., Bogdanov V.S. (2026). Evaluating the effectiveness of national project implementation in Russia: Findings from an expert survey. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(2), 56–73. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.3
4. Krivova V.D. [et al.]. (2019). Obespechenie realizacii nacional`ny`x proektov na regional`nom urovne: materialy` seminara-soveshhaniya rukovoditelej analiticheskix sluzhb apparatov zakonodatel`ny`x (predstavitel`ny`x) i ispolnitel`ny`x organov gosudarstvennoj vlasti sub``ektov Rossijskoj Federacii. *Analiticheskij vestnik*, 14(728). Part 1. Moscow: Upravlenie informacionny`x texnologij i dokumentooborota Apparata Soveta Federacii Federal`nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii.
5. Rudenko L.G. (2024). Assessment of Russia’s National Potential Based on International Ratings. *Vestnik Altajskoj akademii e`konomiki i prava*, 8–3, 440–447. DOI: 10.17513/vaael.3679
6. Silova E.S. (2022). National projects in Russia: implementation problems. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 11(469), 137–144. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11114
7. Tsaturyan L.E., Chesnyukova L.K. (2022). Human capital, theories and methods: the importance of the healthcare system in the formation of the human capital of the region. *Vestnik UGMU*, 2(57), 86–98.
8. Shahova K.E. (2025). Problemy` realizacii prioritetny`x nacional`ny`x proektov v Rossii. *Transformaciya gosudarstvennogo i municipal`nogo upravleniya v cifrovom obshhestve*: sb. tr. Vseros. nauch.-prakt. konf. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij politexnicheskij universitet Petra Velikogo, 55–58.

УДК 339.18:005.53 / ББК 65.422.3

Попова Н.И., Стеценко В.А.

БИЗНЕС-ПРОЦЕССЫ В ОПТОВОЙ ТОРГОВЛЕ, ИХ ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СПРОСА И ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Аннотация. *В статье исследуется экономическое содержание бизнес-процессов как объекта управления. Рассматриваются альтернативные подходы к определению понятия, обобщаются его сущностные характеристики. Анализируются особенности бизнес-процессов, а также необходимость их информационной поддержки.*

Ключевые слова: *бизнес-процессы, информационная поддержка, оптовая торговля, управленческие решения, результативность процесса, потребитель.*

В условиях динамичного развития рынка товаров и услуг все функционирующие экономические субъекты, в том числе и оптовые торговые организации, сталкиваются с жесткой конкуренцией, инфляционными и другими кризисными явлениями в экономике. Для того, чтобы успешно справиться с возникающими проблемами, необходим основательный регуляторный фундамент, включающий формализацию и стандартизацию бизнес-процессов для эффективного управления ими.

В связи с этим актуальным становится исследование бизнес-процессов в оптовой торговле, их формализация и стандартизация. Особого внимания требует информационная поддержка процессов заготовления и сбыта, непосредственно связанных с потребительским спросом.

Теоретические аспекты бизнес-процессов исследовались в работах В.Г. Елиферова, В.В. Репина, А.В. Шеера, Е.Г. Ойхмана, Э.М. Попова, М. Робсона, Ф. Уллаха и др. Особенности процессного управления в оптовой торговле рассматривались М.В. Алябьевой, А.В. Варзуновым и другими авторами. Вопросы информационной поддержки бизнес-процессов нашли отражение в исследованиях Е.В. Михеевой.

Целью работы является обобщить теоретические подходы к определению бизнес-процессов, выявить их особенности в оптовой торговле и обосновать необходимость информационной поддержки процессов заготовления и сбыта в их взаимосвязи с потребительским спросом.

В общем смысле под бизнес-процессами понимают ряд определенных, поддающихся измерению задач, выполняемых людьми и системами, которые направлены на достижение заранее запланированного результата [2]. Вместе с тем, как показал критический анализ специальной литературы, к настоящему времени все еще не сложился единый подход к сущностному определению и трактовке понятия «бизнес-процесс».

Так, например, В.Г. Елиферов и В.В. Репин характеризуют бизнес-процесс как устойчивую и целенаправленную совокупность взаимосвязанных видов деятельности, преобразующую входы в выходы, обладающие ценностью для потребителя, на основе определенной технологии. Несколько иной акцент делает А.В. Шеер, который рассматривает бизнес-процесс в качестве непрерывной последовательности задач, решаемых для получения результата (выхода). М. Робсон и Ф. Уллах предлагают наиболее лаконичное определение, понимая под бизнес-процессом поток работы, последовательно переходящий от одного исполнителя к другому (а в масштабе крупных процессов – от одного подразделения к другому) [3].

Исходя из проведенного обзора можно заключить, что большинство авторов сходятся в понимании бизнес-процесса как последовательности взаимосвязанных действий, направленных на получение конкретного результата, ценного для потребителя или для последующих звеньев системы. Вместе с тем акценты смещаются в зависимости от контекста: от технологической трансформации входов до управленческой логики потоков работ между исполнителями.

Конечным бенефициаром бизнес-процессов является клиент, готовый оплатить полученное благо. В организации одновременно и непрерывно осуществляется широкий спектр процессов, которые целесообразно группировать следующим образом:

1. основные – создающие добавленную стоимость и формирующие регулярный доход через реализацию продукции/услуг внешним заказчикам;

2. вспомогательные (обеспечивающие) – направленные на решение внутрифирменных задач и поддержание производственной инфраструктуры;

3. управленческие – реализующие цикл планирования, организации, учета, контроля и регулирования всех процессов организации.

Многообразие бизнес-процессов не исключает наличия у них ряда универсальных характеристик. Во-первых, результативность, подразумевающая создание общественно значимого блага (товара, работы, услуги) и соответствие полученного результата ожиданиям заказчика. Во-вторых, повторяемость, выражающаяся в циклическом воспроизведении однотипных действий для получения стабильного блага.

Особенности бизнес-процессов в различных сферах деятельности определяются отраслевой спецификой. В производственной сфере доминируют процессы материального потока и технологического цикла; в сфере услуг ключевое значение приобретает взаимодействие с клиентом и качество обслуживания; в оптовой торговле основными являются процессы закупки, хранения, сбыта и логистики; в финансовом секторе – процессы риск-менеджмента, кредитования и расчетно-кассового обслуживания. В каждой отрасли формируется своя конфигурация основных, вспомогательных и управленческих процессов, что необходимо учитывать при построении систем учета и контроля.

В оптовой торговле бизнес-процесс заготовления (закупка товаров) напрямую зависит от информации о потребительском спросе, поскольку объемы, структура и ассортимент закупок определяются прогнозами реализации конечным покупателям. В свою очередь, бизнес-процесс сбыта формирует обратную связь: фактические данные о продажах и изменении спроса служат основой для корректировки заготовительной деятельности, управления товарными запасами и принятия оперативных управленческих решений. Без достоверной информационной поддержки указанных процессов оптовая организация не способна своевременно реагировать на колебания потребительского спроса, что ведет к затовариванию складов или дефициту востребованной продукции.

Управление бизнес-процессами само по себе также представляет собой процесс, поддающийся управлению и оптимизации. Его жизненный цикл включает пять основных подпроцессов (*рис. 1*).

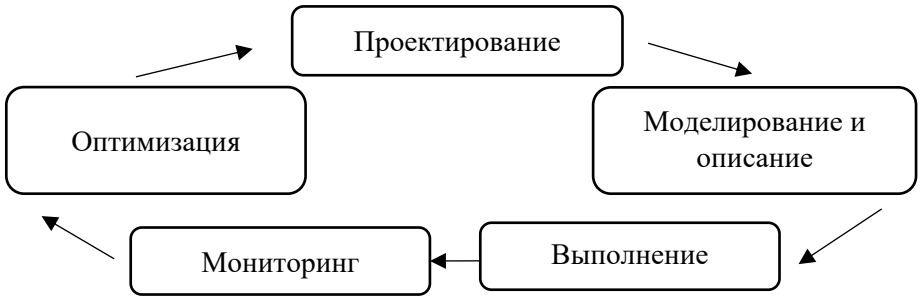

Рис. 1. **Основные стадии непрерывного цикла управления бизнес-процессами**
Источник: Цикл процесса управления бизнес-процессами // DeepVision. URL: https://deep-vision.one/knowledge/cikl-upravleniya-biznes-processami/

Каждый процесс в организации должен пройти через данный цикл. В таком случае можно будет сказать, что процесс управляем и находится на стадии «Совершенствование».

Следует отметить, что любые бизнес-процессы в оптовой торговле представляют собой определенную совокупность более мелких бизнес-процессов, представленных на *рис. 2*.

Бизнес-процесс анализа конъюнктуры включает мониторинг цен поставщиков, ассортимента, тенденций спроса и предложения, а также территориальной структуры рынка.

Бизнес-процесс закупки товаров и снабжения предполагают заключение договоров, оформление заказов, обработку закупки от заказа до оплаты и снабжение подразделений. При этом менеджер сначала анализирует прогнозный уровень продаж по категориям и спрос на товары, только затем проводит закупки.

Бизнес-процесс размещения товаров и комплектации включает в себя в себя процессы сборки и разборки товарных комплектов.

Бизнес-процесс ценообразования включает определение надбавок, установление цен с учетом налогообложения и разработку скидочных программ.

Бизнес-процесс реализации – ключевой процесс оптовой торговли. Для успеха необходим контроль качества продукции, мониторинг рынка сбыта, стимулирование продаж, поиск новых покупателей и продвижение компании.

Рис. 2. **Взаимосвязь основных бизнес-процессов организаций оптовой торговли**
Источник: [1].

Послепродажная деятельность состоит из разработки перечня услуг, определения их цены и категорий покупателей, имеющих право на их получение. Управление товарными запасами и ассортиментом включает ABC- и XYZ-анализ, разработку ассортиментных перечней, определение норматива запасов, инвентаризацию и контроль. Логистика обеспечивает взаимодействие производителей, потребителей, посредников, складов и транспорта; грамотное управление ею сокращает издержки и повышает лояльность клиентов. Бизнес-процесс бюджетирования охватывает прогноз экономических показателей, разработку и контроль исполнения бюджета, а также оценку эффективности управленческих решений.

Состав и содержание бизнес-процессов в оптовых торговых организациях не являются статичными: они непрерывно трансформируются под влиянием рыночной конъюнктуры, состояния финансово-кредитной системы страны, обеспеченности собственными оборотными средствами и ряда иных факторов.

Потребность в информационном сопровождении бизнес-процессов предприятия обусловлена тремя ключевыми факторами. Во-первых, неопределенностью долгосрочных хозяйственных планов, которая возникает из-за неравномерного развития ведущих отраслей национальной экономики. Во-вторых, необходимостью непрерывной координации производственных заданий и технологических регламентов выпуска продукции. В-третьих, стремлением снизить негативные экономические последствия, порождаемые реакцией товарного рынка на новую продукцию.

Планирование информационной системы для обеспечения бизнес-планов представляет собой процесс принятия ключевых решений в сфере информационного сопровождения хозяйствующих субъектов. Эти решения касаются действующих нормативных положений, технических мероприятий, наличия и движения ценных ресурсов, а также объемов бюджета и финансирования [4].

Ключевая задача информационной поддержки бизнес-процессов заключается в разработке и внедрении алгоритма действий для персонала предприятия, который обеспечивает достижение максимально возможного положительного результата и планового объема прибыли в текущем периоде. Достижение оптимума становится возможным при условии согласования функций, связанных с реализацией производственной, инновационной и инвестиционной деятельности организации.

Высокая скорость обработки информации на предприятии достигается за счет внедрения современной коммуникационной системы, включающей специализированное оборудование, информационные технологии и программные продукты. Стратегический план при этом должен разрабатываться на основе долгосрочных прогнозов, учитывающих маркетинговые, финансовые, производственные и технические аспекты деятельности. Ключевой задачей стратегического плана выступает согласование и координация показателей, зафиксированных в других плановых документах – финансовом, маркетинговом, а также в планах новых разработок, производства и продаж.

Таким образом, бизнес-процессы в оптовой торговле представляют собой сложную, взаимосвязанную систему операций (закупка, хранение, сбыт, логистика, ценообразование, бюджетирование), эффективность которой зависит от отраслевой специфики и качества информационной поддержки. Обобщение подходов к определению бизнес-процессов позволило выделить их ключевые характеристики: результативность, повторяемость, непрерывность и логическую взаимосвязанность. Установлено, что бизнес-процессы заготовления и сбыта неразрывно связаны с потребительским спросом: спрос определяет объемы и ассортимент закупок, а обратная связь от сбыта служит основой для корректировки заготовительной деятельности и управления запасами. Информационная поддержка позволяет своевременно выявлять отклонения, минимизировать риски, оптимизировать затраты и принимать обоснованные управленческие решения, что повышает устойчивость и конкурентоспособность оптовой организации.

Библиографический список

1. Алябьева М.В. (2009). Содержание бизнес-процессов в оптовой торговле и использование технологий бизнес-инжиниринга при управлении ими // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации: электрон. науч. журн. Т. 34. № 2. С. 36–40.
2. Варзунов А.В., Торосян Е.К., Сажнева Л.П. (2016). Анализ и управление бизнес-процессами: учебное пособие. Санкт-Петербург: Университет ИТМО. 112 с.
3. Куклев С.Е. (2011). О многообразии взглядов на категорию «Бизнес-процесс» // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. № 8.
4. Михеева Е.В. (2011). Информационная поддержка бизнес-процессов субъектов хозяйствования // Вестник Российского нового университета: электрон. науч. журн. С. 65–71.

Информация об авторах

Наталья Ивановна Попова – кандидат экономических наук, доцент, Донецкий государственный университет (Российская Федерация, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24; e-mail: popova.pni@mail.ru)

Виктория Александровна Стеценко – студент, Донецкий государственный университет (Российская Федерация, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24; e-mail: viksa2710@yandex.com)

Popova N.I., Stetsenko V.A.

BUSINESS PROCESSES IN WHOLESALE TRADE, THEIR PECULIARITIES, AND INFORMATION SUPPORT PROBLEMS IN THE CONTEXT OF CONSUMER DEMAND AND MANAGEMENT DECISIONS

Abstract. *The article explores the economic content of business processes as an object of management. It examines alternative approaches to defining the concept and summarizes its essential characteristics. The article analyzes the features of business processes and the need for their information support.*

Keywords: *business processes, information support, wholesale trade, management decisions, process efficiency, consumer.*

About the authors

Natalia I. Popova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Donetsk State University (24, Universitetskaya Street, Donetsk, 283001, Russian Federation; e-mail: popova.pni@mail.ru)

Victoria A. Stetsenko – Student, Donetsk State University (24, Universitetskaya Street, Donetsk, 283001, Russian Federation; e-mail: viksa2710@yandex.com)

References

1. Alyabyeva M.V. (2009). The content of business processes in wholesale trade and the use of business engineering technologies in their management. *Bulletin of the Belgorod University of Consumer Cooperation: electronic scientific journal*, 34(2), 36–40.
2. Varzunov A.V., Torosyan E.K., Sazhneva L.P. (2016). Analysis and Management of Business Processes: Textbook. St. Petersburg: ITMO University.
3. Kuklev S.E. (2011). On the Diversity of Views on the Category "Business Process". *Modern Trends in Economics and Management: A New Perspective*, 8.
4. Mikheeva E.V. (2011). Information Support for Business Processes of Economic Entities. *Bulletin of the Russian New University: electronic. scientific journal*, 65–71.

УДК 332.1 / ББК 65.04 (2Рос-4Ирк)

Седых А.С., Бурденко Е.В.

АНАЛИЗ ОТРАСЛЕВЫХ СДВИГОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СТРУКТУРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются структурные изменения в экономике Иркутской области в условиях реализации политики импортозамещения и технологического суверенитета. Показано, что регион проходит этап «новой индустриализации», однако его сценарий не является универсальным для всех сибирских территорий.*

Ключевые слова: *структурно-технологическая трансформация, отраслевые сдвиги, Иркутская область, обрабатывающая промышленность, инвестиции.*

Структурная перестройка региональных экономик под воздействием санкционных шоков и политики импортозамещения являются экономической повесткой на сегодняшний день. При этом исследования, посвященные количественной оценке отраслевых сдвигов на уровне конкретных субъектов Федерации, остаются единичными. Восполнение этого пробела на примере Иркутской области региона с ярко выраженной ресурсной специализацией и одновременно с наиболее масштабным в Сибири портфелем новых промышленных проектов составляет научную востребованность настоящей работы.

Цель данной статьи количественно охарактеризовать отраслевые сдвиги в экономике Иркутской области в условиях структурно-технологической трансформации и оценить, формирует ли регион особую траекторию реиндустриализации на фоне других субъектов Сибирского федерального округа.

Валовой региональный продукт Иркутской области в 2024 году достиг отметку в 3 трлн рублей; прибавка относительно предшествующего года исчислялась 5,5%, тогда как в среднем по Сибирскому федеральному округу подъем ограничился 2,9%, а общероссийский ориентир составил 4,5%. Если посмотреть на то, из чего складывается этот объем, обнаруживается, что извлечение полезных ископаемых по-прежнему удерживает лидерство с удельным весом 29,4%. Обрабатывающий сектор довольствуется лишь 9,4%; возведение зданий и сооружений приносит каждый десятый рубль, транспортировка и складирование – 8,1%, торговая деятельность – 7,8%[1].

Сводный индекс промышленного производства достиг 109,5%, а его составляющая по обработке – 104,9%. Физический выпуск перерабатывающих предприятий набрал 4,9% относительно 2023 года, денежный же оборот этих организаций перевалил за 891 млрд рублей, что в сопоставимых ценах превышает предшествующий уровень на 16,3%[2]. Самые внушительные темпы (от 7 до 16%) наблюдались в металлургии драгоценных и цветных металлов, целлюлозно-бумажном деле, фармацевтике, деревообработке и производстве изделий из древесины. Именно перечисленные подотрасли генерируют свыше половины всего выпуска региональной обработки, из чего следует, что «полюса роста» концентрируются там, где исходное сырье подвергается глубокой переработке.

Внутри Сибирского федерального округа область выглядит уверенно, по индексу промышленного производства она закрепилась на второй строчке, заметно опередив как среднеокружной ориентир (101,4%), так и среднероссийский (104,6%). Сводный рейтинг министерства промышленности и торговли, подбитый по итогам того же года, отвел региону 27-ю позицию в стране с итоговым баллом 78 из 100 возможных; годом ранее он находился на 29-м месте. В масштабах СФО это вторая строчка, уступающая только Омской области[3]. Показатель высокопроизводительных рабочих мест (362 в расчете на 1000 занятых и 31-е место по России) не поражает воображения, однако качественная деталь заслуживает быть отмеченной, так как главным поставщиком таких мест служат именно перерабатывающие предприятия, тогда как в большинстве сибирских регионов эту миссию по-прежнему несет добыча.

---

[1] Социально-экономическое положение Иркутской области в 2024 году: доклад // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. Иркутск: Иркутскстат. 2025. URL: https://38.rosstat.gov.ru (дата обращения: 06.05.2026); Отраслевая структура валового регионального продукта Иркутской области // Иркутскстат. URL: https://38.rosstat.gov.ru (дата обращения: 06.05.2026).

[2] Там же.

[3] Рейтинг эффективности реализации промышленной политики в субъектах РФ за 2024 год // Минпромторг России. URL: https://minpromtorg.gov.ru (дата обращения: 06.05.2026).

С первого взгляда может показаться, что никакой перестройки нет, так как в 2024 году извлечение полезных ископаемых подскочило на 13,2%, оставив обработку позади. Однако обращение к более тонкому инструментарию – методу анализа структурных сдвигов, – предпринятое исследователем Д.А. Доценко, рисует принципиально иную картину. На временном отрезке 2022–2023 гг. добывающий сектор Приангарья прошел через чувствительное сжатие, в то время как у ряда перерабатывающих отраслей обнаружился позитивный эффект. Эта разнонаправленность служит статистическим индикатором структурного дрейфа, так как территория исподволь замещает сырьевую специализацию продуктами высоких переделов. Схожий сценарий – падение добычи без эквивалентной замены в обработке, наблюдался в те же годы в Красноярском крае, Томской области и Хакасии, но только у Иркутской области и Красноярского края уже сформирован портфель крупных компенсирующих проектов. Следовательно, иркутский путь – это не универсальная для Сибири закономерность, а, скорее, образец сознательно направляемой реиндустриализации.

Сделанное наблюдение перекликается с выводами интернационального коллектива во главе с К. Сохагом. Ученые показали, что в российских условиях добыча углеводородов вовсе не обрекает регион на монопрофильность: критическую роль играют институциональные механизмы, способные перераспределять ресурсную ренту на развитие переработки и инфраструктурного каркаса.

Макроэкономическая динамика опирается на рекордные инвестиционные вливания. За 2024 год объем вложений в основной капитал превзошел триллионную отметку. Прогнозная траектория нацелена на наращивание ВРП до 3,5 трлн рублей к 2027 году, причем мотором роста объявлено именно расширение доли перерабатывающих отраслей[4]. Существенно, что инвестиционный подъем порожден не экстенсивным форсированием сырьевого экспорта, а вводом совершенно новых мощностей: Усть-Илимского целлюлозно-картонного комбината, Тайшетского алюминиевого производства, полимерного завода в Усть-Куте. Совокупность этих строек меняет хозяйственное лицо региона, превращая его из пункта отгрузки необработанного сырья в изготовителя продукции с высокой добавленной стоимостью.

Качественное обновление индустриального портфеля заметно не только в пропорциях между секторами. В 2025 году трубный завод в Иркутске начал выпуск гибких полимерных армированных труб для нужд нефтегазового комплекса – изделия, аналогов которому в стране прежде не существовало. Параллельно компания «Фармасинтез» развернула изготовление бронхолитиков, имея в перспективе линейку из 30 лекарственных наименований[5]. Оба эпизода знаменуют появление на территории области компетенций, которые прежде концентрировались в европейской части страны. В то же время заработал горно-обогатительный комплекс «Светловский» в Бодайбинском районе, чьи проектные параметры предполагают переработку 4,5 млн тонн рудной массы и выпуск до 4 тонн золота ежегодно – свидетельство того, что модернизация затрагивает и сам добывающий сектор.

Данные за 11 месяцев 2025 года фиксируют снижение сводного индекса промышленного производства до 98%. Просадки отмечены в лесопереработке, машиностроении и фармацевтике. За этими стоят объективные болезни переходного периода. Прежние логистические цепочки разорваны, а вновь созданные производства еще не вышли на запланированную мощность. Согласно выводам группы Сохага, успех диверсификации в ресурсных регионах в решающей степени зависит от состояния транспортной и логистической инфраструктуры – именно она обеспечивает связанность территорий и доступ к рынкам сбыта [2].

---

[4] Иркутская область в 2024 г. прогнозирует рост ВРП на 2,8%, инвестиций в капитал – на 1,8% // Интерфакс. URL: https://www.interfax-russia.ru/siberia/main/irkutskaya-oblast-v-2024g-prognoziruet-rost-vrp-na-2-8-investiciy-v-kapital-na-1-8 (дата обращения: 06.05.2026); В Приангарье ожидают рост ВРП на 2,8% // Эксперт Онлайна. Дальний Восток. URL: https://expertsibdv.com/news/v-priangare-ozhidayut-rost-vrp-na-2-8/ (дата обращения: 06.05.2026).

[5] Иркутская область укрепляет промышленный потенциал через новые производства, технологические площадки и системную поддержку бизнеса // Лента новостей Иркутска. URL: https://irkutsk-news.net/society/2026/01/08/329483.html (дата обращения: 06.05.2026); Участники НОЦ «Байкал» запустили производство 24 видов высокотехнологичной продукции // Официальный интернет-портал правовой информации Иркутской области. URL: https://www.ogirk.ru/2026/04/15/uchastniki-noc-bajkal-zapustili-proizvodstvo-24-vidov-vysokotehnologichnoj-produkcii/ (дата обращения: 06.05.2026).

Главным механизмом, сопрягающим академическую мысль и реальный сектор, стал межрегиональный научно-образовательный центр «Байкал». Количество его индустриальных партнеров с 2022 года поднялось с 16 до 41, а портфель технологических проектов расширился с 8 до 21. Разработаны 26 конкурентоспособных технологий и налажен выпуск 24 видов высокотехнологичной продукции.

Финансовым подспорьем служит региональный Фонд развития промышленности. Лишь за 2025 год он оказал поддержку 17 предприятиям на сумму 361 млн рублей, а кумулятивный итог его работы исчисляется суммой, превышающей 24 млрд рублей, привлеченных в экономику области. Эту экосистему дополняют компенсационные механизмы (возмещение затрат на доставку продукции) и сеть технопарков – «Братский» и «Усолье-Промтех». Принятая в регионе программа научно-технологического развития до 2030 года ставит амбициозный ориентир – увеличить долю наукоемких и высокотехнологичных отраслей в валовом продукте в 1,5 раза. Среди утвержденных приоритетов значатся авиастроение и транспортная инфраструктура, биомедицинские технологии, комплексная переработка углеродосодержащего сырья, а также формирование Федерального центра химии на площадке Усолья-Сибирского.

Показательно, что выстроенный в Приангарье институциональный дизайн буквально воспроизводит рецепт, сформулированный в цитированной выше международной работе, так как региональные администрации должны использовать доходы от недр для финансирования инфраструктуры, социальных программ и смежных производств, что притягивает трудовые ресурсы и оживляет внутрирегиональную деловую активность [2].

Перестройка технологического базиса немыслима без современной цифровой среды. Весной 2025 года в Иркутске начал действовать Байкальский центр искусственного интеллекта и цифровых технологий – детище регионального правительства, технического университета и Сбербанка. В числе первых инициатив центра – цифровые двойники химических установок, системы вибрационного мониторинга и природоохранные проекты. Само возникновение подобной структуры свидетельствует об осознании того факта, что конкурентоспособность возводимых заводов станет определяться не одной лишь близостью к месторождениям, но и качеством инжиниринговой проработки и аналитики данных.

Кадровый голод остается, пожалуй, самым острым из вызовов. Иркутский полимерный завод формирует порядка 1900 рабочих мест, фармацевтическая площадка – свыше 100. Однако требуются специалисты с компетенциями, которые прежде в области не культивировались. Сотрудничество с высшей школой и внедрение образовательных программ на уровне общеобразовательных учреждений призваны постепенно купировать разрыв, но отдача от этих мер наступит лишь спустя годы.

Примечательно, что новая индустриализация обходит стороной губернскую столицу, сосредотачиваясь в средних городах: Усть-Илимске, Усть-Куте, Тайшете, Бодайбо. Подобная пространственная конфигурация создает предпосылки для полицентричного развития, которое способно притормозить стягивание населения в Иркутск. Оборотная сторона медали – нарастающие инфраструктурные риски: энергообеспечение и транспортная доступность этих населенных пунктов требуют соразмерных капиталовложений, без которых новые заводы рискуют остаться изолированными анклавами.

Насколько устойчивым окажется разворот будет зависеть от 3 обстоятельств. Во-первых, от мировой конъюнктуры – цен на алюминий, целлюлозу, полимеры. Во-вторых, от сохранения бюджетной и квазибюджетной поддержки: льготные займы Фонда развития промышленности и субсидирование логистики остаются критическими для окупаемости проектов. В-третьих, от способности территории привлечь и закрепить квалифицированные кадры в ситуации демографической ямы. Международное исследование, на которое мы опирались, предупреждает: если не развивать сектора, обеспечивающие внутренний спрос (пищевую индустрию, логистику, строительный комплекс) ресурсные регионы сохраняют уязвимость перед внешними шоками даже при наличии крупных инвестпроектов.

Проделанный анализ дает основания утверждать, что экономика Иркутской области вступила в фазу активной структурно-технологической перестройки. Стержень происходящего – движение от добывающей модели к промышленно-инновационной. Цифры пока фиксируют существенный разрыв между удельным весом добычи (29,4%) и обработки (9,4%), однако положительная динамика последней в сочетании с результатами анализа структурных сдвигов подтверждает необратимость вектора в пользу перерабатывающих отраслей.

Инвестиционная динамика и созданный институциональный каркас формируют для продолжения трансформации необходимые предпосылки. Вместе с тем обозначился ряд узких мест: внутриотраслевая стагнация по отдельным направлениям, нехватка квалифицированных специалистов, высокая зависимость от государственного стимулирования. Снятие этих ограничений потребует дальнейшей синхронизации промышленной, образовательной и пространственной политики.

Библиографический список

1. Доценко Д.А. (2025). Структурные изменения в экономике регионов Сибирского федерального округа: shift-share анализ // Региональная экономика: теория и практика. № 3. С. 45–63.
2. Sohag K., Vasilyeva R., Voytenkov V., Hammoideh S. (2024). Natural resource extraction and economic diversification in Russian regions: Application of dynamic DID. *Energy Economics*, 136, 107759.

Информация об авторах

Анастасия Станиславовна Седых – магистрант, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail; rector@rea.ru)

Елена Викторовна Бурденко – кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (Российская Федерация, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: rector@rea.ru)

Sedykh A.S., Burdenko E.V.

ANALYSIS OF SECTORAL SHIFTS IN THE IRKUTSK REGION UNDER STRUCTURAL AND TECHNOLOGICAL TRANSFORMATION

Abstract. *The article examines structural changes in the economy of the Irkutsk region in the context of import substitution policy and the pursuit of technological sovereignty. It is shown that the region is undergoing a phase of "new industrialization"; however, its scenario is not universal across all Siberian territories.*

Keywords: *structural and technological transformation, sectoral shifts, Irkutsk region, manufacturing industry, investments.*

About the authors

Anastasia S. Sedykh – Master Degree Student, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: rector@rea.ru)

Elena V. Burdenko – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics (36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow, Russian Federation; e-mail; rector@rea.ru)

References

1. Dotsenko D.A. (2025). Structural changes in the economy of the regions of the Siberian Federal District: shift-share analysis. *Regional Economics: Theory and Practice*, 3, 45–63.
2. Sohag K., Vasilyeva R., Voytenkov V., Hammoideh S. (2024). Natural resource extraction and economic diversification in Russian regions: Application of dynamic DID. *Energy Economics*, 136, 107759.

УДК 330.42; 330.356; 004.11.6; 519.237.5 / ББК 65.9(2Рос)-94

Степанов В.С.

ПРИЛОЖЕНИЕ МОДЕЛИ ПАНЕЛЬНОЙ РЕГРЕССИИ К ОЦЕНКЕ ИНДЕКСА БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ: ПЯТЬ РЕГИОНОВ ИЗ ЦЕНТРА РОССИИ

Аннотация. *С использованием индикаторов уровня благосостояния населения (УБН) и развития транспортной инфраструктуры, созданных ранее, была построена модель многофакторной регрессии. Она применяется к статистике ряда областей ЦФО, ПФО, ЮФО; также приводится серия графиков. Зависимая переменная в модели − индикатор УБН.*

Ключевые слова: *модель регрессии переменной структуры, уровень благосостояния, транспортная инфраструктура, интегральный индикатор, инновационная активность*.

Проблема оценивания качества жизни населения и его составных частей: УБН и др. является актуальной в последние годы. Целью работы является краткое описание модели регрессии, построенной по областям ЦФО, взятым за 6 лет, а также результатов ее работы (применительно к статистике пяти регионов, близких по индексам качества жизни и проч.)

Ранее была предложена методология построения интегральных индикаторов (ИИ) качества жизни, в частности − индекса благосостояния населения, т. е. ИИ УБН [1]. Она применялась в исследованиях [4; 5], а также при построении агрегата по транспортной инфраструктуре, т. е. ИИ ТИ [6]. Эта методология подробно излагается в [4, с. 453]. Она опирается на небольшую модификацию метода главных компонент, который применяется к унифицированным данным, после операции их линейного масштабирования к шкале (0, 10).

Этот метод используется здесь в блочном варианте. В итоге все переменные X_i, которые образовали j-ю группу по нашей технологии обработки данных, сворачиваются в ИИ «блочного типа»[1]: Y_j. Этот индекс чаще всего является 1-й главной компонентой этих переменных, либо − ее приближением, где $j = 1,\ldots, m$; ниже число блоков $m = 4$ [1; 4, с. 453]. На следующем шаге вычислений ИИ, блочные индексы $Y_1,\ldots,Y_4$ берутся с числовыми “весами” ω_j. Последние используются для вычисления расстояния ρ между $(Y_1,\ldots,Y_4)^T$ и $(10,...,10)^T$: точками пространства 4-D. К примеру, случай $m = 3$ иллюстрируется в [7]. Далее по величине ρ находится Y из (0, 10), т. е. ИИ УБН. Значением $Y = 10$ обладает регион-эталон; для него все переменные X_i, приведенные в [5, табл. 1], имели бы наилучшие значения. Величина веса ω_j задана пропорциональной дисперсии Y_j и числу переменных p_j, образовавших группу j (блока) [1, с. 103]. Значения ω_j приводились в этой таблице.

Позднее состав переменных X_i был немного изменен и расширен. В частности, вместо «доли ветхого и аварийного жилья в регионе» было оставлено лишь второе слагаемое. Также web-индекс (т. е. другая переменная) брался как взвешенная сумма долей web-доступа среди всех домохозяйств региона и его широкополосного варианта. Дополнительно введена еще одна переменная X_{16} = доля расходов домохозяйств на жилищные и коммунальные услуги в потребительских расходах. В результате число переменных p_3 стало равным 5. Новые значения весов ω_j теперь такие: при $j = 1$ вес равен 0,372 («блок с ВРП»); 2 = 0,2192 («блок с жильем»); 3 – 0,282 («блок с бедными»); 4 – 0,1264 («Джини»). Методологически аналогичный расчет выполнялся по 10 показателям ТИ, наблюдаемым в регионах [6]. В итоге строится ИИ ТИ за тот или иной год t. Эта новая переменная играет роль одного из факторов модели.

[1] Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 03.05.2026).

В книге [1] предлагалось на основе методов эконометрики найти статистическую связь между ИИ УБН и переменными, зависящими от политики, проводимой в стране и/или регионе. Такой подход, как и описываемая ниже модель, могут быть интересны органам управления в регионах, если это оказалось полезным при разработке стратегии их развития.

Эта математическая модель имеет вид панельной регрессии с фиксированными эффектами, после введения многих фиктивных переменных. Она строилась по 104 наблюдениям над 17 областями ЦФО (и примыкающей к ним Псковской области) за 2014–2019 гг. Помимо ИИ ТИ, другими факторами были: доля лиц с высшим образованием, занятых в экономике региона; доля его организаций, где использовался soft типа CES-систем [5], и, аналогично, АСУ ТП[2]; уровень безработицы и ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Каждая из них входит в модель со своим лагом: от 1 до 5 лет. Лишь фактор, связанный с «лесным, сельским хозяйством и рыбной отраслью», входит синхронно с Y (это переменная X_6 из [5]). Остатки этой модели проверялись на гомоскедастичность и ряд других свойств, которые оправдывают выбор МНК – оценок коэффициентов регрессии. К примеру, получились графики, близкие аналогичным из (*рис. 3*) [5]. Средняя процентная ошибка модели MAPE ≈ 4,3(±3,9)%, а уточненный коэффициент R^2_{adj} немного выше 95%.

Ее приложение к пяти регионам ЦФО, ПФО и ЮФО за 12 лет иллюстрируется ниже (*рис. 1*). Все они взяты из «чертовой дюжины», которая расположена в самой левой части дендрограммы из [2, с. 2085]. Кроме того, у них близкие места (ранги) по значениям душевого ВРП в 2019 году (*табл. 1*), причем два региона: первый и второй имели весьма похожие отраслевые структуры ВРП, а другие (второй и третий) были ранее отнесены к одинаковому «типу 6»[3].

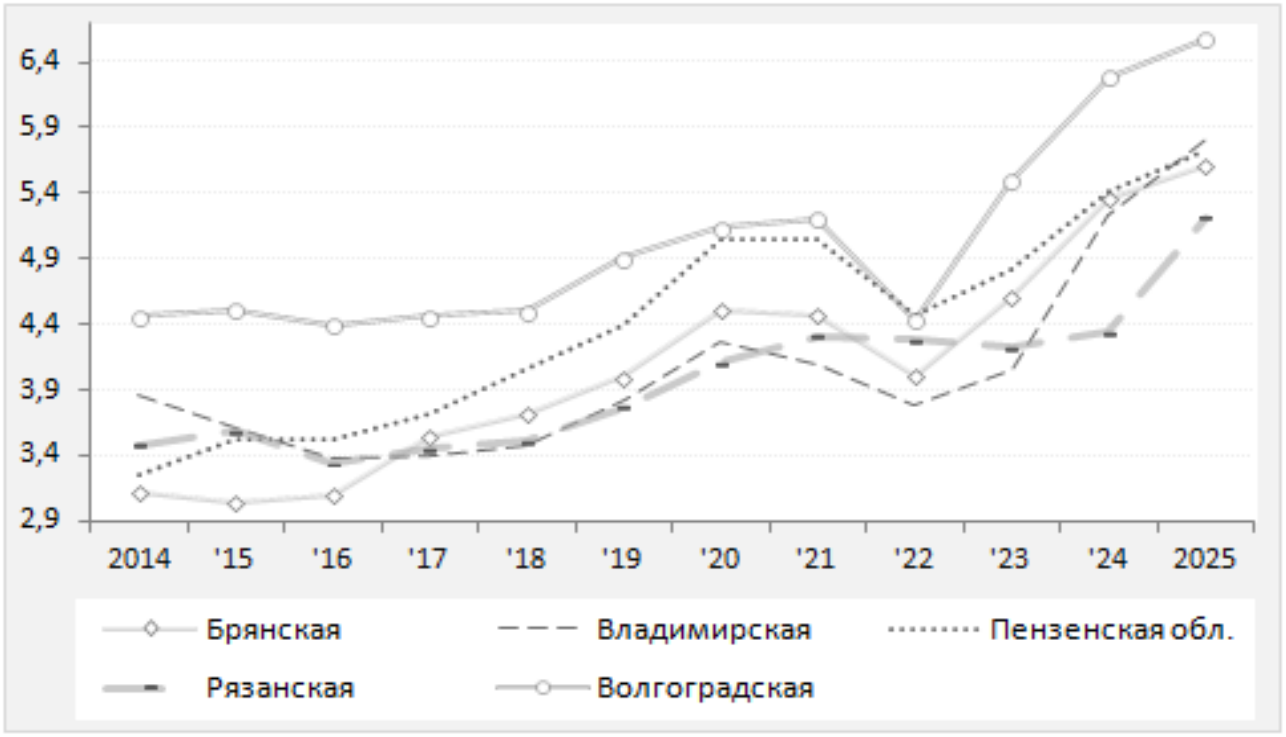

Рис. 1. **Динамика *Y* для 5 областей: ЦФО, ПФО, ЮФО**

Источник: расчеты автора.

[2] Индикаторы цифровой экономики, 2022: стат. сборник. Москва: НИУ ВШЭ, Росстат, 2021. 332 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2697-2

[3] Кочемасова Е.Ю. (2005) Обоснование роли ретроспективного анализа в программировании социально-экономического развития регионов России: автореф. дисс. … к. э. н. (сп.08.00.05). Москва: СОПС при МЭРТ РФ.

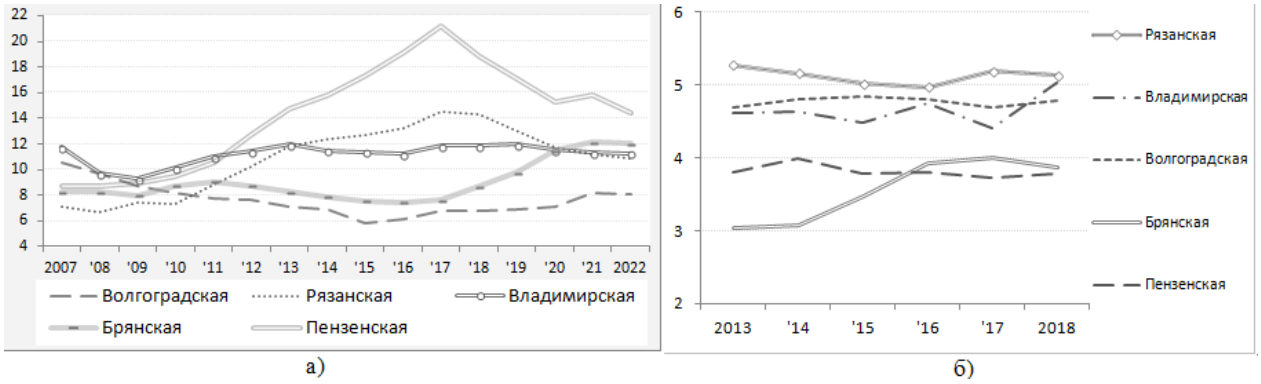
Таблица 1. **Отраслевая структура ВРП за 2019 год**

Регион| D_j	Ранг ВРП	Тип ИП	Кодировка вида экономической деятельности												
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Пензенская 30,4	60	II	15,1	0,2	17	2,0	6,5	14,5	6,6	2,4	12,2	3,1	7,4	3,7	5,9
Брянская 34,2	62	IV	18,8	0,0	15,3	2,5	3,6	15,7	7,7	2,0	11,9	1,3	8,3	3,5	4,6
Владимирская| 46,1	50	II	3,4	0,4	32,3	2,6	4,4	13,1	5,5	1,8	12,8	2,9	7,3	3,0	6,7
Рязанская 27,7	49	IV	8,2	0,2	26,7	3,3	4,6	14,6	5,6	2,8	12,8	1,7	7,7	4,3	4,8
Волгоградская 21,9	**53**	II	11,5	5,2	24,5	2,2	5,1	12,0	5,2	2,3	9,5	2,4	9,0	3,5	4,5

Примечания: а.) 1 – сектор «сельское и лесное хозяйство, рыбное хозяйство»; 2 –добывающая промышленность (ДПИ); 3 – обрабатывающая промышленность (ОП); 4 – энергетика; 5 – строительство; 6 – сектор торговли и др.; 7 – транспортировка, хранение; 8 – сектор «ИКТ и связь»; 9 – недвижимость и аренда; 10 – научно-техническая и проф.деятельность; 11 – услуги, безопасность; 12 – образование; 13 – здравоохранение, социальные услуги (данные – за 2019 г.; также структура ВРП за 2019 год в колонках 1–13). *б.*) D_j – плотность населения *j*-й области; тип инновационного потенциала (ИП) (*табл. 2*) [3].
Источник: данные Росстата.

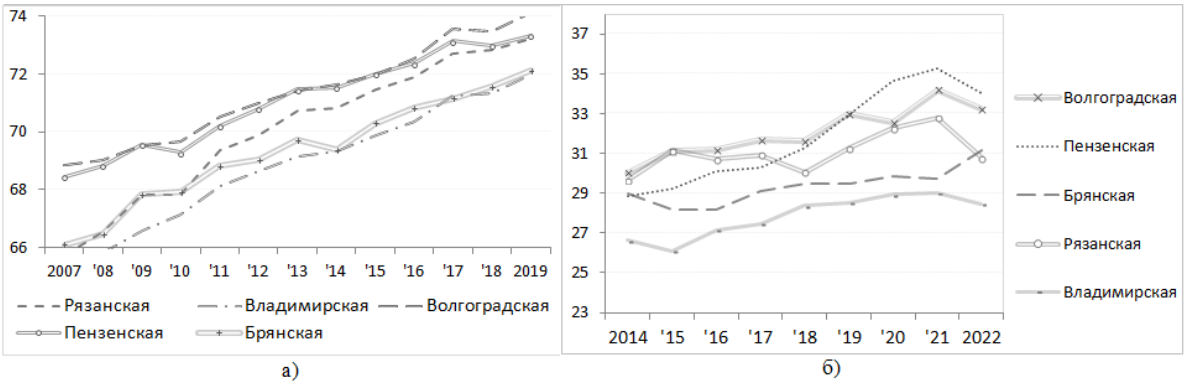
Из этих графиков видно, что первые четыре области ведут себя похожим образом в плане динамики ИИ УБН. Чуть лучше всех оказался регион № 5, что связано с немалым размером его отрасли ДПИ, хорошим развитием секторов отрасли ОП: нефтепереработка, металлургия и рядом других преимуществ. Регион № 1, несмотря на сравнительно невысокий душевой ВРП, часто повышает свой индекс УБН: из-за лучших инноваций и др.

Ниже на серии графиков показана динамика шести факторных переменных (*рис. 2–4*).

а) б)

Рис. 2. **Графики для 5 областей: *а*) % ИАО за 15 лет; *б*) Динамика ИИ ТИ за 6 лет**
Рассчитано по: данные Росстата.

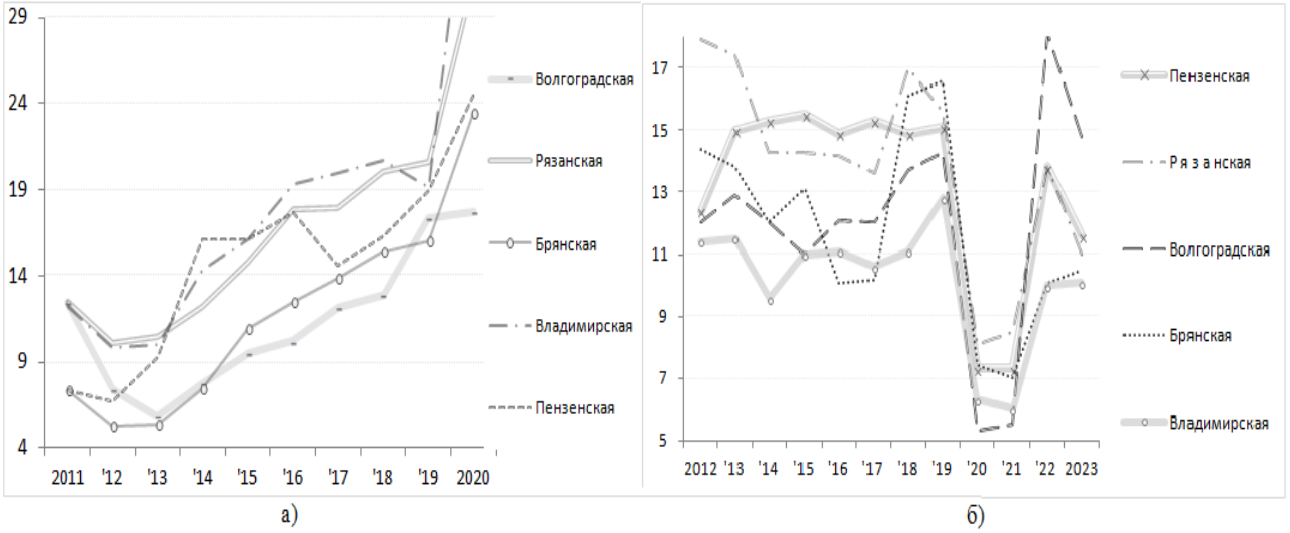

а) б)

Рис. 3. **Графики 5 областей: *а*) ОПЖ за 13 лет; *б*) % занятых с высшим образованием**
Рассчитано по: данные Росстата.

Изучая графики для трех регионов и таблицу, можно высказать ряд предположений, что ранее могло влиять на ИИ УБН этих регионов. Из них, к примеру, видно, что Пензенская область, имеющая в ВРП сравнительно малые доли в секторах энергетики и ДПИ, обеспечила рост ИИ УБН за счет высоких долей сектора 1, а также строительства, торговли и развитой научно-технической деятельности. Это проявляется в высокой инновационной активности ее организаций (*рис. 2-а*), индексах ее человеческого капитала (*рис. 3*), в частом использовании специального технологичного софта в организациях (*рис. 4*). Также здесь весьма позитивно влияет эволюция по *t* ее индекса Джини − меры социального расслоения по денежным доходам. Еще во все годы в области была сравнительно мала безработица, а также наблюдался высокий душевой уровень ежегодных инвестиций в основной капитал.

С другой стороны, Рязанская область, хотя и обладает более низкими значениями своих показателей ИП и НТД, достигает преимуществ за счет: высокого значения душевого ВРП (из-за развитости сектора ОП, причем в нем − высокая доля нефтепереработки); хорошего развитии секторов энергетики, ИКТ, торговли, а также индекса ТИ. Еще здесь наблюдаются заметные позитивные изменения ее человеческого капитала (*рис. 3-а*), а в организациях здесь сравнительно часто используется специальный софт (*рис. 4*).

а) б)

Рис. 4. **Частота использования специального софта в организациях**

Рассчитано по: данные Росстата.

Наконец, южная Волгоградская область, имея сравнительно высокие душевой ВРП, индекс ТИ и тип ИП [3], имеет среди пяти регионов немалую долю сектора ДПИ, а также высокие доли нефтепереработки вместе с металлургией (в отрасли ОП). Кроме того, здесь хорошо развит человеческий капитал. Однако в ее организациях слабовато используется специальный софт по сравнению с четырьмя регионами. Также здесь слабо развита энергетика, ее организации малоактивны в инновационном плане, а сектор торговли − на среднем уровне. На нее несколько негативно влияет и то, что в плане освоенности территории регион развит несколько хуже (ее мера − D_j). Но, за счет всех своих преимуществ, область по индексу УБН ежегодно лежит выше прочих четырех регионов.

Резюмируя, выявлена значимая связь между ИИ УБН и переменными, так или иначе зависящими от проводимой политики, что полезно для органов управления из ряда регионов. Также работа модели наглядно проиллюстрирована на данных из таблицы 1 и серии графиков.

Библиографический список

1. Айвазян С.А. (2012). Анализ качества и образа жизни населения (эконометрический подход). М.: Наука. 432 с.
2. Меркулова Е.Ю., Спиридонов С.П., Меньщикова В.И. (2018). Индикаторы оценки качества жизни населения регионов России // Экономический анализ: теория и практика. Т. 17. № 11. С. 2066–2090. DOI: 10.24891/ea.17.11.2066
3. Нуреев Р.М., Симаковский С.А. (2017). Сравнительный анализ инновационной активности российских регионов // Terra Economicus. № 15 (1). С. 130–147. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-1-130-147
4. Степанов В.С., Бобков В.Н., Шамаева Е.Ф., Одинцова Е.В. (2022). Построение модели, связывающей индикатор уровня жизни населения с комплексом показателей социально-экономической политики в регионах России // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18. № 4. С. 450–465. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.4.3
5. Степанов В.С. (2025). О связи индекса благосостояния в регионах Центральной России с комплексом показателей развития инфраструктуры, цифровизации и демографии // Математическое и компьютерное моделирование в экономике, страховании и управлении рисками: сборник трудов XIV научно-практической конференции. Саратов: Саратовский госуниверситет. С. 65–71.
6. Степанов В.С. (2022). Индикатор развития дорожно-транспортной инфраструктуры в регионах и его применение для оценки уровня благосостояния // Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность: сборник докладов II Всероссийской конференции памяти академика А.Г. Гранберга. Новосибирск: ИЭОПП РАН. С. 432–445. DOI: 10.53954/9785604607893_432
7. Степанов В.С. (2019). Индикатор уровня благосостояния населения Крыма и близких ему регионов: связь с факторными переменными // Вестник ЦЭМИ. Вып. 2. DOI: 10.33276/S265838870004976-6

Информация об авторе

Владимир Сергеевич Степанов – кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т., д. 47; e-mail: _stepanov@cemi.rssi.ru)

Stepanov V.S.

APPLICATION OF THE PANEL REGRESSION MODEL TO ASSESS THE WELFARE INDEX OF THE POPULATION: FIVE REGIONS FROM THE CENTER OF RUSSIA

Abstract. *Using the indicators of the population's welfare level (PLL) and the development of transport infrastructure, a panel regression model was constructed. This model is applied to statistical data by the Central Federal District (FD), the Volga One, and the Southern One, and a series of graphs is provided. The model's dependent variable is the PLL indicator*.

Keywords: *regression model of variable structure, level of welfare, transport infrastructure, integral indicator, innovative activity*.

About the author

Vladimir S. Stepanov – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Leading Researcher, Central Economics and Math. Institute RAS (47, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: _stepanov@cemi.rssi.ru)

References

1. Aivazian S.A. (2016). Quality of Life and Living Standard Analysis. Berlin: De Gruyter. DOI: 10.1515/9783110316254
2. Merkulova E.Yu., Spiridonov S.P., Men'shchikova V.I. (2018). Indicators for Evaluating the Living Standards in Russian Regions. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 17(11), 2066–2090. DOI: 10.24891/ea.17.11.2066
3. Nureev R.M., Simakovsky S.A. (2017). Comparative Analysis of Innovation Activity of Russian regions. *Terra Economicus*, 15(1), 130–147. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-1-130-147
4. Stepanov V.S., Bobkov V.N., Shamaeva E.F., Odintsova E.V. (2022). Building a Model Linking the Indicator of the Standard of Living of the Population with a Set of Indicators of Socio-Economic Policy in the Regions of Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 18(4), 450–465. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.4.3
5. Stepanov V.S. (2025). On the relation between the well-being index in Central Russia Regions and the complex of indicators of infrastructure, digitalization, and demography: in Math.- and-Comp. Modeling in Economy, Insurance and Risks Control: Proc. of XIV scientific and practical conference, Saratov: Saratov State University, 65–71.
6. Stepanov V.S. (2022). Indicator of the development of the road transport infrastructure in Russia's regions and its application to estimate welfare of the population: in Spatial Analysis of Socio-economic systems: History and Modernity: Proc. of II Conference in Acad. A.G. Granberg Honor. Novosibirsk: IEOPP of the RAS, 432–445. DOI: 10.53954/9785604607893_432
7. Stepanov V.S. (2019). Integral Indicator of the Living Conditions at the Crimea Republic and Some Other Territories: Dependence from Factorial Variables. *Vestnik CEMI*, 2. DOI: 10.33276/S265838870004976-6

УДК 338.633.853.494 / ББК 4.41.42

Сухочева Н.А., Грудкина Т.И.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА МАСЛИЧНЫХ КУЛЬТУР ДЛЯ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *Определена роль производства масличных культур в аграрной экономике Орловской области. В работе представлены производственные показатели возделывания масличных в разрезе культур. Проведен анализ динамики объема производства и реализации масличных культур в регионе. Установлен базисный и цепной темп производства и реализации масличных культур.*

Ключевые слова: *аграрная экономика, масличные культуры, выручка от реализации, объем реализации, объем производства.*

Развитие масличной отрасли в Орловской области имеет стратегическое значение для подъема всех отраслей сельского хозяйства. Растениеводческая отрасль составляет основу сельского хозяйства и всего комплекса АПК. Значение его производства определяется особой ролью в формировании продовольственных ресурсов страны, так как именно товарное зерно масличных культур является сырьем для перерабатывающей промышленности и сбалансированным кормом для отрасли животноводства, где на их основе производятся концентрированные и комбинированные корма. При этом целенаправленное возделывание каждой масличной культуры с получением товарного зерна, требуемых технологических свойств позволяет увеличить выход конечной продукции из единицы сырья, улучшить ее качество, а в итоге – повысить эффективность всей отрасли растениеводства.

Аграрная отрасль региона является лидирующей и динамично развивается по протяжении анализируемого периода, характеризуется устойчивым ростом уровня эффективности аграрного труда [2, с. 43]. Производству масличных культур в регионе отводится особое значение. От того, насколько рационально оно ведется, в значительной мере зависит эффективность функционирования всего агропромышленного комплекса.

Следовательно, для более глубокой оценки отрасли, рассмотрим значение производства масличных культур в аграрной экономике региона (*табл. 1*).

Таблица 1. **Роль производства масличных культур в аграрной экономике Орловской области в 2024 году**

Показатель	Всего по сельскохозяйственным организациям	Растениеводство	Масличная отрасль	Удельный вес масличных культур в данных по: (%)	
				Сельскому хозяйству	Растениеводству
Выручка от реализации, млн руб.	111653,6	78804,9	25121,9	22,5	31,9
Производственные затраты, млн руб.	88672,3	61478,1	17200,9	19,4	28,0
Затраты труда, тыс./час, чел.	31432,8	13319,3	3813,6	12,1	28,6
Прибыль, млн руб.	23622,5	23253,2	9696,0	41,0	41,7
Составлено по: средние данные сводной годовой бухгалтерской отчетности сельскохозяйственных организаций Орловской области.					

Таким образом, анализ значения масличного производства в экономике сельскохозяйственных организаций региона показал, что в данном году реализация масличных культур приносит прибыль, так как темп увеличения себестоимости ниже темпа роста выручки. При затратах, не превышающих выручку, сельскохозяйственные организации получают прибыль. На производство масличных культур приходится 22,5% общей выручки по сельскохозяйственным организациям и 31,9% от выручки отрасли растениеводства, а это значит, что масличная отрасль в регионе занимает экономически приоритетное значение. Следует отметить, что себестоимость продукции формируется под воздействием многих факторов, в частности, роста или снижения потребления сырья и цен на него, стоимости технико-технологического оборудования, нефтепродуктов, уровня общей инфляции и т. д. [3, с. 2377].

В связи с тем, что производство масличных культур является одной из ведущих в растениеводстве региона, дальнейший наш анализ будет направлен на более полное изучение данной отрасли. Поскольку посевные площади являются базой для формирования валового сбора и урожайности сельскохозяйственных культур, определим динамику данных показателей за период 2020–2025 гг. в Орловской области (*табл. 2*).

Таблица 2. **Динамика производственных показателей масличных культур в Орловской области**

Масличная культура	Год						Темп роста, %
	2020	2021	2022	2023	2024	2025	
Объем производства, тыс. тонн							
Подсолнечник	188,2	215,7	190	186,7	177,7	113,2	60,1
Соя	188,7	217,3	244,8	332,6	413,6	459,0	в 2,4 раз
Рапс яровой и озимый	100,7	150,1	192,2	292,1	325,9	330,7	в 3,3 раз
Всего	483,1	597,9	642,6	827,3	940,3	942,3	195,1
Площадь посевов, тыс. га							
Подсолнечник	69,0	86,4	94,4	80,5	64,4	68,0	98,6
Соя	103,3	123,7	151,1	152,6	199,2	252,1	в 2,4 раз
Рапс яровой и озимый	39,5	61,4	78,4	101,8	133,6	129,2	в 3,3 раз
Всего	216,7	283,3	346,2	350,4	420,6	478,4	в 2,2 раз
Доля в общей посевной площади по региону, %	16,5	21,3	25,8	26,3	31,5	36,0	в 2,2 раз
Урожайность, ц/га							
Подсолнечник	27,6	25,0	21,4	26,6	26,8	23,4	84,8
Соя	18,6	17,6	16,9	22,0	20,8	22,0	118,3
Рапс яровой и озимый	25,6	24,5	24,5	28,7	24,6	25,7	100,4
Всего	22,6	21,1	19,7	24,4	22,3	22,7	100,4

Источник: Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Орловской области. URL: https://57.rosstat.gov.ru/sh_ohota_lh (дата обращения: 25.04.2026 г.).

На протяжении 2020–2025 гг. валовой сбор масличных культур в Орловской области имел тенденцию увеличения на 95% и составил 942,3 тыс. тонн с площади 478,4 тыс. га, при средней урожайности 22,7 ц/га. Следует отметить, что в регионе в 2025 году незначительно сократились посевные площади под подсолнечником. Кроме этого, наблюдается значительное снижение урожайности подсолнечника в 2025 году на 15% по сравнению с 2020 годом. Данное изменение произошло по причине неблагоприятных условий (затяжные дожди), в результате которых посевы подсолнечника были сильно повреждены и частично не убраны, что значительно сказалось на урожайности данной культуры. Производство масличной отрасли направлено на повышение качества и улучшение структуры потребления пищевых продуктов населением, создание условий продовольственной независимости страны [1, с. 91].

Отметим, что на протяжении ряда лет в регионе масличные культуры не реализуются в год получения урожая, в полном объеме. Субъекты, занимающиеся возделыванием масличных, имеющие прочную материально-техническую базу и складские помещения, оставляют товарное зерно на хранение и реализуют в тот момент, когда цена реализации выше, чем в сезон уборочной страды.

Объем производства – важный с экономической точки зрения показатель развития сельского хозяйства. В этой связи остановимся на анализе динамики объема производства и реализации масличных культур в целом по годам в Орловской области, поскольку данному анализу уделяется особое внимание, так как главной целью любой организации является не просто производство товаров, но и их реализация (*табл. 3*).

Таблица 3. **Анализ динамики объема производства и реализации масличных культур в Орловской области**

Год	Объем реализации, тыс. тонн	Темп роста, %		Объем производства, тыс. тонн	Темп роста, %	
		Базисный	Цепной		Базисный	Цепной
2023	718,8	100	100	827,3	100	100
2024	646,0	89,9	89,9	940,3	113,7	113,7
2025	599,0	83,3	92,7	942,3	113,9	100,2
Составлено по: данные Орелстата.						

Таким образом, на основе расчетных базисных темпов роста выявлено увеличение объемов производства масличных культур, что свидетельствует о положительной тенденции развития масличной отрасли в Орловской области.

На *рис. 1* отразим, как менялся объем производства и реализации продукции за последние 6 лет.

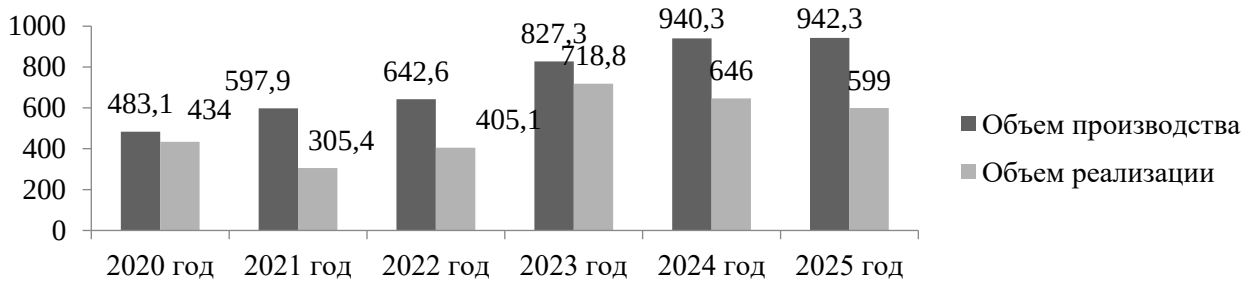

Рис. 1. **Динамика объема производства и реализации масличных культур в Орловской области, тыс. тонн**

Источник: Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Орловской области. URL: https://57.rosstat.gov.ru/sh_ohota_lh (дата обращения: 15.04.2026 г.).

Из данного рисунка видно, что объем производства и реализации масличных культур в 2025 году увеличивается по сравнению с 2020 годом на 95 и 38%, соответственно. Следует отметить, что средние темы роста и прироста производства и реализации отличаются, но незначительно. Главным активизирующим фактором, заставляющим работников более эффективно трудиться, остается уровень оплаты труда [4, с. 894], соответственно получение высоких экономических результатов о функционирования масличной отрасли позволяет работникам обеспечить достойный уровень дохода. Российская экономика в течение последних нескольких лет столкнулась с рядом трудностей, обусловленных введением санкционных ограничений [5, с. 73]. Санкции и отразились на обеспечении масличной отрасли семенным материалом. В связи с этим, для того чтобы масличная отрасль эффективно работала в долгосрочной перспективе, государству необходимо сосредоточить усилия на выведении новых сортов [6, с. 200].

Таким образом, экономическое значение масличных культур для региона и изменения в структуре продовольственного комплекса за счет приоритета в производстве наиболее ценных и энергоемких продуктов и сырья – важнейшие задачи для улучшения продовольственного снабжения населения страны.

Библиографический список

1. Веретенников В.И., Герасименко И.Н., Перькова Е.А. (2021). Угрозы продовольственной безопасности // Приоритетные векторы развития промышленности и сельского хозяйства: материалы IV Международной научно-практической конференции. Макеевка. С. 88–92.
2. Волченкова А.С. (2013). Обоснование перспективных направлений развития аграрного сектора экономики региона // Региональная экономика: теория и практика. № 10. С. 43–48.
3. Грудкина Т.И., Измалков А.А. (2016). Управление затратами на производство сельскохозяйственной продукции: влияющие на себестоимость факторы и направления ее оптимизации // Концепт. № 15. С. 2376–2380.
4. Сухочева Н.А., Ловчикова Е.И., Борискина А.А. (2016). Построение эффективной системы мотивации труда с учетов фактора удовлетворенности персонала // Экономика и предпринимательство. № 11–2 (76). С. 894–899.
5. Чеплинските И.Р., Лукин Е.В., Лисенков Д.М. (2026). Отраслевые резервы повышения производительности труда в региональной экономике (на материалах Вологодской области) // Проблемы развития территории. Т. 30. № 1. С. 72–89.
6. Шабалкина Н.А., Суровцева Е.С. (2022). Современные тенденции производства сои в мире и России // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 12 (94). С. 195–201.

Информация об авторах

Надежда Александровна Сухочева – кандидат экономических наук, доцент, Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина (Российская Федерация, 302019, г. Орел, ул. Генерала Родина, д. 69; e-mail: suhoceva@bk.ru)

Татьяна Ивановна Грудкина – кандидат экономических наук, доцент, Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина (Российская Федерация, 302019, г. Орел, ул. Генерала Родина, д. 69; e-mail: t_grudkina@mail.ru)

Suhocheva N.A., Grudkina T.I.

ECONOMIC SIGNIFICANCE OF OIL CROPS PRODUCTION IN THE OREL REGION

Abstract. *The role of oilseed production in the agricultural economy of the Oryol Region has been determined. The paper presents the production indicators of oilseed cultivation by crop. The analysis of the dynamics of the volume of production and sale of oilseeds in the region has been carried out, and the basic and chain rates of production and sale of oilseeds have been established.*

Keywords: *agricultural economy, oilseeds, sales revenue, sales volume, production volume*.

About the authors

Nadezhda A. Suhocheva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Oryol State Agrarian University (69, General Rodin Street, Orel, 302019, Russian Federation; e-mail: suhoceva@bk.ru)

Tatyana I. Grudkina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Oryol State Agrarian University (69, General Rodin Street, Orel, 302019, Russian Federation; e-mail: t_grudkina@mail.ru)

References

1. Veretennikov V.I., Gerasimenko I.N., Perkova E.A. (2021). Threats to Food Security. In the collection: Priority Vectors of Industrial and Agricultural Development. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Makeyevka. 88-92.
2. Volchenkova A.S. (2013). Justification of perspective directions of development of the agrarian sector of the economy of the region. *Regional economy: theory and practice*, 10, 43–48.
3. Grudkina T.I., Izmalkov A.A. (2016). Management of costs for production of agricultural products: factors influencing the cost and directions of its optimization. *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*, 15, 2376–2380.
4. Suhocheva N.A., Lovchikova E.I., Boriskina A.A. (2016). Building an effective labor motivation system taking into account the factor of staff satisfaction. *Economics and Entrepreneurship*, № 11–2(76), 894–899.
5. Cheplinskite I.R., Lukin E.V., Lisenkov D.M. (2026). Industry reserves for increasing labor productivity in the regional economy (based on the materials of the Vologda region). *Problems of territorial development*, 30(1), 72–89.
6. Shabalkina N.A., Surovtsova E.S. (2022). Current trends in soybean production in the world and Russia. *Economics, Labor, and Management in Agriculture*, 12(94), 195–201.

УДК 338.24:629.1 / ББК 65.371

Терешкина Н.Е.

АВТОМОБИЛЕСТРОИТЕЛЬНАЯ ОТРАСЛЬ: РОЛЬ И СОСТОЯНИЕ В РОССИИ

Аннотация. *В статье обоснована системообразующая роль автомобилестроения в глобальной экономике. Проанализировано состояние российского автомобильного производства, выявлены его системные проблемы: зависимость от иностранных вендоров, низкая локализация, дефицит кадров, недозагрузка мощностей и противоречивые результаты повышения утилизационного сбора.*

Ключевые слова: *автомобилестроение, государственное регулирование, проблемы отрасли.*

Автомобилестроение является одной из ключевых отраслей глобальной экономики, играющей системообразующую роль в формировании положительных макроэкономических показателей, повышении занятости населения и развитии научно-технического прогресса. Значение данной отрасли выходит далеко за пределы непосредственного производства транспортных средств, оказывая мультипликативный эффект на смежные секторы промышленности и сферы услуг.

Автомобилестроение характеризуется высокой добавленной стоимостью и значительной долей в структуре ВВП развитых и развивающихся стран. На долю отрасли приходится порядка 3–5% совокупного мирового ВВП, а в отдельных государствах с выраженной индустриальной специализацией (Германия, Япония, Южная Корея, Китай) этот показатель достигает 7–10%. Производство автомобилей стимулирует спрос на продукцию черной и цветной металлургии, химической, электротехнической, стекольной и резинотехнической промышленности.

Отрасль выступает одним из крупнейших работодателей. Прямая занятость на сборочных предприятиях и у поставщиков автокомпонентов дополняется косвенной занятостью в дилерских сетях, техническом обслуживании, ремонте, автостраховании, логистике и дорожном строительстве. Согласно оценкам Международной организации труда, на каждом рабочем месте непосредственно в автомобилестроении приходится от 5 до 7 рабочих мест в смежных секторах[1].

Автомобильная промышленность традиционно выступает драйвером научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок. Именно в этой отрасли впервые находят массовое применение такие технологические решения, как: конвейерная сборка (Фордизм); системы автоматизированного проектирования (CAD/CAM/CAE); электронные системы управления двигателем, активной и пассивной безопасности; литий-ионные аккумуляторы, водородные топливные элементы, тяговые электродвигатели; системы автономного вождения и V2X-коммуникации. Разработанные в автомобилестроении технологии затем переходят в авиастроение, судостроение, робототехнику и бытовую электронику.

Автомобили и автокомпоненты входят в тройку лидирующих товарных групп международной торговли. Отрасль характеризуется высокой степенью глобализации: проектирование может вестись в одной стране, производство двигателей – в другой, финальная сборка – в третьей. Это способствует углублению международного разделения труда, но одновременно создает уязвимости, что было наглядно продемонстрировано в период пандемии COVID-19 (кризис полупроводников) и геополитических потрясений.

Автомобилестроение определяет мобильность населения, доступность удаленных регионов, функционирование экстренных служб (скорая помощь, пожарная охрана, полиция) и товарного распределения (логистика, доставка грузов «от двери до двери»). Развитие отрасли стимулирует строительство и модернизацию дорожной сети, систем хранения (паркинги, перехватывающие парковки), заправочной и зарядной инфраструктуры. Все перечисленное является крайне важным и актуальным для России, как самой большой по территории страны.

[1] The future of work in the automotive industry: The need to invest in people's capabilities and decent and sustainable work // International Labour Organization. URL: https:// https://www.ilo.org/ (дата обращения: 25.04.2026).

Несмотря на критику в связи с выбросами парниковых газов, автомобилестроение активно участвует в «зеленом переходе». Разработка электромобилей, гибридных силовых установок, водородных двигателей и синтетических видов топлива направлена на декарбонизацию транспорта. Кроме того, отрасль внедряет принципы циркулярной экономики: рециклинг батарей, повторное использование алюминия, стали и пластиков, снижение энергопотребления на производственных мощностях и другое.

К документам стратегического уровня, которые направлены на регулирование и развитие автомобилестроительной отрасли в России, необходимо отнести «Стратегию развития автомобильной промышленности РФ до 2035 года», утвержденную Распоряжением Правительства от 28.12.2022 № 4261-р и Федеральный проект «Развитие автомобилестроения и транспортного машиностроения», входящий в государственную программу «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», утвержденную Постановлением Правительства от 15.04.2014 № 328. Перечисленные документы содержат целевые ориентиры и задачи, направленные на рост уровня локализации производства на территории страны, увеличение технологической независимости и повышение уровня конкурентоспособности отечественных марок автомобилей.

Но, несмотря на продолжительный период действия этих законодательно-нормативных документов, текущее состояние отечественного автомобилестроительного комплекса характеризуется совокупностью устойчивых негативных паттернов, отдельные из которых сохраняют свою инерционность на протяжении длительного временного горизонта.

1. Превосходство иностранных вендоров, осуществляющих производственную деятельность на мощностях, расположенных в пределах российской юрисдикции, с акцентом на технологию крупноузловой сборки. До 2022 года доминирующие позиции занимали производители из государств Европейского союза, Южной Кореи и Японии; в последующий период произошла их смена на китайские компании. Констатируется устойчивая зависимость национального автомобилестроения от внешних по отношению к России хозяйствующих субъектов.

2. Недостаточная степень глубины локализации производственных цепочек при проектировании и серийном выпуске оригинальных конструкций поршневых двигателей внутреннего сгорания, автоматизированных трансмиссий, микроконтроллерных модулей систем активной безопасности (антиблокировочной тормозной системы и электронной системы курсовой устойчивости), электрохимических генераторов на топливных элементах, полупроводниковой компонентной базы, несущих узлов ходовой части, а также фронтальных и боковых подушек безопасности.

3. Дефицит квалифицированных кадров, как в сфере концептуального проектирования экстерьера, интерьера и функциональных характеристик автотранспортных средств, так и в области разработки их компонентов и сборочных единиц. Результаты научных изысканий [1, с. 2077] свидетельствуют, что актуальная потребность в инженерно-технических специалистах в промышленности возрастает опережающими темпами по отношению к фактическому расширению их списочной численности. В 2024 году на предприятиях, специализирующихся на выпуске машин и оборудования, фиксируется нарастание кадровой уязвимости: соответствующий индекс достиг значения 3,2, что интерпретируется как высокий уровень напряженности на рынке труда [2, с. 5, 13].

4. Невысокий коэффициент загрузки среднегодовых производственных мощностей, приблизительно на половину от номинала, причем минимальные значения регистрировались в 2022 году: для легковых автомобилей – 22%, грузовых – 43%, автобусов – 23%; в 2024 году данные показатели составили 42, 57 и 53% соответственно[2].

[2] Промышленное производство // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Urov_motsh_2017-2024.xlsx (дата обращения: 20.04.2026).

5. Индексация утилизационного сбора, первоначально его величина была относительно невысокой, хотя и демонстрировала инфляционно-опережающую динамику, равно как и рост в сравнении с показателем реальных располагаемых доходов домохозяйств. Однако повышение в 2023 году оказало прямое влияние на удорожание транспортных средств, а в 2024 году прирост составил порядка 70–85% по обновленной шкале, и планируется дальнейший его рост 10–20% ежегодно до 2030 года. Такое значительное увеличение фискальной нагрузки напрямую коррелирует с попытками правительства стимулировать повышение уровня производственной локализации на территории страны. Вместе с тем, в отсутствие конкурентоспособных национальных автомобильных брендов указанная мера привела к ощутимому падению потребительского спроса и фактических объемов реализации автотранспортных средств в 2025 году, так динамика рынка новых транспортных средств снизилась на 19% по сравнению с 2024 годом. Наибольший провал зафиксирован по грузовым автомобилям (-53%), затем идут автобусы (-31%), легкие коммерческие автомобили (-24%) и легковые автомобили (-15%)[3]. Помимо экономических последствий, утилизационный сбор с юридической позиции порождает дискуссии и представляет собой дихотомическую конструкцию: будучи формально регламентированным нормами экологического законодательства, он по своей сути ориентирован на протекционистскую поддержку национального производителя.

Подводя итоги, необходимо отметить, что автомобилестроительная отрасль представляет собой неотъемлемый элемент современной экономической системы, обеспечивающий мультипликативный рост, инновационный прогресс, занятость и социальную стабильность. Поддержка и стратегическое планирование развития этой отрасли остаются приоритетом для национальных правительств и наднациональных объединений, поскольку от состояния автомобилестроения напрямую зависят технологический суверенитет и качество жизни населения.

В России несмотря на наличие стратегических документов долгосрочного и среднесрочного характера, направленных на локализацию, технологическую независимость и конкурентоспособность российского автопрома, фактическое состояние отрасли характеризуется системными негативными явлениями. Ключевые из них выступают зависимость от иностранных производителей, низкая глубина локализации критически важных компонентов, острый дефицит квалифицированных инженерных кадров, недозагрузка производственных мощностей. Более того, попытки стимулировать локализацию через резкое повышение утилизационного сбора при отсутствии конкурентоспособных отечественных брендов привели к обратному эффекту: падению потребительского спроса и значительному снижению продаж в 2025 году. Таким образом, программно-целевые подходы пока не обеспечили перелома негативных трендов, а отдельные меры государственной поддержки дают противоречивые результаты.

Библиографический список

1. Вашаломидзе Е.В., Кузнецов-Сербский М.К. (2025). Инженеры на российском рынке труда // Экономика труда. Т. 12. № 12. С. 2071–2082. DOI: 10.18334/et.12.12.124310
2. Лола И.С., Асосков Д.Г., Рахимова А.Д., Усов Н.А. (2025). Машиностроение: ключевые тренды 2024 года // Высшая школа экономики. Москва: НИУ ВШЭ. 23 с.

Информация об авторе

Наталия Евгеньевна Терешкина – кандидат экономических наук, доцент, Сибирский государственный университет путей сообщения (Российская Федерация, 630049, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, д. 191; e-mail: phd_76@mail.ru)

[3] О рынке транспортных средств Российской Федерации категорий M N в январе-декабре 2025 г. // Минпромторг. URL: https://minpromtorg.gov.ru (дата обращения: 23.04.2026).

Tereshkina N.E.

AUTOMOTIVE INDUSTRY: ROLE AND STATUS IN RUSSIA

Abstract. *The article substantiates the system-forming role of the automotive industry in the global economy. The state of Russian automotive production has been analyzed, and its systemic problems have been identified: dependence on foreign vendors, low localization, shortage of personnel, underutilization of capacities and contradictory results of increased recycling fees*.

Keywords: *automotive industry, government regulation, industry problems*.

About the author

Nataliya E. Tereshkina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Siberian Transport University (191, Dusi Kovalchuk Street, Novosibirsk, 630049, Russian Federation; e-mail: phd_76@mail.ru).

References

1. Vashalomidze E.V., Kuznetsov-Serbsky M.K. (2025). Engineers in the Russian Labor Market. *Labor Economics*, 12(12), 2071–2082. DOI: 10.18334/et.12.12.124310
2. Lola I.S., Asoskov D.G., Rakhimova A.D., Usov N.A. (2025). Mechanical engineering: key trends in 2024. National Research University Higher School of Economics. Moscow: National Research University Higher School of Economics.

УДК 332.122:338.43 / ББК 65.050.2

Третьякова Л.А.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКИМИ ТЕРРИТОРИЯМИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *В статье исследуется проблематика институциональной организации управления сельскими территориями в контексте системной трансформации экономических отношений и пространственной структуры хозяйствования, анализируются ключевые вызовы, стоящие перед системой управления сельскими территориями, обосновывается необходимость перехода от отраслевой к территориально-интеграционной парадигме управления, предполагающей формирование сельских агломераций и опорных населенных пунктов как точек роста.*

Ключевые слова: *сельские территории, трансформационная экономика, управление сельским развитием, сельские агломерации, опорные населенные пункты, депопуляция, пространственное развитие, цифровая трансформация, устойчивое развитие.*

Современный этап экономического развития России характеризуется углублением процессов пространственной поляризации, проявляющихся в концентрации человеческого, финансового и производственного потенциала в крупных городских агломерациях при одновременном сжатии экономического пространства на периферийных сельских территориях. Данная тенденция, получившая в научной литературе обозначение «сжатие сельского пространства», носит не только количественный, но и качественный характер, затрагивая институциональные основы функционирования сельских сообществ, модели системы жизнеобеспечения сельского населения, механизмы воспроизводства человеческого капитала и системы предоставления публичных услуг.

Трансформационная экономика, понимаемая как переходное состояние хозяйственной системы, сопровождающееся сменой институциональной структуры, технологических укладов и моделей поведения экономических агентов, предъявляет особые требования к организации управления сельскими территориями [1, с. 88; 3, с. 50]. Как справедливо отмечают исследователи, ключевая особенность современного этапа заключается в наложении друг на друга нескольких разнонаправленных процессов: с одной стороны, депопуляция и миграционный отток подрывают демографический и трудовой потенциал села, с другой – цифровая трансформация открывает новые возможности для преодоления пространственных барьеров и интеграции сельских территорий в единое экономическое пространство.

В условиях постоянных изменений внутренней среды сельских территорий и внешнего контура, необходимо теоретико-методологическое обоснование концептуальных подходов к управлению сельскими территориями в условиях трансформационной экономики, а также выявление приоритетных направлений совершенствования институциональных механизмов территориального управления на основе анализа актуальной статистики и программных документов, что позволит иметь адаптивные технические инструментарии управления сельскими территориями [1, с. 64].

Надо отметить, что в современной экономической науке сложилось несколько концептуальных подходов к пониманию сущности и содержания управления сельскими территориями. Так, отраслевой подход, традиционно доминировавший в советский период и сохраняющий влияние в настоящее время, трактует сельские территории преимущественно как пространственный базис для размещения сельскохозяйственного производства и проживания занятого в АПК населения. Однако данный подход обнаруживает свою ограниченность в условиях постфордистской экономики, где функциональное назначение сельских территорий не сводится исключительно к аграрной специализации.

Альтернативную парадигму представляет территориально-интеграционный подход, рассматривающий сельские территории как сложные социально-эколого-экономические системы, выполняющие многообразные функции: производственную (обеспечение продовольственной безопасности), демографическую (воспроизводство населения), культурно-идентификационную (сохранение традиционного уклада и культурного ландшафта), рекреационную и экологическую [5, с. 132]. Использование данного подхода позволяет учитывать максимально широкий профиль сельских территорий при обосновании механизмов управления, а также оптимизировать качественные и количественные метрики оценки эффективности всех подсистем управления.

Рассматривая проблематику управления сельскими территориями важно учитывать тот факт, что результатом продолжающейся их депопуляции становится ускоренное исчезновение сельских населенных пунктов: в течение 2025 года официальный статус ликвидации получили не менее 266 сел и поселков, подавляющая часть которых уже была полностью безлюдной [1, с. 43]. Параллельно с количественным сокращением происходят качественные изменения возрастной и гендерной структуры сельского населения: старение, феминизация старших возрастных когорт и отток молодежи формируют «демографическую пирамиду» с суженным основанием, что приводит к росту демографической нагрузки на трудоспособное население.

Надо отметить, что в ответ на обозначенные вызовы в Российской Федерации сформирована и реализуется система программно-целевого управления сельскими территориями, центральным элементом которой выступает государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» (далее КРСТ). Как отмечается в официальных источниках, указанная программа признана одной из наиболее эффективных в России: процент освоения бюджетных средств по ней превышает 99%, все три целевых индикатора (сохранение численности сельского населения, увеличение доли благоустроенного жилья и рост доходов сельских домохозяйств) ежегодно достигаются [1, с. 67; 6, с. 13]. С 2025 года целевой ориентир программы по сохранению численности сельского населения был расширен с 36 млн до 50 млн жителей сельских территорий и агломераций. За пять лет реализации программы из федерального бюджета на эти цели было направлено свыше 280 млрд рублей, в 2025 году предусмотрено 116 млрд рублей (на 20 млрд больше, чем в 2024-м). При этом, по данным проекта федерального бюджета на 2026–2028 годы, финансирование КРСТ в 2026 году составит 81,5 млрд рублей, в 2027 году – 54,6 млрд, в 2028 году – 53 млрд рублей. Снижение ассигнований объясняется, в частности, планируемым уменьшением ставки по сельской ипотеке, что позволит достичь сопоставимых результатов с меньшими бюджетными затратами.

С 2025 года обязательным требованием к субъектам РФ стала разработка государственных комплексных программ развития сельских территорий, включающих аналитическую часть, отражающую сведения о мероприятиях и результатах, направленных на развитие сельских территорий и сельских агломераций. Принято Постановление Правительства РФ от 25.11.2025 № 1876 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации», уточняющее механизмы реализации программных мероприятий [1, с. 23; 8, с. 44]. Кроме того, важным направлением институциональных преобразований выступает развитие механизмов вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения (в сельскохозяйственный оборот уже дополнительно введено свыше 2,5 млн га, а до конца 2030 года планируется вовлечь не менее 13,2 млн га земель сельскохозяйственного назначения).

Новейшей институциональной новацией в сфере управления сельскими территориями следует признать переход к агломерационной модели расселения, закрепленный в Стратегии пространственного развития. В соответствии со Стратегией, принят курс на развитие сельских территорий через приоритетное направление ресурсов на поддержку сети опорных населенных пунктов, призванных формировать системы расселения, инфраструктуры и экономики (утвержден перечень из 2160 опорных населенных пунктов, более 1,5 тыс. из которых являются центрами сельских агломераций) [2, с. 115].

Рассматривая проблематику управления сельскими территориями, надо отметить, что в научной литературе обосновывается концептуальный подход к формированию агломерированных групп населенных пунктов на основе районирования и социально-экономического профилирования сельских и неурбанизированных территорий. Методика, апробированная на материалах Воронежской области, предполагает построение минимального остового дерева, моделирующего поселенческую структуру региона, с последующей кластеризацией по алгоритму SKATER [1, с. 100; 8, с. 44]. Кластеры рассматриваются как прототипы потенциальных «сельских субрегионов» Рассматривая проблематику управления сельскими территориями рациональных агломерационных формаций, объединяющих населенные пункты нескольких административных районов.

При этом, разрабатываемая в последние годы концепция развития сельских территорий РФ, предполагающая организацию сельских агломераций и опорных населенных пунктов, реализуется в пределах административных границ муниципальных районов, муниципальных и городских округов. По мнению ряда авторов, это не позволит устранить ряд проблем сельского развития, в связи с чем приобретают актуальность исследования альтернативных вариантов организации территориальной структуры и обоснования новых объектов управления процессами сельского развития.

Анализ региональных практик демонстрирует вариативность управленческих моделей, адаптированных к специфике конкретных территорий. В качестве позитивных примеров можно привести создание в ряде регионов специализированных институтов развития (фондов, агентств), отвечающих за продвижение несельскохозяйственных видов деятельности на сельских территориях – агротуризма, народных промыслов, переработки местного сырья, зеленой энергетики и креативных индустрий [5, с. 132].

В 2025–2026 гг. были инициированы новые законодательные механизмы, направленные на диверсификацию экономической базы сельских территорий. В частности, рассматривается возможность упрощения перевода сельскохозяйственных земель в иные категории для реализации проектов агротуризма: законопроект, внесенный в Государственную Думу, предполагает возможность строительства на сельхозземлях гостевых домов, туристических комплексов и объектов для приема туристов. Ожидается, что в случае окончательного принятия закон вступит в силу с 1 сентября 2026 года. Примечательно, что речь идет не только о «домиках в поле», но о комплексных проектах, таких как сыроварни с отелями, экотропы с визит-центрами и др. [2, с. 117; 4, с. 210].

Другим инструментом диверсификации занятости выступает развитие малого агробизнеса. Федеральный проект «Развитие малого агробизнеса» в первый год реализации (2026) будет профинансирован в размере 6,7 млрд рублей, в 2027 и 2028 гг. – по 6,1 млрд рублей ежегодно [7, с. 60].

Вместе с тем, признавая наличие позитивных сдвигов, необходимо обозначить и системные проблемы, сдерживающие развитие сельских территорий и снижающие эффективность управленческих воздействий. К числу таковых относятся: несогласованность программных документов разных уровней и ведомств, приводящая к рассредоточению ресурсов по множеству мелких проектов; применение сугубо технократического подхода к территориальному планированию без учета социокультурных особенностей сельских сообществ; кадровый дефицит в органах местного самоуправления, сочетающийся с высокой текучестью управленческих кадров; недостаточная вовлеченность населения в процессы стратегического планирования на муниципальном уровне [6, с. 14; 8, с. 46].

Проведенное исследование позволяет заключить, что управление сельскими территориями в условиях трансформационной экономики представляет собой сложную, многоплановую и институционально неоднородную область, требующую комплексного учета демографических, экономических, социальных и культурных факторов. Сельские территории выступают не только в качестве аграрного периферийного пространства, но и как носители уникального социального капитала, культурно-исторического наследия и традиционного уклада.

Все вышеперечисленное позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, объективно необходим переход от отраслевой к территориально-интеграционной парадигме управления, предполагающей синхронизацию усилий различных уровней публичной власти, бизнеса и гражданского общества. Во-вторых, институциональным «локомотивом» сельского развития становится агломерационная модель, базирующаяся на выделении опорных населенных пунктов и формировании сетевых структур межмуниципального сотрудничества. В-третьих, важнейшим ресурсом снижения остроты демографических проблем выступает цифровая трансформация управления сельскими территориями, позволяющая преодолеть временные, пространственные и информационные разрывы.

Библиографический список

1. Закшевский В.Г., Меренкова И.Н., Макин Г.И. [и др.]. (2025). Механизм реализации экономических интересов населения в условиях трансформации пространства сельских территорий. Воронеж: НИИЭОАПК ЦЧР России. 211 с.
2. Мирошниченко Т.А. (2025). Особенности формирования человеческого капитала сельских территорий в условиях цивилизационной и научно-технологической трансформаций // АПК: экономика, управление. № 3. С. 115–123. DOI: 10.33305/253-115
3. Митрофанов С.В., Янбых Р.Г., Орлова Н.В., Николаев Д.В. (2025). Демографические вызовы развитию сельских территорий и кадровое обеспечение АПК // Крестьяноведение. Т. 10. № 3. С. 38–67.
4. Рязанцев С.В., Вартанова М.Л. (2025). Тренды устойчивого развития сельского хозяйства российских регионов в контексте обеспечения национальной и продовольственной безопасности страны // Крестьяноведение. Т. 10. № 1. С. 202–225.
5. Тютюников А.А., Улезько А.В. (2025). Концептуальный подход к организации сельских территорий на основе агломерационных структур // Регионология. Т. 33. № 1. С. 120–137. DOI: 10.15507/2413-1407.033.202501.120-137
6. Савельев Ю.В., Вульфович Р.М., Майборода В.А. (2024). Институционально-территориальный аспект создания и развития сельских агломераций в России: оценка рисков и возможностей // Региональные проблемы преобразования экономики. № 8. С. 1–15. DOI: 10.26726/rpre2024v8tiat
7. Персидских В.В. (2025). Зеленая трансформация и цифровизация сельских территорий как основа устойчивого развития региональной экономики // Управление и экономика: теория и практика. № 3. С. 45–62. DOI: 10.47813/2782-5280-2025-4-4-4001-4007
8. Хвалей Д.В. (2025). Комплексная оценка уровня цифровизации сельской местности России (на примере ЦФО) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: естественные науки. № 3. С. 39–55. DOI: 10.5922/vestniknat-2025-3-3

Информация об авторе

Лариса Александровна Третьякова – доктор экономических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: lora_tretyakova@mail.ru)

Tretyakova L.A.

FEATURES OF RURAL TERRITORIES MANAGEMENT IN THE CONDITIONS OF A TRANSFORMATIONAL ECONOMY

Abstract. *The article explores the issues of institutional organization of rural areas management in the context of systemic transformation of economic relations and spatial structure of economic management, analyzes the key challenges facing the rural areas management system, and substantiates the need to transition from sectoral to territorial-integration management paradigm, which involves the formation of rural agglomerations and reference settlements as growth points*.

Keywords: *rural areas, transformational economy, rural development management, rural agglomerations, core settlements, depopulation, spatial development, digital transformation, and sustainable development.*

About the author

Larisa A. Tretyakova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Belgorod State National Research University (85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: lora_tretyakova@mail.ru)

References

1. Zakshevsky V.G., Merenkova I.N., Makin G.I., [et al.]. (2025). The Mechanism of Realizing the Economic Interests of the Population in the Context of the Transformation of Rural Territories. Voronezh: Research Institute of Economic and Social Development of the Agro-Industrial Complex of the Central Black Earth Region of Russia.
2. Miroshnichenko T.A. (2025). Features of the Formation of Human Capital in Rural Territories in the Context of Civilizational and Scientific-Technological Transformations. *AIC: Economics and Management*, 3, 115–123. DOI: 10.33305/253-115
3. Mitrofanov S.V., Yanbykh R.G., Orlova N.V., Nikolaev D.V. (2025). Demographic Challenges to Rural Development and Human Resources for the Agro-Industrial Complex. *Krestyanovedenie*, 10(3), 38–67.
4. Ryazantsev S.V., Vartanova M.L. (2025). Trends in Sustainable Development of Agriculture in Russian Regions in the Context of Ensuring the Country's National and Food Security. *Krestyanovedenie*, 10(1), 202–225.
5. Tyutyunikov A.A., Ulezko A.V. (2025). Conceptual Approach to the Organization of Rural Territories Based on Agglomeration Structures. *Regionology*, 33(1), 120–137. DOI: 10.15507/2413-1407.033.202501.120-137
6. Savelyev Yu.V., Vulfovich R.M., Mayboroda V.A. (2024). The Institutional and Territorial Aspect of the Creation and Development of Rural Agglomerations in Russia: Assessment of Risks and Opportunities. *Regional Problems of Economic Transformation*, 8, 1–15. DOI: 10.26726/rppe2024v8tiat
7. Persidskikh V.V. (2025). Green Transformation and Digitalization of Rural Areas as a Basis for Sustainable Development of the Regional Economy. *Management and Economics: Theory and Practice*, 3, 45–62. DOI: 10.47813/2782-5280-2025-4-4-4001-4007
8. Khvaley D.V. (2025). Comprehensive Assessment of the Level of Digitalization in Rural Areas of Russia (Based on the Central Federal District). *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural Sciences*, 3, 39–55. DOI: 10.5922/vestniknat-2025-3-3

УДК 338.43:636.2 / ББК 65.305.7

Трифонова Е.Н.

ВЛИЯНИЕ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА НА ТЕМПЫ РОСТА ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

Аннотация. *Проанализирована зависимость уровня ключевой ставки Центробанка и объемов производства в пищевой отрасли России. Исследована динамика задолженностей по обязательствам организаций пищепрома. Обоснована роль денежно-кредитной политики, как инструмента государственного регулирования отраслями пищевой промышленности.*

Ключевые слова: *пищевая и перерабатывающая промышленность, устойчивое развитие, денежно-кредитная политика, ключевая ставка.*

Динамичное развитие пищевой и перерабатывающей промышленности отечественного АПК является одной из стратегически важных составляющих стабильного и эффективного развития экономки России. Особую важность при этом приобретает поиск действенных механизмов воздействия на состояние отраслей переработки, что предполагает увеличение ресурсного потенциала, в первую очередь, за счет расширения возможностей финансирования хозяйственной деятельности предприятий, в том числе с учетом привлеченных кредитов и инвестиций. В связи с этим возникает вполне оправданный интерес к оценке перспектив использования инструментов денежно-кредитной политики государства, способных повлиять на темпы роста отечественного пищепрома.

Одним из реальных инструментов воздействия государства на экономические процессы в рамках кредитно-денежной политики является изменение Центральным Банком России ключевой ставки. Суть постоянного изменения ключевой ставки заключается в регулировании процесса инфляции, а также в контроле над финансовыми потоками на уровне государства. Безусловно, подобное вмешательство в кредитно-денежную систему страны, в той или иной степени, влечет за собой изменения в различных секторах экономики. На *рис. 1* проиллюстрирована взаимозависимость темпов роста пищевой промышленности и изменения ключевой ставки Банка России в динамике за последние годы. Данные по темпам прироста производства в пищевой промышленности за 2025 год являются оценочными.

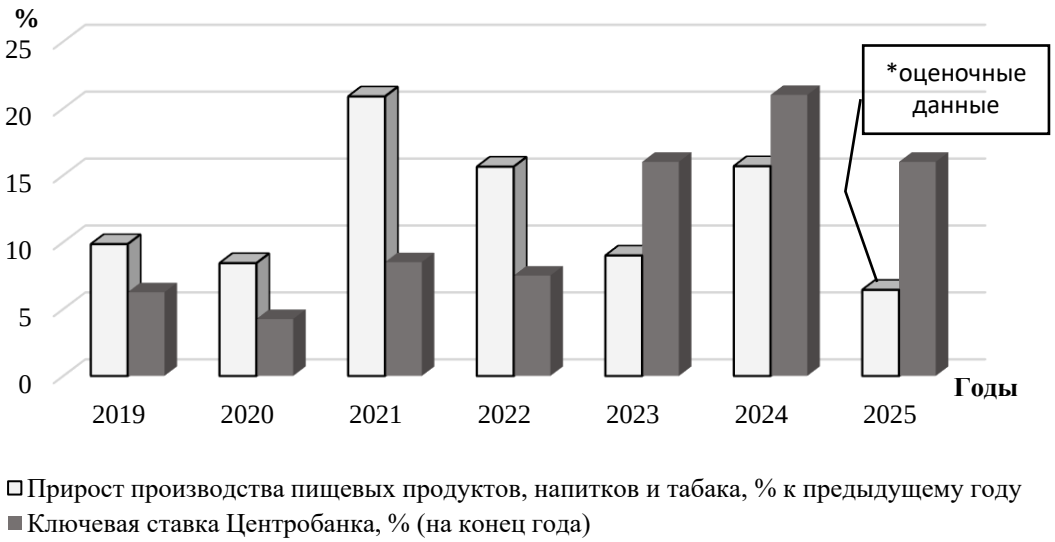

Рис. 1. **Динамика соотношения прироста производства в пищевой промышленности и ключевой ставки в РФ.**

Источник: составлено по расчетам автора с использованием данных Росстата[1] и Банка России[2].

[1] Федеральная служба государственной статистики // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/

[2] Ключевая ставка Банка России и инфляция // Центральный банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/infl/

На основе данных рисунка, прослеживается взаимосвязь между процессом изменения ключевой ставки и изменениями темпов роста пищевой промышленности. Безусловно, она не может быть прямой и линейной, поскольку, на состояние отрасли помимо политики Центробанка влияют множество других факторов. Воздействие ключевой ставки на темпы прироста производства в пищевой промышленности носит, так называемый, комплексный и отсроченный характер, реализуясь через два ключевых компонента: инвестиционный и кредитный.

Развитие и модернизация пищевой промышленности напрямую зависят от инвестиций, направляемых в отрасль, значительная часть которых финансируется за счет заемных средств. Рост ключевой ставки ведет к удорожанию кредитов, что делает многие инвестиционные проекты экономически нецелесообразными. Например, по данным исследований [1], повышение ставки дисконтирования, в основе расчета которой лежит ключевая ставка Цетробанка, на 1 пункт может снизить чистую приведенную стоимость инвестиционного проекта, в частности, в животноводстве, на 6%. Как результат, снижается инвестиционная активность. В 2025 году объем новых инвестиционных проектов в пищевой отрасли сократился почти вдвое[3] – до 104,7 млрд руб. против 194,6 млрд руб. годом ранее и вернулся к уровню 2013 года. Производители вынуждены замораживать новые проекты и концентрироваться на завершении уже начатых. Например, представители крупнейшего в России агрохолдинга «Мираторг» заявили[4], что компания, в настоящий момент, не инвестирует в новые проекты, поскольку в ситуации, когда кредиты предоставляются под 18–20%, не стоит ожидать даже простой их окупаемости. В 2026 году ожидаемый прирост инвестиций в АПК составит лишь 0,2%. При этом аналитики склоняются к мнению о том, что при смягчении денежно-кредитной политики Банка России и сохранении мер государственной поддержки для участников рынка следует ожидать осторожного оживления инвестиционной активности российских производителей. Стоит также учитывать, что существует связь между величиной ключевой ставки ЦБ и эффективностью мер господдержки, в частности, при превышении ключевой ставки 15% эффективность субсидий в отраслях АПК снижается на 30–50% [1]. Вице-премьер Правительства Д. Патрушев на рабочей встрече с Президентом РФ[5], связывает запуск «новой инвестиционной фазы», характеризующейся оживлением инвестиционной активности в отраслях переработки сельхозпродукции именно со снижением ключевой ставки.

Второй компонент влияния ключевой ставки на прирост производства в пищевой отрасли связан с повседневной операционной деятельностью предприятий. Известно, что производители активно используют заемные средства для закупки сырья, упаковки, оплаты услуг и т. п. Высокая процентная ставка снижает доступность кредитов. Ставка выше 14% делает заемные ресурсы критически дорогими[6]. В 2025 году объем кредитов, выданных пищевой отрасли, сократился на 15%. При этом несмотря на снижение объемов нового кредитования, задолженность предприятий пищевой отрасли продолжает расти (*рис. 2*), превысив 1,87 трлн руб. в 2025 году. Растет при этом и просроченная задолженность по заемным средствам.

[3] Наконец-то наелись: пищевая промышленность России в рецессии впервые за 15 лет // Forbes. URL: https://www.forbes.ru/biznes/551373-nakonec-to-naelis-pisevaa-promyslennost-rossii-v-recessii-vpervye-za-15-let

[4] Глава «Мираторга»: мы ни один проект не остановили, но и новых крупных не начинали // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/interview/1070968?ysclid=mp2fz1hphz904822098

[5] В России восстанавливают больше леса, чем выбывает // НИА «Экология» URL: https://nia.eco/2025/10/06/108719/

[6] Что происходит с пищевой промышленностью России в 2025 году // ИП «ECOMHUB». URL: https://ecomhub.ru/russia-food-industry-2025-decline-investments-retail-ready-meals/?ysclid=mob8e9ydis617142713

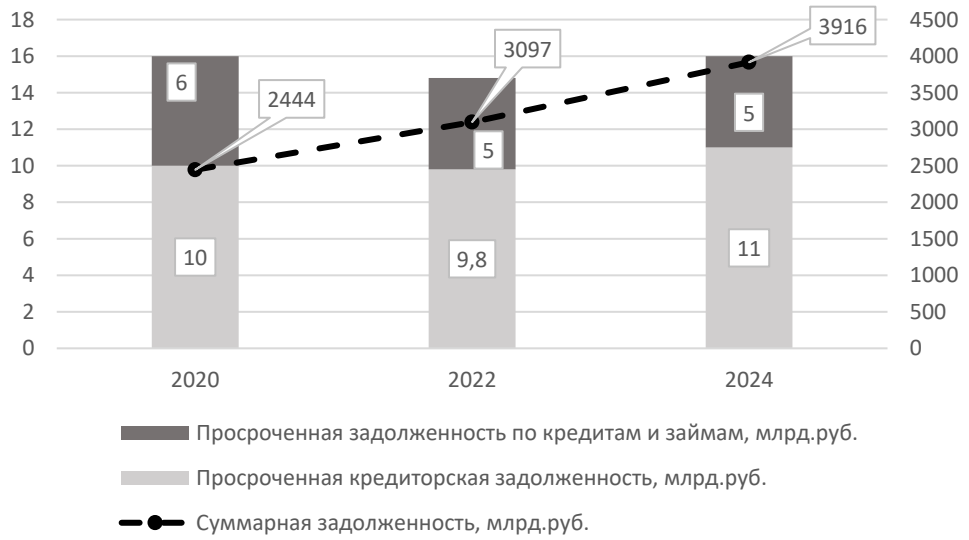

Рис. 2. **Динамика задолженностей по обязательствам организаций по производству пищевой продукции (на конец года)**

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Сложившуюся ситуацию, во многом, можно объяснить тем, что статистически значимое увеличение кредитной массы, направляемой, в основном, на пополнение оборотных средств, а не на инвестиционные цели, связано, в первую очередь, с мелкими и средними организациями, которые в большей степени реагируют на изменения экономической и рыночной конъюнктуры. Преимущество же крупных агрообъединений заключается, в первую очередь, в способности нивелировать колебания внешней рыночной среды. Кроме того, отличительной особенностью крупных объединений является отличие в намерениях получения кредита, который направляется, по большей части, на инвестиционные цели. При этом вполне объяснимая инертность в развитии подобных структур не позволяет быстро подстраиваться под текущую ситуацию. Однако, на сегодняшний день подобные объединения, действующие, на различного рода, правовых основаниях, занимают не настолько большую долю в производственной структуре, чтобы существенно влиять на ситуацию в общероссийском масштабе.

Таким образом, обозначенные выше ключевые моменты, связанные со спецификой инвестиционной деятельности и кредитования бизнеса, напрямую связанные с ключевой ставкой, воздействуя одновременно, создают значительные препятствия для развития пищевой отрасли. По оценочным данным Росстата, за 9 месяцев 2025 года, впервые за последние 15 лет, зафиксировано снижению производства в пищевой отрасли на 0,6% в сравнении с аналогичным периодом прошлого года. При этом рост стоимости продовольствия на фоне спада производства (оборот пищевой промышленности в 2025 году вырос на 11,5% до 12,91 трлн. руб.) свидетельствует о, так называемом, стоимостном парадоксе, когда рост в отрасли связан не с расширением реального объема производства, а с увеличением цен. Стоит отметить, что часть негативного эффекта от высокой ключевой ставки частично смягчается государственными программами льготного кредитования для АПК. Однако их эффективность также зависит от существующего уровня ключевой ставки.

Проблема взаимовлияния процессов, протекающих в банковской сфере и пищевой промышленности, выходит далеко за пределы кредитных отношений. Специфику данной проблеме в силу отраслевых особенностей агропромышленного комплекса, в целом, и пищевой отрасли, в частности, придает активное участие государства, как источника получения дополнительных средств на осуществление хозяйственной деятельности в виде льготного кредитования и субсидирования. При этом механизм распределения господдержки в региональном разрезе еще не до конца отработан. Кроме того, в силу специфики пищевой промышленность, ее реакция на изменения в денежно-кредитной политике государства не совсем типична, как для других отраслей промышленности.

Основной целью денежно-кредитной политики государства является поддержание ценовой стабильности, т. е. подержание уровня инфляции около 4%. Данный уровень инфляции обеспечивает, с одной стороны, благоприятные условия для ведения бизнеса, а с другой – устойчивость покупательной способности национальной валюты, что, в свою очередь, ведет к росту доходов населения. Однако, пищевая промышленность, в целом, демонстрирует низкую чувствительность к динамике доходов населения, поскольку существенная доля продукции, производимой в отрасли, является социально значимой с устойчивым спросом и нулевой эластичностью по доходам населения. Учитывая социальную значимость функционирования большинства отраслей пищепрома, а также тесную зависимость от сырьевой базы, т. е. конечного продукта смежных отраслей сельского хозяйства, немаловажную роль в поддержании стабильности их существования играет поддержка государства, что, в определенной степени, сглаживает реакцию отрасли на макроэкономические процессы. Меры поддержки отраслей пищевой промышленности со стороны государства в совокупности с использованием рыночных механизмов воздействия на развитие отечественного пищепрома, видится наиболее благоприятной перспективой для повышения конкурентоспособности пищевой и перерабатывающей промышленности России как на международных, так и на внутренних продуктовых рынках.

Библиографический список

1. Паршуков Д.В., Шапорова З.Е. (2025). Влияние ключевой ставки ЦБ на эффективность и риски инвестиций в сельское хозяйство: стохастическая оценка и анализ чувствительности // Финансовый менеджмент. № 7. С.122–130.

Информация об авторе

Елена Николаевна Трифонова – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Саратовский научный центр РАН (Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94; e-mail: trif-elena@yandex.ru)

Trifonova E.N.

THE IMPACT OF STATE MONETARY POLICY ON THE GROWTH RATE OF THE FOOD INDUSTRY IN RUSSIA

Abstract. *The relationship between the Central Bank's key rate and production volumes in the Russian food industry is analyzed. The dynamics of outstanding debt among food industry organizations is examined. The role of monetary policy as a tool for government regulation of food industry sectors is substantiated.*

Keywords: *food and processing industry, sustainable development, monetary policy, key rate*.

About the author

Elena N. Trifonova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (94, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: trif-elena@yandex.ru)

References

1. Parshukov D.V., Shaporova Z.E. (2025). The Impact of the Central Bank's Key Rate on the Efficiency and Risks of Investments in Agriculture: Stochastic Assessment and Sensitivity Analysis. *Financial Management*, 7, 122–130.

УДК 332.1:001.895 / ББК 65.30 (2Рос.Дон)

Шавкун Г.А., Биденко Т.В.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ ЭКОСИСТЕМЫ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ НА ОСНОВЕ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ

Аннотация. *В статье исследованы теоретико-методические подходы к формированию промышленной экосистемы Донецкой Народной Республики на основе научно-технологических приоритетов. Обоснована роль экосистемного и агломерационного подходов в обеспечении пространственной связанности, технологической модернизации и межотраслевой кооперации региона. Определены ключевые направления формирования промышленной экосистемы ДНР и механизмы интеграции научно-образовательного, производственного и цифрового контуров развития.*

Ключевые слова: *промышленная экосистема, научно-технологические приоритеты, пространственное развитие, агломерационный подход, технологическая модернизация, межотраслевая кооперация.*

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20601, https://rscf.ru/project/25-28-20601/, а также средств Региона на основе Соглашения № 30-2026-000521 от 24.04.2026 на базе ГБУ «Институт экономических исследований».

Введение. В условиях цифровой трансформации экономики и усиления технологической конкуренции особую значимость приобретают новые модели пространственного и промышленного развития регионов [1]. Для Донецкой Народной Республики как геостратегической территории Российской Федерации важным направлением становится формирование промышленной экосистемы, обеспечивающей технологическую модернизацию, межотраслевую кооперацию и устойчивость региональной экономики. Существенное значение в данных условиях приобретает определение научно-технологических приоритетов, ориентированных на развитие высокотехнологичных производств и интеграцию региона в единое научно-технологическое пространство Российской Федерации [2].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки подходов к формированию промышленной экосистемы Донецкой Народной Республики в условиях структурной трансформации экономики и пространственного развития региона. Особое значение приобретает определение научно-технологических приоритетов, обеспечивающих восстановление производственного потенциала, развитие межотраслевой кооперации и формирование устойчивых производственных цепочек [3]. Кроме того, актуальность исследования связана с необходимостью применения агломерационного и экосистемного подходов к организации промышленного развития ДНР.

Целью статьи является обоснование теоретико-методических подходов к формированию промышленной экосистемы Донецкой Народной Республики на основе научно-технологических приоритетов с учетом пространственных особенностей региона, агломерационных процессов и задач интеграции в единое научно-технологическое пространство Российской Федерации.

В процессе исследования использованы методы системного, сравнительного, стратегического и пространственного анализа, а также элементы кластерного и экосистемного моделирования. Информационную базу исследования составили нормативно-правовые документы, статистические и аналитические материалы, а также научные публикации по вопросам пространственного и промышленного развития территорий.

Основные результаты исследования. Формирование промышленной экосистемы Донецкой Народной Республики следует рассматривать как процесс институциональной, технологической и пространственной интеграции промышленности, научно-образовательных организаций, органов управления и инновационной инфраструктуры. В отличие от традиционной отраслевой модели, экосистемный подход ориентирован на развитие устойчивых межотраслевых связей, производственной кооперации и технологических цепочек, обеспечивающих адаптивность региональной экономики к современным вызовам [4].

В условиях ДНР промышленная экосистема выступает механизмом восстановления и модернизации производственного потенциала, развития несырьевых производств и интеграции региона в научно-технологическое пространство Российской Федерации [5]. Ключевым условием ее формирования является определение научно-технологических приоритетов, соответствующих глобальным технологическим трендам, потребностям экономики и кадрово-научному потенциалу региона. Научно-технологические приоритеты в данном случае выступают инструментом структурирования промышленной политики и формирования устойчивых производственных и инновационных связей [6].

С учетом промышленной специализации ДНР наиболее значимыми направлениями формирования промышленной экосистемы являются цифровизация промышленности, модернизация металлургического и машиностроительного комплексов, развитие химических и биотехнологий, ресурсосберегающей энергетики, цифровой инфраструктуры и систем информационной безопасности. Особое значение имеет внедрение цифровых технологий проектирования и управления производством, обеспечивающих повышение эффективности и ускорение технологической модернизации предприятий.

Металлургический, машиностроительный и горнодобывающий комплексы могут рассматриваться в качестве ядра промышленной экосистемы региона, формирующего основу межотраслевой кооперации и новых производственных цепочек. Существенным потенциалом обладают также химические технологии и биотехнологии, ориентированные на производство материалов нового поколения, развитие АПК и экологические решения. Важным элементом промышленной экосистемы выступает цифровая инфраструктура, обеспечивающая информационную связанность субъектов регионального развития и поддержку принятия управленческих решений.

С пространственной точки зрения формирование промышленной экосистемы ДНР должно базироваться на агломерационном подходе, предполагающем развитие перспективных центров экономического роста и специализированных функциональных узлов. Такой подход способствует повышению связанности территориального развития, развитию межотраслевой кооперации и формированию устойчивых производственных систем [7].

В пространственной структуре промышленной экосистемы ДНР могут быть выделены индустриально-производственные, научно-образовательные, агропромышленные, логистические и инновационно-технологические узлы. Индустриально-производственные узлы обеспечивают развитие базовых отраслей и производственной кооперации, научно-образовательные – подготовку кадров и проведение прикладных исследований, агропромышленные – развитие переработки сельскохозяйственной продукции и продовольственную безопасность. Логистические и инновационно-технологические узлы обеспечивают связанность производственных цепочек, развитие инжиниринга, трансфера технологий и цифровых решений [8].

Особое значение в промышленной экосистеме ДНР приобретает научно-образовательный контур, обеспечивающий не только подготовку кадров, но и трансфер знаний в производство [9; 13]. Для этого необходимо развитие взаимодействия между университетами, научными организациями и предприятиями посредством создания совместных лабораторий, инжиниринговых центров и программ прикладной подготовки специалистов. Научно-образовательные организации должны выступать активными участниками технологического развития региона.

Эффективность промышленной экосистемы во многом определяется уровнем кооперации между крупными предприятиями, малыми и средними технологическими компаниями, научными организациями и органами управления [10]. Крупные предприятия формируют спрос на инновационные решения и выступают якорными субъектами экосистемы, тогда как малые и средние компании обеспечивают гибкость и развитие технологических ниш. Органы власти создают институциональные условия и инфраструктуру поддержки, а научно-образовательный сектор обеспечивает кадровое и аналитическое сопровождение [11; 12].

Таким образом, промышленная экосистема ДНР представляет собой совокупность взаимосвязанных производственного, научно-образовательного, инфраструктурного, цифрового, институционального и пространственного контуров. Результатом ее формирования должно стать повышение связанности экономики региона, развитие межотраслевой кооперации, рост технологической самостоятельности и устойчивости территориального развития. Следовательно, формирование промышленной экосистемы на основе научно-технологических приоритетов является важнейшим направлением пространственного и промышленного развития Донецкой Народной Республики как геостратегической территории Российской Федерации.

Выводы. Проведенное исследование показало, что формирование промышленной экосистемы Донецкой Народной Республики следует рассматривать как комплексный процесс пространственной, технологической и институциональной трансформации региональной экономики. Обосновано, что научно-технологические приоритеты выступают системообразующей основой промышленной экосистемы, определяя направления технологической модернизации, отраслевой специализации и межотраслевой кооперации региона. Установлено, что пространственная организация промышленной экосистемы ДНР должна базироваться на агломерационном подходе, обеспечивающем связанность территориального развития и формирование специализированных функциональных узлов. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенных подходов при разработке механизмов пространственного и промышленного развития Донецкой Народной Республики как геостратегической территории Российской Федерации.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой научно-методического инструментария оценки эффективности промышленной экосистемы Донецкой Народной Республики, включая систему показателей инновационной активности, технологической кооперации и цифровизации производственных процессов. Особую актуальность приобретает исследование механизмов формирования межотраслевых производственных цепочек, функциональной специализации городских агломераций и развития промышленных кластеров региона. Перспективным направлением также является изучение возможностей интеграции промышленной экосистемы ДНР в федеральные научно-технологические и производственные цепочки Российской Федерации в условиях цифровой трансформации экономики.

Библиографический список

1. Половян А.В. (2023). Проблемы и перспективы социально-экономического развития новых субъектов Российской Федерации // Вестник Института экономических исследований. № 1 (25). С. 5–14.
2. Бухвальд Е.М. (2017). Формирование «точек роста» как инструмент политики пространственного развития экономики России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. Т. 19. № 2. С. 6–15.
3. Растворцева С.Н. (2020). Инновационный путь изменения траектории предшествующего развития экономики региона // Экономика региона. Т. 16. № 1. С. 28–42.
4. Манаева И.В., Растворцева С.Н. (2021). Пространственное развитие городов России: теория, анализ, моделирование: монография. Белгород: ИД «БелГУ». 196 с.
5. Котов А.В. (2020). Методический подход к определению умной специализации регионов России // Регион: Экономика и Социология. № 2 (106). С. 22–45.
6. Половян А.В., Шабалина Л.В., Синицына К.И. (2026). Приоритеты научно-технологического развития Донецкой Народной Республики // Экономика, предпринимательство и право. Т. 16. № 5. DOI: 10.18334/epp.16.5.125010
7. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2013). Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. № 6. С. 15–26.
8. Коломак Е.А. (2019). Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. Т. 15. № 4. С. 85–106.

9. Шабалина Л.В., Шавкун Г.А., Тимко М.В. (2023). О необходимости разработки концепции пространственного развития Донецкой Народной Республики // Вестник Института экономических исследований. № 2 (26). С. 132–141.
10. Гатауллин Р.Ф. (2020). Формирование новой каркасной модели пространственного развития как результат трансформации разноуровневых территориальных систем // Вестник Евразийской науки. № 2. Т. 12. DOI: 10.15862/32ECVN220
11. Квинт В.Л. (2019). Концепция стратегирования. Санкт-Петербург: СЗИУ РАНХиГС. 132 с.
12. Шабалина Л.В., Азарова А.В. (2018). Современная стратегия пространственного развития Донецкой Народной Республики // Вестник Института экономических исследований. № 4 (12). С. 124–130.
13. Yemelyanova I.F., Rochnyak E.V. (2025). Donetsk People's Republic in search of a new paradigm of economic development: a cluster approach, *CITISE*, 191–205.

Информация об авторах

Галина Афанасьевна Шавкун – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований (Российская Федерация, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, д. 77; e-mail: galina.shavkun@mail.ru)

Татьяна Викторовна Биденко (Российская Федерация, г. Донецк; e-mail: bidenko.tatyana1@yandex.ru)

Shavkun G.A., Bidenko T.V.

FORMATION OF THE INDUSTRIAL ECOSYSTEM OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC BASED ON SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PRIORITIES

Abstract. *The article examines theoretical and methodological approaches to the formation of the industrial ecosystem of the Donetsk People's Republic based on scientific and technological priorities. The role of ecosystem and agglomeration approaches in ensuring spatial connectivity, technological modernization and intersectoral cooperation is substantiated. Key directions for the formation of the regional industrial ecosystem and mechanisms for integrating scientific, educational, industrial and digital development contours are identified.*

Keywords: *industrial ecosystem; scientific and technological priorities; spatial development; agglomeration approach; technological modernization; intersectoral cooperation.*

About the authors

Galina A. Shavkun – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Economic Research Institute (77, Universitetskaya Street, Donetsk, 283048, Russian Federation; e-mail: galina.shavkun@mail.ru)

Tatyana V. Bidenko (Donetsk, Russian Federation; e-mail: bidenko.tatyana1@yandex.ru)

References

1. Polovyan A.V. (2023). Problems and prospects of socio-economic development of new subjects of the Russian Federation. *Bulletin of the Economic Research Institute*, 1(25), 5–14.
2. Bukhvald E.M. (2017). Formation of "growth points" as a tool for spatial development policy of the Russian economy. *Bulletin of Volgograd State University. Economics*, 19(2), 6–15.
3. Rastvortseva S.N. (2020). Innovative way to change the trajectory of previous development of the regional economy. *Economy of Regions*, 16(1), 28–42.

4. Manaeva I.V., Rastvortseva S.N. (2021). Spatial development of Russian cities: theory, analysis, modeling: monograph. Belgorod: Publishing House “BelGU”.
5. Kotov A.V. (2020). Methodological approach to determining smart specialization of Russian regions. *Region: Economics and Sociology*, 2(106), 22–45.
6. Polovyan A.V., Shabalina L.V., Sinitsyna K.I. (2026). Priorities of scientific and technological development of the Donetsk People's Republic. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 16(5). DOI: 10.18334/epp.16.5.125010
7. Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2013). Inequality of socio-economic development of regions and cities of Russia in the 2000s: growth or decline? *Social Sciences and Modernity*, 6, 15–26.
8. Kolomak E.A. (2019). Spatial development of Russia in the 21st century. *Spatial Economics*, 15(4), 85–106.
9. Shabalina L.V., Shavkun G.A., Timko M.V. (2023). On the need to develop a concept for the spatial development of the Donetsk People's Republic. *Bulletin of the Economic Research Institute*, 2(26), 132–141.
10. Yemelyanova I.F., Rochnyak E.V. (2025). Donetsk People's Republic in search of a new paradigm of economic development: a cluster approach. *CITISE*, 191–205.
11. Gataullin R.F. (2020). Formation of a new framework model of spatial development as a result of transformation of multi-level territorial systems. *The Eurasian Scientific Journal*, 2(12). DOI: 10.15862/32ECVN220
12. Kvint V.L. (2019). The Concept of Strategizing. Saint Petersburg: North-West Institute of Management RANEPA.
13. Shabalina L.V., Azarova A.V. (2018). Modern strategy of spatial development of the Donetsk People’s Republic. *Bulletin of the Economic Research Institute*, 4(12), 124–130.

УДК 316.334.23 / ББК 60.561

Шатунова Т.Е., Боболев М.А.

ПУТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема развития молодежного предпринимательства в условиях динамично меняющейся внешней среды. Целью статьи является анализ существующих проблем в сфере молодежного предпринимательства, оценка преимуществ молодежного предпринимательства, а также выявление эффективных мер поддержки молодежного предпринимательства. В работе признается важность молодежного предпринимательства, но с учетом барьеров, препятствующих привлечению молодежи в экономический сектор. Результаты исследования демонстрируют, что молодому предпринимателю в современных условиях нужна понятная экосистема: сообщества, клубы, конкурсы, где он получает обратную связь, партнеров, первых клиентов.*

Ключевые слова: *молодежное предпринимательство, экономическое развитие, социально-экономические проблемы.*

В настоящее время молодежное предпринимательство является ключевой ценностью для экономического развития государства, поскольку оно способствует: внедрению инновационных технологий в бизнес, решению социально-экономических проблем и формированию предпринимательской культуры.

Цель данного исследования – изучить существующие проблемы в сфере молодежного предпринимательства, оценить преимущества молодежного предпринимательства, а также рассмотреть меры поддержки молодежного предпринимательства.

Согласно данным Министерства экономического развития РФ, на начало 2025 число молодых предпринимателей в возрасте до 25 лет в России достигло 2,7 млн чел., т. е. 6% от общего числа предпринимателей в стране[1]. Наибольшее их количество сосредоточено в розничной торговле через интернет, деятельности рекламных агентств и веб-порталов.

Признавая важность молодежного предпринимательства важно учитывать барьеры, препятствующие привлечению молодежи в экономический сектор.

1. Финансовый барьер. Зачастую на начальном этапе у молодых людей имеется недостаток материальных средств или их полная нехватка для открытия бизнеса [1]. Банки же не могут выдавать кредиты из-за отсутствия или отрицательной негативной истории, а инвестиционный рынок в России ориентирован в основном на зрелые стартапы, а не на микробизнес на этапе идеи.

2. Компетентностный барьер. К сожалению, знания, даваемые в средних и высших учебных заведениях, больше ориентированы на теоретическую подготовку чем на практическую [2]. Из-за этого молодые люди не знают, как составить бизнес-план, рассчитать налоги, провести маркетинговый анализ.

3. Психологический барьер. Боязнь неудачи и возможных рисков мешает молодым людям открывать свое дело. Общество транслирует установку: «устройся на стабильную работу, а бизнес – слишком рискованно». Отсутствие успешных примеров, наставников усиливает этот страх.

4. Бюрократический барьер. Даже если молодой человек решается на открытие бизнеса, он сталкивается с бюрократией: регистрация, отчетность, проверки. Для бизнеса, особенно на начальном этапе, административная нагрузка становится непосильной.

5. Социальный барьер. Семья и окружение часто не поддерживают предпринимательской инициативы. Родители хотят для детей «надежного» трудоустройства в крупную компанию, а не открытия «рискового» дела.

[1] В России работают 2,7 млн молодых предпринимателей до 25 лет – максимум с 2019 года // Минэкономразвития. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_v_rossii_rabotayut_2,7_mln_molodyh_predprinimateley_do_25_let_maksimum_s_2019_goda.html (дата обращения: 07.05.2026).

Но было бы неверно говорить только о проблемах. У молодых предпринимателей есть уникальные преимущества, которые при правильной поддержке дают колоссальный эффект.

1. Цифровая грамотность. Молодежь выросла в цифровой среде. Они свободно пользуются CRM-системами, аналитическими инструментами, маркетплейсами и нейросетями. Это позволяет запускать бизнес с минимальными вложениями[2].

2. Скорость реакции. Молодые предприниматели чувствуют запросы своей аудитории. Это связано с новым опытом жизни в условиях цифровизации, который позволяет находить нестандартные пути решения традиционных вопросов [3].

3. Ориентация на тренды. Молодые люди чувствуют запросы своей аудитории. Именно они создают бизнесы в сфере EdTech, устойчивого развития, креативных индустрий, то есть в зонах роста, где традиционный бизнес часто опаздывает.

4. Готовность к экспериментам. Молодежь менее скована устаревшими моделями. Они легче пробуют новые бизнес-модели, например, подписки и краундфайдинг [4].

Анализ успешных практик позволяет выделить несколько направлений, которые реально работают. На уровне государства можно выделить три эффективные меры. Первая – грантовая поддержка. Программа «Стартап как диплом», гранты до 500 тысяч рублей для молодых предпринимателей до 25 лет, конкурсы Фонда содействия инновациям – эти инструменты уже помогли запустить тысячи проектов[3]. Однако важно не только давать деньги, но и сопровождать проекты наставниками.

Вторая – налоговые режимы. Самозанятость и упрощенная система налогообложения снижают порог входа. Введение нулевых налоговых ставок на первые два налоговых периода для впервые зарегистрированных ИП в производственной и социальной сферах весьма помогают начинающим предпринимателям.

Третья – инфраструктура. Центры «Мой бизнес», бизнес-инкубаторы при вузах, технопарки должны быть не просто зданиями, а местами, где молодой предприниматель получает консультации, менторскую поддержку и доступ к недорогим ресурсам[4].

На уровне образования и вузов ключевая задача – перейти от теории к практике. Курс «Основы предпринимательства» должен включать реальную разработку бизнес-модели, встречи с действующими предпринимателями, бизнес-симуляции. Эффективны внутривузовские акселераторы, где студенческие проекты получают посевное финансирование[5].

На уровне общественных институтов важен нетворкинг и наставничество. Молодому предпринимателю нужен не просто ментор из числа успешных бизнесменов, а понятная экосистема: сообщества, клубы, конкурсы, где он получает обратную связь, партнеров, первых клиентов.

Библиографический список

1. Дуплинская Е.Б. (2024). Финансовая политика региона и особенности ее реализации: в сборнике: XXX Апрельские экономические чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск. С. 135–138.
2. Шатунова Т.Е., Вейде Р.В., Волошин Е.Е. (2025). Триггеры как средство повышения эффективности работы современных предприятий // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы X Международной научно-практической интернет-конференции. Вологда. С. 143–146.
3. Терешкина Н.Е., Халтурина О.А. (2025). Производительность труда в России: негативные тенденции и пути роста // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 1. С. 126–131.
4. Румянцев Н.М. (2025). Направления стимулирования конечного потребления в региональной экономике. Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Москва. С. 288–291.

[2] Лукин Е.В., Леонидова Е.Г. (2024). Устойчивое развитие региональной экономики: возможности межотраслевого анализа и моделирования: учебное пособие. Вологда.

[3] Гранты для молодых предпринимателей в 2026 году // УБРиР. URL: https://www.ubrr.ru/dlya-biznesa/podderzhka-biznesa/spravochnik-predprinimatelya/grant-molodym-predprinimatelyam (дата обращения: 09.05.2026).

[4] Мой бизнес. URL: https://мойбизнес.рф (дата обращения: 11.05.2026).

[5] Молодой бизнес против старых проблем // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodoi-biznes-protiv-starykh-problem (дата обращения: 01.05.2026).

Информация об авторах

Татьяна Евгеньевна Шатунова – старший преподаватель, Сибирский государственный университет путей сообщения (Российская Федерация, 630049, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, д. 191; e-mail: shatun678@mail.ru)

Михаил Андреевич Боболев – студент, Сибирский государственный университет путей сообщения (Российская Федерация, 630049, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, д. 191)

Shatunova T.E., Bobolev M.A.

PATHS TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF YOUTH ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA

Abstract. *This article examines the development of youth entrepreneurship in a dynamically changing environment. The article aims to analyze existing challenges in youth entrepreneurship, assess the benefits of youth entrepreneurship, and identify effective measures to support youth entrepreneurship. The paper recognizes the importance of youth entrepreneurship, but also considers the barriers hindering youth involvement in the economic sector. The study's results demonstrate that young entrepreneurs in today's environment require a clear ecosystem: communities, clubs, competitions where they receive feedback, partners, and first clients.*

Keywords: *youth entrepreneurship, economic development, socioeconomic issues*.

About the authors

Tatyana E. Shatunova – Senior Lecturer, Siberian State Transport University (191, Dusi Kovalchuk Street, Novosibirsk, 630149, Russian Federation; e-mail: shatun678@mail.ru)

Mikhail A. Bobolev – Student, Siberian State Transport University (191, Dusi Kovalchuk Street, Novosibirsk, 630049, Russian Federation)

References

1. Duplinskaya E.B. (2024). Regional financial policy and its implementation features: in the collection: XXX April economic readings. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Omsk, 135–138.
2. Shatunova T.E., Veide R.V., Voloshin E.E. (2025). Triggers as a Means of Improving the Efficiency of Modern Enterprises: in the collection: Problems of Economic Growth and Sustainable Development of Territories. Proceedings of the X International Scientific and Practical Internet Conference. Vologda, 143–146.
3. Tereshkina N.E., Khalturina O.A. (2025). Labor Productivity in Russia: Negative Trends and Growth Paths. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 1, 126–131.
4. Rumyantsev N.M. (2025). Directions for Stimulating Final Consumption in the Regional Economy: in the collection: Income, Expenses, and Savings of the Population of Russia: Trends and Prospects. Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference. Moscow, 288–291.

УДК 332.1 / ББК 65.9

Широкова Е.Ю.

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Аннотация. *Проанализирована динамика промышленности регионов Северо-Запада России в 2016–2025 гг. Выявлены структурные различия добывающих и обрабатывающих производств, регионы-лидеры и аутсайдеры. Определены ключевые вызовы: удорожание кредитов и кадровый дефицит*.

Ключевые слова: *промышленность СЗФО, индекс производства, обрабатывающие производства, добывающие производства, региональная динамика*.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках НИР № FMGZ-2025-0012 «Структурно-технологическая трансформация региональной экономики в условиях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: мониторинг, регулирование и прогноз».

Мониторинг состояния промышленности регионов России является приоритетной задачей для научного сообщества, бизнес-структур и органов региональной власти для выявления барьеров сектора, определения основных целей его развития и разработки мер поддержки. По последним данным Росстата[1], в промышленности зафиксирована стагнация, сфера строительства сокращается, инфляция растет. Обращая внимание на субъекты СЗФО, можно отметить изменения в Санкт-Петербурге и Ленинградской области как во второй по размеру крупнейшей агломерации в стране. По информации Петростата[2], Санкт-Петербург удерживает рост за счет промышленного комплекса, обеспечивающего выполнение приоритетных задач и финансируемого из бюджета, а в Ленинградской области спад глубже, чем в среднем по стране[3].

Роль промышленности в регионах зависит от множества факторов, однако для главных акторов субъектов страны представляет интерес возможность составления прогноза ее развития [4] с применением методов математического моделирования или в соответствии с субъективными оценками руководителей предприятий [1; 2]. Востребованы работы, рассматривающие меры политики, приведшие к быстрому росту азиатских экономик. Их адаптация к российским условиям может повысить эффективность государственного регулирования для достижения технологического суверенитета России [3].

Целью исследования является анализ динамики промышленности регионов Северо-Запада России. Для достижения цели решены следующие задачи:

– рассмотрена динамика индексов промышленного производства, обрабатывающих и добывающих отраслей в период с 2016 по 2025 года;

– выделены возможные причины изменений в отраслях и промышленности в целом.

Информационной базой исследования являются данные Росстата, научные труды российских исследователей.

Рассматриваемый временной период включает пандемию, усиление санкционного давления и начало специальной военной операции, что имело влияние на работу промышленности в стране и в Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) в частности. Так, по динамике индекса промышленного производства в макрорегионе видно, что единственным годом его падения был 2020 – год начала пандемии и введения противопандемических ограничений (*табл. 1*).

[1] Социально-экономическое положение России. Январь-февраль 2026 года // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-02-2026.pdf

[2] Социально-экономическое положение Санкт-Петербурга и Ленинградской области в январе–феврале 2026 года // Росстат. URL: https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/11000826_022026.pdf

[3] Петербург и Ленобласть: региональный срез общероссийской стагнации // Фонтанка. URL: https://www.fontanka.ru/2026/04/07/76353400/

Таблица 1. **Динамика индекса промышленного производства,** 2016–2025 гг.

Регион СЗФО	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2025/2016
Республика Карелия	103,0	103,7	103,9	100,4	105,5	101,2	93,1	100,2	98,8	94,5	93,4
Республика Коми	98,9	95,8	102,0	102,2	91,2	101,7	104,6	100,3	99,9	97,2	97,1
Архангельская область	92,4	116,3	100,9	102,1	99,1	100,9	95,5	98,8	107,5	100,0	107,5
Ненецкий автономный округ	115,5	96,9	96,5	98,9	88,9	102,4	112,1	93,7	97,6	95,5	93,2
Вологодская область	102,3	102,4	104,6	103,9	102,3	101,0	96,6	106,2	101,2	101,8	103,0
Калининградская область	101,6	101,8	104,9	100,4	93,6	104,3	77,3	96,7	103,2	108,8	112,3
Ленинградская область	104,1	100,5	104,9	105,1	98,9	107,9	96,8	107,7	110,4	96,6	106,7
Мурманская область	102,2	111,6	101,5	108,0	101,0	105,7	95,9	97,5	99,7	88,6	88,3
Новгородская область	106,4	105,4	101,0	103,0	102,5	106,8	92,5	102,7	102,7	109,0	111,9
Псковская область	105,4	107,1	100,1	106,9	96,3	105,6	99,4	112,6	108,5	98,3	106,7
г. Санкт-Петербург	103,8	105,4	104,4	104,5	98,4	106,4	106,1	113,1	116,9	105,4	123,2
СЗФО	**103,3**	**103,0**	**102,9**	**103,4**	**97,4**	**105,2**	**100,5**	**105,3**	**107,7**	**100,6**	**108,3**
Составлено по: данные Росстата.											

После быстрого восстановления в 2021 году на фоне эффекта низкой базы заметно снижение индекса в 2022 году – начало СВО и усиление санкционного давления. В 2023–2024 гг. было введено множество мер государственной поддержки отрасли для нивелирования потери внешнеторговых связей со странами ЕС и США, что помогло избежать падения показателя. В дальнейшем снижение индекса промышленного производства можно объяснить снижением эффективности мер поддержки, их временным характером, а также введением ограничений, связанных с денежно-кредитной политикой. С 2016 года рост промышленности составил более 8%, что является позитивным результатом, учитывая все пройденные кризисы.

Динамика добычи полезных ископаемых внесла отрицательный вклад в промышленность макрорегиона – с 2016 года падение показателя составило 5,5%. По изменению индекса добывающих производств также заметен спад в 2020 году, как реакция на введение ограничений, а к 2025 году фиксируется ежегодное падение показателя, начиная с 2023 года (*табл. 2*).

Таблица 2. **Динамика индекса промышленного производства по добыче полезных ископаемых в регионах СЗФО,** 2016–2025 гг.

Регион СЗФО	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2025/2016
Республика Карелия	103,2	103,0	100,9	94,0	104,2	104,2	95,3	100,8	98,8	99,3	98,1
Республика Коми	98,7	93,4	102,4	103,0	90,8	99,7	108,1	99,4	100,4	96,2	96,6
Архангельская область	113,4	113,4	121,5	114,5	74,0	123,9	100,8	92,0	101,1	78,6	79,5
Ненецкий автономный округ	115,6	96,9	96,5	98,8	88,7	102,4	112,3	93,5	97,4	95,5	93
Вологодская область	92,1	114,3	121,6	115,4	128,0	100,3	104,9	97,1	93,6	94,7	88,6
Калининградская область	93,3	93,0	95,4	94,9	91,6	98,7	84,1	95,9	97,1	96,7	93,9
Ленинградская область	52,5	96,8	114,2	107,7	102,8	98,7	99,2	108,5	99,1	81,7	81,0
Мурманская область	106,6	107,6	103,5	104,3	107,1	98,2	88,5	103,6	95,8	99,3	95,1
Новгородская область	90,9	84,8	58,8	52,4	91,4	133,4	92,8	90,7	84,1	89,4	75,2
Псковская область	107,6	109,9	111,1	129,1	112,3	106,5	97,7	95,4	106,3	89,4	95,0
г. Санкт-Петербург	143,8	106,4	101,9	73,8	84,4	131,4	40,6	85,6	146,1	72,7	106,2
СЗФО	**105,1**	**96,9**	**100,5**	**100,6**	**91,6**	**102,2**	**104,6**	**97,2**	**99,2**	**95,3**	**94,5**
Составлено по: данные Росстата.											

Добывающие производства оказались в долгосрочном тренде снижения, что связано с истощением запасов, падением цен на отдельные виды сырья, снижением экспортных возможностей и ограничениями на инвестиции в геологоразведку. Самый глубокий спад среди регионов в Новгородской области (-24,8%), что могло стать следствием окончания крупных инвестиционных проектов (например, федеральная трасса М-11 «Нева») и падением спроса на основу добывающего сектора региона – строительный песок и песчано-гравийные смеси. Для Новгородской области добыча не является основой экономики и занимает в ее структуре небольшую долю (0,3% в 2022 году[4]), поэтому снижение индекса не привело к существенным проблемам в экономике региона. Лидер в росте индекса Санкт-Петербург также имеет низкий удельный вес обрабатывающих производств (1,6% в 2022 году[5]).

Важной структурной характеристикой является расхождение траекторий добывающих и обрабатывающих отраслей. Обрабатывающие производства, на долю которых приходится основная часть промышленного выпуска, росли быстрее: итоговый индекс в 2025 году относительно 2016 года составил 113,5%. Добывающие отрасли, напротив, сократились до 94,5% от уровня десятилетней давности. Это означает, что промышленный рост в округе полностью обеспечивался перерабатывающими производствами, тогда как сырьевой сектор находился в затяжной рецессии (*табл. 3*).

Таблица 3. **Динамика индекса обрабатывающих производств в регионах СЗФО,** 2016–2025 гг.

Регион СЗФО	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2025/2016
Республика Карелия	103,3	104,2	107,5	106,3	106,0	99,8	91,1	98,2	98,9	90,5	89,5
Республика Коми	99,4	104,3	99,5	100,0	90,6	107,8	94,9	104,3	98,1	101,9	100,0
Архангельская область	88,5	118,9	98,0	99,9	104,4	97,4	94,5	99,6	109,8	104,2	114,4
Ненецкий автономный округ	117,0	75,5	91,4	114,5	111,4	107,6	105,6	108,4	120,3	102,7	123,6
Вологодская область	101,8	103,4	104,8	103,6	102,8	101,9	96,0	106,1	101,3	102,5	103,8
Калининградская область	101,5	102,4	106,6	101,1	93,5	103,1	75,7	97,1	103,2	111,2	114,8
Ленинградская область	105,2	102,1	103,6	106,0	100,4	107,5	96,7	110,6	110,4	95,2	105,1
Мурманская область	101,1	115,8	101,8	112,3	98,4	110,1	98,5	94,2	100,7	81,8	82,4
Новгородская область	106,8	105,2	101,9	105,6	103,3	105,7	91,5	103,4	102,5	110,0	112,8
Псковская область	106,8	104,4	101,6	106,9	96,3	104,4	113,1	110,0	108,5	101,6	110,2
г. Санкт-Петербург	103,3	105,3	104,5	106,2	99,3	105,8	105,6	115,1	118,9	107,0	127,2
СЗФО	**102,2**	**105,7**	**103,5**	**104,2**	**99,7**	**105,6**	**100,0**	**108,6**	**110,8**	**102,4**	**113,5**
Составлено по: данные Росстата.											

Санкт-Петербург является абсолютным лидером как по динамике промышленного производства (итоговый рост 123,2%), так и по обрабатывающей промышленности (127,2%). Такая траектория характерна для региона с диверсифицированной структурой, сильным оборонно-промышленным комплексом, развитым машиностроением и высокой инвестиционной активностью. Снижение до 107% в 2025 году может отражать исчерпание первичных эффектов импортозамещения и рост издержек, включая удорожание кредитов.

Калининградская и Новгородская области показали сопоставимые результаты с итоговыми индексами промышленного производства 112,3 и 111,9% соответственно. Их промышленный рост сопровождался довольно сильными колебаниями. В Калининградской области проблемы связаны с логистическими ограничениями и зависимостью от импортных поставок, а в Новгородской наблюдался устойчивый, но невысокий рост.

[4] Новгородская область // Инвестиционный портал регионов России. URL: https://investinregions.ru/regions/53/statistics/
[5] Санкт-Петербург // Инвестиционный портал регионов России. URL: https://investinregions.ru/regions/78/statistics/

Таким образом, пандемия 2020 года вызвала синхронный спад во всех регионах, но разной глубины. Санкционные ограничения 2022 года проявились не сразу и неравномерно: для Калининградской и Ленинградской областей шок был немедленным и сильным; для Санкт-Петербурга он оказался почти незаметным в силу специфики производства или быстрой перестройки цепочек поставок. В 2023–2024 гг. включились механизмы импортозамещения и государственного оборонного заказа, что привело к ускорению роста в обрабатывающих производствах. Однако к 2025 году эти факторы исчерпали свой импульс, а на первый план вышли новые ограничения – высокая ключевая ставка, удорожание кредитов, нехватка квалифицированных кадров и логистические проблемы.

Промышленность Северо-Западного федерального округа за 2016–2025 гг. в целом сохранила положительную динамику, однако этот рост был обеспечен исключительно обрабатывающими производствами. Добывающая промышленность устойчиво сокращалась. Лидерами стали регионы с диверсифицированной структурой, сильным машиностроением, оборонным заказом и развитой инфраструктурой (Санкт-Петербург, Калининградская и Новгородская области). Аутсайдерами – регионы с высокой сырьевой составляющей и низкой диверсификацией (Республика Карелия, Мурманская область). Резкие колебания индексов указывают на сохраняющуюся уязвимость промышленности к внешним шокам. Основными вызовами на ближайшую перспективу являются снижение инвестиционной активности из-за дорогих кредитов и кадровый дефицит. Для дальнейшего устойчивого роста необходимо расширение инструментов льготного финансирования реального сектора и развитие программ подготовки инженерно-технических кадров.

Библиографический список

1. Волкова К.С., Гусев М.С. (2026). Промышленная политика азиатских стран: путь к технологическому суверенитету // Проблемы прогнозирования. № 2 (215). С. 178–191. DOI: 10.47711/0868-6351-215-178-191
2. Кувалин Д.Б., Зинченко Ю.В., Ибрагимов Ш.Ш., Зайцева А.А. (2025). Российские предприятия весной 2025 года: падение инвестиционной активности из-за высокой стоимости кредитов // Проблемы прогнозирования. № 6 (213). С. 173–190. DOI: 10.47711/0868-6351-213-173-190
3. Малкина М.Ю., Семенов А.В., Капитанова О.В., Рогачев Д.Ю. (2026). Прогнозирование и управление развитием обрабатывающей промышленности региона на основе эконометрического моделирования и цифрового интерфейса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 2. С. 96–120. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.5
4. Широкова Е.Ю., Лукин Е.В. (2025). Производственный сектор экономики Северо-Запада России: продолжение адаптации к санкционному давлению // Проблемы развития территории. Т. 29. № 6. С. 106–127. DOI: 10.15838/ptd.2025.6.140.7

Информация об авторе

Елена Юрьевна Широкова – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: shir11@bk.ru)

Shirokova E.Yu.

ANALYSIS OF INDUSTRY DYNAMICS REGIONS OF THE NORTH-WEST OF RUSSIA

Abstract. *The industrial dynamics of Russian Northwest regions in 2016–2025 is analyzed. Structural differences between mining and manufacturing, leaders and outsiders are identified. Key challenges include expensive loans and personnel shortages.*

Keywords: *Northwest Russia industry, production index, manufacturing, mining, regional dynamics.*

About the author

Elena Y. Shirokova – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: shir11@bk.ru)

References

1. Volkova K.S., Gusev M.S. (2026). Industrial policy of Asian countries: the path to technological sovereignty. *Problems of forecasting*, 2(215), 178–191. DOI: 10.47711/0868-6351-215-178-191
2. Kuvalin D.B., Zinchenko Yu.V., Ibragimov Sh.Sh., Zaitseva A.A. (2025). Russian enterprises in the spring of 2025: a drop in investment activity due to the high cost of loans. *Forecasting problems*, 6(213), 173–190. DOI: 10.47711/0868-6351-213-173-190
3. Malkina M.Yu., Semenov A.V., Kapitanova O.V., Rogachev D.Yu. (2026). Forecasting and managing the development of the region's manufacturing industry based on econometric modeling and digital interface. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 19(2), 96–120. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.5
4. Shirokova E.Yu., Lukin E.V. (2025). The manufacturing sector of the economy of the North-West of Russia: continued adaptation to sanctions pressure. *Problems of territorial development*, 29(6), 106–127. DOI: 10.15838/ptd.2025.6.140.7

УДК 657.3 / ББК 65.05

Якимишина Л.С., Попова Н.И.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СПРОС КАК ТРИГГЕР ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА

Аннотация. *В статье изложена квинтэссенция и генезис идей сбалансированной системы показателей как инновационного инструмента информационного сопровождения стратегического развития бизнеса в конкурентной среде со свойственными ей растущими потребительскими запросами. Критически оценены достоинства и проблемы первого, второго и третьего поколений BSC, трансформирующих традиционные системы управленческого учета в инновационные. Даны рекомендации по имплементации элементов BSC, количественной характеристике связей, мер реализации ключевых идей.*

Ключевые слова: *потребительский спрос, сбалансированная система показателей BSC, управленческий учет.*

Актуальность темы обусловлена императивностью ориентации бизнеса не только на внутренние, но и на внешние факторы его развития. Важнейшим из них является потребительский спрос на продукты, инновационность которых позволяет закрепить лидирующие позиции в своем сегменте рынка, минимизируя при этом риски бизнеса и издержки, им обусловленные. Решение этой проблемы требует инновационных подходов к информационному сопровождению стратегического развития бизнеса, что обуславливает потребность в соответствующей трансформации системы управленческого учета.

Проблема поиска инновационной системы управленческого учета, способной обеспечить информационную поддержку стратегического развития бизнеса, инициирует широкую дискуссию, в которую вовлекается и отечественный, и зарубежный экономический истеблишмент с мировой известностью: И. Ансофф [1], Л. Брейди, Р. Каплан, Д. Нортон [2], Р. Мамбу, Р. Нижегородцев, А. Томпсон [4], Н. Чамберз, А. Файоль, Д. Фишман, М. Фейгенбаум, Ф. Хедоури, А. Шнейдерман и др. Между тем, многогранность проблемы требует дальнейших исследований, что определило цель данной работы.

Цель данной работы состоит в систематизации и развитии идей сбалансированной системы показателей как инновационной системы, функционал которой позволяет обеспечить информационное сопровождение стратегического развития бизнеса в конкурентной среде с характерной для нее динамичностью потребительских запросов покупателей.

Проведенным исследованием установлено, что компании, стремящиеся к лидерству на длительную перспективу, интересуются инновационными инструментами стратегического управления, ориентированными на потребительский спрос. Подобная идеологема заложена в концепции сбалансированной системы показателей (Balanced Scorecard – BSC).

Растущая популярность BSC как действенного инновационного инструмента обусловлена тем, что классические подходы к управлению стратегией развития бизнеса не дают искомого результата в силу отсутствия отлаженного механизма доведения стратегических целей компании до персонала; несовершенство мотивации для его вовлечения в решение бизнес-задач, ориентированных на потребительский спрос; внесистемность показателей оценки степени достижения стратегических целей и задач; недостаточно структурированный поток информации, требующейся для стратегического управления.

Опыт зарубежных и отечественных компаний с мировой известностью убедительно свидетельствует о решении обозначенных проблем посредством использования BSC.

Исследование исторических корней и обстоятельств, обусловивших появление BSC, дает нам основание констатировать, что в недавнем прошлом производители, будучи сосредоточенными на массовом выпуске продукции для рынка, далекого от насыщения и персонализации потребительских запросов покупателей, основное внимание в управлении бизнесом уделяли факторам роста товарного производства, эффективность которого оценивалась исключительно по финансовым результатам. Между тем, традиционно сложившаяся ориентация на финансовые показатели (модель «Du Pont» и др.) не только не способствует достижению бизнес-целей, но создает известные риски дисбаланса развития.

Объясняется это недостаточным вниманием к внутренним, а особенно, к внешним факторам, влияющим на бизнес. Между тем, стратегические цели бизнеса непременно должны быть ориентированы и на внутреннюю, и на внешнюю конкурентную среду.

Важнейшим фактором внутренней среды является трудовой ресурс компании, реализующий концепцию развития бизнеса, имеющий финансовый и нефинансовый интерес.

Вместе с тем, для достижения тактических и стратегических задач нельзя не учитывать интересы покупателей, включая потенциальных, претендующих на удовлетворение своих потребительских запросов, изменяющихся соответственно динамичности развития внешней конкурентной среды, степени насыщенности потребительского рынка. При этом потребительские запросы характеризуются не только и не столько финансовыми показателями (цена и др.), сколько нефинансовыми – качеством, вкусовыми, эстетическими и другими органолептическими свойствами требующихся продуктов. В конкурентной среде бизнес не может игнорировать эти потребительские запросы, выступающие важным внешним фактором, определяющим стратегию развития бизнеса. Ввиду этого по мере насыщения товарного рынка при возрастающих запросах покупателей относительно потребительских качеств товаров ключевым фактором успеха и конкурентоспособности бизнеса становятся инновационные продукты, разрабатываемые в соответствии с требованиями потребителей. Это мотивирует производителей к смещению акцентов в управлении на удовлетворение потребительских интересов, приводит к пониманию невозможности управления бизнесом лишь на основе финансовых показателей его состояния и развития. Это стало триггером изменения подходов к теории и практике управления, произошедших с 70-х годов прошлого столетия. Как результат, с этого времени в управлении актуализируется модель, представляющая компанию как сложную иерархическую структуру, требующую стратегического управления. Это, в свою очередь, потребовало новых подходов к построению управленческого учета, обусловив его направленность на информационную поддержку стратегии развития бизнеса. Сформировавшаяся сообразно этому инновационная концепция и основанная на ней система, ориентированная на стратегическое управление, появилась в начале 90-х годов. Таковой стала BSC. Она сразу же вызвала оживленную дискуссию о том, как и насколько эффективно на ее основе может быть реализовано стратегическое управление.

Впервые системно положения концепции BSC были изложены в статье «The Balanced Scorecard − Measures that Drive Performance», опубликованной в 1992 году в журнале Harvard Business Review. Статья стала результатом многолетних исследований ее авторов: Роберта Каплана, профессора Harvard Business School и Дэвида Нортона, профессора, основателя и президента компании Balanced Scorecard Collaborative. Основу исследований Р. Каплана и Д. Нортона составила выдвинутая ими гипотеза о том, что для успешного управления развитием бизнеса предприятию одних финансовых данных недостаточно, а потому требуется новый подход, а именно BSC, поскольку: «Одних финансовых показателей сегодня уже недостаточно для описания процесса создания стоимости предприятия. Ее основная часть складывается не из материальных активов предприятия, а из таких “неосязаемых” вещей, как его персонал, используемые системы, бизнес-процессы, инновации, отношения компании с потребителями. Финансовые показатели не могут отразить состояние этих активов или их вклад в создание стоимости, поэтому необходима всеобъемлющая система, включающая как финансовые, так и нефинансовые показатели, которая бы ясно показывала, как создается стоимость» [2].

В подтверждение обоснованности утверждений Р. Каплана и Д. Нортона относительно уязвимости традиционных подходов к стратегическому управлению, базирующемуся исключительно на оценке финансовых показателей, служит ситуация с Xerox – крупнейшего производителя копировальной техники с мировой известностью. В конце 70-х годов эта корпорация понесла настолько существенные убытки, что оказалась на грани краха. В это время компания Xerox, будучи монополистом на рынке, успешно зарабатывала на копирайте, сдавая в аренду копировальные аппараты. Выбранная корпорацией стратегия наращивания объема продаж для максимизация финансового результата обусловила соответствующий рост издержек на бумагу, заправку картриджей, ремонт копировальной техники, которая вследствие интенсивного использования часто выходила из строя и не обеспечивала должного качества копий, что обуславливало претензии клиентов. В этих условиях, не изменяя стратегическую ориентацию на мультиплицирование прибыли, было принято решение о диверсификации бизнеса – продаже техники и организации сети сервисных центров, что привело к еще большему росту издержек и, как следствие, сказалось на ценообразовании.

Ситуация еще более обострилась с появлением на рынке американских и японских компаний с их менее дорогостоящей, но более надежной копировальной техникой, обеспечивающей надлежащее качество копий. В результате Xerox, нацеленный исключительно на увеличение прибыли и рентабельности, и, по сути, игнорирующий потребительские интересы, стал настолько стремительно утрачивать прежние преимущества, что за несколько лет был буквально вытеснен с рынка копирайта. В итоге лишь в начале 80-х годов с изменением стратегии максимизации прибыли и рентабельности капитала на приоритет высокого качества и рост удовлетворенности клиентов, Xerox восстановил былые конкурентные преимущества.

Печальный опыт Xerox свидетельствует о невозможности судить об эффективности исполнения стратегии и управлять ею, основываясь только лишь на финансовых показателях, игнорируя нефинансовые: качество, удовлетворенность клиентов, эффективность бизнес-процессов, рост квалификации персонала и др. Поэтому необходимы такие новые инструменты управления стратегическим развитием, как BSC, при внедрении которых важно соблюдать базовые принципы и опыт ее применения. Р. Каплан и Д. Нортон на основе эмпирических исследований в 12-ти компаниях подтвердили, что успешные компании формируют BSC, по меньшей мере, по четырем перспективам: Финансы, клиенты, внутренние бизнес-процессы, обучение и развитие. Целесообразность такого подхода подтверждена в трудах Л. Брейди, Р. Мамбу, Н. Чамберза, А. Файоля, Д. Фишмана, Е. Крюковой [3] и др. Чтобы стратегия не оказалась формальной важно, чтобы BSC связала каждую цель с конкретными шагами по ее достижению, что контролируется посредством KPI (Key Performance Indicators) – ключевых показателей эффективности, отражающих степень достижения поставленных целей. Для этого на этапе подготовки к построению BSC разрабатывается стратегия, определяются ее перспективы, цели для ее достижения и соответствующие измерители KPI (*табл. 1*).

Таблица 1. **Взаимосвязь перспектив, стратегических целей и KPI**

Перспектива	Стратегическая цель	KPI
Финансы	Рост продаж постоянным покупателям	Доля повторных покупок
Клиенты	Повышение удовлетворенности покупателей	Индекс лояльности покупателей
Внутренние бизнес-процессы	Сокращение времени выполнения заказов	Среднее время выполнения заказа
Обучение и развитие	Развить компетенций персонала	Число удостоверений о повышении квалификации работника

При этом оценка степени достижения цели по перспективе «Финансы» требует финансовых показателей измерения (выручка, прибыль, рентабельность и др.), а перспектива «Клиенты», – нефинансовых показателей (удовлетворенность потребителей, количество новых и повторных заказов, репутация компании и др.) Сообразно изложенной логики разработки и внедрения BSC, определившись с перспективами, по каждой из них конкретизируют стратегические цели, показывая их взаимосвязь логическими цепочками. Затем решают, кто персонально будет причастен к выполнению мер по достижению цели; каким должен быть KPI и как он вписывается во всю систему показателей BSC.

Особо подчеркнем, что результатом теоретических исследований и освещения практического опыта применения сбалансированной системы показателей стала растущая ее популярность как эффективного инструмента стратегического управления. Так, уже через десятилетие после своего обнародования, BSC использовалась, по данным Bain&Company, половиной компаний из перечня Global 1000. Согласно другому источнику, журналу Fortune, BSC стала основным инструментом стратегического управления в 402 компаниях из 500, входящих в рейтинг Fortune-500, в том числе в корпорациях Coca-Cola, BP, General Electric, McDonalds, L'Oreal, BMW, Boeing, Samsung Electronics. В скором времени интерес к BSC стали активно проявлять и российские компании, стремящиеся к лидерству в своем сегменте рынка, опытом которых подтверждена эффективность BSC: ЛУКойл, НИКойл, Северсталь, Стэк, Красный Октябрь, издательство РОСМЭН и другие, а также предприятия и финансово-кредитные организации ближнего зарубежья, – к примеру, Аваль-банк.

Вместе с тем, несмотря на растущую востребованность, BSC первого поколения не была лишена критики. Одни ее оппоненты связывали популярность BSC со статусом Р. Каплана и Гарвардской школы бизнеса, другие – аргументировали свои сомнения тем, что отдельные компании применяют нефинансовые показатели BSC чисто формально, игнорируя причинно-следственные связи показателей со стратегическими целями и тем самым создавая возможность для манипулирования показателями. Такие риски, бесспорно, игнорировать нельзя, поскольку целью создания BSC, по сути, и было применение комплекса показателей для объективной оценки степени приближения предприятия к стратегическим целям. Сказанное подтверждает, что для широкого распространения потребовалась дальнейшая развернутая проработка системы, которую ныне принято именовать BSC первого поколения. Именно из-за отсутствия такой проработки, а также в силу схоластики применяемых показателей, BSC первого поколения воспринималась, скорее, как метод операционного контроля, а не как инструмент реализации стратегии бизнеса, как было задумано ее авторами.

Несмотря на критику, а вполне возможно и благодаря ей, сбалансированная система показателей получила дальнейшее развитие в BSC второго и третьего поколений и по сей день является известной инновационной концепцией управления, востребованной международной практикой. Инновации второго поколения BSC заключаются в установлении и визуализации логических взаимосвязей между составляющими системы и стратегическими целями; детальной проработке миссии, стратегических задач и мер для их выполнения по каждой из четырех перспектив BSC в их взаимосвязи и привязке к финансовым и нефинансовым показателям. Сообразно этому в своих последующих работах Д. Нортон и Р. Каплан развили идею о причинно-следственных связях разработанной ими модели, предложив инновационный уровень их визуализации – составление стратегических карт. Тот факт, что основные элементы интерфейса BSC приобрели свой современный вид именно в BSC второго поколения, является важным ее достоинством. Между тем, BSC второго поколения не решила всех проблем, включая проблему персонализации лиц, определяющих стратегические цели, доведения до нижних уровней иерархии управления стратегического видения долгосрочных горизонтов развития бизнеса и вытекающих из этого задач. Поэтому дальнейшее развитие BSC касалось имплементации всех элементов системы, количественной характеристики связей компонентов BSC с конкретизацией мер ее реализации. Третье поколение системы сбалансированных показателей ориентировано на придание BSC второго поколения большей функциональности, улучшение связи стратегии с конкретными действиями, а также на адаптацию возможностей BSC к цифровой среде, потребовавшей пересмотра методов и инструментов управления согласно приоритетам «Industrie 4.0». Относительно последнего заметим, что агентством 2GC предложен новый инструмент модели BSC – Destination statements (положения о будущем состоянии). Ориентированные на использование менеджерами, реализующими стратегические задачи, Destination statements словесными и числовыми характеристиками описывают, чего и когда предприятие должно достичь в известном горизонте будущего. В этой модели две перспективы, что упрощает модель Д. Нортона и Р. Каплана. Ее цель заключается в упрощении процесса отбора мер и задач с тем, чтобы посредством простой в восприятии двухмерной связи отсеять незначимые меры, помочь менеджерам предвидеть последствия своих действий и оценивать предполагаемую полезность результатов. Другим вектором развития нового поколения BSC стала идея о приоритетности перспективы «Обучение и развитие», характеризующей мощь человеческого капитала, способную на основе мотивации персонала обеспечить успешное стратегическое развитие бизнеса и удовлетворение растущих потребительских запросов. Чтобы достичь этого BSC смещает акценты с предприятия на конкретного работника посредством составления его личной сбалансированной системы показателей (Personal Balanced Scorecard, – PBS). Инновационные инструменты BSC третьего поколения, предусматривающие отражение роли человеческого капитала в создании единой интегрированной схемы управления бизнесом, внесли существенный вклад в совершенствование методологии и технологий управленческого учета, обогатили его функционал возможностями BSC и, соответственно, ее востребованность компаниями, включая отечественные.

Обобщение вышесказанного позволяет сделать вывод о том, что динамичное распространение сбалансированной системы показателей, ориентированной на стратегическое развитие бизнеса в конкурентной среде со свойственными ей растущими потребительскими запросами, трансформирует традиционные системы управленческого учета в инновационные. Как результат, с началом третьего тысячелетия управленческий учет приобретает черты стратегического, основная цель которого состоит в информационном сопровождении стратегического развития бизнеса в конкурентной среде, поддержка достижения стратегических целей компании с интерпретацией и доведением данных о процессе создания потребительной стоимости до всех заинтересованных лиц, включая не только персонал, акционеров, контрагентов, но и покупателей с их динамично возрастающими потребительскими запросами.

Библиографический список

1. Ансофф И. (1989). Стратегическое управление / пер. с англ.; науч. ред. и авт. предисл. Л.И. Евенко. Москва: Экономика. 519 с.
2. Каплан Р., Нортон Д. (2021). Сбалансированная система показателей. Москва: Олимп-Бизнес.
3. Крюкова Е.М. (2014). Система сбалансированных показателей (BSC) и концепция экономической добавленной стоимости (EVA) в системе стратегического управления сервисной компании // Стратегии бизнеса. Электронный научно-экономический журнал. № 3. С. 26–31.
4. Томпсон А.А. (мл.), Стрикленд А.Дж. (2007). Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа / пер. с англ. А.Р. Ганиевой и др.; 12-е изд. Москва: Вильямс. 924 с.

Информация об авторах

Лада Станиславовна Якимишина – магистрант, Донецкий государственный университет (Российская Федерация, 83015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, д. 198а; e-mail: ladaiakimishina@mail.ru)

Наталья Ивановна Попова – кандидат экономических наук, доцент, Донецкий государственный университет (Российская Федерация, 83015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, д. 198а; e-mail: popova.pni@mail.ru)

Yakimishina L.S., Popova N.I.

CONSUMER DEMAND AS A TRIGGER FOR THE INTRODUCTION OF INNOVATIVE MANAGEMENT ACCOUNTING SYSTEMS

Abstract. *The article outlines the essence and genesis of the ideas of a balanced scorecard as an innovative tool for information support of strategic business development in a competitive environment with its characteristic growing consumer demands. The advantages and problems of the first, second and third generations of BSC, which transform traditional management accounting systems into innovative ones, are critically assessed. Recommendations are given on the implementation of BSC elements, quantitative characterization of relationships, and measures to implement key ideas*.

Keywords: *consumer demand, balanced scorecard BSC, management accounting.*

.

About the authors

Lada S. Yakimishina – Master Degree Student, Donetsk State University (198a, Chelyuskintsev Street, Donetsk, 83015, Russian Federation; e-mail: ladaiakimishina@mail.ru)

Natalia I. Popova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Donetsk State University (198a, Chelyuskintsev Street, Donetsk, 83015, Russian Federation; e-mail: popova.pni@mail.ru).

References

1. Ansoff I. (1989). Strategic management: Short translation from English. Moscow: Ekonomika Publ.
2. Kaplan R., Norton D. (2021). Balanced scorecard. Moscow: Olymp-Business.
3. Kryukova E.M. (2014). Balanced Scorecard (BSC) and the concept of economic added value (EVA) in the strategic management system of a service company. *Business strategies. Electronic Scientific and Economic Journal*, 3, 26–31.
4. Thompson A.A. Jr., Strickland A.J. (2007). Strategic management: concepts and situations for analysis. Moscow: Williams.

УДК 338.48:304.3:316.422.4(476) / ББК 65.433

Янкевич Е.М.

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. *Рассматривается роль туристической индустрии как многофакторного инструмента повышения качества жизни населения. Исследованы социально-экономические эффекты прямого, скрытого и косвенного влияния, обосновывается важность функционирования туристической сферы для регионального развития.*

Ключевые слова: *туристическая индустрия, качество жизни, индикаторы, социально-экономические эффекты*.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках ГПНИ Республики Беларусь НИР 9 «Теоретико-методологические основы и механизмы повышения качества жизни населения регионов Республики Беларусь в контексте трансформации геоэкономического порядка», № ГР 20260431 от 30.03.2026.

Влияние туристической индустрии в последнее десятилетие оказывает значительное воздействие как на региональное развитие, так и на уровень жизни населения. Многомерная категория «качество жизни» характеризуется рядом индикаторов. Прежде всего это уровень доходов населения, способствующих возможности удовлетворения потребностей. Следует подчеркнуть, для гармонического развития личности и поддержания соответствующих компетенций, удовлетворяющих требования рынка, необходимо удовлетворение потребностей культурного развития, комфортной среды проживания, безопасности и социального благополучия. Традиционно улучшение качества жизни связывают с индустриализацией, расширением спектра потребления услуг, однако в последние годы все большее значение приобретает туристическая индустрия. Она не только генерирует добавленную стоимость, обладает мультипликационным эффектом, но и создает качественно иные условия для повседневной жизни местного населения регионов.

Цель статьи – выявить и систематизировать каналы воздействия туристической сферы на качество жизни населения и предложить практические рекомендации применения туристического потенциала для устойчивого социально-экономического развития регионов.

Туристическая индустрия способна влиять практически на все компоненты качества жизни. С одной стороны – это объективные показатели такие как доходы, продолжительность жизни, доступность услуг, с другой – субъективные показатели: ощущение счастья и удовлетворенность. Исследователями проведена оценка инвестиционной привлекательности сферы туризма, формирования особой зоны туристическо-рекреационного типа, культурный обмен, роли туризма на создание рабочих мест [1; 6], подчеркивается, что сфера туризма – мощная экономическая и социальная движущая сила с тесными взаимосвязями международного туризма, роста экономики страны [4], проведен анализ сущностного понимания туризма [2], сделан акцент на повышение конкурентоспособности страны [5], проведен анализ роли туризма в обеспечении сбалансированного развития территорий с учетом экологической составляющей [3].

Результатом исследований процессов и явлений экономической системы функционирования региональной туристической дестинации на примере регионов Витебской области Республики Беларусь и апробации за пять лет, явилась оценка социально-экономических эффектов в разрезе 25-ти показателей, которые распределены по блокам «социально-экономическое развитие», «туристическо-рекреационный комплекс», «человеческий капитал». Обоснованы процессы совершенствования развития региональных экономических систем с применением метода сбалансированной оценки прямых, косвенных и скрытых эффектов взаимодействия всех сфер жизнедеятельности населения под воздействием туризма [7, с. 45]. Комплексный подход оценки социально-экономических эффектов с использованием системы сбалансированных показателей в сочетании с системным анализом позволил выделить типологию дестинаций региона и указать пути достижения высокой степени развития под воздействием туристической сферы.

Более того, спрос населения на услуги внутреннего и въездного туризма оцениваются по показателям средств размещения и количеством дней пребывания. Систематизируем каналы воздействия и рассчитаем темпы роста показателей, характеризующих качество жизни населения по регионам Республики Беларусь (*табл. 1*): реализация туристических услуг (выручка от размещения в гостиницах и аналогичных средствах размещения организаций, индивидуальных предпринимателей, индивидуальных и коллективных средствах размещения (Тусл.); предпринимательская активность (численность индивидуальных предпринимателей (ИП); сумма поступивших платежей в бюджет (ПлБ); уровень доходов (денежные доходы населения (ДД); платные услуги населению (Пл.усл.); розничный товарооборот предприятий торговли (РТО); товарооборот общественного питания (ТОобщ.); занятость населения (Зн.); численность населения в трудоспособном возрасте (ЧНтр.).

Таблица 1. **Динамика некоторых индикаторов качества жизни населения в регионах Республике Беларусь под воздействием туристической сферы**

Регион	Темпы роста 2024 к 2023 г., %									Ранг
	Тусл.	ИП	ПлБ	ДД	Пл.усл	РТО	ТО общ.	Зн.	ЧНтр.	
Брестская	125,88	95,56	114,00	117,3	105,7	110,5	111,6	100,24	99,34	3
Витебская	123,06	96,21	119,24	115,4	109,8	107,5	109,0	99,09	99,09	4
Гомельская	134,15	95,25	109,09	115,2	109,1	109,0	110,2	98,94	99,20	3
Гродненская	122,33	92,76	108,51	115,8	109,1	106,9	109,8	99,23	99,23	6
г. Минск	141,87	90,95	99,46	116,7	110,9	122,2	115,8	100,75	100,19	1
Минская	129,55	96,76	115,85	118,0	112,4	109,4	107,2	100,57	99,73	2
Могилевская	132,23	94,44	108,29	116,6	108,6	109,5	107,9	98,73	99,00	5
Всего	135,51	94,13	108,20	116,6	110,0	113,2	112,3	99,86	99,49	–

Составлено по: Регионы Республики Беларусь, 2025: стат. сб. [в 2 т.] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск, 2025. Т. 1: Социально-экономические показатели. URL: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/3f3/5xvzuaapkxahc813whcc53fniit7yeuz.pdf (дата обращения: 04.05.2026).

Данные темпов роста, приведенных в таблице показателей, в большинстве своем демонстрируют положительную тенденцию. Существенно увеличилась выручка от размещения и показала прирост во всех регионах от 22 до 34%, по Республике Беларусь на 35,5%. Несмотря на снижение численности индивидуальных предпринимателей за исследуемый период увеличились темпы роста платежей в бюджет, особенно в Минской области, где сосредоточено их наибольшее количество. Занятость населения увеличилась только в г. Минске, Минской и Брестской области. Проблема демографии в Республике Беларусь, как и Российской Федерации, прогрессирует, из-за высокого показателя урбанизации в стране (79,1%) численность населения увеличивается только в г. Минске. Рост денежных доходов способствует росту розничного товарооборота и товарооборота общественного питания с активным проявлением также в г. Минске. Приведя индикаторы качества жизни населения в сопоставимый вид и рассчитав усредненный показатель темпов роста, определены ранги регионов. Ожидаемым оказался первый ранг по исследованным показателям г. Минска, высокий уровень жизни населения демонстрирует Минская область, третье место разделили Брестская и Гомельская области. Установлена тесная корреляционная зависимость между показателями выручки от реализации туристических услуг (размещение) и объемом розничного товарооборота, численностью индивидуальных предпринимателей и размером платежей в бюджет (0,8299 и 0,6104 соответственно).

Исследование показывает, что достижение устойчивого положительного эффекта от туризма для качества жизни требует сбалансированной государственной политики. Каждый регион обладает достаточным природно-ресурсным потенциалом, наличием памятников исторического и культурного наследия, достаточной инфраструктурой для размещения (средняя загрузка по стране в 2024 году – 37,3%). Беларусь предлагает разнообразные туристические зоны: природные – Нарочанский комплекс, Браславские озера, Беловежская пуща, Березинский биосферный заповедник; санаторное лечение – курорты Нарочь, Летцы, Плисса, Боровое, Лесное; историко-культурные центры – Брестская крепость-герой, Мирский замок в Гродненской области (объект ЮНЕСКО), Коссовский замок, Полоцк (Софийский собор), дом-музей Марка Шагала, Славянский базар в Витебске (35-ый юбилейный в 2026 году). Туристическая индустрия служит инструментом повышения качества жизни населения, поскольку одновременно воздействует на доходную базу субъектов хозяйствования, оказывающих туристические услуги, доступность и качество общественной инфраструктуры, расширение культурно-досуговых возможностей и психологический климат в обществе. При соблюдении принципов устойчивости и вовлеченности местных жителей этот эффект носит долгосрочный и системный характер.

Направлениями совершенствования использования туристической индустрии для повышения качества жизни могут служить следующие мероприятия: приоритет включения социальных целей с программы туристических стратегий, что позволит увеличить долю местных жителей в предпринимательский турбизнес; напрямую улучшение качества жизни поспособствует развитие социального туризма для семей с детьми, лиц пенсионного возраста, с особенностями и физическими ограничениями через активный отдых и оздоровление; стимулирование туристических проектов, создающих общественные блага через благоустройство набережных и других локаций за счет туристического сбора с гарантией бесплатного доступа для местных жителей; внедрение механизмов обратной связи через постоянный мониторинг (опросы на IT-платформе «Мой город») удовлетворенности местного населения развитием туризма; развитие межрегиональных маршрутов с акцентом на сотрудничество в рамках договора о Союзном государстве Беларуси и России.

Таким образом, туристическая индустрия выступает не только сферой деятельности, но и мощным социальным и пространственным ресурсом. При условии реализации программ цифровизации данной сферы с целью продвижения привлекательности страны для туризма и ориентации на долгосрочные интересы местного сообщества она способна последовательно повышать качество жизни населения через модернизацию инфраструктуры, создание рабочих мест, сохранение идентичности и оздоровление среды. Дальнейшие исследования могут быть направлены на создание интегрального индекса вклада туризма в качество жизни населения и апробацию инструментов планирования туристического развития на региональном и национальном уровне.

Библиографический список

1. Асанова Н.А. (2025). Влияние туризма на экономическое развитие: анализ современных тенденций и вызовов // Естественно-гуманитарные исследования. № 4 (60). С. 37–40.
2. Горбылева З.М., Шамардина И.А. (2023). Туризм: переосмысление, сущностные трансформации // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Вып. 16. Бел гос. эконом. ун-т. Минск: Колорград, С. 97–104.
3. Зырянов А.И., Королев А.Ю. (2023). Туризм как фактор устойчивого развития региона: социально-экономические аспекты // Региональная экономика: теория и практика. № 5. С. 45–58.
4. Меджлумян Ш. (2020). Экономико-математическая оценка влияния международного туризма на мировую экономику // Вестник Армянского государственного экономического университета. № 3. С. 118–131.
5. Тарасенок А.И. (2018). Оценка конкурентоспособности национальной туристической дестинации Республики Беларусь // Белорусский экономический журнал. № 2. С. 139–151.
6. Ускова Т.В., Дубиничева Л.В., Орлова В.С. (2011). Социально-экономический ресурс туризма: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 182 с.
7. Янкевич Е.М. (2024). Оценка социально-экономических эффектов функционирования региональной туристической дестинации: монография. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова. 250 с.

Информация об авторе

Елена Михайловна Янкевич – кандидат экономических наук, доцент, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова (Республика Беларусь, 210038, г. Витебск, пр-т Московский, д. 33, e-mail: yankevich_em@mail.ru)

Yankevich E.M.

THE TOURISM INDUSTRY AS A TOOL FOR IMPROVING THE QUALITY OF LIFE

Abstract. *This article examines the role of the tourism industry as a multifactorial tool for improving the population's quality of life. The socioeconomic effects of direct, hidden, and indirect influence are examined, and the importance of the tourism sector for regional development is substantiated.*

Keywords: *tourism industry, quality of life, indicators, socio-economic effects.*

About the author

Elena M. Yankevich – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Vitebsk State University named after P.M. Masherov (33, Moskovsky Avenue, Vitebsk, 210038, Republic of Belarus; e-mail: yankevich_em@mail.ru)

References

1. Asanova N.A. (2025). The Impact of Tourism on Economic Development: Analysis of Current Trends and Challenges. *Research in Natural Sciences and Humanities*, 4(60), 37–40.
2. Gorbyleva Z.M., Shamardina I.A. (2023). Tourism: Rethinking, Essential Transformations. *Scientific Works of the Belarusian State University of Economics*, 16. Minsk: Kolorgrad, 97–104.
3. Zyryanov A.I., Korolev A.Yu. (2023). Tourism as a factor in sustainable development of a region: socio-economic aspects. *Regional Economy: Theory and Practice*, 5, 45–58.
4. Mejlumyan Sh. (2020). Economic and Mathematical Assessment of the Impact of International Tourism on the Global Economy. *Bulletin of the Armenian State University of Economics*, 3, 118–131.
5. Tarasenok A.I. (2018). Assessing the competitiveness of the national tourist destination of the Republic of Belarus. *Belarusian Economic Journal*, 2, 139–151.
6. Uskova T.V., Dubinicheva L.V., Orlova V.S. (2011). Socioeconomic Resources of Tourism: monography. Vologda: ISEDT RAS.
7. Yankevich E.M. (2024). Assessment of the Socioeconomic Effects of a Regional Tourist Destination: monography. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov.

СЕКЦИЯ № 2. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 339.13.017 / ББК 65.9(2Рос)-97

Белкин А.Н., Секушина И.А.

ОТРАСЛЬ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы отрасли жилищного строительства Вологодской области в 2026 году и факторы, влияющие на ее развитие. Делается вывод о вступлении регионального рынка в новый короткий период развития, для которого характерен спад показателей ввода нового жилья и увеличение инвестиционно-строительного цикла.*

Ключевые слова: *жилищное строительство, развитие территорий, благоустройство, ввод жилья.*

Жилищное строительство является одним из ключевых секторов народного хозяйства Российской Федерации. В 2025 году Президент России В.В. Путин назвал строительную отрасль локомотивом национальной экономики[1], в целом на ее долю приходится порядка 5% ВВП [1]. При этом, по данным Росстата, сектор жилищного строительства (без учета индивидуального жилищного строительства) составляет приблизительно треть объемов выполненных работ в отрасли[2].

Развитие жилищного строительства способствует решению целого ряда общественно-значимых социально-экономических задач: росту инвестиционной активности, развитию инфраструктуры в населенных пунктах, повышению качества жизни населения и рождаемости, росту общей привлекательности территорий. Кроме того, высокая технологичность и комплексность современного жилищного строительства на практике стимулируют развитие сопутствующих отраслей экономики (мультипликативный эффект). По некоторым данным в сфере капитального строительства жилья прямо или косвенно участвуют более 70 отраслей экономики [1, с. 268], важнейшие из которых машиностроение, транспорт, топливная энергетика, химическая промышленность, а также научные исследования, направленные на разработку инновационных технологий и методов, которые повышают эффективность, безопасность и устойчивость строительных проектов.

Для Вологодской области, как и для многих других субъектов Российской Федерации, отрасль жилищного строительства имеет одно из важнейших социально-экономических значений. Область типична с точки зрения своей пространственной организации: при наличии одного-двух крупных агломерационных центров с развитой строительной сферой присутствует обширная периферия с небольшими населенными пунктами, сокращающимся населением и совсем небольшим вводом нового жилья.

В рамках федеральной политики по стимулированию жилищного строительства применяется система «светофоров», внедренная заместителем председателя Правительства России М.Ш. Хуснуллиным и позволяющая визуализировать темпы и качество реализации федеральных государственных программ по регионам. Согласно данной аналитике, Вологодская область, при всей неравномерности развития муниципалитетов, ежегодно на протяжении нескольких лет демонстрировала рост валового показателя ввода жилья (преимущественно за счет Вологды и Череповца).

Так, ввод жилья на территории Вологодской области в 2025 году составил 805,3 тыс. кв. м (17,9% к аналогичному периоду 2024 года). Из них 553,0 тыс. кв. м (68,7%) – это индивидуальное жилищное строительство (ИЖС). На долю области пришлось 7,4% от общего ввода жилья в Северо-Западном федеральном округе с учетом Санкт-Петербурга и 0,74% от объема ввода в Российской Федерации в целом. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся на 1 жителя в 2024 году, по области составила 34,2 кв. м (для сравнения, в среднем по России на конец 2024 года этот показатель составлял 29,4 кв. м)[3].

---

[1] Путин назвал строительную отрасль локомотивом национальной экономики. // Российская газета. URL: https://rg.ru/2023/08/13/putin-nazval-stroitelnuiu-otrasl-lokomotivom-nacionalnoj-ekonomiki.html (дата обращения: 18.11.2025).

[2] Кенчадзе, Д.Д., Бызалова Е.М., Дехтяр Е.Е. [и др.]. (2024). Строительство в России: статистический сборник. Москва: Росстат. С. 61.

[3] Светофор №1. Объем ввода недвижимости в субъектах Российской Федерации по состоянию на 17.02.2026 // Цифровая среда проектной дирекции Минстроя. URL: https://цспдм.рф/os/analytics (дата обращения: 13.05.2026).

Однако по результатам I-го квартала 2026 года отрасль жилищного строительства демонстрирует отрицательную динамику ввода жилой недвижимости – 57,7% по отношению к аналогичному периоду прошлого года. Снижение в абсолютных значениях с 332,8 тыс. кв. м до 140,8 тыс. кв. м. Структурно динамика ввода демонстрирует в настоящее время снижение по многоквартирным домам (МКД) – 83,4% (11,6 тыс. кв. м.) к аналогичному периоду прошлого года, по ИЖС – 50,8% (129,1 тыс. кв. м). При том, что показатели ввода I квартала 2026 года хоть и составляют четверть годового планового значения, установленного Минстроем России для Вологодской области, столь высокие показатели отрицательной динамики вызывают обоснованные сомнения в возможности его достижения до конца года. По темпу ввода нового жилья Вологодская область находится в «красной зоне» и занимает 79 место из 85 рейтингуемых регионов России (без учета воссоединенных территорий) [4].

На первый взгляд, низкие показатели ввода МКД объясняются тем, что большинство таких домов вводят к концу года, а в случае с ИЖС – очень высокими показателями ввода в I-квартале 2025 года, то есть действием эффекта высокой базы. Однако это не единственные причины.

Резкое снижение основных индикаторов строительной сферы региона может свидетельствовать о прогрессировании ряда системных трудностей в отрасли. Так, к основным причинам отрицательной динамики можно отнести приближающееся исчерпание доступных земельных участков под застройку в Вологде, Череповце и их пригородах, снижение активности застройщиков из-за удорожания строительных материалов и логистики, сохраняющиеся бюрократические барьеры и задержки с выдачей разрешений на строительство, сложности с инфраструктурным обеспечением новых площадок, особенно в отдаленных муниципалитетах. Определенное влияние оказывает, конечно же, сокращение спроса на жилье со стороны населения на фоне экономической неопределенности и снижения реальных доходов.

По внешним признакам Вологодская область еще обладает определенными резервами для развития строительной отрасли. Об этом свидетельствуют градпотенциал региона (1555,3 тыс. кв. м) и предельная площадь земельных участков для возможного размещения МКД (2557,2 тыс. кв. м). Однако значительная часть данного потенциала – это территории, требующие серьезных вложений в обеспечивающую инфраструктуру, прежде всего в дороги и сети. Это косвенно подтверждается тем фактом, что к действующим разрешениям на строительство (141 разрешение общей площадью в 1001,9 тыс. кв. м) выдано всего 25 новых РС (71,6 тыс. кв. м), что указывает на административные и экономические барьеры[4]. Тем самым обозначенный градпотенциал пока что реализуется примерно на две трети.

Само по себе относительно большое число действующих разрешений на строительство при низких показателях ввода может указывать на удлиненный инвестиционно-строительный период у большинства застройщиков, вызванный низким качеством подготовки проектно-сметной документации, соответственно, большим количеством замечаний экспертизы (документацию впоследствии приходится переделывать), дороговизной технического присоединения новых объектов, а также проблемами финансового и кадрового характера. Часть проектов может быть приостановлена.

Один из характерных рисков такой ситуации – невыполнение регионом национальных целей по строительству нового жилья. На практике оно может обернуться негативными социально-экономическими прочно взаимосвязанными эффектами, такими, как снижение доступности жилья, замедлением темпов улучшения его качества, дисбалансом спроса и предложения на жилищном рынке, снижением качества городской среды.

Это сигнал для региональных властей о необходимости активизации развития территорий: упрощения процедур выдачи разрешений на строительство, содействия в развитии инфраструктуры, в частности субсидирование технического присоединения новых зданий к сетям. Также требуется усиление работы с инвесторами, в том числе и выверенная деятельность по постепенному привлечению к работе на рынке Вологодской области и федеральных застройщиков.

[4] Светофор №1. Объем ввода недвижимости в субъектах Российской Федерации по состоянию на 01.04.2026 // Цифровая среда проектной дирекции Минстроя. URL: https://цспдм.рф/os/analytics (дата обращения 13.05.2026).

При этом для сообщества застройщиков Вологодской области появляется очередная возможность рассмотреть перспективы участия в государственных программах, связанных с комплексным развитием территорий и диверсифицировать бизнес, реагируя на изменение структуры спроса на рынке. Факторами роста в данной ситуации могут стать ИЖС, малоэтажная застройка с акцентом на высококачественное благоустройство прилегающих территорий, применение малораспространенных, но хорошо зарекомендовавших себя строительных материалов местного происхождения, к примеру CLT-панелей.

Библиографический список

1. Казаков Н.А. (2015). Строительная индустрия в народно-хозяйственном комплексе страны // Молодой ученый. № 2 (82). С. 268–270.

Информация об авторах

Аркадий Николаевич Белкин – магистрант, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: arkedbelkin@yandex.ru)

Ирина Анатольевна Секушина – кандидат экономических наук, заместитель заведующего Научно-образовательным центром, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru)

Belkin A.N., Sekushina I.A.

HOUSING CONSTRUCTION INDUSTRY OF THE VOLOGDA REGION: STATUS, PROBLEMS AND DEVELOPMENT FACTORS

Abstract. *The article discusses the current problems of the housing industry in the Vologda Region in 2026 and the factors affecting its development. It is concluded that the regional market has entered a new short period of development, which is characterized by a decline in the number of new housing units and an increase in the investment and construction cycle.*

Keywords: *housing construction, territory development, improvement, housing commissioning.*

About the authors

Arkady N. Belkin – Master Degree Student, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: arkedbelkin@yandex.ru)

Irina A. Sekushina – Candidate of Sciences (Economics), Deputy Head of the Scientific and Educational Center, Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru)

References

1. Kazakov N.A. (2015). The Construction Industry in the National Economic Complex of the Country. *Young Scientist*, 2(82), 268–270.

УДК 316.654:656.11.05-049.5:303.425.6(476) / ББК 39.808.020.3(4Беи)

Бельский А.М.

БЕЗОПАСНОСТЬ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Аннотация. *В статье представлены результаты опроса населения Республики Беларусь о безопасности дорожного движения: причинах нарушений, оценка работы ГАИ, состояние инфраструктуры. Отмечен дефицит потенциала элементов безопасной среды для СПМ, требующий приоритетного развития при усилении контроля над соблюдением ПДД.*

Ключевые слова: *дорожная инфраструктура, дорожное движение, безопасность, водитель, пешеход, нарушение, государственная автомобильная инспекция.*

Повышение эффективности правового регулирования и правоприменения в сфере организации дорожного движения в Республике Беларусь выступает ключевым аспектом обеспечения безопасности и противодействия правонарушающему поведению участников [1; 2]. В данном контексте особое значение имеет оценка общественного мнения в отношении текущей организации дорожного движения, результаты которой выступят основой дальнейших действий по разработке мероприятий по наращиванию потенциала регулирования в отношении нового вызова – расширенного использования средств персональной мобильности (СПМ).

Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в 3 квартале 2024 года был проведен республиканский репрезентативный телефонный опрос, затрагивающий данную проблематику. Исследование проводилось во всех областных городах и г. Минске, отдельных районных городах и сельских населенных пунктах. Выборочная совокупность составила 900 респондентов (ошибка выборки ± 3,3%).

Согласно результатам проведенного исследования, только каждый четвертый опрошенный чувствует безопасность на дороге, поскольку никогда не сталкивался с нарушениями дорожного движения как водитель или пешеход (28,5%), каждый второй сталкивался с ними редко (51,2%), тогда как часто становились свидетелями нарушений правил дорожного движения (ПДД) всего 17,9%. Затруднились ответить 2,4% (*рис. 1*).

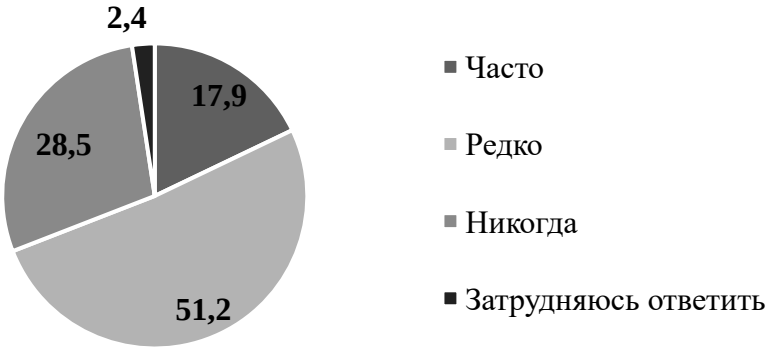

Рис. 1. **Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы сталкиваетесь с нарушением безопасности дорожного движения как водитель или пешеход?»,** %

Источник: составлено автором.

Примечательно, что женщины чаще мужчин указывали, что никогда не сталкиваются с нарушениями дорожного движения как в роли водителя, так и пешехода (32,9 против 23,4%). Лица пенсионного возраста также чаще, чем представители молодежи и средней возрастной группы, заявляли о том, что никогда не сталкивались с нарушениями безопасности дорожного движения (45,2% против 20,4% и 19,9% соответственно).

Каждый второй участник исследования, столкнувшийся с нарушением безопасности дорожного движения, отмечает, что опасность на дороге создают сами водители, нарушая правила дорожного движения (49,1%), более трети указали на нарушение правил дорожного движения непосредственно пешеходами (35,3%). Трое из десяти опрошенных отметили существование низкого уровня культуры поведения на улицах и дорогах как у водителей, так и у пешеходов – 31,3%. Практически каждый пятый указал на низкое качество дорожной инфраструктуры (17,5%), отметил наличие автомобильных пробок, перекрытие дорожного движения (14,1%). Другие варианты ответа указали 5,8% опрошенных. Затруднились ответить 9,3% (*рис. 2*).

Рис. 2. **Распределение ответов на вопрос «С чем лично Вам приходилось сталкиваться?», % от числа респондентов, которые сталкивались с нарушениями безопасности дорожного движения как водители или пешеходы**

Источник: составлено автором.

По полученным данным, мужчины чаще сталкиваются с нарушением правил дорожного движения пешеходами, чем женщины (39,7 и 31,0%). Вместе с этим женщины немного чаще мужчин отмечают низкий уровень культуры поведения на улицах и дорогах всех субъектов дорожного движения (33,3 и 29,3% соответственно).

Молодежь и респонденты средней возрастной группы чаще, чем пенсионеры, сталкивались с нарушением правил дорожного движения со стороны пешеходов (41,2%, 38,9% против 23,3%), а также со стороны водителей (55,4%, 51,1% против 40,3%).

В рамках опроса участникам было предложено оценить, насколько они удовлетворены работой сотрудников государственной автомобильной инспекции (ГАИ). По полученным данным, абсолютное большинство опрошенных (77,0%) удовлетворены работой ГАИ в своем населенном пункте, неудовлетворенность отмечают 4,6%. Затруднились ответить 18,4% (*рис. 3*).

Примечательно, что мужчины отмечают удовлетворенность работой ГАИ в своем населенном пункте чаще, чем женщины (81,3 и 73,3% соответственно).

Удовлетворенность работой сотрудников государственной автомобильной инспекции чаще выражают респонденты младшей и средней возрастных групп, чем пенсионеры (85,0% и 83,7% против 63,3% соответственно). Однако следует отметить, что среди опрошенных пенсионного возраста высока доля тех, кто не смог оценить их работу, или затруднился с ответом.

Рис. 3. **Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, Ваш уровень удовлетворенности работой сотрудников государственной автомобильной инспекции (ГАИ) в Вашем населенном пункте?», %**

Источник: составлено автором.

Качество дорожной инфраструктуры оказывает влияние на удовлетворенность населения возможностью передвижения в населенном пункте. Участникам опроса было предложено оценить обеспеченность элементами инфраструктуры в своем населенном пункте по шкале от 1 до 5, где 1 – совершенно не удовлетворен; 5 – полностью удовлетворен. По полученным данным, оснащенность дорожными знаками и пешеходными переходами была оценена респондентами на 4,6 балла, организация дорожной разметкой – 4,5 балла, наличие светофоров – 4,4 балла, размещение «лежачих полицейских», оборудованность пешеходных зон (тротуаров), освещенность дорог и мест перехода – 4,2 балла. Наименьший уровень удовлетворенности зафиксирован в отношении стоянок автотранспорта – 3,9 балла и велосипедов/ самокатов – 3,8 балла, а также выделенными зонами для велосипедов/ самокатов – 3,6 балла (*рис. 4*).

Рис. 4. **Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, удовлетворенность элементами дорожной инфраструктуры в Вашем населенном пункте, по шкале от 1 до 5, где 1 – совершенно не удовлетворен, 5 – полностью удовлетворен»**

Источник: составлено автором.

В качестве меры, способствующей повышению уровня безопасности на дорогах, более четверти участников исследования указали улучшение дорожной инфраструктуры (28,1%) и усиление контроля со стороны правоохранительных органов за водителями и пешеходами (28,0%). Каждый четвертый отметил эффективность проведения информационно-просветительских мероприятий (24,5%), а каждый пятый – увеличение штрафов за нарушение правил дорожного движения (22,0%). Немного реже респондентами отмечалось ужесточение требований для получения водительского удостоверения (15,5%). Другие меры указали 9,3% опрошенных. Среди них упомянуты личная ответственность и дисциплина участников движения, особое регулирование перемещения электросамокатов и велосипедов, а также повышенное внимание к вопросам безопасности при воспитании подрастающего поколения. Затруднились ответить 13,9% (*рис. 5*).

Рис. 5. **Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, какие меры могут способствовать повышению уровня безопасности на дорогах»,** %

Источник: составлено автором.

Стоит отметить, что ужесточение требований для получения водительского удостоверения является более эффективной мерой повышения уровня безопасности на дорогах скорее по мнению женщин, чем мужчин (18,6 и 11,8% соответственно). Тогда как мужчины чаще, чем женщины, отмечают, что формированию безопасности на дороге способствует улучшение дорожной инфраструктуры (33,2 и 23,7% соответственно).

Среди потенциальных мер молодежь считает наиболее эффективными улучшение дорожной инфраструктуры, а также увеличение штрафов за нарушение правил дорожного движения, тогда как представители средней возрастной группы убеждены в большей продуктивности информационно-просветительских мероприятий. При этом усиление контроля со стороны правоохранительных органов за водителями и пешеходами является актуальным для всех возрастных групп.

Таким образом, общественное мнение отражает двойственный характер угроз: доминирующими по частоте остаются поведенческие факторы (нарушения водителей и пешеходов на фоне недостаточной культуры), однако на уровне ожиданий населения в направлении изменения ситуации на первый план выходит в том числе инфраструктурное переоснащение, в особенности ликвидация критического отставания в создании безопасной и комфортной среды для средств персональной мобильности. Именно это направление при обязательном сохранении контрольно-воспитательного компонента должно стать приоритетом развития правового регулирования в целях противодействия правонарушающему поведению и минимизации новых рисков в области безопасности дорожного движения.

Библиографический список

1. Капский Д.В., Лобашов А.О., Пугачев И.Н. [и др.]. (2025). Устойчивые транспортные системы городов. Вологда: Инфра-Инженерия. 128 с.
2. Семченков С.С., Капский Д.В., Лобашов А.О. (2025). Аварийность в Республике Беларусь. 2024 год: итоги, проблемы и новые вызовы // Автотракторостроение и автомобильный транспорт: сборник научных трудов. Т. 2. Минск: Белорусский национальный технический университет. С. 86–91.

Информация об авторе

Александр Михайлович Бельский – кандидат социологических наук, доцент, заведующий Центром оперативных исследований , Институт социологии Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1; e-mail: alexanderbelski@ya.ru)

Belski A.M.

ROAD SAFETY AS ASSESSED BY THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS (BASED ON A SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Abstract. *This article presents the results of a survey of the population of the Republic of Belarus on road safety, including the causes of violations, assessment of the performance of the State Traffic Inspectorate, and the state of the infrastructure. A shortage of potential elements of a safe environment for the SPM is noted, requiring priority development while strengthening enforcement of traffic regulations.*

Keywords: *road infrastructure, traffic, safety, driver, pedestrian, violation, State Traffic Inspectorate.*

About the author

Alexander M. Belski – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Center of Operative Research, Institute of Sociology National Academy of Sciences of Belarus (1, Surganova Street, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: alexanderbelski@ya.ru)

References

1. Kapsky D.V., Lobashov A.O., Pugachev I.N. [et al.]. (2025). Sustainable Urban Transport Systems. Vologda: Infra-Engineering.
2. Semchenkov S.S., Kapsky D.V., Lobashov A.O. (2025). Accident Rate in the Republic of Belarus. 2024: Results, Problems, and New Challenges. *Automotive and Tractor Industry and Automobile Transport*: collection of Scientific Papers, 2. Minsk: Belarusian National Technical University, 86–91.

УДК 332.012.2-047.48 / ББК У013

Воробьева Ю.С.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ БАЗИС ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Аннотация. *В статье уточняется сущность региональной социально-экономической системы, обосновывается решающая роль пространственной организации как основы пространственного развития социально-экономических систем.*

Ключевые слова: *регион, региональные системы, социально-экономическая система, пространственная организация, пространственное развитие.*

Обычно под системой понимается единство, целостность, комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих элементов [3].

К настоящему времени в научной литературе накопилось достаточное количество исследований, которые определяют, анализируют сущность социально-экономических систем. Разделяя позицию Е.В. Никулиной и В.В. Борисовской [1, с. 141] о том, что «…экономическая система тесно связана с социальной исходя только из того, что это продукты взаимодействия индивидов, населяющих нашу планету или конкретную страну…», мы будем рассматривать социально-экономическую систему, не отделяя ее социальную составляющую от экономической.

Социально-экономическая система – совокупность отношений, структур и институтов, через которые осуществляются взаимодействия между экономическими и социальными компонентами общества. В этой системе совмещаются аспекты экономики (производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг) и социальные (отношения между людьми, социальные нормы, классовая структура, культура и образование) [11].

Рассматривая классификацию социально-экономических систем, выделим четыре подхода: иерархический, страновой, функционально-географический, структурно-функциональный (*рис. 1*).

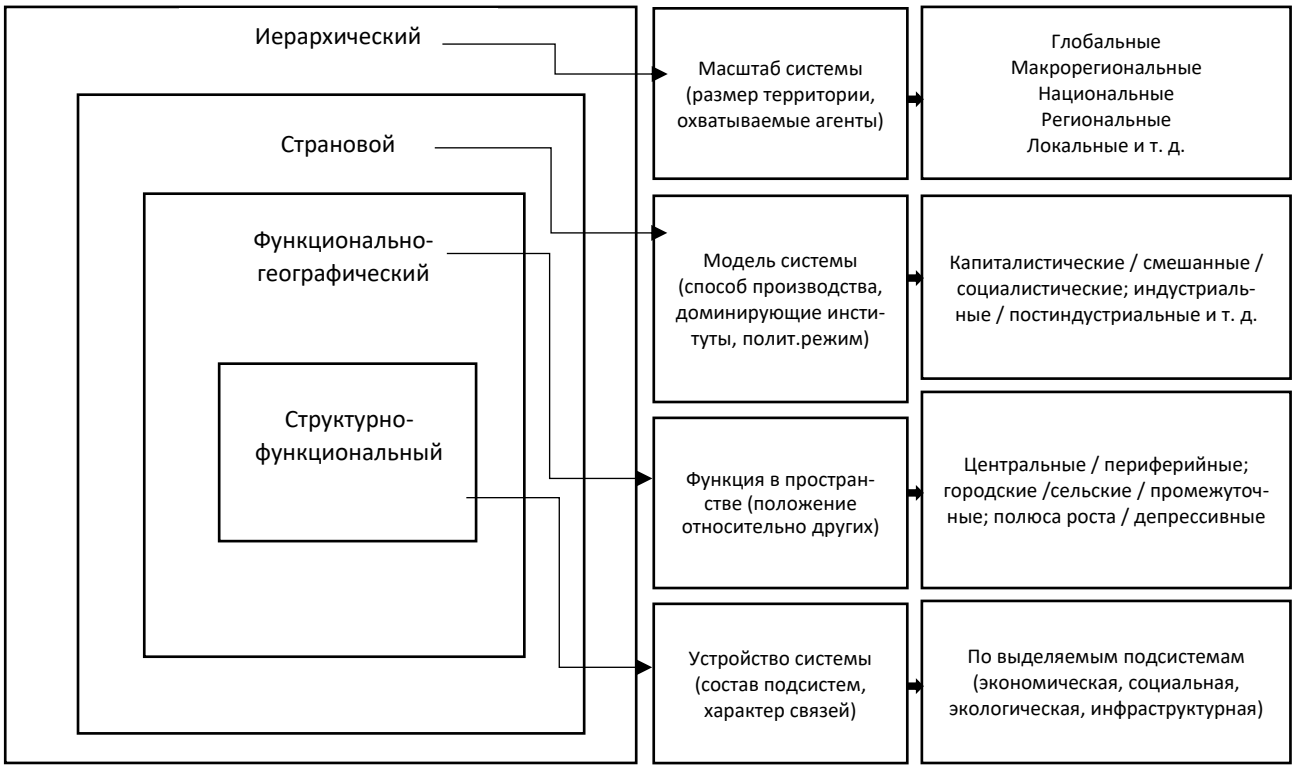

Рис. 1. **Подходы к классификации социально-экономических систем**

Источник: составлено автором.

Н.П. Паздникова, исследовав значительное число научных работ, выделяет похожие подходы (функциональный, структурный, казуальный), рассматривая сущность непосредственно региональных социально-экономических систем (далее – РСЭС), отраженную в концептуальных взглядах отечественных и зарубежных исследователей.

Дополнительно изучая исследования последних лет [5; 6; 7; 12], можно выделить общие черты и ограничения в определениях РСЭС. Авторы единодушны в признании региона целостной, территориально ограниченной системой, обладающей взаимодействующими подсистемами, институциональной оформленностью и целевой ориентацией. Однако адаптация к изменениям среды фиксируется лишь в одном определении [7], что свидетельствует о статичности большинства подходов.

Различия касаются того, что считается главными элементами и структурой системы. Е.Д. Игнатьева и О.С. Мариев акцентируют операциональную иерархию (территориальные и функциональные подсистемы), П.А. Карпенко и Н.Г. Викторова – синергию производства и обмена, Б.З. Кармова – динамику и адаптивность, Е.А. Шумаева и И.М. Юркова – самоорганизацию и нормативно-правовые институты. При внешнем сходстве дефиниций их внутренние приоритеты расходятся.

Рисунок 1 не только систематизирует классификации социально-экономических систем, но и позиционирует региональные системы внутри общей классификации СЭС. Иерархический подход определяет место региональной системы в ряду других. Но это не отменяет необходимости других подходов: страновой задает контекст, функционально-географический – роль, структурно-функциональный – внутреннее устройство. Сущность РСЭС раскрывается через комбинацию всех подходов и их ключевых особенностей.

Если перевести подходы в категории, то получается, что РСЭС – это то, из чего система состоит (элементы), как элементы организованы (структура), где находится (границы), какие функции выполняются.

В определении системы важна не вообще совокупность взаимодействующих компонентов, а совокупность «взаимосодействующих» для достижения чего-то конкретного и определенного [3]. Поэтому к вышеуказанным категориям добавляется «цель».

Таким образом, приходим к выводу и можем сформулировать, что региональная социально-экономическая система – мезоуровневая территориальная целостность, в которой социально-экономическое ядро и обеспечивающие подсистемы организованы в устойчивую пространственную структуру и обеспечивают сбалансированное функционирование материальной, социальной и институциональной сфер для достижения целей, определяемых типом системы и внешними условиями.

В определении появляются пространственные аспекты, что не случайно. Именно регион является классической «единицей» экономического пространства.

В настоящее время расселение населения и размещение экономической активности на территории нашей страны и любого ее региона характеризуется значительной неравномерностью. Таким образом, неравномерное размещение экономической активности порождает неоднородность экономического пространства, его поляризованность, со всеми вытекающими социально-экономическими последствиями [8].

Принятие Правительством РФ Стратегий пространственного развития в 2019 и 2024 гг. лишь подтверждает актуальность темы и повышает интерес к пространственной тематике в экономике среди ученых.

Для нашего исследования, больший интерес представляет пространственная организация и вот почему: в теории систем пространственная организация – это не просто расположение, а внутренняя структура отношений между измеримыми атрибутами системы. Под развитием понимается не любое изменение, а процесс закономерного перехода, смены одного состояния другим, более совершенным; переход старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему. Развитие есть изменение конфигурации размещения, перестройка связей, смена иерархии центров, т. е. изменение организации в системной логике.

Изменение пространственной организации (переконфигурация размещения, перестройка связей) – это и есть содержание развития. Исследование организации выявляет, какие конфигурации делают развитие более эффективным, а какие – менее.

Стратегия пространственного развития является закономерным институциональным признанием того, что сложившийся пространственный порядок исчерпал свой адаптивный ресурс и порождает системные узкие места. Стратегия отвечает на вопрос, какой должна стать целевая пространственная организация – иной порядок, в котором размещение, потоки и иерархия центров обеспечивают единство, связанность и сбалансированность пространства. Пространственное развитие в таком случае есть не что иное, как переход от исходной организации к целевой, траектория которого также может быть описана как последовательность промежуточных пространственных организаций

Взаимосвязь пространственной организации и пространственного развития представлены на *рис. 2*.

Рис. 2. **Взаимосвязь «пространственной организации» и «пространственного развития»**
Источник: составлено автором при помощи сервиса «Figma».

Анализ последних исследований пространственной организации экономических и социально-экономических систем, представленных в научных публикациях отечественных ученых, показывает наличие разных подходов к определению понятия. С одной стороны трактовка через размещение производительных сил на территории, фиксирующая статичную конфигурацию [8; 9]; с другой – интересен взгляд, который демонстрирует в определении отдельное направление, управленческий подход [4]. Пространственная организация предстает как результат деятельности субъектов управления, формирующих систему территориально локализованных элементов, объединенных в подсистемы ради достижения эмерджентности и устойчивого развития региона.

Таким образом, пространственная организация региональной социально-экономической системы – устойчивая конфигурация размещения социально-экономического ядра и обеспечивающих подсистем в пределах региона, иерархии его центров и структуры меж- и внутрирегиональных потоков, образующие порядок регионального пространства.

Библиографический список

1. Никулина Е.В. [и др.]. (2014). Актуальные проблемы экономики в условиях реформирования современного общества: материалы II международной научно-практической конференции, г. Белгород, 15 ноября 2013 г. Белгород: Издательский дом «Белгород». 336 с.
2. Антипин И.А., Савченков С.С. (2024). Теоретические аспекты изучения региональных экономических систем // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 7–1. С. 12–16. DOI: 10.17513/vaael.3553

3. Бурланков С.П., Бурланков П.С., Скворцов А.О. (2017). Основные понятия и классификация социотехнических, технико-экономических и социально-экономических систем // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. № 2 (42).
4. Васильева А.В. (2020). Пространственная организация рекреационной системы приграничных регионов Российской Федерации: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)»: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. 263 с.
5. Викторова Н.Г., Карпенко П.А. (2021). Генезис понятия «Региональная социально-экономическая система» // Естественно-гуманитарные исследования. № 36 (4). С. 92–95. DOI: 10.24412/2309-4788-2021-11275
6. Игнатьева Е.Д., Мариев О.С. (2013). Методология и инструментарий структурно-функционального анализа регионального развития // Экономика региона. № 1 (33). С. 226–237.
7. Кармова Б.З. (2025). Региональная социально-экономическая система: условия формирования и развития // Развитие российской социально-экономической системы: вызовы и перспективы: монография. Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда». С. 95–112. DOI: 10.31483/r-153171
8. Кузнецова Н.Л. (2022). Особенности пространственной организации экономики Тюменской области // Управленческий учет. № 10–3. С. 722–730. DOI: 10.25806/uu10-32022722-730
9. Кузьмина Н.Л., Тонышева Л.Л. (2017). Трансформация пространственной организации экономической деятельности региона // Государство и бизнес. Современные проблемы экономики: материалы IX Международной научно-практической конференции. Т. 2. Санкт-Петербург: Информационный издательский учебно-научный центр «Стратегия будущего». С. 24–26.
10. Паздникова Н.П. (2016). Онтология исследования региональных социально-экономических систем // Вестник ПГУ. Серия: Экономика. № 2 (19). С. 70–78.
11. Шестакова К.В., Карпенко Е.М. (2025). Онтологический анализ категории «социально-экономическая система» // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. № 1 (70). С. 44–48. DOI: 10.52928/2070-1632-2025-70-1-44-48
12. Шумаева Е.А., Юркова И.М. (2024). Подходы к формированию понятия «региональная социально-экономическая система» // Современное государственное и муниципальное управление: проблемы, технологии, перспективы: сборник материалов X Международной научно-практической конференции. Донецк: Донецкий национальный технический университет. С. 585–590.

Информация об авторе

Юлия Сергеевна Воробьева – старший преподаватель, Донецкий государственный университет (Российская Федерация, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24; e-mail: u.vorobyova@donnu.ru)

Vorobeva Yu.S.

THEORETICAL BASIS OF SPATIAL ORGANIZATION OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS

Abstract. *The article clarifies the essence of the regional socio-economic system and substantiates the crucial role of spatial organization as the basis for the spatial development of socio-economic systems.*

Keywords: *region, regional systems, socio-economic system, spatial organization, spatial development.*

About the author

Yuliya S. Vorobeva – Senior Lecturer, Donetsk State University (24, Universitetskaya Street, Donetsk, 283001, Russian Federation; e-mail: u.vorobyova@donnu.ru)

References

1. E.V. Nikulina [et al.]. (2014). Actual problems of the economy in the context of modern society reform: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. Belgorod: Belgorod Publishing House.
2. Antipin I.A., Savchenkov S.S. (2024). Theoretical aspects of the study of regional economic systems. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 7–1, 12–16. DOI: 10.17513/vaael.3553
3. Burlankov S.P., Burlankov P.S., Skvortsov A.O. (2017). Basic concepts and classification of sociotechnical, technical, economic and socio-economic systems. *Izvestiya VUZov. The Volga region. Social sciences*, 2(42).
4. Vasilyeva A.V. (2020). Spatial organization of the recreational system of the border regions of the Russian Federation: specialty 08.00.05 "Economics and management of the national economy (by branches and fields of activity)»: dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences.
5. Viktorova N.G., Karpenko P.A. (2021). The genesis of the concept of "Regional socio-economic system". *Natural Sciences and Humanities research*, 36(4), 92–95. DOI: 10.24412/2309-4788-2021-11275
6. Ignatieva E.D., Mariev O.S. (2013). Methodology and tools of structural and functional analysis of regional development. *The economy of the region*, 1(33), 226–237.
7. Karmova B.Z. (2025). Regional socio-economic system: conditions of formation and development. *Development of the Russian socio-economic system: challenges and prospects*: monography. Cheboksary: Wednesday Publishing House, LLC, 95–112. DOI: 10.31483/r-153171
8. Kuznetsova N.L. (2022). Features of the spatial organization of the economy of the Tyumen region. *Managerial accounting*, 10–3, 722–730. DOI: 10.25806/uu10-32022722-730
9. Kuzmina N.L., Tonysheva L.L. (2017). Transformation of the spatial organization of economic activity in the region. *State and business. Modern Problems of Economics*: proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference, 2. Saint Petersburg: Information Publishing Educational and Scientific Center "Strategy of the Future", 24-26.
10. Pazdnikova N.P. (2016). Ontology of research of regional socio-economic systems. *Bulletin of the PSU. Series: Economics*, 2(19), 70–78.
11. Shestakova K.V., Karpenko E.M. (2025). Ontological analysis of the category "socio-economic system". *Bulletin of Polotsk State University. Series D, Economic and Legal Sciences*, 1(70), 44–48. DOI: 10.52928/2070-1632-2025-70-1-44-48
12. Shumaeva E.A., Yurkova I.M. (2024). Approaches to the formation of the concept of "regional socio-economic system". *Modern state and municipal management: problems, technologies, prospects*: collection of materials of the X International Scientific and Practical Conference. Donetsk: Donetsk National Technical University, 585–590.

УДК 316.334.2 / ББК 60.526.1

Гаврилец Ю.Н., Кудров А.В., Тараканова И.В.

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВАЯ НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: АНАЛИЗ, ДИНАМИКА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ (2022–2024 гг.)

Аннотация. *Доклад посвящен анализу социально-бытовой неудовлетворенности населения России в 2022–2024 гг. на основе данных всероссийских опросов КОУЖ. Рассматривается дифференциация проблем по типу населенного пункта, возраста и образования. Показано, что, несмотря на общее снижение неудовлетворенности, межрегиональное неравенство по большинству проблем растет. С использованием компонентного анализа построен интегральный индекс социально-бытовой неудовлетворенности для регионов РФ.*

Ключевые слова: *социально-бытовая неудовлетворенность, качество жизни, социальное настроение, региональная дифференциация, компонентный анализ, КОУЖ.*

Современный мир сталкивается с огромным количеством вызовов – природные катастрофы, международные противоречия, внутренние конфликты между социальными группами, различающимися по культуре, религии, национальности и ценностям. В таких условиях научное обоснование управленческих решений становится не просто полезным, а критически необходимым. К внешним угрозам добавляются внутренние: экстремизм, межэтнические напряженности, наркомания, алкоголизм, вандализм.

Ключевым индикатором качества жизни становится социальное настроение. Оно отражает не только объективное положение человека, но и его субъективное восприятие. Именно настроение определяет поведение людей в социально-политической, региональной и национальной сферах.

Анализ неудовлетворенности населения за период 2022–2024 гг.

Исследование опирается на данные всероссийского опроса «Комплексное обследование условий жизни населения» (КОУЖ) за 2022 и 2024 гг. Каждый опрос охватывал около 100 тысяч респондентов, что обеспечивает высокую репрезентативность. Участников просили указать, какие из 17 социально-бытовых проблем мешают им нормально жить в месте проживания (*табл. 1*).

Таблица 1. **Доля респондентов недовольных рассматриваемыми социально-бытовыми проблемами,** % от всей выборки респондентов

Наименование проблемы	2022 год	2024 год	Δ (2024–2022)
Доступность медицинских услуг	22,25	13,36	-8,89
Доступность образовательных услуг	8,40	5,39	-3,01
Получения официальных документов	15,98	10,61	-5,37
Доступ к торговым точкам	11,60	9,23	-2,37
Доступ к аптекам	18,62	14,10	-4,52
Доступ к культурным учреждениям	20,69	16,46	-4,23
Доступ к объектам отдыха и досуга	26,86	19,84	-7,02
Доступ к спортивным сооружениям	24,57	17,54	-7,03
Качество жилищно-коммунальных услуг	26,67	20,35	-6,33
Качество общественного транспорта	22,98	20,86	-2,12
Городское благоустройство и удобства	22,86	16,13	-6,73
Состояние и безопасность дорог	46,54	40,73	-5,82
Преступность	4,87	3,47	-1,40
Вандализм	12,66	9,70	-2,96
Наркомания	11,29	9,62	-1,66
Алкоголизм	20,13	16,50	-3,63
Загрязнение окружающей среды	23,09	18,75	-4,34

В таблице показано, что по всем 17 проблемам за два года доля недовольных снизилась. Наибольшее улучшение – в доступности медицинских услуг (-8,89 п. п.), доступе к спортивным сооружениям (-7,03 п. п.) и объектам отдыха (-7,02 п. п.). Однако некоторые проблемы остаются очень острыми: состояние и безопасность дорог (40,73% в 2024 году) и качество ЖКХ (20,35%). Интересно, что низкий уровень обеспокоенности преступностью (3,47%) сочетается с более высокими оценками вандализма, алкоголизма и наркомании – это говорит о дифференцированном восприятии преступности и повседневных девиантных форм поведения в массовом сознании.

Дифференциация по типу населенного пункта

Анализ показал устойчивую закономерность: чем меньше населенный пункт, тем выше уровень неудовлетворенности по 15 из 17 проблем. Это говорит о территориальном неравенстве в доступности и качестве инфраструктуры. Наиболее острая проблема везде – состояние дорог: в малых городах и селах недовольство почти вдвое выше, чем в крупных городах (*рис. 2*).

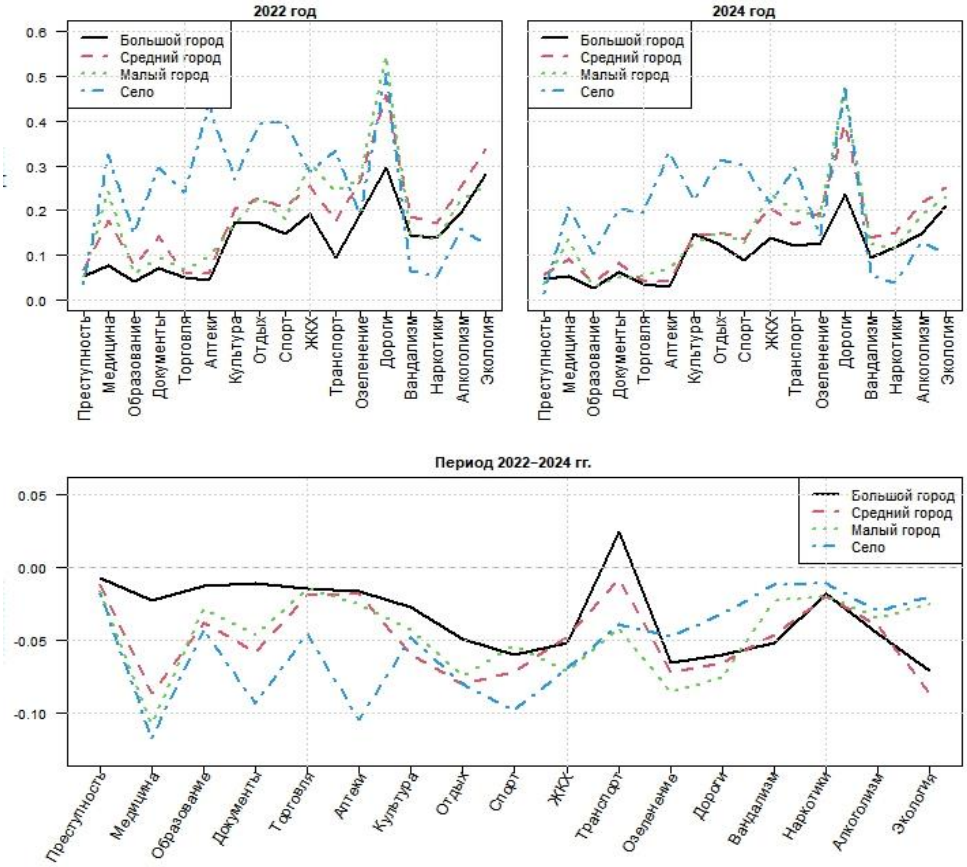

Рис. 1. **Уровень недовольства различными сторонами качества жизни для больших, средних и малых городов, а также сел.**

Интересно, что в крупных городах по транспорту зафиксирован рост неудовлетворенности (с 9,4 до 11,9%) – вероятно, из-за роста транспортной нагрузки и недостаточной адаптации систем.

Возрастные группы

Восприятие проблем зависит от возраста. Молодежь (до 29 лет) больше беспокоится о досуге и отдыхе, старшее поколение (50+) – о медицине, услугах и инфраструктуре. В 2022 году неудовлетворенность здравоохранением варьировала от 17% (молодые) до 24,8% (50–69 лет). За два года произошли значимые улучшения, особенно в старших группах (-9,4% для 50–69 лет), но положительная динамика охватила все возраста (*рис. 4*).

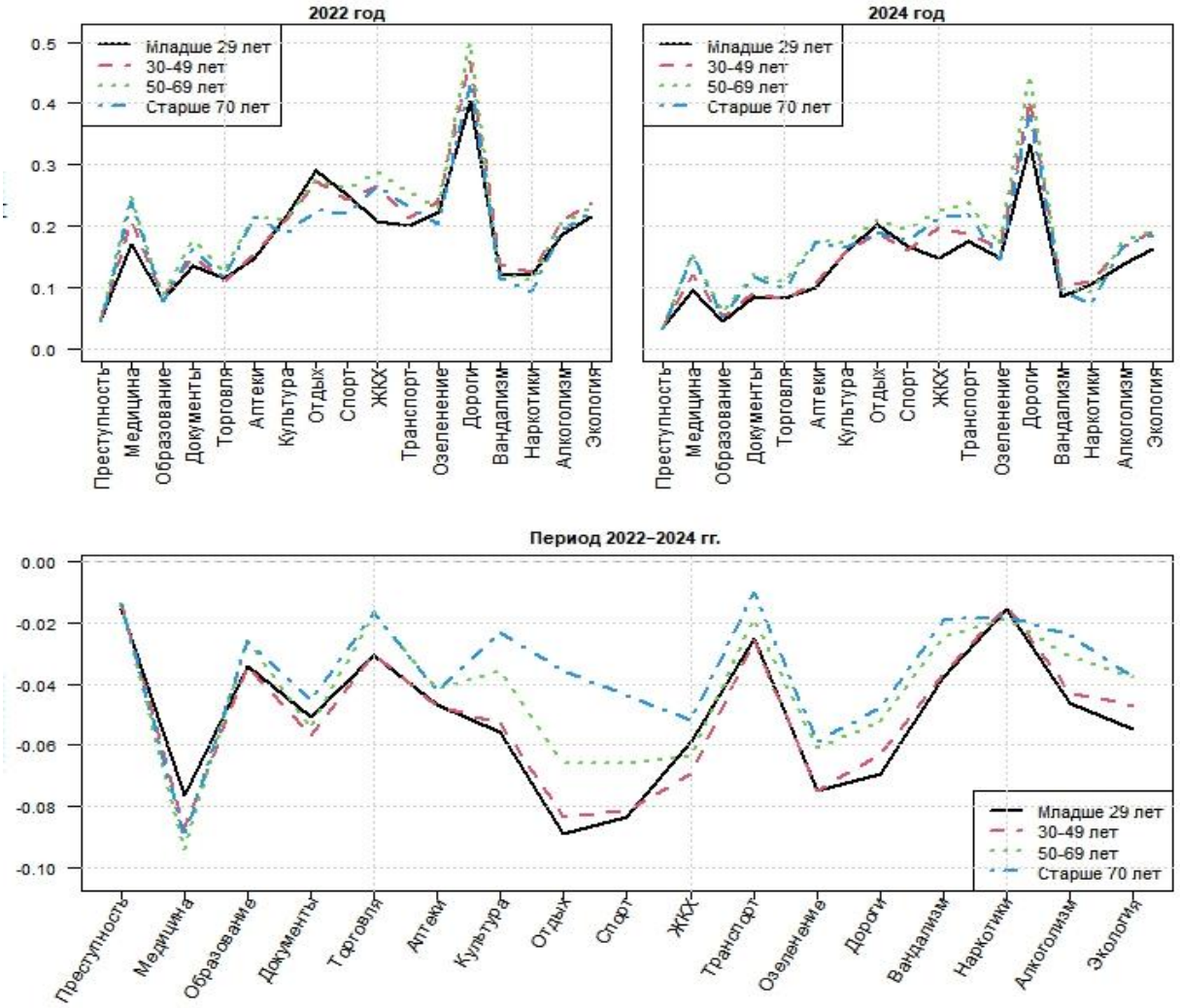

Рис. 2. **Уровень недовольства различными сторонами качества жизни для возрастных групп: до 29 лет, 30-49 лет, 50-69 лет и старше 70 лет**

Образование

Респонденты с высшим образованием в целом менее недовольны доступом к социальным услугам, чем люди без базового или специального образования. Эта закономерность сохраняется в оба года. Однако темпы снижения неудовлетворенности у групп с низким образованием оказались выше, вероятно, потому что у них был «больше пространства для улучшения». Разрыв между группами сокращается, но структурное неравенство остается. Например, по доступности медицины разрыв сократился с 11% в 2022 году, до 8% в 2024 году.

Уровень недовольства социально-бытовыми проблемами в регионах РФ

Важной частью общей проблемы является неудовлетворенность населения по регионам России. Как показывает анализ, регионы России различаются весьма значительно по уровню и структуре социально-бытовой неудовлетворенности. Оценки степени недовольства населения этими проблемами необходимы для выявления регионов, требующих неотложного вмешательства и разработки целевых решений.

По большинству проблем межрегиональное неравенство (коэффициент вариации) растет на фоне общего снижения неудовлетворенности. Это свидетельствует о неравномерности улучшений по регионам. Лишь по двум проблемам (доступ к торговым точкам и получение официальных документов) вариация сокращается, что объясняется развитием федеральных торговых сетей и цифровизацией госуслуг («Госуслуги»).

Общий индекс социально-бытовой неудовлетворенности

На основе метода непосредственных связей [1] был построен граф (*табл. 2*). Узлы – 17 проблем, ребра – значимые непосредственные связи. Граф связный, что подтверждает целостность системы проблем, то есть неудовлетворенность по одной проблеме согласована с другими. Сравнение графов за 2022 и 2024 гг. показывает, что общая структура сохраняется, хотя некоторые связи меняются, что говорит об устойчивости системы. Это означает, что нельзя решать одну проблему изолированно – нужен системный подход.

Поскольку система целостна, целесообразно создать единый интегральный показатель – общий индекс социально-бытовой неудовлетворенности. Для этого применяется компонентный анализ. Первая главная компонента из 17 объясняет более 50% общей дисперсии – это очень высокая информативность. Она интерпретируется как общий индекс.

Таблица 2. **Десять регионов с наименьшими значениями общего индекса неудовлетворенности**

2022 год	2024 год
Краснодарский край (-2,72)	Краснодарский край (-3,52)
Калининградская область (-2,84)	Липецкая область (-3,59)
Тюменская область (-3,37)	Республика Хакасия (-3,75)
г. Севастополь (-4,30)	г. Санкт-Петербург (-4,29)
г. Санкт-Петербург (-4,32)	Тюменская область (-4,44)
Белгородская область (-5,25)	г. Севастополь (-4,52)
г. Москва (-5,51)	Белгородская область (-5,31)
Кабардино-Балкарская Республика (-5,74)	г. Москва (-5,64)
Республика Ингушетия (-7,47)	Северная Осетия-Алания (-6,14)
Чеченская Республика (-8,38)	Чеченская Республика (-7,57)

Заключение

Исследование показало, что социально-бытовые проблемы в регионах РФ образуют целостную, связную систему, поэтому нельзя решать одну проблему, не затрагивая другие. Несмотря на общее снижение неудовлетворенности с 2022 по 2024 гг., межрегиональное неравенство по большинству проблем растет, то есть улучшения идут неравномерно. Построенный общий индекс социально-бытовой неудовлетворенности может служить интегральным индикатором для регионального мониторинга и выявления наиболее проблемных регионов.

Библиографический список

1. Гаврилец Ю.Н., Кудров А.В., Тараканова И.В. (2022). Статистический анализ и моделирование взаимосвязи региональной экономики и науки // Экономика и математические методы. Т. 58. № 4. С. 56–70.

Информация об авторах

Юрий Николаевич Гаврилец – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: yurkag@mail.ru)

Александр Владимирович Кудров – кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: kovlal@inbox.ru)

Ирина Васильевна Тараканова – научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: itar40@mail.ru)

Kudrov A.V., Gavrilets Yu.N., Tarakanova I.V.

SOCIAL AND LIVING CONDITIONS DISSATISFACTION OF THE POPULATION OF RUSSIA: ANALYSIS, DYNAMICS AND REGIONAL DIFFERENTIATION (2022–2024)

Abstract. *The report analyzes the dynamics of social and living conditions dissatisfaction among the Russian population in 2022–2024, based on data from the all-Russian Comprehensive Survey of Living Conditions (CSLC). The differentiation of problems by type of settlement, age, and education level is examined. It is shown that, despite an overall decline in dissatisfaction, interregional inequality for most problems is increasing. Using component analysis, an integral index of social and living conditions dissatisfaction in the regions of the Russian Federation is constructed*.

Keywords: *social and living conditions dissatisfaction, quality of life, social mood, regional differentiation, component analysis*.

About the authors

Yuri N. Gavrilets – Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, CEMI RAS (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: yurkag@mail.ru)

Alexander V. Kudrov – Candidate of Sciences (Physical and Mathematical), Leading Researcher, CEMI RAS (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: kovlal@inbox.ru)

Iraida V. Tarakanova – Researcher, CEMI RAS (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: itar40@mail.ru)

References

1. Gavrilets Yu.N., Kudrov A.V., Tarakanova I.V. (2022). Statistical analysis and modeling the relationship between regional economics and science. *Economics and mathematical methods*, 58(4), 56–70.

УДК 332.146.2:330.322(470.12) / ББК 65.263

Губанова Е.С.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ АСИММЕТРИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ

Аннотация. *Структурный анализ инвестиционных процессов на основе типологии муниципальных образований Вологодской области в период 2020–2024 гг. позволил выявить усиление пространственной неравномерности вложений капитала, что формирует центро-периферийную поляризацию инвестиционных потоков.*

Ключевые слова: *регион, инвестиционный процесс, структура инвестиций, центро-периферийная поляризация.*

Проблематика пространственной неравномерности социально-экономических процессов в настоящее время находится в фокусе научных исследований, поскольку действие многих внешних и внутренних факторов не только затрудняет устойчивое развитие регионов, но и препятствует их сбалансированному состоянию. Решение многих ключевых задач требует опоры на инвестиционные потоки, направленность которых по многим причинам лишь усиливает территориальные диспропорции. В связи с этим заслуживает особого внимания оценка конфигурации инвестиционных потоков Вологодской области и выявление тенденций, определяющих социально-экономические процессы. Это обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, Вологодская область в национальных рейтингах инвестиционной привлекательности характеризуется очень неоднозначными оценками[1]. Так, в рейтингах Эксперт РА в период 2020–2025 гг. позиции региона имели тенденцию в росту: от уровня умеренно средний к уровню высокий (2024 год характеризовался значительным притоком инвестиций – 37% к п. г., но темпы вложений следующего за ним года снизились в несколько раз), а в рейтингах Национального рейтингового агентства позиция региона на протяжении этого периода не менялась – уровень привлекательности умеренный. Во-вторых, объем инвестиций в регионе за пятилетний (2020–2024 гг.) период в сопоставимой оценке составил в 2024 году 80,4% к уровню 2019 года. В-третьих, социально-экономическое развитие области отличается выраженным асимметричным характером.

В ходе исследования пространственных особенностей инвестиционных потоков региона выполнен анализ трех структурных срезов.

Для первого среза (*табл. 1*) была использована группировка муниципалитетов, учитывающая уровень их инвестиционной емкости и экономическую специфику, которая распределила их на четыре группы. Для второго и третьего срезов были использованы типологии муниципалитетов по периферийности и доле сельского населения, разработанные исследователями ВолНЦ РАН [1, с. 6; 2, с. 6].

Первое, что необходимо отметить – это наличие двухполюсной модели инвестиционного процесса, в которой различия по объемам инвестиций между обоими полюсами достигают значительных размеров. Второе – это волнообразная динамика изменения доли участия всех муниципалитетов в инвестиционном процессе, затрудняющая прогноз стабильно развития. Третье – группа опорных муниципалитетов, которая выполняет роль промежуточного звена между лидерами и периферией, постепенно сжимается. Но надо отметить, что эта группа (в разные годы сюда также входили Великоустюгский, Вологодский, Сокольский и Череповецкий муниципалитеты) обладает достаточно развитой транспортно-логистической инфраструктурой, хорошим производственным потенциалом и наличием инвестиционных площадок. Не происходит и увеличения доли группы развивающихся территорий (с предприятиями агропромышленного и лесопромышленного комплексов, туристическим потенциалом), что может в дальнейшем усиливать территориальные диспропорции и негативные социально-экономические последствия. Группа муниципалитетов, отнесенная к периферийной группе, обладая невысоким инвестиционным потенциалом, к сожалению, изолирована от главных инвестиционных потоков.

[1] Эксперт РА. URL: https://raexpert.ru (дата обращения: 15.05.2026); Национальный Рейтинговое Агентство. URL: https://www.ra-national.ru/ (дата обращения: 15.05.2026).

Таблица 1. **Структура распределения инвестиций по группам муниципалитетов с учетом инвестиционной емкости и экономической специфики,** % к итогу

Инвестиционный уровень группы (границы на 2024 год), состав	2020	2021	2022	2023	2024
Высокий (Лидеры, более 15%): г. Вологда, г. Череповец	75,32	62,60	65,58	70,52	78,81
Средний (Опорные, 2–15%): Грязовецкий, Шекснинский	6,46	13,17	8,04	8,83	4,86
Умеренный (Развивающиеся, 0,5–2%): Бабаевский, Вашкинский, Великоустюгский, Вологодский, Вытегорский, Кадуйский, Кирилловский, Междуреченский, Нюксенский, Сокольский, Тотемский, Чагодощенский, Череповецкий	16,46	22,36	24,16	10,96	13,36
Низкий, (Периферия, менее 0,5%): Бабушкинский, Белозерский, Верховажский, Вожегодский, Кичм.-Городецкий, Никольский, Сямженский, Тарногский, Усть-Кубинский, Устюженский, Харовский	1,76	1,87	2,22	9,69	2,97
Источник: Федеральная служба государственной статистики по Вологодской области. URL: https://35.rosstat.gov.ru (дата обращения: 15.05.2026).					

Четвертое – движение муниципалитетов между группами обусловлено в основном реализацией отдельных крупных проектов в рамках государственных или региональных программ. Поэтому обращает на себя внимание тот факт, что в отдельные годы доля той или иной группы заметно увеличивается, но впоследствии имеет место снижение. Подобные «аномальные всплески» не способствуют наращиванию инвестиций и устойчивому развитию.

Расчет коэффициента Джини позволил выявить нелинейную траекторию инвестиционного процесса и критический уровень поляризации инвестиций на всем периоде:

- 2020 год**:** Коэффициент Джини = 0,8361;
- 2021 год: Коэффициент Джини = 0,7832;
- 2022 год: Коэффициент Джини = 0,7744;
- 2023 год: Коэффициент Джини = 0,7900;
- 2024 год: Коэффициент Джини = 0,8126.

Далее обратимся к анализу структуры распределения инвестиций по муниципалитетом с учетом уровня урбанизированности (доле сельского населения в общей его численности), что отражено в *табл. 2*.

Данные подтверждают ранее сделанный вывод о наличии глубоких структурных диспропорций в распределении инвестиций и позволяют оценить роль фактора урбанизированности в сохранении инвестиционной неравномерности региона. Доминирование двух крупных городов с диверсифицированной структурой экономики, которые концентрируют значительные финансовые потоки области, формирует устойчивый полюс притяжения инвестиций.

В конкурентной борьбе за инвестиционные потоки в период адаптации к кризисным процессам группа муниципалитетов с преимущественно городским населением смогла мобилизовать свой потенциал и увеличить объемы инвестиций, но в последующем тренд снова сменился на их снижение. Этот факт, видимо, также говорит о реализации отдельных точечных инвестиционных проектов.

В муниципалитетах с доминированием доли сельского населения инвестиционная активность продолжает оставаться очень низкой, лишая территории стимулов к их развитию. Довольно сложная ситуация сохраняется в муниципалитетах с полностью сельским населением.

Таблица 2. **Структура распределения инвестиций по группам муниципалитетов с учетом урбанизированности,** % к итогу

Тип муниципалитетов, их состав	2020	2021	2022	2023	2024
Городские округа (г. Вологда и г. Череповец)	75,32	62,60	65,58	70.52	78,81
Преимущественно городские (Бабаевский, Белозерский, Великоустюгский, Грязовецкий, Кадуйский, Кирилловский, Сокольский, Устюженский, Харовский, Чагодощенский, Шекснинский)	13,91	25,00	20,04	17,57	10,29
Преимущественно сельские (Вожегодский, Вытегорский, Никольский, Тотемский)	2,12	4,41	3,77	4,17	3,07
Полностью сельские (Бабушкинский, Вашкинский, Верховажский, Вологодский, Кичменгско-Городецкий, Междуреченский, Нюксенский, Сямженский, Тарногский, Усть-Кубинский, Череповецкий)	8,65	7,99	10,61	7,74	7,28
Источник: [1].					

Превосходя по количеству территорий третью группу, объемы инвестиций в ряде муниципалитетов (Бабушкинский, Кичм.-Городецкий, Сямженский, Усть-Кубинский) крайне недостаточны даже для простого поддержания соответствующей инфраструктуры жизнеобеспечения населения. Необходимо также подчеркнуть, что в этой группе динамика структуры инвестиций во многом зависит от инвестиционной активности Вологодского и Череповецкого муниципалитетов, которые по своим разнообразным связям тесно взаимодействуют с городами областного значения. Так, пиковые значения объемов инвестиций в Вологодской районе повышали его долю в период 2022–2024 гг. в пределах от 1,36 до 2,51%, а Череповецкий район увеличивал свое участие в областном объеме инвестиций в 2020–2022 гг. в пределах 2,94–3,9%.

Особый интерес в распределении инвестиционных потоков представляет использование типологии муниципалитетов по периферийности (расположению муниципалитетов в пространстве региона относительно крупных, а также и малых и средних городов), предложенной в [2]. В этой типологии важными показателями отнесения муниципалитета в соответствующую группу являются плотность населения и среднее по группе расстояние до ближайшего крупного города (*табл. 3*).

Таблица 3. **Структура распределения инвестиций по группам муниципалитетов по периферийности,** % к итогу

Пространственная группа муниципалитетов, их состав	2020	2021	2022	2023	2024
Вологодская агломерация (г. Вологда, Вологодский, Грязовецкий, Сокольский)	21,07	29,32	29,78	35,87	29,55
Череповецкая агломерация (г. Череповец, Череповецкий, Шекснинский, Кадуйский)	69,89	56,45	54,76	48,30	58,89
Ближняя периферия (Бабаевский, Белозерский, Великоустюгский, Вытегорский, Кирилловский, Никольский, Тотемский, Устюженский, Харовский)	5,53	10,63	10,94	8,17	6,33
Средняя периферия (Междуреченский, Сямженский, Усть-Кубинский)	0,41	0,61	0,39	0,23	1,59
Дальняя периферия (Бабушкинский, Вашкинский, Верховажский, Вожегодский, Кичменгско-Городецкий, Нюксенский, Тарногский, Чагодощенский)	3,10	2,99	4,13	7,43	3,64
Источник: [2].					

Этот срез территориальной структуры инвестиций в регионе позволяет обобщить и подтвердить полученные ранее выводы по двум предыдущим срезам и дает нам более полную картину о конфигурации инвестиционных потоков и сложившихся их трендах.

Данные таблицы 3 дают наглядное представление о том, что структура и динамика инвестиционных процессов в регионе отличаются ярко выраженной центро-периферийной поляризацией. Доля двух агломераций, представляющая центр притяжения инвестиций в исследуемый период колебалась в пределах от 90,9% (2020 год) до 88,4% (2024 год). Череповецкая агломерация выглядит более сильным конкурентом, даже несмотря на определенные трудности функционирования металлургического и химического гигантов, при этом Шекснинский и Череповецкий муниципалитеты в исследуемый период имели в совокупности самую сильную позицию по объемам инвестиций среди всех муниципальных образований. Вологодская агломерация имеет все возможности оставаться в числе лидеров поскольку структура ее экономики достаточно диверсифицирована, а отрасли имеют более устойчивый характер к внешним шокам.

Периферийная часть региона, разделенная на ближнюю, среднюю и дальнюю части, объединяет 20 муниципалитетов, совокупный объем инвестиций которых в исследуемый период колебался от 9% (2020 год) до 15,3% (2022 год – наилучший результат в периоде). Муниципалитеты ближней периферии обладают достаточными возможностями не только для укрепления своего положения, но и устойчивого повышения инвестиционной привлекательности и, в свою очередь, активности. Территории средней и дальней периферии находятся в состоянии инвестиционной депрессии, прерываемой разовыми вложениями капитала, что не меняет общей динамики.

Преодоление выявленной пространственной асимметрии инвестиционных потоков в регионе требует системной инвестиционной политики, учитывающей не только характерные особенности муниципалитетов и их реакцию на предпринимаемые воздействия, но и возможности взаимодействия территорий в реализации совместных инвестиционных проектов в рамках муниципально-частного партнерства

Библиографический список

1. Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. (2024). Социально-экономическое развитие муниципальных образований Вологодской области. 2020–2023: информационно-аналитический бюллетень. Вып. 11. Вологда: ВолНЦ РАН. 132 с.
2. Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. (2025). Социально-экономическое развитие муниципальных образований Вологодской области. 2020–2024: информационно-аналитический бюллетень. Вып. 12. Вологда: ВолНЦ РАН. 96 с.

Информация об авторе

Елена Сергеевна Губанова – доктор экономических наук, профессор, Вологодский государственный университет (Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: kanz@vogu35.ru)

Gubanova E.S.

SPATIAL ASYMMETRY OF INVESTMENT PROCESSES IN THE REGION

Abstract. *A structural analysis of investment processes based on the typology of municipalities in the Vologda Oblast for the period of 2020–2024 revealed an increase in the spatial unevenness of capital investments, which forms a center-periphery polarization of investment flows.*

Keywords: *region, investment process, investment structure, center-periphery polarization.*

About the author

Elena S. Gubanova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Vologda State University (15, Lenina Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: kanz@vogu35.ru)

References

1. Uskova T.V., Voroshilov N.V. (2024). Socio-economic development of municipalities of the Vologda Oblast. 2020–2023: Information and analytical bulletin, 11. Vologda: VolRC RAS.
2. Uskova T.V., Voroshilov N.V. (2025). Socio-economic development of municipalities of the Vologda Oblast. 2020–2024: Information and analytical bulletin, 12. Vologda: VolRC RAS.

УДК 314.145+331.5 / ББК 60.561.5

Зырянова М.А.

ИНСТИТУТ НЯНЬ: ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ И РЫНОК ПРЕДЛОЖЕНИЙ НА РОССИЙСКОМ СЕВЕРЕ

Аннотация. *Статья анализирует институт нянь в современной России как композитный социальный институт. На основе контент-анализа объявлений на цифровой платформе в пяти северных городах выявлены социально-демографические профили нянь, форматы занятости и ключевой фактор спроса – доверие, формирующее триаду «профессионализм + забота + прозрачность».*

Ключевые слова: *институт нянь, услуги по уходу за детьми, экономика заботы, северные регионы России, спрос на услуги нянь, профессия «няня», женская занятость.*

Благодарность

Работа подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Влияние демографических вызовов на трудообеспеченность северных и арктических территорий: новые реалии XXI века» (№ ГР 125013001104-0, 2025–2027 гг.).

Введение

Институт нянь в современных социально-экономических условиях переживает своеобразный период возрождения. Эта, казалось бы, традиционная форма ухода за детьми обретает сегодня новое содержание и значение. Внимание исследователей все чаще привлекает трансформация роли няни в системе семейных отношений. Профессия няни выходит за рамки простого присмотра и наполняется новыми, более сложными функциями. Развитие института нянь идет по собственной логике, отличной как от традиционной родственной помощи, так и от формальных дошкольных учреждений. Данный феномен требует внимательного научного осмысления и анализа.

До 1990-х годов неформальный рынок услуг нянь активно развивался в основном в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург [2]. В других регионах страны даже среди работников номенклатуры не было традиции нанимать няню за оплату. Неформального рынка услуг по уходу за детьми в советское время не существовало, а значит, не существовало и неформальных институтов, которые его регулировали. В условиях новой рыночной экономики институт нянь начал формироваться практически с нуля [1].

Состояние института нянь

В отличие от классических социальных институтов (семья, государство, образование, рынок), институт нянь представляет собой композитный институт, т. е. интегративное образование, сочетающее в себе элементы разных институциональных систем.

Институт нянь в современной России имеет следующие признаки одновременно:

1) включает рыночный компонент (услуга покупается и продается, есть цена, конкуренция, цифровые платформы как Avito, договорные отношения);

2) сохраняет элементы родственного/доверительного компонента (от родителей требуется эмоциональное доверие, няня часто воспринимается как «член семьи на время», ценятся личные качества - доброта, забота, любовь к детям);

3) заимствует черты образовательного института (няня выполняет функции развития и социализации ребенка, многие няни имеют педагогическое образование);

4) функционирует как компенсаторный механизм при дефиците или неполноте других институтов (государственных ДДУ, межпоколенной помощи бабушек).

Таким образом, композитность означает, что институт нянь не сводим к одному логическому основанию (например, только к рынку труда или только к семейной помощи), а возникает на стыке нескольких институциональных порядков, приобретая собственную, уникальную логику развития. Это и есть «новое содержание и значение» традиционной формы ухода за детьми.

Как отмечают Д.В. Шурухова и З.А. Мустафаева: «Критерии подбора нянь могут быть совершенно разные, поскольку требования родителей отличаются. Некоторые родители хотели бы видеть няню с высшим специальным педагогическим или медицинским образованием. Медицинские сестры и воспитатели детских садов тоже приветствуются. Такие кандидатуры рассматриваются в первую очередь. Другие хотят, чтобы образование было высшим, но не обязательно медицинским или педагогическим. Но всех объединяет одно понятие – человек должен быть душевным и иметь призвание к своей профессии. Перед няней стоит весьма нелегкая задача – заменить родителей так, чтобы малыш чувствовал себя комфортно. Поэтому, в первую очередь, важны душевные качества работника. Можно выделить: любовь к детям, терпение, добросовестность, ответственность, знание психологических и физиологических особенностей развития детей, аккуратность, коммуникативные и организаторские способности, порядочность» [5].

По результатам социологического исследования А.В. Короленко: «Обращение за услугами нянь в большей степени свойственно населению в возрасте от 25 до 34 лет (7%), что неудивительно, ведь именно на этот возраст приходится основная часть деторождений. Проведенное исследование позволило установить, что, несмотря на невысокую распространенность практик обращения за профессиональными услугами нянь среди населения Вологодской области, оценки оказанной помощи оказались достаточно высокими, что свидетельствует об эффективности такого рода помощи семьям с детьми. Кроме того, почти каждый пятый готов воспользоваться услугами профессиональной няни для помощи в присмотре за детьми и их воспитании (19%)» [3].

В современной России наблюдается устойчивая тенденция к повышению потребности в услугах нянь, что имеет под собой несколько объективных предпосылок (*табл. 1*).

Таблица 1. **Объективные предпосылки увеличения спроса на услуги нянь в современной России**

Группа	Предпосылки внутри группы
Сужение ресурса родственного ухода	Эффект занятости старшего поколения или феномен профессиональной активности пенсионеров
	Территориальный разрыв межпоколенческой помощи
	Конкуренция ролевых установок третьего возраста
Трансформация материнства и занятости	Эффект карьерного материнства
	Эффект отложенного материнства
Институциональные и рыночные факторы	Специфика государственных ДДУ для детей раннего возраста
	Эффект гигиенического сверхконтроля (постковид)
	Монетизация заботы в эпоху экономики услуг
	Рост родительского спроса на развивающий уход
	Цифровизация рынка нянь

Первая предпосылка увеличения спроса на услуги нянь – эффект занятости старшего поколения или феномен профессиональной активности пенсионеров. Низкий уровень пенсионного обеспечения стимулирует трудовую активность старшего поколения. Совмещение профессиональной занятости с регулярным уходом за внуками объективно затрудняется. Безвозмездный ресурс межпоколенной солидарности сокращается. Возникает вынужденный спрос на рыночные услуги няни как компенсаторный механизм.

Вторая причина – территориальный разрыв межпоколенческой помощи. Переезд молодых семей в другие города и регионы усиливает нуклеаризацию, лишая их традиционной родственной поддержки в уходе за детьми. Образовавшийся вакуум закономерно трансформируется в устойчивый спрос на оплачиваемые услуги нянь.

Третья причина – конкуренция ролевых установок третьего возраста. Сегодняшнее поколение бабушек демонстрирует высокую вовлеченность в разнообразные активности – от профессиональной занятости до хобби и волонтерства, что оставляет мало времени для регулярного ухода за внуками.

Четвертая причина – эффект карьерного материнства. Все больше женщин стремятся к профессиональной самореализации и карьерному росту. Это увеличивает потребность в услугах нянь, чтобы совмещать работу и уход за детьми.

Пятая причина – эффект отложенного материнства. Женщины все чаще откладывают рождение ребенка на более поздний возраст, когда они уже построили карьеру и хотят быстрее вернуться к работе после декретного отпуска. У женщин, реализующих модель отложенного материнства, их собственные матери к моменту рождения внуков часто переходят возрастной рубеж, за которым их физические и функциональные возможности для регулярной и активной помощи в уходе за ребенком объективно снижаются.

Следующей идет такая объективная предпосылка повышения спроса на услуги частных нянь, как специфика государственных ДДУ для детей раннего возраста. Детей в государственный детсад на полный день принимают как правило с двух лет. Возникает временной разрыв между окончанием декретного отпуска и моментом, когда ребенок может посещать дошкольное учреждение, что создает потребность в альтернативных формах ухода.

Также нужно принимать во внимание действующий по настоящее время эффект гигиенического сверхконтроля в ДДУ после пандемии Covid-19. В постпандемийный период детские сады ужесточили правила допуска детей: любой насморк или кашель – повод оставить ребенка дома. В результате ребенок подолгу находится на больничном, а семья вынуждена искать замену детскому саду, в том числе нанимать няню.

Восьмая причина – монетизация заботы в эпоху экономики услуг. Экономика услуг не только сохраняет свои позиции, но и расширяет их, проникая в сферу семейного ухода, где традиционно преобладал бесплатный родственный труд.

Девятая причина – рост родительского спроса на развивающий уход. Все больше родителей понимают пользу профессионального ухода за детьми, раннего развития и социализации. Они готовы платить за услуги квалифицированных нянь, которые могут предложить больше, чем просто присмотр.

И, наконец, десятая причина – цифровизация рынка нянь. Развитие интернета и специализированных онлайн-платформ существенно снижает трансакционные издержки семей при поиске нянь, предоставляя доступ к анкетам, отзывам и данным о квалификации кандидатов. В результате процесс подбора становится более прозрачным, оперативным и менее рискованным, что стимулирует спрос на профессиональный уход за детьми.

Методы

Методологической основой исследования выступил контент-анализ объявлений о предложении услуги «няня для ребенка» на цифровой платформе Avito. Географический фокус исследования – административные центры пяти северных регионов (Петрозаводск, Сыктывкар, Архангельск, Мурманск, Ханты-Мансийск). Объем анализируемой совокупности – 164 предложения. Инструментарий анализа – стандартизированная анкета, содержащая 23 вопроса. Digital trace-анализ (анализ цифровых следов) объявлений дает возможность одновременно изучать социально-демографические характеристики нянь (возраст, образование, опыт) и экономические параметры услуги (стоимость, формат занятости) в едином массиве данных.

Результаты

Анализ возрастной структуры нянь в северных городах России показал, что наиболее многочисленную группу составляют молодые специалисты в возрасте 20–24 лет (27%). Для молодых нянь в возрасте 20–25 лет работа по присмотру за детьми выступает формой вторичной занятости, совмещаемой с обучением в педагогических образовательных учреждениях среднего и высшего профессионального звена. Данная возрастная когорта характеризуется высоким уровнем вовлеченности, мотивации к получению практического опыта и ориентацией на гибкий график трудовой деятельности в свободное от учебы время. Далее следуют возрастные когорты 35–39 лет (18%) и 30–34 года (16%). Для женщин в этом возрасте работа в этой сфере часто представляет собой временную занятость, приуроченную к периоду собственного декретного отпуска. Представительницы данных возрастных групп нередко сочетают услуги няни с другой профессиональной деятельностью, предполагающей неполный рабочий день, например, с работой воспитателя в дошкольном учреждении или с иной занятостью.

Полученные данные свидетельствуют о высоком образовательном потенциале рынка нянь: суммарно 92% предложений приходится на специалистов с высшим или средним профессиональным образованием. При этом доля нянь с высшим образованием (48%) незначительно превышает долю обладательниц среднего профессионального образования (45%). Среди нянь, указавших профиль образования, абсолютное большинство (51%) имеют педагогическую подготовку, тогда как медицинское образование встречается лишь у 8%, а иные специальности (экономические, юридические и другие) – у 9%. При этом более четверти объявлений (28%) не содержат информации о профиле образования, что, вероятно, объясняется тем, что родители при выборе няни чаще ориентируются на ценностные характеристики (любовь к детям, доброта, творческий подход), нежели на формальный образовательный профиль.

В ходе исследования была выявлена четко выраженная преференция в пользу частичной занятости (76%) по сравнению с полной (20%). Такая структура отражает запрос самих нянь на гибкий график, позволяющий совмещать присмотр за детьми с учебой, декретом или иной профессиональной деятельностью. Стоимость услуг частной няни в северных городах России варьируется в диапазоне 300–500 рублей за один час работы. При этом цена увеличивается при уходе за двумя и более детьми, в выходные и праздничные дни, а также при условии ночных смен.

Классический профиль «няня-воспитатель» сохраняет лидирующие позиции (84%), однако рынок демонстрирует зарождение новых форматов: няня-универсал (услуга, сочетающая сопровождение ребенка няней на собственном автомобиле и классическим вариантом заботы) (13%) и автоняня (3%). Как отмечают И.Л. Сизова и М.М. Коренькова: «Взрослеющему ребенку больше нужны няни сопровождения, которые отводят его в школу или кружки, ждут и возвращают домой» [4].

Почти половина нянь (47%) готовы оказывать свои услуги исключительно в дневное время, тогда как 53% предлагают круглосуточную поддержку родителям. Распределение можно охарактеризовать как сбалансированное с незначительным перевесом в сторону круглосуточного формата. Распределение нянь по опыту работы с детьми оказалось относительно равномерным: наиболее многочисленную группу составили специалисты со стажем более 10 лет (33%), далее следуют няни с опытом более 1 года (28%) и более 5 лет (26%). В подавляющем большинстве случаев (67%) няни оказывают свои услуги на территории ребенка, то есть приезжают в семью. Лишь 14% нянь готовы принимать детей у себя дома, а 20% предлагают оба варианта по договоренности.

Как показало исследование, большинство нянь потенциально готовы работать с двумя детьми одновременно, у 11% этот момент не был уточнен в объявлении, 3% хотят работать только с одним ребенком. Однако за уход за вторым ребенком зачастую требуется дополнительная оплата. Для семей с двумя и более детьми, особенно при невысоком уровне дохода, такое удорожание услуги становится критическим барьером. В связи с этим возникает объективная необходимость формирования института социальных нянь при органах социальной защиты населения. Целесообразным представляется внедрение механизма государственной компенсации части затрат на услуги нянь либо полной (100%) оплаты для многодетных семей при документально подтвержденной объективной потребности (например, при наличии справки о составе семьи).

Каждая пятая няня (22%) интегрирует логопедические услуги в стандартный пакет ухода без повышения цены, что косвенно подтверждает высокий рыночный запрос на логопедическое сопровождение детей раннего возраста. Данный факт дополняет и расширяет сложившийся портрет современной няни: это не просто специалист с одной профессией, а зачастую человек с двумя и более образованиями, находящийся в непрерывном поиске новых знаний и поддерживающий свое саморазвитие в соответствии с динамикой общественного спроса.

Заключение

В качестве итога нашего исследования хотелось бы остановится на контент-анализе конкретных отзывов родителей: после контакта с нянями они красноречивее и информативнее любых других выводов. Сквозной темой всех проанализированных отзывов выступает категория доверия: родители многократно повторяют формулы «не страшно оставить», «в надежных руках», «спокойна за ребенка». Наиболее востребованными качествами няни названы: доброта, пунктуальность, ответственность, терпение и умение быстро установить эмоциональный контакт с ребенком. Поведенческие аспекты, получающие высшие оценки, включают регулярный фото- и видеоотчет, инициативность (самостоятельные прогулки, игры), а также предварительное уточнение особенностей ребенка до начала работы.

Эмоциональный спектр родителей охватывает удовлетворение («я довольна»), спокойствие («мне спокойно»), радость («очень рада») и восторг («ребенок в восторге», «мы в восторге»). Таким образом, институт частной няни в восприятии семей-потребителей строится вокруг триады: «профессионализм + забота + прозрачность», где решающую роль играет способность няни обеспечить родителям психологический комфорт и чувство безопасности.

Библиографический список

1. Галиндабаева В.В. (2010). Институты и их роль в снижении неопределенности на рынке услуг по уходу за детьми // Экономическая социология. Т. 11. № 5. С. 108–122.
2. Здравомыслова Е.А. (2009). Няни: коммерциализация заботы // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. Санкт-Петербург: ЕУСПб.
3. Короленко А.В. (2022). Институты профессиональной помощи семьям с детьми в оценках населения Вологодской области // Вестник Удмуртского ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. Т. 6. Вып. 1. С. 29–41. DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-1-29-41
4. Сизова И.Л., Коренькова М.М. (2020). Новые потребительские практики современных городских семей в сфере ухода за детьми и их развития // Вестник Института социологии. Т. 11. № 2. С. 174–193. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.652
5. Шурухова Д.В., Мустафаева З.А. (2018). Институт российских нянь: типология и проблемы // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем / сборник статей XII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 1. 2018. Пенза: Наука и просвещение.

Информация об авторе

Мария Александровна Зырянова – младший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zyryanova.1809@mail.ru)

Zyryanova M.A.

THE INSTITUTION OF NANNIES: PREREQUISITES FOR DEVELOPMENT AND THE SUPPLY MARKET IN THE RUSSIAN NORTH

Abstract. *This article examines the institution of nannies in contemporary Russia as a composite social institution. Drawing on a content analysis of advertisements on a digital platform across five northern cities, the study identifies the socio-demographic profiles of nannies, their employment arrangements, and the pivotal factor driving demand–trust, which constitutes a triad of "professionalism + care + transparency*

Keywords: *nanny institution, childcare services, care economy, Russian northern regions, demand for nanny services, the nanny profession, female employment.*

About the author

Maria A. Zyryanova – Junior Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Science (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: zyryanova.1809@mail.ru)

References

1. Galindabayeva V.V. (2010). Institutions and their role in reducing uncertainty in the child care market. *Economic sociology*, 11(5), 108–122.
2. Zdravomyslova E.A. (2009). Babysitters: commercialization of care: in the collection A new way of life in modern Russia: gender studies of everyday life. St. Petersburg: EUSPb.
3. Korolenko A.V. (2022). Institutes of professional assistance to families with children in the estimates of the Vologda Oblast population. *Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relations,* 6(1), 29–41. DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-1-29-41
4. Sizova I.L., Korenkova M.M. (2020). New consumer practices of modern urban families in the field of child care and their development. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 11(2), 174–193. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.652
5. Shurukhova D.V., Mustafayeva Z.A. (2018). Institute of Russian nannies: typology and problems // Economics, management and Law: innovative problem solving. Collection of articles of the XII International Scientific and Practical Conference. Penza: Science and Enlightenment.

УДК 338.33:31(470.13) / ББК 65. 32-18

Иванов В.А.

СЕЛЬСКАЯ ЭКОНОМИКА КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. *Рассмотрено содержание сельской экономики. Показана ее роль в устойчивом развитии сельских территорий. Проанализированы данные о хозяйствующих субъектах, занятости, валовом региональном продукте, инвестициях и об основных фондах. Выявлены возможности и ограничения развития отраслей сельской экономики.*

Ключевые слова: *сельская экономика, сельские территории, возможности, ограничения, проблемы развития.*

Благодарность

Работа выполнена по НИР «Цифровая биоэкономика северного региона: подходы и направления» (№ 124012700509-1).

Ключевую роль в развитии сельских территорий занимает сельская экономика. Устойчивый рост их отраслей и видов деятельности дает дополнительные возможности сельскому развитию. Сельская экономика, являясь основой жизнедеятельности и развития сельской местности, направлена на повышение уровня и качества жизни сельских жителей. Устойчивое развитие сельской экономики и прежде всего сельского хозяйства обеспечивает продовольственную безопасность страны, занятость населения, сохранение с генофонда нации, аграрного ландшафта и культурного наследия.

Сельская экономика представляет систему отраслей и видов деятельности, функционирующих в сельской местности. Схематично отрасли и виды деятельности сельской экономики можно представить на *рис. 1*.

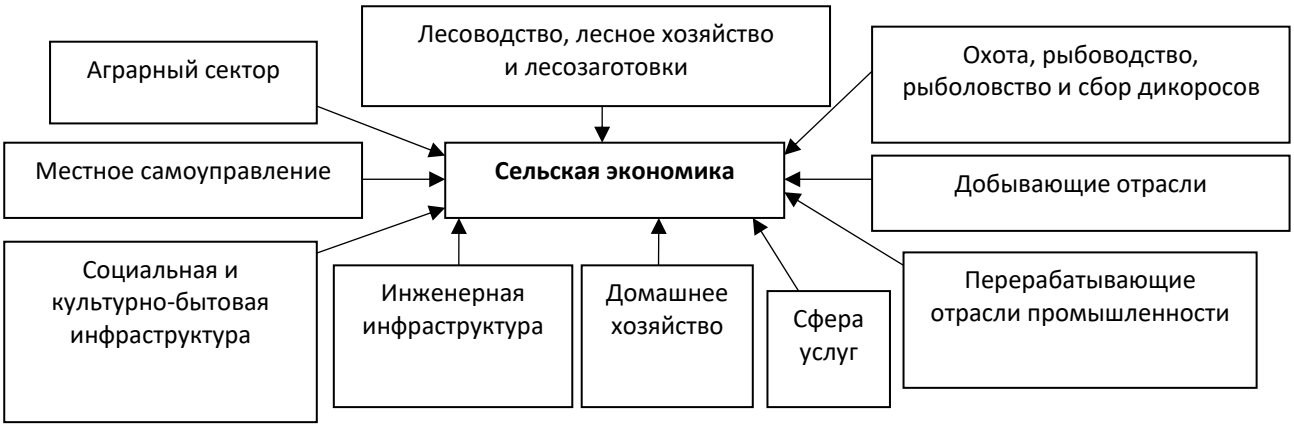

Рис. 1. **Отрасли и виды деятельности сельской экономики**

Отличительной особенностью сельской экономики является то, что ее отрасли (сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство и сбор дикоросов, добыча сырья) функционируют на использовании природных ресурсов. От количества и качества природных ресурсов их эффективного использования зависят темпы и уровень развития сельской экономики.

Обширные сельские территории Республики Коми обладают высоким природным, демографическим, экономическим и историко-культурным потенциалом, использование которого при определенных условиях и параметрах могло бы существенно способствовать решению проблем сельской жизни.

Земельный фонд республики составлял 41,7 млн га. Среди всех категорий земель преобладают земли лесного фонда – 35 млн га (86,3%). Значительную территорию занимают земли особо охраняемых природных территорий и объектов (ООТП) – 2,6 млн га (6,3%), земли сельскохозяйственного назначения составляют 1,8 млн га (4,5%).

Общий запас насаждений лесного фонда Коми составляет 2,8 млрд м^3. На долю хвойных пород приходится более 80% всех лесных насаждений. Основными лесообразующими породами являются ель (54% земель лесного фонда), сосна обыкновенная (25%), береза (17%). В лесах произрастает 15 видов ягодных растений. В тундровой зоне встречается 35 видов съедобных грибов, в лесотундре – 50, а в подзоне средней тайги – 90. В благоприятные годы ежегодно заготавливается 10 тыс. т грибов и 8 тыс. т ягод (клюква, брусника, черника, морошка, голубика, рябина). Промысловые запасы республики оцениваются в 211,6 тыс. т ягод и 74 тыс. т грибов. В ягодном запасе выделяются клюква (43%) и черника (33%), в грибном – волнушка и подосиновик (вместе 48%). Здесь сосредоточено 55% ягодных промысловых ресурсов европейской части страны, а по отдельным видам преобладают клюква (84%) и морошка (67%). Стоимость ягодных ресурсов оценивается в 458 млн долларов, а грибных – в 171 млн долларов [1].

В Республике Коми имеются хорошие условия для производства органической продукции. К факторам, позитивно влияющим на развитие органического сельского хозяйства, относятся: существенный резерв пригодных для производства органической продукции сельхозугодий; благоприятная экологическая обстановка в сельской местности; холодный климат республики обусловливает меньший набор вредителей и болезней растений в открытом грунте, чем в более южных регионах России; достаточно развитый потенциал аграрной науки для проведения исследований в области биологизации земледелия; наличие технологий производства органической продукции, высокий спрос населения на органические продукты [2].

Республика располагает значительными рыбными ресурсами и потенциальными возможностями для увеличения сбора и переработки дикоросов (грибов, ягод, березового сока, лекарственных трав). Рыболовство является традиционной формой и перспективным направлением использования крупного фонда рыбохозяйственных водных объектов. Протяженность рек длиной более 10 км составляет 84 тыс. км, общее количество водотоков – более 3500 единиц, количество имеющих рыбохозяйственное значение озер – около 2000 единиц общей площадью около 46,8 тыс. га. Основные реки – Печора, Вычегда, Мезень и большая часть притоков этих рек до настоящего времени сохранили высший статус (категорию) рыбохозяйственного значения и имеют в составе ихтиофауны ценные виды лососевых рыб.

Существующая сейчас региональная статистика содержит только данные по сельскому, лесному хозяйству, охоте, рыболовству и рыбоводству. По другим отраслям сельской экономики информация отсутствует. Анализ показателей за 2005–2024 гг. показал, что доля сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства в валовом региональном продукте, занятых, инвестициях и основных фондах незначительна и продолжает сокращаться (*табл. 1*).

Таблица 1. **Доля сельского хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства в основных показателях Республики Коми,** %

Показатель	2005	2010	2015	2020	2024
Валовой региональный продукт отраслей сельской экономики	2,2	2,1	1,9	2,1	1,2
В том числе сельское хозяйство	1,8	1,5	1,5	1,5	1,1
Инвестиции в основной капитал отраслей сельской экономики	2,4	1,2	0,9	1,3	1,3
В том числе сельского хозяйства и предоставления услуг в этой области	0,9	0,8	0,3	0,5	0,6
Основные фонды отраслей сельской экономики	1,2	1,0	0,5	0,5	0,6
Средневековая численность занятых в отраслях сельской экономики	8,6	7,0	5,3	4,5	3,7
В том числе в сельском хозяйстве и предоставлении услуг в этой области	2,1	1,6	1,2	0,9	0,8
Источник: Статистический ежегодник Республики Коми / Комистат; Сельское хозяйство в Республике Коми за соответствующие годы: стат. сб. / Комистат.					

Для экономики сельской территории Республики Коми характерны: преимущественная занятость в отраслях сельского и лесного хозяйства; преобладание малых форм предпринимательства; низкая плотность и убыль населения; большое значение самозанятости сельских жителей; удаленность от рынков сбыта производимой продукции; неразвитость инфраструктуры; низкий уровень и качество жизни сельского населения. Основные ограничения развития сельской экономики Коми представлены на *рис. 2*.

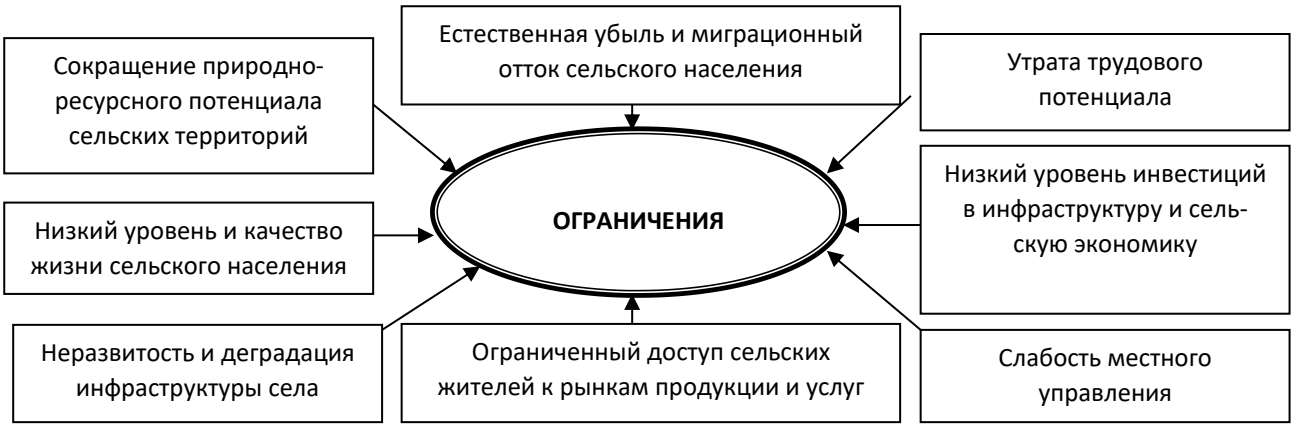

Рис. 2. **Ограничения развития сельской экономики Республики Коми**

Рыночная трансформация обострила исторически существовавшие проблемы села. На сельских территориях Республики Коми наблюдается неполная реализация природного и трудового потенциала. Результаты Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг. и микропереписи 2021 года показали, что за 15 лет число сельхозорганизаций сократилось в 3,9, крестьянско-фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей – в 2 раза, хозяйств населения на 31%. Площадь сельхозугодий в сельхозорганизациях уменьшилась в 3, хозяйствах населения в 3,8 раза. Увеличилось количество заброшенных земельных участков. Доля личных подсобных хозяйств с заброшенными земельными участками (пустующими домами) в сельских поселениях составляет 20%, садоводов, дачников и огородников – 28%. В сельхозорганизациях поголовье крупного рогатого скота сократилось в 1,6 раза. Особенно значительное снижение поголовья скота наблюдалось в хозяйствах населения: крупного рогатого скота – в 5,6, свиней – в 4, овец и коз – в 7,9 раза.

Демографическая ситуация на селе остается сложной и по многим показателям ухудшается. За годы рыночных реформ существенно уменьшилась численность сельского населения, снизилась рождаемость детей, увеличилась смертность, возросла миграция, усилилось постарение населения, сократились средний размер семьи и продолжительность жизни населения. За период с 1990 по 2022 гг. коэффициент рождаемости сельского населения снизился с 14,4 до 9,1%, смертности вырос с 9,5 до 17,9%. Сейчас коэффициент естественной убыли на селе почти в два раза выше, чем в городе (*табл. 2*).

Анализ возрастной структуры сельского населения показал снижение доли трудоспособного населения. На селе доля населения трудоспособного возраста уменьшилась с 56,1% на начало 1991 года до 53,5% на начало 2023 года. Этот показатель в сельской местности ниже по сравнению с городским населением – сейчас он составляет в городе 58,6%. Падение доли населения трудоспособного возраста происходит за счет старения и уменьшения населения моложе трудоспособного возраста. За 1991–2023 гг. доля лиц старше трудоспособного возраста увеличилась с 15,1 до 27,8%; доля населения моложе трудоспособного возраста уменьшилась с 28,8 до 18,7% (*табл. 3*).

Для сельской местности Коми характерна неразвитость транспортной, инженерной, информационно-консультационной и социальной инфраструктуры. На селе большая часть автомобильных дорог приходится на грунтовые, состояние которых остается неудовлетворительным. Низкая обеспеченность сельских дорог с твердым покрытием не позволяет сельскому населению своевременно получить услуги образования, здравоохранения, культуры, бытового обслуживания. По данным Т.Е. Дмитриевой, транспортная доступность Сыктывдинского, Корткеросского, Сысольского, Койгородского и Прилузского районов находится в пределах часа и характеризуется хорошей устойчивостью. Удорский, Троицко-Печорский, Ижемский и Усть-Цилемский районы имеют двух- и трехчасовую доступность. Многие малолюдные деревни Удорского, Усть-Куломского, Троицко-Печорского и Сысольского районов относятся к недоступной или малоустойчивой автодорожной доступностью [8, с. 45–48].

Таблица 2. **Коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста (убыли) населения на 1000 чел. в Республике Коми**

Административно-территориальные образования	Число родившихся		Число умерших		Естественный прирост, (убыль -)	
	1990 г.	2022 г.	1990 г.	2022 г.	1990 г.	2022 г.
Республика Коми	13,6	8,7	7,5	14,3	6,1	-5,6
Городское население	13,4	8,6	6,8	13,1	6,6	-4,5
Сельское население	14,4	9,1	9,5	17,9	4,9	-8,8
Районы						
Ижемский	20,5	135	9,8	16,3	10,7	-3,3
Княжпогостский	12,0	8,6	11,3	17,7	0,7	-9,1
Койгородский	14,9	6,6	8,1	16,3	6,8	-9,7
Корткеросский	13,9	9,9	9,7	17,1	4,2	-7,2
Прилузский	14,5	7,5	11,0	18,2	3,5	-10,7
Сыктывдинский	12,6	9,5	9,1	14,6	3,5	-5,1
Сысольский	15,1	10,2	12,4	17,7	2,7	-7,5
Троицко-Печорский	14,6	5,8	7,5	21,0	7,1	-15,2
Удорский	13,5	9,4	8,8	17,4	4,7	-8,0
Усть-Вымский	12,7	8,2	8,8	14,8	3,9	-6,6
Усть-Куломский	13,9	9,9	9,0	17,7	4,9	-7,8
Усть-Цилемский	18,5	8,2	8,8	17,7	9,7	-8,8
Источник: Демографический ежегодник Республики Коми: стат. сб. // Комистат.						

Таблица 3. **Структура сельского и городского населения Республики Коми по возрасту и полу (на начало года),** %

Показатель	1991	2001	2011	2015	2020	2023
Сельское население						
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе в возрасте: моложе трудоспособного	28,8	22,5	18,1	20,7	21,7	18,7
трудоспособном	56,1	60,0	62,5	56,0	51,5	53,5
старше трудоспособного	15,1	17,5	19,4	23,3	26,8	27,8
Число женщин в расчете на 1 тыс. мужчин	950	994	1023	1007	1001	1075
В том числе в возрасте: моложе трудоспособного	954	961	970	954	955	948
трудоспособном	709	811	779	709	671	787
старше трудоспособного	3059	2156	2804	2604	2329	2205
Городское население						
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе в возрасте: моложе трудоспособного	27,4	20,7	17,7	19,0	19,8	18,8
трудоспособном	63,3	66,5	65,1	61,4	58,9	58,6
старше трудоспособного	9,3	12,8	17,2	19,6	21,3	22,6
Число женщин в расчете на 1 тыс. мужчин	1007	1102	1148	1151	1154	1188
В том числе в возрасте: моложе трудоспособного	963	951	960	960	960	970
трудоспособном	887	1003	958	935	920	957
старше трудоспособного	2997	2411	3008	2862	2771	2625
Источник: Демографический ежегодник Республики Коми: стат. сб. // Комистат.						

В связи с большой пространственной протяженностью сельских территорий, высокими удельными затратами на строительство газотранспортных сетей преобладающая часть (84%) сельского населения Республики Коми проживает в негазифицированных населенных пунктах. Из 684 сельских населенных пунктов только 34 подключены к системе снабжения сетевым газом. Полностью негазифицированными остаются восемь сельских районов: Сысольский, Койгородский, Прилузский, Корткеросский, Усть-Куломский, Удорский, Ижемский, Усть-Цилемский [4, с. 137]. Сниженный газ в сельские населенные пункты поступает в основном в баллонах.

Сельские территории северного региона характеризуются высоким уровнем бедности, превышающим почти двукратно этот показатель для городских жителей. Бедность вынуждает значительную часть сельского населения отказаться от покупки потребительских товаров, качественных продуктов питания, потребления общеобразовательных, медицинских и других услуг.

Оценка реализации национального проекта, трансформированного в Госпрограмму развития агропродовольственного сектора, свидетельствует о положительных тенденциях. Произошло существенное увеличение объемов субсидий в аграрную отрасль, что позволило избежать убыточности большинству сельхозтоваропроизводителей, добиться модернизации мясного птицеводства и свиноводства, роста заработной платы работников сельского хозяйства. В то же время выявлено сокращение численности работников отрасли, обрабатываемых земельных площадей, поголовья скота и птицы, падение производства говядины, молока и яиц. В этот период в хозяйствах населения упало производство продукции и снизилась ее доля в структуре валовой продукции.

Меры, предпринятые в рамках разрозненных программ развития сельских территорий, не привели к обустройству села. За 2003–2022 гг. продолжались процессы обезлюдивания сельской местности, старения населения, деградации объектов сельской инфраструктуры. Анализ сельского развития в Коми показал преобладание отраслевого подхода в ущерб социально-пространственному развитию.

Библиографический список

1. Дмитриева Т.Е., Максимов А.А., Хохлов Н.А. (2009). Недревесное лесопользование в Республике Коми: потенциал и проблемы формирования // География и природные ресурсы. № 4. С. 139–144.
2. Kolegov M.G., Ivanov V.A. (2004). Factors and Conditions for Organic Crop Production in the Komi Republic. Syktyvkar.
3. Дмитриева Т.Е. [и др.]. (2016). Модернизация инфраструктуры развития сельских территорий. Сыктывкар. 241 с.
4. Чайка Л.В. (2014). Энергетическая инфраструктура сельских поселений Республики Коми // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2014: материалы четвертого Всероссийского научного семинара. Ч. 2. Сыктывкар. С. 136–144.

Информация об авторе

Валентин Александрович Иванов – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: ivanova@iespn.komisc.ru)

Ivanov V.A.

RURAL ECONOMY AS THE BASIS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS

Abstract. *The content of the rural economy is examined. Its role in the sustainable development of rural areas is demonstrated. Data on economic entities, employment, gross regional product, investments, and fixed assets are analyzed. The opportunities and constraints for the development of rural economy sectors are identified.*

Keywords: *Rural economy, rural areas, opportunities, constraints, development problems.*

About the author

Valentin A. Ivanov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, ISEiEPS FIT Komi Scientific Research Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: ivanova@iespn.komisc.ru)

References

1. Dmitrieva T.E., Maksimov A.A., Hohlov N.A. (2009). Non-Wood Forest Management in the Komi Republic: Potential and Challenges of Formation. *Geography and Natural Resources*, 4, 139–144
2. Kolegov M.G., Ivanov V.A. (2004). Factors and Conditions for Organic Crop Production in the Komi Republic. Syktyvkar.
3. Dmitrieva T.E. [et al.]. (2016). Modernization of Infrastructure for Rural Development. Syktyvkar.
4. Chayka L.V. (2014). Energy Infrastructure of Rural Settlements in the Komi Republic // Actual Problems, Trends and Mechanisms of Development of Productive Forces of the North – 2014: Proceedings of the Fourth All-Russian Scientific Seminar, 2, 136–144.

УДК 332.1 / ББК 65.04-2

Котов Е.В.

КОНЦЕПЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ РЕСУРСНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ: ОПЫТ ПРИМЕНИМОСТИ К ДНР

Аннотация. *Рассмотрены три современные концепции регионального управления в контексте их применимости к Донецкой Народной Республике. Проведено сопоставление концепций с учетом специфики региона. Предложены направления адаптации рассматриваемого инструментария к практике регионального управления.*

Ключевые слова: *региональное управление, умная специализация, место-ориентированный подход, резильентность, ресурсные ограничения, новый регион.*

Донецкая Народная Республика, вошедшая в состав Российской Федерации в сентябре 2022 года, представляет собой один из наиболее сложных региональных случаев одновременной интеграции и обеспечения социально-экономического развития в современной практике. Регион обладал мощной индустриальной базой, которая в течение всего своего периода эксплуатации минимально подвергалась перспективной, упреждающей модернизации. Начавшиеся в 2014 году боевые действия привели к масштабному разрушению производственной и социальной инфраструктуры, депопуляции территории, утрате значительной части квалифицированных трудовых ресурсов и полной переориентации экономико-хозяйственных связей.

В этих условиях перед Россией в целом и органами регионального управления ДНР в частности стоит нестандартная задача: обеспечить не просто восстановление утраченного, а стратегическое перепозиционирование региональной экономики с учетом изменившейся геополитической, экономической и социальной реальности. Именно для решения подобных задач – управления развитием депрессивных, постконфликтных и ресурсно-ограниченных территорий – в мировой науке сформировался ряд концепций, прошедших практическую апробацию в различных регионах мира. Среди них, применительно к ДНР, выделим три: концепция «умной специализации» (Smart Specialisation Strategy, S3), место-ориентированный подход[1] (place-based approach) к региональной политике и теория управления развитием в условиях ресурсных ограничений, опирающаяся на категорию региональной резильентности.

Актуальность обращения к данным концепциям обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, ДНР в настоящее время находится на этапе разработки стратегических документов долгосрочного развития, интегрируемых в систему документов стратегического планирования Российской Федерации. Во-вторых, специфика региона – сочетание значительного промышленного потенциала с глубоким структурным кризисом и дефицитом управленческих ресурсов – требует методологически выверенных подходов, а не механического заимствования инструментов, разработанных для иных условий. В-третьих, международный и российский опыт реализации указанных концепций позволяет избежать типичных ошибок «первопроходцев» и адаптировать доказавшие свою эффективность инструменты к локальному контексту.

Концепция «умной специализации»: теоретические основания и опыт применения

В работе [7] была отрефлексирована имплементация концепции как инструмента преодоления «европейского парадокса» – разрыва между высоким научным потенциалом и низкой инновационной отдачей европейских регионов. Стратегия умной специализации была определена как национальные или региональные инновационные стратегии, устанавливающие приоритеты с целью создания конкурентных преимуществ путем разработки научно-исследовательских и инновационных преимуществ и увязки их с потребностями предприятий. Начиная с программного периода 2014–2020 гг. S3 стала обязательным условием доступа к ресурсам Европейского фонда регионального развития.

[1] Существует и альтернативный перевод – территориально-ориентированный. Считается, что именно он подчеркивает пространственное измерение и поэтому более предпочтителен в контексте региональной политики. Однако «place» в этом термине – это не просто «территория» в административно-географическом смысле, а более насыщенное понятие: конкретное место с его уникальным сочетанием институтов, социального капитала, неявных знаний и исторически сложившихся практик. Именно это различие принципиально в логике данной концепции: стратегия выстраивается вокруг укорененной в месте специфики, а не просто географических границ.

Теоретическое ядро концепции составляет идея «предпринимательского открытия» – механизма, в рамках которого региональные акторы (предприниматели, университеты, органы власти) совместно выявляют области потенциальных конкурентных преимуществ региона и концентрируют на них ограниченные ресурсы. Как подчеркивает Д. Форей [6], ключевым принципом S3 является не технологический нейтралитет, а осознанная приоритезация: стратегия предполагает выбор нескольких «областей трансформирующей деятельности», способных обеспечить структурную диверсификацию экономики региона на основе его имеющихся знаний и компетенций.

Применение концепции в различных региональных контекстах показало как ее значительные возможности, так и существенные ограничения. В российском научном дискурсе S3 также рассматривалась в контексте возможностей и ограничений применения концепции в политике регионального развития Российской Федерации [1; 2]. Авторы зафиксировали, что российские регионы, в отличие от европейских, не располагают механизмом «предпринимательского поиска» в его институционализированном виде, а стратегии специализации нередко разрабатываются административно, без участия бизнес-сообщества [1]. В работе [2] была предложена расширенная трактовка принципов S3 применительно к российским условиям и подчеркнута необходимость учета ресурсной асимметрии регионов и институциональной неоднородности их инновационных экосистем.

Авторский коллектив под руководством Д. Форея в 2012 году предложил операциональную методику выявления приоритетных областей, включающую анализ концентрации и специализации отраслей (индексы локации), экосистемное картирование и форсайт-сессии [8]. Применение этой методики к ситуации ДНР представляется целесообразным с учетом необходимости переосмысления отраслевых приоритетов региона в новой геоэкономической реальности.

Место-ориентированный подход: контекстуальность региональной политики

Место-ориентированный подход к региональному развитию в контексте политики сплоченности ЕС концептуальное оформление подход получил прежде всего благодаря докладу Фабрицио Барки [3]. Данная работа стала концептуальным манифестом нового направления в региональной политике, противостоящего «пространственно-нейтральным» подходам, ориентированным исключительно на финансовое перераспределение между территориями.

Фундаментальная идея место-ориентированного подхода состоит в том, что эффективная региональная политика должна исходить из специфики конкретного места – его территориальных особенностей, запасов знаний, институциональных структур и предпочтений местного сообщества, а не из универсальных рецептов, применяемых без учета контекста. Как отмечает автор доклада, место-ориентированная политика развития нацелена на достижение двух взаимосвязанных целей: эффективности – через более полное использование экономического потенциала всех территорий; и справедливости – через обеспечение социально приемлемых стандартов жизни независимо от места проживания.

В работе [4] были систематизированы различия между место-ориентированными и место-нейтральными стратегиями, демонстрируя, что последние, при всей своей административной простоте, игнорируют территориальную специфику распределения ресурсов и знаний, что ведет к неэффективному использованию инвестиционных средств. В политике сплоченности ЕС место-ориентированный подход получил свою реализацию через инструменты, предполагающие активное участие региональных и местных органов власти в формировании и реализации стратегий – интегрированных территориальных инвестиций (ITI) и местного развития под руководством общин (CLLD).

Для ДНР важным является положение о том, что место-ориентированная политика требует не просто учета местного контекста, а активного целенаправленного использования местных предпочтений и знаний посредством механизмов многоуровневого управления. Это предполагает выстраивание вертикальной цепочки взаимодействия между федеральным центром и региональным уровнем с четкими условиями и обязательствами. Место-ориентированный подход в данном контексте выступает как методологическое основание для трансформации дотационной модели ДНР в модель стратегически ориентированной поддержки, нацеленной на раскрытие внутреннего потенциала региона.

Концепция управления развитием в условиях ресурсных ограничений – региональная резильентность

Концепция региональной резильентности сформировалась как ответ на вызовы, которые традиционные равновесные модели регионального развития оказались не способны адекватно отразить. Ключевой теоретической рамкой для операционализации данной концепции в экономической географии стали работы Рона Мартина (Ron Martin) и Питера Санли (Peter Sunley), Рона Босхмы (Ron Boschma) [5; 9].

Р. Мартин и П. Санли предложили многомерную концептуализацию резильентности, выделив четыре ключевых аспекта: устойчивость к шокам, способность к восстановлению, реориентация структуры региональной экономики и обновление посредством формирования новых траекторий роста. Они подчеркивают, что резильентность регионального хозяйства не является автоматическим свойством, а требует целенаправленных управленческих усилий, формирующих институциональные, производственные и сетевые условия для адаптации.

Р. Босхма развил эволюционный взгляд на резильентность, предложив рассматривать ее не просто как способность территории поглощать внешние шоки, но прежде всего как долгосрочную способность регионов формировать новые траектории роста. Ключевой аналитической категорией в его трактовке является использование концепции «связанного разнообразия» – наличия в региональной экономике отраслей, достаточно диверсифицированных для обеспечения адаптивности и взаимосвязанных для синергетических эффектов, обмена знаниями и кросс-отраслевой диффузии инноваций. По его теории резильентные регионы способны преодолевать противоречие между адаптацией к текущим условиям и адаптивностью – готовностью к будущим вызовам.

Применительно к практике управления регионами в условиях ресурсных ограничений данная концепция предоставляет методологический инструментарий для решения нескольких ключевых проблем. Во-первых, она позволяет переосмыслить само понятие ресурсного ограничения: в эволюционной перспективе ограниченность финансовых, трудовых или природных ресурсов не является непреодолимым препятствием для развития, если регион способен к институциональной инновации и пространственному переконфигурированию своих активов. Во-вторых, концепция акцентирует роль «траекторной зависимости» (path dependence) и возможностей ее преодоления посредством целенаправленной политики, что особенно важно для регионов с выраженным промышленным наследием, к числу которых, безусловно, относится и ДНР.

Анализ применимости концепций к условиям ДНР

Концепция «умной специализации» для ДНР с одной стороны, направлена на обеспечение концентрации ресурсов в нескольких «трансформирующих областях» на основе имеющихся конкурентных преимуществ, что соответствует ситуации региона, требующей стратегической расстановки приоритетов при ограниченных ресурсах, а с другой стороны, механизм «предпринимательского открытия», составляющий ее ядро, предполагает наличие дееспособного частного сектора, бизнес-ассоциаций и практико-ориентированных университетов, что в ДНР пока отсутствует.

Однако место-ориентированный подход отличается большей институциональной гибкостью, что и позволяет применить его к условиям ДНР. Его ключевая идея – адаптация политики развития к специфике конкретного места – снимает требование наличия зрелой инновационной экосистемы и позволяет работать с тем набором активов, который реально существует в регионе. Данная концепция является качественным инструментом для работы с территориями, имеющими скрытый или ненадлежащим образом используемый потенциал. Вместе с тем применение место-ориентированного подхода требует выстраивания механизмов многоуровневого управления, включающих как федеральный, так и региональный и местный уровни, а также реального участия гражданского общества в выработке стратегических приоритетов – условие, выполнение которого требует специальных усилий.

Концепция резильентности предоставляет наиболее адекватный аналитический язык для описания ситуации ДНР. Регион пережил исключительный по масштабу «шок» – десятилетие вооруженного противостояния и разрушения инфраструктуры и сейчас находится на стадии перехода от фазы восстановления к фазе стратегической реориентации. В терминах эволюционной резильентности перед ДНР стоит задача не простого восстановления доконфликтных траекторий (что было бы классической «отскоковой» резильентностью), но и формирования новых траекторий роста на основе переоценки и переконфигурирования имеющихся активов – промышленного потенциала, природных ресурсов, человеческого капитала и географических преимуществ. Категория «связанного разнообразия» применительно к ДНР указывает на перспективность диверсификации промышленного базиса региона в смежные технологические ниши, сохраняя и используя накопленные компетенции.

Библиографический список

1. Калюжнова Н.Я., Виолин С.И. (2021). «Умная специализация» российских регионов: возможности и ограничения // Вопросы инновационной экономики. Т. 10. № 4. С. 2107–2126.
2. Мерзликина Г.С. (2021). Концепция «Умной специализации» регионов: уточнение принципов // Вопросы инновационной экономики. Т. 11. № 3. С. 997–1014. DOI: 10.18334/vinec.11.3.113227
3. Barca F. (2011). An Agenda for a Reformed Cohesion Policy: A Place-Based Approach to Meeting European Union Challenges and Expectations. Brussels: European Commission.
4. Barca F., McCann P. (2011). The Case for Regional Development Intervention: Place-Based versus Place-Neutral Approaches. *Journal of Regional Science*, 51(1), 65–91.
5. Boschma R. (2015). Towards an Evolutionary Perspective on Regional Resilience. *Regional Studies*, 49(5), 733-751. DOI: 10.1080/00343404.2014.959481
6. Foray D. (2014). Smart Specialisation: Opportunities and Challenges for Regional Innovation Policy. London: Routledge.
7. Foray D., David P.A., Hall B. (2011). Smart Specialisation: From Academic Idea to Political Instrument. The Surprising Career of a Concept and the Difficulties Involved in Its Implementation. MTEI Working Paper. Lausanne: EPFL.
8. Foray D., Goddard J., Goenaga Beldarrain X. [et al]. (2012). Guide to Research and Innovation Strategies for Smart Specialisation (RIS 3). Luxembourg: Publications Office of the European Union.
9. Martin R., Sunley P. (2015). On the Notion of Regional Economic Resilience: Conceptualization and Explanation. *Journal of Economic Geography*, 15(1), 1–42. DOI: 10.1093/jeg/lbu015

Информация об авторе

Евгений Валериевич Котов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, доцент, Донецкий филиал РАНХиГС (Российская Федерация, 283015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, д. 163а; e-mail: info-diu@ranepa.ru)

Kotov E.V.

CONCEPTS OF REGIONAL DEVELOPMENT UNDER RESOURCE CONSTRAINTS: THE CASE OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Abstract. *The paper examines three contemporary concepts of regional governance in terms of their applicability to the Donetsk People's Republic. A comparative analysis of these concepts is conducted with due regard to the specific features of the region. Based on the analysis, directions for adapting the considered conceptual tools to the practice of regional governance are proposed.*

Keywords: *regional governance, smart specialisation, place-based approach, resilience, resource constraints, new region.*

About the author

Evgeny V. Kotov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Associate Professor at the Department of Management Theory and Public Administration, Donetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (163A Chelyuskintsev Street, Donetsk, 283015, Russian Federation; e-mail: info-diu@ranepa.ru).

References

1. Kalyuzhnova N.Ya., Violin S.I. (2021) Smart Specialisation of Russian Regions: Opportunities and Limitations. *Russian Journal of Innovation Economics*, 10(4), 2107–2126.
2. Merzlikina G.S. (2021). The Concept of Smart Specialisation of Regions: Refinement of Principles. *Russian Journal of Innovation Economics*, 11(3), 997–1014. DOI: 10.18334/vinec.11.3.113227
3. Barca F. (2011). An Agenda for a Reformed Cohesion Policy: A Place-Based Approach to Meeting European Union Challenges and Expectations. Brussels: European Commission.
4. Barca F., McCann P. (2011). The Case for Regional Development Intervention: Place-Based versus Place-Neutral Approaches. *Journal of Regional Science*, 51(1), 65–91.
5. Boschma R. (2015). Towards an Evolutionary Perspective on Regional Resilience. *Regional Studies*, 49(5), 733-751. DOI: 10.1080/00343404.2014.959481
6. Foray D. (2014). Smart Specialisation: Opportunities and Challenges for Regional Innovation Policy. London: Routledge.
7. Foray D., David P.A., Hall B. (2011). Smart Specialisation: From Academic Idea to Political Instrument. The Surprising Career of a Concept and the Difficulties Involved in Its Implementation. MTEI Working Paper. Lausanne: EPFL.
8. Foray D., Goddard J., Goenaga Beldarrain X. [et al]. (2012). Guide to Research and Innovation Strategies for Smart Specialisation (RIS 3). Luxembourg: Publications Office of the European Union.
9. Martin R., Sunley P. (2015). On the Notion of Regional Economic Resilience: Conceptualization and Explanation. *Journal of Economic Geography*, 15(1), 1–42. DOI: 10.1093/jeg/lbu015

УДК 332.1 (338.2) / ББК У04 (У05)

Краснопольский Б.Х.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАЗВИТИИ ВЫСОКОШИРОТНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ЭМЕРДЖЕНТНЫЕ ЭФФЕКТЫ

Аннотация. *Представлено обобщение авторского цикла исследований по пространственным процессам, протекающим на высокоширотных территориях Дальнего Востока, которые формируются как единый хозяйственный анклав, исторически интегрированный глубокими воспроизводственными и инфраструктурными связями. Получены научно-практические доказательства необходимости институционального регулирования создания данного хозяйственного образования для получения новых источников эмерджентного эффекта.*

Ключевые слова: *Дальний Восток, высокоширотные территории, эмерджентные эффекты, инфраструктура, инверсионные процессы, добычные отрасли, институциональные преобразования, Северо-Восточный мезорегион.*

В качестве объекта исследования здесь выступают дальневосточные высокоширотные[1] северо-арктические территории: тринадцать арктических улусов Республики Саха (Якутия) и районы Чукотского автономного округа, а также северные приполярные территории – срединные районы республики и Магаданская область. Их многоаспектное социально-экономическое интегрирование сложилось в течение длительного исторического периода посредством, прежде всего, элементов внешней, экзогенной инфраструктуры, ее магистральных видов деятельности. Зона, охватываемая этими территориями, ограничена с юга 60-м градусом северной широты, включая г. Магадан. Эти территории в совокупности можно назвать, по мнению автора, Северо-Восточным мезорегионом[2].

Южная часть Якутии ниже 60-й параллели в природно-географическом и хозяйственном плане имеет гораздо более глубокие связи с южными районами Дальнего Востока. Якутский исследователь М.Ю. Присяжный называет южный район республики вообще «государством в государстве», подчеркивая, что этот район включает ряд транспортно-промышленных ареалов, длительная устойчивость которых объясняется его особым географическим положением и наличием железной дороги [1].

В условиях нынешних как внутренних, так и внешних шоков и кризисов в развитии страны необходимы немедленные действия по институциональному регулированию весьма неординарных процессов трансформации пространственно-хозяйственного развития в исследуемом северо-арктическом регионе, которые происходят преимущественно естественным путем, без какого-либо регулирующего влияния со стороны действующих здесь институтов власти. Они находят выражение в подчас разрозненных и нескоординированных действиях отдельных хозяйствующих субъектов, исходя из их индивидуальных рыночных интересов.

Данная ситуация, видимо, настолько вышла из-под контроля управляющих структур в стране, что на ней еще в 2023 году заострил внимание Президент России. Он дал поручение ускоренными темпами подготовить планы развития Магаданской, Якутской и Анадырской агломераций до 2030 года, учитывая их развивающееся интеграционное взаимодействие. Также он подчеркнул необходимость включения в данный проект строительство моста через реку Лена, обновление федеральной трассы «Колыма» и приведение в нормативное состояние ее дорожного покрытия, ускорение строительства моста через реку Алдан в Якутии, что обеспечит круглогодичное транспортное сообщение на этих высокоширотных территориях и усилит транспортно-логистические возможности Магаданской области и Якутии[3].

---

[1] Напомним, что высокие широты в северном полушарии находятся между 60 градусом северной широты и Северным полюсом (Что такое высокие широты? // Блог «Походная жизнь». URL: https://dzen.ru/a/ZZrJBGKWyggASKeP (дата обращения: 25.03.2026).

[2] Термин мезорегион идет от типологических соотношений таких понятий как макро-, мезо- и микро-. В нашем случае наиболее масштабной пространственно-хозяйственной структурой на Дальнем Востоке является Дальневосточный федеральный округ (макрорегион). Именно относительно этого региона и идет речь о формировании Северо-Восточного мезорегиона как его высокоширотной части, который занимает срединное положение между региональными микро- и макроструктурами.

[3] Путин дал три месяца на подготовку планов развития дальневосточных городов // Тасс. URL: https://tass.ru/ekonomika/18662687 (дата обращения: 07.04.2026).

Его высказывание достаточно ясно говорит о том, что целью всех этим мероприятий должно быть формировании на северо-восточных рубежах на высокоширотных территориях Дальнего Востока гораздо более интегрированного инфраструктурными элементами пространственно-хозяйственного анклава. Его «физическое» существование требует безотлагательных мер по его рациональному формированию и более доказательного выявления источников тех эмерджентных эффектов, которые должны быть результатом создания данного хозяйственного образования на текущем стратегическом этапе.

Самой идее о формировании в северо-восточной зоне нашей страны некого достаточной тесно интегрированного по основным структурообразующим параметрам крупного пространственно-хозяйственного образования уже несколько десятилетий[4]. В этом отношении можно привести для примера фундаментальную работу С.В. Славина «Северо-Восток СССР как новый формирующийся экономический район» [2], а также работу, выполненную научными подразделениями Республики Саха (Якутия)[5].

В данной статье эта проблема поднимается снова в связи с по-прежнему стихийным образом протекающими интеграционными процессами в этой зоне. Регионам нужно объединение, взаимопроникновение, но с учетом их существенных природно-экологических и прочих особенностей и пространственно-хозяйственной дифференциации в целом. Автор считает, что необходимо вернуться к предложению Министра по развитию Дальнего Востока и Арктики А. Чекункова, которое до настоящего времени так и не реализовано. Он предлагал на заседании Совета по вопросам развития Дальнего Востока, Арктики и Антарктики при Совете Федерации при реализации стратегического прогнозирования разделить этот макрорегион на четыре подрайона, что связано с существенными их различиями по природно-хозяйственным характеристикам и другим параметрам, а именно: первый подрайон – Бурятия и Забайкалье; второй – Приморский и Хабаровский края, Амурская область и Еврейская автономная область; третий – Камчатский край и Сахалинская область; четвертый – высокоширотный: Республика Саха (Якутия), Магаданская область и Чукотский автономный округ, которые занимают почти 60% площади и включают 15% населения всего Дальнего Востока[6].

На перспективное развитие и интеграционное взаимодействие регионов на Дальнем Востоке в настоящее время усилилось влияние различного рода как внутренних кризисов, так и внешних угроз, связанных с его трансграничным положением. В особенности это сказывается на его высокоширотных территориях в международных контактах со штатом Аляска на трассе Севморпути в зоне Берингова пролива. При нынешней политике США по экспансии в Арктике здесь могут произойти события схожие с ситуацией в Ормузском проливе. Необходимо сосредоточение в данной зоне усилий как административных, так и предпринимательских институтов управления и мобилизация всех ресурсов на формировании более устойчивой именно в пространственно-хозяйственном плане структуры, охватывая и чисто рыночный сектор. Все эти территории проходят сейчас процессы усиления системности в их развитии и приоритетной реализации государственных интересов путем усиления государственно-планового управления, что диктуется как внутренними, так и внешними факторами.

---

[4] Эта идея связана, если вспомнить историю нашей страны 1950–1960-х годов прошлого века, с созданием во времена СССР на этих территориях так называемого Северо-Восточного совнархоза в составе Якутии и Магаданской области (включая Чукотку, которая тогда административно входила в состав области). Это была своеобразная структура, в основном направленная на реализацию политико-административных реформ, происходящих тогда в стране, с переходом от в основном отраслевого управления экономикой страны к территориальному принципу.

[5] Северо-восточный экономический район Российской Федерации: (обоснование выделения) // Институт региональной экономики. Якутск: Кудук. 1998. 84 с.

[6] Дальний Восток предложили поделить на четыре макрорегиона // Парламентская газета. URL: https://www.pnp.ru/economics/dalniy-vostok-predlozhili-podelit-na-chetyre-makroregiona.html (дата обращения: 22.04.2026).

Это важно также и в связи, по оценкам экспертов, с определенными финансовыми и ресурсными ограничениями в территориальном развитии страны в ближайшем будущем, а именно – предполагаемым снижением объемов финансирования ряда программ развития регионов, в т. ч. Дальневосточного федерального округа на 5% и АЗРФ в целом – на 12%[7].

В качестве ведущего методологического подхода в данном исследовании выступало сравнительно недавно возникшее направления в экономическом анализе как «мезоэкономика» [3–5].

Также методологический аппарат данного исследования был связан со спецификой возникновения и оценки новых источников эмерджентных эффектов при реализации формирования вновь создаваемого пространственно-хозяйственного образования на Северо-Востоке страны. Эмерджентность – это появление в системе новых свойств в виде качественно отличающихся характеристик от ее отдельных компонентов, возникающих на базе их упорядоченного взаимодействия, построения специфической структуры новой системы и ее синергетического эффекта. Эмерджентность также тесно связана с понятием целостности системы, которая существует только до тех пор, пока она действует как единое образование. При разделении на части ее целостность теряется вместе с ее эмерджентными эффектами[8].

Эмерджентные свойства сложно предсказать, объяснить и представить конкретные финансовые расчеты по оценке их эффектов в основном по причине отсутствия общепринятых математических моделей практически по всем системам различной природы. В этом отношении может быть сделан следующий вывод – доказательства получения эмерджентного эффекта интегрированной системы, в особенности в пространственной среде, могут быть получены в основном при практической реализации проекта. В стадии его проектной проработки такие доказательства можно получить в основном только путем научно-логических обоснований.

В результате проведенного автором цикла исследований по пространственно-хозяйственным процессам в Северо-Восточном «мезорегионе» как совокупности нескольких субъектов федерации были получены научно-практические доказательства, что существует возможность получить новые источники эмерджентных эффектов вновь формируемой системы за счет таких факторов как: (1) ускоренное формирование экзогенной инфраструктуры региональных составляющих мезорегиона; (2) нейтрализация противовекторных инверсий и инверсионных противоречий; (3) минимизация стагнационных процессов в добычных отраслях специализации; и (4) согласование функционирования действующих и новых формальных и неформальных институтов управления [6–9].

Именно они на данном временном этапе, в отличии от предыдущих периодов развития, при активизации действия различного рода национальных и международных «шоков» в социально-экономическом развитии страны выступают в качестве основных базовых источников – «триггеров» получения целого комплекса дополнительных эмерджентных эффектов при формировании в северо-арктической зоне Дальнего Востока особого межрегионального пространственно-хозяйственного анклава.

В связи с этим необходимы немедленные корректирующие воздействия на функционирование институтов управления данными территориями, учитывая активно развивающиеся интеграционные процессы в их развитии и коренные преобразования в их пространственно-хозяйственной конфигурации. Какая постояннодействующая институциональная структура будет необходима в данном случае – этот вопрос еще предстоит проработать. Возможно, что на первых этапах потребуется создание специальной государственно-региональной плановой комиссии для реализации управленческих функций интегрированного мезорегиона. В итоге эти преобразования принесут высокий совокупный эмерджентный эффект в интересах всех участвующих в данном проекте партнеров, но с приоритетной реализацией целей государства по причине резкого обострения кризисных ситуаций как на национальной, так на международной аренах.

---

[7] Денег нет, но вы держитесь: чем грозит экономике России дефицит бюджета // Рамблер / личные финансы. URL: https://news.rambler.ru/finansovayagramotnost/55606254/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 17.04.2026).

[8] Эмерджентность. URL: https://systems-analysis.ru/wiki/Эмерджентность (дата обращения: 27.03.2026).

Библиографический список

1. Присяжный М.Ю. (2011). Экономическое районирование как инструмент территориальной организации хозяйства Якутии // ВЕСТНИК СВФУ. Т. 8. № 1. С. 157–163.
2. Славин С.В. (1958). Северо-Восток СССР как новый формирующийся экономический район и межрайонные комплексные проблемы. Москва. 30 с.
3. Волынский А.И. (2020). Мезоуровень в экономических исследованиях: необходимость или будущая жертва бритвы Оккама? // Актуальные проблемы экономики и права. Т. 14. № 4. С. 667–682. DOI: 10.21202/1993-047X.14.2020.4.667-682.5
4. Маевский В.И., Кирдина-Чендлер С.Г., Дерябина М.А. (2018). Мезоэкономика: состояние и перспективы: монография. Москва: ИЭ РАН. 314 с.
5. Тарануха Ю.В. (2022). Станет ли мезоэкономика новым направлением в экономической теории? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Экономика. № 38 (2). С. 259–284. DOI: 10.21638/spbu05.2022.205
6. Краснопольский Б.Х. (2025). Формальные и неформальные институты и устойчивость хозяйственного развития арктических территорий Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. № 2 (111). С. 51–61.
7. Краснопольский Б.Х. (2024а). Северо-арктические территории Дальнего Востока России: механизмы организационно-управленческой координации отраслей минерально-сырьевой специализации макрорегиона // Регионалистика. Т. 11. № 4. С. 24–42. DOI: 10.14530/reg.2024.4.24
8. Краснопольский Б.Х. (2024б) Инверсионные процессы в пространственной экономике и их проявления в развитии трансграничных северо-арктических территорий Дальнего Востока // Пространственная экономика. Т. 20. № 3. С. 154–179. DOI: 10.14530/se.2024.3.154-179
9. Краснопольский Б.Х. (2023). Инфраструктура и пространственная экономика: теоретические и прикладные исследования. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 234 с.

Информация об авторе

Борис Хананович Краснопольский – доктор экономических наук, профессор, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: st@ecrin.ru)

Krasnopolski B.H.

SPATIAL PROCESSES IN THE DEVELOPMENT OF HIGH-LATITUDE TERRITORIES OF THE FAR EAST: EMERGENT EFFECTS

Abstract. *This paper presents a summary of the author's research on spatial processes occurring in the high-latitude territories of the Far East, which are emerging as a single economic enclave, historically integrated by deep reproductive and infrastructural ties. Scientific and practical evidence is obtained demonstrating the need for institutional regulation of the creation of this economic entity to generate new sources of emergent effects.*

Keywords: *Far East, high-latitude territories, emergent effects, infrastructure, inversion processes, extractive industries, institutional transformations, Northeastern mesoregion*

About the author

Boris Kh. Krasnopolski – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Economic Research Institute FEB RAS (153, Tihookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: st@ecrin.ru)

References

1. Prisyazhniy M.Yu. (2011). Economic zoning as an instrument of territorial organization management of Yakutia. *Vestnik NEFU*, 8(1), 157–163.
2. Slavin S.V. (1958). The Northeast of the USSR as a New Emerging Economic Region and Complex Interregional Problems. Moscow.
3. Volynskii A.I. (2020). Mesolevel in economic research: necessity or a future price for Ockham's razor? *Actual Problems of Economics and Law,* 14(4), 667–682. DOI: 10.21202/1993-047X.14.2020.4.667-682
4. Maevsky V.I., Kirdina-Chandler S.G., Deryabina M.A. (2019). Mesoeconomics: State and perspectives. *Voprosy Ekonomiki,* (9),147-157.
5. Taranukha Yu.V. (2022) 'Will mesoeconomics become a new direction in economic theory? *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 38(2), 259–284. DOI: 10.21638/spbu05.2022.205
6. Krasnopolsky B.Kh. (2025) Formal and Informal Institutions and the Sustainability of Economic Development of the Arctic Territories of the Far East. *Power and Administration in the East of Russia*, 2(111), 51–61.
7. Krasnopolsky B.Kh. (2024a). North Arctic Territories of the Russian Far East: Mechanisms of Organizational and Managerial Coordination of Mineral Resource Sectors of the Macroregion. *Regionalistics,* 11(4), 24–42. DOI: 10.14530/reg.2024.4.24
8. Krasnopolski B.H. (2024b). Inversion Processes in the Spatial Economy and Their Manifestations in the Development of the Transboundary Northern Arctic Territories of the Far East. *Spatial Economics*, 20(3), 154–179. DOI: 10.14530/se.2024.3.154-179
9. Krasnopolski B.H. (2023). Infrastructure and Spatial Economics: Theoretical and Applied. Khabarovsk.

УДК 332.1 / ББК 65.04

Лебедева М.А.

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В ОЦЕНКЕ КАЧЕСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Аннотация. *Работа посвящена анализу качества городской среды малых городов на примере городов Сокол и Великий Устюг Вологодской области. В ходе работы установлено, что в обоих городах менее 50% территории соответствуют требованиям градостроительства.*

Ключевые слова: *малые города, качество городской среды, благоустройство, центр–периферия, развитие городов*.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием FMGZ-2025-0013 «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов».

Одной из национальных целей России в соответствии с Указом «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» является «комфортная и безопасная среда для жизни», в достижении которой повышение качества городской среды имеет весомое значение. Особое внимания требуют малые города, так как они – значительная часть городского расселения нашей страны и играют важную роль в обеспечении территориальной связности [1].

Чаще всего для оценки качества городской среды используются различные комплексные интегральные показатели, объединяющие в себе показатели благоустройства территории и качества жизни на ней, а также позволяющие составить рейтинг городов. Однако к их недостаткам можно отнести некоторую субъективность, поскольку некоторые показатели (Индекс качества городской среды, Healthy Cities Indicators, Smart City Index) включают в себя «Привлекательность озелененных территорий» или «Уровень внешнего оформления городского пространства», а также разные веса показателей. Кроме того, у интегральных показателей возникает проблема компенсируемости, когда один высокий показатель «перекрывает величину другого показателя» [2]. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно провести анализ городской среды малых городов на предмет соответствия текущим требованиям градостроительства.

В этой работе анализ будет проведен на примере городов Сокол и Великий Устюг, как наиболее близком и наиболее удаленном городах – административных центрах муниципальных округов региона. Анализ городской среды выбранных городов проводился на предмет соответствия Региональным нормативам градостроительного проектирования Вологодской области (утв. Постановлением Правительства области от 11 апреля 2016 г. № 338 в ред. 30.10.2025).

Процесс исследования включает в себя несколько шагов:

– установление значений нормативов ряда показателей городской среды для малых городов, в случае выбранных городов большинство таких значений регламентируется вышеуказанным Постановлением;

– сбор картографических данных (координат) различных городских объектов, относительной которых устанавливаются требования к городской среде;

– построение изохрон и изодистант доступности этих объектов в соответствии с требованиями;

– расчет доли площади города, попадающей под построенные изохроны и изодистанты.

Согласно такому подходу, доля площади города, не покрытая изохронами и/или изодистантами по отдельным объектам, будет характеризоваться недостаточным уровнем качества.

Результаты анализа городской среды относительно некоторых категорий объектов представлены в *табл. 1*.

Таблица 1. **Доля площади городов Сокол и Великий Устюг, соответствующей требованиям, предъявляемым к городской среды,** %

Показатель	Значение норматива	Сокол	Великий Устюг
Расстояние от контейнерных площадок накопления ТКО до жилых домов, детских и спортивных площадок	100 м	63	45
Радиус обслуживания аптекой	500 м	42	25
Радиус обслуживания дошкольной образовательной организации	300 м	21	17

Так, в ходе исследования установлено, что частично площадь городов не соответствует предъявляемым требованиям к городской среде малых городов. Детальный анализ доступности дошкольных образовательных учреждений выявил существенную пространственную неоднородность их распределения. Доступность детских садов в Великом Устюге в пределах нормативов только в центральной и юго-восточной частях города, в северной и юго-западной частях города данные учреждения значительно удалены. Аналогичная тенденция прослеживается при оценке территориальной доступности аптечных организаций. Эти же районы города попали под изодистанту 500 метров обслуживания аптеками, что свидетельствует о недостаточной плотности размещения данных объектов в периферийных зонах. Это снижает оперативность получения фармацевтической помощи для жителей этих территорий, особенно для маломобильных групп населения. Анализ распределения контейнерных площадок накопления твердых коммунальных отходов показал, что в значительной степени площадь Великого Устюга покрыта 100-метровыми изодистантами. Однако, как и в случае с первыми двумя показателями наиболее покрыта ими центральная и юго-восточная часть города. Таким образом, относительно Великого Устюга можно заключить, что центральная и юго-восточная части города характеризуются более высоким уровнем обеспеченности некоторыми объектами социальной и коммунальной инфраструктуры и их территориальной доступности. В то же время северная и юго-западная части города испытывают дефицит в размещении дошкольных учреждений и аптечных организаций, а также имеют менее оптимальное распределение контейнерных площадок накопления ТКО.

Анализ доступности детских садов в городе Соколе также позволил выявить выраженную неоднородность их распределения: доступность детских садов наиболее низка в западной части и на северной части города – данные территории характеризуются увеличенным радиусом доступа к дошкольным учреждениям, а наиболее высока в южной и центральной частях. Доля площади покрытия территории изодистантой в 500 метров составляет почти половину города, при этом не покрытые зоны в основном совпадают с территориями промышленного назначения (промышленные зоны и производственные комплексы) и сельскохозяйственные угодья. Это свидетельствует о более рациональном размещении ключевых объектов в селитебной зоне, однако требует внимания к вопросам доступности услуг для жителей территорий, прилегающих к промышленным зонам. В стометровую изодистанту, рассчитанную относительно контейнерных площадок накопления ТКО до жилых домов, детских и спортивных площадок попала значительная часть селитебной зоны города. Не попали в нее зоны малоэтажной застройки и промышленная зона.

В целом как показало исследование, картографический метод выступает эффективным инструментом пространственного анализа городской среды, который позволяет оценить ее более детально и выявить территориальные диспропорции и локальные проблемы городских территорий. Однако в то же время он показал ряд ограничений: отсутствие актуальных спутниковых снимков некоторых территорий, а также сложность оценки качества инфраструктуры. Таким образом, можно заключить, что картографический метод следует рассматривать не как самодостаточный инструмент, а как важный дополняющий компонент комплексной оценки качества городской среды. На дальнейших этапах исследования планируется расширить перечень показателей и увеличить количество рассматриваемых городов.

Библиографический список

1. Секушина И.А. (2025). Институты развития малых и средних городов Северо-Западного федерального округа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 98–113. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.5
2. Секушина И.А. (2025). Качество городской среды в малых и средних городах Северо-Западного федерального округа // Управление городом: теория и практика. № 3 (57). С. 3–14.

Информация об авторе

Марина Анатольевна Лебедева – научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lebedevamarina1@mail.ru)

Lebedeva M.A.

CARTOGRAPHIC METHOD IN ASSESSING THE QUALITY OF THE URBAN ENVIRONMENT IN SMALL CITIES

Abstract. *This study analyzes the quality of the urban environment in small towns, using the cities of Sokol and Veliky Ustyug in the Vologda Region as examples. The study found that less than 50% of the territory in both cities meets urban development requirements.*

Keywords: *small towns, urban environment quality, urban planning, center-periphery, urban development.*

About the author

Marina A. Lebedeva – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lebedevamarina1@mail.ru)

References

1. Sekushina I.A. (2025). Development Institutions of Small and Medium-Sized Cities in the North-Western Federal District. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(5), 98–113. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.5
2. Sekushina I.A. (2025). Quality of the Urban Environment in Small and Medium-Sized Cities in the North-Western Federal District. *City Management: Theory and Practice*, 3(57), 3–14.

УДК 338.2 / JEL: O25, R12 / ББК 65.30-18

Маричев С.Г.

ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И РЕАЛИЗАЦИЯ В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *В статье обосновывается необходимость перехода к селективной промышленной политике, направленной на защиту ключевых отраслей и создание конкурентоспособного высокотехнологичного экспорта. Обоснована актуальность проведения такой политики в условиях внешних санкций, технологической изоляции и экономического дисбаланса регионов страны. Сформулированы и описаны цели современной промышленной политики на основе обобщения международного опыта (Япония, Южная Корея, Ирландия, Китай, США, Германия, Финляндия). Сформулированы рекомендации по реализации промышленной политики для Республики Башкортостан как региона с высоким производственным и научно-техническим потенциалом с разбивкой на краткосрочную (1–2 года), среднесрочную (3–5 лет) и долгосрочную (6–10 лет) перспективы*.

Ключевые слова: *промышленная политика; протекционизм; технологии; диверсификация; технологический суверенитет*.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках Госзадания УФИЦ РАН № 075-00576-26-00 на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов.

В условиях глобальной экономической нестабильности, усиления технологического соперничества и роста протекционистских настроений промышленная политика вновь становится центральным инструментом государственного регулирования развитых и развивающихся стран [9; 10; 11]. Именно государственное финансирование позволило Южной Корее и Японии стать крупнейшими экспортерами технологической продукции [8], а Ирландии – с нуля выстроить химическую и фармацевтическую промышленность [4].

Одной из возможных целей в контексте реализации промышленной политики является развитие высокотехнологичного экспорта. В этом случае речь идет о замене в структуре национального экспорта сырьевых товаров (углеводороды, металлы) продукцией с высокой добавленной стоимостью и высокой наукоемкостью. Успешная реализация такой стратегии превратила Китай, Тайвань и Южную Корею в ведущих экспортеров сложной техники и электроники [2].

В условиях внешних санкций и торговых войн на передний план выходит достижение технологического суверенитета – снижение зависимости от импорта технологий и критически важных комплектующих. И это еще одна из возможных целей промышленной политики. Иллюстрацией достижения такой цели является американская программы CHIPS Act (поддержка производства чипов), а также оборонные и космические инициативы NASA, призванные обеспечить независимость США в ключевых технологических доменах [6].

Как отдельную цель промышленной политики можно выделить противодействие внешним санкциям и торговым ограничениям – это особенно актуально для стран, подвергающихся экономическому давлению. Речь идет о создании защищенных сегментов экономики, нечувствительных к санкциям, и о поиске новых рыночных ниш. Показательно, что санкции против углеводородного экспорта (как в России или Иране) могут парадоксальным образом стимулировать развитие высокотехнологичной продукции, которую значительно сложнее заблокировать из-за ее специфичности и меньшей политизированности по сравнению с сырьевыми товарами.

Еще одна цель – рост конкурентоспособности национальной экономики, и она достигается не через изоляцию внутреннего рынка, а через жесткие условия конкуренции и экспортную дисциплину. Государственная поддержка при этом увязывается с конкретными показателями эффективности и реальным выходом предприятий на внешние рынки, что предотвращает формирование иждивенческих настроений среди получателей субсидий.

Структурная трансформация и диверсификация экономики, если они выступают также в качестве цели промышленной политики, предполагают переход от моноотраслевой (чаще всего сырьевой) структуры к диверсифицированной, включающей отрасли среднего и высокого технологического уровня по классификации ОКВЭД-2. Кластерная политика «Индустрия 4.0» в Германии и эволюция финской Nokia из лесопромышленной компании в IT-гиганта [5] наглядно демонстрируют возможности такой трансформации.

Важнейшим направлением выступает также создание и поддержка инновационных экосистем – формирование технологических кластеров, стартапов, венчурных фондов и технопарков, способных генерировать прорывные технологии [3]. Кейсами такой политики являются технопарки Ирландии и промышленные кластеры в Японии, которые обеспечили постоянный поток инноваций и коммерциализацию научных разработок.

Приведем для примера комплекс возможных мер в контексте промышленной политики в Республике Башкортостан, где есть одно крупное предприятие, выпускающее наукоемкую продукцию (производство авиационных двигателей) – ОДК УМПО. В краткосрочной перспективе (1–2 года) ключевым направлением промышленной политики в Республике Башкортостан должно стать завершение инфраструктурной подготовки Уфимского индустриального парка, на развитие которого уже было выделено 219 млн рублей[1]. Приоритетные направления – подведение энергетических и инженерных сетей, а также транспортной инфраструктуры для размещения производственных мощностей будущего авиадвигательного кластера [1]. Необходимо предусмотреть субсидирование первых инвестиционных проектов, включая создание предприятий по выпуску компонентов для двигателей и вспомогательного оборудования для нужд УМПО. Кроме того, необходимо ввести налоговые каникулы и льготные условия аренды земли сроком на 3–5 лет для новых резидентов.

В среднесрочной перспективе (3–5 лет) промышленная политика должна быть направлена на формирование устойчивой кооперационной сети между УМПО и другими предприятиями авиационной и оборонной промышленности (например, из концерна/объединения ОДК-СПО, ОАК). Одним из ключевых инструментов может стать запуск совместных НИОКР по разработке новых поколений авиадвигателей в рамках региональных и\или федеральных программ. Важным элементом является системная подготовка кадров: развитие программы целевого обучения «Новые кадры Башкортостана» с участием ведущих технических вузов региона (УГНТУ, УУНИТ, БГАУ)[2]. Также необходимо расширять экспортные возможности за счет поддержки со стороны Минпромторга (включая механизмы кредитования под государственные гарантии). Также фактором роста может являться создание НИИ внедренческого типа на базе УМПО с участием университетов и грантовой поддержки (в том числе в рамках федеральных и международных программ).

В долгосрочной перспективе (6–10 лет) Башкортостану нужно создать полноценный авиационный кластер, включающий не только производственные, но и инжиниринговые структуры, проектно-конструкторские бюро, а также центры постпродажного обслуживания. Стратегическим направлением станет развитие новых видов продукции, востребованной на мировом рынке, включая газотурбинные установки для морской техники и элементы энергетического машиностроения (например, турбогенераторы). Особое внимание должно быть уделено внедрению передовых производственных технологий, в частности, аддитивного производства сложных деталей [7].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что современная промышленная политика эволюционировала от узкого инструмента «исправления провалов рынка» к многоцелевому комплексу мер, охватывающему технологическую безопасность, структурную диверсификацию, региональную селективность и антисанкционную адаптацию. Выделенные цели промышленной политики не являются взаимоисключающими, наоборот, успешные национальные стратегии (Южная Корея, Германия, Китай) строятся на их синергии.

---

[1] Правительство выделит более 850 млн рублей на развитие индустриальных и технопарков // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/russia/1029036

[2] В Башкирии приступают к реализации нацпроекта // Баш.Ньюс. URL: https://bash.news/news/220874-v-baskirii-pristupaiut-k-realizacii-nacproekta-kadry

Вместе с тем между целями возможны противоречия: например, приоритет технологического суверенитета может вступать в конфликт с требованиями глобальной конкурентоспособности, а селективная региональная поддержка – с принципами социальной справедливости. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку методов количественной оценки эффективности каждой из целей и поиск институциональных механизмов, позволяющих гармонизировать разнонаправленные интересы государства, бизнеса и территорий. Только такой системный подход способен превратить промышленную политику в надежный драйвер долгосрочного экономического роста.

Библиографический список

1. Зулькарнай И.У., Ислакаева Г.Р., Маричев С.Г. [и др.]. (2025). Актуальные проблемы нефтегазохимических регионов в условиях трансформации мировой экономики. Уфа: УФИЦ РАН. 196 с.
2. Деметрадзе М.Р. (2018). Модернизация Тайваня в правление президента Чан Кайши: опыт для постсоветских // Россия и современный мир. № 3 (100). С. 181–195.
3. Зулькарнай И.У., Маричев С.Г. (2026). Селективная промышленная политика в Российской Федерации: критерии выбора регионов для реализации // Экономическая наука современной России. Т. 29. № 1. С. 89–106. DOI: 10.33293/1609-1442-2026-29(1)-89-106
4. Орлова М.Е. (2010). Опыт экономической модернизации Ирландии // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. № 3–4 (58–59). С. 75–86.
5. Пивоваров И.С. (2012). Антикризисный опыт Финляндии: структурно-институциональные реформы в промышленности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 6. С. 69–75.
6. Судакова Н.А. (2021). Эволюция американского протекционизма: законодательство «Покупай американское» и особенности его применения // США & Канада: экономика, политика, культура. Вып. 11. С. 119–126.
7. Ислакаева Г.Р., Колонских Л.Р. [и др.]. (2024). Управление экономикой нефтехимического региона в условиях глобальных вызовов. Уфа: УФИЦ. 320 с.
8. Хайбуллин Д.Д., Рафиков Р.И. (2023). Экономическое чудо южной Кореи: причины и предпосылки // Скиф. Вопросы студенческой науки. № 5 (81). С. 657–661.
9. Cherif R., Hasanov F. (2019). The Return of the Policy That Shall Not Be Named: Principles of Industrial Policy. IMF Working Paper. Institute for Capacity Development
10. Rodrik D. (2004). Industrial Policy for the Twenty-First Century. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.617544.
11. Wade R. (2003). Governing The Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization.

Информация об авторе

Сергей Геннадиевич Маричев – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, проспект Октября, д. 71; e-mail: prophet314@gmail.com)

Marichev S.G.

INDUSTRIAL POLICY GOALS` EVOLUTION: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND IMPLEMENTATION IN RUSSIA

Abstract. *This article substantiates the need to transition to a selective industrial policy aimed at protecting key industries and creating competitive high-tech exports. The paper substantiates the relevance of such a policy in the context of external sanctions, technological isolation, and economic imbalances among the country's regions. Eight goals of modern industrial policy are formulated and described in detail, drawing on international experience (Japan, South Korea, Ireland, China, the USA, Germany, and Finland). Recommendations for implementing industrial policy for the Republic of Bashkortostan, a region with high production and scientific-technical potential, are formulated, broken down into short-term (1–2 years), medium-term (3–5 years), and long-term (6–10 years) perspectives.*

Keywords: *industrial policy; protectionism; technology; diversification; technological sovereignty.*

About the author

Sergey G. Marichev – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute for Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabr' Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: prophet314@gmail.com)

References

1. Zulkarnay I.U., Islakaeva G.R., Marichev S.G. [et al.]. (2025). Actual Problems of Oil and Gas Chemical Regions in the Context of Transformation of the Global Economy. Ufa: Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.
2. Demetradze M.R. (2018). Modernization of Taiwan during the Reign of President Chiang Kai-shek: Experience for the Post-Soviet Countries. *Russia and the Modern World*, 3(100), 181–195.
3. Zulkarnay I.U., Marichev S.G. (2026). Selective Industrial Policy in the Russian Federation: Criteria for Selecting Regions for Implementation. *Economic Science of Contemporary Russia*, 29(1), 89–106. DOI: 10.33293/1609-1442-2026-29(1)-89-106
4. Orlova M.E. (2010). The experience of economic modernization in Ireland. Journal of political philosophy and sociology of politics. *Politics. Analysis. Chronicle. Forecast*, 3–4 (58–59), 75–86.
5. Pivovarov I.S. (2012). Finland's anti-crisis experience: structural and institutional reforms in industry. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics*, 6, 69–75.
6. Sudakova N.A. (2021). The Evolution of American Protectionism: "Buy American" Legislation and Its Application Features. *USA & Canada: Economy, Politics, Culture,* 11, 119–126.
7. Zulkarnay I.U., Islakaeva G.R., Kolonskikh L.R. [et al.]. (2024). Managing the Economy of the Petrochemical Region in the Context of Global Challenges. Ufa: UFITS.
8. Khaibullin D.D., Rafikov R.I. (2023). The Economic Miracle of South Korea: Causes and Prerequisites. *Skif. Student Science Issues*, 5(81), 657–661.
9. Cherif R., Hasanov F. (2019). The Return of the Policy That Shall Not Be Named: Principles of Industrial Policy. IMF Working Paper. Institute for Capacity Development
10. Rodrik D. (2004). Industrial Policy for the Twenty-First Century. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.617544.
11. Wade R. (2003). Governing The Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization.

УДК 332 / ББК 65.241

Мухаметова А.Д.

ФАКТОРЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию детерминантов межрегиональной вариативности производительности труда с целью выявления факторов, формирующих пространственное неравенство. В рамках исследования проанализированы показатели ВРП, ВРП на душу населения на 1 занятого, фондоотдача, фондовооруженость и др. Так, на межрегиональную вариативность производительности труда по субъектам РФ влияние оказывают территориальные особенности региона, специализация, фондоемкость и трудоемкость региона.*

Ключевые слова: *региональное экономическое развитие, производительность труда, факторы, фондоотдача, фондовооруженность, занятость, человеческий капитал*.

В настоящее время производительности труда играет важную роль в достижение эффективного регионального экономического развития. Производительность труда – это ключевой обобщающий показатель, от которого во многом зависят эффективность производства (ВРП), доходы населения и налоговые поступления в бюджет. Вместе с тем производительность труда в РФ очень сильно отличается как по видам экономической деятельности (отраслям), так и по регионам. Так, результаты исследования за 2017–2022 гг. выявили интенсивный рост производительности труда в таких видах деятельности РФ как финансовая и страховая, обрабатывающая и профессиональная, научная, тогда как в добыче полезных ископаемых, строительстве, транспорте и хранении, в деятельности гостиниц предприятий общественного питания, административной деятельности и др. Показатели производительности демонстрируют тенденции к снижению [3, с. 876–897].

Одни авторы считают, что производительность труда зависит во многом от трудовых ресурсов. Так, по мнению автора, труд – это базовый фактор производительности труда, а земля, капитал, предпринимательские способности – это «производные» от трудовой деятельности. А.И. Щербаков обосновывает, что предпринимательские способности проявляются в процессе предпринимательского труда, а такие факторы как капитал (который выражается через показатель фондоемкости) и земля, и их характеристики могут быть трансформированы под влиянием трудового фактора за счет НТП [7, с. 27–34]. Однако, на наш взгляд, следует отметить, что если в производственном процессе рассматриваются интеллектуальные и творческие способности работника, а не трудовые, то фактором, влияющим на производительность труда, является человеческий капитал.

Т.А Бурцева, А.А. Френкель разработали модель региональной производительности труда, в которую включили следующие регулируемые и нерегулируемые факторы, такие как темпы роста инвестиций в основной капитал, заболеваемости населения, доли расходов на покупку товаров и услуг в доходах населения, объема промышленной продукции в текущих ценах на душу населения, ИПЦ, удельного веса убыточных организаций, использование сети интернет в организациях (широкополосный доступ), ввод в действие жилых домов на 1000 чел. населения, занятого населения, въезжающего на работу в субъект РФ, доли городского населения в регионе. Результаты моделирования показывали, что наибольшее влияние на региональную производительность труда оказывают изменение в объемах промышленной продукции и инвестиции в основной капитал, а наименьшее – заболеваемость населения и доли убыточных организаций, [2, с. 62–70]. Отсюда следует, что в зависимости от условий и тенденций влияния факторов они по-разному отражается на производительности труда. Кроме того, в настоящее время инвестиции и специализация региона оказывают наиболее существенное влияние на динамику региональной производительности труда.

С.В. Рачек и И.Н. Кобзева исследуют влияния таких факторов производительности труда как человеческий капитал и фондооворуженность на сырьевые и несырьевые регионы. Так, фондовооруженность оказывает влияние на все типы регионов, тогда как человеческий капитал более более востребован и значим в несырьевых регионах [5, с. 2269–2282]. Как видно, из результатов данного исследования, региональные особенности и условия оказывают существенное влияние на региональную производительность труда.

Кроме того, группа исследователей выявила положительное влияние цифровизации на производительность труда в регионах с высоким уровнем основных фондов [4, с. 858–868]. Отсюда следует, что цифровизация обеспечивает высокую фондовооруженность регионов и рост экономических показателей, в том числе и производительности труда [1, с. 5–8].

Исходя из теоретического анализа можно заключить, что на производительность труда российских регионов во многом оказывают влияния основные производственные фонды, человеческий капитал, научно-технологическое развитие. Поэтому в рамках данного исследования рассмотрим влияние этих факторов посредством анализа количественных показателей в *табл. 1*.

Таблица 1. **Ключевые показатели и коэффициенты для анализа региональной производительности труда за 2024 год**

Показатель	Коэффициент вариации, %	Среднее значение	Разрыв между макс. и мин. значением, раз	Коэффициент корреляции с ВРП
ВРП в ценах в 2018 году, млн руб.	94,5	2108298,2	368,9	–
Стоимость основных фондов на конец года в ценах 2018 году, млн руб.	90,0	5609978,0	340,5	0,99
Индекс человеческого капитала	15,8	0,394	4,3	0,62
Численность занятых, тыс. чел.	73	862	277,3	0,92
ВРП в ценах в 2018 г. на 1 занятого, тыс. руб.	56,1	2387,4	35,7	–
Фондоотдача, руб.	53,7	0,37	3,7	–
Фондовооруженность, тыс. руб.	17,7	6527,5	33,5	–
Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики РФ.				

Как видно из таблицы, данные свидетельствует о высокой дифференциации по показателям региональной производительности труда. Коэффициенты вариации ниже 33% зафиксированы в 2024 году только по индексу человеческого капитала и фондовооруженности по российском регионам. При этом на ВРП существенное влияние оказывают наличие фондов и численность занятых (коэффициенты корреляции 0,99 и 0,92 соответственно). При этом по показателю ВРП на 1 занятого в основном лидируют регионы с сырьевой ориентацией: Ненецкий автономный округ (19181 тыс. руб.), Ямало-Ненецкий автономный округ (14987 тыс. руб.), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (8860,7 тыс. руб.), Чукотский автономный округ (6264,8 тыс. руб.), Сахалинская область (6070,6 тыс. руб.), Магаданская область (6068,2 тыс. руб.), г. Москва (4619,9 тыс. руб.), Республика Саха (Якутия) (4554,4 тыс. руб.), г. Санкт-Петербург (3645,5 тыс. руб.), Мурманская область (3399,7 тыс. руб.) и др. Тогда по данному подходу, к группе регионов с самыми низкими значениями показателя можно отнести трудоизбыточные регионы: Республика Ингушетия (537,4 тыс. руб.), Республика Дагестан (868,4 тыс. руб.), Карачаево-Черкесская Республика (805,5 тыс. руб.), Республика Крым (931,4 тыс. руб.) и др.

В 2024 году фондоотдача по российским регионам составила в среднем 0,37. Такое положение дел в основном может объясняется высокой степенью износа основных фондов (в среднем по РФ в 2024 году – 48%). При этом наиболее высокий степень износа основных фондов наблюдается в регионах Северо-Кавказского (52,9%), Приволжского (54,4%) и Уральского (56%) федеральных округах. Также высокая фондоотдача зафиксирована в Магаданской области (0,7), в Республике Северная Осетия – Алания (0,65), Республике Калмыкия (0,58), Республике Дагестан (0,56), Республике Тыва (0,53), Красноярском крае (0,5), Ульяновской области (0,49), Ульяновская область (0,49), г. Санкт-Петербург (0,48) и др. Как видно, в данный показатель достаточно высокий как промышленно развитых регионах, так и слаборазвитых территориях. Высокая фондотдача у слаборазвитых территорий (республики Тыва, Дагестан и т. д.) обусловлен высокими темпами экономического роста при низких темпах роста стоимости основных фондов. Например, в 2024 году темпы ВРП по Республике Тыва выросли на 21% по сравнению с 2023 годом, инвестиции в основной капитал на 46,5% при высоких объемах дотации и высокой степени износа основных фондов (60,7%). Как видно, государственные инвестиции и дотации стимулируют рост ВРП на «устаревших» основных фондов, что обеспечивает им высокую фондоотдачу. При этом низкая фондоотдача в 2024 году зафиксирована в Республике Крым (0,19), Ленинградской области (0,23), Республике Коми (0,24), Республике Марий Эл (0,25), Тверской области (0,25), Еврейской автономной области (0,26), Архангельской области (0,27) и др.

Показатель фондовооруженности региона определяет среднюю стоимость основных фондов, приходящихся на 1 занятого, и характеризует техническую оснащенность производства. В 2024 году высокая фондовооруженость зафиксирована в Ямало-Ненецком автономном округе (49963,4 тыс. руб.), Ненецком автономном округе (43019,3 тыс. руб.), Сахалинской области (19475,6 тыс. руб.), Ханты-Мансийскийом автономном округе – Югра (19253,4 тыс. руб.), Республике Коми (13663 тыс. руб.), Чукотском автономном округе (12832,3 тыс. руб.), Республике Саха (Якутия) (11633,9 тыс. руб.), Мурманской области (11381,2 тыс. руб.) и др., т. е. регионы с капиталоемкими отраслями производства. Данные расчеты подтверждают исследования вариации производительности труда за 2012–2020 гг., в котором объясняют такое положение этих субъектов РФ структурой экономики регионов с преобладанием добывающих отраслей [6, с. 27–35]. При этом низкая фондоворуженность наблюдается в Республике Ингушетия, Республике Дагестан, Республике Северная Осетия – Алания, Чеченской Республике, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Тыва и др., т. е. преимущественно регионы, специализирующиеся на сельскохозяйственной деятельности.

Таким образом, на межрегиональную вариативность производительности труда в субъектах РФ существенное влияние оказывает отраслевая структура экономики, которая формирует спрос на соответствующие трудовые ресурсы и человеческий капитал. Кроме того, в регионах добывающей специализацией наблюдается более высокая производительность труда по сравнению с трудоемкими отраслями. Поэтому Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ и др. демонстрируют высокие значения производительности труда. Однако в условиях колебания цен на ресурсы (сырье) и снижения спроса на них приводит к снижению объемов производства и производительности труда. При этом численность трудовых ресурсов при прочих равных условиях оказывают влияние только в регионах, специализирующих на трудоемких производствах. Вместе с тем, высокие значения показателей производительности центральных регионов во многом обусловлено формированием человеческого капитала региона, агломерационными эффектами за счет высокой концентрации инновационно-активного бизнеса, эффектом масштаба, развитой инфраструктурой (в том числе информационно-коммуникационной), инвестиционной и миграционной привлекательностью территорию. Поэтому так важно в рамках разработки стратегических документов, направленных на повышение производительности труда учитывать территориальные особенности.

Библиографический список

1. Аллагулов Р.Х. (2026). Производственные инновации: объединение автоматизации и цифровых решений для роста эффективности // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. Т. 22. № 1 (84). С. 5–8.
2. Бурцева Т.А., Френкель А.А., Сурков А.А. (2022). Статистическое моделирование региональной производительности труда // Вопросы статистики. № 29 (4). С. 62–70.
3. Кадочникова Е.И., Багаутдинова Н.Г., Хомидов С.О. (2024). Отраслевые тенденции совокупной факторной производительности: где потенциал роста? // Russian Journal of Economics and Law. № 18 (4). С. 876–897. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.4.876-897
4. Анисимов А.Ю., Голиков Р.Ю., Дробот В.В., Молчанов И.И. (2025). Нелинейные эффекты влияния цифровизации на производительность труда в регионе // Экономика труда. Т. 12. № 6. С. 857–868. DOI: 10.18334/et.12.6.123227
5. Рачек С.В., Кобзева И.Н. (2024). Оценка влияния системы факторов на уровень производительности труда в ресурсных и нересурсных регионах России // Экономика, предпринимательство и право. Т. 14. № 5. С. 2269–2282. DOI: 10.18334/epp.14.5.120875
6. Франц М.В., Потапцева Е.В. (2022). Взаимосвязь производительности труда и зарплатоотдачи: эмпирический анализ данных регионов России // ЭНСР. 2022. №3 (98). С. 26–35.
7. Щербаков А.И. (2022). Производительность труда как экономическая категория и обобщенный показатель эффективности // Социально-трудовые исследования. № 48 (3). С. 27–34. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-48-3-27-34

Информация об авторе

Айгуль Данияровна Мухаметова – старший преподаватель, Уфимский университет науки и технологий (Российская Федерация, 450076, г. Уфа, ул. Заки-Валиди, д. 32; e-mail: aigulmd@yandex.ru)

Mukhametova A.D.

FACTORS OF INTERREGIONAL VARIABILITY OF LABOR PRODUCTIVITY IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *This article examines the determinants of interregional variability in labor productivity with the aim of identifying the factors driving spatial inequality. The study analyzes indicators such as GRP, GRP per capita per employed person, capital productivity, capital-labor ratio, and others. Specifically, regional territorial characteristics, specialization, capital intensity, and labor intensity influence interregional variability in labor productivity across Russian Federation constituent entities.*

Keywords: *regional economic development, labor productivity, factors, return on capital, capital intensity, employment, and human capital.*

About the author

Aigul D. Mukhametova – Senior Lecturer, Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: aigulmd@yandex.ru)

References

1. Allagulov R.Kh. (2026). Production Innovations: Combining Automation and Digital Solutions for Efficiency Growth. *Bulletin of the Volga Region State University of Service. Series: Economics*, 22, 1(84), 5–8.
2. Burtseva T.A., Frenkel A.A., Surkov A.A. (2022). Statistical Modeling of Regional Labor Productivity. *Voprosy Statistiki*, 29(4), 62–70.
3. Kadochnikova E.I., Bagautdinova N.G., Khomidov S.O. (2024). Industry Trends in Total Factor Productivity: Where is the Growth Potential? *Russian Journal of Economics and Law*, 18(4), 876–897. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.4.876-897
4. Anisimov A.Yu., Golikov R.Yu., Drobot V.V., Molchanov I.I. (2025). Nonlinear effects of digitalization on labor productivity in the region. *Labor Economics*, 12(6), 857–868. DOI: 10.18334/et.12.6.123227
5. Rachek S.V., Kobzeva I.N. (2024). Assessing the influence of the factor system on the level of labor productivity in resource and non-resource regions of Russia. *Economy, Entrepreneurship and Law*, 14(5), 2269–2282. DOI: 10.18334/epp.14.5.120875
6. Franz M.V., Potaptseva E.V. (2022). The relationship between labor productivity and wage returns: an empirical analysis of data from Russian regions. *ENSR*, 3(98), 26–35.
7. Shcherbakov A.I. (2022). Labor productivity as an economic category and a generalized indicator of efficiency. *Social and labor studies*, 48(3), 27–34. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-48-3-27-34.

УДК 332.1 / ББК 65.04

Одинцова А.В.

ОПОРНЫЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ КАК НОВЫЙ ПРИОРИТЕТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Дается характеристика опорных населенных пунктов, выделяется проблема их институционализации. Делается вывод, что оценка результативности политики развития ОНП должна исходить не столько из оценки улучшения качества жизни жителей ОНП, сколько из оценки жителей прилегающих территорий.*

Ключевые слова: *опорные населенные пункты, стратегия пространственного развития, прилегающие территории, национальные проекты, точки экономического роста, социально-экономическая дифференциация*.

Новая Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2030 года с перспективой до 2036 года в качестве одного из ключевых пространственных приоритетов развития страны определила развитие системы опорных населенных пунктов. Насколько новый приоритет продолжает тренды пространственного развития, характерные для предшествующего периода развития страны?

Чтобы ответить на этот вопрос, напомним, что одной из ключевых и застаревших проблем регионального и пространственного развития России является необходимость преодоления устойчиво-глубокого уровня межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Задача преодоления, или, по крайней мере, смягчения, межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации, по сути, объединяет первую в России Стратегию пространственного развития с одной стороны, и Стратегию, принятую в 2024 году – с другой. Иначе говоря, преемственность в целеполагании двух стратегий пространственного развития характеризуется прежде всего задачей преодоления указанной дифференциации.

В рамках первой Стратегии (СПР-2019) основным приоритетом пространственного развития стало формирование и стимулирование развития крупных точек экономического роста (агломераций), ориентация на развитие которых, по замыслу разработчиков первого стратегического документа пространственного развития Российской Федерации, должна была сформировать предпосылки для укрепления связанности социально-экономического пространства страны. Подобная ориентация была не случайна. Она, по сути, на основе обобщения накопленного в мире опыта, исходила из общемировой тенденции, характерной для пространственного развития начала XXI века. Эта тенденция проявлялась в растущей концентрации населения и экономики в крупнейших формах расселения, важнейшей из которых стали крупнейшие городские агломерации, превратившиеся в важнейший фактор социально-экономического развития многих стран. Городские агломерации в качестве важнейшей формы межмуниципального взаимодействия, стали отличительным феноменом конца XX – начала XXI вв., а усиление связи крупных городов с прилегающими к ним территориями потребовало восприятия их как единого пространственного образования.

Однако ориентация на крупные точки экономического роста в Российской Федерации не позволила решить главную проблему пространственного развития страны. Как известно, за годы реализации первой Стратегии пространственного развития Российской Федерации, в условиях устойчивого роста экономики Российской Федерации экономическая активность продолжала концентрироваться в ограниченном числе регионов. В результате ускоренного роста экономики девяти субъектов Российской Федерации, которые обеспечивают наибольший вклад в совокупный валовой региональный продукт, включая Московскую и Санкт-Петербургскую городские агломерации, их доля в совокупном валовом региональном продукте увеличилась с 50,2% в 2016 году до 53,2% в 2022 году[1]. Иначе говоря, проблема межрегиональной и внутрирегиональной социально-экономической дифференциации не только не была решена, но, в определенной степени, еще более усугубилась.

[1] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/3b8e3a39329ce7949978d271195fdb6d/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda_s_prognozom_do_2036_goda.pdf

Исследования показывают, что приоритезация крупных центров экономического роста (крупных и крупнейших городских агломераций), не решив основную проблему пространственного развития, привела, помимо прочего, к еще большему оттоку рабочей силы и коренного населения из сельских территорий.

В новой Стратегии пространственного развития, решение проблемы преодоления существующего уровня дифференциации возлагается на систему опорных населенных пунктов, развитие которых должно, в соответствии с положениями СПР, способствовать достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности, в том числе за счет обеспечения доступности образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализации иных потребностей для жителей прилегающей территории. Иначе говоря, речь идет о своеобразной переориентации пространственных приоритетов Российской Федерации с вопросов преимущественно экономического характера на вопросы расселенческие, непосредственно связанные с интересами населения.

В Стратегии пространственного развития до 2030 года выделяется пять типов опорных населенных пунктов, в зависимости от тех задач, которые перед ними стоят. Это: населенные пункты, которые образуют городские агломерации или являются административными центрами субъектов Российской Федерации; населенные пункты, имеющие стратегическое значение (обеспечивают национальную безопасность или обслуживают критически важную инфраструктуру); наукограды; населенные пункты, в которых реализуются новые инвестиционные проекты, существенно влияющие на экономику территории; населенные пункты, являющиеся основными центрами предоставления социальных услуг для жителей прилегающей территории.

Вместе с тем, очевидно, что формальное выдвижение опорных населенных пунктов в качестве пространственного приоритета не означает, что они автоматически решат те проблемы, которые перед ними поставлены. Институционализация любого механизма предполагает формирование совокупности условий (правовых, экономических, социальных и пр.), обеспечивающих выполнение им тех функций, ради которых он вводится. И здесь важны четыре основных момента: цели, механизмы, финансовое обеспечение и оценочные показатели.

Что касается цели, здесь все достаточно ясно. Развитие системы опорных населенных пунктов, согласно СПР, направлено на сокращение социально-экономической дифференциации путем повышения доступности социальных услуг для населения самих ОНП, а также прилегающих к ним территорий.

Основным механизмом выступает система Национальных проектов, и, прежде всего, Национальный проект «Инфраструктура для жизни», в рамках которого предусмотрено улучшение условий жизни людей и связанности социально-экономического пространства страны. Названный нацпроект включает множество составляющих, связанных с формированием комфортной городской среды, развитием и модернизацией коммунальной инфраструктуры, строительством и ремонтом жилья, обустройством федеральных и региональных дорог. В соответствии с намеченными целями к 2030 году в России предполагается благоустроить не менее 30 тысяч общественных территорий. Что касается малых городов и исторических поселений, то здесь планируется к реализации более полутора тысяч проектов-победителей Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды. О востребованности данной практики говорит, в частности, то, что в нынешнем году во Всероссийском голосовании за объекты благоустройства участвует 88 субъектов РФ, в том числе и жители воссоединенных регионов.

Национальные проекты являются и основным каналом финансирования развития опорных населенных пунктов. Через них предполагается, прежде всего, выделение средств для развития опорных населенных пунктов. Помимо этого, принято решение о списании задолженности по бюджетным кредитам тем регионам, которые направляют значительную часть финансовых ресурсов на выполнение мастер-планов городов, развитие ЖКХ, обновление общественного транспорта и др. важные с точки зрения пространственного развития направления. Это касается таких регионов как, республики Бурятия, Калмыкия, Крым; Ивановская, Иркутская, Новгородская, Тверская области и др.

Таким образом, наблюдается приоритет опорных населенных пунктов в распределении бюджетных средств, что не только обеспечивает повышение комфортности жизни для населения, но и создает предпосылки для повышения эффективности экономики (в том числе на основе укрепления агломерационных связей), развития креативных индустрий, привлечения кадров. Однако отсутствие у опорных населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями, собственных бюджетов (как известно, такие населенные пункты имеют лишь сметы) не позволяет обеспечить необходимую степень прозрачности финансового обеспечения ОНП.

Как было отмечено, четвертой составляющей процесса институционализации ОНП являются оценочные показатели. Как оценить результативность реализации принципов, заложенных в Стратегии пространственного развития? Как оценить эффективность развития опорных населенных пунктов? Напомним, ключевой вопрос пространственного развития является снижение уровня межрегиональной и внутрирегиональной социально-экономической дифференциации территорий России. В соответствии с определением, зафиксированным в СПР, «опорный населенный пункт» – это населенный пункт, приоритетное развитие которого способствует достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности, в том числе за счет обеспечения доступности образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализации иных потребностей для жителей прилегающей территории. Иначе говоря, речь идет о том, чтобы рассматривать ОНП не сами по себе (как некие изолированные точки роста), а в их взаимосвязи с прилегающими территориями. Обеспечивают ли механизмы и конкретные программы развития ОНП повышение доступности услуг для жителей прилегающих территорий? Или же все вложенные средств и ресурсы отражаются на комфортности лишь жителей самих ОНП? На сегодняшний день показатели, которые приводятся в качестве отчетности развития ОНП, как правило, касаются лишь самих ОНП (вложения в создание общественных пространств на территории опорных населенных пунктов, расселение аварийного жилья, жилищная обеспеченность на одного жителя опорного населенного пункта и пр.). Тот же подход мы встречаем в разработанном рейтинге эффективности глав регионов. Здесь фигурирует показатель «прирост качестве среды для жизни *в опорных населенных пунктах*».

Безусловно, развитие ОНП должно способствовать решению проблемы дифференциации территорий России. Из этого следует вывод, что эффективность развития опорных населенных пунктов должна оцениваться не только и не столько объемом вложений в ОНП, сколько показателями развития прилегающих территорий и оценками жителей этих территорий. Этот вывод особенно важен для опорных населенных пунктов, создаваемых для повышения доступности услуг в сфере образования, медицины, культуры. А значит стоит проблема поиска механизмов, показателей, критериев подобной оценки.

Библиографический список

1. Кузнецова О.В. (2019). Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. Т. 15. № 4. С. 107–125. DOI: 10.14530/se.2019.4.107-125

2. Одинцова А.В. (2021). Проблемы развития агломераций в России // Федерализм. Т. 26. № 2 (102). С. 65–83. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-2-65-83.

Информация об авторе

Александра Владимировна Одинцова – доктор экономических наук, заведующий Центром, Институт экономики РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: Aleksod@yandex.ru)

Odintsova A.V.

SUPPORT POINTS AS A NEW PRIORITY FOR THE SPATIAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article provides a description of reference settlements and highlights the problem of their institutionalization. The author concludes that the assessment of the effectiveness of reference settlement development policies should be based not only on the improvement of the quality of life for residents of reference settlements, but also on the assessment of residents of adjacent territories*.

Keywords: *reference settlements, spatial development strategy, adjacent territories, national projects, economic growth points, socio-economic differentiation.*

About the author

Alexandra V. Odintsova – Doctor of Sciences (Economics), Head of the Department Center, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 118217, Russian Federation; e-mail: Aleksod@yandex.ru)

References

1. Kuznetsova O.V. (2019). The Spatial Development Strategy of the Russian Federation: The Illusion of Solutions and the Reality of Problems. *Spatial Economics*, 15(4), 107–125. DOI: 10.14530/se.2019.4.107-125
2. Odintsova A.V. (2021). Problems of Agglomeration Development in Russia. *Federalism*, 26, 2(102), 65–83. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-2-65-83

УДК 332.1 / ББК 65.049(2)

Патракова С.С.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Аннотация. *В современных условиях развитие экономики любого государства определяется не столько его внутренней политикой, сколько внешними условиями, в т. ч. глобальными трендами. В статье раскрыты отдельные глобальные тренды развития сельского хозяйства и формируемые ими вызовы и возможности.*

Ключевые слова: *сельское хозяйство, развитие, глобальные тренды, вызовы, санкции*.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов» (FMGZ-2025-0013).

Сельское хозяйство было и остается одной из ключевых и критически важных отраслей экономики любого государства. Предприятия именно этой отрасли обеспечивают население продовольствием, производят сырье для ряда промышленных отраслей (от легкой до химической промышленности и фармацевтики) и в целом вносят существенный вклад в развитие экономики, обеспечивают занятость и определяют особый уклад жизни значительной части населения.

Так, по данным ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН), доля сельского хозяйства, включая лесное хозяйство и рыболовство, в мировом ВВП с 2000 по 2022 год стабильно оставалась на уровне порядка 4%, при этом его добавленная стоимость выросла на 89% и составила в 2022 году 3,8 трлн долл. США. В этом же году в сельхозпроизводстве было занято 892 млн человек (26% мировой рабочей силы), по сравнению с 1025 млн (40% мировой рабочей силы) в 2000 году. В 2000–2022 гг. мировой объем производства основных сельхозкультур (риса, пшеницы, кукурузы, сахарного тростника) увеличился на 56%, достигнув 9,6 млрд тонн; производство мяса увеличилось на 55% до 361 млн тонн. Однако, несмотря на позитивную динамику производства продовольствия, в мире сохранятся проблема голода: недоедание в 2023 году затронуло порядка 733 млн человек (9,1% населения, большинство из которого проживает в странах Африки и Азии).

Для сравнения отметим, что в России удельный вес сельского и лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства в валовой добавленной стоимости национальной экономики в 2002–2022 гг. снизился с 6,3 до 3,8% (данные Росстата). В текущих ценах добавленная стоимость отраслей возросла с 602,8 до 5367,7 млрд руб. (в 8,9 раза), в ценах 2012 года – с 1815,2 до 2361,7 млрд руб. (в 1,3 раза). Среднегодовая численность занятых в сельском и лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве в 2000–2022 гг. снизилась с 9134 до 4495 тыс. человек (в 2,0 раза), а их доля в общей численности занятых в экономике – с 14,2 до 6,3%. В 2000–2022 гг. валовой сбор зерна в РФ увеличился в 2,4 раза (с 65,4 до 157,6 млн тонн в весе после доработки), а производство мяса – в 2,6 раза (с 4446 до 11744 тыс. тонн скота и птицы в убойном весе). При этом, по заявлению директора московского отделения Сельскохозяйственной организации ООН О.Ю. Кобякова, в стране недоедает менее трети процента населения – порядка 400 тыс. человек[1].

Дальнейшее развитие сельского хозяйства, преодоление проблемы недоедания в России, как и в других странах мира в значительной степени зависит от способности «уловить» глобальные тренды и встроиться в них, избежать формируемых этими трендами вызовов и, наоборот, получить возможности. При этом следует понимать, что тренды – это долгосрочные и устойчивые векторы развития, определяющие облик отрасли в будущем, а вызовы – это проблемы/угрозы, требующие незамедлительного ответа.

[1] В продовольственной структуре ООН заявили о победе России над голодом // РБК. URL: https://www.rbc.ru/business/16/06/2023/648c37189a79474633f9eaef (дата обращения: 12.05.2026).

Критическое осмысление аналитических документов крупных международных[2] и российских[3] экспертных организаций, а также публикаций исследователей позволило выделить ряд глобальных трендов развития сельского хозяйства в экономической, технологической, экологической и институциональной сферах и формируемые ими вызовы и возможности (частично представлены в *табл. 1*) [1; 5]. При этом следует отметить, что указанные тренды, вызовы и возможности не охватывают всего спектра существующих, но показывают их разнообразие, значимость, масштабность.

Таблица 1. **Глобальные тренды развития сельского хозяйства**

Тренды	Формируемые вызовы	Формируемые возможности
Экономическая сфера		
Снижение зависимости доходов малых форм хозяйствования от отрасли; активное развитие ими деятельности в сферах туризма, переработки сельхозпродукции, сбора и переработки дикоросов, лесного хозяйства и лесопереработки, охоты и т. д.	• Снижение объемов инвестиций в сельское хозяйство и их эффективности, мотивации к внедрению инноваций и повышению производительности труда • Снижение качества продукции, потери части урожая и т. п. в результате нехватки рабочей силы ввиду ее оттока в более доходные несельскохозяйственные отрасли • Риски монополизации отрасли крупными игроками (агрохолдингами и т. п.)	• Повышение устойчивости малых форм хозяйствования, которые играют важную роль в развитии сельских территорий, обеспечении занятости местного населения на территориях, где отсутствуют крупные холдинги • Развитие сельского хозяйства за счет возможности привлекать средства, полученные аграриями в других сферах; • Развитие и диверсификация сельской экономики в целом, повышение устойчивости села
Дефицит как высококвалифицированных, так и низкоквалифицированных кадров, усугубляемый старением сельского населения, миграцией молодежи в города, растущей конкуренцией за кадры с другими отраслями экономики	• Снижение качества продукции, потеря части урожая, сокращение его ассортимента и т. п. (особенно в трудоемких подотраслях, таких как тепличное овощеводство) в результате нехватки рабочей силы • Технологическое отставание малых форм хозяйствования от крупных холдингов, что может привести к монополизации отрасли крупными игроками • Рост зависимости от иностранной рабочей силы или внешних подрядчиков/предприятий аутсорса, риски прекаризации труда сельских жителей	• Ускорение технологической модернизации производства, цифровизации, внедрения автономной техники и т. п. • Развитие новых компетенций, повышение квалификации работников для закрытия потребностей предприятий без привлечения новой рабочей силы • укрепление связи «сельское хозяйство – образование» через создание гибких программ обучения и переподготовки кадров, в т. ч. с использованием онлайн-технологий, повышение объемов производственной практики в образовательных организациях
Технологическая сфера		
Переход к «сельскому хозяйству 4.0»	• Усиление неравенства и нарастание разрыва (цифрового, технологического, экономического и т. д.) между малыми и крупными сельхозтоваропроизводителями • Вытеснение низкоквалифицированной рабочей силы, что может привести к росту социальной напряженности, снижению качества жизни на селе	• Повышение продуктивности сельхозпроизводства, производительности труда • Укрепление национальной продовольственной безопасности стран • Повышение престижа работы в отрасли для населения, особенно молодежи

[2] Доклады ФАО. URL: https://www.fao.org/home/ru; https://openknowledge.fao.org/home; Всемирного банка. URL: https://openknowledge.worldbank.org/search?query=agriculture; Организации экономического сотрудничества и развития. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-fao-agricultural-outlook-2025-2034_601276cd-en/full-report/agricultural-and-food-markets-trends-and-prospects_d3812d71.html; Евразийского экономического союза. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/nir_results/ (дата обращения: 12.05.2026).

[3] Публикации Агентства стратегических инициатив. URL: https://asi.ru/library/main/198226/; Центра стратегических разработок. URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/acc/acca691395e0c3ad6d65a687e15ed7b9.pdf; Высшей школы экономики. URL: https://issek.hse.ru/news/1079552324.html, https://issek.hse.ru/data/2017/05/03/1171421726/Prognoz_APK_2030.pdf; МГИМО. URL: https://files-agrimarkets.mgimo.ru/Материалы/Аналитический%20доклад%20«Тенденции%20развития%20мировых%20аграрных%20рынков».pdf (дата обращения: 12.05.2026).

Продолжение таблицы 1

Экономическая сфера		
Развитие системы шеринга технологий, оборудования, машин и т. п.	• Рост трансакционных издержек на поиск участников, готовых к участию в шеринге • Риск возникновения конфликтных ситуаций между аграриями по поводу использования техники в одни и те же сроки • Сохранение проблем недоступности техники и технологий для аграриев периферийных, удаленных территорий, т. к. шеринг требует высокой плотности, кластеризации производителей	• Снижение затрат аграриев на покупку, аренду, обслуживание техники, оборудования и т. п. • Доступ большего числа сельхозтоваропроизводителей к новым технологиям, технике, что особенно актуально для малых форм хозяйствования • Укрепление сотрудничества, внутри- и межотраслевой кооперации сельхозтоваропроизводителей
Экологическая сфера		
Деградация сельхозземель	• Снижение качества, потеря части урожая и сокращение его ассортимента и т. п. в результате выбытия из оборота сельхозземель, снижения их продуктивности • Рост затрат на восстановление плодородия деградирующих сельхозземель или разработку новых участков	• Ускорение технологической модернизации сельхозпроизводства и темпов внедрения новых технологий • Активизация научных исследований в области растениеводства, землепользования, рекультивации земель и т. п. и развития рынка соответствующих услуг
Рост спроса на органически чистую продукцию	• Риски появления случаев, т. н. «гринвошинга»* • Более интенсивное снижение плодородия земель в сравнении с традиционным землепользованием ввиду отсутствия системных внесений неорганических удобрений, недоиспользования потенциала передовых технологий обработки земель и т. п.	• Стимулирование развития и внедрения инновационных практик и решений в области «зеленых» технологий в сельском хозяйстве, которые затем могут быть использованы и в других отраслях экономики • Повышение доходности сельхозпроизводства, поскольку органическая продукция реализуется с премией 20–100%
Институциональная сфера		
Сокращение числа и доли малых форм хозяйствования; интеграция и консолидация рынка	• Риски монополизации отрасли крупными игроками • Риски усиления социальной напряженности, снижения качества жизни сельского населения на территориях, где присутствуют только малые формы хозяйствования	• Повышение эффективности производства и снижение издержек в сельском хозяйстве за счет эффекта масштаба, концентрации ресурсов и т. п. • Повышение внутри- и межотраслевой связности в случае консолидации, интеграции без поглощений
* «Гринвошинг» в наиболее общем смысле понимается как недобросовестная маркетинговая стратегия, при которой предприятие преувеличивает или фальсифицирует экологичность своей продукции или деятельности. Источник: составлено автором.		

Следует отметить, что приведенные в таблице вызовы глобальны и в целом характерны для всех стран мира. Однако есть те, которые стоят перед Российской Федерацией так остро, как ни перед одной другой страной мира. В их числе – беспрецедентное внешнее санкционное давление, в котором оказалась страна с февраля 2022 года. Так, по данным издания «X-Compliance», за период с 21.02.2022 по 20.04.2026 года в отношении российских физических и юридических лиц было введено 20406 санкций западных стран[4]. В числе основных инициаторов – США (5647 единиц, или 28% от общего числа санкций), Великобритания (3703 ед., или 18%), страны Евросоюза (2990 ед., или 15%).

Под внешним давлением прямо и косвенно оказались практически все отрасли российской экономики. Функционирование отечественного сельского хозяйства и агропромышленного комплекса до сих пор остается осложнено:

[4] Сетевое издание «X-Compliance. URL: https://x-compliance.ru/statistics (дата обращения: 20.04.2026).

1) логистическими затруднениями и повышенными страховыми премиями. Хотя для перевозок сельхозпродукции напрямую запретов нет, но, например компания Maersk, специализирующаяся на морских грузовых перевозках и обслуживании портовых терминалов, объявляла, что отказ сотрудничества распространяется на любые грузы [3];

2) ужесточенными условиями проведения финансовых операций ввиду отключения от SWIFT (международная межбанковская система передачи информации и совершения платежей) и введения блокирующих санкций против части российских банков, в т. ч. Россельхозбанка, что затрудняет проведение международных операций по продаже/покупке сельхозпродукции;

3) прекращением поставок сельскохозяйственной техники и запчастей к ней. Так, крупный игрок российского рынка сельхозмашин – компания John Deere (США), специализирующийся на выпуске сельскохозяйственной, строительной и лесозаготовительной техники, приостановил ввоз запасных частей для машин и прекратил продажу сигналов для навигации[5]. Также отказались от поставок в РФ запчастей и техобслуживания оборудования такие компании, как AGCO Corporation и CNH Industrial N.V. (США), J C Bamford Excavators Ltd. (Великобритания), BEDNAR FMT s.r.o. (Чехия), CLAAS (Германия)[6]. При этом стоит отметить, что некоторые производственные мощности ушедших с рынка иностранных компаний были приобретены российскими бизнес-структурами. Например, завод John Deere в г. Оренбурге был приобретен в 2023 году холдингом Koblik Group, хотя уже в апреле 2026 года был снова выставлен на продажу[7];

4) перебоями с получением ветеринарных препаратов, кормовых витаминов и витаминно-минеральных добавок для животных, посевного материала и т. п. Прекратили поставки своей продукции аграриям ряд зарубежных компаний-поставщиков семян, в т. ч. Syngenta, Bayer и Nuseed [4]. Практически невозможно приобрести ветпрепараты «Пропалин» от французской компании Vetoquinol и «Апоквел» от американской Zoetis[8].

Учет вышеуказанных и иных глобальных трендов и вызов крайне важен для обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства и агропромышленного комплекса России в целом. При этом, как справедливо отмечает Т.В. Кленова, уход иностранных компаний, прекращение ими инвестиций в российскую экономику и иные меры, направленные на разрушение базы отечественного сельхозпроизводства, как никогда ранее подсветили важность и значимость работ по созданию эффективного механизма решения возникающих в отрасли проблем, необходимость наращивания не только объемов, но и разнообразия направлений государственной поддержки агропромышленного комплекса [2]. Все это обусловливает значимость проведения крупных междисциплинарных научных исследований на стыке экономических, сельскохозяйственных и иных наук для поиска результативных мер ответа на возникающие вызовы.

Библиографический список

1. Дудин М.Н., Шутьков А.А., Лясников Н.В., Анищенко А.Н., Усманов Д.И. (2024). Новые траектории развития экономики России в условиях глобальных вызовов. Москва: РУСАЙНС. 252 с.

2. Кленова Т.В. (2025). Внешние санкции как угроза и возможности для развития сельского хозяйства России // Международный бизнес. № 1. С. 95–106. DOI: 10.24833/2949-639X-2025-1-11-95-106

[5] Новые санкции против России: влияние на рынок сельскохозяйственной техники в 2022 году // РБК. URL: https://marketing.rbc.ru/articles/13374/?ysclid=mo6tgoh8rq715383432 (дата обращения: 20.04.2026).

[6] Какие бренды сельхозтехники покинули Россию, какие пришли на их место // АО «Россельхозбанк». URL: https://svoefermerstvo.ru/svoemedia/articles/svjato-mesto-pusto-ne-byvaet-kakie-brendy-sel-hoztehniki-pokinuli-rossiju-kakie-prishli-na-ih-mesto (дата обращения: 20.04.2026).

[7] На продажу выставлен завод Koblik group в Оренбурге за 3,5 млрд рублей // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8590864 (дата обращения: 20.04.2026).

[8] За лапы ломят: в России не хватает ветеринарных препаратов // Известия. URL: https://iz.ru/1875128/sofiia-prokhorchuk/za-lapi-lomit-v-rossii-ne-khvataet-vetpreparatov (дата обращения: 20.04.2026).

3. Милонова М.В., Астапенко А.А. (2023). Влияние санкций на аграрно-промышленный комплекс России // Международная торговля и торговая политика. № 3. С. 127–133. DOI: 10.21686/2410-7395-2023-3-127-133
4. Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. (2024). Адаптация российского агропродовольственного комплекса к новым геополитическим реалиям // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 165–175. DOI: 10.47711/0868-6351-206-165-175
5. Orlova N.V., Nikolaev D.V. (2022). Russian agricultural innovations prospects in the context of global challenges: Agriculture 4.0. *Russian Journal of Economics*, 1, 29–48. DOI: 10.32609/j.ruje.8.78430

Информация об авторе

Светлана Сергеевна Патракова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sspatrakova@bk.ru)

Patrakova S.S.

GLOBAL TRENDS AND CHALLENGES OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT

Abstract. *In modern conditions, the development of the economy of any state is determined not so much by its internal policy as by external conditions, including global trends. The article reveals some global trends in the development of agriculture and the challenges and opportunities they create.*

Keywords: *agriculture, development, global trends, challenges, sanctions.*

About the author

Svetlana S. Patrakova – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Science" (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sspatrakova@bk.ru)

References

1. Dudin M.N., Shutkov A.A., Lyasnikov N.V., Anishchenko A.N., Usmanov D.I. (2024). New trajectories of the Russian economy development in the context of global challenges. Moscow: RUSAINS.
2. Klenova T.V. (2025). External sanctions as a threat and opportunities for the development of agriculture in Russia. *International Business*, 1, 95–106. DOI: 10.24833/2949-639X-2025-1-11-95-106
3. Milonova M.V., Astapenko A.A. (2023). The impact of sanctions on the Russian agricultural and industrial complex. *International trade and trade policy*, 3, 127–133. DOI: 10.21686/2410-7395-2023-3-127-133
4. Kheifets B.A., Chernova V.Yu. (2024). Adaptation of the Russian agro-food complex to new geopolitical realities. *Problems of forecasting*, 5, 165–175. DOI: 10.47711/0868-6351-206-165-175
5. Orlova N.V., Nikolaev D.V. (2022). Russian agricultural innovations prospects in the context of global challenges: Agriculture 4.0. *Russian Journal of Economics*, 1, 29–48. DOI: 10.32609/j.ruje.8.78430

УДК 332.143 / ББК 65.049

Поляков Р.К.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПОРТФЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ВКЛАДА ОТРАСЛЕВЫХ КОМПОНЕНТОВ РОСТА

Аннотация. *В статье выполнен комплексный анализ регионального роста промышленности Калининградской области в отраслевом контексте с использованием матрицы регионального экономического портфеля и метода структурных сдвигов. На основе данных о занятости за 2019–2023 гг. выявлено, что рост занятости 5,7% обусловлен синергией национальных трендов и локальных конкурентных преимуществ, особенно в транспорте, ИТ и обрабатывающей промышленности.*

Ключевые слова: *региональный рост, структурные сдвиги, матрица портфеля, Калининградская область, отраслевая специализация*.

Обеспечение устойчивого регионального роста в современных макроэкономических условиях требует не только констатации факта изменения ключевых показателей, но и их глубокой декомпозиции, а также анализа факторов лежащих в основе этих изменений. Как справедливо отмечается в современных работах по региональной экономике [1–4], различие между общими национальными тенденциями, отраслевой структурой и собственно региональными конкурентными преимуществами является критически важным для формирования эффективной локальной экономической политики. Калининградская область представляет собой уникальный случай в силу своего эксклавного географического положения [5], особого правового режима и геостратегического значения [6], что предъявляет повышенные требования к точности аналитического инструментария.

Целью настоящей работы является проведение комплексного анализа регионального роста промышленности Калининградской области в отраслевом контексте [7]. В качестве основных методов исследования используются матрица регионального экономического портфеля, адаптированная из подхода Boston Consulting Group [3–5], а также модель анализа структурных сдвигов Данна и Герфина [7; 8]. Эмпирическая база исследования охватывает период 2019–2023 гг. и опирается на официальные данные Росстата о занятости по видам экономической деятельности в Российской Федерации и Калининградской области. Такой методологический подход позволяет не только оценить динамику, но и идентифицировать источники роста: национальный тренд, отраслевой микс и региональную долю, а также позиционировать отрасли региона в матрице «рост – специализация».

Опираясь на современные работы в этой области [8] и принимая во внимание математический аппарат [9], рассмотрим первым аналитический метод – матрицу регионального экономического портфеля. Данный инструмент, берущий свое начало в матрице портфеля, разработанной Boston Consulting Group (BCG) для оценки перспектив развития различных направлений бизнеса [10], был адаптирован для анализа региональных экономических систем [11; 12]. В настоящем она представляет собой матрицу, сопоставляющую темпы роста отраслей в конкретном регионе с аналогичными показателями в вышестоящем эталонном регионе, таком как национальная экономика.

Также в настоящее время хорошо зарекомендовала себя модель оценки регионального роста посредством анализа структурных сдвигов, который, хоть и разработан независимо от матрицы портфеля, тесно связан с концепцией, представленной выше. Первоначальный анализ распределения долей был введен в 1960 году Данном-младшим [13] и теоретически обоснован С. Каслером в 1989 году. Параллельно и независимо Х. Герфин [14] разработал более популярный в немецкоязычной региональной экономической науке вариант анализа сдвигов и долей [15]. Метод анализа сдвигов и долей позволяет выявить, за счет каких факторов изменилась занятость в регионе за последнее десятилетие.

Используя представленные методы осуществим наше исследование. Анализ общей занятости по отраслям в Российской Федерации показывает, что распределение занятости по отраслям в Российской Федерации за период с 2019 по 2023 гг. имеет ряд существенных изменений в отраслевой структуре экономики. Так, общая численность занятых увеличилась на 2,6%, что свидетельствует о поступательном росте рынка труда. Наибольший рост наблюдается в деятельности в области информации и связи и составляет 19,2%, административных услугах – 14,4%, гостиничном бизнесе и общественном питании – 13,1%, транспортировке и хранении – 9,8%, что указывает на усиление роли сервисного сектора и цифровой экономики. Строительство и прочие услуги также демонстрируют положительную динамику, отражая восстановительные процессы и рост внутреннего спроса. Таким образом, проанализированные данные указывают на постепенную переориентацию экономики в сторону услуг, цифровизации и логистики, при сохранении относительной устойчивости в ключевых производственных секторах.

Анализ отраслевой структуре занятости Калининградской области за 2019–2023 гг., свидетельствует о положительной динамике общего числа занятых – рост на 5,7%. Наиболее значительный прирост наблюдается в сфере информационных и коммуникационных технологий 24,8%, в прочих услугах – 25,0%, в транспорте и хранении – 17,3%, а также в водоснабжении и утилизации отходов – до 11,7%, что указывает на модернизацию инфраструктуры и развитие цифрового сектора. Строительство и профессиональные, научные и технические услуги также демонстрируют устойчивый рост 8,5 и 11,5% соответственно, отражая активизацию инвестиционной и инновационной деятельности.

Видно, что обрабатывающая промышленность является одной из ключевых отраслей Калининградской региона. Она сохранила стабильную долю занятости и увеличила численность работников на 5,9%, что свидетельствует о ее устойчивости. Увеличение доли также наблюдается в сфере культуры, спорта и развлечений (13,7%) и гостиничного бизнеса (3,2%), что говорит о росте туристической привлекательности региона. В то же время нельзя не отметить незначительное сокращение в образовании до 1,9% и стагнацию в государственном управлении. Сельское хозяйство, несмотря на небольшое снижение доли, сохранило стабильный уровень занятости.

На представленном далее графике (*рис. 1*) показаны структурные сдвиги в занятости по отраслям промышленности Калининградской области за период с 2019 по 2023 гг.

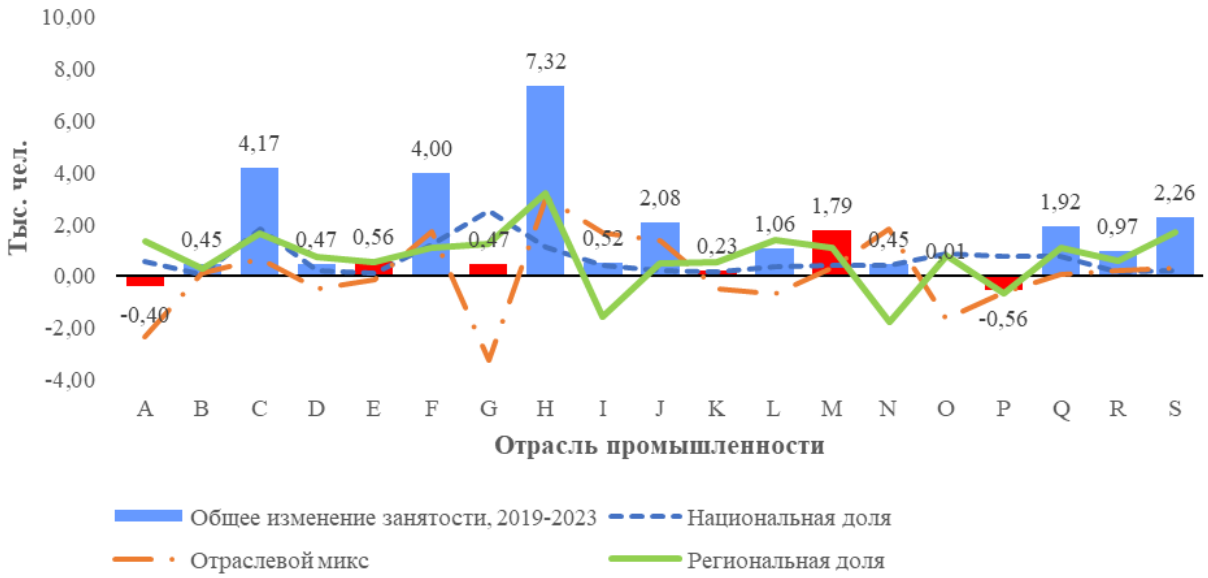

Рис. 1. **Декомпозиция изменения занятости по отраслям Калининградской области, 2019–2023 гг. (анализ сдвигов и долей)**

Источник: составлено автором.

Рисунок наглядно отражает успешное развитие экономики Калининградской области, основанное на комбинации национальных трендов и уникальных региональных особенностей. В то же время при управлении регионом особое внимание следует уделять отраслям с положительными структурными сдвигами, а также принимать меры по корректировке отраслей с отрицательной динамикой занятости. Структурные изменения в экономике Калининградской области характеризуются переходом от традиционных производственных отраслей к более динамичным сферам, таким как транспорт, информационные технологии и профессиональные услуги.

Далее на *рис. 2* представлена матрица регионального портфеля роста по Калининградской области, как региональные факторы играют ключевую роль в формировании конкурентоспособности и привлекательности региона для инвесторов и работников.

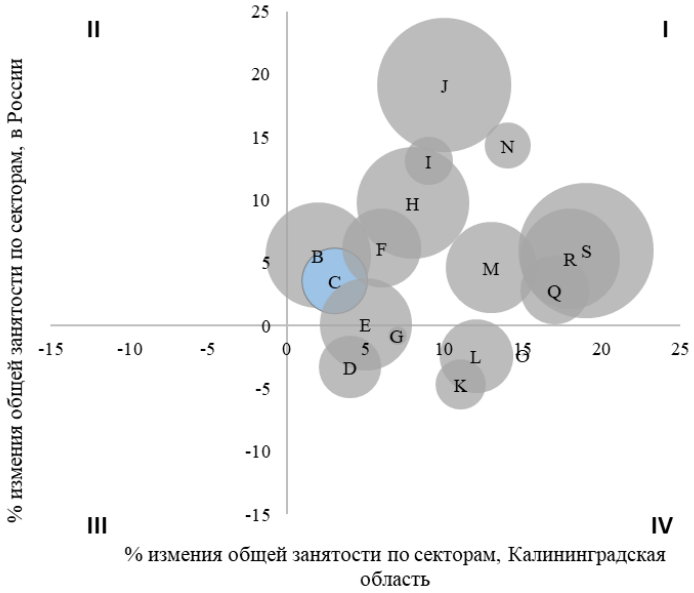

Рис. 2. **Матрица регионального портфеля роста по Калининградской области**
Источник: составлено автором.

Из данного анализа видно, что Калининградская область демонстрирует диверсифицированную структуру занятости, с акцентом на развитие секторов, связанных с логистикой, торговлей и предоставлением услуг. Высокие темпы роста в таких отраслях, как транспортировка и хранение, информация и связь, предоставление прочих услуг, указывают на успешное использование региональных конкурентных преимуществ, таких как географическое положение и развитая инфраструктура.

Заключение

Проведенный анализ регионального роста промышленности Калининградской области в отраслевом контексте с использованием матрицы регионального экономического портфеля и анализа структурных сдвигов выявил ряд ключевых тенденций. Во-первых, общий рост занятости в регионе обусловлен как национальными макроэкономическими факторами, так и локальными конкурентными преимуществами, что проявляется в значительной роли регионального компонента. Во-вторых, положительная динамика отмечена в секторах транспорта и хранения, что свидетельствует об успешной интеграции региона в логистические цепочки, а также в информационных технологиях и прочих услугах, что указывает на развитие собственного потенциала добавленной стоимости. В-третьих, в обрабатывающей промышленности, являющейся одной из ключевых отраслей региона, наблюдается устойчивый рост, обусловленный национальным трендом и региональной эффективностью особенно в отрасли машиностроения, судостроения и судоремонта. В-четвертых, матрица регионального портфеля роста показывает, что Калининградская область демонстрирует более благоприятную динамику занятости по сравнению со средними показателями по России, что подчеркивает влияние уникальных региональных факторов. В-пятых, матрица регионального роста и специализации выявила диверсифицированную структуру занятости, с акцентом на секторах, связанных с логистикой, торговлей и предоставлением услуг.

Библиографический список

1. Широв А.А. [и др.]. (2025). Роль пространственного развития при достижении национальных целей российской экономики // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 11–23.
2. Широв А.А. [и др.]. (2024). Россия 2035: к новому качеству национальной экономики: научный доклад ИНП РАН, Артик Принт. Москва.
3. Кузнецова О.В. (2024). Эволюция федеральной пространственной политики в период реализации стратегии пространственного развития РФ: научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 1. С. 71–90.
4. Михеева Н. (2025). Приоритетные геостратегические регионы стратегии пространственного развития России // ЭКО. Т. 55. № 3. С. 40–55.
5. Поляков Р.К., Дуров А.В. (2017). Роль кластеров и кластерной политики в развитии Калининградской области // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 2 (50). С. 19.
6. Polyakov R.K. (2021). Lessons on technopreneurship in Kaliningrad region: regional hubs in global networks. In IOP Conference Series: Earth and Environmental Science IOP Publishing, 689, 1, 012006.
7. Поляков Р.К., Дуров А.В. (2017). Развитие Калининградской области в аспекте формирования кластерных образований // Российское предпринимательство. Т. 18. № 12. С. 1929–1948.
8. Farhauer O., Kröll A. (2014). Standorttheorien: Regional- und stadtökonomik in theorie und praxis. Standorttheorien. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden.
9. Dinc M. (2015). Introduction to regional economic development: Major theories and basic analytical tools. Introduction to Regional Economic Development. Edward Elgar Publishing.
10. Henderson B.C. (1973). The experience curve-reviewed 4: The growth share martrix of the product portfolio. Consulting Group.
11. Bekiros S., Boubaker S., Nguyen D.K., Uddin G.S. (2017). Black swan events and safe havens: The role of gold in globally integrated emerging markets. *Journal of international money and finance*, 73, 317–334.
12. Howard D. (2007). A regional economic performance matrix: an aid to regional economic policy development. *Journal of Economic & Social Policy*, 11(2), 59–79.
13. Dunn Jr. E.S. (1960). A statistical and analytical technique for regional analysis. Papers in Regional Science, 6(1), 97–112.
14. Gerfin H. (1964). Gesamtwirtschaftliches Wachstum und regionale Entwicklung. Kyklos, 17(4), 56.
15. Wieland T. (2020). REAT: A regional economic analysis toolbox for R. Region, 7(3), 1–57.

Информация об авторе

Руслан Константинович Поляков – кандидат экономических наук, доцент, начальник управления научно-исследовательской деятельности, Калининградский государственный технический университет (Российская Федерация, 236022, г. Калининград, Советский пр-т, д. 1; e-mail: ruslan.polyakov@klgtu.ru)

Polyakov R.K.

DIVERSIFICATION OF THE KALININGRAD REGION'S ECONOMY: PORTFOLIO ANALYSIS AND ASSESSMENT OF THE CONTRIBUTION OF INDUSTRY-SPECIFIC GROWTH COMPONENTS

Abstract. *This article provides a comprehensive analysis of regional industrial growth in the Kaliningrad Region within a sectoral context using a regional economic portfolio matrix and the structural shifts method. Based on employment data for 2019–2023, it is found that employment growth 5.7% is driven by a synergy of national trends and local competitive advantages, particularly in transportation, IT, and manufacturing.*

Keywords: *regional growth, structural shifts, portfolio matrix, Kaliningrad Region, sectoral specialization.*

About the author

Ruslan K. Polyakov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of the Research Department, Associate Professor of the Department of Economics and Finance, Kaliningrad State Technical University (1, Sovetsky Avenue, Kaliningrad, 236022, Russian Federation; e-mail: ruslan.polyakov@klgtu.ru)

References

1. Shirov A.A. [et al.]. (2025). The Role of Spatial Development in Achieving the National Goals of the Russian Economy. *Problems of Forecasting*, 4, 11–23.
2. Shirov A.A. [et al.]. (2024). Russia 2035: Towards a New Quality of the National Economy. Scientific Report of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. Artik Print. Moscow.
3. Kuznetsova O.V. (2024). Evolution of Federal Spatial Policy during the Implementation of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation. *Scientific Works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*, 1, 71–90.
4. Mikheeva N. (2025). Priority geostrategic regions of the strategy of spatial development of Russia. *ECO*, 55(3), 40–55.
5. Polyakov R.K., Durov A.V. (2017). The role of clusters and cluster policy in the development of the Kaliningrad region. *Regional Economics and Management: electronic scientific journal*, 2(50), 19.
6. Polyakov R.K. (2021). Lessons on technopreneurship in Kaliningrad region: regional hubs in global networks. In IOP Conference Series: Earth and Environmental Science IOP Publishing, 689, 1, 012006.
7. Polyakov R. K., Durov A. V. Development of the Kaliningrad Region in Terms of the Formation of Cluster Entities. Russian Entrepreneurship. 2017. vol. 18. no. 12. p. 1929-1948.
6. Polyakov R. K. Lessons on technopreneurship in Kaliningrad region: regional hubs in global networks. In IOP Conference Series: Earth and Environmental Science IOP Publishing. 2021, March. vol. 689, no. 1, p. 012006.
7. Polyakov R. K. Development of the Kaliningrad region in terms of the formation of cluster formations. Russian entrepreneurship. 2017. vol. 18. no. 12. p. 1929-1948.
8. Farhauer O., Kröll A. (2014). Standorttheorien: Regional- und stadtökonomik in theorie und praxis. Standorttheorien. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden.
9. Dinc M. (2015). Introduction to regional economic development: Major theories and basic analytical tools. Introduction to Regional Economic Development. Edward Elgar Publishing.
10. Henderson B.C. (1973). The experience curve-reviewed 4: The growth share martrix of the product portfolio. Consulting Group.
11. Bekiros S., Boubaker S., Nguyen D.K., Uddin G.S. (2017). Black swan events and safe havens: The role of gold in globally integrated emerging markets. *Journal of international money and finance*, 73, 317–334.
12. Howard D. (2007). A regional economic performance matrix: an aid to regional economic policy development. *Journal of Economic & Social Policy*, 11(2), 59–79.
13. Dunn Jr. E.S. (1960). A statistical and analytical technique for regional analysis. Papers in Regional Science, 6(1), 97–112.
14. Gerfin H. (1964). Gesamtwirtschaftliches Wachstum und regionale Entwicklung. Kyklos, 17(4), 56.
15. Wieland T. (2020). REAT: A regional economic analysis toolbox for R. Region, 7(3), 1–57.

УДК 332 / ББК 65.05

Склярова А.Н., Кислая Т.Н.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. *В системе экономической безопасности государства коррупция занимает особое место как один из наиболее опасных дестабилизирующих факторов. В статье анализируется современное состояние антикоррупционной политики России выявляются ключевые проблемы, препятствующие эффективному противодействию данному явлению. На основе проведенного исследования автором предлагаются направления совершенствования методов борьбы с коррупцией, направленных на укрепление экономической безопасности региона и страны.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, противодействие коррупции, взяточничество, уголовная ответственность*.

Введение

В современном мире коррупция представляет собой серьезную угрозу для устойчивого развития практически всех государств, затрагивая их экономические, политические и социальные устои. Для Российской Федерации проблема коррупции дестабилизирует защищенность национальной экономики, снижает инвестиционную привлекательность и подрывает веру граждан в справедливость государственных институтов. Несмотря на принимаемые меры, коррупция продолжает оставаться существенным барьером на пути социально-экономического развития государства. Цель работы – охарактеризовать современное состояние противодействию коррупции в России как фактор обеспечения экономической безопасности.

Основная часть

Коррупция как социально-экономическое явление представляет собой сложный и многоаспектный феномен. В ФЗ № 273 «О противодействии коррупции» она определяется как «…злоупотребление служебным положением, дача и получение взятки, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды»[1]. Экономическая сущность коррупции проявляется в дискриминации добросовестных предпринимателей, искажении экономических механизмов и перераспределении ресурсов в пользу узких групп, связанных с властью.

Анализ научной литературы и нормативной базы позволяет выделить ряд системных проблем в сфере противодействия коррупции. Во-первых, наблюдается формальный подход к реализации антикоррупционной политики, когда активная деятельность комитетов и комиссий не всегда приводит к ощутимому снижению уровня коррупции. Также сохраняется несовершенство антикоррупционного законодательства. В частности, санкции статьи 290 УК РФ (получение взятки) за особо крупный размер, хотя и предусматривают крупные штрафы и лишение свободы, на практике оставляют возможность для назначения наказания, не связанного с реальным лишением свободы, что снижает профилактический эффект[2].

Острой проблемой остается отсутствие устойчивого антикоррупционного сознания в обществе. Как справедливо отмечают исследователи, толерантное отношение к коррупции, сформировавшееся еще в советский период как способ решения проблем «по блату», продолжает воспроизводиться. Это усугубляется недостаточной антикоррупционной пропагандой в средствах массовой информации, которая зачастую сводится к констатации фактов, а не к формированию нетерпимости к данному явлению [3].

Значительным дестабилизирующим фактором является конфликт интересов в органах государственной власти. Кумовство, фаворитизм и протекционизм, когда продвижение по службе или принятие решений зависит от личных связей, а не от профессиональных качеств, подрывают эффективность государственного управления и создают благоприятную почву для коррупции [1].

[1] О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Ст. 1.

[2] Получение взятки: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.01.2026). Ст. 290.

Так, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2023 году было зарегистрировано свыше 34,5 тыс. преступлений коррупционной направленности, из них около 10 тыс. – факты взяточничества. В суды направлено более 11 тыс. уголовных дел о коррупционных преступлениях. В Южном федеральном округе ситуация также остается напряженной: только в первом полугодии 2024 года выявлено более 2,5 тыс. преступлений данной категории, к уголовной ответственности привлечено свыше 1,2 тыс. лиц[3].

Для повышения эффективности противодействия коррупции необходимо совершенствование методов борьбы с ней по нескольким ключевым направлениям.

Первое направление касается реформирования законодательства. Представляется необходимым ужесточение санкций за коррупционные преступления в особо крупном размере. Целесообразно рассмотреть вопрос о безальтернативности назначения наказания в виде реального лишения свободы за получение взятки в особо крупном размере. Одновременно с этим, важным сдерживающим фактором могло бы стать расширение практики применения конфискации имущества не только принадлежащего осужденному, но и переоформленного на членов его семьи, а также введение пожизненного запрета на занятие должностей на государственной службе для лиц, осужденных за тяжкие коррупционные преступления [2].

Второе направление – формирование в обществе атмосферы нетерпимости к коррупции. Это требует системной работы, начиная с образовательных учреждений. Необходимо усиление антикоррупционного просвещения через проведение лекций, семинаров, конкурсов. Средства массовой информации должны играть активную роль, не просто информируя о фактах коррупции и наказании виновных, но и формируя негативный образ коррупционного поведения, популяризируя законопослушных граждан и добросовестных чиновников [4].

Третье направление – совершенствование кадровой политики и усиление контроля. Необходимо внедрение более прозрачных механизмов отбора кандидатов на службу, исключающих протекционизм, и повышение требований к морально-нравственным качествам претендентов. Важно также повышение эффективности работы комиссий по урегулированию конфликта интересов, придание их работе более публичного характера при сохранении необходимой конфиденциальности, а также усиление ведомственного контроля за достоверностью сведений о доходах и расходах служащих.

Четвертое направление – изучение и адаптация успешного зарубежного опыта. Практика таких стран, как Сингапур, Финляндия, Дания показывает, что успех в борьбе с коррупцией достигается не только репрессивными мерами, но и созданием эффективной системы предупреждения правонарушений, высокой степенью независимости судебной системы и неразрывной связью антикоррупционной политики с общим повышением качества жизни и правовой культуры населения [3].

В своем диссертационном исследовании С.Л. Алексеев на примере Республики Татарстан показывает, что механизм антикоррупционного контроля закреплен в государственных программах. Так, в республике действует программа «Реализация антикоррупционной политики Республики Татарстан на 2015–2023 годы», в положениях которой обозначен уже сложившийся механизм антикоррупционного контроля и сформулированы мероприятия, образующие в своем комплексе новый механизм. К числу сложившихся механизмов отнесены меры по координации деятельности в области противодействия коррупции, что выразилось в определении субъектного состава отношений, а также механизм государственно-общественного партнерства, подразумевающий расширение влияния институтов гражданского общества [5, с. 140–141]. Однако, как подчеркивает исследователь, реальными акторами антикоррупционного контроля остаются государственные и муниципальные органы и должностные лица с формальным общественным участием, ограниченным бюрократическими барьерами [5, с. 142].

[3] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года // Генеральная прокуратура РФ. Москва, 2024. С. 15–18.

Важной проблемой, выявленной в ходе анализа, является несовершенство методик оценки эффективности антикоррупционной деятельности. В связи с этим, по мнению С.Л. Алексеева, особого внимания заслуживает разработка рейтинговой оценки эффективности антикоррупционной деятельности органов власти [5, с. 217]. Основой такого рейтинга служит «антикоррупционный мониторинг» – инструмент измерения коррупционных проявлений в экономической сфере, их причин, основанных на наблюдении и анализе коррупции.

Таким образом, внедрение подобных рейтинговых методик представляет собой универсальное руководство по наблюдению, анализу и прогнозу коррупции и может быть применено в целях оценки эффективности антикоррупционного контроля во всех субъектах Российской Федерации. Это позволяет перейти от абстрактных призывов к конкретным, измеримым результатам работы каждого органа власти.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что, несмотря на наличие сформированной нормативно-правовой базы и реализуемых мер, существуют системные проблемы, снижающие их эффективность.

Для преодоления этих проблем необходим комплексный подход, включающий ужесточение уголовной ответственности с акцентом на неотвратимость наказания, активизацию воспитательной и просветительской работы, совершенствование кадровых процедур и контрольных механизмов, а также творческое применение лучших мировых практик. Реализация предложенных мер позволит снизить уровень коррупции, что окажет прямое положительное влияние на укрепление экономической безопасности Российской Федерации.

Библиографический список

1. Грибакина Э.Н. (2022). Многообразие форм коррупции // KANT. № 2 (43). С. 101–110.
2. Егоров В.А., Яковлев Н.А. (2016). Современный взгляд на коррупцию и методы борьбы с ее проявлением // Успехи современной науки. № 12. С. 7–10.
3. Печенкин С.В. (2019). Коррупция как социальное явление // Молодой ученый. № 5 (243). С. 258–260.
4. Хечиев Б.Б. (2017). Состояние коррупции и меры противодействия коррупции в современном обществе // Молодой ученый. № 34. С. 7–9.
5. Алексеев С.Л. (2022). Антикоррупционный контроль в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации: дис. ... д-ра экон. наук. Казань. 444 с.

Информация об авторах

Анастасия Николаевна Склярова – студент, Луганский государственный университет имени В. Даля (Российская Федерация, 291034, г. Луганск, кв-л. Молодежный, д. 20а; e-mail: sklyarova-anastasia@mail.ru)

Татьяна Николаевна Кислая – кандидат экономических наук, доцент, Луганский государственный университет имени В. Даля (Российская Федерация, 291034, г. Луганск, кв-л. Молодежный 20а; e-mail: sauertat2021@mail.ru)

Sklyarova A.N., Kislaya T.N.

COUNTERING CORRUPTION IN THE ECONOMIC SECURITY SYSTEM

Abstract. *In the system of economic security of the state, corruption occupies a special place as one of the most dangerous destabilizing factors. The article analyzes the current state of Russia's anti-corruption policy and identifies key problems that hinder effective counteraction to this phenomenon. Based on the conducted research, the author proposes directions for improving methods of combating corruption aimed at strengthening the economic security of the region and the country.*

Keywords: *economic security, anti-corruption; bribery, criminal liability.*

About the authors

Anastasia N. Sklyarova – Student, Lugansk Vladimir Dahl State University (20a, Molodyozhniy Quarter, Lugansk, 291034, Russian Federation; e-mail: sklyarova-anastasia@mail.ru)

Tatyana N. Kislaya – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Lugansk Vladimir Dahl State University (20a, Molodyozhniy Quarter, Lugansk, 291034, Russian Federation; e-mail: sauertat2021@mail.ru)

References

1. Gribakina E.N. (2022). Diversity of Forms of Corruption. *KANT*, 2(43), 101–110.
2. Egorov V.A., Yakovlev N.A. (2016). Modern View on Corruption and Methods of Combating Its Manifestations. *Successes of Modern Science*, 12, 7–10.
3. Pechenkin S.V. (2019). Corruption as a Social Phenomenon. *Young Scientist*, 5(243), 258–260.
4. Khechiev B.B. (2017). The state of corruption and measures to counter corruption in modern society. *Young scientist*, 34, 7–9.
5. Alekseev S.L. (2022). Anti-Corruption Control in the System of Ensuring the Economic Security of the Subjects of the Russian Federation: Dissertation ... Doctor of Economics. Kazan.

УДК 332.1 / ББК 65.049

Смирнова Е.В.

РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ УРАЛЬСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА: ПОТЕНЦИАЛ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВО

Аннотация. *Приводятся результаты сравнительного анализа показателей экономической активности сопредельных приграничных территорий Уральского экономического района России и Казахстана. Рассматриваются некоторые проблемы в организации их взаимодействия и потенциальные направления взаимовыгодного сотрудничества.*

Ключевые слова: *устойчивое развитие, сопредельные приграничные территории, потенциальные направления сотрудничества.*

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года отмечается высокий уровень сотрудничества с рядом стран СНГ, представляющих для России особую значимость[1]. Большое внимание уделяется приграничным государствам, в том числе Республике Казахстан, протяженность совместной границы которой составляет 7598,6 км.

Казахстан является важным политико-экономическим центром макрорегиона Центральной Азии с динамично растущим ВВП, более 20-миллионным населением, территорией в 2,7 млн кв. км и богатой минерально-сырьевой базой. Объектом исследования являются сопредельные приграничные регионы Уральского экономического района Российской Федерации и Республики Казахстан.

Содержание понятия «устойчивое развитие» в отношении объекта и предмета исследования определяется подходом, согласно которому устойчивость ассоциируется со способностью системы противостоять различным возмущениям: санкционному давлению, недопоставкам или нарушениями сроков поставок, колебаниям цен, валютных курсов и пр. Предлагается рассматривать структурную (способность системы сохранять свою целостность с учетом интересов входящих в нее субъектов) и количественную (измеряемую чувствительностью к возмущениям) [1].

Входящие в состав Уральского экономического района приграничные регионы Российской Федерации (Курганская, Оренбургская, Челябинская области) и сопредельные с ними Западно-Казахстанская, Актюбинская, Костанайская, Северо-Казахстанская области Республики Казахстан различаются по экономическому потенциалу и его функциональных составляющих.

Выбранный для сравнительного анализ временной период с 2015 по 2024 гг. завершает третье и открывает четвертое десятилетия создания и укрепления национально-государственного единства каждого из государств. Введение значительного, а в дальнейшем нарастание санкционного давления на экономику РФ, после присоединения Крыма в 2014 году, появление ограничений, связанных с ковид-19 в 2020 году, началом и ведением Специальной военной операции изменили экономическую, демографическую, миграционную и пр. ситуации и процессы, и перенаправили потоки внешней, взаимной торговли на доступные товарные рынки [2].

Сопредельные приграничные регионы Уральского экономического района (УЭР) России и Казахстана обладают совокупным демографическим потенциалом около 9 млн человек, из них 6 млн человек (67%) проживают на российской территории.

На протяжении всего анализируемого периода численность населения в регионах стабильно уменьшалась, в том числе за счет миграционного оттока. Исключение составляет незначительный прирост в Челябинской области в первые три года за счет временного увеличения числа рождений (*рис. 1*).

[1] Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024, № 4146-р.

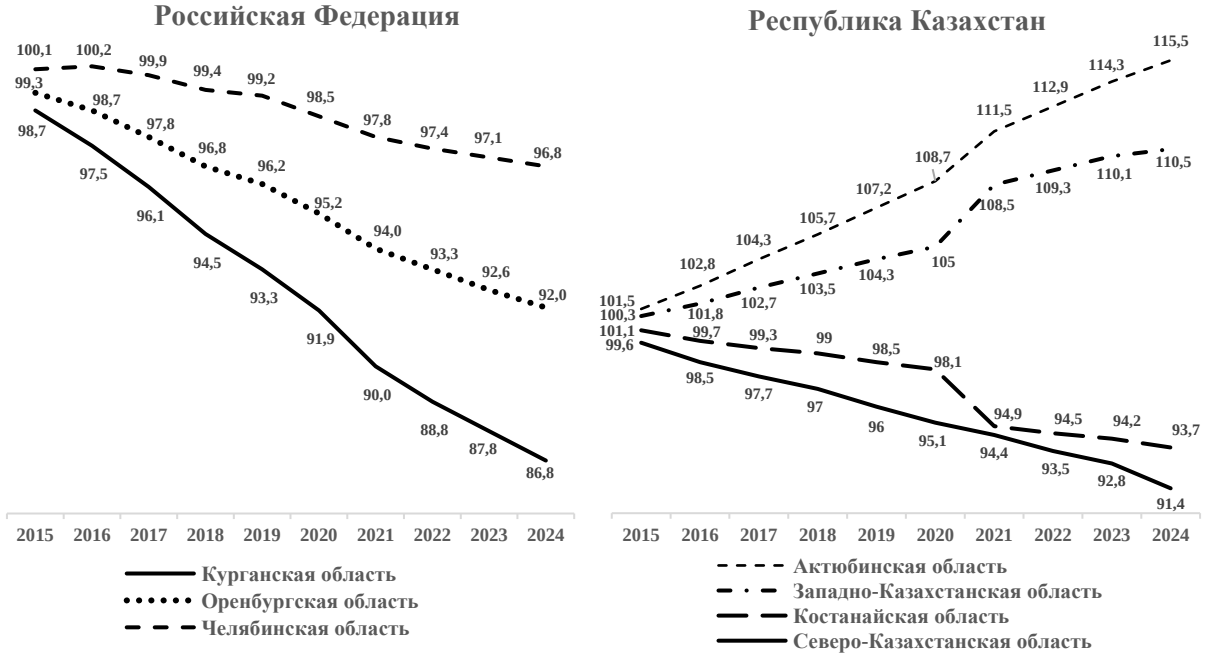

Рис. 1. **Динамика численности населения сопредельных приграничных регионов**

В казахстанских приграничных регионах наиболее приемлемая демографическая ситуация складывалась в Актюбинской и Западно-Казахстанской областях, где наблюдался естественный прирост, и, несмотря на отрицательное миграционное сальдо, численность населения возрастала.

Сложная ситуация наблюдалась в двух регионах: Северо-Казахстанской области, где в последние четыре года фиксировалась естественная убыль населения, и по той же причине в 2021–2022 гг. Костанайской области. При этом ситуация отягощалась на всем протяжении периода оттоком населения за счет внешней и внутренней миграции [3].

Плотность населения существенно влияет на показатели, характеризующие уровень экономической активности. Три приграничных региона УЭР России более, чем в 5 раз превышают плотность населения в сравнении с сопредельными территориями Казахстана (21 и 4 чел/км^2 соответственно).

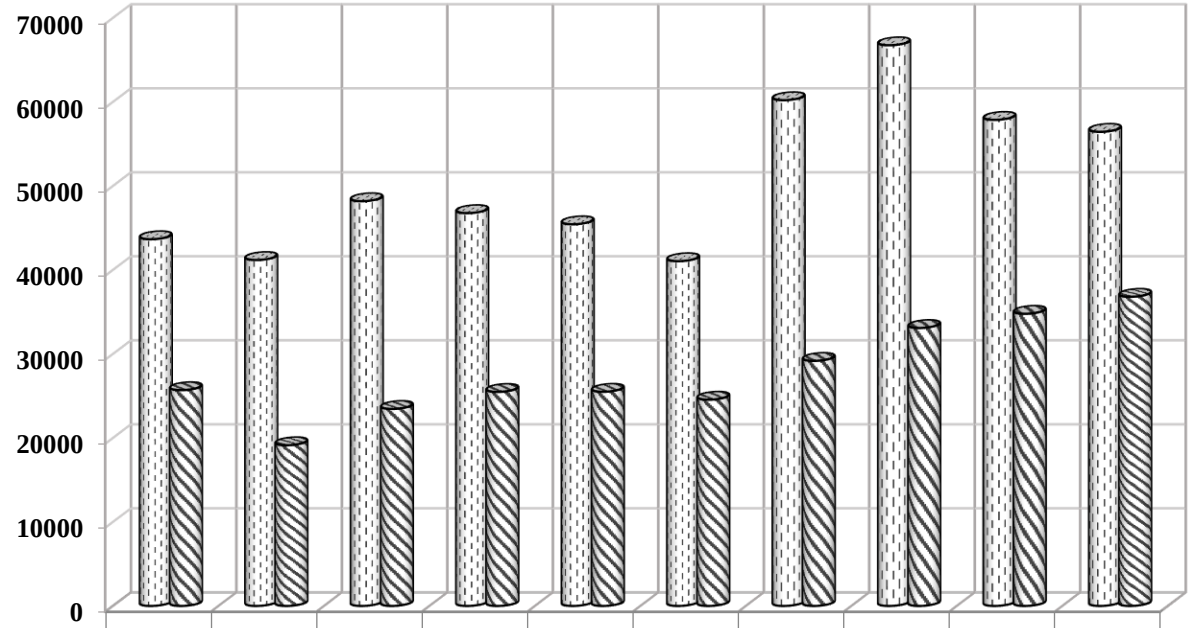
Вклад регионов в национальные экономики определяется долей каждого из них в суммарном валовом региональном продукте (ВРП). Динамика показателя приграничных регионов Уральского экономического района Российской Федерации за десятилетний период характеризуется снижением значения на 0,4 п. п., до уровня 2,9%. Среднее значение за период составило 3,1%. Лидером является Челябинская область, что напрямую зависит от размера имеющегося существенного организационно-экономического потенциала его как субъекта экономики[2].

Прилегающие четыре приграничных региона Республики Казахстан в совокупности вкладывают в национальную экономику в среднем 14,3%. За анализируемый период значение показателя снизилось на 2,1 п. п. Наиболее успешными были Актюбинская и Западно-Казахстанская области, имеющие средние значения показателей на уровне 4,3%[3]. Регионы специализируются на добыче углеводородов, обладают весомым промышленным потенциалом. Существующее положение в долевом соотношении валового регионального продукта определяется, в том числе излишней зацентрализованностью управления национальными экономиками и, как следствие, процессами трансрегионализации.

[2] Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/10705 (дата обращения: 05.05.2026).

[3] Бюро национальной статистики Казахстана Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://stat.gov.kz/ru (дата обращения: 07.05.2026).

На *рис. 2* отражена динамика суммарных показателей валового регионального продукта (ВРП) сопредельных приграничных регионов Уральского экономического района России и Казахстана, наглядно представляющая три периода трансформации в национальных экономиках. Начало периодов связано с событиями политического и организационного характера, послуживших триггерами для ряда изменений.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Σ РФ	43647	41175	48176	46758	45430	41035	60201	66737	57856	56434
Σ РК	25682	19126	23447	25472	25486	24548	29167	33081	34772	36795

- Σ РФ – ВРП приграничных регионов Уральского экономического района РФ, млндолл.
- Σ РК – ВРП сопредельных регионов РК, млндолл.

Рис. 2. **Суммарный валовой региональный продукт сопредельных приграничных регионов Уральского экономического района России (РФ) и Казахстана (РК)**

Начиная с базового 2014 года снижение ВРП и дальнейшее его продолжение в последующие 2015–2016 гг., были вызвано валютным кризисом, последствием которого стало резкое ослабление рубля по отношению к иностранным валютам. Причинами являлись: внезапное снижение мировых цен на нефть, от экспорта которой во многом зависит доходная часть государственного бюджета, а также последующим введением экономических санкций в отношении России. В Казахстане, начиная с 2016 года, несмотря на устойчивый рост показателя ВРП на душу населения в национальной валюте, на оценку показателя в долларах США приграничных регионов повлиял курс валюты, устанавливаемый Национальным банком. Рост ВРП в приграничных регионах с 2020 года продолжили в Казахстане на фоне снижения его с 2022 года в России.

Превысить значение показателя ВРП на душу населения в базовом 2014 году приграничные регионы Уральского экономического района России достигли: Оренбургская и Челябинская области в 2021 году, Курганская область в 2022 году. В Республике Казахстан только две (Северо-Казахстанская и Костанайская области) из четырех областей в 2021 и 2023 гг. соответственно. Лидерами в 2024 году в российском приграничье Урала стали Оренбургская область – 12271 долл., в казахстанском приграничье – 14482 долл., специализирующие на добычи углеводородов. Сравнение приграничных регионов России и Казахстана демонстрирует разницу в значениях показателя ВРП на душу населения с определенным доминированием в отличие от разницы в значениях показателя валового регионального продукта. Одна из причин – низкая плотность населения в Казахстанском приграничье.

Нестабильность в национальных экономиках не способствует устойчивому развитию приграничных регионов, несущих дополнительную нагрузку, связанную с выполнением функций, обеспечивающих территориальную целостность и безопасность государств.

Решение проблем, возникающих в российско-казахстанском приграничье, видится в формировании механизма взаимовыгодного сотрудничества. Целью приграничного сотрудничества является максимизация доходов/прибыли от приграничного положения и минимизация воздействия его слабых мест на экономическую выгоду партнеров и стейкхолдеров [3].

Доминирующее направление сотрудничества приграничных регионов Уральского экономического района России и Казахстана торгово-экономическое. Оно строится в форме установления прямых контактов между хозяйствующими субъектами.

Из четырех приграничных регионов за десять лет наибольший внешнеторговый оборот с Российской Федерацией был достигнут Костанайской областью (14090 млн долл.), с незначительным превышением доли импорта (52%) над экспортом (48%). Являясь лидером по экспорту железной руды, из области также экспортировались: продукция мукомольной промышленности, стальные прутки, оксид алюминия, семена льна и подсолнечника, бобовые овощи, ячмень, кукуруза.

Для российских приграничных регионов Казахстан, как и Россия для Казахстана, является самым крупным внешнеторговым партнером. Например, в Оренбургской области по итогам 2023 года доля внешней торговли составила 21,7%, Челябинской – 25%. Как показывают результаты анализа внешней торговли приграничных регионов с Казахстаном, как правило, экспорт превышает над импортом.

Переориентация экономических связей с запада на восток привела к разрыву ранее стабильных логистических цепочек, увеличению расстояния перевозок и, как следствие, рост транспортно-логистических издержек и нагрузки на транспортную инфраструктуру. В этих условиях повышение эффективности перевозок на всей транспортной сети становится приоритетом для транспортной отрасли.

Для дальнейшего развития внешней, взаимной торговли необходима модернизация инфраструктуры приграничных регионов. На это направлен, в том числе, совместный проект ускоренной доставки грузов скоростными контейнерными поездами по маршруту Китай–Европа–Китай через станцию Илецк I в Оренбургской области.

Строительство транспортно-логистического комплекса «Южноуральский» в Челябинской области, транспортно-логистического терминала «Шелковый путь» в Оренбургской области, которые совместно с транспортно-логистическим узлом в Актюбинской области Казахстана, будут включены в Центральный автотранспортный и железнодорожный Евразийский коридор, предназначено для усиления транспортной системы за счет удобного расположения вблизи международных транспортных коридоров, в том числе направления «Север–Юг».

Важным направлением сотрудничества должен стать рост числа совместных российско-казахстанских предприятий. В настоящее время их более 50 в Оренбургской области и 130 в Челябинской. В качестве механизма реализации необходимо использовать расширение комплекса инструментов льготного режима предпринимательской деятельности на территории особых экономических зон. Это позволит в процессе сотрудничества создавать взаимовыгодные совместные проекты в сфере экономики, образования и социально-значимых областях, способствовать развитию межрегиональной промышленной кооперации.

Развитие туризма в приграничных регионах с туристической специализацией определяется с учетом текущей востребованности данного направления сотрудничества. По информации Росстата, Оренбургскую область в 2024 году посетили более 793,6 тыс. туристов. Туристский поток в регион увеличился на 27,2% по сравнению с предыдущим годом. Туристы из Казахстана в основном были представлены приграничными регионами. Туризм торговой направленности решает определенные задачи социального характера с целью приобретения товаров по выгодным ценам и/или более широкого ассортимента. Как правило, он является взаимным. Развитие туризма в приграничных регионах представляется возможным с вложением средств в улучшение сервиса, обновлением номенклатурного ряда оказываемых услуг и их качества.

Дальнейшее развитие взаимовыгодного сотрудничества между приграничными регионами Казахстана и России окажет положительное влияние на общественно-политическую ситуацию в регионе и будет способствовать их устойчивому развитию.

Библиографический список

1. Шеметов П.В., Руди Л.Ю., Мамонов В.И. (2012). Разработка показателей связанности структурной и количественной устойчивости отраслевой системы на основе матричных балансовых моделей // Вестник НГУЭУ. № 2. С. 100–104.
2. Смирнова Е.В. (2025). Уровень жизни населения регионов российско-казахстанского пограничья Уральского экономического района // Экономические и гуманитарные науки. № 10 (405). С. 66–84. DOI: 10.33979/2073-7424-2025-405-10-66-84
3. Карпенко М.С., Себенцов А.Б. (2022). Демографические и социокультурные вызовы приграничному сотрудничеству на российско-казахстанской границе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. № 67 (3). С. 454–474.

Информация об авторе

Смирнова Елена Викторовна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Оренбургский филиал Института экономики УрО РАН (Российская Федерация, 460000, г. Оренбург, ул. Пионерская, д. 11; e-mail: uadsev@mail.ru)

Smirnova E.V.

THE RUSSIAN-KAZAKHSTAN BORDERLAND OF THE URAL ECONOMIC REGION: POTENTIAL FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND COOPERATION

Abstract. *The results of a comparative analysis of economic activity indicators of the adjacent border territories of the Ural Economic Region of Russia and Kazakhstan are presented. Some problems in the organization of their interaction and potential areas of mutually beneficial cooperation are considered.*

Keywords*: sustainable development, adjacent border territories, potential areas of cooperation.*

About the author

Elena V. Smirnova – Doctor of Sciences (Economics), Senior Researcher, Orenburg Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (11, Pionerskaya Street, Orenburg, 460000, Russian Federation: e-mail: uadsev@mail.ru)

References

1. Shemetov P.V., Rudy L.Yu., Mamonov V.I. (2012). Development of Indicators of Structural and Quantitative Stability of an Industry System Based on Matrix Balance Models. *Vestnik NSUEM*, 2, 100–104.
2. Smirnova E.V. (2025). The standard of living of the population of the Russian-Kazakh border regions of the Ural economic district, *Economic and humanitarian sciences*, 10(405), 66–84. DOI: 10.33979/2073-7424-2025-405-10-66-84
3. Karpenko M.S., Sebentsov A.B. (2022). Demographic and Sociocultural Challenges to Cross-Border Cooperation on the Russian-Kazakh Border. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 67(3), 454–474.

УДК 332.1; 316.334.52 / ББК 65.040

Соловьева Т.С.

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ЛОКАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. *В работе актуализируются вопросы привлекательности локальных территорий в контексте устойчивого развития. Рассматриваются ключевые привлекательные и непривлекательные черты населенных пунктов и отношение к ним населения на примере Вологодской области в ракурсе агломерационного подхода*.

Ключевые слова: *устойчивое развитие, локальные территории, привлекательность, отношение к территории, агломерационный подход*.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10168, https://rscf.ru/project/24-78-10168.

Вопросы устойчивого развития являются актуальными для территории любого масштаба, поскольку достижение целей в этой области должно обеспечить баланс между экономическим ростом, социальным и экологическим благополучием[1]. Данная повестка представляется весьма значимой и для Российской Федерации в контексте достижения национальных целей, связанных с сохранением населения, устойчивой и динамичной экономикой, экологическим благополучием, комфортной и безопасной средой для жизни[2]. При этом, признавая важность федерального и регионального уровня в решении этих вопросов, целесообразно отметить значение локального фокуса, так как именно здесь устойчивое развитие переходит из абстрактной цели в плоскость качества жизни в конкретном населенном пункте, от уровня которого зависит не только привлечение трудовых и экономических ресурсов, но и идентификация населения с местом проживания и принятие решений о миграции. В этой связи большое значение может приобретать оценка субъективных представлений о привлекательных и непривлекательных чертах населенных пунктов, что позволяет не только выявить реальные «болевые точки» и конкурентные преимущества территорий, но и обеспечить эмпирическую основу для разработки дифференцированных управленческих решений, направленных на сбалансированное пространственное развитие и повышение качества жизни людей.

Цель исследования заключалась в выявлении и количественной оценке различий в структуре черт, определяющих привлекательность или непривлекательность локальных территорий. Под локальными территориями в данном случае понимались населенные пункты (город, село, деревня и т. д.). При этом учитывалась принадлежность населенного пункта к определенной группе территорий на основе агломерационного подхода, предполагающего изучение регионального пространства с позиции расположения локальных территорий относительно полюсов развития, а именно ядер агломераций [1]. В этой связи мы выделяем ядра агломераций (Вологда и Череповец); муниципальные образования, непосредственно входящие в агломерационную зону; ближайшее агломерационное окружение (имеющие общую границу с агломерационной зоной или расположенные от нее через одно муниципальное образование (соседи I и II порядка)); городскую (муниципальные образования с преобладанием городского населения) и сельскую (муниципальные образования с преобладанием сельского населения) периферию. Информационную базу исследования составили данные социологического опроса «Экосистемы устойчивого развития территорий», проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2025 году (N = 1500, выборка квотная, стратифицированная с ошибкой не больше 5% на уровне региона). Для описания результатов использовался кросс-табуляционный анализ, для обоснования значимости территориального фактора в восприятии населенного пункта – критерии χ^2, V Крамера.

[1] 17 Goals to Transform Our World // United Nations. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ (дата обращения: 07.05.2025).

[2] Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Администрация Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 07.05.2025).

Среди наиболее привлекательных черт локальных территорий чаще всего респонденты отмечали безопасность жизни (42%), благоприятную экологическую обстановку (38%), близость к крупным развитым центрам (32%), более лучшую жизнь, чем в соседних населенных пунктах (29) и хорошее благоустройство (28%; *табл. 1*). Менее распространены такие позитивные характеристики, как: хорошо развитая экономика (8%), широкие возможности для работы (7%) и возможность получить качественное профессиональное образование (7%). При этом территориальная принадлежность локальной территории во многом определяет оценку привлекательности практически по всем аспектам ($p < 0{,}001$, V Крамера часто превышает 0,3). Наиболее заметные различия наблюдаются для экологической обстановки ($\chi^2 = 659$; $df = 5$; $p < 0{,}001$; $V = 0{,}663$): почти все жители ближайшего агломерационного окружения (99%) и 78% населения агломерационной зоны считают ее благоприятной, в то время как в Череповце доля таких оценок всего 1,5%. С точки зрения безопасности жизни также видны большие различия ($\chi^2 = 575$; $df = 5$; $p < 0{,}001$; $V = 0{,}619$). Так, жители агломерационной зоны и ближайшего агломерационного окружения практически единогласно назвали данный фактор привлекательным (92 и 97% соответственно). Другой стороны, в ядрах агломераций подобного мнения придерживается только каждый пятый житель.

Таблица 1. **Привлекательные черты населенных пунктов различных типов территорий,** % опрошенных

Черта	ЯАВ	ЯАЧ	АЗ	БАО	ГП	СП	Всего
Безопасность жизни, низкий уровень преступности	19,7	17,9	91,6	97,4	39,6	43,9	42,0
Благоприятная экологическая обстановка	23,0	1,5	77,7	99,4	43,4	53,2	38,3
Близость к крупным развитым центрам	41,7	34,8	58,4	18,1	16,5	0,7	32,3
Здесь люди живут лучше, чем в соседних населенных пунктах	23,5	56,8	26,7	5,2	26,4	2,9	29,3
Хорошее благоустройство территории, чистота	21,0	29,8	57,9	1,9	17,9	48,2	28,4
Развитая социальная инфраструктура (больницы, детские сады, школы, кинотеатры и т. д.)	39,1	43,4	3,5	2,6	15,1	1,4	24,8
Много возможностей для культурного отдыха и досуга	37,1	31,8	28,2	0,6	12,3	1,4	23,9
Комфортное жилье (коммуникации, парковка и т. д.)	15,2	26,0	3,5	9,7	10,8	29,5	16,6
Перспективность для жизни	13,9	14,9	7,9	0,0	12,7	0,0	10,5
Относительно высокие зарплаты	3,0	19,9	17,3	0,0	1,4	0,7	8,7
Хорошо развитая экономика	2,8	18,4	9,4	0,0	4,7	0,0	7,5
Широкие возможности для поиска работы	6,8	14,9	5,9	0,0	5,2	0,0	7,3
Возможность получить качественное профессиональное образование	12,9	11,1	1,0	0,0	6,1	0,0	7,3
Другое	1,5	0,3	0,0	0,6	0,0	0,0	0,5

Примечание: здесь и далее ЯАВ – ядро агломерации Вологда, ЯАЧ – ядро агломерации Череповец, АЗ – агломерационная зона, БАО – ближайшее агломерационное окружение, ГП – городская периферия, СП – сельская периферия.
Источник: здесь и далее данные социологического опроса населения Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2025 году.

В качестве ключевых непривлекательных характеристик локальных территорий наиболее часто отмечались невысокие зарплаты (45%), отсутствие широких возможностей для работы (35%), невозможность получить качественное профессиональное образование и упадок экономики (27 и 26% соответственно; *табл. 2*). Реже всего в данном отношении упоминались небезопасность жизни (9%) и некомфортное жилье (5%). В этом контексте также фиксируется значимая дифференциация большинства непривлекательных черт в зависимости от того, где расположен населенный пункт ($p < 0{,}001$, V Крамера почти всегда выше 0,3). Кроме того, те факторы, которые обычно являются априори значимыми для привлекательности территории, например уровень зарплат и возможности для работы, на практике имеют различное значение для отдельных зон.

Так, в плане заработных плат (χ^2 = 409; df = 5; p < 0,001; V = 0,304) оценка их уровня как низкого наиболее характерна для ближайшего агломерационного окружения (95%), г. Вологды (65%) и сельской периферии (50%). Отсутствие возможностей для работы (χ^2 = 90; df = 5; p < 0,001; V = 0,245) представляет собой одну из ключевых негативных черт для населенных пунктов, расположенных в зоне городской периферии (54%), ближайшего агломерационного окружения (41%) и сельской периферии (40%). Наиболее значимые различия наблюдаются по таким характеристикам как плохая экологическая обстановка (χ^2=720; df = 5; p < 0,001; V = 0,693) и небезопасность для жизни территории (χ^2 = 97; df = 5; p < 0,001; V = 0,619), что согласуется с различиями в оценке привлекательных сторон.

Таблица 2. **Непривлекательные черты населенных пунктов различных типов территорий,** % опрошенных

Черта	ЯАВ	ЯАЧ	АЗ	БАО	ГП	СП	Всего
Относительно низкие зарплаты	64,4	27,8	3,0	94,8	42,0	49,6	45,1
Мало возможностей для поиска работы	39,6	27,3	13,9	40,6	53,8	39,6	35,0
Невозможность получить качественное профессиональное образование	18,9	21,7	6,9	45,2	45,3	40,3	26,5
Упадок экономики	39,9	15,4	10,9	45,2	33,0	8,6	26,2
Плохая экологическая обстановка	13,9	74,7	0,0	0,0	12,7	1,4	25,3
Мало возможностей для культурного отдыха и досуга	11,1	13,4	16,3	20,0	36,3	71,9	22,5
Неразвитость социальной инфраструктуры (больницы, детские сады, школы, кинотеатры и т. д.)	11,1	7,1	10,9	41,3	37,3	47,5	20,2
Удаленность от крупных развитых центров	10,6	7,8	15,8	66,5	32,1	14,4	19,7
Здесь жизнь заглохла	16,4	3,3	15,3	48,4	41,5	7,2	18,8
Плохое благоустройство территории, мусор	17,9	21,0	0,5	12,3	22,6	0,0	14,8
Здесь люди живут хуже, чем в соседних населенных пунктах	19,9	1,5	0,0	7,1	28,8	0,7	10,5
Небезопасность жизни, высокая преступность	8,6	19,7	0,0	0,0	9,0	2,9	9,0
Некомфортное жилье (например, нет коммуникаций)	6,8	1,3	0,0	1,9	16,5	2,9	4,9
Другое	0,0	0,8	0,0	0,6	0,0	0,0%	0,4

В результате можно сделать вывод, что каждая территориальная зона имеет свой профиль привлекательности (*табл. 3*). Город Вологда, по мнению населения, привлекателен близостью к развитым центрам, развитой социальной инфраструктурой и возможностями для досуга, а «точками роста» в данном направлении могут быть рост уровня зарплат, развитие экономики и возможностей для работы. В Череповце, напротив, эти проблемы переходят в позитивные черты, а главным отталкивающим фактором является плохая экология. Населенные пункты агломерационной зоны характеризуются хорошей экологией, безопасностью и благоустройством, но имеют мало возможностей для досуга. Локальные территории ближайшего агломерационного окружения также привлекают хорошей экологией и безопасностью при обратном влиянии низкого уровня зарплат, удаленности от развитых центров и в целом заглохшей жизни. В городской периферии жители чаще с позитивной стороны отмечали экологическую обстановку, безопасность и благоустройство, с негативной – отсутствие возможностей для работы и получения качественного образования. Сельская периферия также отличается хорошей экологией, безопасностью для жизни и относительно комфортным жильем, но низкими зарплатами и возможностями для досуга и неразвитостью социальной инфраструктуры.

Таблица 3. **Профили привлекательности различных типов территорий**

Тип территории	Ключевые привлекательные черты (доля, %)	«Точки роста» – ключевые непривлекательные черты (доля, %)
ЯАВ (Вологда)	Социальная инфраструктура (39,1), возможности досуга (37,1), близость к развитым центрам (41,7)	Низкий уровень зарплат (64%), упадок экономики и мало возможностей для работы (40%)
ЯАЧ (Череповец)	Возможности для работы (56,8), социальная инфраструктура (43,4), относительно высокие зарплаты (19,9)	Плохая экология (75%)
АЗ	Хорошая экология (77,7), безопасность (91,6), благоустройство (57,9), близость к развитым центрам (58,4)	Мало возможностей для досуга (16%)
БАО	Хорошая экология (99,4), безопасность (97,4)	Низкий уровень зарплат (95%), удаленность от крупных центров (67%), заглохшая жизнь (48%)
ГП	Хорошая экология (43,4), безопасность (39,6), благоустройство (17,9)	Мало возможностей для работы (54%), невозможность получить качественное профессиональное образование (45%)
СП	Хорошая экология (53,2), безопасность (43,9), комфортное жилье (29,5)	Мало возможностей для досуга (72%), низкий уровень зарплат (50%), неразвитость социальной инфраструктуры (48%)

Комбинация привлекательных и непривлекательных характеристик локальных территорий может во многом определять отношение жителей к населенному пункту и формировать миграционные настроения. В целом, в той или иной степени довольны проживанием в своем населенном пункте порядка 65% опрошенных (*табл. 4*). Еще 14% не испытывают по этому поводу никаких чувств, а 8% отмечают, что им не нравится жить там, но они просто привыкли и ничего не хотят менять. При этом имеются значимые различия в отношении к территории проживания в зависимости от ее расположения ($\chi^2 = 611$; $df = 25$; $p < 0{,}001$; $V = 0{,}285$). То есть отношение людей к месту жительства не случайно – оно зависит от того, где они живут. Однако сила связи является средней, что говорит о том, что территория проживания выступает значимым, но не единственным фактором, формирующим отношение к населенному пункту (на него могут оказывать влияние и иные аспекты, например возраст, сколько лет человек здесь живет и др.). Так, большая часть жителей агломерационной зона (67%) рады, что живут именно в данном населенном пункте, в то время как в ближайшем агломерационном окружении таковых только 11%. Однако в последней 81% населения хотя и довольны этим, но многое их не устраивает. В сельской периферии наибольшее представительство индифферентных жителей (30%), а в городской – тех, кто недоволен местом проживания, но не хочет уезжать (18%). Необходимо отметить, что при значительной доле удовлетворенных проживанием в агломерационной зоне, там же зафиксирован наибольший удельный вес склонных к миграции (28%). Возможно, это связано с менее широкими возможностями для поиска работы и получения качественного профессионального образования: данные позиции реже всего указывались в качестве привлекательных черт.

Таблица 4. **Отношение к населенному пункту в различных типах территорий,** % опрошенных

Вариант ответа	ЯАВ	ЯАЧ	АЗ	БАО	ГП	СП	Всего
Я рад(а), что живу здесь	31,1	32,6	67,3	11,0	25,5	26,6	33,1
В целом я доволен(льна), но многое не устраивает	32,6	38,4	0,5	80,6	23,6	11,5	31,5
Не испытываю особых чувств по этому поводу	14,6	10,9	1,5	3,9	24,1	30,2	13,5
Мне не нравится жить здесь, но я привык(ла) и не собираюсь уезжать	6,6	11,1	1,5	1,3	17,9	6,5	8,1
Хотел(а) бы уехать в другой населенный пункт Вологодской области, город России, из России	7,1	5,1	28,2	1,3	6,6	8,6	8,9
Затрудняюсь ответить	8,1	2,0	1,0	1,9	2,4	16,5	4,9

Таким образом, можно констатировать, что оценка привлекательности локальных территорий населением во многом определяется их положением относительно крупных развитых центров региона. Ключевыми драйверами позитивного восприятия при этом являются безопасность, экологическое благополучие и близость к крупным центрам, а основными барьерами – низкие зарплаты, ограниченные возможности трудоустройства и дефицит социальной инфраструктуры. При этом каждая из рассмотренных зон (от ядер агломераций до сельской периферии) характеризуется своим профилем привлекательности и непривлекательности, что требует адресных управленческих решений. Выявленная взаимосвязь между сочетанием позитивных и негативных аспектов, отношением жителей к месту проживания и расположением территории подтверждает, что локальный фокус является значимым условием для разработки эффективной политики пространственного развития, направленной на повышение качества жизни и закрепление населения на локальных территориях.

Библиографический список

1. Попов А.В., Соловьева Т.С., Короленко А.В., Груздева М.А. (2024). Города и сельская периферия современной России: ключевые тенденции и риски трансформации занятости в ракурсе пространственного развития территорий: монография. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 228 с.

Информация об авторе

Татьяна Сергеевна Соловьева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: solo_86@list.ru)

Soloveva T.S.

THE ATTRACTIVENESS OF LOCAL TERRITORIES IN POPULATION ESTIMATES

Abstract. *The article discusses the issues of the attractiveness of local areas in the context of sustainable development. The key attractive and unattractive features of settlements and the attitude of the population towards them are examined using the example of the Vologda Oblast through the lens of an agglomeration approach.*

Keywords: *sustainable development, local territories, attractiveness, attitude to the territory, agglomeration approach.*

About the author

Tatiana S. Soloveva – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: solo_86@list.ru)

References

1. Popov A.V., Soloveva T.S., Korolenko A.V., Gruzdeva M.A. (2024). Cities and Rural Periphery of Modern Russia: Key Trends and Risks of Employment Transformation from the Perspective of Spatial Development of Territories. Vologda: VolRC RAS.

УДК 504.7 / ББК 65.26

Спирягин В.И.

РОЛЬ ПРИБРЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ В РАЗНООБРАЗИИ ПИТАНИЯ МОРСКОЙ АВИАФАУНЫ

Аннотация. *Прибрежные земли играют ключевую роль в разнообразии питания морской авиафауны (морских птиц), так как они служат зонами концентрации пищи, местами гнездования и важными экосистемными узлами, где пересекаются трофические цепи суши и моря. Эти земли обеспечивают птиц разнообразными кормовыми ресурсами, что способствует поддержанию видового разнообразия и популяционной устойчивости, что важно учитывать при поддержке сельского хозяйства и рыбопромысловой деятельности.*

Ключевые слова: *роль, факторы, разнообразие, экология, питание, экономика, земли*.

Роль прибрежных земель в разнообразии питания морской биоты обычно недооценивается при осуществлении финансовой поддержки рыболовству и сельскому хозяйству на этих землях. Причина – нет хозяйственных оценок концентрации пищи в прибрежной зоне. Прибрежные воды часто характеризуются высокой биологической продуктивностью по сравнению с открытым океаном. Это связано с несколькими факторами: а) взаимодействие приливных процессов и речного стока создает зоны перемешивания и удержания питательных веществ. Это повышает первичную продуктивность, привлекает зоопланктон, а за ним – рыбу, что делает такие области важными кормовыми объектами для морских птиц; б) выбросы гидробионтов на берег, когда сильный ветер или течения могут переносить пелагических организмов (например, веслоногих ракообразных) к берегу. Такие скопления становятся легкодоступным и калорийным кормом для птиц. Например, на Командорских островах моевки и серо-крылые чайки массово собирались у берега при появлении пищи в выбросах; в) изменение состояния нерестилищ и путей миграции рыбы, поскольку многие колонии морских птиц располагаются вблизи нерестилищ пелагических и донных видов рыб (мойвы, сайки, сельди, трески и др.) и путей дрейфа молоди. Это позволяет птицам добывать пищу с минимальными энергетическими затратами.

Разнообразие кормовых стратегий поддерживается природой и человеком посредством прибрежных земель и различных стратегий питания морских птиц: а) питанием с поверхности. Многие птицы (буревестники, фрегаты, чайки) добывают пищу, опуская голову в воду. В прибрежной зоне морские течения часто концентрируют криль, рыбу, кальмаров и других организмов у поверхности; б) нырянием. Пингвины, олуши и другие виды погружаются под воду для охоты. Прибрежные воды с относительно низкой мутностью улучшают видимость добычи, что повышает эффективность охоты; в) использованием отходов рыболовства. Некоторые птицы (например, олуши и буревестники) питаются отбросами от рыболовства, что особенно важно в периоды нехватки естественной пищи.

Распределение морских птиц часто коррелирует с наличием корма в прибрежной зоне. Например, в Баренцевом море численность кайр и глупышей напрямую связана с наличием стайных пелагических рыб (мойвы и сайки), Места гнездования часто приурочены к районам с высокой кормовой базой. Это позволяет птицам минимизировать затраты энергии на поиск пищи.

К дополнительным факторам причисляют стабильность условий и влияние птичьего помета. Прибрежные земли могут предоставлять более предсказуемые условия для кормления по сравнению с открытым морем, что важно для успешного размножения и выживания птиц. Помет птиц обогащает прибрежные почвы и воду биогенными элементами (азотом, фосфором), что может стимулировать рост фитопланктона и, следовательно, зоопланктона как основы пищевой цепи для многих морских птиц. Однако избыток может привести к деградации растительности и изменению местных экосистем.

К антропогенному воздействию относят хозяйственную деятельность человека (загрязнение, чрезмерный вылов рыбы, освоение прибрежных районов) негативно влияет на прибрежные экосистемы и, как следствие, на питание морской авиафауны. Например, рыболовство может сокращать кормовую базу, а гибель птиц в рыболовных снастях (тралы, ярусные снасти) приводит к снижению популяций.

Прибрежные земли выступают критически важными зонами, которые определяют разнообразие питания морских птиц и их способность адаптироваться к изменениям окружающей среды. Сохранение этих территорий имеет ключевое значение для поддержания биоразнообразия морской авиафауны. Прибрежные территории играют ключевую роль в разнообразии питания морской авиафауны (морских птиц) благодаря уникальным экологическим условиям и концентрации пищевых ресурсов. Эти зоны являются контактными зонами, где пересекаются трофические цепи суши и моря, что создает особые возможности для кормления птиц.

Концентрация пищевых ресурсов наблюдается в прибрежных зонах, где часто наблюдается высокая биопродуктивность. Это связано с несколькими факторами.

а) Привнос питательных веществ с суши. Реки и стоки приносят в прибрежные воды органические и минеральные вещества, которые стимулируют рост фитопланктона – основы пищевой цепи. Это, в свою очередь, привлекает зоопланктон, мелких рыб и других беспозвоночных, которыми питаются морские птицы.

б) Гидродинамические процессы. Прибрежные зоны часто характеризуются сложными течениями, апвеллингом (подъемом глубинных вод) и перемешиванием вод. Эти процессы концентрируют пищу у берега, создавая «пищевые ловушки» для птиц.

в) Наличие мелководий и литоральных зон. Мелководья и отмели как места массового скопления бентосных организмов (двустворчатых моллюсков, ракообразных, червей), которые служат кормом для многих видов птиц. В отлив птицы могут добывать пищу непосредственно на обнажившемся дне. В качестве примеров питания морских птиц в прибрежных зонах по на копеподы (веслоногие ракообразные). Они привлекают массовые скопления морских птиц, моевок и чаек, которые питались этими ракообразными. Для птиц такие скопления становились легкодоступным и калорийным кормовым объектом. Многие морские птицы (чайки, альбатросы, буревестники) охотятся на рыбу и криль, которые часто концентрируются в прибрежных зонах благодаря течениям и наличию кормовой базы. Птицы, такие как кулики и некоторые виды чаек, добывают пищу в приливных зонах, питаясь моллюсками, ракообразными и червями, которых находят в грунте или на обнажившемся дне.

В связи с этим различают модели адаптации и стратегии питания. Морские птицы развили различные стратегии добычи пищи в прибрежных зонах: питание на поверхности воды, ныряние, использование приливно-отливных зон. Птицы, такие как кулики, активно кормятся в литоральной зоне во время отлива, когда обнажается дно с обилием бентосных организмов.

К факторам и условиям, влияющих на доступность пищи, относят погодные условия (ветер, течения и штормы могут как концентрировать пищу у берега, так и уносить ее в открытое море), сезонные изменения (миграции рыб, нерест, цветение водорослей сезонно влияют на доступность корма), антропогенное воздействие (загрязнение земель, чрезмерный вылов рыбы, разрушение прибрежных экосистем (например, водно-болотных угодий) сокращают кормовую базу морских птиц).

Финансовая поддержка прибрежных земель и перераспределение поддержки в рыбопромысловой деятельности и сельском хозяйстве имеют значение для сохранения биоразнообразия. Прибрежные зоны поддерживают разнообразие видов морской авиафауны, так как разные птицы специализируются на разных типах корма и способах его добычи. Потеря этих экосистем может привести к сокращению популяций и исчезновению некоторых видов.

Таким образом, прибрежные территории выступают критически важными «пищевыми хабами» для морских птиц, обеспечивая их выживание и разнообразие за счет концентрации ресурсов, созданных взаимодействием морских и наземных экосистем.

Информация об авторе

Василий Игоревич Спирягин – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: economic@iespn.komisc.ru)

Spiryagin V.I.

THE ROLE OF COASTAL LANDS IN THE DIVERSITY OF MARINE AVIAFAUNA NUTRITION

Abstract. *Coastal lands play a key role in the diversity of marine avifauna (seabirds) nutrition, as they serve as food concentration zones, nesting sites, and important ecosystem nodes where the trophic chains of land and sea intersect. These lands provide birds with a variety of food resources, which contributes to maintaining species diversity and population stability, which is important to consider when supporting agriculture and fishing activities.*

Keywords: *role, factors, diversity, ecology, nutrition, economy, lands.*

About the author

Vasily I. Spiryagin – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, ISEiEPS FIT Komi Scientific Research Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: economic@iespn.komisc.ru)

УДК 336.2 / ББК 65.03

Трофимова Я.В.

ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНА РУР)

Аннотация. *К началу XX в. Рур начинает приобретает отдельные черты старопромышленного региона. Предпосылкой служит присоединение Эльзас-Лотарингии к Германской империи. Приращение территорий расширяет минерально-сырьевую базу, способствуя обеспечению экономической устойчивости страны, но одновременно приводит к стихийной (рыночной) интеграции с новыми территориями, закончившейся сокращением и деформацией производственного потенциала региона.*

Ключевые слова: *интеграция, старопромышленный регион, угольная отрасль, концентрация*.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00576-26-00 на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов.

Старопромышленные регионы характерны для России, Китая, США, стран Европы. Старопромышленные регионы – территории, ранее успешные, но в силу различных причин оказавшиеся в экономическом упадке. Они отличаются доминированием крупных производств традиционных отраслей (горнодобывающая, химическая, сталелитейная, текстильная промышленности и т. д.) с устаревшей технологией и инфраструктурой; сокращающимися производственными мощностями, растущей миграцией, проблемами с имиджем, экологией и т. д. По состоянию на 2022 год, из 89 субъектов Российской Федерации 41 регион по своим характеристикам уже относится к старопромышленным [3, с. 49]. Факторами трансформации региона могут быть уязвимость региона к изменениям в международном разделении труда [5]; потеря колоний и политика протекционизма [6]; упадок производства в результате иностранной конкуренции или переноса предприятий в развивающиеся страны [7]; структурные проблемы в экономике региона [4] и т. д.

Попытаемся ответить на вопрос: была ли интеграция одной из причин начала трансформации индустриального Рура в старопромышленный регион?

Германская империя, согласно Имперской конституции 1871 года, представляла собой федеративное государство, которое исторически организовалось как союз отдельных государств. Общегосударственные функции управления (оборона, внешняя политика, разработка общегосударственного законодательства, строительство железных дорог, создание гражданского флота) выполнялись на уровне центра (рейха), остальные (правопорядок, содержание школ и больниц, строительство дорог на уровне федеральных земель и муниципалитетов, что было закреплено законодательно [2, с. 108–109]. В 1871 году Пруссия стала основополагающим субъектом Германской империи, который занимал 2/3 ее территории и проживало около 2/3 населения страны. Доходы Пруссии зависели от прибыльности собственных предприятий и доменов (лесное хозяйство, рудники, солеварни и др.), а также проводимой налоговой политики (структуры налогов, налогового администрирования и т. д.). С 1813 года государство распродает большинство доменов, в том числе с 1823 года металлургические и горнодобывающие предприятия (кроме производств Саара). Ведущее место в горнодобывающей отрасли занимает угледобыча, свыше 60% которой сосредотачивается в Рурском угольном бассейне (площадь около 5 тыс. кв. км, ограничен реками: на юге – Руром, западе – Рейном, севере – Липпе, востоке – линией от Хагена до Хамма).

Горное законодательство отменяет прямое государственное управление добывающими производствами и вводит выборность правления на частных шахтах (Knappschaftsgesetz (1854 год)). Государство сохраняет за собой общий надзор за деятельностью шахт (защита прав шахтеров, контроль за техникой безопасности и т. д.) (Allgemeine Berggesetz (1865 год)), уравнивает шахтеров в правах с другими рабочими и разрешает им свободу перемещений (Freizuegigkeitsgesetz (1860 год)). Оперативное планирование производства, включая цены, объемы добычи, рынки сбыта, заключение трудовых контрактов, передается в ведение предприятий. За горными управлениями сохраняется предварительное рассмотрение и утверждение оперативных планов (Allgemeine Berggesetz (1865 год)). Горное управление Бохум–Эссен, осуществляющее управление большинством шахт Рура, отличается жесткими правилами регулирования конкуренции.

Либерализация экономики Рура сказывается на росте количества угольных предприятий (в 1850 году 198, в 1860 году – 281) и притоке иностранных инвестиций, включая технологии [8, p. 74]. Так, первая шахта Clerget–Klärchen (Эмшер, Рур) заложена в 1869 году французско-бельгийской компанией Société Anonyme Belge des Charbonnages d'HerneBochum, вторая – Clerget 2 в 1882–1883 г. [9, p. 61]. Районы угледобычи становятся местами концентрации чугуно- и сталелитейного производства, смежной индустрии. В Реклингхаузене (Эмшер) в 1899 году основано производство коксохимического оборудования и оборудования для переработки побочных продуктов Carl Still; в 1908 году Th. Pfingstmann (Bischoff-Werke GmbH) – производство вагонеток и вибрационных желобов; в 1919 году Hugo Ibing – выполнение горных работ и проходок шахт и открываются металлургические заводы Stolle и Flämrich [9, p. 61].

Экономический кризис, обострение конкуренции в отрасли приводят к росту убыточных шахт Рура, а также увеличению слияний и поглощений. В 1876 году из 154 шахт – 109 нерентабельны, из 32 акционерных обществ (далее – АО) – 23 не выплачивают дивиденды. С 1873 по 1892 гг. 16 угольных компаний входят в крупные АО (Harpener Bergbau AG приобретает 5 предприятий, Gross-Gelsenkirchen AG – 3) [10, p. 116]. Интеграция влияет на профиль АО: Gross-Gelsenkirchen AG до 1904 года растет за счет горизонтальной интеграции с угольными шахтами, с 1906 года – вертикальной интеграции с металлургическими заводами; при этом Harpener AG и Hibernia AG остаются горнодобывающими концернами, присоединяя небольшие шахты.

Экономическая политика предусматривает свободу не только конкуренции, но и объединений. В 1897 году имперский суд признает допустимость картельного сговора и нанесения прямого ущерба конкурентам подрывом коммерческих связей [1, с. 242]. Начинается рост синдикатов и картелей, стремящихся регулировать цены, объемы добычи, разграничение рынков сбыта. В 1905 году в стране действуют 19 угольных картелей и 62 картеля в металлургии. В 1913 году 53% добытого каменного угля (101,6 млн т) приходится на Рейнско-Вестфальский синдикат, объединяющий 62 завода, включая 12 крупнейших АО с добычей в 47,6 млн т (Gross-Gelsenkirchen AG – 10 млн т, Harpener AG – 8 млн т, Hibernia AG – 5,7 млн т).

Особое значение приобретает межотраслевая кооперация с Эльзас-Лотарингией. Лотарингия, вошедшая в состав Германии в 1871 году по итогам франко-прусской войны (1870–1871 гг.), территориально близка к Руру и богата запасами железной руды. Долгое время она оставалась сельскохозяйственным регионом Франции. Активное освоение железорудного бассейна в 1800–1889 гг. сопровождается ростом численности населения. Добываемая железная руда невысокого качества (железа в ней менее 33%, есть примеси фосфора), но благодаря открытому способу добычи остается конкурентоспособной. Первоначально она поступает для выплавки чугуна в Рур. С изобретением «томасовского процесса» (метода удаления фосфора из чугуна при выплавке стали) в 1878 году и его внедрением в производство, объемы добычи руды увеличиваются и становится выгодней возить рурский кокс на новые металлургические заводы Лотарингии, частично возвращая в Рур чугун и прокат. В Лотарингии строятся (а также переводятся из Рура) доменные печи, металлургические заводы, прокатные станы, в Руре остаются угольные шахты, старые металлургические заводы, в том числе мелкосерийное чугунолитейное и прокатное производства; мелкосерийное машиностроение. Рур попадает в зависимость от более современных и эффективных производств Лотарингии. В 1913 году в Лотарингии размещено 40% доменных печей и металлургических заводов, 30% прокатных заводов Германии, обеспечивающих половину выпуска и ¾ экспорта чугуна.

Итогом политики «невмешательства» становится рыночная внутри- и межрегиональная интеграция предприятий, которая влияет на трансформацию Рура в регион ранней индустриализации с ускоренно растущим износом оборудования, преимущественно угольными крупными производствами, где занята большая часть населения, практически лишенным металлургии – отрасли с более высокой добавленной стоимостью.

Таким образом, к началу XX века государственное регулирование экономики Германии усложняется. Экономическая политика «невмешательства», опирающаяся преимущественно на рыночные методы управления, способствует трансформации Рура в регион с чертами старопромышленного региона. Предпосылкой начала трансформации служит присоединение Эльзас–Лотарингии к Германской империи. Приращение территорий расширяет минерально-сырьевую базу страны, способствуя обеспечению ее экономической устойчивости, но одновременно приводит к стихийной (рыночной) интеграции с новыми территориями, закончившейся сокращением и деформацией производственного потенциала региона. Рур, практически лишившейся металлургии – отрасли с более высокой добавленной стоимостью, чем угольная, приобретает и другие черты старо-промышленного региона: территория ранней индустриализации с ускоренно растущим износом оборудования; преимущественно угольные крупные производства; высокая плотность населения, большей частью занятого на угольных шахтах.

Библиографический список

1. Ойкен В. (1995). Основные принципы экономической политики. Москва: Прогресс. 496 с.
2. Трофимова Я.В. (2025). Германский путь к фискальному федерализму // Экономическая политика. Т. 20. № 1. С. 106–124. DOI: 10.18288/1994-5124-2025-1-106-124
3. Antonyuk V.S., Kornienko E.L. (2022). Economic development of Russia's old industrial border regions. *Journal of New Economy*, 23(2), 45–63. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-2-3
4. Hamm R., Wienert H. (1990). Strukturelle Anpassung altindustrieller Regionen im internationalen Vergleich. Berlin: Duncker&Humbolt.
5. Steiner M. (1985). Industrial Areas: a Theoretical Approach. *Urban Studies*, 22, 387–398.
6. Houssel J.-P. (1989). Les vieilles régions d'industrie diffuse face à la rupture de 1974: l'exemple de Rhône-Alpes. *Hommes et Terres du Nord,* 4, 239–244.
7. Buelow C. (2017). Das Kusnezk-Becken in Sibirien: Entwicklungsstrategien zur Modernisierung einer altindustriell geprägten peripheren Region. Greifswalder Geographische Arbeiten, Institut für Geographie und Geologie der Universität Greifswald.
8. Tilly R. (1980). Kapital, Staat und sozialer Protest in der deutschen Industrialisierung. Band 41. Goettingen: Vandemhoeck&Ruprecht. 320 p.
9. Kordes M., Moellers G., Pohl J. (2017). 1000 Jahre Stadtgeschichte (n) Ricoldinchuson – Recklinghausen. Recklinghausen.
10. Pierenkemper T. (1979). Die westfälischen Schwerindustriellen 1852–1913: soziale Struktur und unternehmerischer Erfolg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Информация об авторе

Ярослава Владимировна Трофимова – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71; e-mail: tro1@mail.ru)

Trofimova Y.V.

EXPERIENCE OF INTEGRATION (ON THE EXAMPLE OF THE RUHR REGION)

Abstract. *By the early 20th century, the Ruhr began to acquire some of the characteristics of a former industrial region. This development was precipitated by the annexation of Alsace-Lorraine to the German Empire. This territorial expansion expanded the mineral resource base, contributing to the country's economic stability, but simultaneously led to spontaneous (market-driven) integration with the new territories, which resulted in the reduction and distortion of the region's productive potential.*

Keywords: *integration, old industrial region, coal industry, concentration*.

About the author

Yaroslava V. Trofimova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 119571, Russian Federation; e-mail: tro1@mail.ru)

References

1. Euken W. (1995). Basic principles of economic policy. Moscow: Progress.
2. Trofimova Ya.V. (2025). The German Path to fiscal federalism. Economic Policy, 20(1), 106–124. DOI: 10.18288/1994-5124-2025-1-106-124
3. Antonyuk V.S., Kornienko E.L. (2022). Economic development of Russia's old industrial border regions. *Journal of New Economy*, 23(2), 45–63. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-2-3
4. Hamm R., Wienert H. (1990). Strukturelle Anpassung altindustrieller Regionen im internationalen Vergleich. Berlin: Duncker&Humbolt.
5. Steiner M. (1985). Industrial Areas: a Theoretical Approach. *Urban Studies*, 22, 387–398.
6. Houssel J.-P. (1989). Les vieilles régions d'industrie diffuse face à la rupture de 1974: l'exemple de Rhône-Alpes. *Hommes et Terres du Nord,* 4, 239–244.
7. Buelow C. (2017). Das Kusnezk-Becken in Sibirien: Entwicklungsstrategien zur Modernisierung einer altindustriell geprägten peripheren Region. Greifswalder Geographische Arbeiten, Institut für Geographie und Geologie der Universität Greifswald.
8. Tilly R. (1980). Kapital, Staat und sozialer Protest in der deutschen Industrialisierung. Band 41. Goettingen: Vandemhoeck&Ruprecht. 320 p.
9. Kordes M., Moellers G., Pohl J. (2017). 1000 Jahre Stadtgeschichte (n) Ricoldinchuson – Recklinghausen. Recklinghausen.
10. Pierenkemper T. (1979). Die westfälischen Schwerindustriellen 1852–1913: soziale Struktur und unternehmerischer Erfolg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

УДК 332.1 / ББК 65.04

Шарапова Е.Р., Шинкарева О.В.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА В МОСКВЕ И ЗАРУБЕЖНЫХ МЕГАПОЛИСАХ

Аннотация. *Проведен анализ зарубежного опыта организации функционирования речного транспорта в Москве и зарубежных городах. Отмечено, что устойчивое функционирование речного транспорта невозможно без системной государственной политики, консолидирующей функции планирования, финансирования и контроля. Предложены рекомендации по развитию регулярного речного транспорта в столице России.*

Ключевые слова: *Москва, речной транспорт, зарубежный опыт, пассажирские перевозки, государственное управление.*

Город Москва в последние десятилетия развивается по модели сверхплотного мегаполиса с высокой нагрузкой на улично-дорожную сеть и общественный транспорт. Несмотря на масштабные инвестиции в метро, наземный транспорт и дорожную инфраструктуру [1], проблема перегруженности сохраняется, особенно в часы пик. В этих условиях поиск альтернативных и дополняющих видов транспорта становится не просто актуальным, а необходимым элементом устойчивого функционирования всей системы городского хозяйства, требующим адекватных мер со стороны органов государственной власти. Один из вариантов – речной транспорт, потенциал которого существенен, но который на протяжении длительного времени был представлен разрозненными коммерческими туристическими маршрутами, не входящими в транспортную городскую сеть.

На современном этапе транспортная политика Правительства Москвы и профильного Департамента транспорта города Москвы претерпевает существенные изменения: речной транспорт начинает рассматриваться как полноценный элемент городской мобильности. Запуск регулярных маршрутов, обновление флота, развитие причальной инфраструктуры и цифровизация сервисов, инициированные городскими властями, формируют новую модель использования водного пространства. При этом перед системой публичного управления возникает ряд вопросов: насколько эффективны применяемые инструменты регулирования, как выстроена координация между государственными заказчиками, операторами перевозок и пассажирами, и насколько принятые управленческие решения соотносятся с реальными запросами жителей. Для выработки обоснованных управленческих решений по дальнейшему развитию регулярного речного транспорта в Москве необходимо сопоставить отечественную практику с лучшими мировыми образцами, анализируя их через призму эффективности государственного администрирования.

В качестве объектов сравнения отобраны мегаполисы и крупные города с различными моделями организации речных перевозок, позволяющие оценить альтернативные управленческие подходы (*табл. 1*).

Таблица 1. **Инфраструктура речного транспорта по городам мира**

Город	Модель организации сети речного транспорта
Лондон (Uber Boat by Thames Clippers)	Концессионная модель с жестким регулированием со стороны единого транспортного оператора Transport for London
Париж (Batobus)	Преимущественно туристическая функция без полноценной интеграции в общегородскую тарифную систему
Амстердам (GVB Ferries)	Муниципальное управление с бесплатными и полностью электрическими паромами
Будапешт (BKK Ferry)	Социально-ориентированные маршруты с минимальными бюджетными затратами
Сингапур (River Taxi)	Лицензируемая частная услуга туристического и делового назначения
Стокгольм (SL Ferries)	Модель полной интеграции паромов в единую билетную систему общественного транспорта
Источник: составлено авторами на основании [3; 8].	

Сопоставление базовых параметров инфраструктуры и маршрутной сети представлено в *табл. 2*.

Таблица 2. **Инфраструктура речного транспорта по городам мира**

Город	Причалов (остановок)	Маршрутов	Протяженность (км)	Плотность (причалов/км)
Москва	~20	3	~30	~0,7
Лондон	24	6	~22	~1,1
Париж	9	1	9	1,0
Амстердам	~20	7	~25 (сумм.)	~0,8
Будапешт	2	1	1,5	~1,3
Сингапур	6	1	3	2,0
Стокгольм	3–4	1 (+сезон.)	2–5	0,6–1,5
Источник: [2; 5–8].				

Как видно из вышеприведенной таблицы, по количеству маршрутов столица России в настоящее время пока отстает от лидеров – Лондона (6 маршрутов) и Амстердама (7 маршрутов), практически не уступая им в количестве причалов. Остальные города Москва обходит как по количеству маршрутов, так и по протяженности сети.

Анализ подвижного состава и объемов перевозок в рассматриваемых городах приведен в *табл. 3*.

Таблица 3. **Характеристика транспортных судов и годового пассажиропотока по городам мира**

Город	Судов (ед.)	Средний возраст	Доля электросудов	Годовой пассажиропоток
Москва	~30 (электро)	1–5 лет	Высокая	1,1–1,5 млн (2025)
Лондон	~20	~10 лет	Низкая	≈4 млн
Париж	8	15–20 лет	Низкая	~0,8 млн (пик)
Амстердам	19	5–20 лет	Очень высокая	сотни тыс. (бесплатно)
Будапешт	2	~20 лет	Отсутствует	десятки тыс.
Сингапур	4	5–10 лет	Низкая	десятки тыс.
Стокгольм	3–4	5–15 лет	Средняя	десятки тыс.
Источник: [2; 4; 5; 8].				

По результатам анализа таблицы 3 можно отметить существенный разрыв между Москвой и Лондоном по годовому пассажиропотоку (≈1,1–1,5 млн против 4 млн), вместе с тем парк судов Москвы значительно моложе и экологичнее. Это указывает на то, что эффективность использования флота в Москве пока ниже, что может объясняться недостаточной частотой рейсов и ограниченной емкостью маршрутной сети – проблемами, решаемыми исключительно через управленческие меры. Лондонская модель, где почти 20 катамаранов обеспечивают интервалы до 20 минут, служит ориентиром. Показателен также пример Амстердама: муниципальный флот из 19 паромов, причем значительная часть – с электрическими силовыми установками, перевозит сотни тысяч пассажиров, а внедрение нулевых выбросов подкреплено соответствующей городской политикой.

С позиций государственного регулирования критически важна степень включенности речного транспорта в единую билетную систему. В Лондоне и Стокгольме оплата картами Oyster и SL действует на водных маршрутах наравне с метро и автобусами, что стало следствием целенаправленных решений транспортных администраций. Москва уже сделала важный шаг, обеспечив прием карты «Тройка» на электросудах, однако пока отсутствует полная тарифная унификация и сквозная пересадка, что ограничивает пассажирский спрос. Иной опыт у других городов:

– Амстердам: бесплатное использование муниципальных паромов за счет бюджетного финансирования, является примером социальной доступности;

– Париж: отсутствие единого тарифа и концентрация на туристическом профиле, приведшее к тому, что речной транспорт не выполняет роль регулярного.

Департаменту транспорта Москвы рекомендуется учесть негативный опыт Парижа, если власти не хотят, чтобы речной транспорт мегаполиса вернулся обратно в туристическую нишу.

Еще один важный аспект сравнения – это анализ экологичности речных судов в городах мира. Лидер в данном направлении – Амстердам, у которого 100% экологичный муниципальный флот. Москва за счет использования в регулярной речной сети электросудов, приближается к нему. Вместе с тем, на туристических речных маршрутах нашего мегаполиса присутствует и дизельный флот, который не только вредит окружающей среде, но и менее комфортен для пассажиров. Этот аспект требует пристального внимания городских властей.

С учетом проведенного анализа Департаменту транспорта города Москвы рекомендуется:

– расширить причальную сеть и маршрутную систему до 4–5 линий, обеспечив плотность не ниже лондонских показателей, с приоритетным охватом жилых массивов, удаленных от метро;

– ускорить обновление флота, доведя долю электрических судов до целевых 70% и поэтапно выводя устаревшие дизельные теплоходы;

– осуществить полноценную тарифную интеграцию с системами «Тройка» и «Единый», введя возможность сквозных поездок и абонементов, а также рассмотреть адресное субсидирование для социально незащищенных категорий;

– увеличить частоту движения в часы пик до 10–15 минут и синхронизировать расписания с графиками метро и МЦК;

– перенимать опыт Лондона по организации концессионных соглашений с частными операторами под контролем города, что позволит привлекать внебюджетные инвестиции без утраты управляемости;

– обеспечить информационное сопровождение и маркетинг речного транспорта как неотъемлемого элемента мультимодальной системы столицы.

Реализация данных мер, основанных на верифицированных зарубежных практиках, позволит Правительству Москвы превратить регулярный речной транспорт в эффективный инструмент устойчивой городской мобильности, полностью интегрированный в ткань мегаполиса и управляемый в рамках единой вертикали государственного управления

Библиографический список

1. Аникушина В.А., Федорова Т.Н., Шинкарева О.В. (2025). Анализ динамики финансового обеспечения транспортной системы города Москвы 2015–2024 годов // Устойчивое развитие и кооперация: содействие внедрению инноваций: сборник трудов V Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Мытищи: Российский университет кооперации. С. 28–39.
2. Каргина О.С. (2009). Организация единых регулярных перевозок водным транспортом в зарубежных странах // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 113. С. 153–163.
3. Кржеминский П.К. (2022). Краткий аналитический обзор нормативных правовых актов, регламентирующих работу водного транспорта в России и за рубежом // Вестник транспорта. № 3. С. 7–11.
4. Курбатова Е.С. (2018). Зарубежный опыт организации перевозок грузов внутренним водным транспортом в приречных городах // Вестник университета. № 7. С. 93–96. DOI: 10.26425/1816-4277-2018-7-93-96
5. Миронов В.Н. (2025). Место речного транспорта в экономике зарубежных стран (передовой мировой опыт для России) // Вестник транспорта. № 2. С. 31–40.
6. Никитин А.А., Миронов В.Н., Черемин Д.В. (2012). Зарубежные внутренние порты. Нижний Новгород: ВГУВТ. 76 с.
7. Сухарев Д.Н., Ничипорук А.О. (2023). Зарубежный опыт регулирования и поддержки развития инфраструктуры внутреннего водного транспорта // Прикаспийский регион: международные отношения, экономика, логистика, право, экология и социокультурные аспекты: IV Международный круглый стол (конференция). Астрахань. С. 53–59.
8. Горбунов А.А., Селезнев П.С. [и др.]. (2020). Транспортная политика государства: теория, история, практика. Москва: ООО «Проспект». 424 с.

Информация об авторах

Екатерина Романовна Шарапова – студент, Московский городской педагогический университет (Российская Федерация, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4; e-mail: sharapovaer462@mgpu.ru)

Ольга Владимировна Шинкарева – кандидат экономических наук, доцент, Московский городской педагогический университет (Российская Федерация, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4; e-mail: shinkareva_ol@mail.ru)

Sharapova E.R., Shinkareva O.V.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE FUNCTIONING OF RIVER TRANSPORT IN MOSCOW AND FOREIGN MEGACITIES

Abstract. *An analysis of foreign experience in organizing the functioning of river transport in Moscow and foreign cities was carried out. It was noted that the sustainable functioning of river transport is impossible without a systematic state policy that consolidates the functions of planning, financing and control. Recommendations for the development of regular river transport in the capital of Russia.*

Keywords: *Moscow, river transport, foreign experience, passenger transportation, public administration.*

About the authors

Ekaterina R. Sharapova – Student, Moscow City University (4, 2nd Selskohozyaistvennyi Passage, Moscow, 129226, Russian Federation; e-mail: sharapovaer462@mgpu.ru)

Olga V. Shinkareva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Moscow City University (4, 2nd Selskohozyaistvennyi Passage, Moscow, 129226, Russian Federation; e-mail: shinkareva_ol@mail.ru)

References

1. Anikushina V.A., Fedorova T.N., Shinkareva O.V. (2025). Analysis of the dynamics of financial support for the transport system of the city of Moscow 2015–2024. Sustainable development and cooperation: promoting innovation: in collection of works of the V International Scientific and Practical Conference of students, graduate students and young scientists, Mytishchi: Russian University of Cooperation.
2. Kargina O.S. (2009). Organization of unified regular transportation by water transport in foreign countries. *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*, 113, 153–163.
3. Krzheminsky P.K. (2022). Brief analytical review of regulatory legal acts regulating the operation of water transport in Russia and abroad. *Bulletin of Transport*, 3, 7–11.
4. Kurbatova E.S. (2018). Foreign experience in organizing the transportation of goods by inland waterway transport in riverine cities. *Bulletin of the University*, 7, 93–96. DOI: 10.26425/1816-4277-2018-7-93-96
5. Mironov V.N. (2025). Place of river transport in the economy of foreign countries (world best practices for Russia). *Bulletin of Transport*, 2, 31–40.
6. Nikitin A.A., Mironov V.N., Cheremin D.V. (2012). Foreign domestic ports. Nizhny Novgorod: VGUVT.
7. Sukharev D.N., Nichiporuk A.O. (2023). Foreign experience in regulating and supporting the development of inland water transport infrastructure. Caspian region: international relations, economics, logistics, law, ecology and socio-cultural aspects: IV International round table (conference). Astrakhan, 53–59.
8. Gorbunov A.A., Seleznev P.S. [et al.]. (2020). State transport policy: theory, history, practice. Moscow: Prospect Limited Liability Company.

СЕКЦИЯ № 3. ПРОБЛЕМЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

УДК 336.14 / ББК 65.261.713

Борисов Е.В.

РАСХОДЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ БЮДЖЕТОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В ПЕРИОД 2006–2025 ГГ.

Аннотация. *В связи с чередой экономических кризисов органы власти вынуждены отдавать предпочтение экономическому развитию регионов, снижая социальные расходы. Целью работы является выявление тенденций расходования бюджетных средств по основным статьям за период 2006–2025 гг.*

Ключевые слова: *бюджетная система, расходы региональных бюджетов, консолидированный бюджет.*

Благодарность

Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2025-0011 «Обеспечение устойчивости экономики регионов в контексте укрепления технологического суверенитета и национальной безопасности».

Обеспечение национальной безопасности на региональном уровне достигается эффективным распределением финансовых ресурсов внутри каждого региона. Исходя из позиции, что национальная безопасность страны, а также финансовый, инновационный и прочий ее потенциалы – это совокупность достижимой безопасности регионов и используемые потенциалы каждого региона, эффективное расходование средств является приоритетным и крайне важным направлением. В сложившихся экономических реалиях, эффективное и адаптивное функционирование бюджетной сферы – залог социально-экономического развития. В свою очередь, бюджетное финансирование является залогом создания/поддержания имеющегося базиса региональной экономики. От повышения бюджетных расходов, эффективности вложений зависит то, насколько регион станет успешнее и привлекательнее как место функционирования экономических агентов. Вследствие вышесказанного, целью данной работы является выявление тенденций расходования бюджетных средств по основным статьям расходов, сгруппированных в три блока (социальная сфера, экономическое развитие, оборона и безопасность).

Исследованиями, связанными с анализом и проблемами расходной части региональных бюджетов, занимались и занимаются многие отечественные исследователи. Можно выделить работы Е.Т. Гурвича и Н.А. Краснопеевой, которые исследовали характер связи между шоками доходов и расходов региональных бюджетов. Ими было выявлено, что существует причинно-следственная связь между доходными поступлениями и расходами (связь от доходов к расходам). Авторы установили проциклично политики расходов на региональном уровне: чем больше выражен «перекос» доходов, тем острее будет проблема с расходной частью [3].

Обращаясь к терминологической стороне, бюджетный потенциал региона является составляющей в структуре финансового потенциала. При этом многими исследователями отмечается его ведущее значение ввиду наличия колоссальных и разносторонних возможностей для насыщения экономического оборота финансовыми ресурсами и обеспечения модернизации экономики [4].

Г.А. Грачев в своей работе рассматривал региональный бюджет как макроэкономический инструмент реализации социально-экономической политики. Его действенность во многом зависит от структурной эффективности расходной части бюджета. Автор с помощью математических методов, а именно принципа оптимальности Парето, сводит к соблюдению условий эффективности системы. Система эффективна, когда поставленные цели и задачи реализуются в полном объеме при минимуме затрат на их исполнение. Также автор указывает на сложность применения многих математических методов для оценки эффективности бюджетных расходов ввиду наличия постоянных государственных расходов, а также из-за лоббирования интересов отдельных министерств и ведомств [2].

В труде «Адаптация системы межбюджетных отношений и субнациональных финансов к колебаниям экономической конъюнктуры» за авторством А.Г. Силуанова и В.С. Назарова говорится о том, что экономические шоки в первую очередь затрагивают развитые регионы, сокращая их доходную базу. Существующие инструменты межбюджетных отношений позволяют субъектам выравнивать их дефицит, таким образом предоставляя возможности для сохранения объема расходов либо незначительно их сокращая, в зависимости от нужды [5].

В свою очередь, И.В. Бальнин, Т.Б. Терехова и М.А. Ажмуратова указывают на необходимость соблюдения принципа прозрачности при реализации региональных бюджетов не только с целью более открытого позиционирования органов власти, но и для совершенствования государственной статистики и совершенствования взаимодействия с гражданами (инициативное бюджетирование). Также авторы обращают внимание на соблюдение ряда принципов бюджетной системы в части доходов/расходов, принципов эффективности расходов и мониторирования [1].

Работы отечественных исследователей показывают важность и актуальность мониторинга и анализа динамики расходов региональных бюджетов. Динамика расходования средств региональных бюджетов закладывает определенный базис для дальнейшего развития, вследствие чего необходимо проводить обзор и анализ расходования финансовых средств по статьям расходов. Отмечается связь между доходами и их ощутимом влиянии на расходы, необходимости соблюдения ряда принципов на всех этапах бюджетного процесса.

Основная часть

Для начала необходимо привести основные показатели региональных бюджетов, а именно совокупных расходов в сопоставимые цены на душу населения. Так, из приведенных данных бюджетной статистики (*табл. 1*), можно отметить средний темп роста за 2006–2025 гг. по всем регионам СЗФО в значении приблизительно в 3,1% в год. Наибольший темп роста расходов наблюдался у Архангельской области (в среднем в 4,7% в год), наименьший – у Вологодской области и г. Санкт-Петербурга (у обоих в среднем по 2,9% в год) Как можно заметить, после начала СВО и начала высокого санкционного давления, практически все регионы планомерно сокращают расходы, оптимизируя свои бюджеты под требования текущих реалий.

Таблица 1. **Расходы консолидированных бюджетов субъектов СЗФО в сопоставимых ценах на душу населения, тыс. руб. за 2006–2024 гг.**

Год	Респ. Карелия	Респ. Коми	Архангельская обл.	Вологодская обл.	Калининградская обл.	Ленинградская обл.	Мурманская обл.	Новгородская обл.	Псковская обл.	Санкт-Петербург	Ненецкий А.О.
2006	102,4	128,3	92,3	111,3	100,2	88,6	153,1	76,3	59,1	168,6	550,3
2007	119,1	133,3	111,4	131,6	115,8	100,9	183,4	81,8	71,8	208,8	815,7
2008	138,6	155,6	150,0	137,3	135,7	122,5	200,0	113,0	83,4	248,9	650,8
2009	135,2	151,8	139,0	118,6	136,0	119,1	188,3	116,8	91,2	206,5	630,7
2010	137,6	148,8	140,9	124,3	132,3	110,1	177,3	113,6	96,2	207,8	644,0
2011	147,4	173,8	151,6	129,9	145,9	118,6	190,3	115,2	112,4	218,2	640,9
2012	138,1	194,2	151,0	121,9	141,3	123,3	193,4	127,9	113,5	188,7	777,4
2013	135,6	200,5	160,8	114,2	140,6	127,1	197,8	123,8	116,0	181,3	847,1
2014	128,8	189,0	151,4	106,8	138,8	123,3	195,0	108,1	103,1	175,6	898,2
2015	118,9	168,5	133,5	94,6	140,1	119,6	175,9	92,4	81,5	150,3	811,8
2016	126,1	167,8	130,4	94,2	166,7	124,2	174,0	94,2	85,6	162,2	672,4
2017	130,2	170,4	134,8	96,5	207,2	127,1	178,8	97,4	87,5	172,3	713,9
2018	147,3	177,2	141,0	107,1	213,4	129,6	195,0	99,2	92,9	168,0	786,9
2019	167,2	196,1	160,5	134,8	216,7	139,8	228,9	112,8	105,5	184,2	860,5
2020	208,9	225,0	192,7	154,4	219,0	155,5	242,5	130,8	126,6	190,6	872,3
2021	200,6	215,9	193,8	155,4	192,6	146,6	268,0	130,8	125,1	195,0	949,6
2022	213,0	221,1	204,8	156,8	172,2	148,4	295,2	141,4	131,7	228,5	882,2
2023	201,6	216,3	202,3	162,6	169,1	153,0	271,3	160,3	140,1	240,9	817,7
2024	180,4	209,7	195,3	184,8	153,4	166,7	304,3	149,2	129,2	261,1	782,3
2025	182,5	212,7	202,1	173,8	167,6	185,7	279,4	139,5	120,4	264,1	833,9
Рассчитано по: данные Федерального Казначейства РФ, Росстата по численности населения, Росстата по ИПЦ.											

По данным *табл. 2*, средний темп роста расходов на анализируемое направление составляет 3,3% в год. В этом плане выделяется Ненецкий автономный округ и Мурманская область с г. Санкт-Петербургом, где расходы на образование имели наибольший средний наибольший объем в 2025 году среди регионов СЗФО. Республика Карелия имела наименьший темп роста за 2006–2025 гг. (2,8%). Наибольший темп роста за 2006–2025 гг. у Ненецкого автономного округа (7%), а также у Ленинградской и Архангельской областей (по 4% у каждой). Наибольший рост динамики наблюдался не в 2021 году как следствие мировой пандемии смертельного коронавируса, а с 2017 по 2019 гг. Это связано с разовыми выплатами пенсий и иных льгот, сопровождающихся аномально-резким всплеском роста расходов. В 2020–2023 гг. расходы на социальную сферу имели тенденцию к снижению.

Таблица 2. **Динамика расходов на финансирование социальной сферы* в субъектах СЗФО в сопоставимых ценах на душу человека за 2006–2024 гг.,** тыс. руб.

Год	Респ. Карелия	Респ. Коми	Архангельская обл.	Вологодская обл.	Калининградская обл.	Ленинградская обл.	Мурманская обл.	Новгородская обл.	Псковская обл.	Санкт-Петербург	Ненецкий АО
2006	71,4	77,3	60,0	69,5	58,9	54,0	95,5	45,3	38,0	84,4	272,0
2007	76,9	82,1	65,1	85,8	68,0	59,9	105,9	48,2	45,1	97,3	418,3
2008	87,1	88,2	78,1	79,4	76,4	65,4	115,4	59,8	49,1	122,3	308,1
2009	88,8	92,5	77,2	71,2	69,7	62,3	113,4	64,6	50,7	115,1	314,5
2010	91,7	88,5	82,0	77,5	64,0	57,6	106,0	64,5	58,9	109,8	338,3
2011	101,4	91,5	83,7	72,8	56,3	58,6	97,6	63,9	68,7	107,3	214,9
2012	95,1	126,1	100,5	81,8	73,2	71,0	132,9	73,4	75,0	88,4	407,0
2013	92,8	136,6	106,1	74,3	77,6	73,8	136,9	70,9	72,6	94,4	406,0
2014	89,4	128,1	101,9	69,3	72,4	70,4	133,2	63,1	60,0	98,9	483,0
2015	85,1	115,6	89,9	61,9	67,5	69,1	118,9	56,8	50,7	90,4	430,4
2016	80,0	111,5	85,8	61,7	57,8	72,2	120,0	57,9	50,2	95,4	350,1
2017	85,8	113,4	87,8	63,7	57,8	77,6	124,4	59,9	51,7	101,1	206,6
2018	95,8	124,3	97,1	74,3	64,1	79,6	134,3	59,0	54,8	103,3	406,4
2019	102,5	135,0	107,6	86,4	67,9	86,2	148,4	66,9	62,9	115,7	421,2
2020	132,1	158,7	129,0	99,4	79,8	96,7	171,5	79,5	74,6	126,1	386,2
2021	126,1	151,2	128,7	97,6	79,4	90,3	175,6	75,4	72,6	122,0	417,8
2022	124,7	149,4	126,6	96,9	78,8	86,3	180,9	77,5	70,9	131,1	410,2
2023	123,9	145,2	117,7	94,5	77,5	89,1	170,0	91,0	71,0	134,6	381,3
2024	110,8	140,4	119,4	103,6	78,8	97,8	177,3	89,4	67,8	146,1	385,0
2025	113,1	142,1	118,2	104,5	81,1	109,1	167,4	86,1	68,4	151,4	391,2

*Образование + здравоохранение + социальная политика + физическая культура и спорт + культура, кинематография.
Рассчитано по: данные Федерального Казначейства РФ.

Финансирование экономического развития (*табл. 3*), в отличие от социальной сферы, имело темп роста в среднем за рассматриваемый период 4,1%. Лидерами по среднегодовому темпу роста выступали Республика Карелия (8,1%), Псковская область (7,8%) и Архангельская область (7,6%). Необходимо понимать, что в структуре расходов на национальную экономику превалируют расходы на производство, инвестиции в региональное хозяйство, отдельные направления, связанные с ЖКХ, развитием инфраструктуры. В частности, развитие инфраструктуры является, как правило, наиболее крупной статьей, на которую выделяется значимый объем средств, что не может прямо указывать на качественное изменение экономического развития. Тем не менее, рост финансирования (объединенные расходы на национальную экономику и ЖКХ) за 2006–2025 гг. составил в СЗФО 222%, что на 49 п. п. больше роста расходов на социальную сферу.

Таблица 3. **Динамика расходов на финансирование экономического развития* в субъектах СЗФО в сопоставимых ценах на душу человека за 2006–2024 гг.,** тыс. руб.

Год	Респ. Карелия	Респ. Коми	Архангельская обл.	Вологодская обл.	Калининградская обл.	Ленинградская обл.	Мурманская обл.	Новгородская обл.	Псковская обл.	Санкт-Петербург	Ненецкий АО
2006	17,7	32,4	19,7	28,5	30,3	20,7	39,9	20,7	13,1	68,6	192,1
2007	27,6	30,9	34,0	30,3	36,3	28,6	55,6	23,5	18,0	93,7	275,7
2008	28,4	41,8	43,9	34,4	46,8	36,9	52,5	36,5	22,2	112,9	251,8
2009	24,0	29,6	34,4	26,8	52,2	35,1	42,6	34,4	29,1	74,0	229,3
2010	24,2	31,1	34,6	26,6	49,9	32,1	40,3	30,6	24,8	76,2	213,5
2011	25,4	36,3	32,9	28,0	61,5	35,3	42,1	27,7	27,9	80,7	213,6
2012	29,8	48,2	33,7	25,9	57,2	37,6	41,9	39,5	28,9	80,1	242,5
2013	28,0	41,4	35,4	25,4	52,4	38,0	40,6	38,2	32,4	74,5	331,4
2014	24,6	38,8	33,2	22,9	55,5	37,4	39,5	31,6	32,2	65,0	308,0
2015	20,1	32,2	29,2	20,4	62,0	36,7	35,7	22,9	20,9	48,6	284,3
2016	31,7	33,2	31,6	20,8	98,6	38,0	33,7	24,6	26,0	55,6	229,7
2017	30,0	34,4	33,0	21,8	139,3	35,6	34,4	26,1	26,3	60,3	242,2
2018	36,3	30,8	28,7	20,4	139,7	35,6	39,6	28,9	27,9	53,1	289,4
2019	48,2	37,5	37,4	35,7	139,4	38,4	59,0	33,9	30,9	55,1	345,3
2020	58,6	42,9	47,2	42,1	129,7	43,3	48,3	39,3	39,4	49,9	395,3
2021	57,4	40,4	48,7	44,3	103,2	41,5	66,7	43,7	39,6	58,6	447,3
2022	72,5	49,7	61,4	46,2	82,3	47,2	86,1	50,8	48,9	81,8	387,9
2023	61,1	49,7	65,2	53,6	80,7	48,3	76,1	55,0	57,1	87,9	343,5
2024	53,1	48,8	53,7	64,4	63,6	51,2	96,5	45,1	49,4	94,1	314,0
2025	53,5	48,9	56,6	53,5	74,4	56,0	74,5	38,8	40,3	91,0	354,3

* Национальная экономика + ЖКХ.
Источник: рассчитано по данным Федерального Казначейства РФ.

На основе проведенного анализа бюджетных расходов консолидированных бюджетов субъектов Северо-Западного федерального округа за период 2006–2024 гг., можно сформулировать следующие ключевые выводы:

1. падение расходов регионов было после 2022 года, однако в 2025 году рост возобновился, за исключением Вологодской, Мурманской, Новгородской, Псковской областей и г. Санкт-Петербурга. За рассматриваемый период в большинстве регионов СЗФО наблюдался рост бюджетных расходов в сопоставимых ценах на душу населения в среднем 3,1%. При этом наибольший рост продемонстрировали Псковская, Архангельская и Ленинградская области. Сокращение расходов с 2022 году может свидетельствовать об адаптации региональных бюджетов к новым макроэкономическим реалиям и необходимости соблюдения бюджетной сбалансированности.

2. Расходы на социальную сферу (образование, здравоохранение, социальная политика, культура, спорт) демонстрируют устойчивый рост, увеличившись в среднем на 3,3% за рассматриваемый период. Это отражает реализацию стратегии сохранения и развития человеческого капитала, который является фундаментом национальной безопасности. Ненецкий автономный округ и Мурманская область выделяются наибольшим объемом расходов на душу населения в ценах 2025 года по данному направлению.

3. Рост расходов на экономическое развитие оказался выше расходов на социальные статьи (4,1% против 3,3%). Лидерами здесь выступают Псковская и Архангельская области, а также Республика Карелия.

Библиографический список

1. Бальнин И.В., Терехова Т.Б., Ажмуратова М.А. (2025). Векторы управления доходами и расходами региональных бюджетов в 2025 году // Теоретическая и прикладная экономика. № 2. С. 52–70.
2. Грачев Г.А. (2011). К оценке структурной части эффективности расходной части государственных бюджетов // Современная экономическая теория. Т. 9. № 3. С. 10–20.
3. Гурвич Е.Т., Краснопеева Н.А. (2020). Анализ взаимосвязи доходов и расходов российских региональных бюджетов // Вопросы экономики. № 2. С. 5–29.
4. Печенская-Полищук М.А. (2022). Формирование бюджетного потенциала региона: теория и практика: монография. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 209 с.
5. Силуанов А.Г., Назаров В.С. (2009). Адаптация системы межбюджетных отношений и субнациональных финансов к колебаниям экономической конъюнктуры // Экономическая политика. № 4. С. 171–189.

Информация об авторе

Евгений Витальевич Борисов – инженер-исследователь, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а)

Borisov E.V.

EXPENDITURES OF REGIONAL BUDGETS IN THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT IN THE PERIOD 2006–2025

Abstract. *Due to a series of economic crises, the authorities are forced to prioritize economic development in the regions by reducing social spending. The purpose of this study is to identify trends in the expenditure of budget funds under the main headings for the period 2006-2025.*

Keywords: *budget system, regional budget expenditures, consolidated budget.*

About the author

Evgeny V. Borisov – Engineer-researcher at the Center for Financial Research, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation)

References

1. Bal'nin I.V., Terekhova T.B., Azhmuratova M.A. (2025). Vectors of Management of Income and Expenditure of Regional Budgets in 2025. *Theoretical and Applied Economics*, 2, 52–70.
2. Grachev G.A. (2011). To the Assessment of the Structural Part of the Efficiency of the Expenditure Part of State Budgets. *Modern Economic Theory*, 9(3), 10–20.
3. Gurvich E.T., Krasnopeeva N.A. (2020). Analysis of the Relationship between the Incomes and Expenditures of Russian Regional Budgets. *Voprosy Ekonomiki*, 2, 5–29.
4. Pechenskaya-Polishchuk M.A. (2022). Formation of the Budgetary Potential of the Region: Theory and Practice: monography, Vologda: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences.
5. Siluanov A.G., Nazarov V.S. (2009). Adaptation of the system of interbudgetary relations and subnational finances to fluctuations in the economic situation. *Economic Policy*, 4, 171–189.

УДК 366.6 / ББК 65.30

Гончарук Д.С.

К ВОПРОСУ ОБ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ КРУПНЫХ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ КОРПОРАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ТЕКУЩЕГО ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется влияние денежно-кредитной политики Банка России на инвестиционные стратегии крупнейших металлургических холдингов, таких как ПАО «Северсталь», ПАО «ММК», ПАО «НЛМК», ПАО «ГМК «Норильский никель» и АО «РУСАЛ БРАТСК». Автор анализирует динамику заемного капитала и структуру вложений в условиях высокой ключевой ставки.*

Ключевые слова: *инвестиционная политика; черная металлургия; цветная металлургия; финансовые вложения; кредиторская задолженность.*

Благодарность

Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2025-0011 «Обеспечение устойчивости экономики регионов в контексте укрепления технологического суверенитета и национальной безопасности».

Текущая денежно-кредитная политика Российской Федерации (далее ДКП) ассоциируется, прежде всего, с удерживаемой на высоком уровне ключевой ставкой. Уровень инфляции в марте 2026 года составил 5,86% (*рис. 1*), при 15% ключевой ставке и 4% таргете. Как отмечает Председатель Совета директоров Банка России Э.С. Набиуллина, прогноз ключевой ставки в настоящем году составляет 14–14,5%, а в следующем – 8–10%[1].

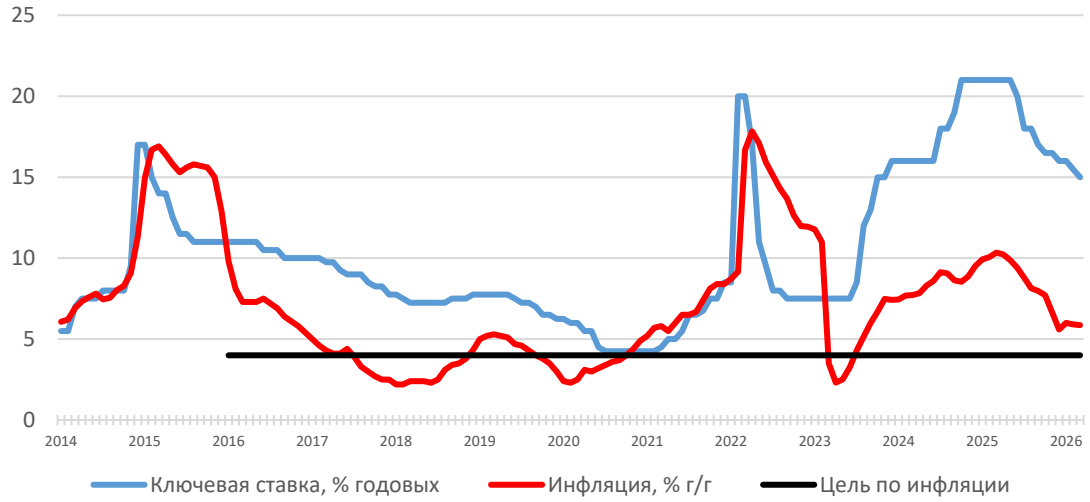

Рис. 1. **Ключевая ставка и инфляция в Российской Федерации,** 2014–2026 гг.
Источник: данные Центрального Банка РФ.

Наиболее явным последствием такой ДКП является удорожание кредитов для заемщиков и актуализация финансовых накопительных инструментов для вкладчиков. В этих условиях хозяйствующие субъекты фактически вынуждены пересматривать подходы к ведению собственной инвестиционной политики, несмотря на их негативную оценку проводимой ДКП [1]. Поскольку в научной литературе последних лет вопрос финансового состояния бизнеса в условиях жесткой ДКП поднимался множество раз, в настоящей работе мы акцентируем внимание на отдельных кейсах крупных металлургических корпораций России, в частности – ПАО «Северсталь», ПАО «ММК», ПАО «НЛМК», ПАО « ГМК «Норильский никель», АО «РУСАЛ БРАТСК».

[1] Набиуллина раскрыла, какие варианты по ставке рассматривал ЦБ // РБК. URL: https://www.rbc.ru/finances/24/04/2026/69eb5ffc9a794701502341ed (дата обращения: 13.05.2026).

Анализ динамики коэффициента долгосрочных заимствований по крупным металлургическим корпорациям показывает общую тенденцию к сокращению зависимости от долгосрочного внешнего финансирования (*рис. 2*). Особенно ярко этот тренд проявился после 2018–2020 гг., что коррелирует с постепенным ужесточением денежно-кредитной политики и ростом стоимости заемного капитала. Наиболее радикальное снижение показателя наблюдается у ПАО «ММК» и АО «РУСАЛ БРАТСК», где к 2022–2024 гг. коэффициент приблизился к нулю. У ПАО «ГМК «Норильский никель» и ПАО «Северсталь» сохраняется умеренная волатильность с локальными пиками в середине 2010-х гг. Тем не менее, даже эти компании демонстрируют сдержанность в наращивании долгосрочных долговых обязательств в последние годы.

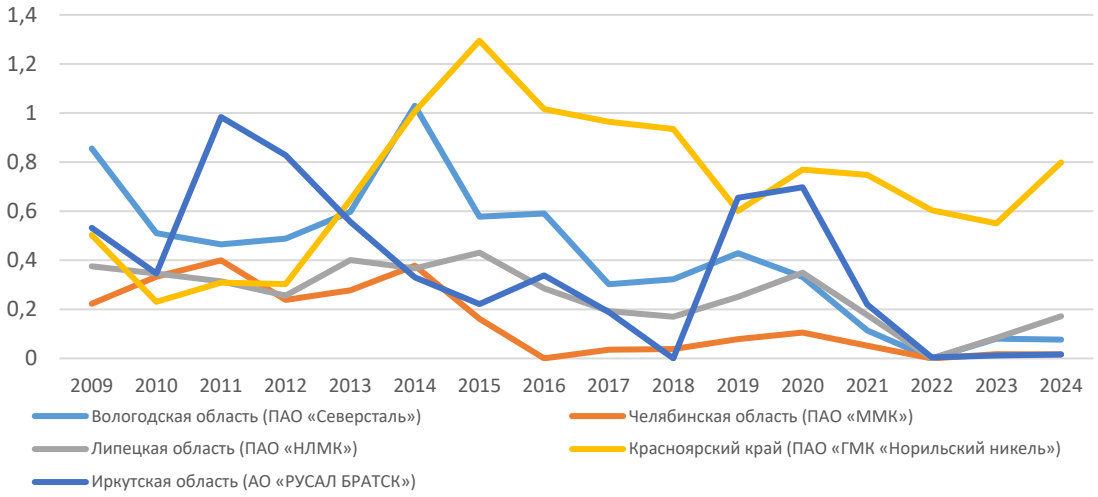

Рис. 2. **Коэффициент долгосрочных заимствований (заемные средства сроком, превышающим 12 месяцев, к выручке компании)**

Источник: бухгалтерская отчетность исследуемых корпораций.

В свою очередь, коэффициент краткосрочных заимствований четко описывает дифференцированные подходы к управлению ликвидностью у компаний (*рис. 3*). В то время как ПАО «ММК» и ПАО «НЛМК» демонстрируют относительно стабильный и низкий уровень зависимости от краткосрочного долга, АО «РУСАЛ БРАТСК» и ПАО «ГМК «Норильский никель» показывают резкий рост показателя, начиная с 2020–2021 гг.

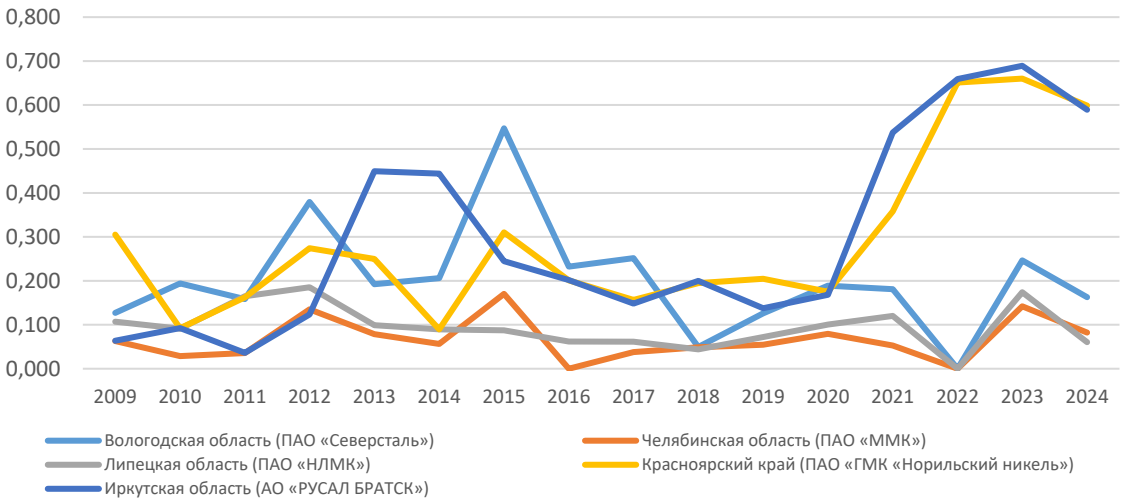

Рис. 3. **Коэффициент краткосрочных заимствований (заемные средства сроком, не превышающим 12 месяцев, к выручке компании)**

Источник: бухгалтерская отчетность исследуемых корпораций.

Динамика коэффициента долгосрочных вложений демонстрирует общую тенденцию к снижению капиталоемкости бизнеса у большинства рассмотренных корпораций (*рис. 4*). Наиболее выражено это снижение проявилось у ПАО «Северсталь» и АО «РУСАЛ БРАТСК», где коэффициент упал с уровней выше 1,5–2,0 в 2009 году до значений ниже 0,3–0,4 в 2024 году. ПАО «НЛМК» и ПАО «ММК» показывают относительно стабильную траекторию с умеренным снижением, что говорит о более консервативном, но последовательном подходе к управлению внеоборотными активами. ПАО «ГМК «Норильский никель» и АО «РУСАЛ БРАТСК» выделяются устойчивым ростом показателя после 2020 года.

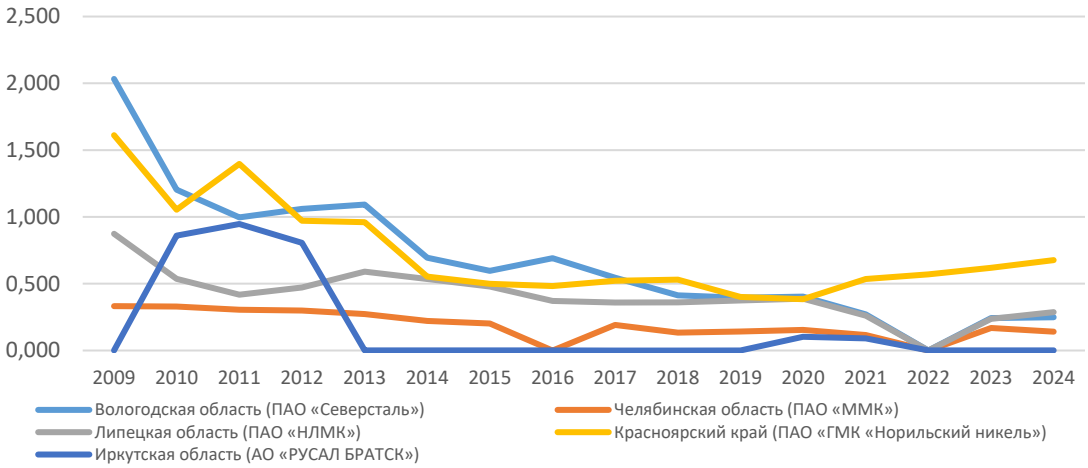

Рис. 4. **Коэффициент долгосрочных вложений (внеоборотные активы к выручке компании)**

Источник: бухгалтерская отчетность исследуемых корпораций.

С другой стороны, коэффициент краткосрочных вложений показывает устойчивое повышение эффективности управления оборотным капиталом во всех рассмотренных компаниях (*рис. 5*). Наиболее показательным является значительное снижение коэффициента, особенно в период с 2015 по 2024 гг. Для АО «РУСАЛ БРАТСК» характерна высокая изменчивость в начале периода, сменившаяся последовательным снижением показателя к минимальным значениям. Аналогичная тенденция к сокращению доли оборотных активов наблюдается у ПАО «Северсталь», ПАО «НЛМК» и ПАО «ГМК «Норильский никель». Таким образом, компании оптимизируют бизнес-процессы, высвобождая ликвидность для более эффективного использования в условиях дорогих кредитов.

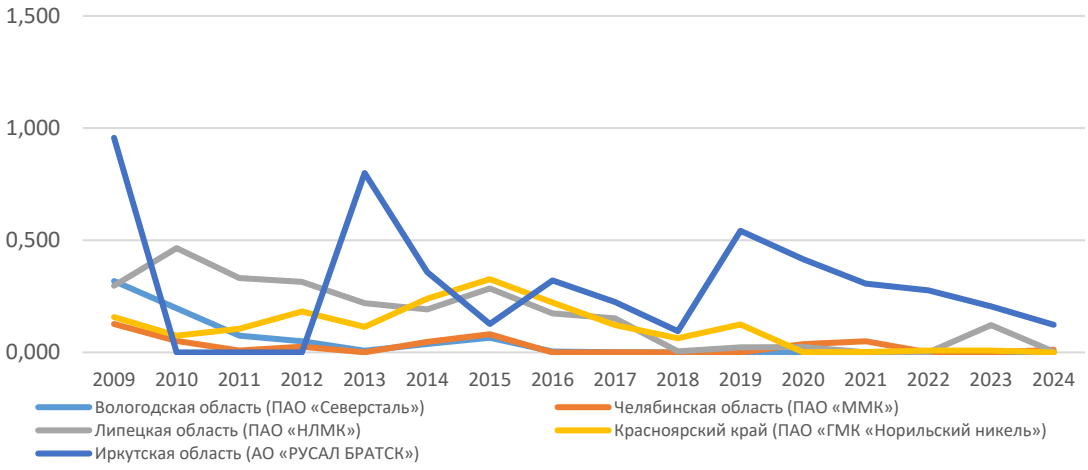

Рис. 5. **Коэффициент краткосрочных вложений (оборотные активы к выручке компании)**

Источник: бухгалтерская отчетность исследуемых корпораций.

Российский металлургический сектор демонстрирует адаптивность к жестким условиям ДКП, о чем говорит два сегментальных положения. Во-первых, у некоторых отечественных металлургическим компаний четко прослеживается замещение «длинных» денег «короткими», то есть кредитные обязательства в условиях высоких процентных ставок минимизируются и (или) берутся только по необходимости. Во-вторых, наблюдаемое во всех компаниях снижение капиталоемкости (внеоборотные активы) и повышение операционной эффективности (оборотные активы) иллюстрирует своеобразную инвестиционную «диету».

Библиографический список

1. Кувалин Д.Б., Зинченко Ю.В., Лавриненко П.А. (2025). Взаимоотношения реального и финансового секторов российской экономики при оценке российских предприятий // Мир новой экономики. № 1. С. 49–62. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-1-49-62

Информация об авторе

Данила Сергеевич Гончарук – инженер-исследователь, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: danila_gon4aruk@mail.ru)

Goncharuk D.S.

ON THE INVESTMENT POLICY OF LARGE METALLURGICAL CORPORATIONS IN THE CONTEXT OF CURRENT MONETARY REGULATION

Abstract. *The article examines the impact of the Bank of Russia's monetary policy on the investment strategies of major metallurgical holdings such as PJSC Severstal, PJSC MMK, PJSC NLMK, PJSC MMK Norilsk Nickel and JSC RUSAL BRATSK. The author analyzes the dynamics of borrowed capital and the structure of investments in conditions of a high key interest rate*.

Keywords: *investment policy; ferrous metallurgy; non-ferrous metallurgy; financial investments; accounts payable*.

About the author

Danila S. Goncharuk – Engineer-researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: danila_gon4aruk@mail.ru)

References

1. Kuvalin D.B., Zinchenko Yu.V., Lavrinenko P.A. (2025). The relationship between the real and financial sectors of the Russian economy in assessing Russian enterprises. *The world of the new economy*, 1, 49–62. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-1-49-62

УДК 336.1.07 / ББК 65.261.5

Гоцко Т.В.

ПРОБЛЕМЫ НОРМИРОВАНИЯ В ФИНАНСОВЫХ ОРГАНАХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. *Обоснована целесообразность распространения нормирования до финансовых органов для обеспечения взаимосвязи объема их финансового обеспечения из-за прогнозируемого тренда на сокращение муниципальных служащих в связи с перераспределением полномочий и цифровизацией бюджетного процесса.*

Ключевые слова: *нормирование, финансовые органы, эффективность, бюджетный процесс, проблемы.*

В условиях реформы местного самоуправления приоритетной задачей является повышение эффективности использования ресурсов. Одним из возможных направлений достижения этой цели становится установление синхронизации объемов финансового обеспечения организационных структур органов местного самоуправления с их вкладом в повышение качества жизни населения и уровнем их ответственности. Актуальность этой темы обусловлена трендом на сокращение численности работников органов местного самоуправления, особенно в структурах, занятых вопросами общего профиля и финансово-экономическом блоке из-за все более широкого использования инновационных цифровых технология и перераспределения полномочий в соответствии с федеральным законом от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ, Сегодня многие специалисты важнейшим инструментом рационального использования ресурсов признают нормирование, которое позволяет эффективно организовать деятельность органов исполнительной власти, измерить и определить трудовой вклад каждого работника, определить трудоемкость работ и установить оптимальную нагрузку работников [3, с. 44]. Ключевыми участниками бюджетного процесса в муниципальных образованиях являются финансовые органы и эффективность использования бюджетных средств в значительной степени зависит от результатов их деятельности. Однако в муниципальных образованиях приоритетным подходом при формировании организационно-штатной структуры и стимулировании работников местных администраций преимущественно применяется формально-бюрократический подход.

Обязанность использовать в управленческом процессе нормирования предусмотрена законодательно по разным направлениям. Так для сферы закупок нормирование предусмотрено федеральным законом от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ с установлением требований к закупаемым товарам (работам, услугам) и (или) нормативные затраты в порядке, установленном местной администрацией. Таким образом единый порядок должен распространяться не только на исполнительные, но и представительные органы и органы внешнего муниципального финансового контроля.

Вместе с тем формализованные требования к результатам, этапности и отчетности процесса закупок не позволяют использовать гибкие модели использования IT-проектов [4, с. 5310]. Положительный опыт решения этой проблемы накоплен в Московской области, где внедрены «сквозные» цифровые технологии и платформенные решений на основе типового бюджета муниципальных образований с автоматизированным исполнением ряда функций. В результате формализованы многие процедуры планирования, исполнения и формирования отчетности, а финансовые органы не расходуют средства местных бюджетов на закупку IT- технологий. Кроме того, осуществление в режиме «онлайн» мониторинга местных бюджетов позволяет оперативно реагировать на проблемные ситуации, сокращать количество коррупционных рисков и дублирующие функции муниципальных служащих [1, с. 9].

Согласно Трудового кодекса РФ обязанность нормирования труда распространяется и на работников финансовых органов муниципальных образований с учетом особенностей, предусмотренными законами и нормативно-правовыми актами о муниципальной службе и бюджетном процессе.

Для муниципальных образований, у которых расчетная доля дотаций из вышестоящих бюджетов с учетом доходов по дополнительным нормативам отчислений превышает 5% доходов местного бюджета, не имеют права превышать установленные высшим исполнительным органом субъекта РФ нормативы расходов на оплату труда муниципальных служащих и (или) содержание органов местного самоуправления[1], т. е. речь идет об установлении предельных размеров средств в целом по муниципальному образованию. Распределение суммарного объема по организационным структурам и установление конкретного уровня размера оплаты труда специалистам производится непосредственно в муниципалитете. Например, в Московской области устанавливается предельная численность работников всех органов местного самоуправления в зависимости от численности населения муниципалитета, а также определен алгоритм расчета нормативов расходов на обеспечение их деятельности и критерии планирования расходов на оплату труда для расчета межбюджетных трансфертов при составлении проекта бюджета Московской области.

Такой подход преимущественно обосновывает бюрократический подход к формированию организационно-штатной структуры органов местного самоуправления, не стимулирует повышение компетенций специалистов и стремление к выполнению дополнительного объема функций. Поэтому целесообразно интегрировать в процесс управления муниципальными финансами инструменты нормирования труда позволит создать основу для оценки качества выполняемых полномочий. Начинать внедрение нормирования в финансовых органах обусловлено тем, что целый ряд трудовых функций характеризуются в существенной степени однородностью и стандартностью, базируются на следовании нормативно-правовым документам и регламентам, безусловном уважении к иерархии, дисциплине исполнения поручений [2, с. 71]. Проблема при проведении предиктивного анализа для подготовки к нормированию труда является отсутствие публичной информации о численности работников по организационным структурам и уровня оплаты труда. Вместе с тем во многих муниципальных образованиях финансовые органы являются главными распорядителями бюджетных средств, что позволяет проанализировать динамику расходов на выплаты персоналу в отдельных финансовых органах дотационных муниципальных образований Московской области представлена в *табл. 1*.

Таблица 1. **Динамика расходов на выплату персоналу в отдельных финансовых органах муниципальных образований Московской области**

Муниципальные образования	Расходы, тыс. руб.			Темпы роста, %	
	2023	2024	2025	2024/2023	2025/2024
Воскресенск	30 067	33 168	39 996	110,3	120,6
Егорьевск	26 738	29 627	36 971	110,8	124,8
Коломна	53 220	54 653	63 083	102,7	115,4
Луховицы	41 006	45 969	51 034	112,1	111,0
Ступино	30 428	32 853	41 170	108,0	125,3
Составлено по: отчеты об исполнении местных бюджетов.					

Таким образом, несмотря на ограниченность данных можно сделать выводы, что расходы на выплату работникам финансовых органов постоянно увеличивались и темпы роста существенно отличались. При этом динамика расходов на оплату труда в финансовых органах отдельных дотационных муниципальных образований Московской области существенно колебалась и зависела как от объективных факторов (масштаба муниципалитета и разветвленности сети учреждений, исполнения функций внутреннего муниципального финансового контроля, цифровой зрелости работников), так и субъективных (формально-бюрократический подход при планировании бюджетных ассигнований, дублирования функций, отсутствие действенной оценки результатов деятельности специалистов).

[1] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/?ysclid=lpntwm6rxh779917747

Тренд на использование возможностей современных информационных технологий повышает эффективность нормирования труда, обеспечивая их рациональность и принятие качественных управленческих решений [4].

При формировании организационно-штатной структуры финансового органа целесообразно систематизировать типовые функции финансовых органов с соблюдением рекомендаций о численности работников в отделах (секторах). Для нормирования численности работников финансовых органов должностные обязанности специалистов логично разделить на три группы:

– управленческие, преимущественно творческие действия, которые трудно количественно измерить. Основным направлением оптимизации численности является исключение дублирований функций при формировании организационно-штатной структуры (например, одновременное наличие в штатных расписаниях начальников отделов и заместителей руководителей, которые курируют один отдел). Поэтому численность этой категории муниципальных служащих должна зависеть от рекомендуемой нормы управляемости в методических рекомендациях федеральных (региональных) органов власти с использованием экспертного метода;

– типовые, преимущественно рутинные действия, которые должны нормироваться и численность работников, которые их выполняют, должна зависеть от нагрузки. К таким функциям целесообразно отнести, например, контроль в сфере закупок; санкционирование расходов; составление сводной бюджетной росписи и кассового плана, составление стабильно-повторяющихся форм отчетности и т. д. В данном случае могут использоваться методы аналогии, основанные на изучении и измерении типовых действий, а также на накопленном опыте, нормальной интенсивности труда и профиля компетенций;

– административные, обеспечивающие функционирование финансового органа (делопроизводство, формирование и ведение бюджетных смет, ведение бюджетного учета, формирование отчетности, информационное сопровождение бюджетного процесса и т. д.) являются идентичными с другими структурными подразделениями органов местного самоуправления. Для нормирования численности таких работников может использоваться расчетно-аналитический метод с использованием фотографии рабочего дня.

Вместе с тем при внедрении типовых норм труда в финансовых органах необходимо учитывать значительные вызовы: противостояние инновационным технологиям, низкая цифровая зрелость, неспособность адаптироваться к новым реалиям, боязнь потери работы, разрастание бюрократических процедур и другие. Для минимизации этих рисков необходимо выполнить колоссальный объем разъяснительной работы и организовать помощь в поиске рабочих мест для специалистов, которые потенциально могут быть сокращены.

Одновременно с вызовами при нормировании труда целесообразно учитывать инновационные управленческие технологии, которые могут привести к сокращению штатной численности работников: прогнозирование использования искусственного интеллекта в бюджетном процессе; внедрение цифрового рубля как средство платежа и инструмент контроля в режиме реального времени; реализация проекта единой системы отчетности («гильотина отчетности»); смарт-контракты и другие. Названные технологии являются эффективными инструментами в бюджетном процессе, экономят время на исполнение рутинных операций, снижают трудоемкость и уменьшают нагрузку на специалистов финансовых органов.

Для достоверного нормирования нужен большой массив данных, который не всегда характеризует реальную ситуацию, поэтому возрастают требования к обоснованности и достоверности информации. Для минимизации этих рисков целесообразно проведение аудита не менее чем за три года бюджетной (бухгалтерской) отчетности органами внешнего муниципального финансового контроля. Для нивелирования негативных аспектов и преодоления субъективизма логично применять доказательный подход, основанный использовании доказательств.

В связи с неопределенностью влияния деятельности финансовых органов на повышение качества жизни населения и развитие отдельных сфер деятельности органов местного самоуправления, то в качестве критерия вклада финансовых органов в результаты деятельности органов местного самоуправления целесообразно использовать степень качества управления муниципальными финансами, неукоснительность исполнения принятых обязательств участниками бюджетного процесса и уровень расходов на финансовое обеспечение деятельности финансовых органов на душу населения (*табл. 2*).

Таблица 2. **Расходы на финансовое обеспечение деятельности финансовых органов отдельных муниципальных образований Московской области на душу населения**

Муниципальное образование	Расходы, руб./чел.			Темп роста, %	
	2023	2024	2025	2024/2023	2025/2024
Воскресенск	188,7	241,3	254,1	127,9	105,3
Егорьевск	242,5	267,5	335,7	110,3	125,5
Коломна	263,6	269,7	307,2	102,3	113,9
Луховицы	686,3	768,0	849,7	111,9	110,6
Ступино	265,2	291,7	365,0	110,0	125,1
Составлено по: отчеты об исполнении местных бюджетов.					

Таким образом, наблюдается стабильный тренд на увеличение показателя расходов на финансовое обеспечение деятельности финансовых органов на душу населения без взаимосвязи с темпами роста общего объема расходов местного бюджета, количеством участников и не участников бюджетного процесса, с темпами роста официальной инфляции и качеством управления муниципальными финансами. Поэтому в свете динамично развивающегося законодательства и информационных технологий нормирование может также стать важнейшим инструментом для повышения качества управления муниципальными финансами и стимулом непрерывного развития компетенций специалистов.

Преимуществом использования норм труда в финансовых органах муниципальных образований может стать также ориентированность на повышение уровня оплаты труда работников с высокой нагрузкой, что превратит стимулирующие выплаты в реальный инструмент повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления. Кроме того, это может стать также стимулом для каскадирования ключевых показателей эффективности деятельности до уровня организационно-штатных структур органов местного самоуправления.

Библиографический список

1. Гоцко Т.В. (2023). Ключевые тенденции в управлении муниципальными финансами в условиях глобальных вызовов // Вопросы территориального развития. Т. 11. № 1. С. 1–14.
2. Гоцко Т.В., Максимова Ю.Ю. (2024). Клиентоцентричность – вектор повышения качества управления муниципальными финансами //Вестник ГСГУ. № 2 (54). С. 66–78.
3. Истомина Н.А. (2012). Нормирование оплаты труда в системе муниципальных органов и институтов: современные тенденции // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 6 (147). Т. 8. С. 44–48.
4. Соловьев В.А. (2025). Человекоцентричность в публичном управлении: научный дискурс и современные российские практики //Вопросы государственного и муниципального управления. № 4. С. 86–109. DOI: 10.17323/1999-5431-2025-0-4-86-109
5. Стариков Е.О., Лукьянова А.В. (2025). IT-проекты в государственном секторе: барьеры цифровой трансформации // Экономика, предпринимательство и право. Т. 15. № 8. С. 5303. DOI: 10.18334/epp.15.8.123440

Информация об авторе

Татьяна Васильевна Гоцко – кандидат экономических наук, доцент, Государственный социально-гуманитарный университет (Российская Федерация, 140411, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30; e-mail: gotskotv@mail.ru)

Gotsko T.V.

PROBLEMS OF REGULATION IN FINANCIAL BODIES OF MUNICIPAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Abstract. *The article substantiates the expediency of extending the regulation to financial bodies in order to ensure the relationship between the volume of their financial support due to the projected trend of reducing municipal employees due to the redistribution of powers and the digitalization of the budget process. Keywords: regulation, financial bodies, efficiency, budget process, problems.*

Keywords*: regulation, financial authorities, efficiency, budget process, problems.*

About the author

Tatyana V. Gotsko – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of the Department of Management and Economics, State University of Social Sciences and Humanities (30, Zelenaya Street, Kolomna, 140411, Russian Federation; e-mail: gotskotv@mail.ru)

References

1. Gotsko T.V. (2023). Key Trends in Municipal Finance Management in the Face of Global Challenges. *Issues of Territorial Development*, 11(1), 1–14.
2. Gotsko T.V. Maksimova Yu.Yu. (2024). Customer Centricity – a Vector of Improving the Quality of Municipal Finance Management. *Vestnik GSGU*, 2(54), 66–78.
3. Istomina N.A. (2012). Labor Remuneration Regulation in the System of Municipal Bodies and Institutions: Current Trends. *National Interests: Priorities and Security*, 6(147), 8, 44–48
4. Solovyov V.A. (2025). Human-Centeredness in Public Administration: Scientific Discourse and Modern Russian Practices. *Issues of State and Municipal Administration*, 4, 86–109. DOI: 10.17323/1999-5431-2025-0-4-86-109
5. Starikov E.O., Lukyanova A.V. (2025). IT Projects in the Public Sector: Barriers to Digital Transformation. *Economics, Entrepreneurship and Law*, 15(8), 5303. DOI: 10.18334/epp.15.8.123440

УДК 336.6 / ББК 65.291.5

Грачева П.Р.

ВЛИЯНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА НА КАПИТАЛ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается влияние производительности труда на эффективность функционирования капитала организации. Рассматриваются механизмы трансформации роста производительности труда в увеличение капитала организации через инвестиции в основной капитал, влияние государственной поддержки и цифровизации на его эффективность.*

Ключевые слова: *капитал организации, производительность труда, цифровизация, проблемы, инвестиции.*

В условиях современной экономики Российской Федерации, которая характеризуется высокой конкуренцией и динамичными изменениями рыночных условий, на первый план выходят вопросы повышения эффективности хозяйственной деятельности организаций. Производительность труда является одним из ключевых показателей, позволяющих оценить результаты работы организации, и играет ключевую роль в формировании и наращивании ее капитала.

Достоверная оценка этого показателя позволяет не только отслеживать его динамику, но и анализировать, как позитивные и негативные факторы влияют на стоимость активов и финансовые результаты организации. В связи с наличием разных моделей оценки производительности труда, то ее выбор напрямую влияет на понимание ее роли в формировании и увеличении капитала организации [1].

Одним из главных механизмов, через который повышается производительность труда и трансформируется в устойчивый рост капитала организации, являются инвестиции в основной капитал.

Повышение производительности труда создает предпосылки для целенаправленных инвестиций в основной капитал организации по нескольким направлениям:

1) увеличение внутренних финансовых ресурсов;

2) привлечение внешних инвестиций;

3) эффективность инвестиций;

4) снижение износа активов;

5) формирование конкурентного преимущества [2].

Данные факторы обеспечивают позитивную динамику инвестиций в основной капитал, позволяя организациям эффективнее распределять ресурсы и наращивать производственный потенциал.

Важным индикатором является индекс производительности труда. Он помогает оценить эффективность использования трудовых ресурсов и их влияние на капитал организации. Рост производительности создает основу для повышения рентабельности, привлечения инвестиций и укрепления конкурентоспособности, а ее снижение говорит об необходимости структурных изменений в управлении и технологиях. При этом существенное влияние на эффективность использования капитала оказывают не только организация бизнес-процессов, так и корпоративная культура, что создает условия для формирования рациональной системы управления организацией.

Динамика индекса производительности труда в Российской Федерации за 2015–2024 гг. представлена на *рис. 1*.

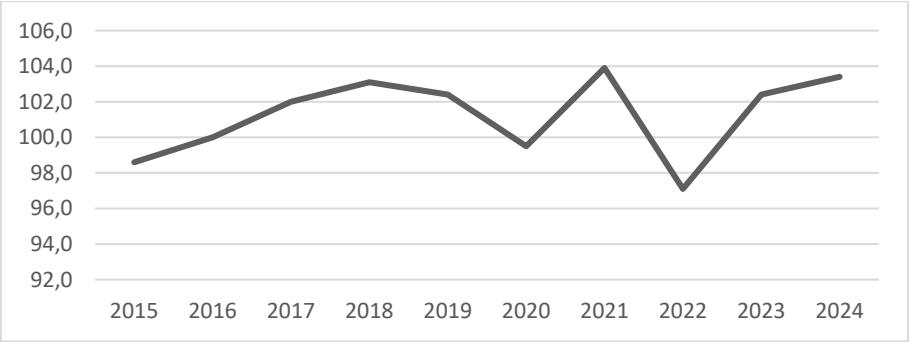

Рис. 1. **Динамика индекса производительности труда РФ с 2015 по 2024 гг.,** %
Составлено по: данные Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11186.

Данные, представленные на *рис. 1*, показывают, что за анализируемый период с 2015 по 2024 гг. динамика индекса производительности труда Российской Федерации отражает цикличность экономических процессов, т. е. отсутствует прямая взаимосвязь между производительностью труда и объемом инвестиций в основной капитал. Такая ситуация обусловлена очень многими внутренними и внешними факторами, например пандемией, санкциями, ограничениями по использованию иностранных инвестиций и т. д. Вместе с тем, в связи с наличием прямой зависимости между показателями производительности труда и фондоотдачи, можно сделать вывод о снижении эффективности использования основных фондов, а периодические всплески и спады указывают на необходимость постоянного совершенствования управленческих и технологических процессов в организациях.

Динамика инвестиций в основной капитал организаций Российской Федерации представлена на *рис. 2*.

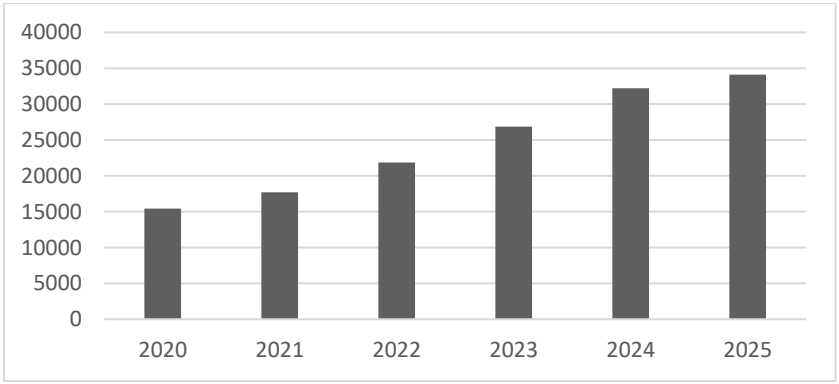

Рис. 2. **Динамика инвестиций в основной капитал организаций РФ с 2020 по 2025 г.,** млрд руб.
Составлено по: данные Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11186.

Данные рисунка показывают, что за анализируемый период с 2020 по 2025 год наблюдается устойчивый рост инвестиций в основной капитал, что создает основу для повышения производительности труда и эффективности использования капитала.

В соответствии с экономическими исследованиями, рост инвестиций в основной капитал напрямую влияет на индекс производительности труда, но требует сбалансированного распределения по отраслям, акцент на модернизацию и инновации, синхронизацию с программами повышения квалификации и оптимизации управления, контроля над износом основных фондов для максимизации эффекта от вложения средств [3].

Устойчивый рост производительности создает основу для увеличения капитала и укрепления рыночной позиций, но спады ведут к истощению ресурсов и повышению финансовых рисков. Чтобы снизить риски негативных последствий организациям необходимо внедрять гибкие механизмы адаптации к изменениям производительности, включая стратегические планирование, управление затратами и инновациями [4].

Одновременно динамика индекса производительности труда связана с трансформацией структуры занятости населения Российской Федерации, с приростом высокопроизводительных рабочих мест. Данный процесс не только отражает качественные изменения на рынке труда, но и оказывает существенное влияние на капитал организации, финансовые показатели, инвестиционную привлекательность и долгосрочную устойчивость.

Динамика прироста высокопроизводительных рабочих мест с 2015 по 2025 год представлена на *рис. 3*.

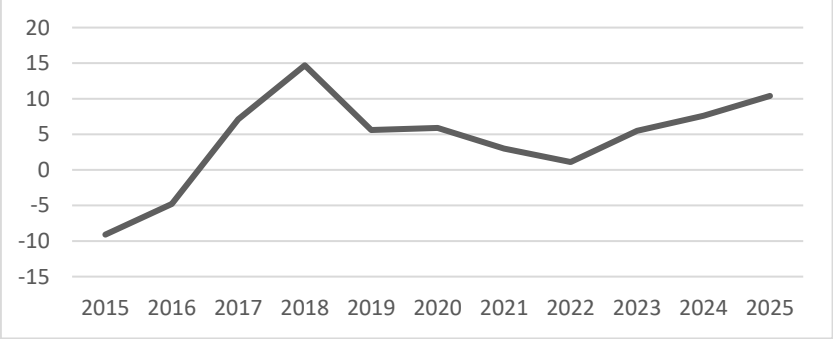

Рис. 3. **Динамика прироста высокопроизводительных рабочих мест РФ с 2015 по 2025 гг.,** %

Составлено по: данные Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11186.

Анализ данных рисунка 3 показывает, что за анализируемый период с 2015 по 2025 год динамика прироста высокопроизводительных рабочих мест в Российской Федерации была нестабильна. Спад динамики является совокупностью негативных факторов, таких как экономические кризисы и секционные давления, которые ограничивают инвестиционную активность организаций. Также негативное влияние оказывают низкие темпы технологического обновления, снижение производительности труда.

Периоды роста обусловлены активной государственной поддержкой, реализацией программ субсидирования организаций, развитием отдельных секторов экономики. Важную роль играет развитие высокотехнологических отраслей, внедрение новых технологий, региональные поддержки бизнеса и импортозамещения.

В современных условиях технологической трансформации важную роль в росте производительности труда играют процессы цифровизации производственных систем и интерпретации решений на базе искусственного интеллекта. Внедрение автоматизированных механизмов оптимизирует задействованные трудовые ресурсы, сокращая затраты на типовые операции и снижает риски, связанные с человеческим фактором [5].

В результате возникает объективная необходимость изменения структуры рабочей силы, требуется трансформация квалификационных требований, а приоритетными становятся цифровые компетенции, владение современными технологическими инструментами и готовность к непрерывному профессиональному развитию.

В будущем ожидается дальнейший рост значимости высокопроизводительных рабочих мест, так как развитие цифровых технологий и автоматизация производственных процессов. Это создаст условия для повышения эффективности использования капитала и укрепления конкурентных позиций организации на рынке.

Таким образом, производительность труда является ключевым фактором, который определяет эффективность использования капитала организации. Ее рост способствует увеличению финансовых показателей, укреплению рыночных позиций и повышению инвестиционной привлекательности.

Для достижения устойчивых результатов необходимо комплексное воздействие на все факторы производительности труда, включая модернизацию производства, развитие персонала и совершенствование управленческих процессов. Особое значение следует уделить внедрению современных технологий и формированию гибкой системы адаптации к изменениям рыночной среды.

Успешная реализация потенциала производительности труда позволит организациям не только укрепить свои позиции на рынке, но и создать основу для долгосрочного развития в условиях цифровизации экономики Российской Федерации.

Библиографический список

1. Гоцко Т.В. (2025). Производительность труда – ключевой драйвер обеспечения финансовой устойчивости предприятий // Актуальные проблемы предпринимательства в торговле в условиях цифровой экономики: материалы Международной научно-практической конференции в рамках Всемирной недели предпринимательства. Москва: РУСАЙНС, 2025. С. 78–83.
2. Заступов А.В. (2025). Анализ и планирование производительности труда как показателя экономической эффективности // Экономика и предпринимательство. № 4 (177). С. 963–968.
3. Каулин А.Д., Понуровская В.Р. (2024). Оценка влияния инвестиций в основной капитал на состояние основных фондов организаций // Роль аграрной науки в устойчивом развитии сельских территорий: сборник IX Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос». С. 1409–1412.
4. Останкова М.В., Тухканен Т.Н. (2025). Проблемы и способы повышения производительности труда в организации // Молодой исследователь Дона. Т. 10. № 3 (54). С. 123–127.
5. Ушков Г.А., Закиев Э.Р. (2025). Ограничения искусственного интеллекта и автоматизации в замене человеческого труда: текущие барьеры и перспективы // Профессиональные коммуникации в научной среде – фактор обеспечения качества исследований: сборник материалов XV Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Издательский дом «Сциентиа». С. 728–732.

Информация об авторе

Полина Романовна Грачева – магистрант, Государственный социально-гуманитарный университет (Российская Федерация, 140411, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30; e-mail: mo_gsgu@mosreg.ru)

Gracheva P.R.

THE IMPACT OF LABOR PRODUCTIVITY ON THE ORGANIZATION'S CAPITAL

Abstract. *The article examines the impact of labor productivity on the efficiency of an organization's capital. It explores the mechanisms of transforming labor productivity growth into an increase in an organization's capital through investments in fixed assets, as well as the influence of government support and digitalization on its efficiency.*

Keywords: *organizational capital, labor productivity, digitalization, problems, investments.*

About the author

Polina R. Gracheva – Master Degree student, State Social and Humanitarian University (30, Zelenaya Street, Kolomna, 140411, Russian Federation; e-mail: mo_gsgu@mosreg.ru)

References

1. Gotsko T.V. (2025). Labor productivity is a key driver of ensuring financial stability of enterprises. Actual problems of entrepreneurship in trade in the digital economy: proceedings of the International Scientific and Practical Conference within the framework of the World Entrepreneurship Week. Moscow: RUSAINS.
2. Zastupov A.V. (2025). Analysis and planning of labor productivity as an indicator of economic efficiency. *Economics and entrepreneurship*, 4(177), 963–968.
3. Kaulin A.D., Ponurovskaya V.R. (2024). Assessment of the impact of investments in fixed assets on the state of fixed assets of organizations. The role of agricultural science in the sustainable development of rural areas: Proceedings of the IX All-Russian (National) Scientific Conference with international participation. Novosibirsk: IC NGAU "Zolotoy kolos", 1409–1412.
4. Ostankova M.V., Tuhkanen T.N. (2025). Problems and ways of increasing labor productivity in an organization. *Young Researcher of the Don*, 10, 3(54), 123–127.
5. Ushkov G.A., Zakiev E.R. (2025). Limitations of artificial intelligence and automation in replacing human labor: current barriers and prospects. Professional communications in the scientific environment – a factor in ensuring the quality of research: proceedings of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference. Saint Petersburg: Scientia Publishing House, LLC, 728–732.

УДК 336.22 / ББК 65.261.4

Зильберт Г.А.

НАЛОГОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПОТЕНЦИАЛ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. *Систематизированы налоговые инструменты стимулирования жилищного строительства в Ярославской области. Сделан вывод о нереализованном потенциале стимулирования на фоне усиления налоговой нагрузки.*

Ключевые слова: *налоговые инструменты, жилищное строительство, Ярославская область, инвестиционный налоговый вычет, налог на прибыль, УСН, КРТ.*

Жилищное строительство остается одним из ключевых драйверов экономического роста Ярославской области – по итогам 2025 года в регионе введено 939 тыс. кв. м жилья (101% от плана), из которых почти 600 тыс. кв. м приходится на индивидуальное жилищное строительство (ИЖС), продемонстрировавшее рост на 7,4% относительно 2024 года. Количество заключенных соглашений о комплексном развитии территорий (КРТ) достигло 23, а совокупный градостроительный потенциал площадок КРТ превысил 2,56 млн кв. м. Вместе с тем, несмотря на формальное наличие линейки налоговых инструментов, их реальная доступность для застройщиков остается ограниченной, что и определило цель настоящей работы – систематизировать налоговые инструменты стимулирования жилищного строительства (ЖС) в Ярославской области (ЯО), определить, какие из них используются, а какие – нет, и выявить ключевые ограничения.

Проведенный анализ нормативно-правовой базы и правоприменительной практики 2025–2026 гг. позволил выделить пять основных налоговых инструментов, прямо или косвенно затрагивающих жилищное строительство в регионе (*табл. 1*).

Таблица 1. **Проблемы и ограничения использования налоговых инструментов стимулирования жилищного строительства**

Инструмент	Параметры в Ярославской области	Статус / Применимость к жилищному строительству	Проблемы и ограничения использования
Налог на прибыль (льгота 0%)	0% до 01.01.2025 для участников приоритетных инвестиционных проектов (ПИП)	Льготный период истек 01.01.2025; проекты жилищного строительства де-факто не включены в перечень ПИП	Застройщики жилья не признавались приоритетными инвесторами, поэтому льгота для них была недоступна даже в период действия
Региональный инвестиционный налоговый вычет (ИНВ)	Вычет до 90% от стоимости основных средств (ОС) третьей – десятой амортизационных групп, кроме зданий, сооружений, передаточных устройств восьмой – десятой групп и легковых автомобилей	Формально действует, но сведений о предоставлении именно застройщикам жилья нет	Не востребован застройщиками из-за специфики бизнеса: основные средства часто арендуются, а на инвестиционной стадии прибыль отсутствует
Федеральный инвестиционный налоговый вычет (ФИНВ)	Устанавливается НК РФ для отдельных отраслей	Строительная отрасль не включена в перечень приоритетных, поэтому вычет не применяется	Полное отсутствие доступа для застройщиков жилья
Налог на имущество организаций	2,5% (кадастровая стоимость > 300 млн руб.); 100% льгота для приоритетных проектов	Повышение ставки с 2 до 2,5% усилило нагрузку; льгота доступна только при включении в перечень ПИП, куда проекты ЖС не входят	Рост фискальной нагрузки; узкий круг бенефициаров, из которого застройщики жилья исключены
УСН (пониженные ставки)	Пониженные ставки для отдельных отраслей: животноводство, растениеводство, рыбоводство, обрабатывающие производства, услуги паллиативной медицины	Строительство не включено в перечень льготируемых отраслей; таким образом, пониженные ставки УСН для застройщиков недоступны	Один из потенциально эффективных инструментов де-факто не применяется в жилищном строительстве

Продолжение таблицы 1

Земельный налог	0% для участков под ПИП; 0,3% для участков под ИЖС; с 2025 года для участков стоимостью > 300 млн руб. ставка повышена до 1,5%	Льгота 0% – только для проектов из перечня ПИП (жилье не включено); ставка 0,3% действует для ИЖС; для крупных участков нагрузка выросла	Существенный рост нагрузки на этапе землеотвода для застройщиков, не входящих в ПИП
Налог на имущество физических лиц	0,3 % для жилых домов, квартир, гаражей на участках для ИЖС	Повышение с 0,1 до 0,3% увеличивает налоговую нагрузку на собственников и косвенно снижает привлекательность ИЖС	Дополнительное фискальное давление на конечных приобретателей жилья
Источники: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 01.01.2026). URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=525528;dst=100279; Закон Ярославской области от 18.09.2024 № 48-з «О внесении изменения в статью 3.1 Закона Ярославской области "О налоге на имущество организаций в Ярославской области"». URL: https://base.garant.ru/410414471; Закон Ярославской области от 24.02.1998 № 2-з «О порядке и условиях предоставления льгот по налогам и сборам» (ред. от 06.08.2024). URL: https://base.garant.ru/24608218/; Налоговые льготы участника приоритетных инвестиционных проектов // Инвестиционный портал Ярославской области. URL: https://invest76.ru/selection-supports/nalogovye-lgoty-ucastnika-prioritetnyx-investicionnyx-proektov; Президентская академия: как рост налогов на дорогую недвижимость влияет на бюджет региона // МК. URL: https://www.mk.ru/economics/2025/11/25/prezidentskaya-akademiya-kak-rost-nalogov-na-doroguyu-nedvizhimost-vliyaet-na-byudzhet-regiona.html; Закон Ярославской области от 30.11.2005 № 69-з «О применении упрощенной системы налогообложения на территории Ярославской области» (с изм. и доп.). URL: https://base.garant.ru/24531898/; Закон Ярославской области от 05.10.2021 № 73-з «Об установлении инвестиционного налогового вычета по налогу на прибыль организаций» (с изм. и доп.). URL: https://base.garant.ru/402893907.			

Рассмотрим фактическое использование каждого из перечисленных инструментов применительно к жилищному строительству. Пониженная ставка налога на прибыль (0% до 01.01.2025) формально являлась одной из преференций для участников приоритетных инвестиционных проектов (ПИП) Ярославской области. Однако анализ перечня ПИП показывает, что в нем отсутствуют специализированные застройщики жилья: проекты жилищного строительства де-факто не признавались регионом приоритетными, и, следовательно, данная льгота для застройщиков была недоступна даже в период ее действия.

Региональный инвестиционный налоговый вычет (ИНВ) в размере до 90% от стоимости основных средств формально сохранен. Право субъектов РФ устанавливать такой вычет закреплено статьей 286.1 Налогового кодекса Российской Федерации. Его предоставление регулируется Законом Ярославской области от 05.10.2021 № 73-з «Об инвестиционном налоговом вычете» и Законом Ярославской области от 19.12.2005 № 83-з «О снижении ставки налога на прибыль организаций для отдельных категорий налогоплательщиков». Вычет применяется к объектам основных средств 3–10 амортизационных групп (за исключением зданий, сооружений, передаточных устройств восьмой – десятой групп и легковых автомобилей). Однако, по имеющимся данным, застройщики жилья практически не обращаются за его получением, что объясняется спецификой девелоперского бизнеса: основные средства (краны, опалубка) часто арендуются, а не приобретаются в собственность, что лишает компанию права на вычет. Кроме того, сама конструкция вычета опирается на долю прибыли по приоритетному проекту в общей налогооблагаемой прибыли организации, а на инвестиционной стадии проекта эта прибыль у застройщика, как правило, отсутствует.

Федеральный инвестиционный налоговый вычет (ФИНВ) для строительной отрасли не предусмотрен – соответствующие положения Налогового кодекса РФ не включают жилищное строительство в число приоритетных направлений, что полностью исключает данный инструмент из арсенала застройщиков.

Налог на имущество организаций в Ярославской области с 2025 года исчисляется по кадастровой стоимости для объектов дороже 300 млн руб. по ставке 2,5% (вместо прежних 2%). Для участников приоритетных инвестиционных проектов предусмотрена 100% льгота, однако ее получение обусловлено включением проекта в перечень ПИП. Поскольку проекты жилищного строительства в этот перечень не входят, строительные компании уплачивают налог по полной ставке, что создает дополнительную фискальную нагрузку.

Льготы по упрощенной системе налогообложения (УСН) в Ярославской области установлены Законом Ярославской области от 30.11.2005 № 69-з «О налоговых ставках по налогу, взимаемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения, для отдельных категорий налогоплательщиков» и сохранены только для узкого перечня отраслей: животноводство, растениеводство, рыбоводство, обрабатывающие производства, услуги паллиативной медицины.

Строительная отрасль, включая подрядные организации, занятые в жилищном строительстве и ИЖС, в данный перечень не входит. Таким образом, пониженные ставки УСН де-факто недоступны для застройщиков. Следует отметить, что в отличие от многих других субъектов РФ, где строительство пользуется пониженными ставками, в Ярославской области эта мера поддержки отсутствует.

Земельный налог для участков под приоритетные проекты может быть обнулен на срок до 9 лет – соответствующая норма закреплена в региональном законодательстве. Для участков, используемых под ИЖС, действует пониженная ставка 0,3% от кадастровой стоимости. Вместе с тем для земельных участков стоимостью свыше 300 млн руб. с 2025 года кадастровая ставка повышена с 0,3 до 1,5%. Для застройщиков, не вошедших в перечень приоритетных, это означает существенный рост фискальной нагрузки на этапе землеотвода и подготовки площадки.

Сопоставление используемых и неиспользуемых инструментов выявляет системный дисбаланс. Если по итогам 2025 года объемы жилищного строительства в области удержаны за счет ИЖС (+7,4 %), то многоквартирное строительство сократилось на 14,2%[1]. Дальнейшее сжатие сегмента МКД без адекватного налогового стимулирования ставит под вопрос достижение целевых показателей по проектам КРТ, которые предусматривают возведение 2,5 млн кв. м жилья в ближайшие годы. При этом анализ нормативной базы не выявил специальных налоговых льгот для проектов КРТ – соответствующие преференции на региональном уровне не предусмотрены, что подтверждается данными реестра налоговых расходов Минфина России.

Существующий портфель проектов КРТ характеризуется присутствием как местных, так и иногородних девелоперов. В *табл. 2* приведены сводные данные о крупнейших проектах.

Таблица 2. **Ключевые проекты комплексного развития территорий (КРТ) в Ярославской области,** по состоянию на апрель 2026 года

Проект/площадка	Инвестор (застройщик)	Параметры проекта
КРТ в районе ул. Старые и Новые Куксенки, Ярославль	Определяется по итогам аукциона (начальная цена – 131 млн руб.)	Площадь участка – 234 тыс. кв. м; начальная стоимость права – 131 млн руб.; градостроительный потенциал – 101,41 тыс. кв. м
КРТ в районе пос. Толга, Ярославль	Определяется по итогам аукциона (начальная цена – 270,6 млн руб.)	Площадь участка – 573 тыс. кв. м; жилая застройка – не менее 297 тыс. кв. м; детский сад на 250 мест, школа на ≥ 800 мест, 42 квартиры и помещение под пункт полиции – на безвозмездной основе
КРТ «Губцево» (86,4 га у д. Губцево)	ООО СХ «Характер» (Краснодар)	Инвестиции > 30 млрд руб.; жилье > 340 тыс. кв. м; срок – 15 лет; часть возведенных домов застройщик передаст ДОМ.РФ под социальные нужды.
Новый микрорайон в Тверицах (Заволжский район, Ярославль)	ООО «Специализированный застройщик «Гудград»	Микрорайон на 8000 жителей; в рамках проекта подготовлена ПСД для двух детских садов на 220 и 250 мест
Источник: Налоговые льготы участника приоритетных инвестиционных проектов // Инвестиционный портал Ярославской области. URL: https://invest76.ru/selection-supports/nalogovye-lgoty-ucastnika-prioritetnyx-investicionnyx-proektov; Президентская академия: как рост налогов на дорогую недвижимость влияет на бюджет региона // МК. URL: https://www.mk.ru/economics/2025/11/25/prezidentskaya-akademiya-kak-rost-nalogov-na-doroguyu-nedvizhimost-vliyaet-na-byudzhet-regiona.html		

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, из всего спектра формально существующих в Ярославской области налоговых инструментов стимулирования жилищного строительства, реально доступных для застройщиков остаются лишь льготы по налогу на имущество организаций и земельному налогу в рамках статуса приоритетного инвестиционного проекта. Однако получение такого статуса сопряжено с выполнением жестких критериев эффективности, а главное – проекты жилищного строительства в перечень приоритетных не включены, что полностью исключает застройщиков из числа потенциальных бенефициаров. Во-вторых, ключевой механизм – нулевая ставка налога на прибыль для приоритетных проектов – прекратил действие с 1 января 2025 года, а региональный ИНВ не адаптирован под бизнес-модель девелоперов.

[1] В Ярославской области в 2025 году построили меньше жилья // Коммерсант. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8419027; 2,5 млн кв. м жилья построят в ЯО по проектам КРТ // АиФ-Ярославль. URL: https://yar.aif.ru/society/evraev-2-5-mln-kv-m-zhilya-postroyat-v-yao-po-proektam-krt

Федеральный ИНВ для строительной отрасли также не предусмотрен. В-третьих, пониженные ставки УСН для строительной отрасли отсутствуют, что особенно критично для подрядчиков ИЖС. Наконец, повышение кадастровых ставок по налогу на имущество (до 2,5%) и земельному налогу (до 1,5%) для крупных объектов фактически означает не смягчение, а ужесточение налогового режима. Специальные налоговые стимулы для проектов КРТ не установлены.

Таким образом, налоговый потенциал стимулирования жилищного строительства в Ярославской области не реализован: на фоне роста фискальной нагрузки доступный застройщикам арсенал преференций объективно сузился. Дальнейшее развитие ситуации будет зависеть от того, предложит ли регион альтернативные механизмы, в частности, налоговые вычеты на инфраструктурные расходы застройщиков в рамках КРТ и расширение перечня льготируемых отраслей по УСН за счет включения строительного сектора.

Информация об авторе

Георгий Александрович Зильберт – аспирант, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Российская Федерация, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14; e-mail: zilbert2020@yandex.ru)

Zilbert G.A.

TAX INSTRUMENTS FOR STIMULATING HOUSING CONSTRUCTION IN THE YAROSLAVL REGION: POTENTIAL AND LIMITATIONS

Abstract. *The article systematizes tax instruments for stimulating housing construction in the Yaroslavl Oblast. A conclusion is drawn about the unrealized potential for stimulation against the background of an increasing tax burden.*

Keywords*: tax instruments, housing construction, Yaroslavl Oblast, investment tax deduction, income tax, simplified tax system, integrated territorial development.*

About the author

Georgy A. Zilbert – Postgraduate Student, P.G. Demidov Yaroslavl State University (14, Sovetskaya Street, Yaroslavl', 150003, Russian Federation)

УДК 347.736 / ББК 67.404.013

Карелина С.А.

БАНКРОТСТВО ИНОСТРАННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Аннотация. *В настоящей статье автор анализирует правовые проблемы банкротства иностранных юридических лиц на территории Российской Федерации. В частности, рассматриваются условия, предпосылки и правовые модели банкротства обособленной имущественной массы иностранного юридического лица.*

Ключевые слова: *обособленная масса иностранного юридического лица, несостоятельность (банкротство), санкции, первичное производство по делу о банкротстве, вторичное производство по делу о банкротстве, центр основных интересов.*

В настоящее время в России складываются правовые основы банкротства иностранных юридических лиц. Данный аспект является важным с точки зрения определения условий осуществления предпринимательской деятельности иностранных резидентов на территории Российской Федерации, поскольку неопределенность в вопросе защиты имущественных прав является существенным недостатком с точки зрения регуляторного режима предпринимательской деятельности.

Ключевые усилия по формированию правового режима банкротства иностранных ЮЛ предпринял Верховный Суд РФ, который в деле «Вествок» фактически воспринял проекты федеральных законов, посвященных трансграничной несостоятельности, и международные подходы к банкротству иностранных юридических лиц[1]. Вероятно, одним из последствий данного решения является институционализация банкротства на территории государств-членов Содружества независимых государств: в настоящее время готовится проект модельного закона о трансграничной несостоятельности.

Вернемся к делу «Вествок». В нем Верховный Суд фактически обозначил предпосылки и условия для банкротства иностранных юридических лиц на территории Российской Федерации – по законодательству о банкротстве Российской Федерации.

Основа трансграничной несостоятельности – наличие у российского арбитражного суда компетенции на рассмотрение дела о трансграничном банкротстве (причем не только юридического, но и физического лица). Наличие такой компетенции основывается на тесной связи правоотношения с территорией Российской Федерации. При установлении данной связи арбитражный суд руководствуется значительным уровнем дискреции, поскольку невозможно определить, либо иным образом установить, достаточную или необходимую тесную связь для признания за российским арбитражным судом компетенции на рассмотрение банкротного спора [1, с. 15]. Арбитражный суд разрешает вопрос о наличии у арбитражного суда компетенции на возбуждение производства по делу о банкротстве иностранного лица в судебном заседании после принятия к производству заявления о признании такого лица банкротом: данный вопрос является предметом оценки и усмотрения арбитражного суда, который определяет наличие тесной связи должника с территорией Российской Федерации в каждом конкретном случае с учетом всей совокупности обстоятельств дела. В этой связи компетенция арбитражного суда на рассмотрение соответствующего дела должна рассматриваться индивидуально, применительно к конкретному спору.

В целом, доказательства связи и наличия компетенции у российского арбитражного суда не являются исчерпывающими: тесная связь, в основном, устанавливается на основе того, какой характер носила деятельность должника на территории Российской Федерации (наличие постоянных представительств, российских контрагентов, активов и т. п. на территории Российской Федерации). Стандарт доказывания тесной связи – обычный (стандартный), который не должен вызывать возражений у суда.

Верховный Суд РФ предлагает выделить 2 модели производства по делу о трансграничном банкротстве:

[1] Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 08.02.2024 № 305-ЭС23-15177 по делу № А40-248405/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

1) основное производство по делу о трансграничном банкротстве;

2) вторичное (локальное) производство по делу о трансграничном банкротстве.

Какие условия и предпосылки устанавливает Верховный Суд РФ для того, чтобы обратиться к использованию? Для введения в отношении должника основного производства по делу о трансграничном банкротстве необходимо доказать наличие центра основных интересов такого должника на территории Российской Федерации. Сигнализировать о наличии центра основных интересов (далее – ЦОИ) могут следующие обстоятельства: местонахождение имущества, кредиторов и производственных ресурсов должника, место осуществления деятельности и извлечения большей прибыли, характер основных обязательств должника, местонахождение контролирующих лиц и центр их основных интересов. Перечень маркеров не ограничен. При этом доказать наличие ЦОИ иностранного лица сложно: в настоящее время было возбуждено лишь одно дело по модели основного производство: в отношении кипрской компании Розариум Плантейшнс[2]. Иные иностранные юридические лица банкротятся по модели вторичного (локального) производства.

Подавляющее большинство случаев банкротств иностранных юридических лиц в Российской Федерации осуществляется по правилам вторичного (локального) производства по делу о банкротстве. Несомненно, это необходимо для гарантирования прав российских кредиторов, поскольку возможность участия в локальном производстве предполагает необходимость доказывания связи требований кредиторов с российским бизнесом должника.

Сама по себе возможность признания иностранных юридических лиц несостоятельными (банкротами) не предусмотрена действующим российским законодательством о банкротстве. В то же время судебная практика прибегает к фикции конкурсоспособности обособленной имущественной массы иностранного юридического лица, в отношении которой вводится производство по делу о банкротстве и открывается конкурсное производство. Данная конструкция была разработана исключительно на уровне судебной практики и связана с необходимостью обеспечения и защиты прав и законных интересов кредиторов таких иностранных юридических лиц. В рамках данной процедуры, по мнению Е.В. Моховой, решаются следующие задачи: обеспечение стечение кредиторов, находящихся под российской юрисдикцией, идентификация активов и удовлетворение за их счет требований кредиторов [2, с. 146]. В этой связи допустимость введения производства по делу о банкротстве в отношении обособленной имущественной массы иностранного юридического лица в отсутствие соответствующей законодательной возможности, равно как и возникновение правовых эффектов и появление правовых средств, необходимых для защиты прав и законных интересов кредиторов, является необходимым условием для обеспечения и защиты конституционных прав – права на собственность (ст. 35 Конституции Российской Федерации) и права на судебную защиту (ст. 46 Конституции Российской Федерации). В ином случае кредиторы будут лишены надлежащих гарантий их имущественных прав.

В отношении Должника может быть введено производство по делу о трансграничном банкротстве по модели вторичного (локального) производства, поскольку центр основных интересов должника расположен вне пределов Российской Федерации. Имущественная масса должника соответствует основаниям для возбуждения вторичного (локального) производства в связи со следующими обстоятельствами:

1) тотальное ограничение на доступ к правосудию в связи с санкционным запретом на оказание юридической помощи юридическим лицам, созданным в России;

2) наличие риска отказа в защите прав Кредитора при обращении за судебной защитой в национальный суд по месту нахождения ЦОИ Должника;

3) отсутствие перспектив признания и приведения в исполнение российского судебного решений на территории иностранного государства в связи с несоблюдением принципа взаимности.

Взаимность презюмируется при наличии сходных решений по банкротным делам, по конкретному обособленному спору, исполнимому на территории Российской Федерации. В таком случае обособленная имущественная масса юридического лица на территории Российской Федерации может быть признана банкротом по модели локального производства.

[2] Арбитражный суд Калужской области от 02.10.2024 по делу № А23-7383/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

Какие интересные примеры банкротства иностранных компаний дает нам судебная практика? Наиболее яркое дело – признание компании Фольксваген Акциензегельшафт банкротом на территории Российской Федерации[3]. Ключевая особенность – это первый пример в российской (если не в мировой) практике признания банкротом филиала иностранной группы компаний.

Основным условием для введения вторичного (локального) производства в отношении должника на территории Российской Федерации является отсутствие у кредитора эффективного доступа к той юрисдикции, в которой должно осуществляться основное производство по делу о банкротстве. Представляется, что в случае с Фольксваген Акциенгезельшафт такой юрисдикцией должна стать ФРГ, поскольку ЦОИ должника расположен непосредственно в данной юрисдикции. Основанием для введения вторичного (локального) производства в отношении должника должны стать такие обстоятельства, которые бы свидетельствовали об отсутствии у кредитора доступа к юрисдикции ФРГ.

Таким образом, российская модель банкротства иностранных юридических лиц, несмотря на свою «молодость» и некодифицированность, предлагает мировой юридической общественности крайне важные кейсы, связанные с банкротством не только ординарных юридических лиц, но и филиалов крупных транснациональных корпораций.

Библиографический список

1. Карелина С.А. (2025). Правовые проблемы признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений по делам о банкротстве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. № 4. С. 7–22.
2. Мохова Е.В. (2024). Банкротство иностранных компаний в Российской Федерации: теоретические основы, развитие судебной практики, проблемы и перспективы (часть 2) // Вестник экономического правосудия РФ. № 6. С. 134–177.

Информация об авторе

Светлана Александровна Карелина – доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1/13; e-mail: svetlanakarelina@mail.ru)

Karelina S.A.

BANKRUPTCY OF FOREIGN LEGAL ENTITIES IN RUSSIA: KEY ASPECTS

Abstract. *In this article, the author analyzes the legal issues surrounding the bankruptcy of foreign legal entities within the Russian Federation. In particular, the author examines the conditions, prerequisites, and legal models for the bankruptcy of a foreign legal entity's separate estate*.

Keywords: *separate estate of a foreign legal entity, insolvency (bankruptcy), sanctions, primary bankruptcy proceedings, secondary bankruptcy proceedings, center of main interests.*

About the author

Svetlana A. Karelina – Doctor of Sciences (Lw) Professor, Lomonosov Moscow State University (1/13, Leninskiye gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: svetlanakarelina@mail.ru)

References

1. Karelina S.A. (2025). Legal issues of recognition and enforcement of foreign insolvency judgments. *Lomonosov Law Journal*, 4, 7–22.
2. Mokhova E.V. (2024). Bankruptcy of Foreign Companies in the Russian Federation: Theoretical Foundations, Development of Judicial Practice, Problems and Prospects (Part 2). *Herald of Economic Justice*, 6, 134–177.

[3] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 20.10.2025 по делу № А40-208891/2025 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 09.02.2026 № 09АП-64361/2025 по делу № А40-208891/25 // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 336.1 / ББК 65.261

Копытова Е.Д.

РАЗВИТИЕ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. *На фоне современной геополитической ситуации и экономической нестабильности изучение основных тенденций финансовой системы в различные кризисные периоды последних десятилетий становится особенно актуальным.*

Ключевые слова: *финансовая система, глобальные тренды, кризис, мировая экономика.*

Благодарность

Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2025-0011 «Обеспечение устойчивости экономики регионов в контексте укрепления технологического суверенитета и национальной безопасности».

Финансовая система представляет собой важнейший элемент национальной экономики, обеспечивающий накопление, распределение и использование денежных ресурсов государства, хозяйствующих субъектов и населения. Ее стабильность напрямую влияет на экономическую безопасность и устойчивость макроэкономических процессов.

Как отмечают авторы исследования [1], финансовая система государства является составной частью макроэкономической системы, ее состояние и эффективность напрямую определяют динамику экономического развития. При этом глобализационные процессы укрепляют взаимосвязь национальной и мировой финансовых систем и задают векторы их развития.

В последние десятилетия мировая финансовая система подверглась влиянию масштабных кризисных явлений. В частности, коллектив авторов [3], при исследовании тенденций развития финансовой системы в условиях экономического кризиса выделили следующие периоды.

1. Финансовый кризис 1990–х гг. Был обусловлен несостоятельностью банковских систем ряда государств (в т. ч. стран Азии, СССР, Мексики) и характеризовался дисбалансом между масштабами привлечения заемных средств национальными финансовыми институтами и избыточным кредитованием со стороны иностранных банков и частных инвесторов. Это привело к дестабилизации национальных финансовых систем и росту инфляционного давления.

2. Глобальный финансовый кризис 2008 года. Был вызван чрезмерным расширением ипотечного кредитования в США, сопровождавшимся распространением высокорисковых финансовых инструментов (в т.ч. субстандартных ипотечных ценных бумаг). Это привело к росту уровня безработицы, оттоку депозитов из банковской системы США, увеличению долговой нагрузки по потребительскому кредитованию. Для экономики Российской Федерации последствия выразились в ужесточении условий банковского кредитования и сокращении объемов торгового финансирования и др.

3. Финансово-экономический кризис 2020 года. Инициирован пандемией COVID-19, начавшейся в Ухане (Китай). Сопровождался резким снижением деловой активности, масштабной распродажей финансовых активов, рекордным падением котировок акций крупных международных компаний.

4. Кризис 2022 года явился следствием совокупности факторов, таких как: введение масштабных экономических санкций против РФ, незавершенность посткризисного восстановления после пандемии, трансформация системы международных экономических отношений, нарушение глобальных цепочек поставок [3].

Это свидетельствует о том, что в кризисные времена финансовая система подвергается значительным шокам, что создает угрозы экономической безопасности государства. В эти периоды основными инструментами стабилизации выступают регулирование ключевой процентной ставки центральным банком, реализация антикризисных программ поддержки финансовых институтов и реального сектора экономики, координация монетарной и фискальной политики для минимизации негативных последствий кризисных явлений.

Последний пятилетний период развития мировой финансовой системы характеризуется следующими основными тенденциями. В частности, как отмечает Головнин М.Ю. [2], это ускорение инфляционных процессов в мировой экономике с 2022 года, обусловленное нарушением цепочек поставок энергоносителей (в т.ч. масштабными санкциями против России) и продовольственных товаров (из России и Украины). Согласно оценкам ОЭСР, в I квартале 2022 года темп инфляции в США составил 8% [2].

Немаловажным является обострение долговой проблемы на фоне повышения процентных ставок центральными банками, что ведет к росту стоимости заемных средств в экономике, который в среднесрочной и долгосрочной перспективе обостряет долговую нагрузку.

Как справедливо отметил автор исследования [2], современные тенденции развития мировой финансовой системы характеризуются угрозой нарастания тенденций фрагментации в мировой финансовой системе. Санкционное давление на Россию (замораживание активов, отключение от SWIFT и др.) инициирует формирование альтернативных расчетных систем, снижение доминирования доллара США и рост роли альтернативных валют (юань) и цифровых валют центральных банков (multiCBDC).

Кроме этого, ограниченность финансовых ресурсов приводит к переориентации с долгосрочных задач (климатическая повестка, борьба с неравенством) на обеспечение экономической и военно-политической безопасности на фоне проведения специальной военной операции.

Согласно оценке Банка России, возможен сценарий резкого ухудшения ситуации в 2026 году, характеризующийся масштабной эскалацией тарифных ограничений; резким спадом в крупнейших экономиках мира; кризисными явлениями на рынках капитала, обусловленными проблемами в реальном секторе; накопленными дисбалансами на финансовых рынках развитых стран. Как отмечается в документе, подготовленным по статистическим данным на 01.10.2025 год[1], реализация данного сценария может привести к мировому финансовому кризису, сопоставимому по масштабам с кризисом 2007–2008 гг. В числе прогнозируемых последствий при этом выделяются:

– значительное сокращение мирового спроса на фоне рецессии в США и еврозоне и существенного замедления экономического роста в Китае;

– ответную реакцию центральных банков в форме снижения процентных ставок;

– устойчивое снижение цен на нефть в 2026 году без восстановления до уровней базового сценария к концу прогнозного периода;

– расширение дисконта на российские товары вследствие усиления санкционного давления, а также умеренное сокращение объемов экспорта и добычи нефти;

– замедление текущих и потенциальных темпов роста российской экономики, сопровождающееся усилением инфляционного давления и требующее соответствующей корректировки денежно-кредитной политики.

На фоне смещения стратегических приоритетов происходит усиление неопределенности в мировой финансовой системе. Данная тенденция обусловлена не только текущими геополитическими и экономическими событиями, но и предшествующими процессами нарастания нестабильности. Усиление влияния политических факторов на экономические процессы требует адаптации существующих моделей регулирования финансовой системы к новым реалиям.

Библиографический список

1. Воронцова Г.В., Карлов Д.И. (2020). Перспективы развития мировой финансовой системы в современных условиях // Фундаментальные исследования. № 5. С. 45–53.

2. Головнин М.Ю. (2022). Мировая финансовая система: глобальные тренды и качественные изменения // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 235. № 3. С. 95–104. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-235-3-95-104.

[1] Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 // Центральный банк Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/181362/onrfr.pdf (дата обращения: 08.05.2026).

3. Ваганова О.В., Мельникова Н.С., Быканова Н.И., Савицкая А.С., Борисовская П.В. (2024). Тенденции развития финансовой системы в условиях экономического кризиса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. Т. 14. № 3. С. 183–193. DOI: 10.21869/2223-1552-2024-14-3-183-193

Информация об авторе

Екатерина Дмитриевна Копытова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru)

Kopytova E.D.

DEVELOPMENT OF THE FINANCIAL SYSTEM: HISTORICAL PATTERNS AND CURRENT TRENDS

Abstract. *Against the background of the current geopolitical situation and economic instability, the study of the main trends of the financial system in various crisis periods of recent decades is becoming especially relevant.*

Keywords: *financial system, global trends, crisis, world economy.*

About the author

Ekaterina D. Kopytova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru)

References

1. Vorontsova G.V., Karlov D.I. (2020). Prospects for the development of the global financial system in modern conditions. *Fundamental research*, 5, 45–53.
2. Golovnin M.Y. (2022). The world financial system: global trends and qualitative changes. *Scientific papers of the Free Economic Society of Russia*, 235(3), 95–104. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-235-3-95-104
3. Vaganova O.V., Melnikova N.S., Bykanova N.I., Savitskaya A.S., Borisovskaya P.V. (2024). Trends in the development of the financial system in the context of the economic crisis. *Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 14(3), 183–193. DOI: 10.21869/2223-1552-2024-14-3-183-193

УДК 364.34 / ББК 60.99

Лежнева Е.В.

УЧЕТ ИПОТЕЧНОЙ НАГРУЗКИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ ЕДИНОГО ПОСОБИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос возможного учета ипотечных платежей при расчете дохода для единого пособия. Действующий порядок (доход до вычета НДФЛ) завышает благосостояние семей. Предлагается вычитать ипотечный платеж из совокупного дохода.*

Ключевые слова: *ипотечное кредитование, Вологодская область, социальная помощь, уровень жизни, ипотека, прожиточный минимум.*

По данным Вологдастата, в 2025 году среднедушевые денежные доходы населения Вологодской области составили порядка 58000 рублей в месяц, увеличившись на 16,2% по сравнению с 2024 годом[1]. Однако, несмотря на позитивную динамику, уровень бедности в регионе остается значительным: по итогам 2025 года прогнозируется, что за чертой прожиточного минимума будет находиться 7,9% населения, то есть более 85 тысяч человек.

Одной из мер государственной поддержки семей с детьми является единое пособие. Порядок расчета среднедушевого дохода для его назначения регулируется Постановлением Правительства РФ от 31.08.2021 № 2330[2]. Действующий порядок не предусматривает вычета обязательных расходов, в том числе ежемесячных платежей по ипотеке. Более того, для расчета используется показатель начисленной заработной платы до удержания налога на доходы физических лиц (НДФЛ). Фактически в распоряжении семьи остается сумма на 13% меньше, в то время как ипотечный платеж выплачивается именно из «чистых» денег. Возникает двойной разрыв: доход семьи завышен на сумму налога, а обязательный расход не вычитается.

В 2025 году на федеральном уровне был внесен законопроект, предлагающий учитывать ипотечные расходы при расчете доходов для назначения социальной помощи[3]. Однако на региональном уровне отсутствуют исследования, оценивающие количественные эффекты такой меры для Вологодской области с учетом действующих требований банков к заемщикам и специфики расчета дохода (НДФЛ). Настоящая статья восполняет этот пробел.

Проблема влияния ипотечной нагрузки на уровень жизни семей с детьми находится в центре внимания исследователей ВолНЦ РАН с выплатой ипотечного кредита указывается: «Существенная и продолжительная по времени долговая нагрузка, связанная с выплатой ипотечного кредита, значительно снижает уровень жизни домохозяйств с детьми», а для большинства семей с детьми в Вологодской области: «низкий уровень дохода становится непреодолимым препятствием для приобретения собственного жилья» [1]. Однако механизма корректировки официальных доходов при назначении социальных пособий с учетом ипотечной нагрузки автором не предлагается.

В Вологодской области действуют отдельные меры поддержки семей с ипотекой: погашение части ипотеки для многодетных семей в размере до 1 млн рублей, региональная программа «Вологодская семейная ипотека» со сниженной ставкой, а также субсидии на уменьшение процентной ставки по ипотечным кредитам. Данные меры направлены на снижение размера платежа или оказание разовой помощи, однако они не влияют на методику расчета среднедушевого дохода при назначении ежемесячных пособий. Семья может получать льготную ставку по ипотеке, но при этом формально превышать лимит дохода для получения единого пособия. Таким образом, существующие меры не заменяют предлагаемый механизм, а могут действовать параллельно.

---

[1] Основные экономические и социальные показатели Вологодской области в 2025 году: статистический бюллетень // Вологдастат. 52 с.

[2] Об утверждении Правил назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка: Постановление Правительства РФ от 31.08.2021 № 2330 (ред. от 24.05.2024).

[3] ЛДПР предложила учитывать ипотечные платежи при назначении соцпомощи // Спроси Дом РФ. URL: спроси.дом.рф/news/ipotechnye-platezhi-predlozhili-uchityvat-pri-naznachenii-sotspomoshchi (дата обращения: 10.05.2026).

В мировой практике существуют отдельные аналоги. В Великобритании действует программа Support for Mortgage Interest (SMI), в рамках которой государство оказывает помощь в выплате процентов по ипотеке получателям социальных пособий[4]. В ряде стран (Кения, Чешская Республика, Германия) применяется налоговый вычет по ипотечным процентам (Mortgage Interest Deduction), позволяющий уменьшать налогооблагаемый доход[5]. Кроме того, в 2011 году вопрос о необходимости учета ипотечных платежей при назначении пособий поднимался в парламенте Ирландии[6] [5]. Для России, и особенно для Вологодской области, отсутствуют публикации с конкретными расчетами эффекта от вычета ипотечного платежа для целей назначения единого пособия с учетом фактора НДФЛ, что обосновывает необходимость настоящего исследования.

Автор предлагает при расчете среднедушевого дохода для назначения единого пособия вычитать из совокупного дохода семьи сумму ежемесячного ипотечного платежа. При этом важно учитывать, что доход по действующим правилам считается до вычета НДФЛ, тогда как ипотечный платеж выплачивается из суммы после налогообложения. Предлагаемый вычет частично компенсирует этот разрыв.

Расчетная формула:

$$Д_расч = (Д_сов – И_мес) / Ч_сем, \quad (1)$$

где Д_расч – среднедушевой доход для назначения пособия;

Д_сов – совокупный доход семьи за расчетный период (начисленный, до вычета НДФЛ);

и_мес – сумма ежемесячного ипотечного платежа; Ч_сем – количество членов семьи. Пример расчета (*табл. 1*).

Таблица 1. **Расчет дохода семьи с учетом ипотечного платежа**

Показатель	Сумма (руб.)
Зарплата (начисленная, по данным СФР)	50000
НДФЛ 13% (фактически удержанный)	-6500
Зарплата на руки	43500
Ипотечный платеж	15000
Остаток на жизнь	28500
Доход по действующим правилам СФР	50000 (отказ в пособии)
Предлагаемый расчетный доход	(50000–15000)/Ч_сем
Источник: составлено автором.	

Важным ограничением предлагаемой меры является необходимость учета только ипотечных платежей по единственному жилью (аналогично условиям законопроекта 2025 года) для исключения злоупотреблений.

Внедрение предлагаемой меры может дать следующие эффекты:

1. социальный эффект – повышение реального уровня жизни семей с ипотекой, снижение финансовой нагрузки за счет доступа к пособию;

2. экономический эффект – рост доступности ипотеки стимулирует спрос на жилье → увеличение объемов строительства → создание рабочих мест, рост налоговых поступлений;

3. демографический эффект – снижение финансового стресса у семей с детьми, особенно многодетных, может позитивно сказаться на рождаемости.

Вместе с тем, следует признать возможные риски и ограничения. Увеличение числа получателей единого пособия потребует точного количественного расчета для Вологодской области. Однако современные требования банков к заемщикам (показатель долговой нагрузки не более 50–60%, подтвержденный высокий официальный доход) объективно ограничивают круг семей, которые одновременно имеют ипотеку и низкий «чистый» доход. Большинство таких семей составляют те, кто оформил ипотеку в период более мягких требований (2020–2023 гг.) или столкнулся с последующим снижением дохода. Опасения о массовом назначении пособия при введении вычета требуют дополнительных расчетов, но не представляются вполне обоснованными.

[4] Support for Mortgage Interest (SMI): official guidance // UK Government. URL: https://www.gov.uk/support-for-mortgage-interest (дата обращения: 10.05.2026)

[5] Tax Policy Reforms 2023: OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/tax/tax-policy-reforms-2023.htm (дата обращения: 10.05.2026).

[6] Dáil Éireann Debate. Parliamentary Questions – Social Welfare Benefits. URL: https://www.oireachtas.ie/ (дата обращения: 10.05.2026).

Поскольку действующая методика уже завышает доход на 13% (НДФЛ), предлагаемый вычет ипотечного платежа лишь частично исправляет эту погрешность. Более радикальным решением мог бы быть переход к расчету дохода после вычета НДФЛ, но это требует отдельного законодательного изменения.

Назначение единого пособия не ограничено формальным требованием иметь двух и более детей. Однако с ростом числа детей в семье возрастает величина прожиточного минимума для расчета пособия, а также увеличивается ипотечная нагрузка (потребность в большем жилье). Следовательно, предлагаемая мера будет наиболее востребована именно многодетными семьями, что соответствует целям государственной демографической политики.

Предлагаемое автором изменение методики расчета дохода для единого пособия (вычет ипотечного платежа из совокупного дохода) является логически обоснованным и потенциально эффективным инструментом повышения уровня жизни населения Вологодской области. В отличие от федеральных инициатив, статья предлагает конкретную региональную привязку, учитывает действующий порядок расчета дохода (с учетом НДФЛ) и анализирует ограничения, связанные с требованиями банков к заемщикам. Дальнейшие исследования должны быть направлены на количественную оценку числа семей в Вологодской области, которые могут получить поддержку, и расчет дополнительной нагрузки на бюджет.

Библиографический список

1. Нацун Л.Н. (2024). Ипотечная нагрузка и уровень жизни домохозяйств с детьми в Вологодской области // Вопросы территориального развития. Т. 12. № 3. С. 45–58.

Информация об авторе

Елена Владимировна Лежнева – магистрант, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lezhnevaelena21@gmail.com)

Lezhneva E.V.

ACCOUNTING FOR MORTGAGE BURDEN IN THE CALCULATION OF FAMILY BENEFITS AS A FACTOR OF IMPROVING THE STANDARD OF LIVING IN VOLOGDA OBLAST

Abstract. *The article examines the potential inclusion of mortgage payments in the income calculation for unified family benefits. The current procedure uses income before personal income tax deduction, thereby overstating families' actual financial position. A mechanism for deducting mortgage payments is proposed.*

Keywords: *mortgage lending, Vologda Oblast, social assistance, standard of living, mortgage, subsistence minimum.*

About the author

Elena V. Lezhneva – Master Degree Student, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lezhnevaelena21@gmail.com)

References

1. Natsun L.N. (2024). Mortgage burden and standard of living of households with children in the Vologda Oblast. *Territorial development issues*, 12(3), 45–58.

УДК 316.654:316.334.3:303.425.2(476) / ББК 60.027.7

Мятникова И.В.

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. *В работе анализируется дихотомия «собственное жилье» и «доступная аренда», готовность к замене социальных гарантий снижением налогов, отношение к внерыночным инструментам налогообложения, в частности к налогу на бездетность. Фиксируется запрос на прогрессивное налогообложение для высокодоходных групп.*

Ключевые слова: *социальная справедливость, патернализм, налоговая политика, арендное жилье, налог на бездетность, пенсионный возраст.*

В условиях трансформации социально-экономических моделей и нарастающей турбулентности глобальной экономики перед странами с переходной экономикой встает вопрос уточнения условного «общественного договора», регулирующего отношения между гражданином и институтами власти [1]. Дилемма распределения коллективных ресурсов между частным и общественным секторами, а также мера допустимой фискальной нагрузки остаются центральными темами публичных дискуссий и предметом социологического анализа [2]. Особую значимость данные сюжеты приобретают в Республике Беларусь, где исторически сложившаяся патерналистская модель социальной политики сталкивается с необходимостью адаптации к требованиям рыночной эффективности и бюджетной устойчивости [3; 4].

Настоящее исследование посвящено изучению ценностных ориентаций и установок населения в отношении справедливости распределения налогового бремени, доступности жилья, монетизации социальных услуг и параметров пенсионной системы. Ключевой исследовательский вопрос заключается в выявлении степени готовности различных социально-демографических групп к смене вектора государственной политики: от всеобъемлющего бесплатного обеспечения к адресной поддержке, сопряженной с большей индивидуализацией рисков. Эмпирической базой послужили данные республиканского телефонного опроса, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси. Анализ сфокусирован на противоречивых сигналах, поступающих от общества: запрос на эгалитаризм в жилищной и налоговой сферах сочетается с избирательным одобрением фискальных мер в отношении отдельных категорий граждан. Все это говорит о том, что любые решения в рамках уточнения указанного «общественного договора» должны быть выверенными и взвешенными, чтобы сохранить потенциал устойчивого развития государства без волнений и потрясений.

С целью изучения общественного мнения в рамках обозначенного проблемного поля Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в 1 квартале 2025 года проведен телефонный опрос. Исследование проводилось во всех областных городах и г. Минске, отдельных районных городах и сельских населенных пунктах (ошибка выборки ±3,3%). Выборочная совокупность составила 900 респондентов.

Жилье является необходимым элементом обеспечения комфорта и чувства безопасности в жизни каждого человека, однако свой дом или собственная квартира по разным причинам доступны не каждому. Снижение строительства жилья в частную собственность для расширения возможностей предоставления недорогого арендного жилья поддержали бы 42,0%[1] белорусов, тогда как не приняли бы эту идею – 28,9%[2] (*рис. 1*). Стоит отметить высокую долю затруднившихся ответить на этот вопрос: 29,1% респондентов не смогли четко обозначить свою позицию. Обращает на себя внимание то, что более половины опрошенных сельских жителей (53,9%) поддержали бы рассматриваемую инициативу, в то время как среди горожан с ней согласились бы только 38,8%. Не поддержали бы эту идею 19,5% сельчан и 31,5% жителей городов (затруднились ответить 26,6% жителей села, 29,8% жителей городов). Молодежь (18–30 лет) чаще указывала, что поддержала бы снижение строительства жилья в частную собственность для расширения возможностей предоставления недорогого арендного жилья (47,0%), чем представители средней (31–57/62 года) – 44,8% и старшей (57/63 и старше) – 35,3% возрастных групп.

[1] Сумма вариантов ответов «Да» и «Скорее да».

[2] Сумма вариантов ответов «Нет» и «Скорее нет».

Рис. 1. **Распределение ответов на вопрос «Поддержали бы Вы снижение строительства жилья в частную собственность для расширения возможностей предоставления недорогого арендного жилья?»,** % от числа опрошенных

Источник: составлено автором.

Налоговая система страны представляет собой сбалансированный институт, обеспечивающий за счет перераспределения суммы отчислений функционирование всех сфер государственного образования. Значительное снижение налоговых отчислений, но предоставление услуг здравоохранения, ЖКХ, образования по их полной рыночной стоимости поддержали бы всего 28,9% населения Республики Беларусь, не поддержали – 46,0%. Затруднились ответить на данный вопрос четверть (25,1 %) участников опроса (*рис. 2*). Чаще одобряли подобную инициативу жители села (33,7 против 27,5% среди горожан). Меньше всего поддержки данная идея получила от респондентов старшей возрастной группы (21,3%), по сравнению с младшей (33,7%) и средней (32,2%).

Рис. 2. **Распределение ответов на вопрос «Поддержали бы Вы значительное снижение налоговых отчислений, но предоставление услуг здравоохранения, ЖКХ, образования по их полной рыночной стоимости?»,** % от числа опрошенных

Источник: составлено автором.

Большинство респондентов (68,0%) указали, что не поддержали бы введение налога на бездетность в случае его потенциального введения. Каждый пятый опрошенный одобрил бы эту идею (19,4%). Затруднились ответить на вопрос 12,6% респондентов (*рис. 3*). Практически треть жителей села (31,1%) оказали бы свою поддержку такому новому виду налогообложения, в то время как среди горожан такой же позиции придерживаются только 16,2%. Среди мужчин налог на бездетность нашел свое одобрение в 30,0% случаев, а среди женщин – только в 10,3%.

Рис. 3. **Распределение ответов на вопрос «Поддержали бы Вы введение налога на бездетность?»,** % от числа опрошенных

Источник: составлено автором.

Повышение налоговых отчислений для граждан, имеющих высокие доходы, поддержали бы 62,8% населения, не одобрили бы такое потенциальное нововведение 22,2%, затруднились ответить – 15,0% (*рис. 4*). Мужчины чаще выражали согласие с этой инициативой, чем женщины (66,5 против 59,7%). Более активная поддержка предлагаемому формату налоговых отчислений характерна для представителей старшей возрастной группы (72,5%), в то время как аналогичной позиции придерживались 64,6% респондентов средней и 38,0% младшей возрастной группы.

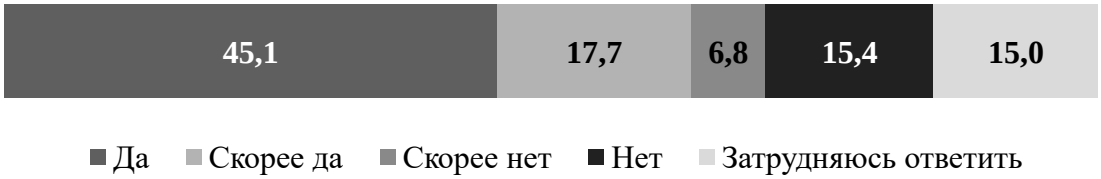

Рис. 4. **Распределение ответов на вопрос «Поддержали бы Вы повышение налоговых отчислений для граждан, имеющих высокие доходы?»,** % от числа опрошенных
Источник: составлено автором.

Одним из способов снижения налоговой нагрузки на занятое население является изменение пенсионного возраста. Установление одинакового возраста выхода на пенсию для мужчин и женщин не имеет поддержки среди большинства респондентов: не поддержали 62,7% участников опроса, только 28,5% опрошенных одобрили, затруднились ответить 8,8% респондентов (*рис. 5*). Жители села чаще, чем горожане, указывали, что поддержали бы установление одинакового возраста выхода на пенсию (39,1 против 25,6%). При этом, около трети мужчин (30,7%) отметили свое одобрение данной инициативы, тогда как женщины выражали согласие только в 26,6% случаев. Стоит заметить, что более молодая часть населения чаще отвечала, что одобрила бы эту идею, чем представители других возрастных групп (45,8% в возрасте 18–30 лет; 28,3% в возрасте 31–57/62 лет; 20,1% старше 58/63 лет).

Рис. 5. **Распределение ответов на вопрос «Поддержали бы Вы установление одинакового возраста выхода на пенсию для мужчин и женщин?»,** % от числа опрошенных
Источник: составлено автором.

Проведенный анализ общественного мнения позволил зафиксировать комплекс разнонаправленных, но внутренне логичных установок населения Республики Беларусь в отношении ключевых параметров социальной справедливости. Полученные данные отражают доминирующий общественный запрос на сохранение патерналистской модели взаимодействия с государством, однако эта модель существенно дифференцирована в зависимости от конкретной сферы регулирования.

Прежде всего, обращает на себя внимание принципиальное неприятие большинством граждан идеи монетизации базовых социальных гарантий. Лишь немногим более четверти опрошенных готовы отказаться от бесплатного здравоохранения, образования и жилищно-коммунальных услуг в обмен на значительное снижение налогов. Это указывает на то, что коллективная защита от жизненных рисков воспринимается как неотчуждаемая ценность, а государство рассматривается преимущественно как гарант равного доступа к социальным благам, а не как институт, обеспечивающий фискальную автономию граждан. В этом же контексте интерпретируется сдержанная поддержка расширения рынка арендного жилья за счет сокращения частного строительства: хотя значимая часть и одобрила бы такой вектор, высокая доля затруднившихся с ответом и заметный скепсис среди горожан говорят о сохранении высокой символической значимости частной собственности на жилье.

Вместе с тем общество демонстрирует отчетливый запрос на усиление вертикальной справедливости в налогообложении. Идея повышения налоговой нагрузки на высокодоходные группы получила консолидированную поддержку респондентов, достигнув пика в старшей возрастной когорте. Этот результат вступает в определенное противоречие с общим неприятием роста фискального давления: граждане допускают перераспределительные меры, направленные на сокращение неравенства, но крайне негативно воспринимают их, как только они затрагивают универсальные социальные права.

Еще более выражена избирательность общественного мнения в отношении демографически ориентированных фискальных инструментов. Налог на бездетность как потенциальная мера не нашел поддержки у подавляющего большинства граждан, а среди женщин эта доля достигает критически низких значений. Аналогичным образом вопрос о едином пенсионном возрасте для мужчин и женщин выявил устойчивое противостояние, причем даже среди молодежи поддержка не достигает и половины опрошенных. Это свидетельствует о том, что гендерная дифференциация пенсионных условий воспринимается скорее как устоявшаяся социальная гарантия, нежели как дискриминационная норма.

Глубокие различия в ответах жителей города и села, а также представителей разных возрастных групп позволяют говорить о гетерогенности ценностно-нормативного пространства белорусского общества. Сельское население чаще выступает за арендное жилье, заметно лояльнее относится к налогу на бездетность и чаще одобряет унификацию пенсионного возраста. Горожане, напротив, демонстрируют более консервативные установки в отношении жилищной собственности и семейно-демографической политики, но одновременно более чувствительны к вопросам гендерного равенства. Молодежь ожидаемо более адаптивна к возможным институциональным изменениям (арендное жилье, унификация пенсионного возраста), однако и она не готова к отказу от бесплатности социальных услуг.

Полученные результаты подводят к выводу, что в белорусском социуме сосуществуют несколько моделей справедливости: эгалитарно-распределительная (прогрессивное налогообложение), консервативно-семейная (неприятие налога на бездетность) и патерналистски-государственная (отказ от монетизации социальных прав). Высокая доля затруднившихся с ответом по ряду принципиальных вопросов указывает на то, что процесс кристаллизации общественного мнения далек от завершения, а предлагаемые изменения воспринимаются значительной частью населения как преждевременные или недостаточно артикулированные. В практической плоскости это означает, что любые реформы, затрагивающие сложившиеся институты социальной защиты и перераспределения, требуют не только тщательного экономического обоснования, но и широкой общественной дискуссии, учитывающей выявленные поколенческие, гендерные и поселенческие размежевания.

Библиографический список

1. Бельский А.М. (2018). Деструктивные факторы развития Беларуси в социологическом фокусе // Социологический альманах. Вып. 9. Минск: Издательский дом «Беларуская навука», С. 62–69.
2. Баюрова С.Г. (2015). Социальная справедливость и социальная безопасность: конфликты и противоречия // Стратегии социального развития современного общества: российские и мировые тренды: сборник материалов XIV Международного социального конгресса. Москва: Российский государственный социальный университет. С. 62–64.
3. Бельский А.М. (2023). Индекс социальной напряженности и развитие страны: социологический аспект // Социологический альманах. Вып. 14. Минск: Издательский дом «Беларуская навука». С. 23–33.
4. Бельский А.М. (2019). Ключевые вызовы развития независимой Беларуси в фокусе медиа и уровень социальной напряженности: социологическая реконструкция // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. № 4. С. 117–125.

Информация об авторе

Ирина Владимировна Мятникова – заведующий сектором информационного и аналитического обеспечения Центра оперативных исследований Института социологии Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1; e-mail: mivmiv84@yandex.ru)

Miatnikova I.V.

SOCIAL JUSTICE IN PUBLIC OPINION: BASED ON THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL RESEARCH

Abstract. *The article analyzes the dichotomy of "homeownership" versus "affordable rent" the willingness to replace social benefits with tax cuts, and attitudes toward non-market taxation instruments, particularly the childlessness tax. It also identifies a demand for progressive taxation for high-income groups.*

Keywords: *social justice, paternalism, tax policy, rental housing, childlessness tax, retirement age.*

About the author

Irina V. Miatnikova – Head of the Information and Analytical Support Sector, Center for Operational Research, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (1, Surganova Street, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: mivmiv84@yandex.ru)

References

1. Belski A.M. (2018). Destructive Factors of Belarus's Development in Sociological Focus. *Sociological Almanac*. Issue 9. Minsk: Publishing House "Belarusian Science", 62–69.
2. Bayurova S.G. (2015). Social Justice and Social Security: Conflicts and Contradictions. *Strategies for the Social Development of Modern Society*: Russian and Global Trends: in collection of Materials of the XIV International Social Congress. Moscow: Russian State Social University, 62–64.
3. Belski A.M. (2023). The Index of Social Tension and the Country's Development: A Sociological Aspect. *Sociological Almanac*. Issue 14. Minsk: Publishing House "Belarusian Science", 23–33.
4. Belski A.M. (2019). Key Challenges in the Development of Independent Belarus in the Focus of the Media and the Level of Social Tension: A Sociological Reconstruction. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 4, 117–125.

УДК 336.76 / ББК 65.262

Осмоловец С.С.

ИНФОРМАЦИОННОЕ НЕРАВЕНСТВО НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена теоретическим аспектам роли информации на финансовом рынке в условиях цифровизации. Раскрывается тезис о поведенческих аспектах восприятия индивидами раскрываемой информации и формировании нового типа информационного неравенства, обусловленного невозможностью ее обработки.*

Ключевые слова: *финансовый рынок, раскрытие информации, цифровизация, когнитивные искажения.*

В условиях цифровизации значимую роль в функционировании финансовых рынков приобретает информация о ценах на финансовые активы. Своевременное и полное раскрытие информации позволяет обеспечивает прозрачность сделок, справедливую конкуренцию на рынке. Первоначальные представления о роли информации на рынках базировались на тезисе о том, что она позволяет инвесторам ориентироваться во множестве финансовых продуктов, предоставляет им основу для принятия инвестиционных решений, является инструментом обеспечения справедливой торговли.

Теоретические основы влияния информационной асимметрии на функционирование рынков были сформированы в 1960-х гг. в работах Дж. Акерлофа, Ю. Фамы, Дж. Стиглица. Значение работ Дж. Акерлоффа состоит в теоретическом обосновании роли информационной асимметрии на финансовых рынках. Неравенство в распределении информации возникает, по мнению Дж. Акерлоффа, когда одна из сторон сделки лучше осведомлена о ее условиях, чем другая, что оказывает влияние на искажение рыночных цен и принятие решения. Неравномерное распределение информации между участниками рынка приводит к неблагоприятному рыночному отбору, при котором лица, обладающие определенными знаниями о рыночных активах, используют их в ущерб иным участникам рынка, например совершая манипулятивные сделки [1; 2]. Дж. Стиглиц считал, что в результате неравномерного распределения информации на рынке могут возникать рыночные провалы, что требует государственного регулирования [3, с. 358]. В основе концепции информационной эффективности финансовых рынков Юджина Фамы лежит тезис о том, что цены на финансовые активы отражают всю доступную инвесторам информацию, что делает невозможным долгосрочные отклонения цен от их справедливого значения [4].

Если в основе ранних теоретических исследований влияния информации на функционирование финансового рынка положена модель рационального поведения участников рынка, то развитие поведенческой экономики и финансов позволило рассмотреть финансовый рынок через призму иррационального поведения его участников, обусловившего формирование долгосрочных ценовых аномалий.

С развитием информационных технологий меняется качество раскрытия информации и ее объем. Если в 1970-е гг. информация поступала на рынок преимущественно из официальных органов (биржи, информационные агентства, государственные регулирующие органы, СМИ), то в настоящее время информация поступает из разных источников, при этом преобладают непроверенные публикации из социальных сетей. К факторам роста объема информации на рынке относят ее избыток в связи с расширением цифрового пространства и повышением потребности в информации; массовое создание пользователями социальных сетей и цифровых платформ частного контента; функционирование алгоритмов представления новостей целевой аудитории; высокую скорость передачи и распространения информации [5].

Рост количества источников информации и экспоненциальное повышение ее объемов требует от участников рынка развития способностей к обработке и анализу этой информации, однако когнитивные возможности индивидов ограничены. Особую роль в распространяемой в социальных сетях информации играет информационный шум, обусловленный случайным и намеренным распространением слухов, сплетен, искаженной (неверно обработанной) информации [5].

Возникновение информационного шума на финансовом рынке приводит к когнитивным искажениям инвесторов, оказывает влияние на справедливое формирование цен, способствует манипулированию рынком. Так, в условиях стресса, нехватки времени и информационной перегрузки индивиды не могут обработать всю поступающую информацию оптимально, поэтому при принятии решений они действуют ограниченно рационально и применяют ментальные упрощения (эвристики) при принятии решений, что делает их уязвимыми для слухов [5, p. 24–26]. Противоречивая информация о финансовом активе приводит к усилению неопределенности в принятии решений. Индивиды в условиях информационного шума и слухов могут переоценивать негативные сценарии и действовать либо излишне консервативно, либо совершать случайные сделки, которые способствуют росту волатильности цен [6, p. 105].

Таким образом, экспоненциальное насыщение финансового рынка информацией не способствует снижению информационной асимметрии ввиду различий в доступности ресурсов для принятия решений (компьютерные мощности для обработки больших массивов информации, интеллектуальные системы принятия решений) у разных участников рынка. Поэтому в условиях цифровизации развитие каналов, способов подачи информации, инструментов обработки информации создают новую форму информационного неравенства, выраженную в асимметрии возможностей (технологических, интеллектуальных, временных) ее обработки.

Рынок цифровых и виртуальных активов подвержен манипулированию. Ограниченные требования к раскрытию информации на централизованных криптобиржах и отсутствие таких требований на децентрализованных сервисах способствуют манипулированию рынком, в том числе путем имитации торговли, которая в среднем составляет более 70% от заявленного объема на нерегулируемых биржах [7]. Доказано, что динамику цен на виртуальные активы определяет распространение информации посредством социальных сетей [8]. В практике финансовых рынков намеренное манипулирование рынком посредством распространения ложной информации принято ограничивать и пресекать.

Однако рост объемов информации на рынке может приводить и к непреднамеренному ее искажению и формированию информационного шума ввиду ее субъективной интерпретации, а также склонности индивидов к упрощению [9]. В социальных сетях искажение информации усиливается по мере передачи от одного индивида другому, при этом субъективные когнитивные особенности участников приводят к накоплению информационных искажений и синхронизации ошибочных мнений [10]. Но если возможно предупредить намеренное искажение информации путем установления регламента на распространение информации и ее использование в сделках, то распространение слухов и информационный шум, формируемый в результате взаимодействия участников рынка в информационных сообществах, социальных сетях и каналах устранить практически невозможно.

В экономической литературе доказан тезис о роли социального (общественного) доверия в развитии экономики и снижении уровня трансакционных издержек. Поэтому развитие инструментов раскрытия информации необходимо дополнять коммуникационной политикой регулирующих органов, профессиональных участников рынка (брокеров, доверительных управляющих, инвестиционных фондов, направленной на установление социального доверия инвесторов к финансовому рынку.

Выводы

Выявлен парадокс природы информационной асимметрии на современном финансовом рынке. В условиях непрерывного повышения объемов информации на финансовом рынке устранение информационной асимметрии приводит к неравенству возможностей (когнитивных и технологических) ее обработки и анализа. Это способствует формированию новой формы информационной асимметрии (информационная асимметрия восприятия информации) между участниками рынка, которая не может быть устранена в рамках традиционных моделей регулирования, ориентированных только на объем раскрываемой информации.

Устранение информационной асимметрии восприятия информации посредством регулирования должно быть направлено на качественные аспекты ее раскрытия: формирование равных процедур раскрытия как для участников финансового рынка, так и для организаций рынка криптовалют и токенов; предоставляемая инвесторам информация должна быть должным образом структурирована для последующего анализа и сравнения.

Раскрытие информации для розничных инвесторов должно быть адаптировано под их когнитивные возможности и представлено в форме, максимально удобной для восприятия и анализа, чтобы снизить риск неверной интерпретации данных. Информация, раскрываемая эмитентами, должна обладать достаточной глубиной и качеством, позволяющими розничному инвестору сформировать достоверную оценку риска финансового актива. Для повышения объективности такая отчетность должна дополняться независимыми экспертными оценками со стороны рейтинговых и аналитических агентств.

Библиографический список

1. Akerlof G.A. (2003). Writing the «The Market for 'Lemons'»: A Personal and Interpretive Essay. *Research Papers in Economics*.
2. Wilson C.A. (1979). Equilibrium and Adverse Selection. *The American Economic Review*, 69(2), 313–317.
3. Стиглиц Дж. (2003). Информация и смена парадигмы в экономической науке // ЭКОВЕСТ. № 3. С. 336–421.
4. Fama E.F. (1970). Efficient Capital Markets: A Review of Theory and Empirical Work. *The Journal of Finance,* 25(2), 383-417. DOI: 10.2307/2325486
5. Кантаева К. (2023). Информационный шум в современном обществе: основные тенденции и угрозы // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Социологические и политические науки. № 83. Вып. 3. С. 25–33. DOI: 10.51889/2959-6270.2023.84.4.001
6. Schindler M. (2007). Rumors in Financial Markets: Insights into Behavioral Finance. John Wiley & Sons Ltd.
7. Cong L.W. [et al.]. (2023). Crypto Wash Trading. *Management Science*, 69(11). DOI: 10.1287/mnsc.2021.02709
8. Wen L. [et al.]. (2024). Market Manipulation of Cryptocurrencies: Evidence from Social Media and Transaction Data. *ACM Transactions on Internet Technology*. DOI: 10.1145/3643812
9. Chen Y., Shang R., Kao C. (2009). The effects of information overload on consumers' subjective state towards buying decision in the internet shopping environment. *Electronic Commerce Research and Applications*, 8(1), 48–58. DOI: 10.1016/j.elerap.2008.09.001
10. Tian Y., Li G., Sun P. (2021). Information evolution in complex networks. *Chaos*, 32(7). DOI: 10.1063/5.0096009

Информация об авторе

Светлана Славомировна Осмоловец – кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет (Республика Беларусь, 220070, г. Минск, Партизанский пр-т, д. 26; e-mail: swie1@inbox.ru)

Osmolovets S.S.

INFORMATION INEQUALITY IN THE FINANCIAL MARKET IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract. *The article is devoted to the theoretical aspects of the role of information in the financial market in the context of digitalization. It elaborates on the thesis regarding behavioral aspects of individuals' perception of disclosed information and the formation of a new type of information inequality resulting from the inability to process such information.*

Keywords: *financial market, information disclosure, digitalization, cognitive biases.*

About the author

Svetlana Slavomirovna Osmolovets – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Belarusian State Economic University (26, Partizanskiy Avenue, Minsk, 220070, Republic of Belarus; e-mail: swie1@inbox.ru)

References

1. Akerlof G.A. (2003). Writing the «The Market for 'Lemons'»: A Personal and Interpretive Essay. *Research Papers in Economics*.
2. Wilson C.A. (1979). Equilibrium and Adverse Selection. *The American Economic Review*, 69(2), 313–317.
3. Stiglitz J. (2003). Information and the Change of Paradigm in Economic Science. *EKOVEST*, 3, 336–421.
4. Fama E.F. (1970). Efficient Capital Markets: A Review of Theory and Empirical Work. *The Journal of Finance*, 25(2), 383-417. DOI: 10.2307/2325486
5. Kantaeva K. (2023). Information Noise in Modern Society: Main Trends and Threats. *Bulletin of Abai KazNPU. Series: Sociological and Political Sciences*, 83, 3, 25–33. DOI: 10.51889/2959-6270.2023.84.4.001
6. Schindler M. (2007). Rumors in Financial Markets: Insights into Behavioral Finance. John Wiley & Sons Ltd.
7. Cong L.W. [et al.]. (2023). Crypto Wash Trading. *Management Science*, 69(11). DOI: 10.1287/mnsc.2021.02709
8. Wen L. [et al.]. (2024). Market Manipulation of Cryptocurrencies: Evidence from Social Media and Transaction Data. *ACM Transactions on Internet Technology*. DOI: 10.1145/3643812
9. Chen Y., Shang R., Kao C. (2009). The effects of information overload on consumers' subjective state towards buying decision in the internet shopping environment. *Electronic Commerce Research and Applications*, 8(1), 48–58. DOI: 10.1016/j.elerap.2008.09.001
10. Tian Y., Li G., Sun P. (2021). Information evolution in complex networks. *Chaos*, 32(7). DOI: 10.1063/5.0096009

УДК 336.1 / ББК 65.2

Пугачев А.А.

ЭФФЕКТЫ ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ РЕЗИДЕНТОВ ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *В Ярославской области в целях обеспечения социально-экономического развития и создания рабочих мест в 2017–2018 гг. созданы 3 территории опережающего развития в малых моногородах – Тутаеве, Ростове Великом и Гаврилов-Яме. Анализ эффектов преференциального налогообложения этих территорий опережающего развития показал их преимущества и недостатки.*

Ключевые слова: *территории опережающего развития (ТОР), налоговые льготы, преференциальное налогообложение, резиденты, инвестиции, инвестиционные проекты.*

В соответствии с Федеральным законом №473-ФЗ от 29.12.2014 года «О территориях опережающего развития в Российской Федерации», территория опережающего развития (ТОР) – это часть территории субъекта Российской Федерации, на которой установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности (особые условия ведения бизнеса, включая налоговые и административные льготы) в целях привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для жизни граждан. ТОР начали формироваться в России с 2014 года в рамках реализации Стратегии пространственного развития России, в т. ч. с учетом недостатков и проблем опыта функционирования особых экономических зон [10, с. 130]. В настоящее время в России зарегистрировано 110 ТОР.

ТОР может рассматриваться сегодня как форма синергии преференциального налогообложения и пространственного развития страны [1, с. 114]. Резиденты ТОР получают значительные преференции от государства в виде налоговых льгот и упрощенных административных процедур, что способствует социально-экономическому развитию территорий [2, с. 188]. Основные налоговых льготы предоставляются по следующим налогам:

– налог на прибыль организаций: резиденты ТОР освобождаются от уплаты налога на прибыль организаций в течение определенного периода либо уплачивают сниженную ставку;

– страховые взносы: предусмотрены пониженные ставки страховых взносов для работодателей;

– земельный налог и налог на имущество организаций: полностью освобождены от уплаты или имеют существенные скидки;

– ускоренная амортизация основных фондов.

В условиях проведенной налоговой реформы, роста налоговой нагрузки на бизнес, в т. ч. повышения ставки налога на прибыль организаций до 25% привлекательность налоговых льгот для резидентов ТОР возросла относительно общего налогового режима.

Преференции в административном регулировании для резидентов ТОР заключаются в упрощении порядка регистрации юридических лиц, предоставлении государственных гарантий и субсидий; возможности заключения долгосрочных контрактов с государственными заказчиками.

В Ярославской области созданы 3 ТОР в малых моногородах – Тутаеве (40 тыс. чел.) с 2017 года, Ростове Великом (28 тыс. чел.) и Гаврилов-Яме (16 тыс. чел.) с 2018 года. Основными экономическими требованиями к резидентам ТОР являются следующие:

– минимальный объем капитальных вложений – 2,5 млн руб.,

– минимальное количество создаваемых рабочих мест – 10, а для действующих предприятий – не менее среднесписочной численности за последние 3 года;

– организация не является градообразующей для моногорода или ее дочерней структурой.

Информация о налоговых льготах для резидентов ТОР в Ярославской области приведена в *табл. 1*.

Таблица 1. **Сравнительная характеристика преференциальных налоговых режимов для резидентов ТОР Ярославской области**

Налог	ТОР Тутаев	ТОР Ростов	ТОР Гаврилов-Ям
Налог на прибыль организаций	0% в течение 5 лет		
Страховые взносы	Пониженный тариф 7,6% до 2029 года	Нет льгот	
Налог на имущество организаций	0% в течение 5 лет		
Земельный налог	0% в течение 3 лет		
Налог на добычу полезных ископаемых	Значение коэффициента, характеризующего территорию добычи полезного ископаемого – от 0 – в течение первых 24 налоговых периодов; до 1 после 120 налогового периода		
Источник: Территории опережающего развития // Министерство инвестиций и промышленности Ярославской области. URL: https://invest76.ru/territories-advanced-development?ysclid=map0fmko4j392147581			

В наглядном формате информация о налоговых льготах представлена *рис. 1*.

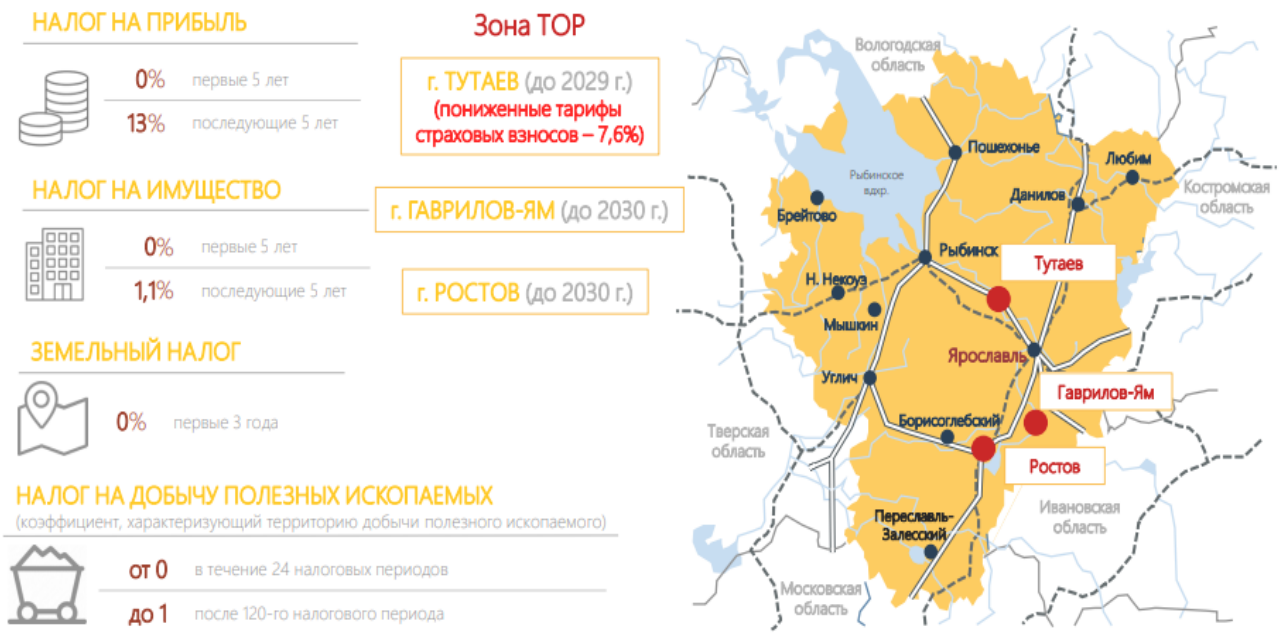

Рис. 1. **Характеристика налоговых льгот в ТОР Ярославской области**
Источник: Территории опережающего развития // Министерство инвестиций и промышленности Ярославской области. URL: https://invest76.ru/territories-advanced-development?ysclid=map0fmko4j392147581

Основным преимуществом ТОР Тутаев является снижение тарифов страховых взносов с 30,2 до 7,6%. Эта мера наиболее привлекательна для резидентов ТОР. Поскольку инвестиционный проект на начальных этапах его реализации, на инвестиционной фазе, то стадии строительства, разработки, подготовки, еще не дает отдачи, то одним из основных налогов в смете затрат будут именно страховые взносы, поскольку прибыль как финансовый результат формуется уже на эксплуатационной фазе проекта [8, с. 90].

Неслучайно губернатор Ярославской области М.Я. Евраев подчеркнул: «Тутаев – единственное место в ЦФО, где вы можете получить великолепный налоговый режим. Это территория опережающего развития. Налог на прибыль – 0, налог на землю – 0, налог на имущество – 0. Это есть и в других местах. А вот такого, чтобы начисления на фонд оплаты труда составляли 7,6 вместо 30%, такого нет в ЦФО нигде»[1].

[1] 2024 год – последний, когда инвесторы могут зайти на территорию опережающего развития «Тутаев» и получить льготы // Вести Ярославль. URL: https://vesti-yaroslavl.ru/novosti/item/79619-2024-god-poslednij-kogda-investory-mogut-zajti-na-territoriyu-operezhayushchego-razvitiya-tutaev-i-poluchit-lgoty

Экономический эффект уже на начальном этапе развития ТОР является положительным. Объем инвестиций достиг 10 млрд руб., а выручка резидентов уже в 2024 году достигла 12 млрд руб. При этом привлекательность ТОР Тутаев с учетом снижения тарифа страховых взносов и экономического потенциала города, а также его выгодного географического положения, существенно выше двух других ТОР. Дополнительно инвесторам ТОР Тутаев доступны механизмы льготного кредитования по программам ВЭБ.РФ – займы от 5 млн до 1 млрд руб. на срок до 15 лет по ставке 1–5%. В результате к 2024 году с момента начала функционирования ТОР в Тутаеве объем инвестиций 10 резидентов превысил 5,3 млрд руб., в то время как в Ростове Великом – 6 резидентов с объемом инвестиций 0,62 млрд руб., а в Гаврилов-Яме – 6 резидентов с объемом инвестиций 0,26 млрд руб.

Количество вновь созданных рабочих мест в совокупности в ТОР Ярославской области достигло 2 тыс., из них 1,3 тыс. с существенным перевесом – также в ТОР Тутаев, около 300 мест в Ростове Великом и около 200 рабочих мест в Гаврилов-Яме. Эти результаты могут казаться сравнительно скромными [6, с. 221], но для малых моногородов, столкнувшихся с серьезными вызовами в 1990–2000 гг. это результаты, отражающие повышения благосостояния граждан и их семей, а также новый импульс дальнейшего социально-экономического развития и устойчивого развития в целом [9, с. 36].

Существенным недостатком в оценке эффектов преференциального налогообложения резидентов территорий опережающего развития в Ярославской области является отсутствие муниципальной и отдельной для ТОР статистики по бюджетным эффектам [4, с. 80] – объемам предоставляемых налоговых льгот и объемам привлеченных налоговых платежей, а также формирующегося налогового разрыва [7, с. 98]. Это не позволяет дать более объективную оценку эффективности и результативности ТОР, в т. ч. для разработки дальнейших направлений совершенствования налоговых режимов для резидентов [3, с. 65].

Основными позитивными эффектами ТОР являются:

– увеличение числа зарегистрированных предприятий и объемов производимой продукции;

– рост количества созданных рабочих мест, улучшение качества занятости и снижение безработицы;

– повышение доходов местного бюджета благодаря увеличению поступлений налогов от расширенной налоговой базы;

– улучшение социальной сферы и условий жизни.

Несмотря на положительные тенденции, реализация проекта ТОР сталкивается с рядом трудностей, которые требуют внимательного анализа и проработанных решений. К ним прежде всего относятся: недостатки комплексного подхода к формированию региональной политики поддержки инвестора; ограниченность финансовых ресурсов региональных и местных бюджетов [5, с. 105]; необходимость улучшения координации действий органов власти и МСУ.

Преференциальная система налогообложения играет значительную роль в развитии экономической активности и повышении конкурентоспособности моногородов Ярославской области. Для дальнейшего развития и совершенствования механизмов преференций в ТОР необходимым представляется совершенствование системы мониторинга и оценки результатов их функционирования.

Библиографический список

1. Гончаренко Л.И. (2024). Налоговые преференции в пространственном развитии страны: терминологический аспект исследования // Финансы: теория и практика. № 28 (4). С. 108–121.
2. Майбуров И.А. (2024). Механизмы и эффекты преференциального налогообложения юридических лиц: монография для магистрантов, обучающихся по программам направлений «Экономика», «Государственный аудит» и «Финансы и кредит». Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 352 с.
3. Майбуров И.А., Иванов Ю.Б. (2015). Налоговые реформы. Теория и практика: монография для магистрантов, обучающихся по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит». Москва: ЮНИТИ-ДАНА. 462 с.
4. Печенская М.А. (2019). Бюджеты региональных центров Северо-Запада: инструменты модернизации или выживания? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 3. С. 77–90.
5. Печенская М.А. (2016). Уровень бюджетно-налоговой компетенции территорий // Региональная экономика: теория и практика. № 10 (433). С. 101–114.
6. Покровская Н.В. (2019). Налоговые условия для бизнеса в странах с формирующимся рынком // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 46. С. 215–228.
7. Пугачев А.А. (2020). Налоговый разрыв на региональном уровне и оценка факторов, его определяющих // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 3. С. 93–110.
8. Пугачев А.А. (2019). Налоговое стимулирование инновационной активности: возможности, приоритеты и региональные особенности // Инновационное развитие экономики. № 5-1 (53). С. 87–92.
9. Сулейманов М.М. (2024). Роль налоговой политики в достижении целей устойчивого развития территорий // Сегодня и завтра российской экономики. № 1 (119). С. 32–42.
10. Цепилова Е.С., Беляева О.И. (2019). Методика оценки эффективности деятельности особых экономических зон в части мер налогового стимулирования производственной деятельности и поддержки занятости населения // Экономика. Налоги. Право. № 12 (6). С. 122–133.

Информация об авторе

Андрей Александрович Пугачев – кандидат экономических наук, доцент, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова» (Российская Федерация,150000, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14; e-mail: andrxim@yandex.ru)

Pugachev A.A.

EFFECTS OF PREFERENTIAL TAXATION OF RESIDENTS OF THE TERRITORIES OF ADVANCED DEVELOPMENT IN THE YAROSLAVL REGION

Abstract. *In the Yaroslavl region in 2017–2018 created 3 territories of advanced development in small single–industry towns – Tutaev, Rostov Veliky and Gavrilov-Yam. This is done in order to ensure socio-economic development and create jobs. An analysis of the effects of preferential taxation of these TOPS has shown their advantages and disadvantages.*

Keywords: *territories of advanced development, tax benefits, preferential taxation, residents, investments, investment projects.*

About the author

Andrey A. Pugachev – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of the Department of Finance and Credit, P.G. Demidov Yaroslavl State University (14, Sovetskaya Street, Yaroslavl, 150000, Russian Federation; e-mail: andrxim@yandex.ru)

References

1. Goncharenko L.I. (2024). Tax Preferences in the Spatial Development of the Country: Terminological Aspect of the Study. *Finance: Theory and Practice*, 28(4), 108–121.
2. Mayburov I.A. (2024). Mechanisms and Effects of Preferential Taxation of Legal Entities: monography for Master's Students Studying Economics, Public Audit, and Finance and Credit. Moscow: UNITY-DANA.
3. Mayburov I.A., Ivanov Yu.B. (2015). Tax Reforms. Theory and Practice: monography for Master's Students Studying in the Specialties "Finance and Credit" and "Accounting, Analysis, and Audit". Moscow: UNITY-DANA.
4. Pechenskaya M.A. (2019). Budgets of Regional Centers in the North-West: Tools for Modernization or Survival? *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(3), 77–90.
5. Pechenskaya M.A. (2016). The Level of Budgetary and Tax Competence of Territories. *Regional Economics: Theory and Practice*, 10(433), 101–114.
6. Pokrovskaya N.V. (2019). Tax Conditions for Business in Emerging Markets. *Bulletin of Tomsk State University. Economics*, 46, 215–228.
7. Pugachev A.A. (2020). Tax Gap at the Regional Level and Assessment of the Factors Determining It. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13(3), 93–110.
8. Pugachev A.A. (2019). Tax Incentives for Innovative Activity: Opportunities, Priorities, and Regional Features. *Innovative Development of the Economy*, 5-1(53), 87–92.
9. Suleymanov M.M. (2024). The Role of Tax Policy in Achieving the Goals of Sustainable Territorial Development. *Today and Tomorrow of the Russian Economy*, 1(119), 32–42.
10. Tsepilova E.S., Belyaeva O.I. (2019). Methodology for Assessing the Effectiveness of Special Economic Zones in Terms of Tax Incentives for Production Activities and Employment Support. *Economics. Taxes. Law*, 12(6), 122–133.

УДК 336.71.078.3 / ББК 65.050

Сибирякова Н.В.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РЫНКА ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

Аннотация. *Цель исследования состоит в комплексном анализе проблем формирования и развития рынка финансовых услуг в Российской Федерации, выявлении системных ограничений его функционирования, определении ключевых противоречий современного этапа и обосновании направлений совершенствования данной сферы.*

Ключевые слова: *рынок финансовых услуг, инвестиции, банковоцентричность, финансовый рынок, банковский сектор, система быстрых платежей.*

Актуальность исследования проблем формирования и развития рынка финансовых услуг в Российской Федерации обусловлена тем, что данный рынок в современных условиях выступает не только сферой обращения банковских, страховых, инвестиционных, расчетных и иных специализированных продуктов, но и одним из ключевых механизмов перераспределения денежных ресурсов в национальной экономике. Через институты финансового рынка обеспечиваются аккумуляция временно свободных денежных средств, трансформация сбережений в инвестиции, обслуживание расчетного оборота, поддержание предпринимательской активности, стимулирование потребительского спроса и повышение общей устойчивости хозяйственной системы. Вследствие этого состояние рынка финансовых услуг непосредственно отражается на качестве экономического роста, уровне деловой активности, инвестиционном климате, доступности финансовых ресурсов для населения и организаций, а также на способности государства реализовывать стратегические задачи социально-экономического развития.

Особую значимость исследуемая проблематика приобретает в условиях структурной трансформации российской экономики, ускоренного внедрения цифровых технологий, изменения модели государственного регулирования, усиления внешних ограничений и повышения требований к устойчивости финансовых институтов. Формирование современного рынка финансовых услуг в Российской Федерации происходит под воздействием противоречивых тенденций. С одной стороны, наблюдаются расширение спектра финансовых продуктов, развитие дистанционных сервисов, рост значения экосистем, совершенствование платежной инфраструктуры, распространение цифровых платформ и повышение роли небанковских участников. С другой стороны – сохраняются институциональные диспропорции, территориальная неравномерность доступа к качественным финансовым услугам, недостаточный уровень доверия части населения к финансовым посредникам, высокая зависимость ряда сегментов от регуляторных решений, ограниченность финансовых ресурсов и недостаточная вовлеченность в легальные инвестиционные инструменты. Указанные обстоятельства предопределяют необходимость углубленного научного осмысления факторов, препятствующих полноценному развитию рынка финансовых услуг, а также поиска направлений его качественного обновления.

Существенный вклад в изучение общих закономерностей развития финансовых отношений, финансовых институтов и рыночных механизмов внесли Л.И. Абалкин, А.Г. Аганбегян, О.И. Лаврушин, Г.Б. Поляк, В.В. Ковалев, И.Т. Балабанов, М.В. Романовский, С.А. Белозеров, Я.М. Миркин, С.Ю. Глазьев, М.А. Эскиндаров, А.Д. Шеремет, Е.Ф. Жуков, В.М. Родионова, В.В. Бочаров, Н.Г. Сычев, И.А. Бланк. Вопросы институциональной организации финансового рынка, его сегментации, регулирования и обеспечения устойчивости финансовых посредников рассматривались также в трудах Г.Н. Белоглазовой, А.М. Тавасиева, А.В. Молчанова, Т.Э. Рождественской, Н.И. Берзона, В.Д. Миловидова, Д.А. Панова и других исследователей. Среди зарубежных ученых, оказавших влияние на теоретическое осмысление финансовых рынков и финансового посредничества, следует назвать Юджина Фаму, Роберта Мертона, Джозефа Стиглица, Дугласа Норта, Рональда Маккиннона, Эдварда Шоу, Фредерика Мишкина и Хаймана Мински.

Рынок финансовых услуг в Российской Федерации представляет собой одну из базовых институциональных подсистем национальной экономики, поскольку именно через него осуществляется перераспределение денежных ресурсов между секторами хозяйства, трансформация сбережений в инвестиции, обслуживание платежного оборота, страховая защита имущественных интересов и формирование каналов долгосрочного финансирования. Современное состояние данного рынка определяется сочетанием нескольких разнонаправленных тенденций. С одной стороны, наблюдаются технологическое усложнение финансовых сервисов, рост безналичных расчетов, расширение дистанционного доступа к банковским, страховым и инвестиционным продуктам, развитие инфраструктуры быстрых платежей и усиление роли розничного инвестора. С другой стороны, рынок сохраняет структурные ограничения: высокую концентрацию ресурсов у крупнейших участников, зависимость многих сегментов от регуляторной поддержки, неодинаковую доступность услуг по территориям, дефицит длинных денег, сохраняющиеся проблемы мисселинга, асимметрии информации и недостаточного доверия потребителей к сложным финансовым продуктам. Банк России в среднесрочных направлениях развития финансового рынка прямо связывает его дальнейшую эволюцию с повышением доступности услуг, доверием потребителей, трансформацией сбережений в инвестиции и устойчивостью инфраструктуры, что показывает системный, а не отраслевой характер рассматриваемой проблемы.

С экономической точки зрения первая крупная проблема формирования рынка финансовых услуг в Российской Федерации связана с его исторически сложившейся банковоцентричностью. Банковский сектор по-прежнему играет доминирующую роль в перераспределении ликвидности, в обслуживании платежей и в кредитном обеспечении хозяйственного оборота, тогда как небанковские каналы финансирования и страховой защиты развиваются неравномерно. Такая модель имеет очевидные преимущества на этапе институционального становления, поскольку именно банки способны быстро масштабировать инфраструктуру и обеспечивать унифицированный доступ к базовым услугам. Однако на более зрелой стадии банковоцентричность начинает выступать фактором ограничения, так как зависимость экономики от банковского кредита увеличивает чувствительность рынка к процентной политике, удорожанию фондирования и регуляторным ограничениям. По официальным материалам Банка России, в 2024 году финансовый сектор функционировал в условиях высокой инфляции и ужесточения денежно-кредитной политики; ключевая ставка была повышена до 21% для сдерживания инфляционного давления. В такой среде кредит становится дороже, а спрос на отдельные финансовые продукты смещается в сторону краткосрочных и менее рискованных форм размещения средств. Это означает, что развитие рынка финансовых услуг не может опираться только на кредитную экспансию банков и требует более глубокой диверсификации источников фондирования через страховые, инвестиционные, пенсионные и иные долгосрочные механизмы.

Вторая системная проблема заключается в противоречии между количественным ростом отдельных сегментов и качеством их институционального наполнения. Так, банковский сектор по итогам 2024 года показал высокую прибыльность, а средства населения в банках без учета счетов эскроу достигли 57,5 триллиона рублей, увеличившись на 26,1% к предыдущему году. На первый взгляд это можно интерпретировать как свидетельство высокой устойчивости и доверия населения к финансовой системе. Однако более глубокий анализ показывает двойственность такой динамики. Рост депозитной базы в условиях повышенных ставок нередко означает не столько расширение инвестиционного потенциала рынка, сколько реакцию домохозяйств на неопределенность и поиск инструментов сохранения ликвидности. Иными словами, накопление средств в банках еще не тождественно эффективному развитию рынка финансовых услуг, если за ним не следует их трансформация в долгосрочные инвестиции, модернизацию производства, страховую защиту и развитие реального сектора. В этом проявляется одно из ключевых противоречий российского финансового рынка: значительный объем аккумулируемых ресурсов сосуществует с дефицитом механизмов их длительного и предсказуемого размещения в экономике [1, с. 276].

Особого внимания заслуживает проблема слабой глубины долгосрочного финансового посредничества. Банк России в Основных направлениях развития финансового рынка на 2024–2026 гг. и в проекте на 2025–2027 гг. прямо подчеркивает необходимость трансформации сбережений в инвестиции и формирования источников долгосрочного капитала для значимых проектов. Это означает, что регулятор сам фиксирует структурный дефицит инвестиционной емкости рынка. В научной литературе данная проблема традиционно рассматривается через призму неразвитости институциональных инвесторов, ограниченного предложения надежных длинных инструментов, преобладания краткосрочных горизонтов у населения и бизнеса. Практика подтверждает этот вывод. В результате рынок растет по числу участников быстрее, чем по зрелости финансового поведения.

Показателен в этом отношении сегмент розничных инвестиций. По данным Московской биржи, к ноябрю 2025 года число физических лиц с брокерскими счетами достигло 39,7 миллиона, а число счетов – 75 миллионов; при этом сделки в ноябре совершали 2,8 миллиона человек. Эти цифры демонстрируют существенный разрыв между формальным присутствием на рынке и активным, осмысленным участием в нем. Банк России дополнительно указывает, что в 2025 году нетто-взносы физических лиц на брокерские счета достигли 2,5 триллиона рублей, став максимальными с начала наблюдений, однако средний размер счета без учета небольших счетов существенно не менялся и составлял 2,2 миллиона рублей. Из этого следует важный научный вывод: расширение клиентской базы фондового рынка еще не означает автоматического решения задачи инвестиционной мобилизации внутренних сбережений. Без развития культуры долгосрочного инвестирования, понятных продуктов, адекватного раскрытия риска и надежных защитных механизмов быстрый рост числа счетов может сопровождаться поверхностным включением граждан в рынок и повышенной чувствительностью к волатильности [2, с. 118].

Третья крупная проблема относится к неравномерности развития сегментов финансового рынка. Банковские услуги и платежные сервисы в Российской Федерации развиваются заметно быстрее многих других направлений, тогда как страхование, коллективные инвестиции, часть долгосрочных сберегательных инструментов и отдельные небанковские сервисы демонстрируют иную траекторию зрелости. Так, страховой рынок в 2024 году вырос весьма существенно: объем страховых взносов достиг 3,7 триллиона рублей, увеличившись на 62,8%, причем главным драйвером стало страхование жизни. Одновременно Банк России отмечал рост добровольного медицинского страхования, автострахования и корпоративных видов страхования. Но сама по себе высокая динамика страховых премий не снимает вопроса о качестве страховой защиты и сбалансированности структуры рынка. Когда прирост обеспечивается преимущественно отдельными сегментами, связанными с инвестиционно-накопительными мотивами или с кредитными продажами, возникает риск статистического благополучия при сохраняющейся ограниченности глубокой страховой культуры и неравномерном развитии классического риск-ориентированного страхования. Иначе говоря, важен не только объем рынка, но и то, какие именно потребности он покрывает и насколько прозрачен для страхователя.

Четвертая проблема связана с асимметрией информации и защитой прав потребителей финансовых услуг. Наиболее развитая инфраструктура не устраняет автоматически риск недобросовестных продаж, навязывания дополнительных услуг, непрозрачности условий и сложностей при разрешении споров. По данным Банка России, в 2024 году общее количество жалоб потребителей финансовых услуг составило 338 тысяч против 325 тысяч в 2023 году. При этом число жалоб на банки по вопросам потребительского кредитования составило 35,4 тысячи, а по ипотечному кредитованию – 14,3 тысячи. Эти данные показывают, что даже при институциональной зрелости крупнейших участников рынка конфликтность взаимоотношений между поставщиком услуги и клиентом остается высокой. Одновременно Банк России сообщает о снижении числа случаев мисселинга и жалоб на навязывание дополнительных услуг, что свидетельствует о наличии положительных сдвигов, но не об окончательном решении проблемы. Научно это позволяет сделать вывод о переходе российского рынка финансовых услуг в стадию, где центральным становится не только вопрос доступности продукта, но и вопрос его справедливой архитектуры, понятности условий и реальной соразмерности риска ожиданиям потребителя [3, с. 26].

Если перейти к практике, то можно выделить несколько показательных примеров. Первый пример – развитие Системы быстрых платежей. Она демонстрирует, что государственно регулируемая инфраструктурная инновация способна резко повысить удобство и снизить стоимость массовой финансовой услуги. Это пример успешного формирования нового сегмента через сочетание технологической платформы, тарифной политики и регуляторного сопровождения. Второй пример – рост страховых взносов в 2024 году. Он показывает, что рынок может быстро наращивать объем, но этот рост нуждается в содержательной интерпретации: важно понимать, является ли он следствием расширения подлинной страховой защиты или результатом конъюнктурных факторов и продукта-заменителя. Третий пример – рост числа розничных инвесторов. Он свидетельствует об институциональном расширении фондового рынка, но также показывает, что количественное вовлечение граждан не равнозначно формированию зрелого инвестиционного сообщества. Все три примера подтверждают общий вывод: развитие рынка финансовых услуг не сводится к росту статистических показателей; решающее значение имеет качество институциональных связей между продуктом, потребителем, инфраструктурой и надзором.

Пути решения обозначенных проблем должны носить системный характер. Прежде всего требуется углубление межсегментной координации регулирования. Банковские, страховые, инвестиционные, платежные и цифровые сервисы уже не могут развиваться как обособленные миры; следовательно, надзорные подходы должны учитывать совмещенный характер продуктов и платформ. Далее необходимо последовательно расширять инструменты долгосрочных сбережений и инвестирования, делая их не только доходными, но и понятными для массового потребителя. Ключевое значение имеет повышение качества раскрытия информации: не формальное увеличение объема документов, а переход к ясной, стандартизированной и сопоставимой презентации риска, стоимости и ограничений продукта. В сфере защиты потребителя следует усиливать превентивный контроль за навязыванием услуг, мисселингом и непрозрачными комиссиями, одновременно развивая быстрые досудебные механизмы восстановления нарушенного права. В технологической сфере целесообразно продолжать развитие национальной платежной инфраструктуры, но с одновременным усилением стандартов киберустойчивости, защиты данных. Наконец, для уменьшения концентрации необходимо создавать условия, при которых инновация будет доступна не только крупнейшим экосистемам, но и иным участникам рынка через открытые интерфейсы, совместимую инфраструктуру и пропорциональное регулирование. Эти направления в целом согласуются с курсом Банка России на повышение доступности, доверия, конкуренции и инвестиционной функции финансового рынка [4, с. 53].

Таким образом, проблемы формирования и развития рынка финансовых услуг в Российской Федерации носят не частный, а системный характер. Они выражаются в банковоцентричности структуры, дефиците долгосрочного финансового посредничества, неравномерности развития сегментов, высокой значимости поведенческих и информационных рисков, неоднородности финансовой доступности, платформенной концентрации и сложном балансе между устойчивостью и конкуренцией. Российский рынок финансовых услуг уже нельзя характеризовать как институционально незрелый: он обладает развитой нормативной базой, масштабной платежной инфраструктурой, высокой технологической динамикой и заметной вовлеченностью населения в отдельные сегменты. Однако его дальнейшее развитие требует перехода от модели количественного роста к модели качественной сбалансированности, при которой расширение услуг сочетается с реальной защитой потребителя, трансформацией сбережений в инвестиции, конкурентной средой и устойчивым распределением рисков. Именно в этом направлении лежит стратегическая задача современного этапа развития финансового рынка России.

Библиографический список

1. Дмитренко Е.А., Ремизова А.А. (2022). Финансовые услуги: тенденции и особенности развития в условиях цифровой трансформации // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. № 4 (71). С. 274–279.
2. Крутова Н.А., Коробейникова Е.В., Высоцкая А.А. (2023). Анализ современных тенденций развития финансового рынка в России // Вестник евразийской науки. Т. 15. № 3. С. 116–125.
3. Мешкова Е.И. (2024). О рисках экосистемной модели рынка финансовых услуг и направлениях их регулирования // Финансы, деньги, инвестиции. № 3. С. 23–28.
4. Сахаров Д.М. (2025). Развитие российского финансового рынка в условиях структурной трансформации мировой финансовой системы // Финансы: теория и практика. Т. 29. № 4. С. 49–70.

Информация об авторе

Наталья Валерьевна Сибирякова – старший научный сотрудник, Вологодский институт права и экономики ФСИН России (Российская Федерация, 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2; e-mail: ori67_@mail.ru)

Sibiryakova N.V.

ON FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE FINANCIAL SERVICES MARKET

Abstract. *The purpose of the study is to provide a comprehensive analysis of the problems of formation and development of the financial services market in the Russian Federation, identify systemic limitations in its functioning, determine key contradictions of the current stage, and substantiate directions for improving this area.*

Keywords: *financial services market, investment, bank centricity, financial market, banking sector, Faster Payments System.*

About the author

Natal'ya V. Sibiryakova – Senior Researcher, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (2, Schetinina Street, Vologda, 160002, Russian Federation; e-mail: ori67_@mail.ru)

References

1. Dmitrenko E.A., Remizova A.A. (2022). Financial services: trends and features of development in the context of digital transformation. *Bulletin of Michurinsky State Agrarian University*, 4(71), 274–279.
2. Krutova N.A., Korobeinikova E.V., Vysotskaya A.A. (2023). Analysis of modern trends in the development of the financial market in Russia. *Bulletin of Eurasian Science*, 15(3), 116–125.
3. Meshkova E.I. (2024). On the risks of the ecosystem model of the financial services market and the directions of their regulation. *Finance, money, investments*, 3, 23–28.
4. Sakharov D.M. (2025). Development of the Russian financial market in the context of the structural transformation of the global financial system. *Finance: theory and practice*, 29(4), 49–70.

УДК 332.1,336.5 / ББК 65.261

Тимушев Е.Н.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРЕДОСТАВЛЕНИИ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ТРАНСФЕРТОВ НА РЕАЛИЗАЦИЮ НАЦПРОЕКТОВ

Аннотация. *Выявлены тенденции и перспективы предоставления межбюджетных трансфертов субъектам Российской Федерации на реализацию национальных проектов. Установлено, что проектный принцип обеспечения организации бюджетной системы и достижения национальных целей развивается.*

Ключевые слова: *национальные цели, национальные проекты, межбюджетные трансферты, федеральный бюджет.*

Благодарность

Исследование выполнено в рамках государственного задания РАНХиГС на 2026 г. на тему «Межбюджетные трансферты как инструмент реализации государственных программ и национальных проектов» (руководитель – д.э.н. В.В. Климанов).

С 2025 года действует новый состав национальных проектов, направленных на достижение национальных целей, поставленных Президентом Российской Федерации[1]. По сравнению с 2024 году наименования нацпроектов были изменены, буквенные обозначения проектов перешли с латинского на русский алфавит, отдельно был создан блок национальных проектов по обеспечению технологического лидерства.

С принятием новых нацпроектов проектный принцип обеспечения достижения национальных целей развивается, а основные тенденции, заложенные с 2019 году, продолжаются. Прежде всего на это указывает то, что не только абсолютная величина, но и доля расходов на нацпроекты в расходах федерального бюджета увеличивается (*табл. 1*).

Таблица 1. **Расходы бюджетной системы Российской Федерации на национальные проекты всего и в форме межбюджетных трансфертов**

Нацпроект	Всего, млрд рублей			Удельный вес, %			В том числе в форме межбюджетных трансфертов, %		
	2025	2026	2028	2025	2026	2028	2025	2026	2028
Я «Семья»	2 865,5	3 240,0	2 984,9	48,1	48,6	39,6	72,8	70,3	78,3
И «Инфраструктура для жизни»	1 292,5	1 297,2	1 967,0	21,7	19,5	26,1	36,1	39,4	35,4
Ю «Молодежь и дети»	479,4	546,9	662,5	8,0	8,2	8,8	57,5	55,6	58,3
Д «Продолжительная и активная жизнь»	358,9	274,2	344,3	6,0	4,1	4,6	87,1	89,4	85,8
Э «Эффективная и конкурентная экономика»	234,9	178,3	115,3	3,9	2,7	1,5	1,5	10,5	15,2
Т «Эффективная транспортная система»	146,3	186,0	165,0	2,5	2,8	2,2	1,7	4,4	4,8
Ц «Экономика данных и цифровая трансформация государства»	149,9	155,3	183,7	2,5	2,3	2,4	1,9	3,5	8,8
Ч «Экологическое благополучие»	56,0	89,6	202,5	0,9	1,3	2,7	22,0	36,6	46,4
М «Международная кооперация и экспорт»	104,3	52,1	154,8	1,7	0,8	2,1	0	0	0,1
П «Туризм и гостеприимство»	47,9	61,4	84,3	0,8	0,9	1,1	24,9	36,5	42,6
Л «Кадры»	23,9	16,2	20,5	0,4	0,2	0,3	36,2	40,5	49,5
Нацпроекты по решению задачи технологического лидерства	201,9	569,6	658,9	3,4	8,5	8,7	5,5	4,0	4,6
Всего расходы на нацпроекты	5 961,3	6 666,7	7 543,8	100,0	100,0	100,0	53,6	51,8	52,0
Доля расходов на нацпроекты в расходах всего	13,9	15,1	15,3	-	-	-	-	-	-
Источник: Минфин России. Официальный сайт. В части трансфертов: О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов: Федеральный закон от 30.11.2024 N 419-ФЗ (ред. от 04.11.2025). 2026-2028 гг. – Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2026-2028 гг. В части трансфертов: О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов: Федеральный закон от 28.11.2025 N 426-ФЗ.									

[1] Указ Президента Российской Федерации № 309 от 07.05.2024 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Финансовое обеспечение реализации национальных проектов сегодня является приоритетом расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации [1]. Это связано с тем, что их реализация направлена на достижение национальных целей развития. Все семь национальных целей важны, но особенно хотелось бы отметить три из них, на реализацию которых направлены нацпроекты с наибольшим объемом финансирования. Это цели:

А) сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи;

Б) реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности;

В) комфортная и безопасная среда для жизни.

На их реализацию направлены нацпроекты Я «Семья», И «Инфраструктура для жизни», Ю «Молодежь и дети» и Д «Продолжительная и активная жизнь». Суммарно объем финансирования этих четырех нацпроектов составляет около 80% всего объема расходов на нацпроекты.

Данные нацпроекты объединяет то, что большой удельный вес в расходах на их реализацию занимают межбюджетные трансферты субъектам Российской Федерации. Хотя составы нацпроектов в 2019–2024 гг. и с 2025 года некорректно сравнивать напрямую, действующие нацпроекты по указанному признаку примерно корреспондируют с прежними – N «Здравоохранение» (доля расходов в форме трансфертов в среднем за 2019–2024 гг. составила 90,8%), Е «Образование» (66,6%), Р «Демография» (86,7%) и F «Жилье и городская среда» (59,3%).

В общих расходах федерального бюджета в форме межбюджетных трансфертов доля расходов в рамках нацпроектов увеличивается. Данная тенденция повлияла на то, что, хотя объемы средств финансовой помощи бюджетам субъектов Российской Федерации постепенно уменьшаются, доля трансфертов в общих расходах федерального бюджета на реализацию нацпроектов стабильна и выше 50%. В 2025 года данный показатель увеличился вследствие того, что в состав нацпроекта Я «Семья» были включены расходы в форме трансфертов, которые предоставляются Социальному фонду России. Ранее соответствующие расходы учитывались вне национальных проектов.

С точки зрения субъектов Российской Федерации за 2019–2028 гг. наблюдается тенденция роста доли межбюджетных трансфертов, направляемых на реализацию национальных проектов, в общем объеме межбюджетных трансфертов, полученных субъектами Российской Федерации. Так как субсидии занимают наибольшую долю в структуре федеральных межбюджетных трансфертов, основное влияние на формирование этой тенденции оказывает именно рост удельного веса субсидий, предоставляемых на реализацию нацпроектов, в общем объеме субсидий.

В теории и практике межбюджетных отношений большое внимание уделяется оптимизации количества трансфертов, которые предоставляются бюджетам субъектов из федерального бюджета. Такая политика укрупнения (консолидации) субсидий направлена на повышение самостоятельности регионов в выборе средств достижения целевых показателей, что благоприятно влияет на эффективность расходов. В настоящее время в России акцент поставлен не просто на сокращении количества трансфертов, а на увязку целеполагания федерального и регионального уровней.

За 2019–2028 гг. наблюдается увеличение среднего (в расчете на одно направление) размера межбюджетного трансферта, предоставляемого субъектам Российской Федерации. Данный тренд особенно выражен для трансфертов на реализацию нацпроектов.

При этом сама тенденция формируется за счет опережающего роста средней величины субсидий, особенно тех, которые предоставляются в рамках нацпроектов. В перспективе до 2028 года, согласно заложенным в плановом периоде параметрам, рост указанных средних величин продолжится.

Таким образом, можно отметить, что задача укрупнения субсидий, поставленная в программных документах правительства, наиболее успешно решается в рамках использования средств федерального бюджета именно по линии национальных проектов.

Выводы

Основные тенденции в предоставлении межбюджетных трансфертов субъектам Российской Федерации из федерального бюджета на реализацию национальных проектов заключаются в следующем:

– доля расходов федерального бюджета, направляемых на реализацию национальных проектов – увеличивается;

свыше 50% расходов федерального бюджета на нацпроекты – это межбюджетные трансферты субъектам Российской Федерации;

доля трансфертов на реализацию нацпроектов в структуре трансфертов, получаемых субъектами Российской Федерации, увеличивается;

средний размер трансферта субъектам Российской Федерации – увеличивается (за счет опережающего роста размера субсидии).

Все выделенные тенденции – положительные. Они указывают на развитие проектного принципа организации бюджетной системы в России. При этом межбюджетные трансферты субъектам Российской Федерации все в большей степени предоставляются в рамках нацпроектов. Следовательно, дальнейшее развитие программно-целевого управления государственными финансами в России тесно связано с эффективностью предоставления межбюджетных трансфертов. Это актуализирует тему исследования направлений и мер по повышению эффективности представления межбюджетных трансфертов и инструментов межбюджетного регулирования в целом.

Библиографический список

1. Климанов В.В., Тимушев Е.Н., Вантрусов В.А. (2025). Отражение расходных приоритетов в бюджетном планировании регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 112–128. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.6

Информация об авторе

Евгений Николаевич Тимушев – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центр региональной политики ИПЭИ РАНХиГС (Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 84; e-mail: timushev-en@ranepa.ru)

Timushev E.N.

MAIN TRENDS IN THE PROVISION OF INTERGOVERNMENTAL TRANSFERS FOR THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS

Abstract. *The trends and prospects of providing intergovernmental transfers to the subjects of the Russian Federation for the implementation of national projects have been identified. It is established that the project principle of ensuring the organization of the budgetary system and the achievement of national goals is developing.*

Keywords: *national goals, national projects, inter-budget transfers, federal budget.*

About the author

Evgeny N. Timushev – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Center for Regional Policy, Institute of Applied Economic Research, RANEPA (84, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: timushev-en@ranepa.ru)

References

1. Klimanov V.V., Timushev E.N., Vantrusov V.A. (2025). Reflection of expenditure priorities in regional budget planning. *Economic and social changes: facts, trends, forecast,* 18(4), 112–128. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.6

УДК 338.5 / ББК 65.44

Шевченко О.В., Шестопалова Ю.Ю., Шелевер В.Р.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ РЕГИОНА

Аннотация. *В статье исследованы теоретико-методологические аспекты и отражены основные направления обеспечения устойчивого экономического развития через повышение качества и уровня жизни, развитие человеческого капитала и социальной сферы на примере предприятий и организаций региона в условиях цифровой трансформации. Определена приоритетность совершенствования кадрового менеджмента в организациях социальной сферы для обеспечения формирования и повышения эффективности использования финансовых результатов экономической деятельности.*

Ключевые слова: *социально-демографическое факторы развития региона, финансовый результат, кадровый менеджмент, персонал, человеческий капитал, устойчивое развитие.*

В условиях современого состояния социально-экономических процессов экономического развития, характеризующихся высокой турбулентностью внешней среды, цифровой трансформацией бизнес-процессов и ужесточением конкурентной борьбы, именно человеческий капитал становится ключевым фактором, обеспечивающим устойчивость и развитие организации[1] [1]. Особенно остро это утверждение звучит для организаций социальной сферы и сферы профессиональных услуг, где результат деятельности напрямую зависит от компетенций, лояльности и мотивированности персонала. Управление персоналом перестало быть вспомогательной функцией – сегодня это стратегическое направление менеджмента, определяющее конкурентоспособность и долгосрочный успех предприятия.

Актуальность темы усиливается тем обстоятельством, что многие организации малого и среднего бизнеса в Республике Беларусь, особенно в сфере бухгалтерского аутсорсинга и консалтинга, до сих пор используют подходы к кадровой работе, когда функции по управлению персоналом выполняются другими подразделениями (чаще всего юридическим отделом или бухгалтерией), что приводит к таким негативным последствиям, как высокая текучесть кадров, длительное закрытие вакансий, отсутствие системной адаптации новичков, несправедливая оценка труда, профессиональное выгорание сотрудников и, как следствие, снижение производительности и качества услуг. Как показывает практика, вложения в развитие системы управления персоналом окупаются многократно за счет снижения потерь от текучести, ускорения выхода новых сотрудников на плановую производительность и повышения вовлеченности уже работающего коллектива. Переход к цифровым технологям позволяет организациям региона строить долгосрочные отношения с клиентами, что способствует более эффективному взаимодействию с целевой клиентской аудиторией [1], а также открывает новые возможности для роста и инноваций [2].

Высокая отдача от работников организации – это результат целенаправленных усилий в области кадрового менеджмента. Невозможно рассчитывать на максимально полное раскрытие потенциала персонала без обеспечения высокой эффективности управления персоналом.

Многочисленные исследования в западных странах показывают четкую взаимосвязь эффективности управления персоналом и результатов работы организации в целом. Оценка эффективности управления персоналом включает в себя два вида оценки: оценка экономической эффективности (производительность, себестоимость, рентабельность, качество труда персонала) и оценка социальной эффективности (приверженность персонала своей компании, настрой работников на работу с высокой отдачей в ее интересах, степень удовлетворения основных потребностей работников). В *табл. 1* представлена информация о способах оценки эффективности систем управления персоналом в современных организациях.

[1] Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030года: одобрено протоколом заседания Президиума Совета Министров Респ. Беларусь от 2 мая 2017 года, № 10.

Таблица 1. **Методы анализа эффективности системы управления персоналом**

Метод	Что позволяет
Системный анализ	Системный анализ служит методическим средством системного подхода к решению проблем совершенствования системы управления персоналом. Системный подход ориентирует исследователя на раскрытие системы управления персоналом в целом и составляющих ее компонентов: целей, функций, организационной структуры, кадров, технических средств управления, информации, методов управления людьми, технологии управления, управленческих решений; на выявление многообразных типов связей этих компонентов между собой и внешней средой и сведение их в единую целостную картину. Внешней средой для управления персоналом являются не только другие подсистемы системы управления данной организации (например, подсистема управления внешними хозяйственными связями и т. п.), но и внешние организации (поставщики и потребители, вышестоящие организации и т. п.)
Метод декомпозиции	Метод декомпозиции позволяет расчленить сложные явления на более простые. Чем проще элементы, тем полнее проникновение в глубь явления и определение его сущности. Например, систему управления персоналом можно расчленить на подсистемы, подсистемы – на функции, функции – на процедуры, процедуры – на операции. После расчленения необходимо воссоздать систему управления персоналом как единое целое, т. е. синтезировать. При этом применяется метод декомпозиционного моделирования, где модели могут быть логическими, графическими и цифровыми
Метод последовательной подстановки	Метод последовательной подстановки позволяет изучить влияние на формирование системы управления персоналом каждого фактора в отдельности, под действием которых сложилось ее состояние, исключая действия других факторов. Факторы ранжируются, и отбираются наиболее существенные
Метод сравнений	Метод сравнений позволяет сравнить существующую систему управления персоналом с подобной системой передовой организации, с нормативным состоянием или состоянием в прошлом периоде. Следует учитывать, что сравнение дает положительный результат при условии сопоставимости систем, их однородности. Расширить границы сопоставимости можно путем исключения факторов несопоставимости
Динамический метод	Динамический метод предусматривает расположение данных в динамическом ряду и исключение из него случайных отклонений. Тогда ряд отражает устойчивые тенденции. Этот метод используется при исследовании количественных показателей, характеризующих систему управления персоналом
Метод структуризации целей	Метод структуризации целей предусматривает количественное и качественное обоснование целей организации в целом и целей системы управления персоналом с точки зрения их соответствия целям организации. При структуризации должны быть обеспечены взаимоувязка, полнота, сопоставимость целей разных уровней управления персоналом
Экспертно-аналитический метод	Экспертно-аналитический метод совершенствования управления персоналом основывается на привлечении высококвалифицированных специалистов по управлению персоналом, управленческого персонала организации к процессу совершенствования. При использовании этого метода очень важна проработка форм систематизации, записи и ясного представления мнений и заключений экспертов. С помощью этого метода выявляются основные направления совершенствования управления персоналом, оценки результатов анализа и причины недостатков. Однако он не всегда обладает высокой точностью и объективностью в связи с тем, что у экспертов отсутствуют единые критерии оценок. Этот метод наиболее эффективен при многошаговой экспертизе
Нормативный метод	Нормативный метод предусматривает применение системы нормативов, которые определяют состав и содержание функций по управлению персоналом, численность работников по функциям, тип организационной структуры, критерии построения структуры аппарата управления организации в целом и системы управления персоналом (норма управляемости, степень централизации функций, количество ступеней управления, звеньев, размеры подразделений, порядок подчиненности и взаимосвязи подразделений), разделение и кооперацию труда руководителей и специалистов управления персоналом организации
Параметрический метод	Задача этого метода – установление функциональных зависимостей между параметрами элементов производственной системы и системы управления персоналом для выявления степени их соответствия

Продолжение таблицы 1

Метод функционально-стоимостного анализа	Этот метод позволяет выбрать такой вариант построения системы управления персоналом или выполнения той или иной функции управления персоналом, который требует наименьших затрат и является наиболее эффективным с точки зрения конечных результатов. Он позволяет выявить лишние или дублирующие функции управления, функции, которые по тем или иным причинам не выполняются, определить степень централизации и децентрализации функций управления персоналом и т. п.
Метод главных компонент	Метод главных компонент позволяет отразить в одном показателе (компоненте) свойства десятков показателей. Это дает возможной сравнивать не множество показателей одной системы управления персоналом с множеством показателей другой подобной системы, а только один (первую, вторую и третью компоненту)
Балансовый метод	Балансовый метод позволяет произвести балансовые сопоставления, увязки. Например, сравниваются результаты обработки фотографий рабочего дня и технологических карт выполнения управленческих операций и процедур с действительным фондом рабочего времени их выполнения
Корреляционный и регрессивный анализ (КРА)	Корреляционный и регрессивный анализ (КРА) – установление линейной зависимости и тесноты связи между параметрами (численности персонала и влияющими на нее факторами). Математический аппарат КРА подробно рассматривается в специальной литературе по статистике
Опытный метод	Опытный метод базируется на опыте предшествующего периода данной системы управления персоналом и опыте другой аналогичной системы
Метод аналогий	Метод аналогий заключается в применении организационных форм, которые оправдали себя в функционирующих системах управления персоналом со сходным экономико-организационными характеристиками по отношению к рассматриваемой системе. Сущность метода аналогий заключается в разработке типовых решений (например, типовой оргструктуры управления персоналом) и определении границ и условий их применения
Блочный метод типизации подсистем	Типовые блочные решения увязываются вместе с оригинальными организационными решениями в единой организационной системе управления персоналом. Блочный метод ускоряет процесс формирования новой системы управления персоналом и повышает эффективность функционирования системы с наименьший затратами
Метод творческих совещаний	Метод творческих совещаний предполагает коллективное обсуждение направлений развития системы управления персоналом группой специалистов и руководителей. Эффективность метода состоит в том, что идея, высказанная одним человеком, вызывает у других участников совещания новые идеи, а те, в свою очередь, порождают следующие идеи, в результате чего возникает поток идей. Цель творческого совещания – выявить возможно больше вариантов путей совершенствования системы управления персоналом
Метод коллективного блокнота (банка идей)	Метод коллективного блокнота («банка» идей) позволяет сочетать независимое выдвижение идей каждый экспертом с последующей их коллективной оценкой на совещании по поиску путей совершенствования системы управления персоналом
Метод контрольных вопросов	Метод контрольных вопросов заключается в активизации творческого поиска решения задачи совершенствования системы управления персоналом с помощью заранее подготовленного списка наводящих вопросов. Форма вопросов должна быть такой, чтобы в них имелась «подсказка» о том, что и как следует сделать для решения задачи
Метод 6-5-3	Метод 6-5-3 предназначен для систематизации процесса нахождения идей по развитию системы управления персоналом. Суть этого метода заключается в том, что каждый их шести членов экспертной группы пишет на отдельном листе бумаги по три идеи и передает их остальным членам группам, которые, в свою очередь, на основе уже предложенных вариантов пишут еще по три идеи, и т. д. По окончании этой процедуры на каждом из шести листов будет записано по 18 вариантов решений, а всего будет 108 вариантов
Морфологический анализ	Морфологический анализ – средство изучения всевозможных комбинаций вариантов организационных решений, предлагаемых для осуществления отдельных функций управления персоналом. Если записать столбиком все функции, а затем против каждой функции построчно указать всевозможные варианты ее выполнения, то получается морфологическая матрица. Идея этого метода заключается в том, чтобы сложную задачу разбить на мелкие подзадачи, которые легче решать по отдельности. При этом предполагается, что решение сложной задачи складывается из решений подзадач
Источник: [3].	

Для улучшения использования трудовых ресурсов необходимо пересмотреть их структуру и разработать мероприятия по улучшению использования рабочего времени путем составления программы развития персонала, психологического и морального стимулирования

повышения производительности и качества труда, установления духа коллективизма, семейственности и корпоративности, переход от линейного графика планирования времени работы и отдыха персонала к ступенчатому (ленточному или скользящему), внедрение научной организации труда.

Библиографический список

1. Любушин Н.П. (2023). Анализ финансово-экономической деятельности предприятия. Москва: Юнити-Дана. 471 с.
2. Байделл Т.М. (2018). Как улучшить управление организацией. Москва. 67 с.
3. Currie G, Bharatan I, Mahesh S, Miller R. (2024). Supporting New Ways of Working for Social Workers Through High Performance Work Practices: Sustaining Professional Identity. *Human Resource Management*.

Информация об авторах

Оксана Викторовна Шевченко – старший преподаватель, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Республика Беларусь, 230000, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22)

Юлия Юрьевна Шестопалова – студент, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Республика Беларусь, 230000, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22)

Виолетта Руслановна Шелевер – студент, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Республика Беларусь, 230000, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22)

Shevchenko O.V., Shestopalova Yu.Yu., Shelever V.R.

SOCIO-DEMOGRAPHIC FACTORS OF FORMATION OF FINANCIAL RESULTS OF BUSINESS ENTERPRISES IN THE REGION

Abstract. *The purpose of this work is to the theoretical and methodological aspects and highlights key areas for ensuring sustainable economic development through improving the quality and standard of living, developing human capital, and the social sphere, using examples from regional enterprises and organizations in the context of digital transformation. The article identifies the priority of improving HR management in social sector organizations to ensure the formation and increased efficiency of the financial results of economic activity.*

Keywords: *socio-demographic factors of regional development, financial results, HR management, personnel, human capital, sustainable development.*

About the authors

Oksana V. Shevchenko – Senior Lecturer, Yanka Kupala State University of Grodno (22, Ozheshko Street, Grodno, 230000, Republic of Belarus)

Yulia Y. Shestopalova – Student, Yanka Kupala State University of Grodno (22, Ozheshko Street, Grodno, 230000, Republic of Belarus)

Violetta R. Shelever – Student, Yanka Kupala State University of Grodno (22, Ozheshko Street, Grodno, 230000, Republic of Belarus)

References

1. Lyubushin N.P. (2023). Analysis of the financial and economic activities of the enterprise. Moscow: Unity-Dana.
2. Baidell T.M. (2018). How to improve organization management. Moscow.
3. Currie G, Bharatan I, Mahesh S, Miller R. (2024). Supporting New Ways of Working for Social Workers Through High Performance Work Practices: Sustaining Professional Identity. *Human Resource Management*.

СЕКЦИЯ № 4. НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 336.74:336.76 / ББК 65.262

Абдульманов Р.А.

ПЛАТФОРМЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СТОИМОСТИ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ЗОЛОТЫХ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ

Аннотация. *Статья исследует трансформацию роли золота в цифровой экономике через призму цифровых финансовых активов (ЦФА), обеспеченных золотом. Анализируются их новые функции, институциональные и социальные аспекты, российский и международный опыт (Pax Gold, Tether Gold). Показан переход от пассивного хранения стоимости к активному участию в экосистемах.*

Ключевые слова: *цифровые финансовые активы, золото, токенизация, платформенная экономика, цифровизация стоимости, экосистемы, реальные активы.*

Благодарность

Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00576-26-00 на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов.

Данный доклад лежит в русле исследований по повышению эффективности экономики регионов [5–9], и тех его аспектов, которые связаны с процессами цифровизации экономики [10] и новыми финансовыми технологиями [11].

В условиях цифровизации финансового оборота золото постепенно выходит за пределы своей традиционной роли защитного актива. Если ранее его основная функция сводилась к сохранению стоимости в условиях инфляции и рыночной нестабильности, то в цифровой среде золото включается в новые модели обращения, где его значение определяется не только материальным обеспечением, но и архитектурой платформы, внутри которой актив используется.

Особый интерес в этой связи представляют цифровые финансовые активы, обеспеченные золотом. Они соединяют доверие к золоту как исторически устойчивой форме стоимости с технологическими свойствами цифрового инструмента: делимостью, программируемостью, мобильностью и возможностью встраивания в конкретные потребительские и инвестиционные сценарии. В результате такой актив может выполнять не только накопительную, но и распределительную, статусную и экосистемную функцию.

Проблема исследования состоит в том, что цифровые активы, обеспеченные золотом, чаще анализируются либо как финансово-правовой инструмент, либо как объект инвестирования. Между тем их функция шире: в цифровой экономике стоимость существует не автономно, а в рамках платформенно организованных режимов доступа, лояльности и взаимодействия с пользователем. Цель статьи – показать, что золотые цифровые активы в 2020–2026 гг. трансформировались из инструмента пассивного хранения стоимости в механизм управляемого участия в цифровой финансовой среде.

Для анализа цифровых активов, обеспеченных золотом, необходимо рассматривать стоимость как социально и институционально укорененную форму. В этом отношении важны идеи К. Поланьи, согласно которому хозяйственные процессы встроены в социальные отношения и институты [1, с. 54]. Применительно к цифровым активам это означает, что их обращение зависит не только от рыночного спроса, но и от правовых режимов, процедур верификации, правил платформы и доверия к инфраструктуре. Близкую логику развивает М. Грановеттер, подчеркивая сетевую природу экономического действия [2, с. 487]. Для цифрового золота это означает, что доверие к активу формируется не только на основе наличия физического резерва, но и через доверие к эмитенту, оператору платформы, кастодиальной модели (модели хранения приватных ключей) и механизму погашения.

Особое значение имеет концепция В. Зелизер о множественности денежных форм [3, с. 21]. Один и тот же актив может выполнять разные функции в зависимости от контекста обращения. В цифровой экономике обеспеченный золотом инструмент может быть инвестицией, расчетной единицей внутри платформы, элементом программы лояльности или знаком принадлежности к определенному пользовательскому сегменту.

Символический аспект можно объяснить через идеи Ж. Бодрийяра: «Золото исторически связано с престижем, исключительностью и устойчивостью; в цифровой форме эти значения не исчезают, а получают новое выражение в логике знакового обмена» [4, с. 112]. Таким образом, цифровой актив, обеспеченный золотом, можно определить как гибридную единицу стоимости, сочетающую материальную обеспеченность, цифровую программируемость и социальную маркированность.

В традиционной финансовой логике золото выступало главным образом как средство сбережения и страховки от обесценения валют. Однако цифровизация меняет саму форму его присутствия в экономике. В цифровой среде золото становится дробимым, легко передаваемым и включаемым в платформенные сценарии обращения. Это делает значимой не только его обеспеченность, но и конфигурацию среды, в которой актив существует.

Золотой цифровой актив может выступать не просто цифровым сертификатом на металл, а частью более широкой экосистемы. Его использование может быть связано с покупкой товаров у партнеров платформы, доступом к специальным предложениям, участием в клубных программам или обменом на иные цифровые инструменты. В такой модели стоимость актива значима не сама по себе, а через те социальные и экономические отношения, которые он организует.

Таким образом, цифровизация золота означает переход от универсальной эквивалентности к селективно организованной функциональности. Пользователь получает не только актив с определенной стоимостной базой, но и право на участие в заранее заданной инфраструктуре операций. Это особенно заметно в экосистемных моделях, где финансовые продукты интегрируются с маркетплейсами, подписками и программами лояльности.

С 2022 года в России начал формироваться рынок цифровых финансовых активов на базе операторов информационных систем, включенных в реестр Банка России[1]. Сам по себе этот факт важен, поскольку обращение актива оказывается связано не с абстрактным открытым рынком, а с институционально заданным контуром, в котором правила эмиссии, допуска и оборота определяются платформой и правовым режимом.

Даже если конкретные российские выпуски ЦФА не всегда обеспечены золотом, сама логика их функционирования подтверждает общий сдвиг: стоимость все чаще существует в цифровой форме как управляемый доступ к заранее определенному набору прав и сценариев участия. Это согласуется с идеей множественности денежных форм и показывает, что цифровизация не устраняет институциональную специфику стоимости, а усиливает ее.

Международный опыт токенизации золота, прежде всего Pax Gold[2] и Tether Gold[3], демонстрирует схожую тенденцию. Эти инструменты обеспечены физическим золотом и могут свободно передаваться и использоваться в цифровой финансовой инфраструктуре. Их значение состоит не только в токенизации металла, но и переводе золота в режим программируемости. Пользователь получает дробный, мобильный и технологически доступный инструмент, который может использоваться не только для хранения, но и как элемент более сложной финансовой архитектуры.

Показателен и более широкий тренд токенизации реальных активов: облигаций, фондов денежного рынка, недвижимости и сырьевых инструментов[4]. На этом фоне цифровое золото выступает частью общей тенденции платформенной реорганизации стоимости. При этом значимость токен-актива определяется не только цифровой записью, но и юридически понятными правами, механизмами подтверждения владения и институтами доверия.

---

[1] Цифровые финансовые активы: нормативные материалы и аналитические обзоры // Банк России. Москва. 2022–2026. С. 14.

[2] Paxos Trust Company. Pax Gold (PAXG): official documentation and reserve information. 2020–2026.

[3] Tether. Tether Gold (XAUT): official documentation and reserve information. 2020–2026.

[4] The Tokenisation of Assets in Financial Markets: regulatory and economic implications // OECD. Paris: OECD Publishing. 2023. P. 35.

Обеспеченные золотом цифровые финансовые активы в 2020–2026 гг. стали не просто технологической инновацией, а формой институционально опосредованной трансформации стоимости. Их развитие показывает, что цифровизация финансовых объектов сопровождается не исчезновением социальных оснований доверия, а их реорганизацией в новых инфраструктурных условиях.

Золотой цифровой актив нельзя сводить к цифровому дублю физического металла. Он становится элементом платформенной среды, в которой стоимость существует как управляемый доступ к операциям, сервисам, механизмам лояльности и режимам участия. Поэтому обеспеченность золотом остается важной, но не единственной характеристикой актива. Не меньшее значение приобретают правила платформы, архитектура допуска, сценарии использования и символические эффекты обладания.

Следовательно, цифровые активы, обеспеченные золотом, следует рассматривать как сложный социально-экономический феномен на пересечении инвестиционной логики, цифровой инфраструктуры и современной культуры потребления. Именно в этой точке проявляется их особая роль в цифровой экономике: они превращаются из инструмента пассивного хранения стоимости в механизм селективного, программируемого и символически нагруженного обращения.

Библиографический список

1. Поланьи К. (2002). Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. Санкт-Петербург: Алетейя.
2. Granovetter M. (1985). Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *American Journal of Sociology*, 91(3), 481–510.
3. Zelizer V.A. (1994). The Social Meaning of Money. New York: Basic Books.
4. Бодрийяр Ж. (2006). Общество потребления. Его мифы и структуры. Москва: Республика; Культурная революция.
5. Зулькарнай И.У., Ислакаева Г.Р., Маричев С.Г. [и др.]. (2025). Актуальные проблемы нефтегазохимических регионов в условиях трансформации мировой экономики. Уфа: УФИЦ РАН. 196 с.
6. Зулькарнай И.У., Ислакаева Г.Р., Колонских Л.Р. [и др.]. (2024). Управление экономикой нефтехимического региона в условиях глобальных вызовов. Уфа: УФИЦ. 320 с.
7. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Афанасьев М.Ю. [и др.]. (2023). Основные направления социально-экономического развития России: обоснование и оценка последствий (по итогам модельных исследований ЦЭМИ РАН). Москва: Центральный экономико-математический институт РАН. 116 с.
8. Ахунов Р.Р., Зулькарнай И.У. [и др.]. (2021). Нефтехимическая зависимость Республики Башкортостан: Pro et contra диверсификации экономики. Уфа: Принт+.
9. Зулькарнай И.У. (2021). Институты эффективного трансфера инноваций в экономику. Уфа: Принт+.
10. Маричев С.Г. (2022). Количественная оценка бесплатных цифровых благ в составе ВВП // Вопросы экономики. № 1. С. 126–146.
11. Зулькарнай И.У. (2013). Оздоровление экономических отношений: исламская модель (этический аспект) // Проблемы востоковедения. № 1 (59). С. 7–10.

Информация об авторе

Роман Альбертович Абдульманов – аспирант, Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71; e-mail: roman.abdulmanov@aveng.ru)

PLATFORM-BASED TRANSFORMATION OF VALUE IN THE DIGITAL ECONOMY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR THE DEVELOPMENT OF GOLD-BACKED DIGITAL ASSETS

Abstract. *The article examines the transformation of gold's role in the digital economy through the lens of gold-backed digital financial assets (DFAs). It analyzes their new functions, institutional and social aspects, and reviews Russian and international experience (Pax Gold, Tether Gold). The study demonstrates a shift from passive value storage to active participation in ecosystems.*

Keywords: *digital financial assets, gold, tokenization, platform economy, digitalization of value, ecosystems, real assets.*

About the author

Roman A. Abdulmanov – Postgraduate Student, Institute of Social and Economic Researches – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: roman.abdulmanov@aveng.ru)

References

1. Polanyi K. (2002). The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. St. Petersburg: Aleteya.
2. Granovetter M. (1985). Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *American Journal of Sociology*, 91(3), 481–510.
3. Zelizer V.A. (1994). The Social Meaning of Money. New York: Basic Books.
4. Baudrillard J. (2006). The Consumer Society: Myths and Structures. Moscow: Respublika; Kulturnaya Revolyutsiya.
5. Zulkarnai I.U., Islamkaeva, G.R., Marichev, S.G. [et al.]. (2025). Current Challenges for Oil and Gas Chemical Regions in the Context of Global Economic Transformation. Ufa: UFIC RAS.
6. Zulkarnai I.U., Islamkaeva G.R., Kolonskikh L.R. [et al.]. (2024). Economic Management of a Petrochemical Region under Global Challenges. Ufa: UFIC.
7. Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Afanasiev M.Yu. [et al.]. (2023). Key Directions for Russia's Socio-Economic Development: Justification and Impact Assessment (Based on CEMI RAS Model Research). Moscow: Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences.
8. Akhunov R.R., Zulkarnai I.U. [et al.]. (2021). Petrochemical Dependence of the Republic of Bashkortostan: Pro et Contra of Economic Diversification. Ufa: Print+.
9. Zulkarnai I.U. (2021). Institutions for Effective Innovation Transfer into the Economy. Ufa: Print+.
10. Marichev S.G. (2022). Quantitative Assessment of Free Digital Goods in GDP. *Issues of Economics*, 1, 126–146.
11. Zulkarnai I.U. (2013). Improving Economic Relations: Islamic Model (Ethical Aspect). *Oriental Studies*, 1(59), 7–10.

УДК 332.1 / ББК 65.9

Верещагин В.С.

ИННОВАЦИОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ДРАЙВЕР ДОСТИЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА: БАРЬЕРЫ ПРОГРЕССА В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *В исследовании раскрыта роль инновационного предпринимательства в обеспечении технологического суверенитета на примере Вологодской области. Выявлены ключевые барьеры прогресс и предложены меры по усилению связи науки, бизнеса и промышленности.*

Ключевые слова: *инновации, инновационное предпринимательство, технологический суверенитет.*

Благодарность

Работа подготовлена по теме государственного задания FMGZ-2025-0011 «Обеспечение устойчивости экономики регионов в контексте укрепления технологического суверенитета и национальной безопасности».

Введение

В современных геополитических условиях проблема обеспечения технологического суверенитета приобретает для России стратегическое значение. Технологический суверенитет в данном контексте понимается не только как способность страны разрабатывать, производить и поддерживать критически важные технологии на собственной научно-производственной базе, но и как способность формировать устойчивые национальные технологические цепочки, минимизирующие уязвимость к внешним шокам и ограничениям [6, с. 39–56]. В этой логике инновационное предпринимательство выступает не просто сегментом деловой активности, а механизмом трансформации научно-технического потенциала в экономически реализуемые решения – продукты, технологии и бизнес-модели, способные обеспечивать структурные сдвиги и обновление производственной базы [5, с. 141–143]. Одновременно в научной и прикладной повестке усиливается внимание к категории технологического суверенитета как способности национальной экономики воспроизводить и развивать критические технологии, поддерживать независимость ключевых цепочек создания стоимости и снижать уязвимость к внешним ограничениям посредством опоры на внутренние компетенции, кадры, инфраструктуру и институты [3, с. 454–457].

Также стоить отметить наличие научной проблемы: наличие разрыва между декларируемой стратегической установкой на технологическое развитие и фактическими результатами инновационной активности предпринимательского сектора: при сохранении компетенций и научных заделов наблюдаются барьеры, препятствующие превращению разработок в конкурентоспособные технологические решения, а также ограничивающие их диффузию в реальный сектор.

Таким образом, подводя все вышесказанное, можно сказать, что заявленная тема является, бесспорно, актуальность в настоящее время. Наше исследование направлено на то, чтобы рассмотреть сущность понятия «инновационное предпринимательство», «технологический суверенитет» и указать взаимосвязь между этими двумя понятиями. Также дополнительно нами были выбраны показатели инновационной составляющей, был проведен анализ за выбранный период, на основе проведенного анализа были выявлены проблемы развития и были предложены адресные меры по их разрешению.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования выступает инновационное предпринимательство Вологодской области в качестве элемента обеспечения технологического суверенитета. Предметом исследования служат социально-экономические взаимодействия, формирующиеся в ходе становления инновационного предпринимательства в рамках технологической автономии, а также ограничения и возможные траектории его развития в региональных условиях.

Цель исследования – выявить сущности и взаимосвязь понятий «инновационное предпринимательство» и «технологический суверенитет», определить факторы сдерживания и установить возможные траектории становления инновационного предпринимательства в Вологодской области как компонента обеспечения технологического суверенитета России.

Задачи исследования:

– изучить теоретико-методологические подходы к анализу инновационного предпринимательства в контексте технологического суверенитета, включая современные концепции взаимосвязи этих феноменов;

– дать оценку текущей ситуации, выявить причины негативной динамики инновационной активности и определить специфические препятствия развития инновационного предпринимательства в Вологодской области;

– установить взаимосвязь между инновационной активностью и технологическим суверенитетом региона;

Литературный обзор

Ключевое содержание инновационной деятельности сводится к осуществлению изменений, а ее главная функция – инициировать, оформлять и закреплять эти изменения в реальной практике. Таким образом, «инновацию» отличают два обязательных признака: опора на научно-техническую новизну и возможность практического использования.

В контексте технологического суверенитета категория «инновационное предпринимательство» приобретает особое значение. Как справедливо отмечает С.Д. Бодрунов, переход к новому технологическому укладу требует не только генерации знаний, но и формирования институциональной среды, способной обеспечить их коммерциализацию и масштабирование [1, с. 5–12]. Современные подходы к взаимосвязи инновационного предпринимательства и технологического суверенитета можно классифицировать по нескольким направлениям.

Институциональный подход: технологический суверенитет рассматривается как результат настройки институтов, которые делают инновационное предпринимательство экономически выгодным и организационно возможным. Технологический суверенитет в этой трактовке достигается через формирование устойчивой институциональной среды, стимулирующей долгосрочные инвестиции в НИОКР. И.Г. Дежина и А.К. Пономарев придерживаются данного подхода. Их работа прямо обсуждает, какие институциональные и политико-управленческие решения поддерживают технологическую самостоятельность/суверенитет и как это связано с практиками внедрения и коммерциализации технологий [2, с. 53–68].

Эволюционный подход рассматривает технологический суверенитет через призму эволюции страны в контексте глобального технологического прогресса. Автор предполагает, что каждый новый технологический уклад характеризуется повторяющейся моделью, включающей борьбу за ресурсы, перераспределение сфер влияния и усиление экономического разрыва между развитыми и развивающимися странами [6, с. 39–56].

Сетевой подход фокусируется на кооперационных связях между крупными корпорациями, малыми инновационными фирмами и научными организациями. Технологический суверенитет здесь достигается через формирование устойчивых технологических цепочек и кластеров. Автор подчеркивает важность сотрудничества между акторами (государством, бизнесом, наукой, образованием) для формирования инновационных экосистем [4, с. 22–37].

Курс на технологический суверенитет закреплен в документах стратегического планирования. Ключевой документ – Концепция технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года[1]. В ней технологический суверенитет задан как приоритет технологической политики, предполагающий снижение критической зависимости и рост собственной технологической базы. В контексте технологического суверенитета инновационное предпринимательство выступает ключевым механизмом его практической реализации: стартапы и высокотехнологичные МСП трансформируют научные результаты в продукты и сервисы. Предпринимательская деятельность обеспечивает коммерциализацию, масштабирование и интеграцию разработок в цепочки поставок. Без этого слоя научно-технический потенциал не конвертируется в устойчивое технологическое развитие.

[1] Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 №1315-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/ (дата обращения: 05.05.2026).

Полученные результаты

В ходе проведенного анализа текущей ситуации инновационной активности в Вологодской области можно заключить следующее: В 2015–2024 гг. Вологодская область демонстрирует неоднородную картину: при стабильной промышленной динамике регион заметно укрепил ряд «входных» инновационных характеристик (активность организаций, доля технологически инновационных организаций, ориентация затрат на прикладные исследования, высокая доля исследователей), однако «выход» в виде объема инновационных товаров/работ/услуг после сверхвысокой базы 2015 года существенно просел и лишь частично восстановился к 2024 году. В целом область выглядит как регион с сильным инновационным потенциалом и качественными предпосылками, но с недостаточной конверсией этого потенциала в устойчивый рост выпуска инновационной продукции и в ускорение промышленного роста.

Далее нами было проведено сравнение Вологодской области с г. Сант-Петербург и со средними значениями по СЗФО. Было выявлено, что в сравнении с Санкт-Петербургом Вологодская область в целом выглядит менее развитой по индустриально-инновационному профилю и заметно ближе к «среднему» уровню СЗФО, хотя по отдельным блокам у нее есть сильные стороны. Санкт-Петербург выступает лидером прежде всего за счет более выраженной динамики промышленного роста к 2023/2024 и более высокой насыщенности экономики инновационными процессами и технологиями в целом, тогда как Вологодская область на этом фоне демонстрирует более сдержанную промышленную динамику и слабее проявляет себя по результативности инноваций в экономике.

Если сопоставлять Вологодскую область с усредненными значениями по СЗФО, то по технологической и организационной «вовлеченности» в инновации регион за рассматриваемый период подтянулся и в ряде аспектов приблизился к округу, но лидерство Санкт-Петербурга сохраняется. При этом важная особенность Вологодской области – сильный исследовательский контур: она выделяется более высокой концентрацией исследователей и особенно заметным ростом доли затрат на прикладные исследования, что указывает на серьезный научно-прикладной потенциал и ориентацию на формирование задела.

Барьеры развития инновационного предпринимательства в Вологодской области

Исходя из проведенного анализа данных официальной статистики[2], можно выделить следующие барьеры развития инновационного предпринимательства в Вологодской области:

– слабая конверсия инновационного потенциала в рыночный результат: при росте «входных» показателей (инновационная активность, доля технологически инновационных организаций, высокая доля прикладных исследований, высокая доля исследователей) «выход» в виде объема инновационных товаров/работ/услуг резко ухудшился относительно 2015 года: с 21,6 до 4,83 к 2024 году (падение на 16,77). Это указывает на барьер на участке трансфера/внедрения/масштабирования: разработки и инновационные процессы не превращаются устойчиво в продажи инновационной продукции;

– высокая волатильность и нестабильность инновационного выпуска: показатель инновационных товаров/работ/услуг после «пика» 2015 года долго находился на низких значениях (особенно 2021–2022 гг. – 1,03 и 0,70 соответственно) и лишь частично восстановился. Для инновационного предпринимательства это означает повышенные риски: сложнее планировать инвестиции, тиражирование, долгие циклы вывода продукта на рынок;

– недостаточная инновационно-промышленная результативность: индекс промышленного производства по итогам 2015–2024 гг. в области: -0,9 п. п. (фактически стагнация относительно базы), тогда как по СЗФО: +8,7, у лидеров заметно выше. Барьер проявляется как ограниченное технологическое обновление в масштабе отраслей и слабое распространение инноваций за пределы отдельных предприятий/проектов;

– недостаточно быстрый рост технологической модернизации при высокой базе: по передовым технологиям на 10 тыс. населения область имеет высокий уровень, но прирост за 2015–2023 гг. умеренный (+3,08) и динамика «волнообразная» (спад 2020–2021 гг. и последующая стабилизация). Это можно трактовать как барьер ускорения обновления технологий: регион скорее удерживает позиции за счет ранее сформированной базы, чем наращивает темпы внедрения.

[2]Федеральная служба государственной статики. Блок «наука, инновации и технологии». URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 05.05.2026).

– «провал» между прикладной ориентацией исследований и внедрением в производство: доля затрат на прикладные исследования очень высокая (2024 год – 38,84%, одна из верхних в СЗФО) и растет, при этом «выход» инновационной продукции слабый. Существует барьер сопряжения науки/НИОКР с предпринимательским контуром: не хватает механизмов доведения результатов до продукта.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило, что инновационное предпринимательство выступает ключевым механизмом практической реализации технологического суверенитета, поскольку именно оно обеспечивает перевод научно-технических результатов в коммерциализируемые продукты, технологии и бизнес-модели.

Эмпирический анализ Вологодской области за 2015–2024 гг. показал неоднородность региональной динамики: при относительно стабильной промышленной траектории и росте ряда «входных» инновационных индикаторов (инновационная активность организаций, удельный вес технологических инноваций, высокая доля прикладных исследований, значительная концентрация исследователей) сохраняется слабая конверсия потенциала в рыночный результат. Фиксируется разрыв между накоплением научно-прикладных ресурсов и их превращением в устойчивую результативность реального сектора, что ограничивает вклад инновационного предпринимательства в технологическое обновление и промышленный рост региона. Сопоставление с лидером округа (Санкт-Петербургом) дополнительно подчеркивает, что конкурентное преимущество Вологодской области связано скорее с наличием исследовательского и прикладного задела, чем с масштабом и устойчивостью коммерциализации инноваций.

В качестве приоритетных направлений преодоления выявленных ограничений обоснованы меры, нацеленные на усиление кооперации «крупная промышленность–МСП–наука», развитие импортонезависимых технологических ниш, активизацию режима поддержки малых технологических компаний и внедрение стадийно- и отраслево-дифференцированных инструментов государственной поддержки, ориентированных на измеримый эффект внедрения.

Библиографический список

1. Бодрунов С.Д. (2022). Ноономика и технологическое обновление: от импортозамещения к технологическому суверенитету // Экономическое возрождение России. № 4 (74). С. 5–12.
2. Дежина И.Г., Пономорев А.К. (2022). Подходы к обеспечению технологической самостоятельности России // Управление наукой: теория и практика. Т. 4. № 3. С. 53–68. DOI: 10.19181/smtp.2022.4.3.5
3. Ковальчук А.С. (2025). Инновационное предпринимательство: тренды и вызовы 2025 // Современные проблемы социально-экономических систем в условиях глобализации: сборник научных трудов XIX Международной научно-практической конференции. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет. С. 454–457.
4. Никонова А.А. (2023). Технологический суверенитет России: исследование и моделирование с позиций системной трансформации экономики. // π-Economy. 16 (5). 22–37. DOI: 10.18721/JE.16502
5. Чепелева К.В. (2013). Инновационное предпринимательство: мировой опыт и отечественная практика // Инновационные тенденции развития российской науки: материалы VI Международной научно-практической конференции молодых ученых. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет. С. 141–143.
6. Черноусов Д.А. (2025). Технологический суверенитет как стратегический приоритет развития России: анализ и перспективы // Вопросы инновационной экономики. Т. 15. № 1. С. 39–56. DOI: 10.18334/vinec.15.1.122564

Информация об авторе

Владислав Сергеевич Верещагин – лаборант-исследователь, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: vladislavv416@gmail.com)

Vereshchagin V.S.

INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP AS A DRIVER OF ACHIEVING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY: BARRIERS TO PROGRESS IN THE VOLOGDA REGION

Abstract. *The study examines the role of innovative entrepreneurship in ensuring technological sovereignty, using the Vologda Region as an example. The key barriers to progress are identified, and measures are proposed to strengthen the links between science, business, and industry.*

Keywords: *innovation, innovative entrepreneurship, technological sovereignty.*

About the author

Vladislav S. Vereshchagin – Researcher Laboratory, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: vladislavv416@ gmail.com)

References

1. Bodrunov S.D. (2022). Noonomy and Technological Renewal: From Import Substitution to Technological Sovereignty. *Economic Revival of Russia*, 4(74), 5–12.
2. Dezhina I.G., Ponomarev A.K. (2022). Approaches to Ensuring Russia's Technological Self-Reliance. *Science Management: Theory and Practice*, 4(3), 53–68. DOI: 10.19181/smtp.2022.4.3.5.
3. Kovalchuk A.S. (2025). Innovative Entrepreneurship: Trends and Challenges 2025. Contemporary Problems of Socio-Economic Systems in the Context of Globalization: proceedings of the 19th International Scientific and Practical Conference. Belgorod: Belgorod State National Research University, 454–457.
4. Nikonova A.A. (2023). Technological Sovereignty of Russia: Research and Modeling from the Perspective of Systemic Economic Transformation. *π-Economy*, 16(5). 22–37. DOI: 10.18721/JE.16502
5. Chepeleva K.V. (2013). Innovative Entrepreneurship: International Experience and Domestic Practice. Innovative Trends in the Development of Russian Science: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference of Young Scientists. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 141–143.
6. Chernousov D.A. (2025). Technological Sovereignty as a Strategic Priority for Russia's Development: Analysis and Prospects. *Issues of Innovative Economy*, 15(1), 39–56. DOI: 10.18334/vinec.15.1.122564

УДК 338.24(985) / ББК 65.30

Горячевская Е.С.

ИННОВАЦИОННАЯ СРЕДА РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ: СОСТОЯНИЕ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. *На основе междисциплинарного подхода и данных Росстата за 2017–2024 гг. оценена инновационная среда АЗРФ. Выявлены сырьевая специализация, поляризация инвестиций, низкая инновационная активность, депопуляция, слабость транспортной системы и инновационной инфраструктуры, высокая экологическая нагрузка.*

Ключевые слова: *Арктическая зона РФ, инновационная среда, ресурсная специализация, инвестиционная поляризация, устойчивое развитие, экологическая уязвимость.*

Оценка инновационной среды базируется на междисциплинарном подходе, который включает элементы экономической теории, регионоведения, инновационного менеджмента и экологии. Теоретической основой для такой оценки являются:

Теория инновационных систем, которая рассматривает инновации как результат взаимодействия различных акторов (университеты, бизнес, государство) в рамках определенной территории. В контексте Арктики это включает учет специфики региональных условий, таких как климатические ограничения, удаленность и низкая плотность населения [2].

Концепция устойчивого развития, которая подчеркивает необходимость баланса между экономическим ростом, социальным благополучием и экологической устойчивостью. Для АЗРФ это особенно актуально, так как экосистемы макрорегиона крайне уязвимы [1; 3].

Теория кластеров, которая предполагает, что концентрация предприятий, научных учреждений и инфраструктуры в определенной географической зоне способствует инновациям. В Арктике это может быть связано с развитием ресурсодобывающих кластеров и инфраструктурных проектов [4].

Региональная экономика, которая изучает особенности экономического развития территорий с учетом их географического положения, ресурсной базы и человеческого капитала [5].

Оценка инновационной среды АЗРФ проведена на основе анализа данных Росстата за 2017–2024 гг. по 10 субъектам, которые частично или полностью отнесены к Арктической зоне Российской Федерации[1].

Выявлены основные аспекты развития инновационной среды АЗРФ.

1. Экономические аспекты. Промышленная деятельность в Арктике сосредоточена преимущественно на экстракции природных ресурсов и их первичной переработке. В 2017 году доля добычи полезных ископаемых в валовой добавленной стоимости Арктической зоны РФ (АЗРФ) составила 34,4%, что значительно выше среднероссийского показателя (11,3%). В большинстве регионов АЗРФ, за исключением Архангельской и Мурманской областей, этот показатель также превышает общероссийский. В Красноярском крае и Архангельской области выше среднего по России доля обрабатывающей промышленности. В Архангельской области развиты лесная, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная и машиностроительная (в т. ч. оборонная) отрасли; в Красноярском крае – металлургия, химическая и лесная промышленность.

В большинстве субъектов АЗРФ добывающий сектор – основной источник налоговых поступлений. В Ненецком АО, Ямало-Ненецком АО и Якутии на него приходится более 90% налогов[2]. В Архангельской области из-за специализации региона налоги от обрабатывающих производств значительно выше, чем от добычи полезных ископаемых. В Чукотском АО высока доля поступлений за электро- и газоснабжение, что обусловлено спецификой энергетической инфраструктуры.

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: Статистический сборник // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 16.12.2025)

[2] Поступление налогов и сборов в бюджетную систему Российской Федерации по основным видам экономической деятельности // ЕМИСС. URL: https://fedstat.ru/indicator/42548 (дата обращения: 17.02.2025)

Только два региона (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа) формируют инвестиционное ядро, способное финансировать инновации. Остальная Арктика находится в периферийной зоне с инвестициями на уровне 0,5–2% от лидеров, что автоматически консервирует их отсталую технологическую базу (*табл. 1*).

Таблица 1. **Инвестиции предприятий промышленного сектора на основные фонды,** % к ВРП

Регион	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Республика Карелия	7,8	4,9	5,2	6,1	7,2	11,4	7,0	7,7
Республика Коми	13,5	11,8	11,0	13,9	8,0	6,6	6,7	6,9
Архангельская область	5,2	5,4	5,1	5,7	4,0	3,1	3,9	3,6
Ненецкий АО	37,4	26,2	26,5	34,8	15,6	1,9	15,2	16,2
Мурманская область	9,1	11,6	14,1	13,0	13,1	6,1	7,3	11,2
Ханты-Мансийский АО – Югра	22,0	17,5	17,5	24,5	15,3	16,3	15,4	15,0
Ямало-Ненецкий АО	36,5	29,3	24,4	30,4	20,5	2,7	20,3	14,6
Красноярский край	12,5	10,6	8,5	9,7	10,1	31,0	13,7	12,2
Республика Саха (Якутия)	19,4	18,3	1,7	9,7	10,6	19,8	15,8	8,8
Чукотский АО	10,3	12,0	12,7	18,4	27,3	181,8	39,7	3,6
Российская Федерация	7,2	3,2	6,0	7,0	5,9	3,9	6,8	8,9

Многие регионы АЗРФ демонстрируют резкие разнонаправленные колебания инвестиционной активности, что говорит о зависимости от единичных мегапроектов, неустойчивости институтов или эффекта низкой базы.

Низкий уровень инновационной активности в Арктической зоне РФ (АЗРФ) сдерживает переход к устойчивому и диверсифицированному развитию. Почти во всех арктических регионах этот показатель в 1,3–1,6 раза ниже общероссийского. Слабость инновационных процессов в промышленности АЗРФ ведет к низкой доле инновационных товаров и услуг. Как свидетельствуют представленные в *табл. 2* данные, уровень инновационной активности в арктических регионах отстает от среднего по стране в 1,2–3 раза.

Таблица 2. **Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг организаций промышленности,** %

Регион	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Республика Карелия	0,06	2,41	2,20	2,54	3,52	3,29	1,31	н/д
Республика Коми	0,34	1,20	2,18	1,17	0,33	1,55	3,60	3,17
Архангельская область	29,41	12,68	5,27	16,83	н/д	3,23	35,02	16,74
Ненецкий АО	0,01	0,01	0,00	н/д	н/д	н/д	0,00	0,21
Мурманская область	0,90	0,47	5,60	12,09	13,88	17,82	3,92	н/д
Ханты-Мансийский АО – Югра	0,49	0,40	0,83	н/д	н/д	н/д	0,97	н/д
Ямало-Ненецкий АО	0,00	0,00	0,40	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Красноярский край	2,34	1,62	4,56	4,01	2,15	1,61	1,64	0,98
Республика Саха (Якутия)	0,65	0,48	0,67	0,64	0,00	0,01	0,00	0,00
Чукотский АО	1,03	0,50	0,40	н/д	0,35	0,00	0,33	н/д
Российская Федерация	6,69	6,03	6,13	6,36	5,53	5,50	6,23	6,26

В АЗРФ реализуются госпрограммы (например, «Развитие Арктической зоны РФ»), которые уже дали результаты:

– статус резидента получили более 727 компаний, фактически инвестировано 143 млрд руб.;

– за счет льгот развиваются туризм и сервис (Мурманская область, Карелия), логистика и транспорт (Архангельская область), строительство;

– с августа 2021 года по программе «арктический гектар» землю бесплатно получили 5–6 тыс. человек для жилья, бизнеса и туризма;

– с декабря 2023 года действует «арктическая ипотека» под 2% (объем жилищного строительства в АЗРФ вырос в 2025 году почти в 1,8 раза по сравнению с 2019 годом);

– с 1 апреля 2024 года вступил в силу закон о северном завозе (единый морской оператор, цифровой мониторинг); в 2025 году система полностью заработала на Чукотке.

Инновационная инфраструктура в АЗРФ создается, но остается фрагментированной по регионам. Основные ее элементы:

– ТОСЭР: в моногородах («Кондопога», «Костомукша», «Кировск», «Железногорск», «Южная Якутия» и др.) для снижения зависимости от градообразующих предприятий;

– Технопарки: университетские («ПетрГУ»), детские («Кванториум»), промышленные («Южная промзона» в Республике Карелия, «ИМПУЛЬС» в Ханты-Мансийском АО);

– бизнес-инкубаторы: в Республике Карелия, Ненецком АО, Мурманской области, Красноярском крае;

– особые экономические зоны: промышленно-производственные («Мурманск», «Красноярская технологическая долина», «Нягань»);

– Кластеры: лесопромышленные (Архангельская область, Ханты-Мансийский АО Республика Коми), судостроительный и рыбопромышленный (Архангельская область), туристско-рекреационные (Мурманская область, Ненецкий АО, Республика Якутия), ИТ-кластер (Ненецкий АО);

– индустриальные и промышленные парки: активнее всего в Ханты-Мансийском АО и Красноярском крае.

2. Социальные аспекты. Численность населения в регионах АЗРФ за рассматриваемый период 2017–2024 гг. сократилась во всех регионах АЗРФ, кроме Ханты-Мансийского АО и Республики Саха. Миграционный отток, особенно стабильный в Коми и Архангельской области, является основной причиной депопуляции. Красноярский край – единственный регион со стабильным миграционным притоком. Кратковременные периоды положительной миграции в Карелии, Ненецком АО, Ямало-Ненецком АО, Республике Саха и Чукотском АО не компенсируют общую убыль населения и не формируют устойчивой базы для закрепления кадров.

Слабая развитость транспортной и энергетической инфраструктуры в АЗРФ затрудняет хозяйственную деятельность и повышает логистические издержки. Плотность железнодорожной сети в регионах АЗРФ составляет лишь 58% от среднероссийского уровня. Лишь два арктических региона (Республика Карелия и Мурманская область) демонстрируют плотность железнодорожной сети выше общероссийской. Это объясняется хорошо развитой инфраструктурой, исторически сформировавшейся сетью дорог и ключевой ролью данных субъектов в качестве транспортных коридоров для вывоза ресурсов на экспорт. В то же время в Ненецком и Чукотском округах железнодорожное сообщение полностью отсутствует из-за удаленности, сурового климата и нецелесообразности строительства, что делает территории зависимыми от авиации и морских перевозок [6]. Плотность автомобильных дорог во всех арктических регионах также значительно ниже общероссийской, что ограничивает транспортное сообщение и развитие инфраструктуры.

3. Экологические аспекты. Арктические регионы отличаются повышенной экологической уязвимостью из-за низкой способности природной среды к самоочищению и высокой концентрации промышленности. В АЗРФ фиксируется более высокий, чем по России, уровень выбросов вредных соединений от стационарных источников (*табл. 3*).

Основная нагрузка на атмосферу приходится на добывающие предприятия и металлургические комплексы.

Объемы образования отходов в Арктической зоне РФ превышают среднероссийские значения, тогда как уровень их переработки и обезвреживания уступает общенациональным показателям (*табл. 4*).

Таблица 3. **Объемы загрязняющих веществ, поступающих в атмосферу от стационарных источников,** млн т

Регион	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Республика Карелия	0,11	0,12	0,12	0,13	0,14	0,13	0,14	0,16
Республика Коми	0,45	0,49	0,39	0,35	0,37	0,35	0,34	0,35
Архангельская область	0,15	0,13	0,14	0,13	0,14	0,12	0,12	0,12
Ненецкий АО	0,10	0,07	0,07	0,06	0,06	0,09	0,07	0,06
Мурманская область	0,24	0,22	0,23	0,20	0,13	0,13	0,15	0,15
Ханты-Мансийский АО – Югра	1,41	1,38	1,27	1,14	1,23	1,14	1,19	1,19
Ямало-Ненецкий АО	0,79	0,74	0,76	0,88	0,95	1,03	0,88	1,02
Красноярский край	2,37	2,32	2,43	2,54	2,42	2,63	2,49	2,16
Республика Саха (Якутия)	0,24	0,26	0,29	0,29	0,39	0,34	0,37	0,40
Чукотский АО	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02
Российская Федерация	0,21	0,20	0,20	0,20	0,20	0,20	0,20	0,20

Таблица 4. **Образование и утилизация отходов производства и потребления,** млн т[3]

Регион	Образование отходов				Утилизация и обезвреживание отходов			
	2018	2020	2022	2024	2018	2020	2022	2024
Республика Карелия	141,8	150,1	136,2	135,4	26,1	11,6	9,4	8,6
Республика Коми	5,2	40,2	24,7	16,7	0,6	0,4	0,5	0,6
Архангельская область	76,9	34,0	64,9	50,6	4,9	1,4	3,3	0,8
Ненецкий АО	0,1	0,2	0,2	0,3	0,1	0,1	0,2	0,2
Мурманская область	229,6	305,6	252,8	236,7	54,1	37,2	56,3	47,2
Ханты-Мансийский АО – Югра	7,2	6,5	7,9	8,6	7,2	5,4	7,1	6,3
Ямало-Ненецкий АО	0,9	0,5	2,6	2,5	0,9	0,5	2,2	2,4
Красноярский край	514,2	404,0	589,1	632,5	538,2	381,2	319,4	165,1
Республика Саха (Якутия)	427,1	529,0	719,8	946,6	256,0	264,8	263,1	258,7
Чукотский АО	20,6	23,7	34,3	47,7	6,6	16,4	14,8	5,9
Российская Федерация	89,4	81,8	106,1	100,2	47,6	40,3	48,5	36,2

Проведенный анализ позволяет заключить, что инновационная среда в регионах АЗРФ еще только складывается. При наличии значительного потенциала ее развитие ограничивают суровый климат, инфраструктурные недостатки и дефицит квалифицированных кадров.

Библиографический список

1. Бурменко Т.А., Кашина Е.В., Рудских В.В. (2026). Концептуальные основы проектирования политики устойчивого развития арктического региона на основе стейкхолдерного подхода // Экономика строительства. № 2. С. 243–245.
2. Глухов В.В., Деттер Г.Ф., Туккель И.Л. (2015). Создание региональной инновационной системы в условиях Арктической зоны Российской Федерации: проектирование и опыт реализации // Инновации. № 5 (199). С. 86–98.
3. Горячевская Е.С., Жаров В.С. (2025). Оценка влияния промышленного потенциала на устойчивое инновационно-технологическое развитие промышленного производства в регионах АЗРФ // Инновации и инвестиции. № 1. С. 261–265.
4. Гутман С.С. (2020). Кластерный подход как основа устойчивого развития регионов Арктической зоны РФ. Санкт-Петербург: Астерион. 155 с.
5. Рослякова Н.А., Волков А.Д., Тишков С.В. (2023). Инновационные системы регионов российской Арктики: структурные особенности, сценарии развития и аспекты управления (применение методики DEA-анализа) // Управление большими системами. № 106. С. 218–245. DOI: 10.25728/ubs.2023.106.8
6. Цукерман В.А., Горячевская Е.С. (2019). Обеспечение транспортными коммуникациями на Севере и в Арктике // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD’2019): материалы Двенадцатой Международной конференции. Москва: ИПУ РАН. С. 733–735.

Информация об авторе

[3] Охрана окружающей среды в России // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13209 (дата обращения: 23.05.2025).

Елена Сергеевна Горячевская – научный сотрудник, Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Российская Федерация, 184209, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: noskova_lena@mail.ru)

Goryachevskaya E.S.

INNOVATION ENVIRONMENT OF THE RUSSIAN ARCTIC: STATUS AND CONSTRAINTS

Abstract. *Using an interdisciplinary approach and Rosstat data for 2017–2024, the innovation environment of the Arctic Zone of the Russian Federation is assessed. Resource specialization, investment polarization, low innovation activity, depopulation, weakness of the transportation system and innovation infrastructure, and high environmental burden are identified.*

Keywords: *Arctic zone of the Russian Federation, innovation environment, resource specialization, investment polarization, sustainable development, environmental vulnerability.*

About the author

Elena S. Goryachevskaya – Researcher, Luzin Institute for Economic Studies – Subdivision of the Federal Research Centre «Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences» (24a, Fersman Street, Apatity, 184209, Russia Federatiom; e-mail: noskova_lena@mail.ru)

References

1. Burmenko T.A., Kashina E.V., Rudskikh V.V. (2026). Conceptual foundations for designing a sustainable development policy for the Arctic region based on a stakeholder approach. *Construction Economics*, 2, 243–245.
2. Glukhov V.V., Detter G.F., Tukkel I.L. (2015). Creation of a regional innovation system in the Arctic zone of the Russian Federation: design and implementation experience. *Innovations*, 5(199), 86–98.
3. Goryachevskaya E.S., Zharov V.S. (2025). Assessing the impact of industrial potential on sustainable innovation and technological development of industrial production in the regions of the Arctic Zone of the Russian Federation. *Innovations and Investments*, 1, 261–265.
4. Gutman S.S. (2020). The Cluster Approach as a Basis for Sustainable Development of Regions of the Arctic Zone of the Russian Federation. St. Petersburg: Asterion.
5. Roslyakova N.A., Volkov A.D., Tishkov S.V. (2023). Innovative Systems of Russian Arctic Regions: Structural Features, Development Scenarios, and Management Aspects (Application of the DEA Analysis Methodology). *Large Systems Management*, 106, 218–245. DOI: 10.25728/ubs.2023.106.8
6. Tsukerman V.A., Goryachevskaya E.S. (2019). Provision of Transport Communications in the North and the Arctic. Management of Large-Scale Systems Development (MLSD'2019): Proceedings of the XII Int. Conf. Moscow: IPU RAS, 733–735.

УДК 338.46:001.895 / ББК 65.04

Гарипова З.Ф.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДИСБАЛАНС НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И КАДРОВЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. *Представлены результаты анализа динамики научно-технологического потенциала 13 регионов-лидеров России за 2022–2024 годы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки эффективности существующей модели пространственного развития науки и выявления ключевых дисбалансов, препятствующих формированию устойчивой национальной инновационной системы. В качестве объекта исследования выступает совокупность субъектов РФ, занимающих лидирующие позиции в Национальном рейтинге НТР. В ходе анализа были выявлены следующие ключевые тенденции. Во-первых, наблюдается сокращение институциональной базы науки: общее число организаций, выполняющих исследования и разработки, за три года уменьшилось на 0,9% (38 единиц). Наиболее существенное сжатие научно-организационного пространства зафиксировано в Самарской (-15%), Ростовской (-10%), Нижегородской (-9%) и Томской (-5%) областях. Во-вторых, подтверждается экстремально высокий уровень географической концентрации научного потенциала. На долю Москвы, Санкт-Петербурга и Московской области в совокупности приходится около 36% всех научных организаций. Кадровая динамика носит разнонаправленный характер. Рост общей численности персонала зафиксирован лишь в пяти регионах (Московской, Свердловской, Ростовской, Томской областей и Республике Башкортостан). При этом численность непосредственно исследователей остается относительно стабильной (падение на 0,5% по стране), что свидетельствует о структурной оптимизации сектора – сокращении вспомогательного и административного персонала при сохранении научного ядра. Сохраняется сверхконцентрация высококвалифицированных кадров в столице. При сокращении числа остепененных исследователей на 6%, в г. Москве численность докторов и кандидатов наук сохраняется на уровне 45 и 39%, соответственно. Полученные результаты подчеркивают необходимость формирования стратегических подходов к децентрализации и перераспределению научно-технического потенциала. Преодоление выявленных региональных дисбалансов является ключевым условием для обеспечения устойчивого развития инновационных процессов, повышения эффективности использования бюджетных средств и обеспечения технологической безопасности страны в долгосрочной перспективе.*

Ключевые слова: *научно-технологическое развитие (НТР), регионы-лидеры, кадровый потенциал, концентрация исследователей, институциональная динамика.*

В условиях геополитической напряженности и смены технологических укладов научно-технологический потенциал регионов приобретает значение ключевого ресурса обеспечения национального суверенитета государства. Вместе с тем высокая неравномерность его распределения создает риски для устойчивости инновационной системы страны.

С целью выявления институциональной динамики и оценки кадрового капитала был проведен анализ выборочной совокупности из 13 субъектов РФ (*табл. 1*), регионов-лидеров научно-технологического развития России за период 2022–2024 гг.

Таблица 1. **Аналитическая выборка регионов-лидеров НТР**

№	Регион	№	Регион	№	Регион
1.	г. Москва	6.	Новосибирская обл.	10.	Ростовская обл.
2.	г. Санкт-Петербург	7.	Псковская обл.	11.	Самарская обл.
3.	Красноярский край	8.	Республика Башкортостан	12.	Свердловская обл.
4.	Московская обл.	9.	Республика Татарстан	13.	Томская обл.
5.	Нижегородская обл.				
Источник: Итоги национального рейтинга научно-технологического развития субъектов Российской Федерации за 2024 год // Министерство науки и высшего образования. URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2024/12/ (дата обращения: 30.04.2026).					

На протяжении всего периода тройку лидеров рейтинга НТР составляли г. Москва, г. Санкт-Петербург и Республика Татарстан, в первую девятку стабильно входили Московская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Республика Башкортостан, Свердловская область и Томская область. В 2023 и 2024 гг. десятое место занимала Самарская область. В 2024 году Ростовская область не вошла в общий рейтинг, но заняла десятое место в группе показателей рейтинга НТР «Органы власти» и девятое место в группе «Среда для работы исследователей». В целом за период 2022–2024 гг. максимальный прогресс показала Псковская область: +30 позиций в общем рейтинге, Красноярский край улучшил позиции в группе «Органы власти»: +24 позиции.

Совокупная доля анализируемых регионов в общероссийских показателях составляет: по количеству организаций, выполняющих исследования и разработки – свыше 50%, по численности исследовательского персонала – около 78%. Проведенный анализ позволил выявить ряд тенденций, характеризующих состояние и динамику научно-технологического потенциала страны [2].

Институциональная динамика

Общее число организаций, выполняющих исследования и разработки, за исследуемый период сократилось на 0,9% (38 единиц). При этом наиболее существенные потери понесли Самарская (15%), Ростовская (10%), Нижегородская (9%) и Томская (5%) области. Распределение организаций сохраняет высокую степень централизации: на Москву, Санкт-Петербург и Московскую область в совокупности приходится около 36% всех организаций (*табл. 2*).

Таблица 2. **Доля регионов-лидеров по количеству организаций, выполнявших исследования и разработки, в общем объеме по РФ,** %

№	Регионы	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Средняя за период
1.	г. Москва	19,7	20,0	21,0	20,2
2.	г. Санкт-Петербург	8,7	8,5	8,7	8,6
3.	Красноярский край	1,7	1,7	1,7	1,7
4.	Московская область	6,4	6,2	6,2	6,3
5.	Нижегородская область	2,4	2,1	2,1	2,2
6.	Новосибирская область	2,7	2,6	2,6	2,6
7.	Псковская область	0,3	0,3	0,3	0,3
8.	Республика Башкортостан	1,7	1,8	1,8	1,8
9.	Республика Татарстан	3,1	2,9	3,0	3,0
10.	Ростовская область	2,3	2,1	2,1	2,2
11.	Самарская область	1,4	1,3	1,2	1,3
12.	Свердловская область	3,3	3,2	3,2	3,2
13.	Томская область	1,4	1,4	1,3	1,4
Всего		54,9	54,1	55,3	-
Источник: Наука, инновации и технологии // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 30.04.2026).					

В группу регионов с долей в диапазоне от 2 до 3,5% входят Свердловская область, Республика Татарстан, Новосибирская область, Нижегородская область и Ростовская область. Доля регионов с показателем менее 2% представлена Республикой Башкортостан, Красноярским краем, Томской, Самарской, Псковской областями (*рис. 1*).

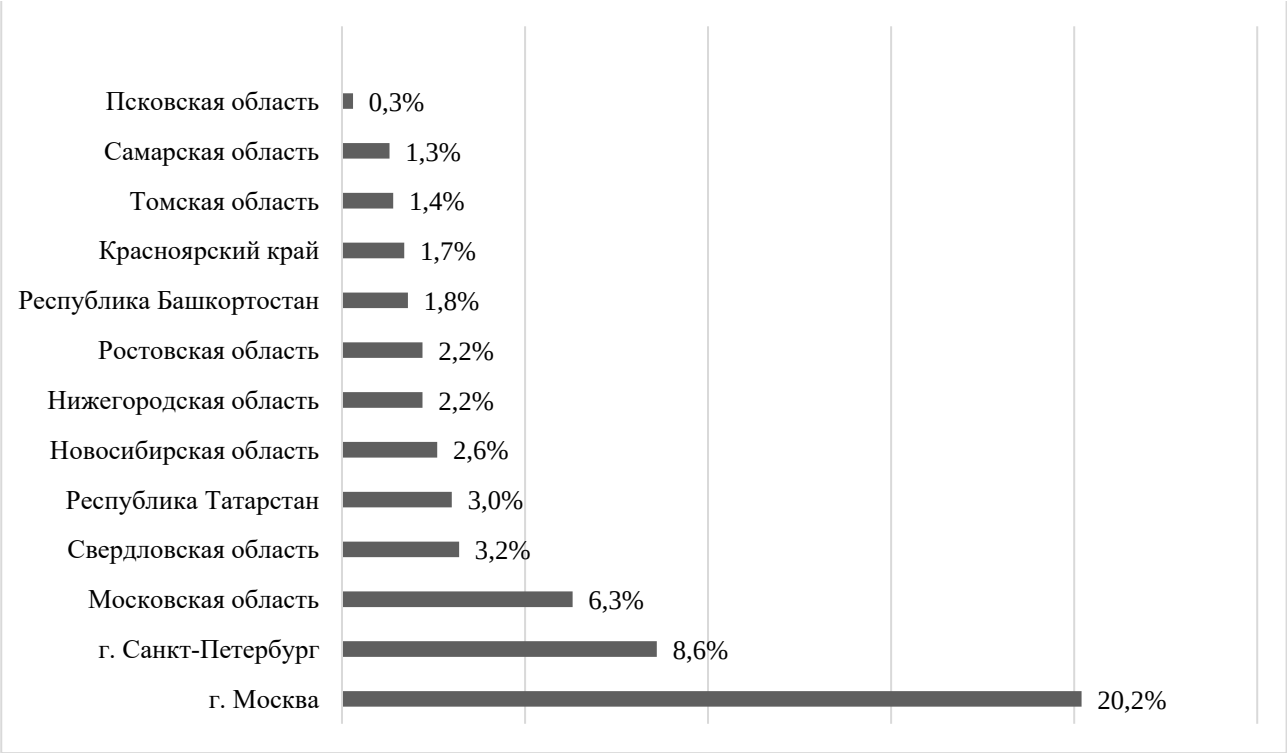

Рис. 1. **Средняя доля регионов-лидеров по количеству организаций, выполнявших исследования и разработки,** за период 2022–2024 гг.

Доля регионов-лидеров в общей численности персонала, занятого исследованиями и разработками, составляет в среднем за период 76%, что эквивалентно трем четвертям всех занятых в данной сфере. При этом каждый третий исследователь трудится в Москве, каждый восьмой – в Московской области, каждый десятый – в Санкт-Петербурге (*табл. 3*).

Таблица 3. **Доля регионов-лидеров по численности персонала, занятого в исследованиях и разработках, в общем объеме по РФ,** %

№	Регион	2022 г.	2023 г.	2024 г.
1.	г. Москва	31,1	31,4	32,2
2.	г. Санкт-Петербург	10,5	10,8	10,8
3.	Красноярский край	1,2	1,4	1,4
4.	Московская область	12,5	12,3	12,1
5.	Нижегородская область	6,3	6,4	6,4
6.	Новосибирская область	3,0	3,1	3,1
7.	Псковская область	0,0	0,0	0,0
8.	Республика Башкортостан	1,1	1,1	1,1
9.	Республика Татарстан	2,1	2,3	2,5
10.	Ростовская область	1,7	1,7	1,7
11.	Самарская область	1,1	1,2	1,2
12.	Свердловская область	3,3	3,0	3,0
13.	Томская область	1,4	1,4	1,4
Всего		75,5	76,0	76,8
Источник: Наука, инновации и технологии // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 30.04.2026).				

Рост общей численности персонала за три года зафиксирован лишь в пяти регионах: Московской, Свердловской, Ростовской, Томской областях и Республике Башкортостан (см. рис. 2).

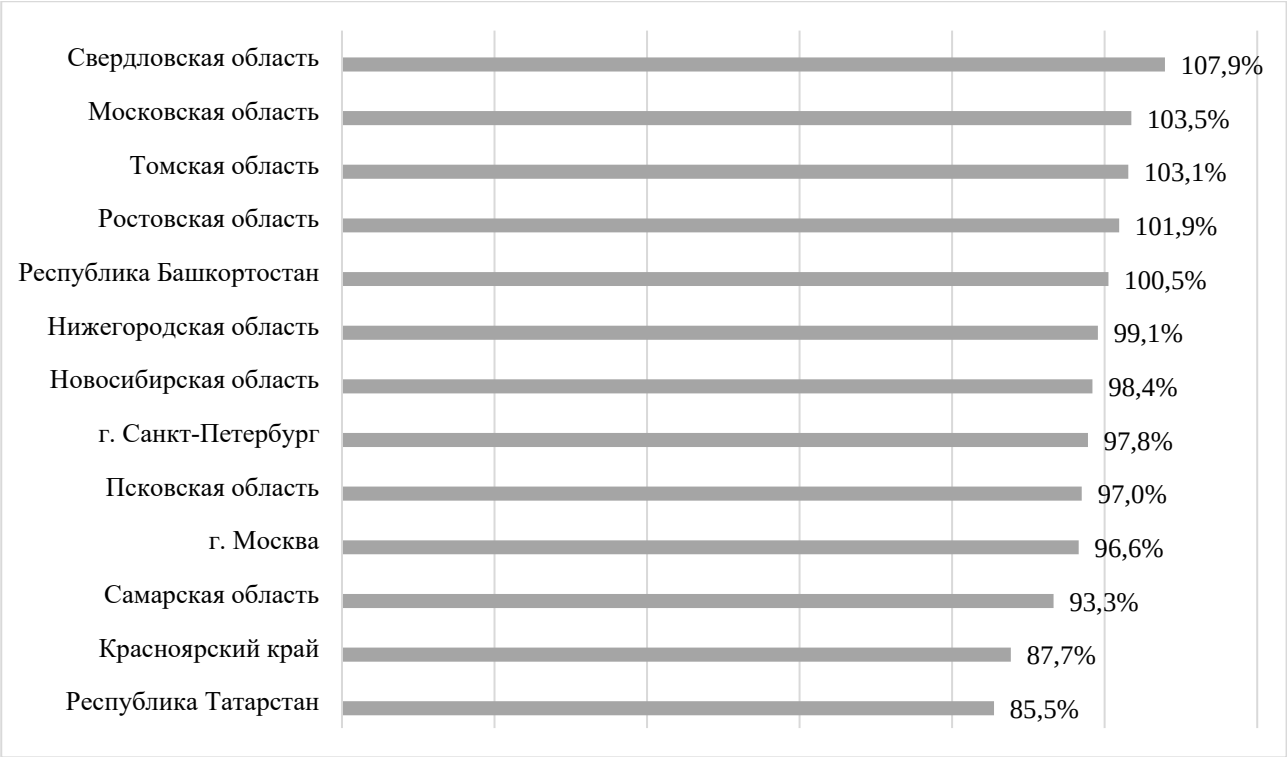

Рис. 2. **Темп роста общей численности, занятого в исследованиях и разработках персонала в 2024 году по отношению к 2022 году**

Несмотря на рост совокупной доли 13 регионов-лидеров в общероссийской численности исследователей с 75,5% до 76,8% за три года, абсолютная численность персонала в большинстве из них сокращается. Рост общей численности наблюдается лишь в пяти регионах с меньшим масштабом научной сферы. Это говорит о том, что общероссийская тенденция сжатия кадрового потенциала в сфере научных исследований и разработок лишь частично компенсируется локальным приростом в субъектах с активной научно-технологической политикой (Свердловская область – УМНОЦ, технопарки; Московская область – наукограды, мегасайенс; Томская область – Большой университет, ОЭЗ).

Вместе с тем численность исключительно исследователей в стране остается достаточно стабильной (падение всего на 0,5% за 2022–2024 гг.), однако под этой макростабильностью скрывается существенное перераспределение между регионами. Так, Республика Татарстан (+12,8%) и Красноярский край (+11,3%) демонстрируют рост, что говорит о точечном укреплении научного потенциала, в том числе, за счет приоритетных отраслевых или региональных программ. Санкт-Петербург (+3,2%) также наращивает численность, подтверждая статус устойчиво растущего центра. Столица России при огромной абсолютной численности показывает почти нулевой рост (+1,0%). Другие крупные научные ядра, такие как Нижегородская область (-0,4%) и Свердловская область (-1,9%), близки к стабильности, что характерно для большинства крупных научных центров (*рис. 3*).

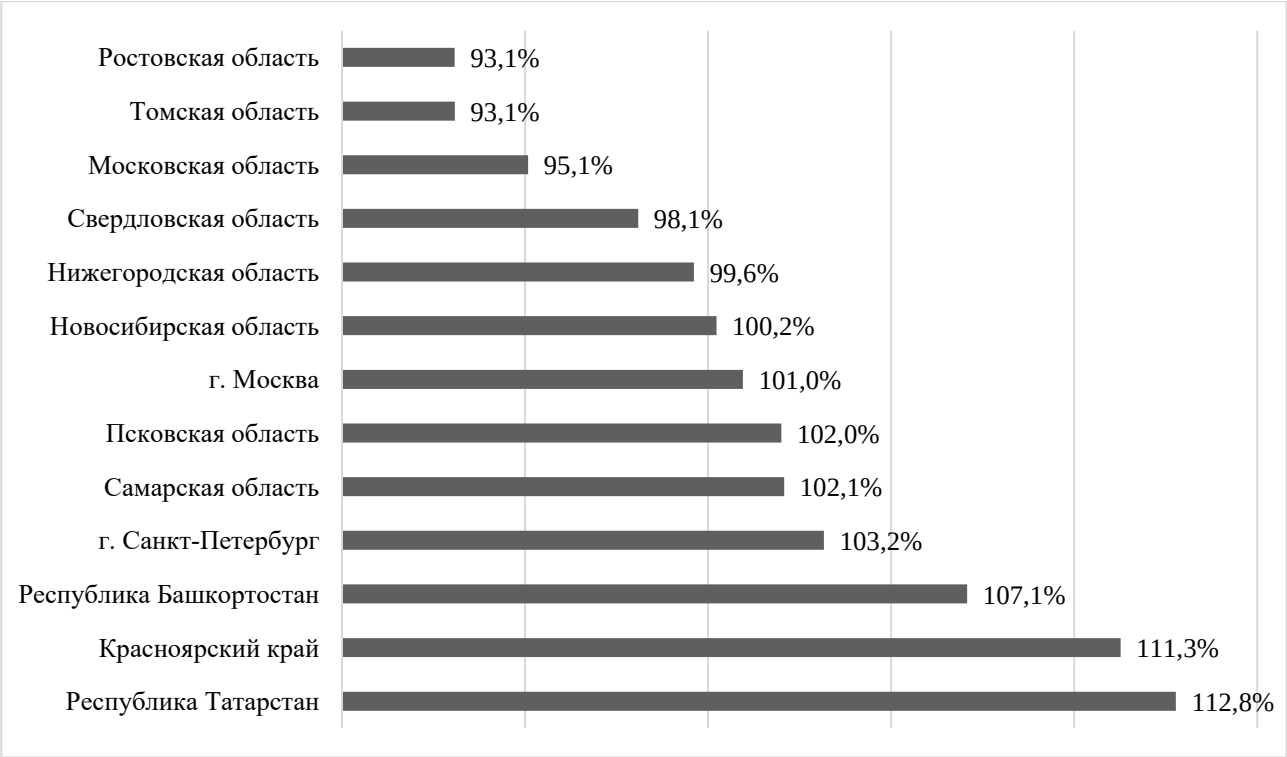

Рис. 3. **Темпы роста численности исследователей в регионах-лидерах в 2024 году по отношению к 2022 году**

Наблюдаемое сокращение общей численности персонала при увеличении численности исследователей в большинстве регионах-лидерах свидетельствует о структурной оптимизации кадрового состава: сокращении вспомогательного персонала при сохранении научного ядра. При этом доля столичных исследователей в общероссийской численности увеличилась на 0,5%, что на фоне сокращения общего персонала подтверждает тенденцию к гиперконцентрации научного потенциала в г. Москве.

В результате исследования выявлена высокая устойчивость четырех ключевых научных центров – городов Москвы и Санкт-Петербурга, Московской и Нижегородской областей, совместно аккумулирующих около60 % всех исследователей. Колебания их долей не превышают ±0,5 п. п., что свидетельствует о консервативности сложившейся иерархии. Каждый десятый исследователь работает в Санкт-Петербурге или Московской области, каждый двадцатый – в Нижегородской области. В совокупности на 13 рассмотренных регионов приходится 78% всех исследователей страны. Данное распределение подтверждает экстремально высокий уровень концентрации научных кадров в ограниченном числе регионов.

В структуре исследователей по областям науки доминируют технические (61%) и естественные науки (24%), за которыми со значительным отрывом следуют общественные, медицинские, гуманитарные и сельскохозяйственные направления. Анализ возрастного состава показывает, что практически во всех регионах-лидерах наиболее многочисленной является группа исследователей в возрасте 30–39 лет.

Квалификационные характеристики

За анализируемый период в целом по стране произошло сокращение численности исследователей, имеющих ученые степени. Число остепененных исследователей в Российской Федерации уменьшилось на 6% за три года. При этом степень концентрации научной элиты остается крайне высокой: в двенадцати регионах выборки (без учета Псковской области) сосредоточено 79% докторов и 74% кандидатов наук. Абсолютным лидером выступает Москва, где работают 45% докторов и 39% кандидатов наук, то есть практически каждый второй доктор и каждый третий кандидат наук страны. Санкт-Петербург, занимающий вторую позицию с долей 11–13% по каждой из категорий, уступает столице более чем в три раза.

Таким образом, проведенный анализ подтверждает наличие устойчивой гиперконцентрации научного потенциала в ограниченном круге регионов при одновременном сокращении кадрового и институционального ресурса в ряде традиционных научных центров. Выявленные тенденции актуализируют задачу поиска механизмов деконцентрации и стимулирования развития региональных точек роста в научно-технологической сфере.

Информация об авторе

Зухра Фанусовна Гарипова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Академия наук Республики Башкортостан (Российская Федерация, 450077, г. Уфа, ул. Кирова, д. 15; e-mail: loyal-z@bk.ru)

Garipova Z.F.

REGIONAL DISBALANCE OF RUSSIA'S SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT: INSTITUTIONAL AND PERSONNEL ASPECTS

Abstract. *The article presents the results of an analysis of the dynamics of the scientific and technological potential of 13 leading regions of Russia for the period 2022–2024. The relevance of the study is due to the need to assess the effectiveness of the existing model of spatial development of science and identify key imbalances that hinder the formation of a sustainable national innovation system. The object of the study is a set of constituent entities of the Russian Federation that occupy leading positions in the National Science and Technology Ranking. The analysis revealed the following key trends. First, there has been a decrease in the institutional base of science: the total number of organizations conducting research and development has decreased by 0,9% (38 units) over the past three years. The most significant contraction of the scientific and organizational space has been observed in the Samara (-15%), Rostov (-10%), Nizhny Novgorod (-9%), and Tomsk (-5%) regions. Second, there has been an extremely high level of geographical concentration of scientific potential. The dynamics of personnel are multidirectional. Only five regions (Moscow, Sverdlovsk, Rostov, Tomsk regions, and the Republic of Bashkortostan) have recorded an increase in the total number of employees. However, the number of researchers remains relatively stable (a 0,5% decrease across the country), indicating a structural optimization of the sector, with a reduction in support and administrative personnel while maintaining the scientific core. There is still a high concentration of highly qualified personnel in the capital. With a 6% decrease in the number of researchers with academic degrees, the number of doctors and candidates of science in Moscow remains at 45% and 39%, respectively. The results obtained highlight the need to develop strategic approaches to decentralization and redistribution of scientific and technical potential. Overcoming the identified regional imbalances is a key condition for ensuring sustainable development of innovative processes and increasing the efficiency of the scientific and technological sector.*

Keywords: *scientific and technological development (STD), leading regions, human resources, researcher concentration, and institutional dynamics.*

About the author

Zukhra F. Garipova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Academy of Sciences of the Republic Bashkortostan (15, Kirova Street, Ufa, 450077, Russian Federation; e-mail: loyal-z@bk.ru)

УДК 338 / ББК 65.050

Захарян А.Г.

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена изучению возможностей повышения эффективности финансирования научно-исследовательской деятельности – как одного из основных факторов инновационного развития экономики. Особое внимание уделено вопросам повышения объема внутренних затрат на исследования и разработки, активизации государственно-частного партнерства, применения передового зарубежного опыта финансирования научно-исследовательской деятельности и т. д. В статье представлены определенные механизмы активизации инновационной деятельности посредством повышения эффективности финансирования научно-исследовательской деятельности.*

Ключевые слова: *экономика, инновации, научно-исследовательская деятельность, финансирование, государственная политика, развитие, эффективность.*

В современных экономических реалиях стимулирование инновационной деятельности приобретает особую актуальность, поскольку способствует созданию новых рабочих мест, повышению благосостояния населения, внедрению новшеств и увеличению доходов государственного бюджета. Очевидно, что огромная роль в инновационном развитии экономики принадлежит также финансированию научно-исследовательской деятельности [1, с. 132–151]. В настоящее время активизация инновационной деятельности предполагает осуществление междисциплинарных исследований и применение эффективных инновационных технологий. В Республике Армения существуют отдельные грантовые механизмы, требующие обязательного участия представителей разных научных направлений в одном проекте – в зависимости от исследуемой темы. Осуществление междисциплинарных исследований предполагает также организацию коллаборационной деятельности с соответствующими университетами и структурами. На наш взгляд, наиболее эффективным механизмом для участия в международном исследовании/проектах является стимулирование активного международного сотрудничества ученых посредством создания при Правительствах разных стран Комитета инновационного развития науки, который занимался бы развитием международных научных отношений, поскольку развитие науки требует специфического подхода и, в некоторых случаях, ситуационного и антикризисного управления. Очевидно, что наиболее эффективными финансовыми механизмами стимулирования научно-исследовательской деятельности являются активизация взаимодействия науки, бизнеса и государства, содействие процессу коммерциализации результатов изобретательской деятельности на государственном уровне, а также предоставление налоговых и кредитных льгот компаниям, активно содействующим научно-исследовательской деятельности и внедрению их результатов.

Основные источники финансирования научно-исследовательской деятельности.

- Государственное финансирование: государственные органы часто выступают основными спонсорами научных исследований. Это может быть как финансирование отдельных проектов, так и поддержка целых программ. Нередко государственные гранты имеют строгие условия, но обеспечивают стабильное финансирование для ученых.
- Частные фонды и гранты: существует множество фондов, поддерживающих научные исследования в различных областях. Они обычно распределяют гранты на основе конкурсного отбора. Работа с такими фондами требует от исследователей тщательной подготовки заявок и отчетности.
- Корпоративное финансирование: бизнес также активно инвестирует в науку, особенно если исследование сопряжено с разработкой новых технологий или продуктов. Партнерство с компаниями может привести к значительным ресурсам, однако нужно учитывать интересы бизнеса и их влияние на направления исследований.

- Международные организации: организации, такие как ООН, Всемирная организация здравоохранения и многие другие, также выделяют средства на исследовательские проекты, особенно в области экологии, здравоохранения и социального развития. Эти гранты могут быть конкурентными, но они открывают двери к международному сотрудничеству.
- Собственное финансирование: некоторые исследователи используют собственные средства или привлекают финансовую поддержку от частных инвесторов. Такой подход позволяет сохранить независимость исследования, но требует значительных вложений [2, с. 661–698].

При выборе источника финансирования важно понимать механизмы, которые помогают в его получении. Каждый источник имеет свои особенности, поэтому важно заранее ознакомиться с требованиями и условиями. Основными механизмами финансирования являются:

- конкурсные заявки: большинство грантовых программ требует подачи заявок, в которых необходимо описать проект, его серьезность и предполагаемые результаты. Важно четко следовать инструкциям и предоставлять все необходимые документы;
- отчетность: получая финансирование, исследователи обязуются отчитываться о расходах, промежуточных результатах и итогах работы. Строгое соблюдение всех сроков и стандартов отчетности поможет сохранить хорошую репутацию и шансы на дальнейшее финансирование;
- Сетевое взаимодействие: участие в конференциях, семинарах и научных мероприятиях может служить отличной платформой для дипломатии в научной сфере. Здесь можно наладить контакты с потенциальными партнерами и спонсорами.

Разработка успешной стратегии финансирования научных исследований требует тщательного анализа доступных источников и понимания особенностей каждого из них. Найдя подходящий путь финансирования, ученые смогут не только реализовать свои идеи, но и внести вклад в развитие науки.

Очевидно, что эффективное финансирования исследований и разработок неразрывно связано с повышением объема внутренних затрат на них. Для решения проблемы повышения объема внутренних затрат на исследования и разработки и увеличения в их структуре доли внебюджетных средств необходимо изучение опыта технологически развитых стран, который позволяет выявить широкий и разнообразный спектр инструментов, оказывающих стимулирующее воздействие на активность экономических субъектов в научно-технической сфере [3, с. 7–29]. Опыт США, Нидерландов, Южной Кореи и Китая может быть полезен для создания набора инструментов, стимулирующих рост внутренних затрат на исследования и разработки и оказывающих положительное влияние на развитие интеллектуального капитала и эффективность его использования.

Основные меры стимулирования роста внутренних затрат на исследования и разработки в США

1. Прямое государственное финансирование фундаментальных исследований и разработок.

2. Государственная поддержка прикладных исследований и разработок, осуществляемых предприятиями через:

– налоговый кредит на научные исследования и разработки (увеличение объема предоставляемого налогового кредита на 20%, упрощение механизма расчета налогового кредита, предоставление налогового кредита на постоянной основе);

– механизм государственных закупок.

3. Совершенствование нормативно-правовой системы, регулирующей вопросы прав на интеллектуальную собственность:

– предоставление временных эксклюзивных прав на использование инновации разработчиком;

– улучшение качества патентной системы (ускорение получения патента на изобретение).

4. Развитие малого предпринимательства:

– предоставление государственных займов малым предприятиям;

– снижение налоговой нагрузки на малые предприятия;

– введение нулевой ставки налога на прибыль от продажи акций малых предприятий, которые продаются не менее чем через 5 лет после их приобретения (ограничением для получения такой льготы является размер выгоды более чем 10 млн долл. США или десятикратное увеличение рыночной стоимости акции).

5. Обеспечение эффективного функционирования рынка капитала:

– разрешение пенсионным фондам вкладывать 5% своих активов в высокорисковые предприятия;

– льгота по налогу на прибыль с продажи акций высокотехнологичных компаний.

6. Развитие региональных инновационных кластеров, объединяющих промышленные предприятия, университеты и регулирующие государственные органы на партнерской основе: программа кредитования предприятий национальными и региональными банками под государственные гарантии.

7. Обеспечение расширения экспортных возможностей американских высокотехнологичных предприятий.

8. Государственно-частное партнерство, вовлекающее в коллаборации университеты, научные организации и частные промышленные компании.

Основные меры стимулирования роста внутренних затрат на исследования и разработки в Нидерландах

1. Государственно-частное партнерство, основанное на «подходе лидирующих секторов экономики» и заключающееся в сосредоточении основных инвестиций в отобранные лидирующие сектора экономики для максимизации отдачи от них. Одним из основных принципов реализации подхода является принцип совместной координации исследований и разработок государством и бизнесом:

– координация деятельности и поощрение коллаборации научного, образовательного и производственного секторов, создание экспертных советов из представителей лидирующих секторов экономики, научных организаций и государственных органов для совместного принятия решений по промышленной политике и основным направлениям научных исследований;

– снижение административного бремени на отобранные лидирующие сектора экономики;

– государственная помощь предприятиям лидирующих секторов в иностранной политике по продвижению голландских брендов на зарубежных рынках (задействование Министерства иностранных дел Нидерландов);

– аккумулирование части доходов от продажи газа и формирование из них «грантов на развитие инфраструктуры знаний», «фонда структурного совершенствования экономики» и создание так называемых виртуальных исследовательских институтов.

2. Создание отраслевых консорциумов знаний и инноваций в лидирующих секторах экономики для реализации принципа софинансирования исследований и разработок.

3. Налоговые льготы для предприятий, осуществляющих научные исследования и разработки:

– налоговый кредит по расходам на персонал, занятый в исследованиях и разработках;

– предоставление налоговой льготы на инвестиции в оборудование, используемое для проведения исследований и разработок;

– льготное налогообложение дохода, получаемого от использования разработанных предприятиями и запатентованных нематериальных активов.

4. Механизм займов под гарантии государства на проведение исследований и разработок предприятиями бизнес-сектора, условия которых варьируются для крупных и малых предприятий, а также в зависимости от этапа инновационного цикла (посевные исследования, этап венчурного финансирования проведения исследований, поздний этап венчурного финансирования – запуск в производство продукции на основе результатов исследований):

– инновационный кредит для малых предприятий, выдаваемый из инновационного фонда, созданного для поддержки инновационных МП;

– выделение «посевного капитала» для новых МП;

– выделение средств из государственного венчурного фонда (фонд фондов) на развитие МП;

– обеспечение банковских кредитов малым предприятиям государственными гарантиями;

– обеспечение государственными гарантиями 50% от выделенных средств малым предприятиям венчурными фондами;

– обеспечение государственными гарантиями 50% от инвестиций в малые предприятия владельцам вложенного капитала;

– создание Голландского инвестиционного агентства, объединяющего средства пенсионных фондов, страховых компаний, банков;

– создание государственно-частного партнерства в лице банков, Министерства экономики, Министерства социального развития и занятости Нидерландов для обеспечения малых предприятий, оказывающих консультационные услуги малым инновационным компаниям.

5. Механизм государственных закупок, стимулирующий спрос на продукцию малых инновационных предприятий.

Основные меры стимулирования роста внутренних затрат на исследования и разработки в Китае

1. Прямые государственные вложения в реализацию Среднесрочного и долгосрочного стратегического плана развития науки и технологий.

2. Создание зон развития высоких технологий и инкубаторов с льготными налоговыми, таможенными, валютными, визовыми и трудовыми режимами.

3. Совершенствование системы венчурного финансирования через реализацию принципа софинансирования государства и бизнес-сектора.

4. Совершенствование системы защиты интеллектуальных прав.

5. Создание низкобюджетной формы патентования полезных моделей и промышленного дизайна (low-value patents), позволяющей получать патенты национальными новаторами в короткие сроки по низкой стоимости.

6. Внедрение в производственную сферу технологических стандартов, повышающих качество высокотехнологичных товаров и стимулирующих инвестиции в их совершенствование.

7. Реализация механизма государственных закупок высокотехнологичных товаров.

Основными мерами стимулирования роста внутренних затрат на исследования и разработки в Южной Корее

1. Налоговые льготы для малых инновационных предприятий:

– налоговый кредит на исследования и разработки;

– льготы по выплате налогов с заработной платы сотрудников малых инновационных предприятий.

2. Использование механизма софинансирования исследований и разработок.

3. Финансирование деятельности стартапов через фонды.

4. Механизм государственных закупок.

5. Государственно-частное партнерство.

6. Развитие технологических кластеров.

7. Аккумуляция и патентование результатов интеллектуальной деятельности внутри страны с целью использования их в национальном производстве для извлечения максимальной прибыли от продажи продукции, произведенной на их основе.

В Республике Армения в рамках «Программы стратегического развития научной сферы до 2030 года» финансирование науки планируется увеличить до 1% ВВП к 2030 году[1]. Программа предусматривает расширение действующей инициативы по привлечению зарубежных ученых. До 2030 года предполагается привлечь не менее 400 исследователей в качестве руководителей научных групп, из которых около 150 будут работать в Армении на постоянной основе.

[1] Андреасян Ж.А. Финансирование науки в Армении до 2030 года нужно довести до 1% ВВП // Спутник. Армения. URL: https://am.sputniknews.ru/20260129/ministr-finansirovanie-nauki-v-armenii-do-2030-goda-nuzhno-dovesti-do-1-vvp--98210802.html

Кроме того, предусмотрено создание государственно-частного инвестиционного фонда для финансирования исследований с высоким уровнем экономического риска. Запуску также подлежат не менее 20 научно-исследовательских программ по государственному заказу, ориентированных на потребности различных отраслей. Отдельное внимание будет уделено укреплению сотрудничества между бизнесом, вузами и научными учреждениями. В рамках создаваемого Академгородка планируется строительство инфраструктуры для прикладных научных разработок. С учетом этих мер к 2030 году объем финансирования науки предполагается довести до 1% ВВП, из которых 0,75% обеспечит государственный сектор, а оставшуюся часть – частные инвестиции. Для сравнения: в 2025 году финансирование науки из государственного бюджета Армении по линии всех ведомств составило 40,2 млрд драмов (около $105 млн), что соответствует примерно 0,3% ВВП по итогам года.

Ниже представим расходы государственного бюджета РА в области науки.

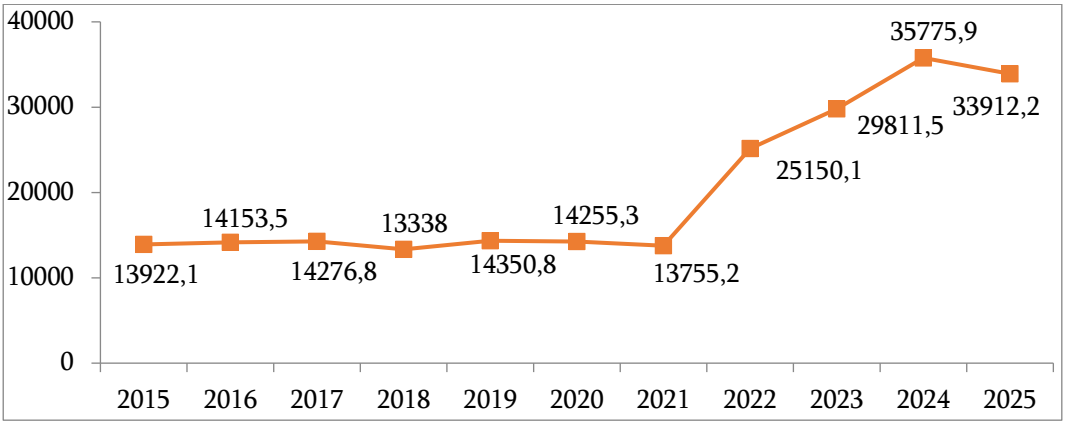

Рис. 1. **Расходы государственного бюджета РА в сфере науки в 2015-2025 гг.,** млн армянских драмов

Примечание: 1 российский рубль равен 4,87 армянским драмам.

Источник: О государственном бюджете: Законы Республики Армения на 2015–2025 гг. URL: https://www.gov.am/am/budget/.

Данные рисунка показывают, что в 2025 году, по сравнению с 2015 годом, расходы государственного бюджета в сфере науки увеличились на 19990,1 млн драмов. Очевидно, что увеличение объемов финансирования науки является положительным явлением. Однако, нужно отметить, что необходимо обеспечить постоянный рост этого показателя, особенно с учетом текущих проблем инновационного развития экономики Республики Армения. Очевидно, что для стимулирования научно-исследовательской деятельности потребуются более значительные объемы государственного и частного финансирования. В мировой практике объем расходов на научные исследования и разработки варьируется в пределах 3–5% ВВП. В этой связи следует отметить, что, хотя объем расходов на научные исследования и разработки несколько вырос, он пока существенно не увеличился по отношению к ВВП.

Учитывая современные реалии, предлагаются следующие подходы по повышению эффективности финансирования научно-исследовательской деятельности как одного из основных факторов инновационного развития экономики.

- Создание государством мощных отраслевых кластеров, что позволит активизировать связи «наука-образование-промышленность-государство», «наука–инновации–коммерциализация», что позволит обеспечить наиболее высокий уровень коммерциализации инновационных разработок.
- Создание совместных предприятий посредством государственного и банковского капитала и совместное финансирование крупных инновационных проектов.
- Предоставление налоговых, таможенных, кредитных и других льгот компаниям, осуществляющим инновационные разработки.

- Привлечение частного капитала в сферу инноваций, а также формирование гибких механизмов финансирования исследований и разработок, основанных на эффективном сотрудничестве государства и финансовой системы.
- Применение передового зарубежного опыта финансирования научно-исследовательской деятельности.

Таким образом, повышение эффективности финансирования научно-исследовательской деятельности имеет важнейшее стратегическое значение, поскольку в дальнейшем может способствовать инновационному развитию экономики, созданию новых рабочих мест и повышению благосостояния населения.

Библиографический список

1. Бостанджян В.Б., Захарян А.Г. (2020). Институциональные основы инновационной деятельности в Республике Армения // Вестник Армянского государственного экономического университета. № 1. С. 132–151.
2. Корепанов К.В., Дашкова М.О., Майданник О.В., Куликов Д.М., Вьюнов С.С. [и др.]. (2023). Основные подходы к финансированию научных исследований и разработок из бюджетных и внебюджетных источников в Российской Федерации и ряде зарубежных стран // Управление наукой и наукометрия. Т. 18. № 4. С. 661–698.
3. Ушакова С.Е. (2016). Стимулирование развития сферы использования национального интеллектуального капитала: обзор зарубежного опыта // Управление наукой и наукометрия». № 4. С. 7–29.

Информация об авторе

Армине Григорьевна Захарян – кандидат экономических наук, Национальная академия наук Республики Армения, Международный научно-образовательный центр (Республика Армения, 0019, г. Ереван, ул. Маршала Баграмяна, д. 24; e-mail: azakharian@inbox.ru)

Zakharyan A.G.

PROBLEMS OF FINANCING SCIENTIFIC-RESEARCH ACTIVITIES

Abstract. *This article examines opportunities to improve the efficiency of financing scientific-research activities - as a key factor in the innovative development of the economy. Particular attention is paid to increasing domestic spending on research and development, activating public-private partnerships, applying advanced international practices in financing of scientific-research activities, etc. The article presents certain mechanisms for activating innovative activities through the improving the efficiency of financing scientific-research activities.*

Keywords: *economics, innovation, scientific-research activity, financing, public policy, development, efficiency.*

About the author

Armine G. Zakharyan – Candidate of Sciences (Economics), National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, International Scientific-Educational Center, (24, Marshall Bagramyan Street, Yerevan, 0019, Republic of Armenia; e-mail: azakharian@inbox.ru)

References

1. Bostanjyan V.B., Zakharyan A.G. (2020). Institutional foundations of innovation activity in the Republic of Armenia. *Bulletin of the Armenian State University of Economics*, 1, 132–151.
2. Korepanov K.V., Dashkova M.O., Maidannik O.V., Kulikov D.M., Vyunov S.S. [et al.]. (2023). Main Approaches to Financing Scientific Research and Development from Budgetary and Extra-budgetary Sources in the Russian Federation and a Number of Foreign Countries. *Science Management and Scientometrics*, 18(4), 661–698.
3. Ushakova S.E. (2016). Stimulating the Development of the Sphere of Using National Intellectual Capital: A Review of Foreign Experience. *Science Management and Scientometrics*, 4, 7–29,

УДК 332 / ББК 65

Иванов С.Л.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНА: ПРАКТИКА ОЦЕНКИ В РАМКАХ НОВЫХ ПОДХОДОВ

Аннотация. *Исследование посвящено обоснованию новых подходов к оценке научно-технологического потенциала региона: институционально-средового и структурно-динамического. Представлены результаты апробации авторской методики оценки реализации научно-технологического потенциала региона с позиции структурно-динамического подхода, разработанной на основе синтеза адаптированной под цели настоящего исследования концепции «инновационного лифта» и технологии панельного регрессионного анализа.*

Ключевые слова: *научно-технологический потенциал региона, подход, оценка, методика, панельный регрессионный анализ.*

Благодарность

Работа подготовлена в соответствии с темой государственного задания FMGZ-2025-0011 «Обеспечение устойчивости экономики регионов в контексте укрепления технологического суверенитета и национальной безопасности».

Введение

Проведение оценки научно-технологического потенциала (НТП) региона является весьма актуальной задачей для практики территориального управления инновационными процессами. Существующие подходы к оценке НТП региона (ресурсный, процессный, результативный) отражают ключевые аспекты его реализации. Вместе с тем, вне поля зрения исследователей остаются такие критически важные аспекты, как социально-экономические условия формирования НТП, структурная сбалансированность в рамках системы факторов НТП и др.

Целью настоящего исследования является разработка и апробация новых подходов к оценке НТП региона, которые бы учитывали перечисленные выше научные пробелы. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1) обосновать новые подходы к оценке НТП региона – институционально-средовой и структурно-динамический;

2) разработать методику оценки реализации научно-технологического потенциала региона с позиции структурно-динамического подхода и представить результаты ее апробации на панельных данных регионов Северо-Западного федерального округа.

Методология исследования

При подготовке исследования применялись различные научные методы и их комбинации. Особое место отведено методу регрессионного анализа панельных данных, который использовался при апробации авторской методики реализации НТП региона. При этом важно подчеркнуть, что логика методического аппарата опирается на концепцию «инновационного лифта», претерпевшую в рамках данного исследования качественную модификацию. В отличие от традиционного подхода, сосредоточенного на непрерывном сквозном финансировании инновационного проекта в рамках стадий инновационного цикла, вектор внимания смещен на фактурно-ресурсную структуру НТП: движение инновационного лифта осуществляется через систему взаимосвязанных факторов НТП, где каждый «этаж» выступает катализатором для последующего, формируя итоговую инновационную активность (важнейший промежуточный индикатор реализации НТП региона).

Результаты и дискуссия

К настоящему времени в научной литературе сложилась устойчивая триада подходов к оценке НТП региона: ресурсный, процессный и результативный [1, с. 41; 2, с. 26, 27; 3, с. 96; 4, с. 60; 5, с. 141]. Ресурсный подход определяет количественный и качественный базис НТП (кадры, финансы, инфраструктуру), в то время как процессный подход оценивает эффективность механизмов трансформации этих ресурсов в конкретные инновации. Результативный подход завершает анализ, верифицируя итоговую продуктивность системы через показатели патентования, публикационной активности, коммерциализации и др. Перечисленные подходы отражают ключевые аспекты реализации рассматриваемого вида потенциала. Вместе с тем, остаются без внимания такие важные аспекты, как социально-экономические условия формирования НТП, структурная сбалансированность стадий научно-технического цикла и др. Данный пробел определяет научную проблему исследования и обосновывает необходимость расширения аналитического инструментария по следующим направлениям.

1) Оценка социально-экономических условий формирования НТП региона (институционально-средовой подход). Важно понимать, что процесс формирования и развития НТП региона не может осуществляться изолированно: он детерминирован качеством социально-экономического фундамента территории, который определяет долгосрочную устойчивость такого потенциала и создает необходимые предпосылки для его воспроизводства.

2) Оценка структурной сбалансированности в рамках системы факторов НТП с учетом временных лагов (структурно-динамический подход). Эффективность НТП региона определяется не просто наличием необходимых факторов и ресурсов (кадры, финансы и др.), а их сбалансированностью. При этом важно учитывать временные лаги, поскольку влияние отдельных факторов на показатели реализации НТП чаще всего носит отложенный характер.

Следует подчеркнуть, что оценка НТП региона в рамках первого подхода нами уже выполнена. Ее результаты будут представлены в первом выпуске атласа «Научно-технологический потенциал регионов СЗФО» (издательство ФГБУН «Вологодский научный центр РАН»). Методика оценки включала расчет динамики показателей, позволяющих судить о готовности региональной среды к технологическому развитию, а также ранжирование субъектов РФ по их значениям с последующим формированием региональных профилей.

Оценка НТП региона в рамках второго (структурно-динамического) подхода будет представлена в рамках тезисов доклада более подробно. Для ее реализации применялся регрессионный анализ. Последовательность выполнения регрессионного анализа с учетом типологии используемых данных, которые интерпретируются как панельные (всего было задействовано 7 переменных, включая зависимую; наблюдения производились по всем 11 субъектам Северо-Западного федерального округа, включая Ненецкий АО; период наблюдений – 2010–2023 гг.), предполагает построение трех видов моделей: объединенной модели панельных данных (Pooled-OLS), а также моделей с фиксированными (FE) и случайными эффектами (RE). Спецификация уравнения регрессии соответствует концепции «инновационного лифта» (см. раздел «методология исследования»), описывающей непрерывную трансформацию факторов и ресурсов НТП в инновационную активность. Следовательно, зависимой переменной в нашем случае выступает уровень инновационной активности организаций. Функциональная зависимость соответствует производственной функции как универсальной модели преобразования ресурсов в результат.

В качестве независимых переменных были отобраны показатели, которые структурированы в соответствии с логикой движения «инновационного лифта», где каждая группа переменных характеризует конкретный «этаж» – последовательный уровень трансформации факторов и ресурсов НТП в инновационную активность.

Первый «этаж» условно получил название «ресурсный». Ему соответствуют показатели, описывающие две наиболее значимые группы ресурсов (финансовые и кадровые), необходимые для такой трансформации (X1 – доля внутренних затрат на исследования и разработки от ВРП; X2 – доля исследователей в общей численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками). Второй «этаж» получил название «процессно-технологический». Этот уровень отвечает за преобразование ресурсов в конкретные технологические заделы. Ему соответствуют следующие показатели: X3 – коэффициент патентной результативности; X4 – используемые передовые технологии. Третий «этаж» лифта был назван «субъектным базисом производства». Ему соответствуют показатели: X5 – численность организаций, выполняющих научные исследования и разработки; X6 – удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе исследованных организаций.

Для учета инерционных факторов и внешнего давления в модель введены контрольные переменные, выполняющие роль «противовесов» (грузов) «инновационного лифта». Они определяют общую динамику системы и могут как ускорять «подъем» лифта, создавая дополнительную «тягу», так и затруднять его. В роли «базовой массы» выступает показатель X7 – ВРП на душу населения. В роли «стабилизирующего груза» выступает переменная X8 – доля аспирантов в численности персонала, выполняющего научные исследования и разработки. Важно подчеркнуть, что выбранные контрольные переменные сопряжены именно с факторами первого «этажа» лифта, поскольку он является отправной точкой формирования инновационной активности.

Важной особенностью спецификации модели является использование временных лагов независимых переменных. Необходимость учета временного лага обусловлена объективной инерционностью процессов в рамках «инновационного лифта»: финансовые и кадровые инвестиции, а также запуск новых технологических решений требуют времени для их качественного перехода в измеримую инновационную активность. Более того, введение временного лага снижает риск возникновения проблемы эндогенности (обратной причинно-следственной связи) в модели.

Важно отметить, что значения показателей, включенных в модель, были стандартизированы за счет приведения к логарифмическому масштабу. Это позволило не только снизить асимметрию и вариацию выборки, но и уйти от степенной зависимости в модели к линейной. Стандартизированные показатели, относящиеся к независимым переменным (регрессорам), были также проверены на мультиколлинеарность (по результатам проверки избыточной интеркорреляции обнаружено не было).

Завершив предварительный анализ структуры данных, мы переходим к основному этапу эмпирического исследования – построению эконометрических моделей. При этом, учитывая специфику работы с малыми панелями, где традиционно присутствуют проблемы гетероскедастичности и автокорреляции в остатках, для обеспечения статистической надежности оценок в моделях будут использованы робастные стандартные ошибки.

В *табл. 1* представлены результаты моделирования сразу по трем спецификациям.

Таблица 1. **Результаты моделирования по спецификациям Pooled-OLS, FE и RE**

Спецификация Pooled-OLS								
Значения коэффициентов и уровень их значимости								
Const	l_X1	l_X2	l_X3	l_X4	l_X5	l_X6	l_Contr1	l_Contr2
3,50229	0,0487980	0,192221	-0,0979688	0,197670 **	0,259261 ***	0,104430**	-0,249343 *	-0,109931 **
Статистические параметры оценки качества модели								
R^2			0,579923	Исправ. R^2				0,552150
Лог. Правдоподобие			-12,49007	Крит. Акаике				42,98014
Спецификация FE								
Значения коэффициентов и уровень их значимости								
Const	l_X1	l_X2	l_X3	l_X4	l_X5	l_X6	l_Contr1	l_Contr2
5,36793 **	0,0902079	-0,10301	-0,119089 **	0,007535	0,088428	0,155828 ***	-0,233883	-0,0832371
Статистические параметры оценки качества модели								
LSDV R^2			0,679278	В пределах R^2				0,105372
Лог. правдоподобие			5,051014	Крит. Акаике				25,89797
Крит. Шварца			77,51359	Крит. Хеннана-Куинна				46,87112
параметр rho			0,192830	Стат. Дарбина-Уотсона				1,495154
Совместный тест на выбранных регрессорах: p-значение = 4,88397e-05.				Робастный тест на различие констант в группах: p-значение = 0,0183629.				
Спецификация RE								
Значения коэффициентов и уровень их значимости								
Const	l_X1	l_X2	l_X3	l_X4	l_X5	l_X6	l_Contr1	l_Contr2
4,16774 **	0,0601399	0,134990	-0,113015 **	0,145682** *	0,249181** *	0,113366** *	-0,273205 **	-0,0932609 **
Статистические параметры оценки качества модели								
Лог. правдоподобие			-13,23067	Крит. Акаике				44,46134
Крит. Шварца			70,26915	Крит. Хеннана-Куинна				54,94791
параметр rho			0,192830	Стат. Дарбина-Уотсона				1,495154
Совместный тест на выбранных регрессорах: Хи-квадрат = 347,776; p-значение = 2,70075e-70.				Тест Хаусмана (Hausman): Хи-квадрат = 115,349; p-значение = 3,01895e-21.				
Примечание: символами «*», «**» и «***» обозначается значимость переменной на 10, 5 и 1% уровне. Рассчитано по: с использованием программного продукта «Gretl».								

Интерпретация результатов моделирования

Согласно результатам спецификации Pooled-OLS, наибольшее положительное влияние на итоговый результат (уровень инновационной активности) оказывают переменные X4, X5 и X6. При этом наиболее высокое значения коэффициента регрессии находится при переменной X5 (численность организаций, выполняющих научные исследования и разработки): рост этого показателя на 1% приводит к увеличению инновационной активности на 0,26%.

В то же время такие классические ресурсные факторы, как X1 и X2, оказались статистически незначимыми. В контексте концепции «инновационного лифта» это может говорить о следующем: само по себе наличие финансирования и кадров не гарантирует автоматического роста инновационной активности в краткосрочном периоде (был учтен лаг в 1 год). Отрицательный коэффициент при патентной результативности (X3), хотя и не является статистически значимым, может свидетельствовать о ситуации, когда рост числа патентов не подкрепляется их коммерциализацией и лишь «отвлекает» ресурсы.

Значимый и при этом отрицательный коэффициент контрольной переменной, соответствующей показателю ВРП на душу населения, свидетельствует о наличии сдерживающих макроэкономических или региональных факторов. В качестве примера можно отметить ориентацию Ненецкого АО, который является абсолютным экономическим лидером округа, на добывающий сектор. В свою очередь, знак «минус» у показателя численности аспирантов может указывать на длительный цикл подготовки кадров.

Далее, разберем результаты модели с фиксированными эффектами. Статистическую правомерность использования фиксированных эффектов подтверждает робастный тест на различие констант в группах, значение которого ($p = 0,018$) позволяет уверенно отвергнуть гипотезу об однородности объектов и доказывает наличие уникальной региональной специфики, которую предыдущая модель игнорировала. В модели FE существенно возрастает коэффициент детерминации (до 0,68 по сравнению с моделью Pooled OLS, в которой значение R2 составило 0,58) и снижается информационный критерий Акаике (с 42,98 до 25,90), что говорит о более высокой объясняющей силе модели.

Если результаты модели Pooled OLS указывали на высокую значимость плотности используемых технологий (X4) и численности научных организаций (X5), то в модели FE данные факторы утрачивают статистическую значимость. Ключевым и наиболее устойчивым драйвером роста остается удельный вес инновационных организаций (X6), влияние которого в модели FE даже усиливается до уровня 0,16%, подтверждая, что вовлеченность реального сектора в инновации является фундаментальным условием развития вне зависимости от специфики региона.

Теперь оценим результаты последней спецификации со случайными эффектами, согласно которым значимость используемых технологий (X4) и численности научных организаций (X5) и снова становится высокой. Это подтверждает, что при допущении случайного характера региональных различий эти структурные факторы вновь выходят на первый план. Что касается показателя удельного веса инновационных компаний (X6), то он сохраняет устойчивую значимость во всех трех спецификациях, что окончательно подтверждает его статус главного драйвера системы.

Патентная результативность (X3) в модели RE остается значимой и отрицательной (-0,113). Это усиливает вывод о том, что рост числа патентов без их внедрения негативно сказывается на инновационной динамике.

В то же время, результаты теста Хаусмана показывают крайне низкое значение (p = 3,01895e-21), что позволяет уверенно отвергнуть гипотезу о состоятельности оценок случайных эффектов. Это означает, что индивидуальные характеристики регионов коррелируют с объясняющими переменными. Следовательно, модель с фиксированными эффектами (FE) является статистически более достоверной, а модель RE может давать смещенные оценки. Более того, информационный критерий Акаике для модели RE (44,46) выше, чем для модели FE (25,90), что также свидетельствует в пользу спецификации с фиксированными эффектами.

Заключение

На основании проведенной оценки можно сформулировать итоговый вывод: для реализации НТП регионам недостаточно экстенсивного расширения научной базы или простого финансирования НИОКР. Критически важным является качественное изменение структуры бизнеса – переход предприятий к реальному внедрению технологий и преодоление формального подхода к интеллектуальной собственности.

Важно подчеркнуть, что данное исследование будет продолжено за счет развития второго этапа моделирования, который должен знаменовать собой достижение «лифтом» четвертого «этажа» – «рыночного результата» как финальной стадии реализации НТП региона.

Библиографический список

1. Едисеева Т.О., Скрябин В.В. (2025). Управление научно-технологическим потенциалом региона на основе анализа результатов интеллектуальной деятельности // Первый экономический журнал. № 6 (360). С. 39–54.
2. Ельшин Л.А., Гафаров М.Р. (2023). Агрегированный подход к исследованию научно-технологического потенциала регионов (на примере Республики Татарстан) // Управление устойчивым развитием. № 4 (47). С. 25–33. DOI: 10.55421/2499992X_2023_4_25
3. Задумкин К.А., Кондаков И.А. (2010). Методика сравнительной оценки научно-технического потенциала региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4 (12). С. 86–100.
4. Руденко Л.Г., Цзу Кун Чан. (2025). Эффективность научно-технологического потенциала региона: к методике оценки // Управление. Т. 13. № 2. С. 56–65. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-2-56-65
5. Ускова Т.В., Устинова К.А. (2025). Рейтинг научно-технологического потенциала российских регионов // Искусство управления. Т. 17. № 1. С. 133–157. DOI: 10.17072/2218-9173-2025-1-133-157

Информация об авторе

Семен Леонидович Иванов – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: slivanov2020@mail.ru)

Ivanov S.L.

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL POTENTIAL OF THE REGION: PRACTICE OF ASSESSMENT WITHIN THE FRAMEWORK OF NEW APPROACHES

Abstract. *This study explores new approaches to assessing a region's scientific and technological potential: institutional-environmental and structural-dynamic. The results of testing a proprietary methodology for assessing the realization of a region's scientific and technological potential from a structural-dynamic perspective are presented. This methodology was developed through a synthesis of the «innovation elevator» concept, adapted for the purposes of this study, and panel regression analysis.*

Keywords: *scientific and technological potential of the region, approach, assessment, methodology, panel regression analysis.*

About the author

Semyon L. Ivanov – Candidate of Sciences (Economic), Researcher at the Laboratory of Innovative Economics, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: slivanov2020@mail.ru)

References

1. Ediseeva T.O., Skryabin V.V. (2025). Management of the region's scientific and technological potential based on the analysis of the results of intellectual activities. *The First Economic Journal*, 6(360), 39–54.
2. Elshin L.A., Gafarov M.R. (2023). Aggregated approach to the study of scientific and technological potential of regions (on the example of the republic of Tatarstan). *Sustainable Development Management*, 4(47), 25–33. DOI: 10.55421/2499992X_2023_4_25
3. Zadumkin K.A., Kondakov I.A. (2010). Comparative assessment methodology of the region`s scientific and technical potential. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 4, 75–88.
4. Rudenko L.G., Tszu K.Ch. (2025). Efficiency of regional scientific and technological potential: toward an assessment methodology, *Management*, 13(2), 56–65. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-2-56-65
5. Uskova T.V., Ustinova K.A. (2025). Rating of Russian regions scientific and technological potential. *Ars Administrandi*, 17(1), 133–157. DOI: 10.17072/2218-9173-2025-1-133-157

УДК 330.341 / ББК 65.011

Коровина А.А.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. *В статье анализируются современные вызовы цифровой трансформации российской экономики на региональном уровне: кадровый дефицит, цифровое неравенство и киберугрозы. Рассматриваются возможности развития территорий через внедрение цифровых платформ, повышение цифровой грамотности населения и реализацию национальных программ. Обосновывается необходимость адаптации управленческих практик к условиям цифровой экономики.*

Ключевые слова: *цифровая экономика, цифровая трансформация, вызовы развития, возможности развития территорий, цифровая грамотность, технологический суверенитет.*

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием Минобрнауки России для Оренбургского филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2024–2026 гг. по теме: «Методология функционирования и взаимодействия отраслевых и региональных экономических и логистических систем в условиях цифровой трансформации бизнеса» (№ FUWS-2024-0021).

Современный этап развития российской экономики характеризуется ускоренной цифровизацией всех сфер общественной жизни. Как отмечает А.В. Бабкин, цифровая экономика представляет собой «хозяйственную деятельность, основанную на цифровых технологиях, которая формирует новую парадигму развития территориальных социально-экономических систем» [1, с. 12]. Для регионов России цифровая трансформация создает как новые возможности, так и серьезные вызовы, требующие адаптации существующих управленческих моделей.

Среди ключевых вызовов цифровой экономики на территориях исследователи выделяют кадровый дефицит. По данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, потребность в ИТ-специалистах в 2026 году оценивается более чем в 800 тыс. человек. В.Н. Лексин подчеркивает, что «межрегиональные различия в уровне цифровизации не сокращаются, а в отдельных аспектах даже усиливаются, что создает угрозу цифрового неравенства» [5, с. 45]. Особенно остро эта проблема проявляется в сельских и удаленных территориях, где доступ к широкополосному интернету остается ограниченным.

Важным вызовом выступает недостаточный уровень цифровой грамотности населения. Согласно исследованию Аналитического центра НАФИ, индекс цифровой грамотности россиян составляет 62 пункта из 100 возможных. Е.Ю. Хрусталев и О.Е. Хрусталев отмечают, что цифровая грамотность становится ключевым фактором, определяющим возможности участия населения в новой экономической реальности и получения государственных услуг в электронном виде [10, с. 88].

В то же время цифровая экономика предоставляет территориям возможности для опережающего развития. Платформенные решения позволяют малым и средним городам интегрироваться в общенациональные логистические и сбытовые сети. И.А. Стрелец подчеркивает: «Цифровые платформы трансформируют традиционные рыночные отношения, снижая трансакционные издержки и создавая новые каналы взаимодействия между производителями и потребителями» [9, с. 52].

Значительные возможности связаны с развитием электронного правительства. По данным Минцифры РФ, доля массовых социально значимых услуг, предоставляемых в электронном виде, достигла 95% в 2025 году. Как отмечает Ю.В. Вертакова: «цифровизация государственного управления способствует повышению прозрачности деятельности органов власти и снижению административных барьеров для бизнеса и граждан» [2, с. 27].

В рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена протоколом заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 04.06.2019 № 7) реализуются мероприятия по устранению цифрового неравенства. Особое внимание уделяется подключению малых населенных пунктов к сети Интернет и развитию спутниковой связи[1].

Анализ современных исследований позволяет выделить ключевые возможности развития цифровой экономики на территориях России (*табл. 1*).

Таблица 1. **Возможности развития цифровой экономики на территориях России**

Направление	Возможности	Барьеры
Цифровая инфраструктура	Сокращение пространственного разрыва, доступ к удаленным рынкам	Высокая стоимость инфраструктурных проектов
Человеческий капитал	Повышение производительности труда, дистанционная занятость	Дефицит ИТ-кадров в регионах
Электронное правительство	Снижение временных и финансовых издержек	Цифровое неравенство поколений
Источник: [1; 2; 5; 9; 10].		

Проблема кибербезопасности также выступает одним из значимых вызовов. Как отмечает В.Б. Мантусов: «Развитие цифровой экономики требует адекватной системы защиты информации на всех уровнях – от федерального до муниципального» [7, с. 112]. Внедрение отечественных программных продуктов и криптографических средств защиты становится необходимым условием устойчивого развития цифровых сервисов на территориях.

Стратегической возможностью для России выступает достижение технологического суверенитета в цифровой сфере. О.В. Бережной подчеркивает, что «импортозамещение в сфере информационных технологий является не только экономической, но и политической задачей, обеспечивающей независимость страны в условиях санкционного давления» [3, с. 34].

Таким образом, цифровая экономика выступает для российских территорий одновременно и вызовом, и уникальной возможностью. Реализация этой возможности требует целенаправленной государственной политики, учитывающей региональную специфику, развития человеческого капитала и формирования цифровой инфраструктуры. Приоритетными направлениями являются: ликвидация цифрового неравенства, массовая цифровая подготовка кадров и поддержка отечественных цифровых решений.

Библиографический список

1. Бабкин А.В. (2024). Цифровая экономика: сущность, факторы развития, проблемы и перспективы // Экономика и управление. № 3. С. 10–18.
2. Вертакова Ю.В. (2025). Цифровая трансформация государственного управления в регионах России // Экономика региона. Т. 21. № 1. С. 22–35.
3. Бережной О.В. (2025). Импортозамещение в сфере информационных технологий как фактор обеспечения технологического суверенитета России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 2. С. 30–42.
4. Гохберг Л.М. (2024). Цифровая экономика: тренды и вызовы для России // Вопросы экономики. № 7. С. 5–23.
5. Лексин В.Н. (2025). Цифровое неравенство регионов России: масштабы, динамика, пути преодоления // Региональные исследования. № 2. С. 40–54.
6. Мантусов В.Б. Кибербезопасность в условиях цифровизации экономики: региональный аспект // Информационное общество. 2025. № 1. С. 108–118.

[1] Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена протоколом заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 04.06.2019 № 7. URL: https://digital.gov.ru/ (дата обращения: 07.05.2026).

7. Полякова Т.А. Цифровая экономика и трансформация рынка труда: вызовы для регионов // Человек и труд. 2025. № 4. С. 55–63.
8. Стрелец И.А. Цифровые платформы как драйвер развития региональных экономик // Мировая экономика и международные отношения. 2024. № 9. С. 48–57.
9. Хрусталев Е.Ю., Хрусталев О.Е. Цифровая грамотность населения как фактор устойчивого развития территорий // Проблемы прогнозирования. 2025. № 3. С. 82–95.

Информация об авторе

Анастасия Антоновна Коровина – младший научный сотрудник, Оренбургский филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института экономики УрО РАН (Российская Федерация, 460000, г. Оренбург, ул. Пионерская, д. 11; e-mail: waldmannasta98@mail.ru)

Korovina A.A.

DIGITAL ECONOMY OF RUSSIA: MODERN CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR TERRITORIAL DEVELOPMENT

Abstract. *The article analyzes modern challenges of digital transformation of the Russian economy at the regional level: personnel shortages, digital inequality and cyber threats. Opportunities for territorial development through the implementation of digital platforms, improving digital literacy of the population and implementation of national programs are considered. The necessity of adaptation of management practices to the conditions of digital economy is substantiated.*

Keywords: *digital economy, digital transformation, development challenges, opportunities for territorial development, digital literacy, technological sovereignty.*

About the author

Anastasia A. Korovina – Junior Researcher, Orenburg Branch of the Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (11, Pionerskaya Street, Orenburg, 460000, Russian Federation; e-mail: waldmannasta98@mail.ru)

References

1. Babkin A.V. (2024). Digital economy: essence, development factors, problems and prospects. *Economics and Management,* 3, 10–18.
2. Vertakova Yu.V. (2025). Digital transformation of public administration in Russian regions. *Regional Economy*, 21(1), 22–35.
3. Berezhnoy O.V. Import substitution in the field of information technologies as a factor of ensuring Russia's technological sovereignty. *National interests: priorities and security*, 2, 30–42.
4. Gokhberg L.M. (2024). Digital economy: trends and challenges for Russia. *Economic Issues*, 7, 5–23.
5. Leksin V.N. (2025). Digital inequality of Russian regions: scale, dynamics, ways to overcome. *Regional Studies*, 2, 40–54.
6. Mantusov V.B. Cybersecurity in the context of economic digitalization: regional aspect. *Information Society*, 1, 108–118.
7. Polyakova T.A. (2025). Digital economy and labor market transformation: challenges for regions. *Man and Labor*, 4, 55–63.
8. Strelets I.A. (2024). Digital platforms as a driver for the development of regional economies. *World Economy and International Relations*, 9, 48–57.
9. Khrustalev E.Yu., Khrustalev O.E. (2025). Digital literacy of the population as a factor of sustainable territorial development. *Forecasting Problems*, 3, 82–95.

УДК 334.012 / ББК 65.290

Козлов А.Н.

ИМПЕРАТИВЫ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ВЕКТОР ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА

Аннотация. *В статье рассматриваются императивы научно-технологического предпринимательств в направлении территориального изменения. Проанализирована специфика дальнейшего существования технологического территориального сотрудничества в условиях трансформации нового экономического взаимодействия.*

Ключевые слова: *трансформация, неоэкономическое влияние, инновационное пространство, социальная среда, территориальная экономика, научно-технологическое предпринимательство.*

В современных условиях технологического преобразования предпринимательского сообщества, формируется проекция неоэкономического пространственного воздействия. Новое усиление научно-технологического предпринимательства осуществляется в контексте перспективного инновационного, производственного и промышленного восприятия экономической действительности. Технологические неоэкономические совершенствованные позиции хозяйственного применения достигаются как существенный фактор территориального преобразования. Приоритеты научно-технологического предпринимательства продвигаются в соответствии с усилиями всего спектра научно-исследовательского и информационно-аналитического комплекса влияния на конечный результат деятельности. Трансформация ответственной позиции конкурентного взаимопроникновения, определяется при достижении оптимально-технологического уровня в структуре научно-технологического предпринимательства. В своей работе субъекты промышленно-функционального объединения преобразуют территориальные системы в вектор исследуемого достижения современной позиции.

Императивы научно-технологического предпринимательства определяются как стратегические возможности всего потенциала сообщества, при котором технологический и конкурентно-инновационный суверенитет совершенствуется в проекции нового времени. Структурные изменения в условиях территориального преобразования, формируют современные институциональные требования для дальнейшего существования своего хозяйственного пространства [2, с. 214].

Институциональные изменения при ведении научно-предпринимательской деятельности отражаются в контексте:

1) специфики организационно-функционального преобразования неоэкономического сообщества;

2) достижений производственного и инвестиционного направления в специализации научно-предпринимательского класса;

3) функционирования движения факторов производства неоэкономического территориального переустройства;

4) сосредоточения информационно-коммуникационного воздействия на условия технологического приоритета.

Оптимальность в трансформации регуляторных императивов, выводят существующие проекции научно-производственного восприятия на уровень постиндустриального специфичного состояния, где отражается весь спектр институционально-правовых локаций.

Научно-технологическое предпринимательство как стратегия преобразования территориального пространства способствует развитию и совершенствованию, современных научно-промышленных и научно-исследовательских проекций. Этот элемент технологической позиции преодолевает низкую неэффективность структурно-производственных нематериальных ресурсов, где определенным состоянием усиливается поддержка научно-технологического движения. Специфика территориального пространственного сотрудничества создает высокую значимость научно-технологического потенциала, а это в 2022–2025 гг. около 1,14% от объема валового внутреннего продукта. Ответственность субъектов территориального пространства, в рамках технологического продвижения, формируется в контексте организационно-функционального взаимодействия [6, с. 17].

Осуществляется интенсивное сотрудничество современного технологического переустройства в рамках:

1) комплексного соединения территориального пространства с конъюнктурными факторами экономического взаимопроникновения;

2) трансформации научно-производственного формирования основных фондов;

3) инфраструктурного продвижения научно-исследовательского кадрового потенциала территории;

4) информационно-административное управление достижениями научно-технологического предпринимательского сообщества.

Инновационное пространство в трансформации конкурентного преимущества предпринимательского фактора территориального изменения определяет направление всего спектра инновационного развития. Усовершенствование конкурентно-технологического фактора, в специфике производственного и интеллектуального проектирования, существенно отражается на конечном информационном и научно-технологическом результате. Предпринимательское сообщество в этой сфере выполняет необходимые научно-организационные функции влияния на конкурентную позицию бизнес-класса [3, с. 118]. Достижения инновационного фактора, в развитии конкурентных преимуществ, создают условия дальнейшего существования территорий, а это производство около 60–70% высоко технико-инновационных товаров и продукции.

Эффективность инновационного пространства выражается через:

1) структурно-инновационное государственное регулирование научно-предпринимательской деятельности;

2) состояние рыночного взаимодействия технологического сотрудничества территориального пространства;

3) трансформацию функционально-промышленного формирования определенных процессов производства;

4) движение технико-интеллектуальной позиции предпринимательского сообщества нового технологического развития.

Функционирование научно-технологического совершенствования территориальной экономики определяется в рамках прогнозирования условий административно-регулирующего и информационного управления региона. Выполнение стратегических приоритетов межрегиональных и внутрирегиональных позиций конкурентно-инвестиционного развития формируется в направлении программ инновационной трансформации. Характеристики такого изменения определяются в системно-технологических и промышленных оптимальных формах финансирования, т. е. в 2022 году 34 млрд руб., в 2023 году – 41 млрд руб., в 2024 году – 52 млрд руб., где условия создаются в научно-исследовательских проекциях.

Внедрение хозяйственно-инновационного фактора в структуру территориального переустройства достигается через:

1) преобразование территориальных кластеров технологического направления;

2) диверсификацию наукоемких отраслей нового хозяйственного достижения;

3) трансформацию территориальных технопарков информационного вектора развития;

4) стимулирование переустройства технологий научных достижений в производственный функционал.

Территориальная экономическая действительность сосредотачивает интеллектуальную модернизацию в рамках высокотехнологических концепциях [4, с. 196].

Специфика социальной среды в структуре научно-технологического предпринимательства выражается в комплексе социально-институциональных и социально-экономических факторов, которые способствуют дальнейшему преобразованию производственно-исследовательского направления. Способность научно-технологического предпринимательства достигать определенных положений во взаимодействии бизнеса и государственного управления, показывает высокую практичность институционального положения [7, с. 39].

Деятельность научно-технологического предпринимательства в социальной сфере отражается через:

1) взаимосвязь научно-технического образования и практических элементов применения знаний;

2) индивидуализацию интеллектуального использования конечного результата в структурно-исследовательских отношениях;

3) социализацию институционально-инновационного взаимодействия нового производственного использования ресурсов;

4) соединения предпринимательства социального характера и трансформированного инновационного климата;

5) функционирование культурно-технологического влияния на социальную среду.

Усиление в таких отношениях формируется в рамках программ социально-управленческого характера, т. е. расходы на социализацию научно-предпринимательской деятельности доходит до 40–50% от выполненных работ. Определенность социально-технологического направления отражается в комплексе мероприятий современного инновационного пространства [5, с. 144].

Улучшение неоэкономического влияния на преобразование научно-технологического предпринимательства, проецирует высокую степень исследовательского потенциала в рамках структурно-цифровой экономики. Эффективность такого применения формируется при системно-интенсивном способе производства, где конечный результат относятся на будущий период технологического развития [1, с. 187]. В этих условиях научно-технологическое предпринимательское сообщество создает перспективные разработки в разных сферах неоэкономического взаимодействия, что отражается в движении этих направлений с 28,3% в 2021 году до 31,6% в 2024 году. Оптимальность такого использования ресурсов достигается при снижении системно-экстенсивного способа производства, при котором неоэкономическое влияние опережает функциональные сдвиги по научно-технологическим отраслям. Вариативность в повышении конкурентоспособности конечного продукта достигаются через:

1) хозяйственно-инвестиционное продвижение планов структурно-цифровой экономики;

2) трансформацию перспективных разработок сектора информационно-коммуникационных технологий;

3) увеличение финансирования организационно-производственного комплекса развития территорий;

4) интеллектуализацию всего спектра современного производственно-цифрового направления регионального развития;

5) перманентные инновационные программы нового цифрового и территориального изменения.

Эволюция научно-технологического предпринимательства основана на продвижении государственной политики в сфере сотрудничества предпринимательского класса и научных достижений современного технико-инновационного уровня. Преобразование деятельности научно-технологического предпринимательства проектируется на защищенности интеллектуального пространства, где усилия достигаются в комплексе научно-правового подхода к проблематике авторских прав. Характеристики такого подхода при использовании эволюционной траектории, создают перспективы конкурентоспособности отечественной продукции нового технологического времени. Таким образом, императивы научно-технологического предпринимательства в направлении территориального переустройства проектируются как современное технологическое достижение в рамках институционально-правового, промышленного, информационно-коммуникационного и производственного воздействия на территориальное преобразование инновационного пространства.

Библиографический список

1. Борщевский Г.А. (2024). Управление государственными программами и проектами. Москва: Юрайт. 300 с.
2. Земцов С.П. (2022). Технологическое предпринимательство как фактор развития России // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1 (53). С. 212–223. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-53-1-11
3. Козлов А.Н. (2021). Специфика субъекта корпоративных отношений в период переустройства неоэкономики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. Ростов-на-Дону. № 3. С. 116–121. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-116-121
4. Лавренко Е.А. (2025). Развитие технологического предпринимательства в РФ // Региональные проблемы преобразования экономики. № 6 (176). С. 192–198. DOI: 10.26726/rppe2025v6dotei.
5. Лифшиц А.С., Ибрагимова Р.С., Новиков В.А., Куликов В.И. (2023). Промышленная политика и антикризисное управление предприятиями: монография. Москва: РИОР. 246 с.
6. Пыльнева Т.Г., Кондраткова В.С., Качалова С.М., Исаев А.А., Дворецкий А.А. (2025). Совершенствование механизма управления устойчивым развитием регионов на принципах ESG: монография. Липецк: Липецкий государственный технический университет. 59 с
7. Сажина М.А., Каширова А.В. (2023). Социальное богатство инновационной системы: монография. Москва: ИНФРА-М. 110 с.

Информация об авторе

Андрей Николаевич Козлов – кандидат экономических наук, доцент, Южный федеральный университет (Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42; e-mail: ko-an-14@mail.ru)

Kozlov A.N.

IMPERATIVES OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL ENTREPRENEURSHIP AS A VECTOR OF TERRITORIAL REORGANIZATION

Abstract. *The article discusses the imperatives of scientific and technological entrepreneurship in the direction of territorial change. The specificity of the further existence of technological territorial cooperation in the context of the transformation of new economic interaction is analyzed.*

Keywords: *transformation, neo-economic influence, innovative space, social environment, territorial economy, and scientific and technological entrepreneurship.*

About the author

Andrey N. Kozlov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: ko-an-14@mail.ru)

References

1. Borshchevsky G.A. (2024). Management of State Programs and Projects. Moscow: Yurayt.
2. Zemtsov S.P. (2022). Technological Entrepreneurship as a Factor of Russia's Development. *Journal of the New Economic Association*, 1(53), 212–223. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-53-1-11
3. Kozlov A.N. (2021). Specifics of the Subject of Corporate Relations in the Period of Reorganization of the Neo-Economy. *State and Municipal Administration. Scientific Notes*. Rostov-on-Don, 3, 116–121. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-116-121
4. Lavrenko E.A. (2025). Development of Technological Entrepreneurship in the Russian Federation. *Regional Problems of Economic Transformation*, 6(176), 192–198. DOI: 10.26726/rppe2025v6dotei
5. Lifshits A.S., Ibragimova R.S., Novikov V.A., Kulikov V.I. (2023). Industrial Policy and Crisis Management of Enterprises: monography. Moscow: RIOR.
6. Pylneva T.G., Kachalova S.M., Isaev A.A., Dvoretsky A.A., Pylneva T.G. (2025). Improvement of the Sustainable Development Management Mechanism of Regions Based on ESG Principles: monography. Lipetsk: Lipetsk State Technical University.
7. Sazhina M.A., Kashirova A.V. (2023). Social Wealth of the Innovation System: monography. Moscow: INFRA-M.

УДК 332.12 / ББК 65.050

Кириллова С.А.

БАРЬЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ НА ОСНОВЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Аннотация. *В статье рассматриваются барьеры, замедляющие и снижающие эффективность реализации научно-технологического потенциала, направленной на достижение технологической независимости России как обязательного условия обеспечения ее конкурентоспособности и устойчивого экономического развития.*

Ключевые слова: *научно-технологический потенциал, технологическое развитие, барьеры развития, инновации.*

Трансформация мировой экономики на новой технологической основе с приоритетным развитием технологий четвертой промышленной революции, таких как квантовые технологии и искусственный интеллект, биотехнологии и генная инженерия, информационно-коммуникационные и ядерные технологии, энергетические и вычислительные технологии и др., определяет достижение технологической независимости России в критических областях как одно из основных условий обеспечения ее конкурентоспособности и устойчивого экономического развития. Ситуацию усугубляют санкции западных стран, ограничивающие международное сотрудничество, обмен знаниями и научными достижениями, доступ к передовым технологиям, препятствующие поставкам критически важных компонентов, разрывающие сложившиеся технологические цепочки в международном разделении труда.

Для России недостижение технологического лидерства означает утрату глобальной конкурентоспособности и первенства в секторах по производству продукции с высокой добавленной стоимостью, сохранение статуса страны с экспортно-сырьевой моделью экономики, создающей угрозы для долгосрочного устойчивого развития. Понимание важности безотлагательной смены модели развития страны на инновационно-ориентированную обусловило закрепление Стратегией национальной безопасности научно-технологического развития в качестве стратегического национального приоритета, целью которого является обеспечение технологической независимости и конкурентоспособности страны[1]. В этих условиях чрезвычайно важной становится эффективная реализация научно-технологического потенциала как одного из ключевых факторов достижения поставленной цели и обеспечения устойчивого конкурентоспособного роста экономики на долговременной основе [2].

В настоящее время в стране действует ряд стратегических документов, нацеленных на обеспечение технологического суверенитета, конкурентоспособности и на этой основе устойчивого развития: Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года[2], Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года[3], Концепция технологического развития на период до 2030 года[4], Федеральный закон «О развитии технологических компаний в Российской Федерации»[5], Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий»[6] и др.

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400.

[2] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474.

[3] О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года: указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145.

[4] Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р.

[5] О развитии технологических компаний в Российской Федерации: Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 478-ФЗ.

[6] Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий: указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 года № 529.

Важнейшим документом, координирующим деятельность государственных органов, научных учреждений и производственного сектора для обеспечения технологического суверенитета России, является Концепция технологического развития на период до 2030 года. Этот документ нацелен на синхронизацию трех ключевых целей, каждая из которых характеризуется системой количественно определенных, дифференцированных по годам индикаторам.

Безусловно, в настоящее время в стране накоплен значительный научно-технологический потенциал, эффективная реализация которого способна обеспечить достижение технологического суверенитета. Тем не менее, реализации научно-технологического потенциала препятствует ряд системных барьеров, которые укрупненно можно сгруппировать на структурно-экономические, финансово-инвестиционные, кадровые, инфраструктурные, институционально-регуляторные. Рассмотрим данные барьеры на примере Северо-Западного федерального округа, одного из самых развитых, экономически мощных и стратегически важных регионов Российской Федерации, являющегося одним из крупных центров страны не только в отношении промышленного производства, но и в части научно-технологического и инновационного развития, обладающего еще и значимым природно-ресурсным потенциалом.

Структурно-экономические барьеры

– Сырьевая ориентированность: экономика многих российских регионов по-прежнему остается экспортно-сырьевой, что снижает роль наукоемких технологий в долгосрочной перспективе. Об этом, в частности, свидетельствует динамика отраслевой структуры валовой добавленной стоимости с устойчивым трендом роста доли добычи полезных ископаемых и ее снижением по обрабатывающим производствам (*табл. 1*).

Таблица 1. **Динамика отраслевой структуры валовой добавленной стоимости субъектов Российской Федерации в 2015–2024 гг.,** %

Регион	Добыча полезных ископаемых			Обрабатывающие производства		
	2015 г.	2020 г.	2024 г.	2015 г.	2020 г.	2024 г.
Российская Федерация	11,2	9,9	13,7	17,2	16,3	15,2
Северо-Западный ФО	6,5	5,0	6,1	20,4	18,5	15,9
Республика Карелия	8,2	16,3	15,9	15,2	15,5	11,7
Республика Коми	36,0	32,2	49,2	11,5	11,0	8,4
Архангельская обл.	27,4	25,0	37,6	14,7	17,8	12,0
в т. ч. Ненецкий АО	69,9	77,1	83,9	0,3	0,2	0,4
Архангельская обл. без АО	3,4	3,6	4,5	22,9	25,0	20,2
Вологодская обл.	0,0	0,0	0,1	38,8	33,9	47,2
Калининградская обл.	3,3	2,0	1,9	24,4	18,1	12,9
Ленинградская обл.	0,6	0,7	1,6	30,6	27,0	27,4
Мурманская обл.	14,4	8,5	8,6	11,1	32,0	17,2
Новгородская обл.	1,0	0,2	0,3	36,3	36,5	36,2
Псковская обл.	0,4	0,4	0,3	16,8	15,1	16,8
г. Санкт-Петербург	0,4	0,2	0,1	17,8	13,4	11,5
Источник: составлено по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts.						

Увеличение доли обрабатывающих производств в валовой добавленной стоимости за период 2015–2024 гг. из всех регионов Северо-Западного федерального округа отмечено лишь в Вологодской и Мурманской областях.

– Технологическая отсталость. Во многих отраслях сохраняется высокая зависимость от импортного оборудования, комплектующих и технологий. Значительная часть используемых технологий относятся к третьему и четвертому технологическим укладам, соответственно, более 50% и около 30%. Около 5–8% приходится на пятый технологический уклад, основывающийся на достижениях в микроэлектронике, информатике, биотехнологии, телекоммуникациях и новых материалах. Шестой технологический уклад, в основе которого нанотехнологии, широкое внедрение искусственного интеллекта, BigData, робототехника и генная инженерия, в начале своего формирования [4; 5].

Финансово-инвестиционные барьеры

– Низкий уровень финансирования НИОКР. Недостаток бюджетных и частных инвестиций в региональные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР). Несмотря на то, что по объему внутренних затрат на исследования и разработки Россия занимает восьмое место в мире (после Китая, США, Японии, Германии, Республики Корея и Великобритании), согласно исследованиям Института статистики ЮНЕСКО (UIS), она находится на 45-ом месте по доле национальных расходов на НИОКР в ВРП со значением показателя 0,93% в международном рейтинге из 153 стран, в ТОП-10 которого входят Израиль (6,02%), Лихтенштейн (5,87%), Южная Корея (5,21%), США (3,59%), Швеция (3,41%), Бельгия (3,41%), Япония (3,41%), Швейцария (3,31%), Австрия (3,20%) и Германия (3,13)[7]. Данная ситуация отнюдь не способствует созданию условий для достижения технологического суверенитета.

Негативная динамика доли внутренних затрат на НИОКР в ВРП в 2015–2024 гг. свидетельствует о снижении возможностей России и ее регионов в части развития науки и технологий на уровне стран-лидеров. В этот же период отмечен рост интенсивности инвестирования в инновации (*табл. 2*), однако, низкий их уровень, не превышающий 10%, характерен для видов экономической деятельности с традиционным производством, и указывает на крайне незначительное число организаций с высокотехнологичным производством.

Таблица 2. **Удельный вес внутренних затрат на НИОКР в ВРП, затрат на инновационную деятельность организаций от стоимости общего объема отгруженных инновационных товаров, работ, услуг в 2015–2024 гг.,** %

Регион	Доля внутренних затрат на исследования и разработки от ВРП		Удельный вес затрат на инновационную деятельность организаций от стоимости общего объема отгруженных инновационных товаров, работ, услуг	
	2015 г.	2024 г.	2015 г.	2024 г.
Российская Федерация	1,39	1,00	0,64	2,03
Северо-Западный ФО	1,78	1,06	0,48	1,37
Республика Карелия	0,50	0,36	0,46	0,41
Республика Коми	0,45	0,31	0,36	0,11
Архангельская область	0,23	0,16	0,27	5,50
в том числе Ненецкий АО	0,03	0,01	0,00	0,02
Архангельская обл. без АО	0,35	0,28	0,30	6,75
Вологодская область	0,08	0,13	0,38	0,23
Калининградская область	0,33	0,32	0,02	–
Ленинградская область	0,89	0,58	0,17	0,42
Мурманская область	0,63	0,35	0,29	0,13
Новгородская область	0,68	0,43	0,37	0,07
Псковская область	0,25	0,08	1,74	2,49
г. Санкт-Петербург	3,24	1,60	0,73	1,80
Источник: составлено по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science.				

Что касается частных инвестиций, то их недостаточный объем обусловлен «длинными» инвестиционными циклами и высокой неопределенностью конечного результата.

– Высокая стоимость капитала. Высокие процентные ставки ограничивают возможности компаний инвестировать в модернизацию и внедрение новых технологий [4; 5].

[7] URL: https://gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure.

Кадровые барьеры и интеллектуальный разрыв

Сокращение численности занятых в науке, противоречащее самой логике научно-технологического прогресса, как результат недостаточного финансирования НИОКР.

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в России в период 2015–2025 гг., несмотря на положительную тенденцию роста, сложившуюся с 2022 года, уменьшилась с 738857 до 675696 чел., то есть на 63161 чел. (-8,5%). Аналогичное снижение по СЗФО составило 11955 чел. (-10,68%). Количество исследователей упало по Российской Федерации и СЗФО, соответственно, на 40307 чел. – (-10,62% с 2015 года) и на 7689 чел. (-14,82%). При этом, падение численности исследователей, имеющих ученую степень, самое значительное – 21947 чел. по России (-19,68%), в том числе 3096 чел. по СЗФО (-22,49%), что обусловлено, преимущественно, старением научного корпуса – численность исследователей возрастных групп 50–59 лет, 60–69 и 70 лет и старше по стране уменьшилась на 46223 чел., а также миграцией научных кадров.

В качестве положительного факта следует отметить рост численности исследователей до 39 лет, доля которых в общей численности исследователей с 2015 по 2024 гг. возросла на 0,36% по России и на 1,16% по СЗФО за счет Ленинградской области, г. Санкт-Петербурга и Вологодской области.

Дефицит квалифицированных кадров. Нехватка квалифицированных кадров, особенно специалистов среднего звена, для развития высокотехнологичных отраслей. Дефицит кадров в реальном секторе экономики Российской Федерации по состоянию на 2024 год составляет 1280 тыс. чел. Максимальный спрос на квалифицированных специалистов среднего звена наблюдается в обрабатывающей промышленности (320 тыс. чел.) и строительстве (180 тыс. чел.) [1].

Управленческие и инфраструктурные барьеры

– Демонтаж управления академическими институтами из единого центра – реформа Российской академии наук (РАН) 2013 года, в результате которой подведомственные ей научно-исследовательские институты были переведены в подчинение Федерального агентства научных организаций. Результатами реформы стали утрата влияния РАН на развитие прикладной и фундаментальной науки, отток кадров и потеря научных школ, снижение престижа академии, рост бюрократии и др.

– Слабая кооперация между наукой, образованием и реальным сектором экономики, приводящая к технологическому отставанию, дефициту квалифицированных кадров и неэффективному расходованию бюджетных средств, выделяемых на научные исследования [3]. В целях нивелирования неэффективных расходов в науке, усиления влияния на экономическую востребованность научных исследований Российская академия наук с 2025 года реализует пилотный проект «Госзадание 2.0», направленный на изменение принципов формирования госзаданий для научных и образовательных организаций, в основе которого переход от инициативных тем научных исследований («снизу вверх») к выполнению прикладных исследований по конкретным запросам реального сектора экономики («сверху вниз»).

– Пространственная неравномерность распределения ресурсов. Бюджетные, кадровые ресурсы, научная инфраструктура сконцентрированы в ограниченном числе регионов-лидеров, что оставляет большинство регионов на периферии научно-технического прогресса. Так, на долю г. Москвы, Московской области, г. Санкт-Петербурга и Нижегородской области в 2024 году приходилось, соответственно 35,58, 11,75, 10,57, 7,34%, то есть, более 65% всего объема внутренних затрат на научные исследования и разработки российских регионов. По СЗФО, за исключением г. Санкт-Петербурга, максимальный удельный вес внутренних затрат отмечен в Ленинградской области, минимальный – в Ненецком АО (0,002%) и Псковской области (0,02%). Практически аналогично распределилась и численность исследователей, имеющих ученую степень – г. Москва (40,33%), г. Санкт-Петербург (9,55%), Московская область (7,26%) и Новосибирская область (4,96%). Лидером рейтинга СЗФО (без г. Санкт-Петербурга) является Республика Коми (0,51%), замыкают рейтинг Новгородская область (0,03%) и Ненецкий АО с нулевыми значениями показателя.

Перечисленные барьеры – далеко не полный список. Они охватывают и такие аспекты как несовершенство законов и институциональные ловушки, недостаточную коммерциализацию и структурную разбалансированность разработок, их несоответствие потребностям рынка и технологической независимости и др. Для их преодоления необходим комплекс мер, нацеленных на перевод российской экономики на инновационную модель, мер, адекватных реальному признанию приоритета науки в обеспечении технологического лидерства, конкурентоспособного и устойчивого развития страны.

Библиографический список

1. Блинов В.И., Сергеев И.С., Есенина Е.Ю. (2024). Концепция прогнозирования развития системы подготовки квалифицированных рабочих кадров и специалистов среднего звена // Профессиональное образование и рынок труда. Т. 12. № 2 (57). С. 6–30.
2. Голова И.М. (2022). Научно-технический потенциал регионов как основа технологической независимости РФ. Экономика региона. Т. 18. Вып. 4. С. 1062–1074.
3. Лагзян А.А. (2018). Взаимосвязь вузов и компаний реального сектора экономики // Вестник университета. № 11. С. 123–127. DOI: 10.26425/1816-4277-2018-11-123-127
4. Сухарев О.С. (2020). Инновационная динамика России: состояние и перспектива. Экономист. № 7. С. 70–85.
5. Суховей А.Ф., Голова И.М. (2019). Инновационная составляющая социально-экономического развития региона. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН. 214 с.

Информация об авторе

Светлана Александровна Кириллова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра финансовых исследований Вологодского научного центра РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: common@volnc.ru)

Kirillova S.A.

BARRIERS TO ENSURING SUSTAINABLE REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT BASED ON THE IMPLEMENTATION OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL POTENTIAL

Abstract. *This article examines barriers that slow down and reduce the effectiveness of realizing Russia's scientific and technological potential, aimed at achieving technological independence as a prerequisite for ensuring its competitiveness and sustainable economic development.*

Keywords: *scientific and technological potential, technological development, development barriers, innovation.*

About the author

Svetlana A. Kirillova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher at the Center for Financial Research VolRC RAS (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: common@volnc.ru)

References

1. Blinov V.I., Sergeev I.S., Yesenina E.Yu. (2024). Concept of Forecasting the Development of the System for Training Qualified Workers and Mid-Level Specialists/ *Professional Education and the Labor Market*, 12, 2(57), 6–30.
2. Golova I.M. (2022). Scientific and Technical Potential of Regions as the Basis for Technological Independence of the Russian Federation. *Regional Economy*, 18(4), 1062–1074.
3. Lagzyan A.A. (2018). Interrelationship between Universities and Companies in the Real Sector of the Economy. *University Bulletin*, (11): 123–127. DOI: 10.26425/1816-4277-2018-11-123-127.
4. Sukharev O.S. (2020). Innovative dynamics of Russia: state and prospects. *Economist*, 7, 70–85.
5. Sukhovey A.F., Golova I.M. (2019). Innovative component of the socio-economic development of the region. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

УДК 69.059 / ББК 30.2

Латыпова Р.Р., Гамаюнова О.С.

HBIM-МОДЕЛИ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. *В статье рассматривается роль HBIM для сохранения объектов культурного наследия и развития территорий. HBIM обеспечивает создание цифровых двойников, оптимизацию затрат и сроков работ. Окупаемость инвестиций составляет один год, дополнительная косвенная экономия за счет снижения рисков ошибок – 15–25%.*

Ключевые слова: *Historic Building Information Modeling, объекты культурного наследия, цифровое моделирование, лазерное сканирование, экономическая эффективность, развитие территорий.*

HBIM (Historic Building Information Modeling) – это процесс создания цифровых информационных моделей существующих исторических зданий, основанный на технологиях лазерного сканирования и фотограмметрии. HBIM-модели используются не только для сохранения культурного наследия, но и для интеграции исторических объектов в современную городскую среду и развития территорий.

Большое количество современных исследований в области сохранения объектов культурного наследия (ОКН) и развития территорий связаны с технологиями информационного моделирования зданий (BIM) и, в частности, с HBIM. В отличие от BIM, ориентированного на новое строительство с типовыми элементами, HBIM работает с уникальными формами исторических зданий, требующими индивидуального подхода к моделированию. В работах отмечается, что цифровая фиксация памятников архитектуры с помощью 3D-сканирования, фотограмметрии и HBIM позволяет не только повысить точность реставрационных решений, но и обеспечить долгосрочное сохранение архитектурной памяти, что важно для формирования исторической идентичности общества [1–3].

Ключевым этапом создания HBIM-моделей является сбор данных о геометрии и состоянии объекта. Лазерное сканирование и фотограмметрия позволяют формировать точные цифровые двойники, а выбор параметров сканирования напрямую зависит от задач моделирования и технических возможностей вычислительных систем. Такие цифровые модели становятся основой для последующего проектирования, мониторинга и управления состоянием ОКН [2–4].

Особое внимание в научной литературе уделяется интеграции HBIM с системами мониторинга, диагностики и анализа эксплуатационных сценариев. Это позволяет перейти к риск-ориентированной модели эксплуатации, что повышает предсказуемость решений, снижает аварийность и поддерживает аутентичность материалов [5; 6].

Важным направлением является применение методов оптимизации (в том числе метаэвристических алгоритмов) в HBIM для решения сложных задач реконструкции и повышения энергоэффективности. Параметрическое проектирование позволяет адаптировать исторические здания к современным требованиям по безопасности и энергоэффективности, а также повысить их инвестиционную привлекательность. Однако отмечается недостаточная распространенность BIM, дефицит кадров и неготовность инвесторов к внедрению новых технологий [7–9].

В целом, современные публикации подчеркивают, что HBIM-модели становятся неотъемлемой частью системы сохранения культурного наследия и устойчивого развития территорий. Их внедрение обеспечивает не только техническую точность и эффективность реставрационных работ, но и способствует формированию новых подходов к управлению, мониторингу и популяризации объектов культурного наследия [10; 11].

Реконструкция объектов культурного наследия включает комплекс методов, направленных на сохранение исторического облика при возможном приспособлении к современному использованию. Основные методы включают реставрацию (воссоздание), консервацию, регенерацию, а также приспособление, направленные на устранение аварийности и восстановление утраченных элементов с использованием традиционных технологий.

Для практической реализации работ по сохранению объектов культурного наследия необходимо получить максимально точные и полные данные о текущем состоянии памятника. Именно поэтому следующим шагом является проведение натурного обследования. В *табл. 1* представлена сравнительная характеристика методов натурного обследования ОКН.

Таблица 1. **Сравнительная характеристика методов натурного обследования ОКН**

Метод	Точность измерений	Скорость сбора данных	Стоимость оборудования	Особенности применения
Традиционные инструментальные обмеры	±5–10 мм	Низкая	Низкая	Требует физического доступа; подходит для простых геометрий
Фотограмметрия	±3–5 мм	Средняя	Средняя	Требует качественного освещения; эффективна для фасадов и интерьеров
Наземное лазерное сканирование (TLS)	±2–4 мм	Высокая	Высокая	Работает в любых условиях освещения; требует последующей обработки
Мобильное лазерное сканирование (MLS)	±10–30 мм	Очень высокая	Высокая	Эффективно для больших территорий и уличных пространств
Беспилотная фотограмметрия (UAV)	±10–50 мм	Высокая	Средняя	Требует разрешения на полеты; ограничена погодными условиями
Источник: составлено авторами.				

Выбор метода обследования определяется масштабом объекта, требуемой точностью, доступностью элементов и бюджетными ограничениями. Для комплексной реконструкции рекомендуется комбинированное применение нескольких методов: Технологии наземного лазерного сканирования для высокоточного моделирования фасадов и интерьеров, фотограмметрия для получения детальных изображений поверхности и создания точного фотографического изображения местности, беспилотная съемка для обследования кровель и труднодоступных элементов [12–14].

Сравнительный анализ затрат на традиционные и цифровые методы обследования для объекта средней сложности (памятник архитектуры XVIII века площадью 2000 м²) представлен в *табл. 2*.

Таблица 2. **Сравнительный расчет затрат на методы обследования ОКН**

Наименование затрат	Традиционные методы (инструментальные обмеры)	Цифровые методы (лазерное сканирование + фотограмметрия)	Экономия/ перерасход
Полевые работы (чел./дней)	120	40	-67% ▼
Камеральные работы (чел./дней)	80	60	-25% ▼
Стоимость оборудования, тыс. руб.	50	150	+200% ▲
Стоимость работ, тыс. руб.	400	280	-30% ▼
Итого прямые затраты, тыс. руб.	450	430	-4% ▼
Источник: составлено авторами.			

При сопоставимых затратах цифровые методы обеспечивают более высокое качество документации, что снижает риски принятия неверных проектных решений и необходимости переделок в процессе реализации проекта. Косвенная экономия за счет повышения точности и полноты исходных данных может составлять 15–25% от стоимости работ.

По формуле (1) определим срок окупаемости инвестиций в оборудование для лазерного сканирования:

$$PP = \frac{IC}{CF}, \quad (1)$$

где PP (Payback Period) – срок окупаемости, лет;
IC (Initial Cost) – первоначальные инвестиции, руб.;
CF (Cash Flow) – чистая годовая прибыль, руб.

Первоначальные инвестиции (IC) включают все расходы, необходимые для начала работы (стоимость оборудования для сканирования, программное обеспечение, расходы на обучение персонала, и дополнительное оборудование как, например, мощный ноутбук, штативы и т. д.).

Для реставрационных организаций чистая годовая прибыль (CF) складывается из сокращения издержек на традиционные методы и доходов от оказания дополнительных услуг. Тогда формулу (1) можно записать в виде формулы (2):

$$PP = \frac{IC}{FWS + RCS + RNS - OPEX}, \quad (2)$$

где FWS (Field Work Savings) – экономия на полевых работах, руб.;

RCS (Rework Cost Savings) – экономия на переделках, руб.;

RNS (Revenue from New Services) – доход от новых услуг, руб.;

OPEX (Operating Expenses) – операционные расходы (зарплата оператора, амортизация, обслуживание).

Если продолжить расчеты срока окупаемости инвестиций в оборудование для лазерного сканирования, представленные в *табл. 3*, с учетом формул (1) и (2) для реставрационной организации среднего размера (5–10 проектов в год), то получим:

– первоначальные инвестиции составят 2250000 руб. (сканер – 2000000 руб., ПО – 200000 руб., обучение – 50000 руб.);

– экономия составит 1200000 руб. (сканирование позволяет экономить в среднем 150000 руб. на одном проекте; в год реставрационная организация выполняет 8 таких проектов);

– чистая годовая прибыль составит 450000 руб. (оказание услуг другим строительно-реставрационным компаниям – 150000 руб.; в год выполняется 3 проекта).

– срок окупаемости составит 1,36 года (16–17 месяцев).

Таким образом, экономический анализ подтверждает целесообразность приобретения собственного оборудования для организаций, специализирующихся на реставрации объектов культурного наследия и применения HBIM для сохранения ОКН.

HBIM имеет большое значение и для развития территорий в целом: способствует формированию привлекательных туристических кластеров через виртуальные туры и образовательные платформы, цифровые двойники обеспечивают прозрачное принятие решений при реконструкции, позволяя избегать конфликтов между современностью и сохранением облика. Кроме того, компетенции по работе с HBIM стимулирует местную экономику, создавая спрос на специалистов и современные технологии, способствуя импортозамещению, формируя новые рынки услуг.

Библиографический список

1. Лаврентьева М.А., Аксенов Д.А., Дубиненко Н.А. (2026). Современные методы реставрации и консервации памятников архитектуры // Исторический бюллетень. Т. 9. № 1. С. 227–231.
2. Любимов А.В. (2023). Выбор параметров лазерного сканирования для решения задач 3D-моделирования объектов культурного наследия // Современные технологии в строительстве. Теория и практика. Т. 2. С. 57–62.
3. Кузнецов С.А., Дымченко И.В., Сырых О.А., Лушина В.С., Собченко М.В. [и др.]. (2025). Применение наземного лазерного сканирования в создании цифровых двойников культурного наследия // Наукосфера. № 6–2. С. 163–171. DOI: 10.5281/zenodo.15737973.
4. Пустовгар А.П., Жунжун Ч., Вэньсэн Ю., Адамцевич А.О. (2020). Применение BIM-технологий при реставрации зданий // Промышленное и гражданское строительство. № 6. С. 42–48. DOI: 10.33622/0869-7019.2020.06.42-48.
5. Барабанова Т.А., Иошкин В.А., Помозов Г.В. (2025). Использование памятников архитектуры, основанное на применении неинвазивных методов обследования и непрерывного контроля параметров воздушной среды // Экономика строительства. № 11. С. 594–597.
6. Потапова Т.В. (2023). Применение технологий информационного моделирования при обследовании и мониторинге деревянных конструкций объектов культурного наследия // Инженерный вестник Дона. № 3 (99). С. 62–68.

7. Вафаева Х.М., Гаевская З.А. (2022). Анализ данных BIM модели в системах BI // Перспективы науки. № 7 (154). С. 53–58.
8. Вафаева Х.М., Гаевская З.А. (2021). Алгоритмы оптимизации и их применение в информационном моделировании объектов культурного наследия // Инновации и инвестиции. № 12. С. 175–179.
9. Вафаева Х.М., Гаевская З.А. (2022). Параметрическая энергоэффективная оптимизация проекта реконструкции объекта культурного наследия // Инновации и инвестиции. № 3. С. 156–164.
10. Ермолин Н.И., Ермолина О.А., Оксенюк А.П. (2023). Использование технологии информационного моделирования зданий для объектов культурного наследия // Инженерно-строительный вестник Прикаспия. № 4 (46). С. 95–99. DOI: 10.52684/2312-3702-2023-46-4-95-99.
11. Попов А.О., Гарькин И.Н., Сабитов Л.С. (2024). Определение конструктивных особенностей объекта культурного наследия (на примере Ханского дворца г. Бахчисарай) // Инженерные исследования. № 3 (18). С. 39–45.
12. Баденко В., Зотов К., Зотов Д., Гарг Р.Д., Жан Ли. [et al.]. (2017). Обзор технологии лазерного сканирования для исторического информационного моделирования зданий и сооружений в Санкт-Петербурге // Строительство уникальных зданий и сооружений. № 1 (52). С. 93–101. DOI: 10.18720/CUBS.52.8
13. Борисова К.О., Гаевская З.А. (2024). Автоматизация поиска проектных решений на основе технологии генеративного дизайна // Инженерные исследования. № 4 (19). С. 24–30.
14. Гарькин И.Н. Мареева А.А., Сокибеков М.Ш. (2025). Объекты архитектурного наследия: сохранение культурной идентичности в современном строительстве // Инженерные исследования. № 2 (22). С. 33–38.

Информация об авторах

Рената Рамилевна Латыпова – магистрант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29б; e-mail: latypova.rr@edu.spbstu.ru)

Ольга Сергеевна Гамаюнова – кандидат технических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29б; e-mail: gamayunova_os@spbstu.ru)

Latypova R.R., Gamayunova O.S.

HBIM MODELS FOR CULTURAL HERITAGE PRESERVATION AND SITE DEVELOPMENT

Abstract. *This article examines the role of HBIM in the preservation of cultural heritage sites and territorial development. HBIM enables the creation of digital twins, cost optimization, and timeliness. The return on investment is one year, with additional indirect savings of 15–25% due to the reduced risk of errors.*

Keywords: *HBIM, Historic Building Information Modeling, cultural heritage sites, digital modeling, laser scanning, cost efficiency, territorial development.*

About the authors

Renata R. Latypova – Master Degree Student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29b, Polytechnicheskaya Street, St. Peterburg, 195251, Russian Federation; e-mail: latypova.rr@edu.spbstu.ru)

Olga S. Gamayunova – Candidate of Science (Engineering), Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29b, Polytechnicheskaya Street, St. Peterburg, 195251, Russian Federation; e-mail: gamayunova_os@spbstu.ru)

References

1. Lavrenteva M.A., Aksenov D.A., Dubinenko N.A. (2026). Modern methods of restoration and conservation of architectural monuments. *Historical Bulletin*, 9(1), 227–231.
2. Lyubimov A.V. (2023). Selection of laser scanning parameters for solving problems of 3D modeling of cultural heritage objects. *Modern technologies in construction. Theory and practice*, 2, 57–62.
3. Kuznetsov S.A., Dymchenko I.V., Syrykh O.A., Lushina V.S., Sobchenko M.V. [et al.]. (2025). Application of terrestrial laser scanning in the creation of digital twins of cultural heritage. *Naukosphere*, 6–2, 163–171. DOI: 10.5281/zenodo.15737973
4. Pustovgar A.P., Zhongrong C., Wensen Yu., Adamtsevich A.O. (2020). Application of BIM technologies in building restoration. *Industrial and civil engineering*, 6, 42–48. DOI: 10.33622/0869-7019.2020.06.42-48
5. Barabanova T.A., Ioshkin V.A., Pomozov G.V. (2025). Use of architectural monuments based on the application of non-invasive survey methods and continuous monitoring of air environment parameters. *Construction Economics*, 11, 594–597.
6. Potapova T.V. (2023). Application of information modeling technologies in the inspection and monitoring of wooden structures of cultural heritage sites. *Engineering Bulletin of the Don*, 3(99), 62–68.
7. Vafaeva H.M., Gaevskaya Z.A. (2022). Analysis of BIM model data in BI systems. *Prospects of Science*, 7(154), 53–58.
8. Vafaeva H.M., Gaevskaya Z.A. (2021). Optimization algorithms and their application in information modeling of cultural heritage sites. *Innovations and Investments*, 12, 175–179.
9. Vafaeva H.M., Gaevskaya Z.A. (2022). Parametric energy-efficient optimization of a cultural heritage site reconstruction project. *Innovations and Investments*, 3, 156–164.
10. Ermoli N.I., Ermolina O.A., Oksenyuk A.P. (2023). Use of Building Information Modeling Technology for Cultural Heritage Sites. *Engineering and Construction Bulletin of the Caspian Region*, 4(46), 95–99. DOI: 10.52684/2312-3702-2023-46-4-95-99
11. Popov A.O., Garkin I.N., Sabitov L.S. (2024). Determination of design features of a cultural heritage site (on the example of the Khan's Palace in Bakhchisaray). *Engineering research*, 3(18), 39–45.
12. Badenko V., Zotov K., Zotov D., Garg R.D., Zhan Li. [et al.]. (2017). Review of laser scanning technology for historical information modeling of buildings and structures in St. Petersburg. *Construction of unique buildings and structures*, 1(52), 93–101. DOI 10.18720/CUBS.52.8
13. Borisova K.O., Gaevskaya Z.A. (2024). Automation of the search for design solutions based on generative design technology. *Engineering Research*, 4(19), 24–30.
14. Garkin I.N., Mareeva A.A., Sokibekov M.Sh. (2025). Architectural heritage objects: preserving cultural identity in modern construction. *Engineering Research*, 2(22), 33–38.

УДК 37.018.43 / ББК 72.74

Ободец Р.В., Рахматуллина Д.Г.

ЭЛЕКТРОННОЕ И ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *В статье исследуется состояние внедрения электронного и дистанционного обучения (ЭДО) в общеобразовательные организации Республики Башкортостан. На основе анализа нормативно-правовой базы, статистических данных региональных мониторингов и научных публикаций 2023–2026 гг. выявлены ключевые инфраструктурные, методические и кадровые особенности цифровой трансформации школьного образования в регионе. Особое внимание уделено проблемам цифрового неравенства между городскими и сельскими школами, уровню цифровой компетентности педагогов, качеству цифрового контента на башкирском и русском языках, а также организационно-психологическим аспектам дистанционного взаимодействия. Сформулированы научно обоснованные рекомендации по развитию гибридных образовательных моделей, повышению квалификации кадров, созданию региональных цифровых ресурсов и совершенствованию системы мониторинга качества ЭДО.*

Ключевые слова: *электронное обучение, дистанционное обучение, цифровая трансформация образования, школьное образование, Республика Башкортостан, цифровое неравенство, цифровая компетентность педагога.*

Цифровизация образования стала одним из стратегических приоритетов государственной политики Российской Федерации, закрепленных в национальном проекте «Образование», Стратегии развития образования до 2030 года и региональных программах социально-экономического развития. Период 2020–2022 гг. выступил катализатором масштабного перехода к электронным и дистанционным формам обучения, однако именно последующие годы (2023–2025 гг.) ознаменовались переходом от экстренных мер к системному внедрению цифровых технологий в ежедневную образовательную практику[1].

Республика Башкортостан, обладающая протяженной территорией, высокой долей сельских населенных пунктов и многонациональным составом населения, представляет собой уникальный полигон для апробации моделей цифрового образования. Задачи обеспечения равного доступа к качественным образовательным услугам, сохранения языковой и культурной идентичности в цифровой среде и повышения эффективности управления образовательными процессами обусловливают научную и практическую значимость исследования.

В российском образовательном праве понятия «электронное обучение» и «дистанционное обучение» закреплены в ст. 16 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»[2]. Электронное обучение определяется как организация образовательной деятельности с применением электронных образовательных ресурсов, информационных технологий и телекоммуникационных сетей. Дистанционное обучение представляет собой реализацию образовательных программ преимущественно с использованием указанных технологий при опосредованном взаимодействии обучающихся и педагогов [1].

Теоретические исследования последних лет подчеркивают, что ЭДО не является полной заменой традиционного обучения, а формирует основу для гибридных (смешанных) моделей, сочетающих очные и цифровые форматы в зависимости от педагогических целей, возрастных особенностей и доступной инфраструктуры. Ключевыми принципами эффективного ЭДО выступают: педагогическая целесообразность применения цифровых инструментов, доступность контента, техническая стабильность платформ, развитие цифровой грамотности всех участников процесса и обеспечение психолого-педагогического сопровождения [2, с. 78].

---

[1] Стратегия цифровой трансформации сферы образования Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 20.10.2022 № 3169-р.

[2] Об образовании в Российской Федерации (в ред. от 2025 г.): Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=mp2lyhtck8508039967

На федеральном уровне развитие ЭДО регламентируется Стратегией цифровой трансформации сферы образования, национальными проектами, а также методическими рекомендациями Минпросвещения России по организации учебного процесса с использованием цифровых платформ. Региональные органы исполнительной власти, в том числе Министерство просвещения Республики Башкортостан, адаптируют федеральные требования к локальным условиям, разрабатывая дорожные карты цифровизации, программы повышения квалификации и системы мониторинга использования цифровых ресурсов[3].

По данным мониторинга цифровой инфраструктуры образовательных организаций РБ за 2023–2025 гг., более 94% муниципальных и государственных школ обеспечены стабильным доступом к сети Интернет, а свыше 88% учебных кабинетов оборудованы интерактивными панелями или мультимедийными комплексами. В регионе активно используются федеральные платформы: «Российская электронная школа» (РЭШ), «Моя школа» (в составе ГИС «Моя школа»), «Сферум», а также региональные информационно-образовательные среды, интегрированные с системой электронного документооборота и расписания.

Особое внимание в Башкортостане уделяется развитию цифрового контента на башкирском языке. В 2023–2024 гг. запущен проект по оцифровке учебно-методических материалов, созданию интерактивных заданий и видеоуроков по предметам гуманитарного цикла с использованием регионального компонента [3]. Пилотные площадки в Уфе, Стерлитамаке и Нефтекамске апробируют модели перевернутого класса и проектно-исследовательскую деятельность в цифровой среде.

Кадровое обеспечение ЭДО поддерживается через региональные центры повышения квалификации, где педагоги проходят модульные программы по цифровой педагогике, работе с LMS, созданию мультимедийных материалов и организации дистанционного взаимодействия. По итогам 2024 года свыше 76% учителей школ РБ прошли курсы по использованию цифровых образовательных ресурсов, при этом наиболее высокие показатели зафиксированы в педагогах до 40 лет [4, с. 145].

Система управления ЭДО на уровне муниципальных районов включает назначение координаторов цифровизации, проведение регулярных вебинаров для методических объединений и внедрение внутренних регламентов по использованию цифровых платформ. В ряде школ внедрены цифровые портфолио обучающихся и автоматизированные системы формирующего оценивания, что способствует повышению прозрачности образовательных траекторий [5].

Несмотря на позитивные тенденции, внедрение ЭДО в школах Башкортостана сталкивается с рядом системных ограничений.

1. Цифровое неравенство территорий. В отдаленных районах (Белорецкий, Абзелиловский, Бурзянский, Зилаирский) сохраняется проблема нестабильного широкополосного доступа в Интернет, особенно в сельских школах с низкой плотностью населения. Отсутствие резервных каналов связи приводит к прерыванию онлайн-занятий и снижению доступности цифровых ресурсов [6, с. 67].

2. Разрыв в цифровой компетентности педагогов. Несмотря на массовое прохождение курсов, многие учителя испытывают трудности с интеграцией цифровых инструментов в педагогический дизайн, использованием аналитики платформ для индивидуализации обучения и организацией проектной деятельности в гибридном формате. Наблюдается феномен «технологического использования без педагогической трансформации», когда цифровые средства применяются исключительно для дублирования очных методов [7, с. 92].

3. Качество и локализация цифрового контента. Доля учебных материалов на башкирском языке в федеральных платформах остается ограниченной. Отсутствуют единые стандарты верификации региональных цифровых ресурсов, что снижает доверие педагогов и родителей к их использованию. Кроме того, часть контента не учитывает возрастные особенности обучающихся и региональный культурно-исторический контекст [8, с. 108].

[3] Отчет о реализации программы цифровизации образовательных организаций в 2023–2025 гг. // Министерство образования и науки Республики Башкортостан. Уфа. 2025. 84 с.

4. Организационно-психологические аспекты. Дистанционный формат требует высокого уровня саморегуляции обучающихся, что особенно сложно для младших школьников и детей из семей с низкой цифровой культурой. Зафиксированы случаи цифровой усталости, снижения мотивации и роста тревожности при длительном использовании онлайн-форматов без методической поддержки [9, с. 156].

5. Нормативная и оценочная неоднозначность. Сохраняются пробелы в регламентации дистанционной аттестации, особенно в части государственной итоговой аттестации и олимпиад. Отсутствие единых метрик эффективности ЭДО на школьном уровне затрудняет объективный мониторинг и сравнение практик между муниципалитетами [10, с. 44].

Для преодоления выявленных барьеров и устойчивого развития ЭДО в школьном образовании региона предлагается следующий комплекс мер:

– инфраструктурное развитие: реализация целевой программы «Цифровая школа Башкортостана», включающей модернизацию сетевой инфраструктуры в сельских районах, обеспечение спутниковым Интернетом труднодоступных территорий, создание мобильных цифровых классов и резервирование каналов связи для образовательных учреждений [11, с. 73];

– развитие цифровой педагогики: переход от формального повышения квалификации к практико-ориентированным программам с менторским сопровождением, создание региональных педагогических лабораторий цифровых инноваций, внедрение микрокредитования компетенций и системы наставничества между опытными и начинающими педагогами [12, с. 118];

– локализация и верификация контента: запуск грантовой поддержки разработки цифровых учебных материалов на башкирском языке, создание экспертного совета по качеству цифровых ресурсов при Министерстве образования и науки РБ, интеграция регионального компонента в федеральные платформы через открытые API [13, с. 89];

– гибридные модели и психолого-педагогическое сопровождение: разработка методических рекомендаций по оптимальному соотношению очных и онлайн-форматов для разных возрастных групп, внедрение цифровых инструментов формирующего оценивания, организация школьных служб медиации и цифровой гигиены для профилактики перегрузок [14, с. 134];

– совершенствование мониторинга и управления: внедрение единой аналитической панели ЭДО на уровне муниципалитетов, разработка KPI, ориентированных на педагогическую эффективность, а не на техническое оснащение, проведение ежегодных открытых аудитов цифровых практик с публикацией лучших кейсов [15, с. 61].

Реализация данных направлений позволит трансформировать ЭДО из вынужденной меры в устойчивый элемент образовательной экосистемы, способствующий повышению качества, доступности и индивидуализации школьного образования в Республике Башкортостан.

Проведенный анализ демонстрирует, что электронное и дистанционное обучение в школьной системе Республики Башкортостан находится на этапе перехода от инфраструктурного развертывания к педагогической интеграции цифровых технологий. Регион обладает значительным потенциалом для развития гибридных моделей обучения, однако его реализация требует преодоления цифрового неравенства, повышения методической грамотности педагогов, локализации контента и создания системы психолого-педагогического сопровождения.

Ключевыми факторами успеха выступают: адресное инфраструктурное развитие сельских территорий, практико-ориентированная подготовка кадров, экспертная верификация региональных цифровых ресурсов и внедрение доказательных подходов к оценке эффективности ЭДО. При условии системной поддержки со стороны региональных органов управления образованием и активного вовлечения педагогического сообщества, цифровые формы обучения могут стать катализатором повышения качества и доступности школьного образования в Башкортостане, соответствуя как федеральным стратегиям, так и локальным образовательным потребностям.

Перспективы дальнейших исследований связаны с оценкой долгосрочного влияния гибридных моделей на академические достижения обучающихся, разработкой методик адаптации цифрового контента для детей с ОВЗ в условиях дистанционного формата, а также сравнительным анализом эффективности региональных платформ ЭДО в различных социокультурных контекстах.

Библиографический список

1. Асмолов А.Г. (2023). Цифровая трансформация образования: от технологий к педагогике // Вопросы образования. № 2. С. 42–58.
2. Валеев Р.Р. (2025). Аналитические панели для мониторинга цифровизации на муниципальном уровне: архитектура и применение // Административное право и процесс. № 4. С. 56–66.
3. Галиева Л.Р., Хисамутдинова А.М. (2024). Цифровизация башкирского языка в школьном образовании: возможности и ограничения // Национальные языки в цифровую эпоху. № 3. С. 67–78.
4. Сафиуллина Г.Н. (2024). Цифровая компетентность учителей Республики Башкортостан: мониторинг и перспективы развития // Образование и наука. Т. 26. № 4. С. 138–151.
5. Закирова А.Ф. (2024). Психолого-педагогические аспекты цифровой усталости обучающихся старших классов // Психология образования. № 6. С. 149–161.
6. Минигалиева Д.А. (2024). Цифровое неравенство в сельских школах регионов Приволжья: диагностика и пути преодоления // Региональная экономика и управление. № 2. С. 61–74.
7. Петрова Е.С. (2025). Педагогический дизайн в условиях дистанционного обучения: вызовы для учителя // Педагогические измерения. № 1. С. 88–99.
8. Каримов Р.Р. (2023). Информационно-образовательные среды муниципальных районов Башкортостана: архитектура и эффективность // Управление в образовании. № 9. С. 44–53.
9. Поливанова К.Н., Трайнев В.А. (2024). Гибридные модели обучения в современной школе: теория и практика // Педагогика. № 5. С. 108–119.
10. Орлов А.А. (2025). Нормативное регулирование дистанционной аттестации в школе: проблемы и решения // Право и образование. № 3. С. 38–49.
11. Нигматуллин Б.Н. (2023). Инфраструктурные основы цифровой школы в регионах с расселенной территорией // Информатизация образования. № 8. С. 69–78.
12. Кузнецова Л.С. (2024). Практико-ориентированная модель повышения квалификации педагогов в сфере цифровых технологий // Профессиональное образование. № 10. С. 112–124.
13. Гайсин И.Т., Ахметова Л.Р. (2025). Разработка верифицированных цифровых учебных материалов на региональных языках // Цифровая педагогика. № 2. С. 84–95.
14. Сабирова Э.Р. (2024). Формирующее оценивание в гибридной образовательной среде: методические подходы // Современные проблемы науки и образования. № 5. С. 129–138.
15. Роберт И.В. (2023). Теоретические основы цифровизации образования. Москва: БИНОМ. Лаборатория знаний. 312 с.

Информация об авторах

Роман Васильевич Ободец – доктор экономических наук, доцент, профессор, Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (Российская Федерация, 450008, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 40; e-mail: incubator-org@yandex.ru)

Диана Геннадьевна Рахматуллина – магистрант, Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (Российская Федерация, 450008, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 40; e-mail: dianliz@rambler.ru)

Obodets R.V., Rakhmatullina D.G.

ELECTRONIC AND DISTANCE LEARNING IN THE SCHOOL EDUCATION SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: CURRENT STATE, PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. *The article examines the state of the introduction of electronic and distance learning (EDI) in educational institutions of the Republic of Bashkortostan. Based on the analysis of the regulatory framework, statistical data from regional monitoring and scientific publications in 2023–2026, key infrastructural, methodological and personnel features of the digital transformation of school education in the region have been identified. Special attention is paid to the problems of digital inequality between urban and rural schools, the levels of digital competence of teachers, the quality of digital content in Bashkir and Russian, as well as organizational and psychological aspects of remote interaction. Scientifically based recommendations on the development of hybrid educational models, professional development, creation of regional digital resources and improvement of the EDI quality monitoring system are formulated***.***

Keywords: *e-learning, distance learning, digital transformation of education, school education, Republic of Bashkortostan, digital inequality, digital competence of a teacher*.

About the authors

Roman V. Obodets – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Professor, Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan (40, Zaki Validi Street, Ufa, 450008, Russian Federation; e-mail: incubator-org@yandex.ru)

Diana G. Rakhmatullina – Master Degree Student, Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan (40, Zaki Validi Street, Ufa, 450008, Russian Federation; e-mail: dianliz@rambler.ru)

References

1. Asmolov A.G. (2023). Digital transformation of education: from technology to pedagogy. *Questions of education*, 2, 42–58.
2. Valeev R.R. (2025). Analytical panels for monitoring digitalization at the municipal level: architecture and application. *Administrative law and process*, 4, 56–66.
3. Galieva L.R., Khisamutdinova A.M. (2024). Digitalization of the Bashkir language in school education: opportunities and limitations. *National languages in the digital age*, 3, 67–78.
4. Safiullina G.N. (2024). Digital competence of teachers of the Republic of Bashkortostan: monitoring and development prospects. *Education and Science*, 26(4), 138–151.
5. Zakirova A.F. (2024). Psychological and pedagogical aspects of digital fatigue of high school students. *Psychology of education*, 6, 149–161.
6. Minigalieva D.A. (2024). Digital inequality in rural schools in the Volga region: diagnosis and ways to overcome. *Regional economics and management*, 2, 61–74.
7. Petrova E.S. (2025). Pedagogical design in the context of distance learning: challenges for teachers. *Pedagogical measurements*, 1, 88–99.
8. Karimov R.R. (2023). Information and educational environments of the municipal districts of Bashkortostan: architecture and efficiency. *Management in education*, 9, 44–53.
9. Polivanova K.N., Trainev V.A. (2024). Hybrid models of education in modern schools: theory and practice. *Pedagogy*, 5, 108–119.
10. Orlov A.A. (2025). Regulatory regulation of distance assessment in schools: problems and solutions. *Law and education*, 3, 38–49.
11. Nigmatullin B.N. (2023). Infrastructural foundations of a digital school in regions with a settled territory. *Informatization of education*, 8, 69–78.
12. Kuznetsova L.S. (2024). A practice-oriented model of teacher training in the field of digital technologies. *Vocational education*, 10, 112–124.
13. Gaisin I.T., Akhmetova L.R. (2025). Development of verified digital educational materials in regional languages. *Digital pedagogy*, 2, 84–95.
14. Sabirova E.R. (2024). Formative assessment in a hybrid educational environment: methodological approaches. *Modern problems of science and education*, 5, 129–138.
15. Robert I.V. (2023). Theoretical foundations of digitalization of education. Moscow: BINOM. Laboratory of Knowledge.

УДК 332.142 / ББК 65стд1-55

Столь А.В.

ПРИМЕРЫ ЛУЧШИХ ПРАКТИК ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ С ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы управления научно-технологическим развитием регионов через призму лучших мировых и отечественных практик интеграции образования, науки и реального сектора экономики. Цель работы – выявление перспективных механизмов, применимых в условиях Республики Башкортостан. Объектом анализа выбраны три типа практик: живые лаборатории, спин-оффы и дуальное обучение. Живые лаборатории (Living Labs) анализируются как открытые инновационные экосистемы, позволяющие тестировать решения в реальных условиях с вовлечением пользователей. Отдельно рассматривается модель спин-оффов – дочерних компаний вузов, основанных на университетской интеллектуальной собственности. Проведено сравнение спин-оффов со студенческими стартапами по ключевым критериям: источник идеи, права на технологию, роль университета, риски и влияние на рейтинг научно-технологического развития регионов. Наибольшее внимание уделено модели дуального обучения на примере институтов Fraunhofer-Gesellschaft Германии. Описаны механизмы интеграции учебного процесса и вовлечения студентов в исследования и разработки для задач реального сектора экономики: дуальное обучение, работа в качестве студенческих исследовательских ассистентов, стажировки и выполнение дипломных работ на базе актуальных задач предприятий, а также школы талантов. Проведено сравнение с типичной ситуацией в России, выявившее проблемы финансирования, формализации заданий, отсутствия системной связи практики с трудоустройством и неурегулированности прав на интеллектуальную собственность. В качестве положительного отечественного примера приведена Передовая инженерная школа «Моторы будущего» в Уфе, где тематики выпускных квалификационных работ формируются совместно с предприятиями-партнерами. Сделан вывод о целесообразности адаптации немецкого опыта через создание на базе предприятий особых учебных полигонов и живых лабораторий.*

Ключевые слова: *научно-технологическое развитие регионов, живые лаборатории (Living Labs), спин-оффы, стартап, дуальное обучение, интеллектуальная собственность (ИС).*

Управление научно-технологическим развитием регионов требует выстраивания эффективного взаимодействия между государством, наукой и бизнесом, для чего необходим анализ лучших мировых и отечественных практик. В статье представлены меры, применяемые в странах-лидерах, дана их оценка с точки зрения адаптации в условиях Республики Башкортостан, среди перспективных практик выделены живые лаборатории, спин-оффы и дуальное обучение в вузах.

Живые лаборатории возникли в начале 2000-х как инфраструктурные проекты, вовлекающие пользователей в инновационный процесс в реальных условиях[1]. Методология развивалась с 2006 года, когда была создана Европейская сеть живых лабораторий (ENoLL); сегодня в мире более 400 таких лабораторий [1]. Успешные примеры охватывают сферы светотехники (Lightning Metropolis, Дания), здравоохранения (STREET LAB, Франция), городской логистики (CityLab), ИКТ‑инфраструктуры (Cap Digital). Особенностью лаборатории Cisco Hyperinnovation Living Labs (CHILL) является формат взаимодействия компаний, при котором они делятся знаниями и ресурсами, а доступ к результатам пропорционален вкладу каждого участника; используется концепция «бережливого стартапа». В России примером служит Живая лаборатория Томска, проект которой стал финалистом акселерационной программы АСИ и «Росатома» «100 городских лидеров»[2].

[1] Куценко Е., Кокарева А. (2017). Живые лаборатории как инструмент развития инновационных кластеров // Форум Open Innovation. Высшая школа экономики. URL: https://cluster.hse.ru/mirror/pubs/share/216157692 (дата обращения: 10.04.2026).

[2] Проект «Живая лаборатория» получит поддержку АСИ и «Росатома» // Томск 3D. URL: https://tomsk3da.admtomsk.ru/published/event/260?ll=56.444769983%2C84.941656574&z=1227.93&heading=0.745&pitch=-0.537&roll=0.002&mode2D=false (дата обращения: 10.04.2026).

Спин-офф – дочерняя компания вуза, основанная на его интеллектуальной собственности; в отличие от стартапа, где права на разработку остаются у основателей, а университет выполняет поддерживающую функцию бизнес-инкубатора, спин-офф базируется на результатах университетских НИОКР, а вуз выступает соучредителем или лицензиаром, передавая патенты в уставный капитал [2; 3]. Спин-офф нацелен на трансфер конкретных университетских технологий в реальный сектор. С учетом проблемы низкой коммерциализации разработок и экспортной активности в регионе вариант спин-оффов может быть эффективнее стартапов, поскольку предполагает использование интеллектуальной собственности вуза, а не только предпринимательской активности студентов и преподавателей.

Таблица 1. **Сравнение спин-оффов и стартапов**

Критерий	Спин-офф (University Spin-off)	Стартап при вузе (Student Startup)
Русскоязычный аналог термина	Выделенная компания. Дочерняя компания университета	Новое предприятие. Инновационный проект на начальном этапе развития. Стартап-проект. Стартап-компания
Источник идеи	Результат НИОКР (НИР)	Предпринимательская идея студентов
Права на ИС	Принадлежат университету	Принадлежат основателям
Роль университета	Соучредитель, совладелец, лицензиар	Акселератор, инкубатор, наставник
Цель	Коммерциализация научной разработки	Создание любого бизнеса
Риски	Высокие (наукоемкие технологии, долгий вывод на рынок)	Разные (от высоких до низких)
Пример	Выпускники вуза создали компанию на основе патента на лазер, купленного у института	Студент вуза сделал приложение для поиска авиабилетов
Влияние на рейтинг НТР регионов	Включается в категорию «стартапов», показатель 21, дополнительный показатель 8.	

Проблема практики студентов и дуального образования. Опыт Германии с системой дуального образования в 76 институтах Fraunhofer с 30 тыс. сотрудников показывает высокую эффективность интеграции вузов и производства[3]. Ее модель интеграции студентов в исследовательскую и производственную деятельность строится на нескольких взаимосвязанных уровнях (*табл. 2*).

Таблица 2. **Интеграции студентов в исследовательскую и производственную деятельность в дуальном обучении в Германии**

Механизм (на рус., англ., нем. языках)	Описание	Почему это эффективно
Дуальное обучение / Dual Studies / Duales Studium)	Студенты чередуют теоретическое обучение в вузе-партнере с практической работой в институте (обычно 3–4 дня в неделю на производстве). Оплата труда и зачет практики в учебном плане	Студент сразу применяет знания в реальных проектах; институт получает мотивированного будущего сотрудника; снижается разрыв между теорией и практикой
Студенты-исследователи / Student Research Assistants / Werkstudenten, Studentische Hilfskräfte	Студенты старших курсов работают на частичной занятости в исследовательских группах, участвуя в текущих проектах.	Раннее погружение в научную методологию; возможность «протестировать» карьеру в прикладной науке без обязательств

[3] OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2025 // OECD. 2025. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-science-technology-and-innovation-outlook-2025_5fe57b90-en/full-report/mobilising-science-technology-and-innovation-policies-for-transformative-change_7c5f5933.html (дата обращения: 14.04.2026); Research and development expenditure (% of GDP) // World Bank Open Data. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS (дата обращения: 14.04.2026); Германия: дуальное профессиональное образование // Handbook Germany. URL: https://handbookgermany.de/ru/vocational-training-dual (дата обращения: 14.04.2026); Особенности дуальной системы обучения в Германии // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 4. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=16303 (дата обращения: 14.04.2026); Dual Studies // Fraunhofer-Gesellschaft. – URL: https://www.fraunhofer.de/en/jobs-and-career/students_trainees.html (дата обращения: 14.04.2026).

Продолжение таблицы 2

Стажировки и дипломные работы / Internships & Theses / Praktika & Abschlussarbeiten	Краткосрочные (4–12 недель) и долгосрочные (более 6 месяцев) стажировки; выполнение бакалаврских/магистерских диссертаций на базе реальных задач институтов	Задачи формулируются совместно с индустриальными партнерами; результаты имеют прикладную ценность и часто внедряются
Школы талантов / Talent Schools / Experimentation Opportunities	Программы для школьников и студентов: летние школы, хакатоны, проектные недели	Ранняя профориентация; формирование интереса к инженерным и научным специальностям

Сравнение опыта Германии и Республики Башкортостан по организации практики студентов (*табл. 3*) выявило проблему: некоторые предприятия не заинтересованы в приеме студентов из-за необходимости наставничества и рисков утечки коммерческой информации. Опыт Германии может быть востребован для укрепления связи между вузами и предпринимательским сектором.

Таблица 3. **Различия реализации практики в Германии и России**

Фактор	Германия (Fraunhofer-модель)	Типичная ситуация в РФ
Финансирование практики	Студент получает зарплату как сотрудник; институт компенсирует затраты через гранты и контракты с бизнесом	Часто практика не оплачивается ни студенту, ни наставнику; расходы ложатся на вуз или студента
Содержание задач	Реальные исследовательские/инженерные задачи в рамках текущих проектов; результат может стать продуктом или патентом	Формальные задания («наблюдение», «ознакомление»), не связанные с реальными потребностями предприятия
Наставничество	Закрепленный куратор из числа научных сотрудников; регулярная обратная связь; оценка вклада в проект	Куратор (руководитель практики) назначается формально; взаимодействие эпизодическое; оценка по отчету, а не по результату
Карьерный лифт	Успешная стажировка – предложение о трудоустройстве – карьера в прикладной науке или индустрии	Отсутствие системной связи между практикой и последующим трудоустройством
Правовая база	Четкие договоры между вузом, институтом и студентом; регулирование прав на интеллектуальную собственность	Нормативная база есть, но механизмы реализации размыты; вопросы ИС часто остаются неурегулированными
Источник: Dual Studies // Fraunhofer-Gesellschaft. – URL: https://www.fraunhofer.de/en/jobs-and-career/students_trainees.html (дата обращения: 14.04.2026); Intellectual Property Management // Fraunhofer-Gesellschaft. – URL: https://www.fraunhofer.de/en/research/fraunhofer-as-an-employer/ip-management.html (дата обращения: 14.04.2026).		

Адаптация немецкого опыта в регионах России для повышения качества производственной практики предполагает не просто направление студентов на заводы, а создание особых учебных полигонов или «живых лабораторий» на базе предприятий с механизмами защиты интеллектуальной собственности. Примером такого индустриального трека служит Передовая инженерная школа «Моторы будущего» в Уфе, где тематики ВКР формируются с предприятиями-партнерами через форсайт-сессии, а задания на НИР становятся основой для магистерских диссертаций [1].

Библиографический список

1. Седикова Н.Б. [и др.]. (2024). Университетские кампусы как живые лаборатории // Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города. Т. 4. № 2. С. 183–200.
2. Bigliardi B. (2018). Start-ups and spin-offs: the role of business incubators. ICERI2018 Proceedings: 11th International Conference of Education, Research and Innovation. Valencia: IATED Academy, 3507–3516. DOI: 10.21125/iceri.2018.1784.
3. Gupte M.A. (2007). Success of University Spin-Offs: Network Activities and Moderators of the Spin-Off Process. 1st ed. Wiesbaden: Deutscher Universitäts-Verlag

Информация об авторе

Анна Викторовна Столь – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Академия наук Республики Башкортостан (Российская Федерация, 450077, г. Уфа, ул. Кирова, д. 15; e-mail: stolav@yandex.ru)

Stol A.V.

EXAMPLES OF BEST PRACTICES IN THE INTEGRATION OF EDUCATION AND SCIENCE WITH INDUSTRY

Abstract. *This article examines issues related to managing regional scientific and technological development through the lens of best international and domestic practices integrating education, science, and the real economy. The aim of the study is to identify promising mechanisms applicable to the Republic of Bashkortostan. Three types of practices are analyzed: living labs, spin-offs, and dual learning. Living labs are analyzed as open innovation ecosystems that enable testing solutions in real-world settings with user engagement. The spin-off model–university subsidiaries based on university intellectual property–is considered separately. Spin-offs are compared with student startups based on key criteria: source of idea, technology rights, the role of the university, risks, and impact on regional scientific and technological development rankings. Particular attention is paid to the dual learning model, using the example of Fraunhofer-Gesellschaft institutes in Germany. The article describes mechanisms for integrating the educational process and engaging students in research and development for the real economy: dual training, work as student research assistants, internships, and thesis work based on current enterprise challenges, as well as talent schools. A comparison with the typical situation in Russia is provided, revealing issues with funding, assignment formalization, the lack of a systematic link between internships and employment, and the unregulated nature of intellectual property rights. The Advanced Engineering School "Motors of the Future" in Ufa, where the topics for final theses are developed jointly with partner companies, is cited as a positive domestic example. It is concluded that it would be beneficial to adapt German experience by creating specialized training grounds and living labs at these companies.*

Keywords*: regional scientific and technological development, living labs, spin-offs, startup, dual education, intellectual property (IP).*

About the author

Anna V. Stol – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (15, Kirova Street, Ufa, 450077, Russian Federation; e-mail: stolav@yandex.ru)

References

1. Sedikova N.B. [et al.]. (2024). University Campuses as Living Laboratories. *Urbis et Orbis: Microhistory and Semiotics of the City*, 4(2), 183–200.
2. Bigliardi B. (2018). Start-ups and spin-offs: the role of business incubators. ICERI2018 Proceedings: 11th International Conference of Education, Research and Innovation. Valencia: IATED Academy, 3507–3516. DOI: 10.21125/iceri.2018.1784.
3. Gupte M.A. (2007). Success of University Spin-Offs: Network Activities and Moderators of the Spin-Off Process. 1st ed. Wiesbaden: Deutscher Universitäts-Verlag

УДК 332.1:338.11:379.85:504.062.4(73+430+71+510) / ББК 5.9

Шимановская М.В.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ МОНОПРОФИЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ: СТРАТЕГИИ, ИНСТРУМЕНТЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Аннотация. *В статье анализируется зарубежный опыт реструктуризации моногородов (США, Германия, Канада, Китай). Выделены стратегии диверсификации: реиндустриализация, туризация, экологическая реновация. Оценена применимость инструментов в российских условиях.*

Ключевые слова: *монопрофильные территории, зарубежный опыт, реструктуризация моногородов, диверсификация экономики, устойчивое развитие регионов.*

Устойчивое развитие монопрофильных территорий является одной из наиболее острых и сложных проблем современной региональной экономики. Несмотря на специфику отечественного институционального ландшафта, феномен зависимости города от градообразующего предприятия носит глобальный характер. Особый научный и практический интерес в данном контексте представляет исследование эволюции монотерриторий за рубежом: «company towns» в США, «Bergbaustädte» в Германии, «resource-based settlements» в Австралии и государственными индустриальными поселениями Китая. В мировой практике накоплен значительный опыт преодоления кризисных явлений, вызванных деиндустриализацией и трансформацией глобальных цепочек добавленной стоимости.

В зарубежной литературе и практике представлено широкое разнообразие подходов к решению проблем монопрофильных территорий [4]. Несмотря на различия в институциональных условиях (рыночные экономики, сильные частные корпорации, высокая роль региональных институтов), можно выделить несколько повторяющихся стратегических линий:

1. реиндустриализация и модернизация основного производства;
2. диверсификация через развитие малого и среднего бизнеса и кластеров;
3. преобразование промышленного наследия в ресурсы туризма и культуры;
4. экологическую реновацию и «зеленую» реструктуризацию;
5. создание «якорных» институтов (университеты, исследовательские центры) как драйверов нового развития.

Рассмотрим подробнее ключевые примеры и механизмы (*табл. 1*).

Таблица 1. **Зарубежный опыт преодоления кризиса монопрофильности**

Страна / Тип городов	Причина монопрофильности	Кризисный период	Основная стратегия выхода	Применимость к России
США / company towns [2]	Частная корпоративная зависимость	1950–1970-е (уголь, сталь)	Частичная конверсия, туристификация, музеефикация	Ограниченно применимо
Германия / Рурские шахтерские города	Государственно-корпоративный симбиоз	1960–1980-е	Диверсификация через университеты, креативные индустрии	Возможна в крупных центрах
Канада/ resource towns	Отдаленные промышленные анклавы	1980-е	Природно-экологический туризм, вторичная миграция	Актуально для Севера
Китай / индустриальные города	Государственно-плановая специализация	с 1980-х	Жесткая модернизация предприятий и перенос функций	Частично применимо

Рур (Германия)

Комплексная реструктуризация через культурные, экологические и институциональные интервенции. Рурская агломерация в Западной Германии стала классическим примером успешной трансформации угольно-сталелитейного региона. Стратегия включала масштабную программу реновации ландшафта (Emscher Park), развитие культурных инициатив (музеи индустриального наследия, фестивали), а также формирование сетей малых и средних предприятий в смежных секторах [1]. По мнению исследователей, успех Рура во многом обусловлен координацией на межуровневом уровне (федеральный – земельный – муниципальный), долгосрочностью инвестиций и умением конвертировать индустриальное наследие в культурный капитал. Инструменты: федеральное финансирование, программа реструктуризации угольных городов, программы перепрофилирования кадров, поддержка университетских инициатив.

Детройт и места деиндустриализации в США

Сложный и неоднозначный опыт диверсификации. Детройт как символ индустриального подъема и последующей депрессии демонстрирует сложности диверсификации в условиях крупного одного работодателя и сильной зависимости от глобальных цепочек добавленной стоимости [3]. Различные инициативы по привлечению стартапов, развитию креативных индустрий и реставрации городского центра дали частичные успехи, но трансформация шла фрагментарно и сопровождалась существенными социальными затратами. По мнению аналитиков, урок США заключается в необходимости сочетать поддержку местного предпринимательства, институциональные реформы и инвестиции в человеческий капитал; простая «культурная» реновация без экономических оснований не приводит к устойчивой диверсификации.

Угольные регионы в Великобритании и Франции

От производства к услугам и туризму. В постиндустриальных зонах Великобритании и Франции применялись программы закрытия нерентабельных шахт с параллельными мероприятиями по социальной защите, переквалификации и привлечению инвестиций в сферу услуг [6]. Опыт показывает, что развитие туризма (индустриальные музеи, туристические маршруты) может стать важной составляющей, но чаще всего туристический сегмент дополняет, а не заменяет экономическую базу. По мнению исследователей, туристический путь наиболее успешен в сочетании с другими мерами – созданием малых предприятий, привлечением образовательных учреждений и инфраструктурой для удаленной работы [7].

Канада и Австралия

Ресурсные города и «адресная» политика развития [5]. В Канаде (например, в районах добычи никеля или после закрытия шахт) применялись меры по экологической рекультивации, государственное субсидирование и программы переобучения. В Австралии resource towns подвергались политике циклической поддержки и инвестициям в логистику – но здесь климатические и географические ограничения предопределили акцент на корпоративных решениях и партнерстве с крупными компаниями. По мнению практиков, успех зависит от способности государств создавать «мосты» к новым секторам экономики, например за счет развития экологического и приключенческого туризма в соседних территориях.

Китай

Государственно-мобилизованная модернизация монопрофильных городов. Китай демонстрирует иной путь: при значимых ресурсах центральной власти возможна быстрая перенастройка промышленных производств, перенос производственных мощностей и создание новых промышленных парков. Однако такой путь требует значительных финансовых и политических ресурсов и не всегда переносим на контексты с более ограниченной фискальной емкостью, как в России. По мнению наблюдателей, китайская модель полезна с позиций скорого обновления производственной базы, но она менее применима там, где необходима преемственность социальных институтов и экологическая реконструкция [8].

Таблица 2. **Зарубежный опыт реструктуризации монопрофильных территорий и возможности адаптации в российских условиях**

Страна / регион	Тип монопрофильности	Основные инструменты преобразования	Роль туризма и культуры	Ключевые результаты	Возможность адаптации в РФ / Пермском крае
Рур (Германия)	Угольная и металлургическая промышленность	· Государственно-региональные программы реструктуризации · Экологическая реновация территорий · Преобразование заводов в музеи / парки	Индустриальный туризм, фестивали, культурные маршруты	Стабилизация занятости, привлечение инвестиций, рост внутреннего туризма	Высокая применимость: Пермские моногорода имеют схожую индустриальную материальную базу
Детройт (США)	Автомобилестроение	· Поддержка малого бизнеса · Креативная реновация центра · Частные фонды и венчурные проекты	Культурные мероприятия, арт-кварталы	Частичный успех, но высокая социальная поляризация	Частичная применимость: требует сильного частного сектора, ограниченно для РФ
Угольные регионы Великобритании (Йоркшир, Уэльс)	Добывающая промышленность	· Закрытие нерентабельных шахт · Программы переквалификации · Создание тематических парков	Индустриальные музеи, парки-аттракционы	Умеренный успех, сильная зависимость от поддержки государства	Возможна адаптация: музейные маршруты на базе карьеров / шахт (напр. Соликамск)
Канада (Онтарио, Манитоба)	Горнодобывающие города	· Инфраструктурные инвестиции · Социальные гранты для общин · Поддержка этнотуризма	Экотуризм, исторический туризм	Устойчивое развитие малых городов, улучшение качества среды	Применимо: этнокультурные маршруты и экотуризм в Пермском крае
Австралия (resource towns)	Шахтерские и горнодобывающие поселения	· Корпоративно-государственное партнерство · Переход на сервисные функции · Локальная логистика	Экотуризм, приключенческий туризм	Сокращение зависимости от добычи	Частичная применимость: требует присутствия крупных компаний – возможно в городах Прикамья
Китай (индустриальные зоны)	Заводские города и ВПК	· Масштабная государственная модернизация · Создание индустриальных парков	Туризм второстепенен, акцент на производстве	Быстрая диверсификация, но высокая директивность	Ограниченная применимость: возможна для «госкорпоративных» городов РФ

Обобщая зарубежную практику, можно выделить следующие инструменты и принципы, которые оказываются эффективными в тех или иных сочетаниях:

– многоуровневая координация и долгосрочное планирование (федеральная и региональная кооперация);

– финансовые механизмы (специальные фонды реструктуризации, гранты, налоговые стимулы);

– институциональные якоря (университеты, исследовательские центры, DMO) как стабилизаторы;

– рекультивация и экологическая реставрация как условие для развития рекреации;

– работа с индустриальным наследием (музеи, индустриальный туризм, креативные кластеры);

– фокус на человеческом капитале: переквалификация, создание условий для малого бизнеса;

– комбинация мер: туризм сам по себе редко «спасает» город, но в сочетании с другими мерами он становится важным компонентом диверсификации.

Библиографический список

1. Быстрова Т.Ю. (2014). Парк Эмшер: принципы и приемы реабилитации промышленных территорий // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. № 2. С. 9–14.
2. Ulyanychev M.A. (2020). The Phenomenon of Company Towns: Specific Features of Their Genesis and Development. *RUDN Journal of Public Administration*, 7(2), 118–123.
3. Ганин О.Б. (2023). Российский и зарубежный опыт преодоления депрессивности территорий // Регионы в политике, политика в регионах. Политическая наука: Ежегодник-2023. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет. С. 175–200.
4. Глебова А.Г., Зеленский В.Н., Лазарева А.С. (2022). Проблемы моногородов: мировой опыт и российская практика // Вестник университета. № 11. С. 86–93.
5. Кулай С.В. (2019). Зарубежный опыт модернизации и реструктуризации экономики моногородов // Государственное управление. Электронный вестник. № 73. С. 224–248.
6. Оборин М.С., Фролова Н.В., Мальцева М.А. (2018). Туристско-рекреационная деятельность как фактор диверсификации экономики моногородов региона // Сервис в России и за рубежом. Т. 12. № 4 (82). С. 16–26.
7. Севастьянова А.Е. (2018). Стратегические аспекты диверсификации и модернизации экономики моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. № 2. С. 139–145.
8. Урожаева Т.П. (2016). Моногорода в 1980–1990-е годы: зарубежный, российский и региональный опыт решения социально-экономических проблем // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 3 (156). С. 35–39.

Информация об авторах

Мария Валерьевна Шимановская – аспирант, старший преподаватель, ПГНИУ (Российская Федерация, 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; e-mail: mariashimshim@yandex.ru)

Матвей Сергеевич Оборин – доктор экономических наук, профессор Пермского института (филиала) РЭУ имени Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 614072, г. Пермь, б-р Гагарина, д. 57; e-mail: recreachin@rambler.ru)

Shimanovskaya M.V.

FOREIGN EXPERIENCE IN RESOLVING THE PROBLEM OF SINGLE-INDUSTRIAL TERRITORIES: STRATEGIES, TOOLS, AND RESULTS

Abstract. *This article analyzes international experience in restructuring single-industry towns (USA, Germany, Canada, China). Diversification strategies are highlighted: reindustrialization, tourism, and environmental renovation. The applicability of these tools to Russian conditions is assessed.*

Keywords: *single-industry towns, international experience, single-industry town restructuring, economic diversification, sustainable regional development.*

About the authors

Maria V. Shimanovskaya – Postgraduate Student, Senior Lecturer, Perm State National Research University (15, Bukireva Street, Perm, 614068, Russian Federation; e-mail: mariashimshim@yandex.ru)

Matvey S. Oborin – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Perm Institute (branch) of the Russian Economic University named after. G.V. Plekhanov (57, Gagarin Boulevard, Perm, 614072, Russian Federation; e-mail: recreachin@rambler.ru)

References

1. Bystrova T.Yu. (2014). Emscher Park: Principles and Methods of Rehabilitation of Industrial Territories. *Academic Bulletin of UralNIIproekt RAASN*, 2, 9–14.
2. Ulyanychev M.A. (2020). The Phenomenon of Company Towns: Specific Features of Their Genesis and Development. *RUDN Journal of Public Administration*, 7(2), 118–123.
3. Ganin O.B. (2023). Russian and Foreign Experience in Overcoming Territorial Depression. Regions in Politics, Policy in the Regions. Political Science: Yearbook-2023. Perm: Perm State National Research University. 175–200.
4. Glebova A.G., Zelensky V.N., Lazareva A.S. (2022). Problems of single-industry towns: global experience and Russian practice. *Bulletin of the University*, 11, 86–93.
5. Kulay S.V. (2019). Foreign experience of modernization and restructuring of the economy of single-industry towns. *Public administration. Electronic Bulletin*, 73, 224–248.
6. Oborin M.S., Frolova N.V., Maltseva M.A. (2018). Tourist and recreational activities as a factor in the diversification of the economy of single-industry towns in the region. *Service in Russia and abroad*, 12, 4(82), 16–26.
7. Sevast'yanova A.E. (2018). Strategic aspects of diversification and modernization of the economy of single-industry towns. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences*, 2, 139–145.
8. Urozhaeva T.P. (2016). Single-industry towns in the 1980s-1990s: foreign, Russian and regional experience in solving socio-economic problems. *Scientific notes of Petrozavodsk State University*, 3(156), 35–39.

УДК 33.025 / ББК 65.050.1

Яковченко А.А.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПОСТРОЕНИЮ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. *Рассмотрены особенности и стадии построения механизма государственного регулирования научно-технологического развития Донецкой Народной Республики, предложен концептуальный подход к его реализации на основе принципов комплексности, системности, научной обоснованности и объективности.*

Ключевые слова: *научно-технологическое развитие, регион, механизм, государственное регулирование.*

В настоящее время разработка и реализация механизма государственного регулирования научно-технологического развития Донецкой Народной Республики (ГР НТР ДНР) имеет первостепенное значение, поскольку новый субъект Российской Федерации находится на стадии восстановления экономики и социальной сферы, их интеграции в правовое и институциональное поле большой страны, ищет пути формирования и реализации научно-производственного потенциала. При этом определение приоритетов научно-технологического развития региона необходимо осуществлять в четкой взаимосвязи с выбранными направлениями социально-экономического развития Донецкой Народной Республики. Указанные направления, в первую очередь, должны исходить из «больших вызовов», стоящих перед всем миром, Российской Федерацией и ее отдельными субъектами, а во вторую очередь, определяться природно-ресурсным, производственным, инновационно-институциональным и финансово-экономическим потенциалами региона[1] [1, с. 84].

Большие вызовы, стоящие перед всем миром, на сегодняшний день включают [2, с. 38–40]:

– военно-политические процессы и конфликты;
– демографические вызовы (миграционные процессы);
– энергобезопасность;
– продовольственную безопасность;
– цифровую, информационную и интеллектуальную безопасность;
– социальное расслоение общества;
– антропогенную нагрузку на окружающую среду и экологическую безопасность.

Таким образом, стратегию социально-экономического развития Донецкой Народной Республики в целом и ее научно-технологического развития в частности необходимо выстраивать в контексте превентивного решения указанных глобальных проблем, а также с учетом имеющейся материально-технической базы региона, специализации промышленного производства и опыта отраслевой кооперации, кадровой обеспеченности и источников формирования финансовых ресурсов.

Систематизация известных определений понятия «научно-технологическое развитие» выполнена в работе О.В. Карсунцевой [3, с. 81]. В соответствии со Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации под научно-технологическим развитием понимается трансформация науки и технологий в ключевой фактор развития России и обеспечения способности страны эффективно отвечать на большие вызовы. Большинство ученых под научно-технологическим развитием понимают «качественные изменения в технологическом базисе экономики, приводящие к экономическому росту», при этом указанные изменения происходят путем: «развития фундаментальной и прикладной науки, технологий, производства инновационной продукции за счет использования существующего научно-технологического потенциала» (по мнению Е.А. Мазилова); «развития науки, создания и использования прогрессивных технологий, производства высокотехнологичной продукции (товаров, услуг)» (по мнению Г.П. Белякова, А.Н. Кочемаскина); «создания инноваций и их коммерциализации» (по мнению К.К. Нурашевой).

[1] О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145

Научно-технологическое развитие рассматривается в качестве одной из составляющих развития в целом, целью которого является создание и увеличение потенциала знаний, как фундаментальных, так и прикладных, а также создание на их основе новых технологий, продуктов, процессов, организационных форм, институтов, способствующих росту национальной конкурентоспособности в условиях обострения глобального соперничества (по мнению К.А Хубиева).

Представляет интерес определение, данное О.В. Карсунцевой: «Научно-технологическое развитие – качественное преобразование технологического базиса в экономике, результатом которого является последовательное замещение одного технологического пата другим, принципиально меняющее структуру производительных сил общества, благодаря повышению эффективности использования и развития научного и технико-технологического потенциалов» [3, с. 81]. Под технологическим патом при этом понимается состояние, при котором «инновационные изменения исчерпывают свои потенциальные возможности», происходит замедление развития, имеет место застой и, по сути, остановка в экономическом и технологическом развитии (по мнению Г. Менша).

Рассматривая особенности Донецкой Народной Республики, вынужденное развитие региона в условиях военных действий и экономической блокады в качестве непризнанного государства, существенное сокращение выпуска продукции базовых отраслей промышленности в этот период, возникновение технологического отставания как по сравнению с общероссийским, так и с мировым уровнем, а также современные нюансы в определении промышленной специализации в качестве субъекта Российской Федерации, можно предположить, что предстоящий этап будет являться прорывом в научно-технологическом развитии, то есть вектором возрастания в переходе региональной научно-технологической и экономической системы «от одного технологического пата к другому» [3, с. 80–81].

Общая схема построения механизма государственного регулирования научно-технологического развития Донецкой Народной Республики представлена на *рис. 1*. и предполагает реализацию трех основных стадий: концептуальную, законодательного утверждения и практической реализации. На первой, концептуальной стадии, необходима формулировка стратегической цели ГР НТР ДНР, его задач, принципов, функций, уровней, направлений и инструментов. А также разработка проектов Концепции НТР ДНР, Стратегии НТР ДНР, новых нормативно-правовых актов (НПА), внесений изменений и дополнений в действующие НПА в сфере нормативно-правового регулирования НТР ДНР и обсуждение проектов новых НПА в среде представителей федеральных, региональных и муниципальных органов государственной власти, научно-образовательного сообщества и бизнеса, предприятий реального сектора. Вторая стадия предполагает законодательное утверждение проектов НПА, получивших одобрение, в соответствии с действующим порядком. На третьей стадии государственное регулирование научно-технологического развития Донецкой Народной Республики осуществляется на практике.

Следует отметить, что на первой стадии целесообразно предлагать, а на второй стадии вносить изменения как в действующие НПА, так и разрабатывать новые, при этом корректируя функции и полномочия субъектов ГР НТР ДНР (региональных и муниципальных органов государственной власти), внедряя действенные инструменты в каждом из выбранных направлений, которые будут регулировать и стимулировать профессиональную деятельность субъектов НТР ДНР (участников научно-образовательной, научно-технической, инновационно-производственной, сбытовой и других видов деятельности).

ГР НТР ДНР предлагается осуществлять на основе концептуального подхода, аналогичного предложенному нами в работе [4, с. 100–102], на основе комплексного сегментарного государственного регулирования, предполагающего выделение сегментов на пересечении уровней, направлений и объектов такого регулирования, и разработки отдельных пакетов мер воздействия для каждого сегмента, с последующим их корректированием и обобщением для региона в целом.

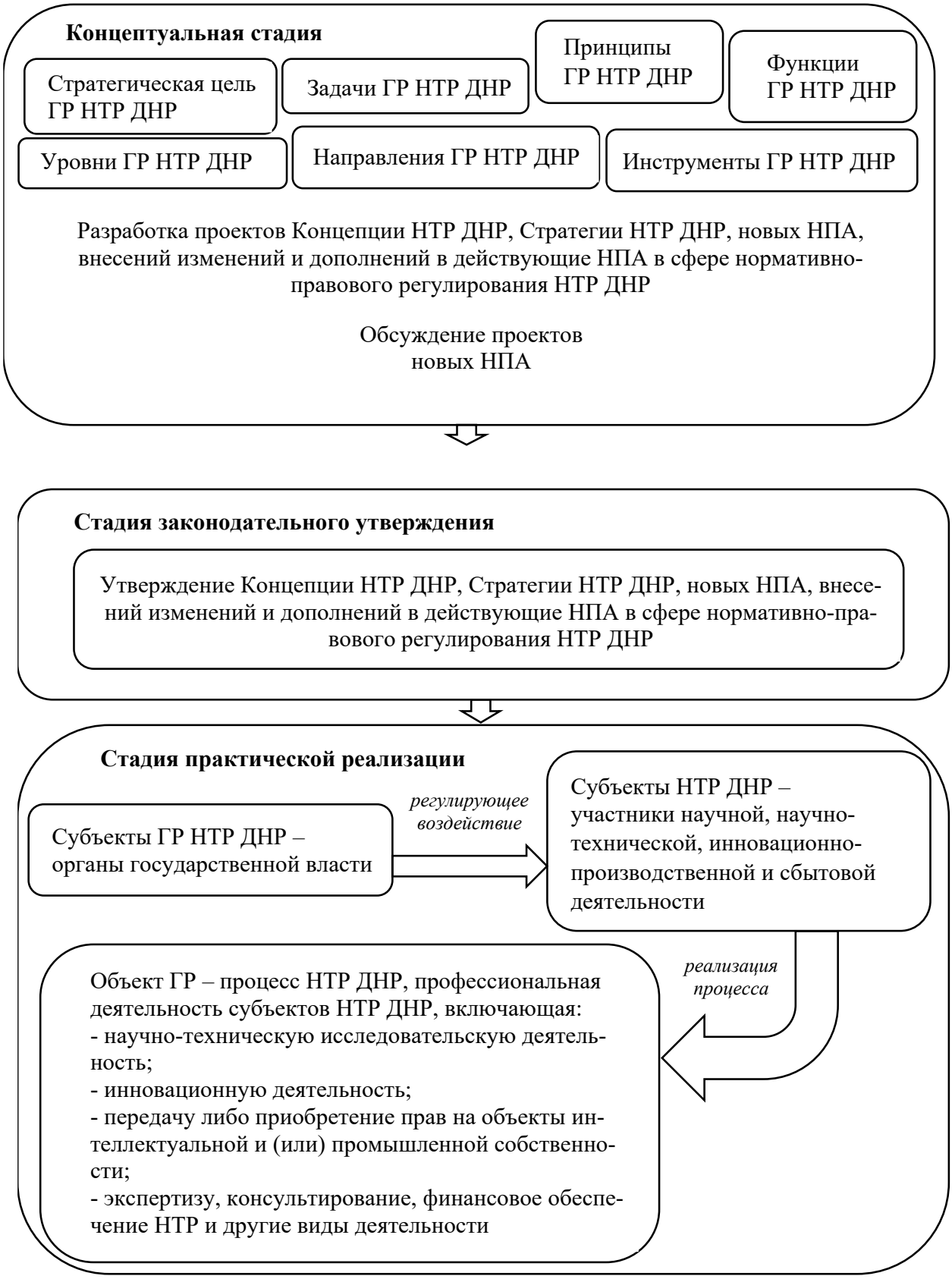

Рис. 1. **Общая схема построения механизма государственного регулирования научно-технологического развития Донецкой Народной Республики**

Источник: составлено автором.

Таким образом, построение механизма государственного регулирования научно-технологического развития Донецкой Народной Республики на основе реализации стадий, представленных на рисунке, и описанного концептуального подхода, позволит обеспечить принципы комплексности, системности, научной обоснованности и объективности.

Библиографический список

1. Имяреков С.М. (2025). Научно-технологический ответ Республики Мордовия на большие вызовы современности // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. № 3. С. 81–94.
2. Семин А.Н., Сбитнев Н.А. (2024). Стратегические проблемы и большие вызовы планетарного характера: анализ и прогнозы // Теория и практика мировой науки. № 4. С. 38–41.
3. Карсунцева О.В. (2023). Основные понятия и экономическая сущность научно- технологического развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 12–1. С. 77–82.
4. Омельянович Л.А., Беляева Е.В., Верич Ю.Л. [и др.]. Финансовая глобализация и финансовая безопасность государства в современных условиях. Самара: «Поволжская научная корпорация». 257 с.

Информация об авторе

Анна Александровна Яковченко – ведущий экономист, Институт экономических исследований (Российская Федерация, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, д. 77; e-mail: econri@mail.ru)

Yakovchenko A.A.

STAGES OF DEVELOPMENT OF THE MECHANISM OF STATE REGULATION SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Abstract. *The features and stages of the construction of the mechanism of state regulation of scientific and technological development of the Donetsk People's Republic are considered, a conceptual approach to its implementation based on the principles of complexity, consistency, scientific validity and objectivity is proposed.*

Keywords: *scientific and technological development, region, mechanism, state regulation.*

About the author

Anna A. Yakovchenko – Leading Economist, Economic Research Institute (77, Universitetskaya Street, Donetsk, 283001, Russian Federation; e-mail: econri@mail.ru)

References

1. Imyarekov S.M., Tolmachev I.V., Doldosheva A.N. (2025). Scientific and technological response of the Republic of Mordovia to the great challenges of our time. *Bulletin of the Moscow University of Finance and Law*, 3, 81–94.
2. Semin A.N., Sbitnev N.A. (2024). Strategic issues and major challenges of a planetary nature: analysis and forecasts. *Theory and practice of world science*, 4, 38–41.
3. Karsuntseva O.V. (2023). Basic concepts and the economic essence of scientific and technological development. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 12-1, 77–82.
4. Omelyanovich L.A., Belyaeva E.V., Verich J.L. [et al.]. (2023). Financial globalization and financial security of the state in modern conditions. Samara: “Volga Region Scientific Corporation”.

Электронное научное издание

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Материалы XI международной научно-практической интернет-конференции
г. Вологда, 18–21 мая 2026 г.

Редакционная подготовка	О.В. Лебедева
Оригинал-макет	О.Я. Байрамов

Материалы публикуются в авторской редакции
Подписано к использованию. 2026. Тираж 300 экз. Усл. печ. л. 42,7. Зак. № .
Электронный текст. дан. (6969 Кб)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)

ISBN 978-5-93299-677-5

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ВолНЦ РАН
Тел. (8172) 59-78-10, e-mail: common@volnc.ru